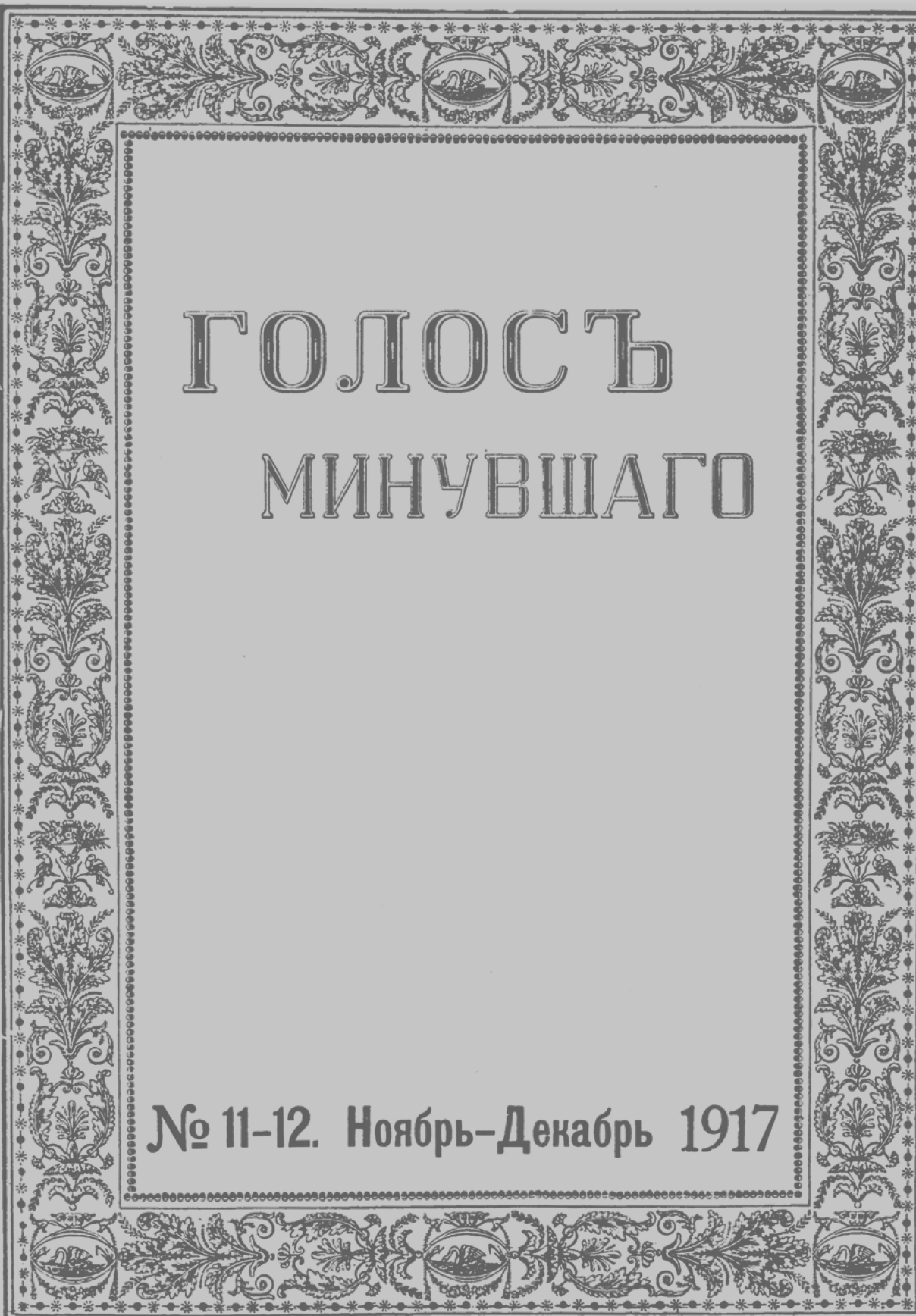

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 11-12. Ноябрь-Декабрь 1917

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. С. Р. Мицловъ. Дневникъ. 1905—1906 г.г.	5
II. А. Шометтъ. 1792 годъ. Перев. И. М. Хераскова. . .	80
III. М. А. Цявловскій. Разказы А. О. Смирновой въ записи Я. П. Полонскаго.	142
IV. Кн. В. М. Голицынъ. Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ. . .	173
V. В. Е. Евгеньевъ. Цензурная практика въ годы Крымской войны . . .	241
VI. В. Александровскій. Полвѣка среди духовенства.	279
VII. Л. О. Пантелѣевъ. Къ матеріаламъ объ изданіи сочиненій Герцена.	293
VIII. П. А. Аккерманъ. Въ штабѣ дивизіи.	298
IX. Критика и библиографія. Б. Д. О е д о р е в ъ. Календарь русской революціи. Подъ общей редакціей В. Л. Бурцева. В. Н. Перцевъ. Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Н. И. Карѣвъ. Б. А. Кистяковский. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. К. Н. Успенскій. Проф. Р. Випперъ. Исторія Греціи въ классическую эпоху. М. М. Клевенскій. И. С. Тургеневъ. Поэтъ. Поэма съ предисл. Н. Л. Бродскаго.	341
X. Указатель къ «Голосу Минувшаго» за 1916 г. (Составленъ В. Е. Сыроѣчковскимъ).	358

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія V)

*Свѣтлой памяти
В. И. Семевскаю.*

№ 11—12. НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ. 1917.

М О С К В А.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ Сѣрастной бульв., Путинковскій пр., д. № 3.
1 9 1 7.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
I. С. Р. Минцловъ. Дневникъ. 1905—1906 г.г.	5
II. А. Шометтъ. 1792 годъ. Перев. И. М. Хераскова. . .	80
III. М. А. Цявловскій. Разказы А. О. Смирновой въ записи Я. П. Полонскаго.	142
IV. Кн. В. М. Голицынъ. Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ	173
V. В. Е. Евгеньевъ. Цензурная практика въ годы Крымской войны	241
VI. В. Александровскій. Полвѣка среди духовенства.	279
VII. Л. О. Пантелѣевъ. Къ матеріаламъ объ изданіи сочиненій Герцена.	293.
VIII. П. А. Аккерманъ. Въ штабѣ дивизіи.	298
IX. Критика и библіографія. Б. 'Д. 'О е д о р о в ъ. Календарь русской революціи. Подъ общей редакціей В. Л. Бурцева. В. Н. П е р ц е в ъ. Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Н. И. ' К а р ѣ е в ъ. Б. А. Кистяковский. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. К. Н. У с п е н с к і й. Проф. Р. Випперъ. Исторія Греціи въ классическую эпоху. М. М. К л е в е н с к і й. И. С. Тургеневъ. Попъ. Поэма съ предисл. Н. Л. Бродскаго.	341.
X. Указатель къ «Голосу Минувшаго» за 1916 г. (Составленъ В. Е. Сыроѣчковскимъ).	358

Дневникъ¹⁾.

1905 годъ.

3 января. Забастовалъ Путиловскій заводъ. По слухамъ неспокойно и на Франко-Русскомъ, изготовляющемъ машины для флота.

4 января. Забастовалъ Франко-Русскій заводъ.

Въ Питерѣ въ числѣ другихъ находится корреспондентъ-англичанинъ, командированный сюда для спеціальнаго наблюденія за возникшими общественными движеніями; съ грѣхомъ пополамъ онъ объясняется по-русски и очень негодуетъ на наши привычки. «Помилуйте»,—говоритъ,—«вездѣ въ 11 ч. люди уже въ постеляхъ, а здѣсь къ одиннадцати часамъ начинаютъ только съѣзжаться». Корреспондентъ этотъ торчитъ на всѣхъ нашихъ «мизингахъ» и собраніяхъ, внимательно выслушиваетъ ораторовъ и все заноситъ въ свою книжку.

5 января. Не работаютъ уже шесть заводовъ. Оригинальнѣе всего, что стачка эта ведется подъ руководствомъ какого-то священника, шествующаго всюду во главѣ депутацій. Пока что протекаютъ онѣ мирно. По газетнымъ сообщеніямъ причина ихъ—домашніе счеты съ администраціей; городскіе слухи добавляють нѣкоторый плюсъ, а именно—недовольство рабочихъ тѣмъ, что 80-ти милліонный заказъ данъ правительствомъ Германіи, тогда какъ собственныя, русскіе заводы вынуждены на половину сокращать дѣятельность и штаты. Конечно не сами рабочіе додумались до этого; среди нихъ давно ведется оживленная агитація,

Интересны результаты пропаганды въ Малороссіи. Въ Полтавской губерніи запасные не хотѣли идти и были потѣшныя, хотя по существу глубоко вѣрныя, замѣчанія съ ихъ стороны.

— За що намъ идты воеваты?—спрашивали хохлы.

— Какъ за что? За вѣру, царя и отечество!

— Яка тамъ віра? Бусурманска; отечества нема—тамъ Кытай; и царя нема—винъ тамъ рендатель!.. (арендаторъ).

См. «Гол. Мин.» № 9—10. 1917 г.

6 января. Яковлевъ (Николай Матвѣевичъ, бывший командиръ броненосца «Петропавловскъ»), только что вернувшійся изъ дворца съ Крещенскаго парада, сообщилъ, что во время салюта съ Васильевскаго острова—тамъ были поставлены гвардейскія батареи—вдругъ зазвенѣли и посыпались въ залъ, гдѣ онъ стоялъ, стекла и куски люстры. На полу онъ нашелъ потомъ крупную картечину. На улицѣ въ толпѣ произошелъ переполохъ, оказались раненные. По ошибкѣ ли, или преднамѣренно какое-то орудіе вмѣсто холостого зарядахватило по Іордани, гдѣ находился государь, картечью. Бѣдняги артиллеристы поплатятся жестоко!

Очень озабочены охраной Балтійскаго судостроительнаго завода отъ забастовки; предполагено послать въ него военную команду.

8 января. Сегодня не вышло ни одной газеты—все забастовало.

Толпы рабочихъ весьма чинно расхаживали вчера по улицамъ, заходили на фабрики и даже въ небольшія заведенія вродѣ переплетныхъ, сапожныхъ и т. п. и вездѣ прекращали работу. Извозчикъ, на которомъ я ѣхалъ утромъ на Варшавскій вокзалъ, сообщилъ, что часовъ въ шесть утра слышенъ былъ сильный взрывъ, но гдѣ онъ произошелъ—неизвѣстно. Я ѣздивъ въ Лугу, на всѣхъ станціяхъ ожидали съ нашимъ поѣздомъ газетъ и оживленно допрашивали, что творится въ городѣ; на обратномъ пути слышалъ толки въ вагонѣ, будто убитъ градоначальникъ, и что завтра, въ воскресенье, ожидаются безпорядки. На Пороховыхъ заводахъ забастовали тоже; вѣроятно тамъ происходитъ что-нибудь особенное, такъ какъ туда поскакали жандармскій эскадронъ и конная полиція. Это первая грандіозная забастовка на Руси; рабочихъ здѣсь цѣлая армія, и нужно очень немного, чтобъ разразился бунтъ.

Въ вагонахъ Варшавской дороги грязь была невѣроятная; спрашиваю истопника—почему это?—Тотъ отвѣтилъ, что никто изъ чистильщиковъ не явился; въ мастерской рабочіе забастовали тоже и даже пробовали устроить прекращеніе движенія поѣздовъ, но это не удалось имъ. Истопникъ съ большимъ возмущеніемъ сообщилъ мнѣ объ отношеніяхъ къ нимъ начальства и порядкахъ у нихъ. Дѣйствительно скоты! Напр., его отправили съ поѣздомъ запасныхъ въ Иркутскъ, онъ пробылъ безсмѣнно въ дорогѣ 2 мѣсяца, и не потрудились выдать впередъ жалованья; предупредили о такомъ назначеніи за 4 часа и не успѣй онъ перехватить у товарища 10 р., или не найди ихъ—«подохъ бы съ голода какъ собака» (его выраженіе). По выраженію лица и голоса видно было, что человекъ не вретъ, а глубоко, всѣмъ нутромъ чувствуетъ это отношеніе къ нему, какъ къ собакѣ. Затѣмъ—

новый начальникъ дороги вдругъ распорядился, чтобы за кипяткомъ, раньше выдававшійся служащимъ на станціяхъ бесплатно, взыскивали по 1 коп. за чайникъ; за поѣздку это составить добрый гривенникъ, что бѣдному человѣку, получающему ихъ въ обрѣзъ, чувствительно. Кромѣ того, тотъ же начальникъ велѣлъ уменьшить скидку, которою служащіе пользовались въ буфетахъ...

Словомъ, вездѣ и всюду безпредѣльное проявленіе «идраву моему не препятствуй: жалаю и конецъ!»

9 января. Изъ газетъ вышелъ только «Правительственный Вѣстникъ», такой же пустой, какъ и само правительство.

Въ часъ дня отправился посмотрѣть, что творится на Невскомъ; швейцаръ сообщилъ мнѣ, что утромъ съ ближайшихъ фабрикъ валила толпа, но на Кирилловской ул. ихъ встрѣтили казаки и, несмотря на мирныя заявленія рабочихъ, что они идутъ къ царю, заставили ихъ свернуть въ боковыя улицы.

Вышелъ изъ подъѣзда, вижу по Суворовскому проспекту; гдѣ стоятъ спѣшившись, держа коней въ поводу, гдѣ разъѣзжаютъ отряды драгунъ въ красныхъ фуражкахъ; перекрестки Невского охраняли пѣшія и конныя заставы, приблизительно по взводу пѣхоты и по полуэскадрону кавалеріи; солдатики, по случаю вѣтра и мороза, развели костры и выплясывали около нихъ; во дворахъ по 1-й Рождественской улицѣ стояли походныя кухни. Конечно, движеніе по Невскому было прекращено. Взялъ извозчика и велѣлъ ѣхать къ Адмиралтейству; народа въ томъ направленіи шло много, но оборванцевъ и пьяныхъ видно не было; фабричные, всѣ принаряженные и выглядѣвшіе очень прилично, попадались на каждомъ шагу; иные, по-двое, ѣхали на извозчикахъ. У Полицейскаго моста движеніе по панелямъ было невозможно; народъ стоялъ густой стѣной, многіе взобрались даже на перила и оттуда смотрѣли, что происходитъ впереди. Вереницы экипажей плелись шагъ за шагомъ, и на углу Морской, запруженной съ обѣихъ сторонъ, остановились окончательно: у Александровскаго сада ихъ не пропускали; подъ аркой главнаго штаба чернѣла особенно густая полоса толпы; я отпустилъ извозчика и направился туда посмѣтрѣть на Дворцовую площадь. Криковъ и особеннаго шуму не было, толпа вела себя чинно. Втиснулся въ самую гущу подъ аркой и увидалъ, что площадь пуста; близъ дворца, спѣшенныя, стояли какіе-то войска; ни со стороны Милліонной, ни изъ-подъ арки никого на площадь не пропускали; выѣзды изъ улицъ охраняли эскадроны конно-гвардейцевъ. Постоявъ нѣсколько минутъ и видя, что все болѣе чѣмъ мирно, я рѣшилъ зайти со стороны Милліонной: оттуда, рассказывали, раздавались крики; и одинъ изъ эскадроновъ,

обнаживъ палаши, поскакалъ туда. Только что успѣлъ я завернуть за уголъ Невского, вдругъ позади раздались вопли; опрометью понеслись съ Морской, хлеща лошадей, извозчики, собственные экипажи, люди; я прижался въ выемкѣ стѣны къ двери табачнаго магазина Елисеѣва и пропустилъ мимо ошалѣвшую толпу; были въ ней и студенты, и простонародье, и барышни, сующіяся вездѣ, гдѣ имъ не слѣдуетъ быть. Затѣмъ бросился назадъ къ углу и увидалъ, что конногвардейцы, очистивъ арку и часть Морской, шагомъ возвращаются обратно; бить, очевидно, никого не били, а только напугали. Не успѣлъ я взойти на Полицейскій мостъ—со стороны Александровскаго сада грохнулъ залпъ; минуту спустя—другой. «Холостыми это, холостыми палить», заговорили кругомъ, но мнѣ они показались не холостыми: совсѣмъ другой звукъ у послѣднихъ. На набережной Мойки кучами чернѣли рабочіе; иные вели зажигательныя рѣчи; особенное вниманіе мое привлекла какая-то женщина-брюнетка, въ платкѣ и черной кофтѣ поверхъ желтаго платья. Она металась отъ одной кучки къ другой и все спрашивала: «гдѣ нашъ-то союзъ? Не выдавайте, братцы, что же вы? Идемте!» Противъ придворной капеллы, у моста, толпа была возбужденнѣе; раздавался свистъ и крики; противъ нея, загораживая весь проѣздъ ко дворцу, стояли ряды конногвардейцевъ; нѣсколько человѣкъ изъ толпы были вывалены въ снѣгу; одного, сильно помятаго, усадили на извозчика и повезли прочь—ихъ сбила съ ногъ конница во время атаки; по говору кругомъ, солдаты били не плашмя, а какъ слѣдуетъ. Какъ всегда, было много трусовъ, мѣвшихся и вполголоса уговаривавшихъ наиболѣе горячихъ: «да брось, пойдемъ лучше отсюда», но были и прямо вдохновенные типы; одинъ, еще молодой парень, сталъ среди моста и, потрясая кулаками, кричалъ: «пуцай убьютъ! Все едино конецъ, скорѣй будетъ!»

Солдаты колыхались на своихъ огромныхъ коняхъ и только поглядывали, но никто, даже полицейскій, находившійся рядомъ, не тронулъ его. Разогнанная всего за нѣсколько минутъ назадъ толпа все прибывала; видѣлъ двухъ студентовъ, вполголоса говорившихъ: «только спокойно держитесь, братцы, помните—главное спокойствіе!» Нѣкоторые изъ вновь подходившихъ рабочихъ здоровались съ ними, какъ съ знакомыми; очевидно, движеніе это не безъ руководства, и студенчество не безпричастно къ нему.

Постоялъ въ толпѣ минутъ съ десять, послушалъ озлобленный говоръ и направился къ Марсову полю; за мной раздался вой и крики; оглянувшись, и вижу, что кавалерія, блестя палашами, летитъ на мостъ, и толпа бѣжитъ вразсыпную. Противоположная

сторона Мойки, сплошь залитая народомъ, всколыхнулась и загудѣла. Послышались свистки, ругань. «Убийцы, убійцы! Подлецы! Палачи! неистово орали десятки голосовъ, а гг. конно-гвардейцы, во главѣ съ сытыми, толсторожими офицерами, уже шагомъ слѣдовали подъ этотъ концертъ по противоположному берегу, окончательно очищая его отъ публики.

У придворно-конюшенныхъ зданій и на Марсовомъ полѣ стали обгонять меня извозчики съ ранеными; стрѣльба, какъ и показалось мнѣ, была настоящая. Безпомощно прислонившіеся къ сопровождавшимъ фигуры въ черныхъ пальто съ кровавыми пятнами то спереди, то сбоку производили тяжелое впечатлѣніе: рабочіе, кучками стоявшіе по дорогѣ къ Цѣпному мосту и видѣвшіе ихъ, возбужденно грозили по направленію дворца кулаками; одна женщина разрыдалась и крича: «что-жъ это дѣлають съ нами? Жить не даютъ, да и бьютъ еще?»—разразилась проклятіями. Много я ихъ наслушался за сегодняшний день! Одинъ извозчикъ, везшій безчувственного раненаго, самъ, видимо, взволнованный, громко пояснялъ останавливавшимся встрѣчнымъ: «раненаго везу; пулей вдарило; у Ликсандровскаго саду палили!» Извозчиковъ съ такими поклажами проѣхало мимо меня четверо. Полиція вела себя удивительно галантно и ни во что не вмѣшивалась: сегодня обычную ея роль исполняли военные.

Фамилія священника, руководившаго и вдохновлявшаго рабочихъ—о. Георгій Гапонъ: говорятъ, личность исключительная и пользующаяся среди нихъ популярностью почти до значенія пророка. Третьяго дня происходило на Васильевскомъ островѣ громадное сборище рабочихъ; свящ. Гапонъ съ возвышенія благословлялъ всѣхъ крестомъ, и многочисленная толпа присягнула «стоять до конца другъ за друга».

Говорятъ, что въ ночь послѣ этого свящ. Гапонъ былъ схваченъ, но насколько это вѣрно—не знаю. На водокачкѣ и электрическихъ станціяхъ работали сегодня солдаты: купцы уже пользуются случаемъ и накинули цѣны на керосинъ, съ $3\frac{1}{2}$ коп. прыгнувшій на 10.

Во многихъ мѣстахъ идутъ сборы въ пользу рабочихъ; совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ уже собралъ 800 р., и принесеніе это рабочими было встрѣчено восторженно.

Думаю, что рабочіе, къ сожалѣнію, не выдержатъ.

Большая половина ихъ жила тѣмъ, что зарабатывала и, стало-быть, уже теперь нужда среди нихъ огромная; главное же—рознь наша, чиновничество проклятое! Забастуй послѣднее—почта, таможня, еще два-три учрежденія—и эффектъ и результаты были бы совсѣмъ не тѣ!

Изъ среды рабочихъ была выбрана депутація къ царю, но конечно, эта депутація не увидитъ его; когда кто-то высказалъ эту мысль на Василеостровскомъ собраніи рабочихъ—раздались голоса: «такъ долой царя тогда. Зачѣмъ тогда онъ намъ нуженъ?»

Да, если бы войска были хоть на половину такъ подготовлены какъ рабочіе—не желтый штандартъ развѣвался бы вѣроятно сегодня надъ Зимнимъ дворцомъ, изъ котораго, кстати сказать, Николай заблаговременно укрылся въ Царское! Толковъ въ городъ не обратиться.

10½ часовъ вечера. Ъздилъ опять по городу; на углахъ многихъ улицъ войсковые бивуаки; въ жаровняхъ горятъ уголья; около составленныхъ въ козлы ружей, виднѣются лазаретныя фуры; солдаты сидятъ и стоятъ, грѣясь у огней. Предъ дворцомъ расположены войска всѣхъ трехъ родовъ оружія; по улицамъ то и дѣло проѣзжаютъ конные разъѣзды или медленно проходятъ пѣхотные патрули. На Невскомъ тротуары чернѣютъ отъ народа; несмотря на поздній часъ, оживленіе необычайное. Такую картину города на военномъ положеніи вижу еще впервые. Извозчики рассказывали, что на Гороховой ул. и за Нарвской заставой были большія побоища, и убито много людей; въ больницахъ будто бы нѣтъ уже мѣстъ—такъ много раненыхъ. Путиловскихъ рабочихъ въ городъ, по слухамъ, не допустили. На завтра ожидается продолженіе. Но что и начало и продолженіе значать при пустыхъ рукахъ? Господамъ руководителямъ надо было вооружить на всякій случай толпу хоть сотней револьверовъ и десяткомъ бомбъ. Господа казаки и кавалергарды поумѣрили бы свой пылъ!

10 января. Въ 9 ч. утра вышелъ изъ дома; Суворовскій между 2-й улицей и Невскимъ былъ запруженъ эскадронами драгунъ и казаковъ, державшими коней въ поводу. Невскій просп. имѣлъ обычный видъ; ходили конки, многолюдства не было. Усѣлся на верхъ конки и поѣхалъ къ Адмиралтейству.

Подъѣздъ дворца вел. князя Сергѣя Александровича, что у Аничкова моста, изуродованъ: всѣ зеркальныя стекла со стороны Фонтанки и три съ Невского выбиты. «Полѣньями жарили», повѣствовали очевидцы, ѣхавшіе вмѣстѣ со мной. «Да стекла какія крѣпкія—рразъ, рразъ по немъ, а оно все цѣло!»

Газетный кіоскъ противъ Казанскаго собора и окна въ кондитерской Бормана разбиты вдребезги. Остальные магазины нетронуты.

У дома гр. Строгоновыхъ, у Полицейскаго моста, группы прохожихъ разсматривали стѣны; послѣднія выкрашены въ темный цвѣтъ, и на нихъ ярко бѣлѣютъ многочисленныя выщербины—слѣды отъ пуль. На Дворцовую площадь пропускали свободно;

войскъ на ней видно не было, хотя во многихъ дворахъ Невскаго я замѣтилъ скрытыхъ тамъ казаковъ. Весь угловой полукругъ панели у Александровскаго сада и камни подъ оградой залиты кровью; дворники посыпали это мѣсто пескомъ, но, тѣмъ не менѣе, кровь ярко проступала всюду; ближайшія деревья въ саду носили слѣды отъ пуль. Много народа внимательно разсматривало это мѣсто вчерашней казни.

По рассказамъ, мирно ведшая себя сначала толпа, раздраженная избіеніями, разгромила 4-ю линію Васильевскаго проспекта и Большой пр. на Петербургской сторонѣ. Отправился на островъ.

Николаевскій мостъ охраняла пѣхота, мирно сидѣвшая на доскахъ; по линіямъ разъѣзжали патрули улановъ. Было людно, но спокойно. На 4-й линіи дома почти не пострадали; выбиты въ нѣсколькихъ дрянныхъ лавчонкахъ грошевыя стекла, и только; жестокая бойня и разстрѣливанье происходило на ней у Средняго проспекта. На Маломъ дѣло было еще серьезнѣе; стеколъ перебито порядочно, спилено и повалено нѣсколько телеграфныхъ столбовъ; рассказывали, что тамъ была устроена баррикада, но я ея уже не видѣлъ.

Большой проспектъ на Петербургской сторонѣ пострадалъ сильно; магазиновъ на немъ уйма, и все крупные; стекла почти во всѣхъ выбиты, винный погребъ Шитта разбитъ и разграбленъ; такому же разгрому и грабежу подверглись и другіе магазины: напр. съ готовымъ платьемъ и колбасные; торговля почти вездѣ прекращена, большинство дверей и оконъ забиты наглухо бѣлыми досками, или закрыты щитами и заперты. Оба тротуара кишѣли народомъ—больше всего дамами и разнаго рода дѣвицами, разглядывавшими мѣста погрома. Открыто было всего десятка два магазиновъ, но и на ихъ окнахъ щиты были не сняты, а у дверей стояли другіе, чтобы въ каждую минуту имѣть возможность наглухо закрыть все.

Публика спокойна, ни криковъ, ни особо возбужденныхъ лицъ замѣтно не было.

Въ вышедшемъ сегодня клочкѣ Правительственнаго Вѣстника сообщается, что убито 76 и ранено 233 человека; цифры эти лживы, такъ какъ за одной Нарвской заставой уложено больше путиловцевъ. Путиловцы двинулись со своего завода съ образами и крестнымъ ходомъ, имѣя во главѣ облаченнаго въ ризы свящ. Гапона; расположенный у заставы Павловскій полкъ встрѣтилъ ихъ залпами, причемъ по однимъ версіямъ перебито и переранено 1000 человекъ, а по другимъ 500; свящ. Гапонъ будто бы убитъ; пули попали и въ образа. Такъ встрѣтилъ царь-отецъ депутацію дѣтей, отправлявшуюся къ нему!

Больницы въ городѣ переполнены дѣйствительно; у двухъ, мимо которыхъ проѣзжалъ, стояли толпы женщинъ, отыскивавшихъ своихъ пропавшихъ мужей и братьевъ; въ ворота ихъ почему-то не впускали.

Озлобленная дикой и незаслуженной расправой, толпа отплатила за это на Морской нѣсколькимъ офицерамъ; избить, между прочимъ, до полусмерти какой-то генералъ и кавалерійскій полковникъ.

Между убитыми есть и дѣти; находившіеся у Александровскаго сада очевидцы рассказываютъ, что толпа стояла тамъ мирно и на площадь пройти не порывалась. Несмотря на это, офицеръ, командовавший въ томъ мѣстѣ пѣхотой, вздумалъ орать и приказывать разойтись. Его не послушались. Тогда онъ заявилъ, что будетъ стрѣлять; не подѣйствовало и это; тогда грянули два, слышанные мною залпа, и уложили многихъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ дѣтей, взобравшихся на садовую рѣшетку; судя по тому, что лично видѣлъ я—вполнѣ этому вѣрю, тѣмъ болѣе, что слышалъ одно и то же отъ разныхъ лицъ.

Возмущеніе всеобщее, особенно противъ гвардейскихъ офицеровъ, изъ числа которыхъ многіе съ увлеченіемъ разыгрывали роль самыхъ послѣднихъ, самыхъ зазнавшихся и наглыхъ околотоčnýchъ; настоящіе околоточные совершенно не вмѣшивались во вчерашнюю исторію.

Если бѣ царь такъ позорно не усакалъ изъ города, а принялъ бы депутацію рабочихъ, если бы хоть сколько-нибудь сердечно отнесся къ положенію ихъ—какой бы громадный козырь онъ получилъ въ свои руки! Эхъ, вспоминаются слова Грознаго: «пономаремъ бы тебѣ родиться, Одея, а не царевичемъ!»

6½ часовъ вечера. Нашъ Суворовскій проспектъ тонетъ во мракѣ: электричество не дѣйствуетъ. Сейчасъ прибѣжала въ страхѣ прислуга и сообщила, что на углу 8-й въ нашемъ домѣ выбили окна въ магазинѣ Ветчинкина; находимся какъ бы въ осадномъ положеніи.

Керосина нѣтъ нигдѣ; цѣну за него догнали до 30 коп. за фунтъ; трехкопѣечное открытое письмо въ лавкахъ стоитъ пять.

Пишу эти строки, а на улицѣ спѣшно закрываютъ магазины и гасятъ вездѣ огни; тьма всюду стоитъ кромѣшная.

8½ час. вечера. Сейчасъ вернулся съ обхода. Вышелъ изъ двери—на лѣстницѣ горятъ, поставленные на стулья, свѣчи; швейцаръ держитъ дверь на замкѣ. На улицѣ глубокая темнота; кое-гдѣ свѣтятся сквозь занавѣски окна—и только. На панеляхъ смутно рисуются кучки стоящихъ и идущихъ людей. Магазины закрыты всѣ. На углу 8-й улицы остановился около четырехъ

рабочихъ и разговаривалъ съ ними. Одинъ только что вернулся отъ Гостиного Двора и рассказывалъ, что его громили: «это все хулиганы, швырковой народишко, пакостятъ!» негодуя восклицалъ онъ. «Мастеровой развѣ станетъ? Не затѣмъ шли!» Затѣмъ обрушился на студентовъ, и стоявшіе съ нимъ, хотя и вяло, но поддержали его. «Еще съ ними расчетъ у насъ долженъ выйти. Что они поприсосались къ намъ? Зачѣмъ свое къ нашему дѣлу припутали?» Студенты, какъ выяснилъ дальнѣйшій разговоръ, чисто экономическому движенію рабочихъ, стараются придать революціонный характеръ и, по словамъ моихъ собесѣдниковъ, огромное большинство недовольно этимъ.

Направился я съ однимъ изъ рабочихъ къ Невскому; въ одиночку идти было опасно, такъ какъ хулиганы разгулялись и бушуютъ вездѣ во всю; полиція скрылась, какъ подъ землю, да и что можетъ сдѣлать какой-нибудь городской въ этой тѣмѣ съ десятками и сотнями валящихся куда-то людей? Конечно, сообщеніе вездѣ остановлено. Бассейная и Знаменская ул. освѣщены: тамъ газовые фонари—газовый заводъ, вѣроятно, успѣли охранить. Магазины тѣмъ не менѣе закрыты и на освѣщенныхъ улицахъ. Спутникъ мой сообщилъ, что, вопреки слухамъ, будто нѣкоторые заводы возстановили работы,—не дѣйствуетъ ни одинъ; оказывается здѣсь поджидали колпинцевъ, но на поѣздъ ихъ не допустили, тогда тѣ двинулись въ городъ пѣшкомъ и разобрали желѣзнодорожный путь, прервавъ такимъ образомъ общеніе съ Москвою; въ 8 час. вечера назначена на Невскомъ всеобщая сходка. По дорогѣ колпинцы спиливали телеграфные столбы и рвали проволоки. Увѣряли, будто вчера Семеновскій полкъ отказался стрѣлять, и почетную работу эту выполняли преображенцы; разстрѣливали народъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ, у мостовъ и на Каменноостровскомъ проспектѣ, послѣднее, впрочемъ, знаю не отъ него одного.

Знаменская устьяна была кучками людей, толпившимися у подъѣздовъ; ворота вездѣ были заперты и изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ наверху отовсюду выглядывали лица. Невскій темень и мраченъ, какъ гробъ; нигдѣ ни фонаря, ни освѣщенного окна; панели полны стоящимъ народомъ; кіоскъ на углу исковерканъ. Въ толпѣ рассказывали, что незадолго до нашего прихода у Николаевской ул. подожгли такую же газетную будку и туда, свѣтя факелами, прискакала пожарная часть съ лѣстницами и бочками. Встрѣтили ее, конечно, улюлюканьемъ и смѣхомъ. Не больше какъ за полчаса до насъ казаки отгоняли народъ отъ Знаменья: рубили шашками, «но не дюже», а иные такъ и просили даже: братцы, да расходитесь же, непріятно намъ бить васъ!»

Данѣтъ, не затѣмъ пришли. Бейте, коль вамъ мясо человѣческое нужно!

Каждога проѣзжавшаго мимо офицера, замѣтнаго по сѣрому цвѣту пальто, толпа провожала свистомъ и воемъ; у Лиговскаго бульвара стояла казачья сотня, но при мнѣ ни во что не вмѣшивалась; надо думать, что утомились таки солдаты, хотя на помощь петербургскимъ войскамъ вызваны полки изъ Царскаго, Пскова и др. мѣстъ. Обѣщаютъ, что завтра перестанетъ дѣйствовать водопроводъ; это будетъ, дѣйствительно, фунтъ! Между прочимъ, рабочіе, узнавъ, что лавочники повышаютъ цѣны, обѣщали разгромить за это лавки; въ одномъ мѣстѣ рабочій зашелъ купить керосину и, услыхавъ, что за два фунта съ него требуютъ 30 коп., взялъ и облилъ даннымъ ему керосиномъ всѣ съѣстные припасы на прилавкѣ.

Хозяйки спѣшно закупили до закрытія магазиновъ всякую всячину: завтра, вѣроятно, ничего нельзя будетъ достать.

Между прочимъ—утромъ сегодня слышалъ, что Святополкъ-Мирскій подалъ въ отставку, и отставка эта принята. Кандидатами называютъ четырехъ: двухъ Оболенскихъ, Штюрмера и еще четвертую каналью подъ стать названнымъ. Думаютъ, стало быть, вернуться къ плевенскому режиму. Что говорить, самое время... для того чтобъ ускорить революцію! Въ общемъ, день сегодня прошелъ тише, хотя на окраинахъ была стрѣльба; результаты ея неизвѣстны.

10 ч. вечера. У насъ на проспектѣ зажглись нѣкоторые электрическіе фонари; на лѣстницахъ его нѣтъ попрежнему.

11 января, вторникъ. Водопроводъ дѣйствуетъ, и на улицѣ спокойно. На Суворовскомъ проспектѣ магазины торгуютъ; на углахъ Невскаго попрежнему стоятъ войсковыя охраны, но уже сильно уменьшенныя. Конки по Невскому не идутъ, очевидно по распоряженію полиціи, тогда какъ вездѣ, по другимъ улицамъ, онѣ пущены. Движеніе на Невскомъ нѣсколько усиленное. Публика, главнымъ образомъ, преобладаетъ любопытствующая; отъ Знаменья и вплоть до Аничкова моста въ магазинахъ за ночь перебита масса стеколъ; между прочимъ, разбито громаднѣшее стекло у Соловьева на углу Литейной—стоило оно нѣсколько десятковъ тысячъ. Газетные кіоски, за исключеніемъ одного, у Казанской ул., разнесены, а нѣкоторые и сожжены; за Аничковымъ мостомъ погромовъ магазиновъ кромѣ одного Бормановскаго, не было. Выбоины отъ пуль на домѣ Строгоновыхъ уже заштукатурены и покрашены, но, тѣмъ не менѣе, очень замѣтны; домъ, т.-е. половина его, ближайшая къ мосту, положительно точно былъ вспрыснутъ пулями; нѣкоторые пробили рамы и

если никто изъ находившихся въ нижнемъ этажѣ не убитъ и не раненъ, то это положительно чудо. Изъ подъ песка на панели видны сплошныя темно-красныя пятна крови; людей разстрѣливали тамъ почти въ упоръ, и пули пронизывали по нѣскольку человѣкъ. Въ Гостиномъ дворѣ со стороны Невскаго поврежденій мало; главный разгромъ говорятъ, былъ со стороны Садовой, но туда я не сворачивалъ. Торговля въ Гостиномъ и на Невскомъ почти прекращена; на панеляхъ спѣшно пилать доски или прямо прилаживаютъ къ окнамъ крышки столовъ и приколачиваютъ ихъ гвоздями; видъ города такой, точно онъ осажденъ непріателемъ, и ожидается вторженіе; въ немногихъ торгующихъ магазинахъ пріотворены только двери—окна сплошь забиты или закрыты.

Изъ газетъ вышелъ опять только полулистъ «Пр. Вѣстника» и «Вѣдомостей Градоначальника» съ перепечатками вчерашнихъ сообщеній. Какой-то уродливый, но смѣтливый карла примостился на тумбѣ около разбитаго кіоска у Гостиного двора и продавалъ московскія газеты по гривеннику; публика расхватывала ихъ у него чуть не съ боя.

Разсказываютъ, что вчера у Маріинской больницы на Литейномъ просп. произошло побоище: тамъ, по слухамъ, находится свящ. Гапонъ—одни говорятъ убитый, другіе раненый—и народъ желалъ его видѣть; къ этой толпѣ присоединилась другая—отыскивавшая своихъ родныхъ, но въ больницу ихъ не пустили и въ результатъ произошло новое столкновеніе и новые пациенты для больницы. Во многія мелкія промышленныя заведенія возвращаются рабочіе и заявляютъ о желаніи начать работы, но хозяева, опасаясь мести и погрома со стороны толпы, отказываютъ сами; нѣкоторые обѣщали уплатить имъ за эти дни жалованье, но только, чтобъ не начинали работъ.

Передаютъ, будто горять Кюлпино и газовый заводъ; на послѣ завтра обѣщаны еще небывалые безпорядки; многія учебныя заведенія закрыты.

Магазинъ Невскаго стеариноваго товарищества, находящійся близъ Казанской ул., полонъ покупателями; всѣ запасаются свѣчами, такъ какъ въ лавкахъ онѣ изсякаютъ и вздорожали до 35 коп. за фунтъ, вмѣсто 26; магазинъ допродаетъ уже послѣдки. съ завода же везти ничего нельзя, такъ какъ рабочіе не пропускаютъ подводъ съ ящиками. Любопытно, что будутъ дѣлать пинтерцы, если стачка продлится еще съ недѣлю. О чемъ думаютъ г.г. революціонеры? Бомбочекъ бы теперь десятокъ—другой при-
дать рабочимъ—вотъ это было бы дѣло! Если кончится теперь все на сдѣланномъ—результатъ будетъ гнусный. Очевидно, нѣтъ

настоящаго вояка у движенія; началъ было сильно выдвигаться свящ. Гапонъ, но съ нимъ счеты уже покончены. Какъ разсказываютъ, администрація устраивала на него облавы, но онъ счастливо избѣгалъ ихъ при помощи оберегавшихъ его рабочихъ. Спектаклей вчера въ театрахъ не было, цѣтъ ихъ и сегодня. Начавшіяся представленія въ воскресенье были прерваны. Между прочимъ въ Александринскомъ театрѣ, послѣ перваго дѣйствія. Въ райкѣ начался скандалъ, кричали оттуда, что не время забавляться; кто-то провопилъ Варламову: «Костыка, ты хорошій парень, перестань, стыдно нынче камедь ломать!» и т. д. и т. д.

Сѣнная площадь—тамъ молодцы въ лавкахъ все дюжее обороняла сама себя, паупка хулиганамъ происходила у нихъ «первый сортъ». Ихъ перехватывали, накрывали мѣшками и бузовали безпощадно.

Между офицерами ходятъ тѣ же толки объ отказѣ семеновцевъ и Егерскаго полка стрѣлять по толпѣ; сильно возмущенъ навязанной ему ролью полиціи конно-гренадерскій полкъ, изъ числа котораго есть сильно пострадавшій отъ побоевъ офицеръ. Измайловскій, а по другимъ передачамъ Павловскій полкъ (форма у нихъ почти одинаковая), за Нарвской заставой во время стрѣльбы по крестному ходу убилъ свыше ста семидесяти чело-вѣкъ; перерасено огромное число и между ними много совершенно неповинныхъ и непричастныхъ ни къ чему лицъ: убитъ, напр., лавочникъ, услышавшій пальбу и выскочившій на порогъ своей лавки и т. д. Есть убитые гимназисты и студенты—эти уже въ городѣ. На Васильевскомъ островѣ рабочіе оборонялись отъ войскъ кирпичами; тамъ, на Маломъ проспектѣ, тоже легло много головъ.

Войска, по свѣдѣніямъ отъ властей имущихъ, сбились съ ногъ, да такъ и должно быть: имъ надо охранять все, вездѣ и каждую минуту. Къ какой роли свели гвардію: исполнять роль полиціи и палачей въ столицѣ!

12 января. Въ городѣ полное спокойствіе, и всѣ вчерашнія тревоги были напрасны; напрасно потратились и магазины на доски для заколачиванія дверей и оконъ: нигдѣ ничего не тронута, скопищъ не было тоже. Щиты теперь почти вездѣ сняты. Ночью, — я возвращался домой около двухъ часовъ, — улицы были освѣщены и пустыни, и только кое-гдѣ патрулировали казачьи разъѣзды по 2—3 чело-вѣка въ каждомъ. Электричество и газъ дѣйствовали повсюду. Въ обществѣ страшное возмущеніе стрѣльбой. По рукамъ ходятъ литографированныя копіи съ письма свящ. Гапона ко князю Святополкъ-Мирскому. Привожу его дословно.

«Ваше Высокопревосходительство!

«Рабочіе и жители г. С.-Петербурга разныхъ сословій желаютъ и должны видѣть царя 9 января 1905 г. въ 2 ч. дня на Дворцовой площади для того, чтобы выразить ему непосредственно нужды всего русскаго народа. Царю нечего бояться: я, какъ представитель Союза фабричныхъ рабочихъ, и мы, сотрудники, товарищи и рабочіе, даже всѣ такъ называемыя революціонныя группы разныхъ направленій, гарантируемъ неприкосновенность его личности. Пусть онъ выйдетъ, какъ истинный царь, съ мужественнымъ сердцемъ къ своему народу и приметъ изъ рукъ въ руки нашу петицію. Этого требуетъ благо его, благо обывателей Петербурга и благо нашей родины.

Иначе можетъ произойти конецъ той нравственной связи, которая до сихъ поръ еще существуетъ между русскимъ царемъ и русскимъ народомъ. Вашъ долгъ, великій нравственный долгъ, передъ царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ, немедленно, сегодня же довести до свѣдѣнія его императорскаго величества какъ все вышесказанное, такъ и прилагаемую здѣсь петицію.

Скажите царю, что я, рабочіе и многія тысячи народа мирно и съ вѣрой въ него безповоротно рѣшили идти къ Зимнему дворцу. Пусть же онъ съ довѣріемъ отнесется на дѣлѣ, а не въ манифестѣ, къ намъ».

Подписи.

Затѣмъ болѣе мелко:

«Копія съ сего, какъ оправдательный документъ нравственнаго характера, снята и будетъ доведена до свѣдѣнія всего русскаго народа».

Прими только царь депутацію, поговори съ ней, и какой бы эффектъ, какую бы популярность сразу создалъ бы онъ себѣ. Но вмѣсто этого навстрѣчу мирно шедшимъ людямъ были пущены штыки и пули... Да... кто идетъ ко дну съ камнемъ на ногахъ, тому не вынырнуть! Говорить, что Мирскій настаивалъ на пріемѣ депутаціи, и царь собирался уже ѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ отмѣнили поѣздку.

Газетъ нѣтъ и сегодня; кстати—единственное сообщеніе, дозволенное Телеграфному Агентству 9 числа въ другіе города—именно эта фраза. Дальнѣйшія сообщенія Московскихъ газетъ опираются только на «Правительственный Вѣстникъ». Правительство точно думаетъ «скрыть» происходившее на глазахъ у милліона людей. Нѣтъ, залпы 9 января были слишкомъ громки для того, чтобы остаться въ тайнѣ! Вмѣсто разумныхъ мѣръ для успокоенія города сегодня выпалили манифестомъ: «признали мы за благо

отмѣнить въ Петербургѣ градоначальство и учредить генераль-губернаторство»...

Весьма мудро, но еще почти сто лѣтъ тому назадъ Крыловъ написалъ: «а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь!» Къ мудрому манифесту вышло и мудрое дополнение: бывший оберъ-полицеймейстеръ Москвы, недострѣленный тамъ Треповъ назначенъ генераль-губернаторомъ. Повышеніе такой классической фигуры,—это уже издѣвательство и вызовъ всему Петербургу. Мирскій, къ сожалѣнію, ушелъ, и власть его пока въ рукахъ товарища министра Дурново.

Надо думать, скоро появятся на сцену запоздалыя бомбы. По комъ промахнулась Москва, по тому попадетъ Питеръ!

Газетъ нѣтъ и сегодня, и фабрики пока не работаютъ, но чувствуется по всему, что вотъ-вотъ откроютъ ихъ. Жаль столькихъ жертвъ и трудовъ, потраченныхъ напрасно...

Въ Москвѣ, какъ слышно, тоже начинаются забастовки; сегодня знаменитый Татьянинъ день; чѣмъ-то порадуется насъ матушка первопрестольная?

Рабочихъ на улицахъ не видно почти совершенно; говорятъ, будто бы вся масса ихъ повалила въ Петергофъ къ царю; войска исчезли тоже, вѣроятно они стянуты къ мѣстопробыванію Высочайшихъ особъ.

На улицахъ увеличилось количество мужчинъ, просящихъ милостыню—безусловно не профессиональныхъ нищихъ. Это несомнѣнно одинъ изъ результатовъ неудачной забастовки.

Теперь у насъ, можно сказать, дѣйствительно полная свобода печати: «Правительственный Вѣстникъ» можетъ печатать все, что ему угодно,—опроверженій не будетъ! Этимъ онъ пользуется и сообщаетъ, раздѣленные на пять, цифры убійствъ. Свѣдущіе люди находятъ, что онъ дѣйствуетъ еще по-божески.

Отовсюду, начиная съ рабочихъ, слышно о намѣреніи послѣднихъ расправиться со студентами; что за счеты между ними, опредѣленно не знаю, но озлобленіе на нихъ большое. Чуть ли не имъ многіе приписываютъ даже неудачу дѣла. Въ общемъ, думаю, что иностранные корреспонденты, понаѣхавшіе въ Питеръ, «наблюдать революцію» поражены: революціонеры-рабочіе вели себя спокойно и корректно, а буйствовали и безобразили гвардейскіе офицеры и хулиганы. Нда, во всякой странѣ свои обычаи!

13 января. Тихо. Жизнь вошла въ обычную колею, хотя по Невскому изрѣдка лѣниво патрулируютъ маленькіе отряды городовыхъ съ околоточными во главѣ. «Революція» кончилась... На стѣнахъ домовъ расклеены вездѣ обращенія министра финансовъ и генераль-губернатора къ рабочимъ, въ которомъ увѣряютъ.

что государь императоръ близко принимаетъ къ сердцу интересы рабочихъ, а потому призываютъ ихъ возвратиться къ работамъ.

Въ переводѣ на болѣе понятный языкъ это значитъ, что будетъ устроена комиссія для разбора этихъ интересовъ и нуждъ, въ помощь ей дадутъ штукъ пять подкомиссій, и пойдутъ онѣ препираться и переписываться, дондеже свѣтъ стоитъ.

Свящ. Гапонъ, какъ увѣряютъ теперь, только контуженъ, и рабочіе скрываютъ его; въ городѣ начались аресты, причемъ иныхъ забираютъ и сажаютъ, какъ острятъ, «до отысканія причинъ». Во многихъ гимназіяхъ, напр. у Гуревича, у Стоюниной, у Стеблинъ-Каменской открыто идутъ сборы на рабочихъ; учителя Тенишевскаго училища и Стоюниной (называю тѣхъ, о которыхъ мнѣ извѣстно достоверно), бесѣдуютъ съ учениками о послѣднихъ событіяхъ, оцѣнивая ихъ, разумѣется, по заслугамъ. Присяжные повѣренные устроили тоже нѣчто въ родѣ стачки и рѣшили пока воздерживаться отъ веденія гражданскихъ дѣлъ.

Все это показываетъ, насколько назрѣла потребность въ иномъ режимѣ въ обществѣ.

Да, 9 января былъ моментъ, когда Николай II могъ разомъ повернуть курсъ исторіи въ свою пользу; риска съ его стороны не было, но даже если бы и былъ—моментъ требовалъ и стоилъ его. Прими онъ эту депутацію, и именно на площади, обставь пріемъ нарочно возможно торжественнѣй, и призракъ революціи, которой такъ боится онъ, разомъ бы померкъ и отошелъ вдаль. Однимъ ударомъ пріобрѣлъ бы онъ популярность и любовь въ странѣ—и онъ этого не сдѣлалъ, не схватилъ чутьемъ того, что висѣло въ воздухѣ, чувствовалось всѣми. Царизмъ проигралъ сраженіе, это несомнѣнно; сколькохъ сторонниковъ онъ разомъ сдѣлалъ врагами себѣ!

Нѣкоторые изъ раненыхъ рабочихъ внѣ себя восклицали: «нѣтъ теперь ни государя ни Бога!»

Слово «бомба» и сожалѣніе, что онѣ не пущены были въ ходъ, слышится вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, даже самыхъ умѣренныхъ; революціонеры увѣряютъ, что движеніе рабочихъ застало ихъ врасплохъ; это—ложь, такъ какъ только мертвые не знали въ Петербургѣ о готовившемся событіи, и только наивное простонародье могло полагать, что все произойдетъ именно такъ, какъ они хотятъ. Рабочіе рабочими, а партіямъ слѣдовало бы имѣть про всякій случай десятка два бомбъ въ рукахъ: не понадобились бы—домой отнесли бы, зато въ противномъ случаѣ измѣнили бы картину дѣла!

На Маломъ проспектѣ избивали сегодня студентовъ; одни изъ

работчіе упражнялись въ этомъ, или благосклонное участіе принимали и другіе—не знаю!

Въ общемъ точную цифру убитыхъ и раненыхъ привести нельзя, такъ какъ очень многіе были увезены прямо на собственные квартиры или къ частнымъ докторамъ, и узнать о нихъ можно только случайно; во всякомъ случаѣ, судя по свѣдѣніямъ со всѣхъ сторонъ, количество пострадавшихъ, какъ бы то ни было, въ эти дни надо считать около полуторы тысячи человѣкъ и отнюдь не болѣе 2.

Почты изъ Германіи сегодня не было: почтовые чиновники привезли вѣсть, что тамъ грандіозная забастовка и разрушенъ путь близъ Эйдкунена.

14 января. Жизнь вошла въ обычную колею; заводы и фабрики начали кое-гдѣ работать.

Городъ полонъ разсказовъ и толковъ о происшедшемъ: мрачное и сильное впечатлѣніе производятъ разсказы лицъ, искавшихъ по больницамъ пропавшихъ близкихъ и видѣвшихъ груды труповъ. Только очень и очень немногимъ «по протекціи» разрѣшено было взять своихъ покойниковъ изъ больницъ; остальнымъ обѣщали выдать мертвецовъ въ понедѣльникъ, но когда тѣ явились за ними утромъ—мертвецкія и сараи были уже пусты: полиція, чтобы избѣжать новыхъ манифестацій, въ ночь вывезла всѣхъ на Преображенское кладбище и похоронила въ общихъ могилахъ; гдѣ кто зарытъ—неизвѣстно. Въ гробы-ящики складывалось по 4 и болѣе человѣкъ; одинъ знакомый, имѣющій родственниковъ, служащихъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, говоритъ, что убитыхъ вывезено было на Преображенское кладбище сорокъ вагоновъ. Такъ ли это въ дѣйствительности, и по скольку человѣкъ находилось въ этихъ 40 вагонахъ—судить не берусь и, если окажется возможнымъ, постараюсь выяснить въ будущемъ; думаю только, что цифра очень преувеличена.

Высланы за границу два корреспондента-француза, за распространіе свѣдѣній, несогласныхъ съ данными «Правительственнаго Вѣстника». Въ послѣднемъ появилась сегодня телеграмма, произведшая на многихъ гнусное впечатлѣніе: будто все движеніе рабочихъ было устроено на деньги Англо-Японскаго союза, приславшаго для этой цѣли въ Россію 18 милліоновъ. Можетъ быть какіе-нибудь кружки, неразборчивые къ средствамъ, и пользовались японскими деньгами, но рабочіе чисты. Кто видѣлъ ихъ въ это время, тотъ не можетъ сомнѣваться въ этомъ: люди шли за идею, а не подкупленные. Наконецъ за разбитіе Петербургскихъ стеколъ это слишкомъ большая плата; за 18 милліоновъ можно бы было устроить кое-что посерьезнѣе!

Отъ врачей, лично принимавшихъ у себя на квартирахъ ране-

ныхъ во время безпорядковъ, слышалъ, что раны многихъ, несмотря на малый калибръ пуль, были ужасны; никелевыя оболочки на пуляхъ прескверныя, и, надрываясь еще въ стволѣ ружья, дѣйствовали какъ пресловутыя «думъ-думъ». Война отошла со-всѣмъ на задній планъ и даже еще дальше; что тамъ творится—никто ничего не знаетъ, да и не хочется знать.

На улицахъ продаются, кромѣ официальныхъ, московскія газеты и еще какое-то, неизвѣстно когда вынырнувшее на свѣтъ Божій, «Военное Время».

15 января. Вышли почти всѣ газеты; писать что-либо о безпорядкахъ имъ запрещено, и «Новое Время» прямо заявило, что кромѣ перепечатки изъ «Правительственнаго Вѣстника» ничего сообщить не можетъ. «Слово» и «Русь», несмотря на это, помѣстили дѣльныя передовыя статьи, и, надо думать, попадутъ на цугундеръ.

Завтра ожидаются студенческіе безпорядки.

16 января. Въ редакціяхъ газетъ «Наши дни» и «Наша жизнь» и у сотрудниковъ ихъ произведены были усиленные обыски; проф. Ходскаго, редактора второй, раздѣли чуть не до рубашки. Газеты эти не выходили до сихъ поръ, такъ какъ забраны всѣ статьи и всѣ матеріалы изъ редакцій. Вѣроятно, Треповъ прослышалъ, что названныя газеты рѣшили пойти на закрытіе и собирались подробно описать событія этихъ дней, несмотря на запрещеніе, и напечататься притомъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ для возможно широкаго оповѣщенія Россіи.

17 января. Никакихъ студенческихъ демонстрацій вчера не было. Студенты спѣшно запасаются штатскимъ платьемъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ сообщаютъ о случаяхъ избіенія ихъ рабочими.

Знаменитая телеграмма о 18 англо-японскихъ милліонахъ оказалась фабрикаціей нѣкоего Черепъ-Спиридовича; Сергѣй расклеилъ ее въ тысячахъ экземплярахъ по Москвѣ и только тогда, такъ сказать съ полувисочайшей санкціи, ее напечатали въ Петербургѣ правительственныя газеты. Англійскій посолъ заявилъ протестъ и справедливо: въ глупости обвинять англичанъ нельзя!

18 января. Идутъ усиленные аресты. Арестованы: Максимъ Горькій, Богучарскій, Анненскій, Пименова, Карѣвъ, Мякотинъ и т. д.—цѣлый рядъ литераторовъ.

Утромъ не прибыла почта изъ Варшавы; почтальоны, приѣхавшіе оттуда, передаютъ, что тамъ бунтъ, и Варшава горитъ. Все возможно! Наступаютъ словно послѣднія времена государства Русскаго. За что ни ухватись—все ползетъ по швамъ!

Имѣемъ газеты, «гласность», а живемъ, какъ въ лѣсу. Въ газетахъ въ изобиліи имѣются свѣдѣнія о томъ, что дѣлаетъ король

на Сандвичевыхъ островахъ, и ровнѣо ничего о томъ, что творится у насъ кругомъ. Москва и дальнѣйшіе города правду о насъ узнаютъ только съ «оказіей», письма же по почтѣ не доходятъ, на что слышатся повальные жалобы. Перлюстрація производится грандіозная. Не доходятъ даже телеграммы, срочныя и съ оплаченнымъ отвѣтомъ, если касаются событія 9 января: знаю этому примѣры...

Дикія, темныя времена!

19 января. Толки объ отказѣ Семеновскаго полка участвовать въ избіеніи, по провѣркѣ, оказались миеомъ.

Въ «Инвалидѣ» опубликована отставка «по болѣзни» кн. Святополкъ-Мирскаго.

Среди мрачныхъ исторій нашего времени приходится отмѣчать иногда и перлы высокаго юмора. Такъ святѣйшій (?) синодъ «по указу Его Императорскаго Величества» приказалъ и опубликовалъ вставить въ церковныя ектеніи слѣдующія два прошенія:

1. О еже не помянути грѣховъ и беззаконій нашихъ и *истребити отъ насъ вся неистовыя крамолы супостатовъ*, Господу помолимся.

2. О еже утвердити въ земли нашей безмятежіе, миръ и благочестіе, Господу помолимся.

Господа Бога тревожатъ—Онъ-де все выслушаетъ,—а на собственный хвостъ оглянуться нужнымъ не находятъ! Въ Среднихъ мы вѣкахъ живемъ или въ XX вѣкѣ??

20 января. Изъ газетъ узналъ, что вчера государемъ была принята депутація рабочихъ... Не лучше ли бы было начать съ этого, а главное не припутывать какихъ-то политическихъ тенденцій къ дѣйствительнымъ цѣлямъ рабочихъ?? Фраза изъ рѣчи его: «я васъ прощаю»—это верхъ изумительности. Людей разстрѣляли, избили за желаніе видѣть царя и изложить лично ему свои нужды и ихъ же милостиво прощаютъ за это!!

По слухамъ, Гапонъ находится въ Швеціи и уже прислалъ оттуда прокламаціи къ рабочимъ. Городъ вообще кишитъ прокламаціями: есть между прочими «призывы къ революціи», подписанныя Горнымъ и Технологическимъ Институтами.

21 января. Вчера провалился Египетскій мостъ, но къ счастью, никто не убитъ и не утонулъ. Судьба, кажется, хотѣла отомстить за петербуржцевъ: вмѣстѣ съ мостомъ рухнула въ Фонтанку часть эскадрона конныхъ гренадеръ, переѣзжавшихъ рѣку, тоже достаточно-таки отличившихся въ битвѣ 9 января. Неизвѣстно только, какой полкъ получить за эту побѣду Георгіевскія знамена. Крушеніе моста надѣлало много шума; что такое былъ этотъ мостъ—говорить катастрофа, а какъ чинили его, расскажу

я со словъ подрядчика, три года тому назадъ умывшаго руки и отошедшаго на покой.

Мостъ этотъ нужно было разобрать и поставить новый; вмѣсто этого «на ремонтъ» его было ассигновано думой 575 р. Но и эта сумма значилась только на бумагѣ, подрядчику выдали же всего 175 р., заставивъ расписаться въ полной суммѣ... правда, зато никакого ремонта съ него никто не спрашивалъ. «И такъ въ Россіи все ведется!» воскликнешь вмѣстѣ съ Шекспиромъ.

Пріѣхавшій съ театра войны профессоръ Академіи генеральнаго штаба Колюбакинъ рассказываетъ, что настроеніе войскъ бодро дѣйствительно, а не по газетнымъ версіямъ; въ Куропаткина вѣрятъ, но что у послѣдняго не хватаетъ рѣшимости. Это, впрочемъ, видно и изъ картинъ бывшихъ уже боевъ. Интересны отзывы о Стесселѣ: «мерзавецъ и трусъ». Въ Китайскую войну его выручила храбрость Анисимова, командира 12 стр. сиб. полка; въ штабѣ знали, что это загусь, и когда онъ остался на Квантунѣ главнымъ начальникомъ, Куропаткинъ, бывший еще тогда въ подчиненіи у Алексѣева, хотѣлъ отозвать его передъ самой осадой Артура, но Алексѣевъ отказалъ въ этомъ: Стессель умѣлъ заискивать передъ нимъ.

Генералы Фокъ, Смирновъ, Кондратенко—все были въ ссорѣ со Стесселемъ; Смирновъ даже не разговаривалъ съ нимъ, и только Кондратенко, ведшій всю оборону, былъ между ними связующимъ, исключительно по службѣ, звеномъ.

Записываю этотъ рассказъ, такъ какъ то же самое слышалъ отъ многихъ военныхъ, близко стоящихъ къ дѣламъ Востока.

Какъ мы ведемъ войну и чего стоимъ въ настоящее время, показываетъ слѣдующее: оказывается, что Владивостокъ—исконная крѣпость на Дальнемъ Востокѣ, хорошо укрѣплена съ моря; съ суши же возведены такъ называемыя «временныя» укрѣпленія, т.-е. способныя противостоять лишь полевымъ орудіямъ. Такого сорта форты «найлены недостаточными», такъ какъ съ суши мы «не предполагаемъ» возможной осаду...

Подъ Портъ-Артуромъ мы «не предполагали» возможнымъ употреблять для осады орудія выше 6-д., японцы же привезли 11-д., и все пошло къ чорту отъ этихъ «не предполагавшихся» снарядовъ.

Словомъ, за все эти оказавшіяся «непредположенія», намъ наколотятъ шею, и кто же—вчерашніе «макаки», предлагавшіе намъ передъ заключеніемъ договора съ Англіей союзъ, отъ котораго мы отказались, какъ отъ чего-то съ величіемъ Россіи несогласнаго, чуть ли не унижительнаго!

Особенно возмущаютъ военныхъ два факта: отсутствіе въ такое

особенно страдное время главнаго работника и вдохновителя въ ихъ мірѣ—именно начальника главнаго штаба. Очевидно, говорить, эта должность не нужна, разъ во время войны, въ теченіе почти года не замѣщаютъ ея. Дѣйствительно: съ начала кампаніи, т.-е. съ уходомъ Сахарова въ министры, мѣсто начальника гл. штаба пустуетъ. Въ штабѣ идетъ неурядица, такъ какъ кому охота впрягаться въ лямку каторжника для того, чтобы по окончаніи войны предоставить это мѣсто другому? А между тѣмъ, что можетъ быть важнѣе начальника главнаго штаба въ военное время?

Затѣмъ негодуютъ на замѣщеніе важнѣйшаго въ военномъ отношеніи изъ генералъ-губернаторствъ—Туркестанскаго, интендантскимъ генераломъ Тевяшевымъ, человѣкомъ не только глубоко ограниченнымъ, но и буквально ничего не знающимъ, кромѣ цѣнъ на солдатскіе штаны. Всѣ эти «веселенькія» явленія, за которыя потомъ приходится платить цѣлой странѣ, результаты протекцій...

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ бывшій московскій губернаторъ Булыгинъ; Треповъ, Булыгинъ—все это ставленники Сергѣя Александровича, и хорошаго ждать отъ нихъ трудно.

Къ приему депутаціи въ городѣ относятся подозрительно; какъ выясняется, депутація эта—просто «ходъ» передъ западомъ, общественное мнѣніе котораго надо было чѣмъ-нибудь умаслить. Собрана она была по распоряженію полиціи, явилась во дворецъ въ видѣ толпы безмолвныхъ барановъ для выслушанія заранѣе написанной рѣчи, и только... Судя по газетамъ, пародія эта за границей, кажется, имѣла успѣхъ. Впрочемъ, развѣ можно въ наше время узнать правду изъ газетъ??.

22 января. Министръ юстиціи, Муравьевъ, совершилъ новый ловкій ходъ: получилъ назначеніе въ итальянскіе послы...

Въ достопамятное собраніе министровъ, обсуждавшихъ съ государемъ вопросъ о конституціи, Муравьевъ отличился наиболѣе консервативной рѣчью; вмѣстѣ съ безсмертнымъ кашеємъ Побѣдоносцевымъ они доказали, что государь (это «самодержавный»-то монархъ!) не имѣетъ права ограничивать власть свою.

У революціонныхъ партій Муравьевъ давно занесенъ на черную доску; послѣ же татарской рѣчи его съ нимъ рѣшено было управиться, какъ съ Плеве, и Муравьевъ былъ извѣщенъ, что имя его стоитъ первымъ въ спискѣ осужденныхъ на смерть. Любитель «самодержавія», какъ умный человѣкъ, почувалъ, что въ воздухѣ теперь дѣйствительно начинаетъ пахнуть бомбами, и увильнулъ въ послы, не теряя значенія и положенія, добытаго имъ въ жизни подобными же ловкими изворотами.

Такъ судить о происшедшемъ въ обществѣ, и вотъ слова, которыми неизмѣнно сопровождаются разговоры о немъ: «ловкая каналья». Этотъ эпитетъ Муравьевъ имѣетъ полное право взять девизомъ въ гербъ свой!

Сегодня уже въ правительственномъ сообщеніи число убитыхъ 9 января (перечислены по фамиліямъ) возрасло до 130. Эта цифра тоже невѣрна, такъ какъ въ нее включено только одиннадцать неопознанныхъ труповъ, между тѣмъ въ дѣйствительности неопознанными осталось не мало, да иначе и быть не могло при той спѣшкѣ съ похоронами и многочисленности мѣстъ, гдѣ были разбросаны мертвые.

23 января. Уволена артистка Императорскихъ театровъ—Куза.

9 января она проѣзжала въ своей каретѣ мимо стоявшаго отряда Преображенскаго полка и высунувшись изъ окна, крикнула офицерамъ: «поздравляю васъ съ первой побѣдой!» Ей пустили вслѣдъ ругательства, а затѣмъ донесли по начальству, и въ результатѣ Кузѣ было предложено оставить труппу.

На театрѣ войны творится, чортъ знаетъ что. По имѣющимъ у меня свѣдѣніямъ изъ академіи генеральнаго штаба Гриппенбергъ далъ телеграмму государю, въ которой заявляетъ, что служить болѣе съ Куропаткинымъ и лить понапрасну кровь онъ не желаетъ и проситъ уволить его. Послѣднюю битву завязала его армія, одержала уже успѣхъ, но Куропаткинъ не только не поддержалъ ея, но еще приказалъ и отступить; во время отступленія мы потеряли 10.000 чел., между тѣмъ какъ атака и взятіе японскихъ позицій обошлось всего въ 2.000.

Гриппенбергъ вызванъ для личныхъ объясненій къ государю.

Такъ торжественно отправленный на войну, чуть не триумфаторомъ, Скрыдловъ явился съ нея сильно поджавъ хвостъ и, кажется, на этомъ франтѣ, весь вѣкъ занимавшемся фокусами и саморекламированьемъ, поставленъ окончательный крестъ. Еще болѣе раздутая знаменитость—Стессель выясняется все болѣе и болѣе во весь ростъ и въ самомъ гнусномъ видѣ... Какъ это все больно, какъ это обидно! Все это очень волнуетъ общество.

24 января. Оттепель. На 28 января ожидаемъ манифеста, которымъ будетъ намъ «все» дано, что желаемъ... такъ будто бы выразился Треповъ и Георгій Михайловичъ (великій князь). Блаженъ, кто вѣруетъ!.. А пока, въ ожиданіи манифеста, запишу стихотвореніе, очень распространенное теперь въ городѣ; напечатано оно, неизвѣстно гдѣ, на маленькихъ листкахъ.

Какъ у насъ въ городкѣ
На Невѣ на рѣкѣ

Ника

Изъ себя вышелъ вонъ,
Ножкой топаетъ онъ

Дико.

И кричитъ: ей же ей,
Имъ не дамъ, хотъ убей,

Воли.

Будетъ все, какъ и встарь.

Аль я больше не царь,

Что ли?

Я повластвую всласть

И не сдѣлаю власть

Мою куцой.

Прикажу все смести,

Но не дамъ завести

Конституцій.

Мнѣ сказала та тѣге,

Чтобы бралъ я примѣръ

Съ папы.

И задамъ я трезвонъ

Всѣмъ, кто тянетъ на тронъ

Лапы.

Вѣдь по дудкѣ моей

Пляшетъ много людей

Очень,

Хотъ и молвить молва,

Что моя голова

Кочень.

Земцамъ будетъ бѣда.

Ишь полѣзли куда!

Шутки!

Имъ парламентъ? Да носъ

Еще вашъ не доросъ.

Дудки.

Мнѣ же носъ, господа,

Я клянусь, никогда

Не утрете.

Я скажу напрямки:

«Пошли вонъ, дураки!»

И пойдете!

Охъ, ты, царь Николай,
Ты на земцевъ не лай.
Ишь задорникъ!
Ты бь ихъ слушалъ совѣтъ,
А ругня не отвѣтъ:
Ты не дворникъ!
Лучше земцамъ внемли:
Они люди земли
Нашей.
А не то — путь иной:
Къ нѣмцамъ съ сыномъ, съ женой
И съ мамашей!

26 января. На Путиловскомъ заводѣ—пострадавшемъ болѣе всѣхъ во время разстрѣливанія, и на резиновой мануфактурѣ опять нелады и забастовка. Рабочіе возмущены приказомъ Трепова о назначеніи имъ депутаціи къ государю, причемъ выбрать въ депутаты приказано было только «изъ благонадежныхъ», т.-е. по усмотрѣнію полиціи, а не тѣхъ, кого хотѣли бы рабочіе. Разумѣется «депутація» эта только и могла, что упасть въ ноги и окончательно осрамить ихъ дѣло, къ которому свыше, для оправданія себя, такъ ловко успѣли уже подклеить революціонную подкладку. И какъ быстро гипнотизируется общество: люди, вчера еще знавшіе истинное положеніе вещей, послѣ увѣренной правительственной лжи, начинаютъ сомнѣваться, а многіе и вѣрятъ въ нее.

Арестованныхъ писателей, профессоровъ и т. д. выпускаютъ одного за другимъ. Спрашивается—для чего было сажать ихъ? Для пущаго озлобленія общества?

Въ учебныхъ заведеніяхъ—говорю про высшія—смута. Рѣшается вопросъ объ общей забастовкѣ; среди младшихъ курсовъ недовольство противъ нея большое, такъ какъ, въ случаѣ прекращенія занятій въ этомъ году, первые курсы снова должны держать конкурсные экзамены. Треповъ вчера, созвавъ высшіе персоналы институтовъ и пр., заявилъ имъ, чтобы было произведено голосованіе среди учащихся относительно продолженія занятій. Если за послѣднее окажется большинство—меньшинство будетъ исключено, и занятія пойдутъ своимъ чередомъ; если наоборотъ—всѣ высшія учебныя заведенія будутъ имъ закрыты на годъ, а учащіеся не только навсегда исключены, но и всѣ высланы изъ столицы, безъ права вѣзда въ нее.

27 января. Слышалъ мѣткую остроту про государя: «бѣдный

Николай, и безъ того ужъ онъ ограниченъ, а его еще ограничить хотять!»

28 января. Въ мастерскихъ Варшавской жел. дороги убитъ рабочими главный мастеръ; по слухамъ, на Путиловскомъ подготавливалось убійство цѣлаго ряда мастеровъ, но кто-то выдалъ заговоръ, и мастера успѣли скрыться, а выдавшій и вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ поплатились жизнью. Такъ говорятъ въ городѣ, добавляя, что убитъ Смирновъ—злосчастный упрямецъ, изъ-за котораго и началъ бастовать Путиловскій заводъ, гдѣ онъ состоитъ директоромъ. Около трехъ часовъ дня туда спѣшно поскакалъ конно-гвардейскій эскадронъ и жандармы; дѣло тамъ несомнѣнно неладно.

Въ Казанскомъ соборѣ служили сегодня панихиду по Михайловскомъ; народа, главнымъ образомъ, всякаго студенчества, набралось гибель; по выходѣ толпа запѣла «со святыми упокой», но была разсѣяна полиціей и казаками; говорятъ, опять поработали нагайки, но много ли и какъ—еще не знаю.

Манифеста, разумѣется, нѣтъ какъ нѣтъ. «Обѣщаннаго три года ждутъ», говоритъ пословица. И получаютъ кукнишь, добавлю и отъ себя!

29 января. Мстятъ Максиму Горькому: по распоряженію властей снимаютъ вездѣ съ репертуара новую пьесу его «Дачники». Ставятъ, говоря иными словами, Горькаго въ уголъ... то-то умники! По городу ходитъ басня, будто бы въ пресловутые дни этого мѣсяца ожидали революціи и уже было выбрано (къмъ?) временное правительство, среди котораго значился и Максимъ, встѣдствіе чего его и арестовали.

3 февраля. На заводахъ все еще неспокойно, и то тутъ, то тамъ происходятъ забастовки. Россія, всѣ слои общества, даже московское купечество, дружно высказываются за конституцію; есть адреса къ государю, написанные прямо замѣчательно. Начинаются елеино, а кончаются неизмѣннымъ припѣвомъ о земскомъ соборѣ. Эти два слова теперь у всѣхъ на языкѣ.

Въ Тенишевскомъ училищѣ произошелъ водевильчикъ—по плевенскимъ временамъ трагедія. Среди уроковъ явился въ одинъ изъ классовъ министерскій инспекторъ (училище это въ вѣдѣніи министерства финансовъ) и задаетъ одному изъ учениковъ вопросъ—что вы проходите теперь по исторіи? Ученикъ попался, какъ на грѣхъ, недалекій. «Объ ограниченіи императорской власти въ Россіи»—выпалилъ простофиля.

Конечно, произошло замѣшательство; кто-то усиленно сталъ подсказывать «въ царствованіе Анны Іоанновны», но впечатлѣніе было уже произведено. Инспекторъ всталъ и, заявивъ: «я, вижу,

засталъ васъ здѣсь врасплохъ!», съ многообѣщающимъ видомъ оскорбленной добродѣтели удалился изъ училища. Острогорскій (директоръ) рѣшаетъ теперь шараду, что будетъ съ нимъ и училищемъ; оно давно «въ подозрѣннѣ» у начальства, или у бюрократіи, какъ теперь въ модѣ выражаться.

4 февраля. Въ Москвѣ убитъ взрывомъ бомбы главный совѣтникъ государя великій князь Сергій Александровичъ. Телеграммы объ этомъ произвели большой и притомъ радостный эффектъ въ городѣ: «кто будетъ № 2?» задаютъ вопросы другъ другу. Этотъ вопросъ, надо думать, волнуетъ кое-кого и побольше, чѣмъ насъ. Ставленники Сергія—Треповъ и Булыгинъ очутились, такимъ образомъ, безъ почвы подъ ногами и врядъ ли будутъ долго у власти.

Положеніе Трепова глупѣйшее: сидитъ вмѣсто государя во дворцѣ безвыѣздно, какъ въ казематѣ, подъ охраной сыщиковъ и пр. челяди; какъ будто можетъ все сдѣлать, но въ сущности властенъ только надъ маленькими людьми, а большіе щетинятся, особенно Государственный Совѣтъ.

5 февраля. Сергія ухлопали основательно: его разорвало на куски... Кинулъ бомбу субъектъ въ рабочемъ костюмѣ лѣтъ 35, говорить съ иностраннымъ акцентомъ. Работа заграничная, чистая, что говорить. И тутъ намъ, видно, «нѣмецъ» потребовался! Петербуржцы не только радуются, но и поздравляютъ другъ друга съ этимъ убійствомъ. Славную репутацію заслужилъ покойникъ!

Выпущенъ Высочайшій Манифестъ, по обычаю высокопарно надутый и приглашающій всѣхъ соединиться въ молитвахъ за упокой души Сергія и высказывающій увѣренность, что вся Россія раздѣляетъ скорбь царствующаго дома—словомъ, обычная белиберда въ этомъ родѣ. Даромъ, можно сказать, погубилъ пятачокъ на покупку «Вечерней Газеты», выпустившей манифестъ часовъ въ 12 дня. Прочиталъ его и кинулъ по дорогѣ. Люди радуются, а ихъ скорбѣтъ зовутъ!

Интересно, какъ будутъ теперь хоронить Сергія; въ Питерѣ везти опасно: хватятъ бомбой въ процессію—разомъ отъ всей фамиліи только мокрое мѣсто останется; думаю, что выдумаютъ благовидный предлогъ и погребутъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ царствовалъ—и только. И чего ради эти люди такъ судорожно держатся за власть: живутъ, какъ загнанные звѣри въ норахъ, боятся показаться куда-нибудь, дрожатъ передъ каждымъ шагомъ и все-таки не хотятъ поступиться ничѣмъ! Именно «ничѣмъ», такъ какъ въ сущности, что такое, какъ не фикція, власть теперешняго государя? — Это власть — Плеве — Сергія — Маріи — Одо-

ровны — Витте — и т. д., и т. д.... только не его самого. А ужъ имъ ли бы не жить, что называется, въ власть?

Приѣхалъ съ войны Гриппенбергъ.

6 февраля. Высшіе круги возмущены прибытіемъ Гриппенберга; запальчивый генералъ кинулъ, какъ увѣряютъ, армію и прискакалъ въ Питеръ безъ всякаго разрѣшенія. Поступокъ смѣлый, и настолько крупный, что надо думать, что у Гриппенберга есть и большія основанія къ нему.

7 февраля. На заводахъ вездѣ работаютъ; но поговариваютъ, что мы наканунѣ общей желѣзнодорожной стачки; Виндавская дорога уже не работаетъ. Окончательно прекращены занятія и во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Оригинальнымъ путемъ идетъ у насъ революція: забастовками!

Вел. князь Владиміръ, Марія Ѳедоровна и Треповъ говорятъ, получили и продолжаютъ получать письма съ извѣщеніями о приговорѣ ихъ къ смерти. Никто изъ высочайшихъ на улицахъ не показывается, а еще недавно стоило выйти на Невскій или Морскую, и непремѣнно встрѣтишь кого-нибудь изъ нихъ.

На три мѣсяца поставлены въ уголъ газеты «Наша Жизнь» и «Наши Дни» за «непрекращающееся вредное направленіе».

8 февраля. Грандіозная обще-университетская сходка студентовъ приняла резолюцію: прекратить занятія до сентября мѣсяца. Такія же вѣсти приходятъ и отовсюду. Сходка, между прочимъ, закончилась скандаломъ: одинъ изъ студентовъ вынулъ красный флагъ съ надписью: «долой самодержавіе» и воткнулъ его въ громадный портретъ государя, стоявшій въ залѣ. Затѣмъ портретъ этотъ былъ разодранъ окончательно.

9 февраля. Завтра «временно» хоронятъ въ Москвѣ то, что осталось отъ Сергія; ни государь ни братья убитого присутствовать не будутъ...

Прощень жившій до сихъ поръ за границей великій князь Павелъ Александровичъ, попавшій въ опалу за женитьбу на баронессѣ Пистолькорсъ.

11 февраля. Воспрещена розничная продажа газеты «Русь». На заводахъ опять нелады, многіе остановились.

13 февраля. Забастовки охватываютъ всю Россію; на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ прекращается движеніе; на Кавказѣ идетъ форменная рѣзня; прекратили рейсы въ Батумъ пароходныя общества русскія и иностранныя... Картинка, въ общемъ, размышленія достойная!

Напомнили мнѣ сегодня очень давно слышанный мною рассказъ объ разговорѣ Николая I съ извѣстнымъ Авелемъ. Николай велѣлъ его позвать къ себѣ и спросилъ, кто будетъ царствовать послѣ его сына, Александра II.

— Александръ,—отвѣтилъ Авель.

— Какъ Александръ?—изумился императоръ.—Старшаго сына моего зовутъ Николай! (въ то время послѣдній былъ живъ и здоровъ еще).

— А будетъ царствовать Александръ,—повторилъ Авель.

— А послѣ него?

— Послѣ него Николай.

— А потомъ?

Монахъ молчалъ; царь повторилъ вопросъ.

— Не смѣю сказать, государь,—отвѣтилъ тотъ.

— Говори.

— Потомъ будетъ мужикъ съ топоромъ!—сказалъ Авель.

Разсказъ этотъ я слышалъ еще мальчикомъ въ царствованіе Александра II.

Не грядетъ ли и впрямь царство мужика съ топоромъ?

Интересно, какъ широко охватила идея освобожденія не только всѣ классы, но и всѣ возрасты: въ гимназіи Стоюниной по полученіи извѣстія о смерти Сергѣя священникъ рѣшилъ отслужить панихиду и на урокѣ заявилъ объ этомъ классу, добавивъ, что это долгъ всѣхъ вѣрноподданныхъ.

«Совсѣмъ мы не вѣрноподданные, совсѣмъ не вѣрноподданные!» дружно закричали дѣвочки (лѣтъ 14—15), и ни одна на панихиду не явилась. У Гуревича вышло еще проще: на приглашеніе идти въ церковь гимназисты отвѣтили, что если будутъ служить молебенъ по случаю происшедшаго, то они пойдутъ, на панихиду же идти не желаютъ. И не пошли.

Свѣдѣнія эти безусловно вѣрныя.

Среди забастовокъ есть и курьезныя: забастовала ... консерваторія. Требованія ея сводятся къ уменьшенію платы, и праву бесплатнаго посѣщенія оперъ (это тогда только для нихъ однихъ Маріинскій театръ существовать будетъ!) и т. д. Единственный разумный пунктъ, кромѣ перваго,—требованіе вѣжливаго обращенія со стороны профессоровъ и профессоршъ, позволяющихъ себѣ отпускать учащимся «дураковъ» и «дуръ» и сравнивать ихъ таланты съ талантливостью коровъ и другихъ, столь же музыкальныхъ особъ.

16 февраля. Пріѣхалъ Стессель; у Знаменья и на противоположной сторонѣ Невскаго стояли небольшія кучки народа. замѣчался усиленный нарядъ полиціи—и только. Ничего подобнаго встрѣчъ «Варяговъ» и «Корейцевъ»... На вокзалѣ его привѣтствовали разные «предсѣдатели», но въ общемъ все прошло незамѣтно... Бросалось только въ глаза полное отсутствіе моряковъ; между послѣдними и стесселевцами идетъ какая-то страшная вражда, но изъ-за чего, почему—неизвѣстно.

Почтамтъ во взбудораженномъ настроеніи: въ экспедиціи его подкинули прокламаціи съ угрозами взорвать зданіе, если къ 19 февраля всѣ не забастуютъ. Многіе этой ерундѣ вѣрятъ и сильно встревожены; трусить между прочимъ и Ермолай и шатается по экспедиціямъ въ неурочные часы для поддержанія бдительности въ своихъ подчиненныхъ.

17 февраля. На 19 число ждемъ чего-то грандіознаго во всѣхъ отношеніяхъ. Со всѣхъ сторонъ говорятъ о новой забастовкѣ и серьезныхъ погромахъ и стычкахъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ войскъ. Обѣщана даже новая Варѣоломеевская ночь. Каково настроеніе у многихъ—можно себѣ представить; всякій слухъ принимается на вѣру, и достаточно будетъ произойти пустяку, чтобы вспыхнула паника.

20 февраля. Полное спокойствіе. Вчера и съ 18 на 19 дворники во всѣхъ домахъ подъ командою старшихъ просидѣли ночи, спрятанные за воротами; войска были наготовѣ тоже, но и 18 и 19—сорочины 9 января—прошли тихо, несмотря на многочисленныя прокламаціи, усердно разбрасывавшіяся по заводамъ и въ которыхъ призывались всѣ къ возмездію «Николаю Кровавому».

Этою ночью Петербургъ казался вымершимъ: на сравнительно оживленныхъ всегда Невскомъ и пр. улицахъ совершенно не встрѣчалось обычныхъ путниковъ изъ интеллигенціи; изрѣдка попадался кое-кто изъ простонародья. Такъ напуганы питерцы обѣщаніемъ Варѣоломеевской ночи!

26 февраля. Въ 4 ч. утра сегодня въ меблированныхъ комнатахъ «Бристоль», что противъ Исаакіевскаго сквера, произошелъ взрывъ. Выбиты рамы и стекла во всей срединѣ дома, причемъ особенно сильно пострадалъ второй и первый этажи. Въ 10 ч. утра проходилъ мимо; проѣздъ для экипажей около дома закрытъ конной полиціей; окна снѣжно исправляются. Передаютъ, будто виновникъ взрыва—какой-то субъектъ въ формѣ студента; катастрофа произошла въ его комнатѣ, и есть убитые и раненые, такъ какъ разрушены и сосѣднія комнаты въ обоихъ этажахъ. Вѣроятно, готовилась бомба, угодившая въ самого автора...

На войнѣ новый разгромъ: взять японцами Мукденъ, сожжены наши миллионныя склады и т. д., и т. д.

4 марта. Высочайшимъ приказомъ смѣщенъ Куропаткинъ и назначенъ Линевищъ.

6 марта. Носятся слухи объ арестахъ въ Пажескомъ корпусѣ. Взрывъ въ «Бристолѣ», разорвавъ ка куски виновника и превративъ въ щепки всю комнату, случайно не тронулъ чемодана, въ которомъ оказались переписка и разныя бумаги, указавшія на

прикосновенность къ дѣлу камеръ-пажа, фельдфебеля роты Его Величества, Верховскаго. При обыскѣ у послѣдняго нашли будто бы бомбы... Кромѣ него, говорятъ, арестованы и посажены въ Петропавловку еще три пажъ.

9 марта. Уже недѣли двѣ или болѣе, какъ измѣнены (безо всякаго оповѣщенія публики) бандероли на папиросахъ: съ нихъ исчезъ государственный гербъ—орелъ. Это подало поводъ къ толкамъ, что акцизъ съ табака и винный негласно проданы правительствомъ Ротшильду. Говорятъ объ этомъ усиленно.

14 марта. Слухъ объ арестѣ въ Пажескомъ корпусѣ подтверждается. Биржа угнетена страшно, и рента наша опустилась еще. Объявленъ новый заемъ по курсу 96 за 100 и $5\frac{1}{2}\%$ заемъ этотъ внутренний, такъ какъ внѣшній не удался..., между тѣмъ заемъ японцевъ прошелъ съ успѣхомъ! Вѣсти со всѣхъ сторонъ плохія: въ Варшавѣ пошли въ ходъ бомбы, въ десяткахъ другихъ городовъ—стрѣльба губернаторовъ, полицеймейстеровъ и даже городскихъ. Мужики грабятъ помѣщиковъ въ разныхъ губерніяхъ: словомъ, разладъ и безпутица полнѣйшія... Настроеніе у большинства какое-то устало-подавленное: нервы притупились. Всѣ эти разговоры, сходки, волненія наши, порывы—все это толченіе воды въ ступѣ! Уже теперь ясно видно, что пресловутая конституція будетъ простое надувательство, «обманъ глазъ», какъ говорить народъ, и ничего болѣе. Ждать пути приходится только отъ бомбъ и только на нихъ и начинать рассчитывать все большее и большее число людей. Указываютъ на май мѣсяцъ, какъ на срокъ наступленія революціи; я въ это не вѣрю—слишкомъ много называли намъ сроковъ, и ничего въ эти сроки не было!

17 марта. Около $1\frac{1}{2}$ ч. дня на Морской произошло загадочное событіе. Трое одѣтыхъ въ штатское платье проходили мимо стоявшаго на углу Почтового пер. посыльнаго; одинъ изъ нихъ толкнулъ его; посыльный огрызнулся, и въ ту же минуту двое другихъ штатскихъ разомъ схватили его сзади. Посыльный успѣлъ вырвать изъ своего кармана револьверъ и сдѣлалъ два выстрѣла, но оба впустую. Въ ту же минуту у мѣста свалки оказалась карета; въ нее втиснули схваченнаго, и всѣ трое штатскихъ умчались съ нимъ. Оказалось, что штатскіе были сыщики и уже два дня выслѣживали посыльнаго. Исторія послѣдняго такова: нѣсколько дней тому назадъ на упомянутомъ углу появился новый посыльный; мѣстные посыльные, стоявшіе на противоположномъ углу, конечно сейчасъ же примѣтили коллегу, но никто не зналъ его. На другой день они дали знать въ полицію, что появился самозванецъ въ формѣ ихъ артели; учредили за нимъ надзоръ, и посыльный оказался совсѣмъ другой птицей.

Кого караулить неизвѣстный—не знаю; говорятъ, будто Трепова, который впервые за все время сегодня рѣшился наконецъ выѣхать въ Государственный Совѣтъ.

Придетъ же въ голову негѣлая затѣя переодѣваться въ форму артельщиковъ, знающихъ другъ друга наперечетъ, и помѣщаться передъ глазами у нихъ! Не богатъ мозгами, видно, попавшійся.

18 марта. Изъ двухъ источниковъ слышалъ, что на наследника маленькаго Алексѣя произведено было покушеніе. По однимъ версіямъ его хотѣли украсть, по другимъ задуть, при чемъ мамка явилась спасительницей его. Преданіе свѣжо, а вѣрится съ трудомъ!

21 марта. Слышалъ, будто въ Трепова стрѣляли на Морской, но неудачно. Кажется, слухъ невѣренъ: не преувеличила ли молва происшествіе на углу Морской и Почтамтскаго пер.? Даже количествомъ выстрѣловъ они сходятся.

Всюду толкуютъ о близкой революціи; политическіе разговоры просто оттошнили: гдѣ собрались двое, тамъ уже идутъ горячіе дебаты о политикѣ; вся Россія, можно сказать, состоитъ теперь изъ министровъ.

3 апрѣля. Многіе съ тревогой ждутъ наступленія мая; со всѣхъ сторонъ на него указываютъ, какъ на мѣсяцъ, въ который должна произойти революція. Такъ ли или не такъ, только правительство, видимо, готовится къ худшему: съ Дона, напр., выписаны еще казаки, ни одна гвардейская часть не посылается на войну и т. д. Слышалъ, что рабочіе вооружены чуть не поголовно; деньги и оружіе будто бы въ большомъ количествѣ непрерывно идутъ къ нимъ изъ-за границы. Вообще толковъ и арестовъ много; многіе обыватели намѣреваются покинуть Питеръ и переселиться на дачи до 1 мая; дачи въ Финляндіи идутъ нарасхватъ, такъ какъ только эта окраина признается теперь наиболѣе безопасной отъ грядущаго террора.

Не мало разговариваютъ о какомъ-то загадочномъ происшествіи: застрѣлился молодой гвардейскій офицеръ и двѣ родственницы, кажется, племянницы, Трепова; причина—открытіе ихъ участія въ чемъ-то политическомъ.

6 апрѣля. Все сильнѣе разгораются толки о грядущихъ безпорядкахъ. Срокъ наступленія ихъ перенесли уже на первый день Пасхи и намѣченными жертвами называютъ не болѣе не менѣе какъ всю питерскую интеллигенцію. Слухи объ этомъ ходятъ повсюду; многіе уѣзжаютъ, другіе собираются выѣхать на это время изъ города; общее настроеніе тревожное. Слышалъ, будто въ нѣсколько лицъ, пользующихся нѣкоторой популярностью среди

рабочихъ, получили анонимныя дружескія предупрежденія отъ нихъ; затѣмъ будто какая-то дама, учительница, встрѣтила въ глухомъ мѣстѣ вечеромъ босяка и на просьбу его о милостынѣ дала ему, со страха, все, что имѣла съ собой—рубль. Босяка, оказавшагося безмѣстнымъ рабочимъ, это такъ тронуло, что онъ въ видѣ благодарности сообщилъ учительницѣ, что на первый день будутъ избіенія, и она хорошо сдѣлаетъ, если оставитъ городъ на всю Святую.

10 апрѣля. Весь городъ говоритъ о близкихъ избіеніяхъ; увѣряютъ, что народъ будетъ врываться въ квартиры и избивать интеллигенцію наподобіе Искова и др. мѣстъ. Въ литературныхъ кружкахъ заявляютъ, что избіеніе это организуетъ полиція и пострадаютъ наиболѣе непріятныя правительству лица.

14 апрѣля. Погода теплая и хорошая. Вчера заговорили о тревожащихъ всѣхъ слухахъ «Биржевыя Вѣдомости»; сегодня отозвались «Петербургская газета» и «Русь»; въ Думу сдѣланы запросы, какія мѣры приметъ городъ для предотвращенія погромовъ.

Лично я въ возможность ихъ не вѣрю; Петербургъ не Кишиневъ, и правительству устраивать Варѣоломесвскія ночи не время; хулиганству же, на которое, между прочимъ, тоже указываютъ толки—такая затѣя не по плечу: интеллигенціи здѣсь все же больше, чѣмъ ихъ братіи.

Въ общемъ—огромное большинство общества сильно утомлено политиканствомъ, во многихъ домахъ гостямъ ставятъ условія—о войнѣ и политикѣ не говорить. И правильно.

Осточертели всѣ эти нелѣпые толки и толки вкривь и вкосъ; проку отъ нихъ нѣтъ, а только одно раздраженіе и надсадка ушей и горла. Нервничаемъ всѣ сильно.

15 апрѣля. На улицахъ расклеены объявленія Тренова, призывающія обывателей успокоиться и завѣряющія, что слухи объ избіеніяхъ ложны, и что всякая попытка къ чему-либо подобному будетъ немедленно энергично подавлена.

16 апрѣля. На перекресткахъ усиленное количество полиціи; во дворахъ многихъ домовъ поставлены отряды солдатъ; вѣсть объ этомъ подѣйствовала успокоительно.

30 апрѣля. Видѣлъ скверно напечатанныя пишущей машиной прокламаціи, вѣрнѣе воззванія «революціоннаго комитета», призывающія къ оружію на завтра. Воззванія эти найдены подброшенными на парадныхъ лѣстницахъ, написаны они глупо и все еще твердятъ про «январскую кровь»... Питерцы уже поостыли къ ней; впечатлѣнія такъ долго здѣсь не держатся!

Сентябрь. Срамная война съ Японіей срамно и окончена:

отдали половину Сахалина, Манчжурскую дорогу и т. д., и т. д. Миръ ратификованъ. Ни одной побѣды, ни одной свѣтлой страницы, на которой бы могъ отдохнуть глазъ! Разнузданность, воровство, бездарность—вотъ съ чѣмъ выступили мы въ борьбу со сплоченнымъ народомъ. Какъ и Крымская война, эта открыла намъ глаза, но вопросъ—надолго ли? Уроки Крыма забыты къ несчастію были очень скоро!

2 октября. Хоронили ректора Московскаго университета князя С. Трубецкаго. У клиники Елены Павловны собралась огромная толпа; впереди колесницы выстроились безконечныя пары студентовъ и разныхъ учащихся съ вѣнками; полиція почти отсутствовала и порядковъ не наводила, а потому онъ былъ образцовый. Шествіе тронулось на Суворовскій проспектъ. Я шель почти сейчасъ же за гробомъ, но мало-по-малу отсталъ. Толпа пѣла «колы славень», но крайне нестройно; въ одномъ мѣстѣ пѣли начало, въ другомъ конецъ, а въ третьемъ совсѣмъ иное.

Противъ Николаевской академіи вдругъ раздались крики, вопли, и толпа, какъ безумная, шарахнулась къ тротуарамъ; многіе бросались и влѣзали на желѣзную ограду. Оказалось, что жандармъ, слѣдовавшій близъ гроба и на котораго начали кричать изъ толпы: «долой полицію, вонъ сволочь» повернуть лошадей и поѣхалъ прочь. Ближайшіе, думая, что онъ хочетъ напасть на нихъ, перепугались и произвели панику въ заднихъ рядахъ. Кое-какъ все успокоились, и шествіе пошло дальше; часть студентовъ—вѣроятно распорядителей—шедшая близъ гроба, опять запѣла «колы славень», позади раздалась марсельеза и «Вы жертвою пали». Жандармы исчезли окончательно и поступили умно.

Когда мы вышли на Невскій, гробъ уже сворачивалъ къ вокзалу. У забора, ограждающаго до сихъ поръ мѣсто будущаго памятника Александру III, виднѣлись шапки и султаны отряда конной полиціи; мы протѣснились до площади, но дальше пройти возможности не было. Ступеньки вокзала и часть бульвара около него были залиты народомъ. Гробъ уже скрылся, но все стояли и чего то ждали.

Насмѣшила очень какая-то женщина—что-то въ родѣ лавочницы; протискивается она назадъ мимо насъ и во все горло заявляетъ: «вотъ такъ погребали, съ пѣснями!» Это такъ вѣрно было и такъ забавно, что все кругомъ засмѣялось.

Сейчасъ же позади насъ раздалось пѣніе марсельезы; въ революціонныхъ пѣсняхъ, главнымъ образомъ, слышались женскіе голоса. Какъ бы въ отвѣтъ на это изъ-за угла, со стороны Гончарной, показался эскадронъ конныхъ жандармовъ; я успѣлъ выбраться направо къ тротуару и стать подъ защиту желѣзнаго

фонарнаго столба. Эскадронъ доѣхалъ до Сѣверной гостиницы; рыжій подполковникъ, ведшій его, скомандовалъ перестроеніе; блеснули обнаженныя шашки, и жандармы тихой рысью, почти шагомъ, по три въ рядъ, двинулись на толпу. Что тутъ произошло—неописуемо! Съ дикими воплями, не видя ничего и никого, ринулось все въ стороны; на тротуарѣ близъ насъ нѣсколько человѣкъ упало; моментально образовалась на нихъ цѣлая гора, и по ней неслись студенты, курсистки и т. п. Слышался плачь, визгъ, трескъ ломавшейся зеленой ограды вокругъ насаженныхъ тамъ деревьевъ; люди лѣзли на нихъ, бросались къ дверямъ домовъ, куда попало. Напрасно десятки голосовъ, въ томъ числѣ и я—кричали: «стойте, стойте, ничего нѣтъ!»—паника продолжалась.

Тѣснимые безусловно никого не трогавшими жандармами, мы выбрались переулочкомъ на 1-ю Рождественскую улицу, и я направился домой. По дорогѣ вездѣ царило смятеніе: спѣшно запирались и даже заколачивались ворота и двери домовъ, и торговцы съ лотками товаровъ тѣтно стучали въ нихъ и молили о впускѣ. Жена увѣряла меня, что были 2 выстрѣла; я слышалъ трескъ, но увѣренъ, что это трещала деревянная ограда около деревьевъ.

И вотъ такая-то братія, нервы которой не могутъ выдерживать блеска обнаженныхъ сабель, идетъ устраивать демонстраціи! Кстати сказать, толпу составляла почти сплошь интеллигенція, простонародье было въ видѣ единичныхъ исключеній.

4 октября. Газеты полны описаніями похоронъ Трубецкаго; тонъ возвышенно-лирической, особенно у «Руси», въ дѣйствительности же процессія производила даже на насъ, участниковъ, далеко не то впечатлѣніе. Шла огромная орда непонимавшихъ другъ друга людей, шла прилично и нестройно распѣвала разныя пѣсни. Увѣренія, что были 2 выстрѣла изъ толпы въ жандармовъ, слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ; возможно, конечно, но я ихъ во всякомъ случаѣ не различилъ!

7 октября. Газеты сплошь заняты телеграммами изъ разныхъ городовъ Руси о забастовкахъ, демонстраціяхъ и т. п. Вездѣ на сценѣ войска, патрули и артиллерія. Гражданская война разгорается все больше и больше.

11 октября. Разрастается желѣзнодорожная забастовка.

12 октября. Питеръ отрѣзанъ отъ всей Россіи; всѣ желѣзныя дороги, кромѣ отказавшейся примкнуть къ движенію Финляндской, забастовали. На Николаевской дорогѣ, около Фарфоровскаго полустанка, разобранъ путь. По городу распространяется паника; увѣряютъ, что сегодня вечеромъ прикроются и забастуютъ

всеѣ магазины, и достать что-либо будетъ немыслимо. Колбасныя, булочныя, бакалейныя и т. п. осаждаются покупателями; все дѣлають запасы провизіи. Цѣна на мясо шагнула съ 16 на 22 коп. за фунтъ.

Все среднія учебныя заведенія закрылись; распустили сегодня и мы свое коммерческое училище. Нѣкоторыя дѣвочки остались у насъ, такъ какъ живутъ на Обуховскомъ заводѣ и попасть туда нѣтъ возможности. Ожидаемъ большихъ беспорядковъ, и, конечно, дѣтямъ на улицахъ теперь лучше не показываться.

14 октября. Окна магазиновъ заколочены досками и щитами; электричество сегодня не дѣйствуетъ. Внутри магазины тускло освѣщены или парой свѣчей, или какой-нибудь грошевой лампочкой; все имѣетъ такой видъ, что при первой тревогѣ остается только захлопнуть дверь, задуть огонекъ, и получится нѣчто въ родѣ крѣпостцы.

15 октября. Въ Питеръ подходятъ войска изъ окрестностей; говорятъ, пришла пѣхота изъ Пскова и гвардейская кавалерія изъ Царскаго. На улицахъ то и дѣло проѣзжаютъ кавалерійскіе разъѣзды; ворота домовъ заперты; за желѣзными рѣшетками ихъ видны сидящіе въ косматыхъ шубахъ дежурные дворники.

Газетъ сегодня нѣтъ. Это—вторичная забастовка ихъ въ этомъ мѣсяцѣ; въ первый разъ онѣ трехдневными прекращеніями работъ выражали свою солидарность съ московскими типографіями.

Николай находится въ Петергофѣ, и тамъ же стоитъ подъ парами императорская яхта «Полярная Звѣзда», готовая принять его и отплыть въ Данію. Мѣсто зловѣщее: вспомнилъ бы онъ Петра III и попытку его уйти въ море!...

На углахъ улицъ еще вчера вывѣшены объявленія Трепова, успокаивающія населеніе, причемъ добавлено, что всякая попытка къ беспорядку будетъ немедленно подавлена, войскъ достаточно, и имъ приказано холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть.

Любопытенъ слухъ о забастовкѣ конныхъ городскихъ; ихъ, дѣйствительно, что-то совершенно нигдѣ не видно.

Магазины торгуютъ безъ перерыва; нѣмецкіе булочники остались совершенно безъ дрожжей и командировали въ Выборгъ одного изъ своихъ за послѣдними. Тотъ привезъ 15 фунтовъ, болѣе не могъ раздобыть; на весь городъ это слишкомъ маловато...

16 октября. На улицахъ тихо и малоллюдно; аптеки вездѣ позабиты наглухо досками, такъ что появилось правительственное сообщеніе о томъ, что нуждающимся въ лекарствахъ таковыя будутъ отпущаться изъ разныхъ госпитальныхъ аптекъ. Говорятъ, вчера были разгромлены три изъ частныхъ, не желавшихъ

бастовать. Вообще забастовки наши далеко не дружны; бастуетъ меньшинство, и только терроромъ заставляетъ примкнуть къ себѣ остальную массу. Невскій проспектъ вчера вечеромъ и ночью освѣщался прожекторомъ, установленнымъ на Адмиралтейской башнѣ; эффектъ былъ замѣчательный.

Вечеръ. Электричество капризничаетъ: то на улицахъ темнота, то вдругъ затрещать и вспыхиваютъ фонари и опять гаснутъ черезъ нѣкоторое время. Очевидно, на мѣстахъ производства идутъ свалки и одолеваетъ то одна, то другая сторона. Прожекторъ освѣщаетъ Невскій и сегодня, но нынче онъ какой-то желтый и освѣщаетъ сквозь дождь плохо: будто какой-то огромный ярко желтый глазъ глядитъ изъ мглы и тумана.

Ходятъ толки, что «революція» произойдетъ 20 числа, теперь же будто бы все рабочіе и революціонеры запасаются оружіемъ. Вся эта, хотя бы и вооруженная банда, конечно, и гроша мѣднаго не стоитъ передъ регулярными войсками, и весь вопросъ въ томъ, на чьей сторонѣ будутъ они. Старшій д-ръ л.-гв. Гусарскаго полка. А. И. Воскресенскій говорилъ, что даже за этотъ полкъ ручаться нельзя: солдаты толкуютъ, что «конечно, что говорить—нехорошо это они (т.-е. рабочіе) дѣлаютъ, только какъ тоже въ своихъ-то стрѣлять?» Словомъ, часть войскъ вѣрна правительству, другая ни шатка, ни валка, примкнетъ къ тому, кто будетъ энергичнѣе, а третья намѣрена стрѣлять въ тѣхъ, кто станетъ стрѣлять въ народъ. Это слова какого-то офицера, сказанныя имъ на митингѣ въ университетѣ среди многочисленной толпы; погонны офицера были при этомъ закрыты платками.

Кстати на томъ же митингѣ произошло слѣдующее: какой-то господинъ попросилъ слова и предложилъ всемъ записать то чрезвычайно важное, что онъ имѣетъ сообщить. Кто могъ, достали карандаши и бумагу, и неизвѣстный продиктовалъ толпѣ рецептъ бомбъ и исчезъ.

17 октября. Тревожное настроеніе усиливается. Въ редакціи «Всходовъ» слышалъ, что было совѣщаніе газетныхъ представителей Петербурга и все, кромѣ князя Ухтомскаго (редакторъ «С.-Пб. Вѣдомостей») и еще какой-то маленькой газетки, рѣшили слѣдующее: газетамъ завтра выйти, причемъ съ цензурными правилами болѣе не сообразоваться и устроить между собою круговую поруку и поддержку на случай закрытія газетъ со стороны правительства. «Союзъ союзовъ» разогнанъ; Политехникумъ Треповъ приказалъ очистить отъ студентовъ (тамъ огромное общежитіе) въ 24 часа и пригрозилъ, въ случаѣ несопро, тивленія штыками. Все высшія учебныя заведенія заняты войсками и пулеметами; увѣряютъ, будто Николай слышать не хочетъ ни

о какихъ уступкахъ, и въ верхнихъ кругахъ твердо рѣшили «залить революцію кровью». Похоже на ерунду, но тѣмъ не менѣе записываю, такъ какъ объ этомъ усиленно твердятъ въ городѣ, увеличивая общую тревогу. Рассказываютъ, будто морской министръ Бирилевъ, поѣхавшій на Черное море, взорвался или взорванъ съ какимъ-то броненосцемъ, а остальная взбунтовавшаяся эскадра ушла, неизвѣстно куда.

Забастовали, т.-е., вѣрнѣе, распущены чиновники Государственнаго Банка: остановился, можно сказать, послѣдній жизненный пульсъ Руси.

Забастовала и Финляндская желѣзная дорога вплоть до Гельсингфорса. Питеръ теперь отрѣзанъ совершенно.

Въ департаментахъ произошли тревоги: въ Департаментъ Государственнаго Казначейства явились сегодня трое какихъ-то господъ (двое узнаны—какой-то присяжный повѣренный и помощникъ присяжн. пов.). Шиповъ (директоръ) вышелъ къ нимъ въ коридоръ, и они предложили ему отъ имени «временнаго новаго» правительства прекратить занятія и распустить чиновниковъ. Шиповъ крикнулъ на нихъ: «вонъ отсюда», и послалъ за стражей. «Временное» правительство быстро ретировалось.

Въ зданіи, гдѣ д-тъ Шипова, помѣщается цѣлый рядъ ихъ; мгновенно о случившемся узнало все чиновничество, высыпало въ коридоры и зашумѣло. Стали раздаваться голоса—какое право имѣлъ Шиповъ отвѣчать такъ за всѣ департаменты и т. д. Начало становиться довольно бурно, но... появился Федоровъ (начальникъ отдѣла торговли), и чинушки попритихли; на просьбу о сходкѣ Федоровъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, но добавилъ, что въ виду тревожнаго времени, кто боится за себя или за семью свою, тотъ можетъ не ходить на службу.

Въ Государственномъ Контролѣ директоръ созвалъ своихъ начальниковъ отдѣленія и сказалъ то же самое, прибавивъ при этомъ, что самъ онъ будетъ оставаться на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока его не удалятъ силой, но чиновниковъ своихъ подвергать этому не хочетъ, и оставляетъ поэтому за ними полную свободу дѣйствій.

На улицахъ тихо. Окна магазиновъ попрежнему заколочены, но торгуютъ вездѣ, кромѣ аптекъ и газетчиковъ. Эти политическихъ забастовокъ устраивать права не имѣли бы!

Электричество дѣйствуетъ почти повсюду.

18 октября. Ура! Мы свободные люди!!...

Вчера былъ въ гостяхъ у Сиверса (члена ученаго комитета Министерства Финансовъ): вдругъ за ужиномъ раздается звонокъ; хозяинъ вышелъ посмотрѣть, кто пожаловалъ, и быстро возвратился съ листкомъ въ рукѣ.

— Господа, манифестъ!

Дважды прочли его и отъ души чокнулись за новую Россію. Нашлись и въ нашемъ небольшомъ кружкѣ скептики, но въ общемъ шагъ впередъ сдѣланъ, и большая тяжесть свалилась съ души!

Ночью возвращался отъ Сиверса по Невскому; вездѣ горѣло электричество; по тротуарамъ и за извозчиками бѣгали мальчишки, размахивавшіе листами бумаги и выкрикивавшіе: «манифестъ! Высочайшій манифестъ!».

Сегодня на улицахъ вывѣшены флаги, на углахъ у расклеенныхъ манифестовъ толпятся кучки прохожихъ. День сѣрый и тусклый.

Говорятъ, что сегодня Николай пріѣзжаетъ изъ Петергофа въ Зимній дворецъ, и что манифестъ этотъ дѣло рукъ Витте, который читалъ несчастному ублюдку, чуть ли не цѣлыя сутки исторію французской революціи съ російскими комментаріями.

Ночью, оказывается, не обошлось безъ происшествій. Около часа все бывшее на Невскомъ бросилось на Загородный къ Технологическому институту: въ немъ студенты устроили фортъ Шаброль, и ихъ оцѣпили войска. Въ эти войска изъ института бросили бомбу, убили городского и извозчика; солдаты отвѣтили залпомъ.

Затѣмъ—только что появился на улицахъ манифестъ—на углу Литейнаго и Невскаго остановился какой то субъектъ и, собравъ вокругъ себя значительную толпу, началъ говорить, что «нѣтъ, теперь ужъ этого намъ не нужно! Мы должны вести революцію до конца и т. д.». Тамъ же мирно присутствовали приравъ и два околоточныхъ. Очевидецъ, слышавшій эту рѣчь, А. Беграмовъ, струсилъ, какъ самъ признался, и поспѣшилъ скорѣй прочь.

12 часовъ дня. На Невскомъ большое оживленіе; тротуары буквально залиты народомъ. Конокъ все-таки нѣтъ. Николаевскій вокзалъ закрытъ; движеніе поддерживается только частными омнибусами. На углу Невскаго и Дегтярной я и шедшій со мной А. И. Воскресенскій были свидѣтелями любопытной сценки. Видимъ тамъ небольшую толпу; нѣкоторые изъ нея (было все простонародье) кричатъ: «мерзавецъ. Палкой бы его подлеца по головѣ. Манифестъ смѣетъ позорить!»

Оказалось, что какой-то субъектъ, прочтя прибитый къ стѣнѣ манифестъ, обругалъ его, за что едва не поплатился боками и долженъ былъ удирать во всю прыть.

2 часа дня. Поѣхалъ съ женой на Невскій проспектъ. Люди и экипажи запрудили его совершенно. Извозчикъ сообщилъ, что съ заводовъ прибыли 2 парохода съ рабочими, и что сегодня

утромъ онъ былъ очевидцемъ, какъ у Технологическаго института гусары изрубили за что-то саблями какого-то господина: онъ получилъ три раны въ голову.

На Невскомъ у угла Суворовскаго мы встрѣтили толпу рабочихъ, о которыхъ сообщалъ извозчикъ. Впереди шли дѣти, было много простыхъ, но чисто одѣтыхъ женщинъ, мужчины производили опрятное, хорошее впечатлѣніе. У всѣхъ на лѣвой сторонѣ груди алѣли красные банты изъ лентъ; надъ процессіей развѣвались два небольшихъ, складныхъ, красныхъ флаги.

Тѣснившіеся по тротуарамъ прохожіе махали шапками и кричали ура. Шествіе отвѣчало тѣмъ же. Какъ-то странно и радостно было видѣть эти красные флаги, банты, еще вчера бывшіе подъ жесточайшимъ запретомъ, а сегодня мирно и безпрепятственно двигающіеся по городу! Николаевскій вокзалъ открытъ; около него, какъ всегда, бѣлѣли ряды носильщиковъ, подъѣзжали извозчики съ кладью и пассажирами—дорога, очевидно, работаетъ.

На углу Владимірской мы свернули съ Невскаго и направились къ Технологическому институту: хотѣлъ провѣрить рассказы о творившемся тамъ. Нѣсколько оконъ института со стороны Загороднаго проспекта пробиты пулями; дырки въ стеклахъ второго этажа виднѣлись чрезвычайно отчетливо, но ихъ очень немного, не болѣе трехъ. Противъ подъѣзда стояла полурота гвардейской пѣхоты, изъ-за стеколъ закрытаго подъѣзда выглядывали солдатскія лица и виднѣлись штыки. Толпа вокругъ стояла значительная; около подъѣзда и на тротуарѣ тѣснилась самая разношерстная публика. Мы сошли съ извозчика и подошли къ ней. Одинъ изъ технологовъ разъяснилъ, что въ институтѣ заперты подъ карауломъ 83 студента и 2 профессора; изъ окна института была брошена бомба, «никого не убившая и, несомнѣнно, провокаторская». Ночью пріѣзжалъ въ институтъ Витте для разбора происшедшаго, и теперь арестованныхъ держатъ до «выясненія дѣла». Около насъ, конечно, сейчасъ же собралась порядочная группа, одинъ—брюнетъ, довольно посредственно одѣтый, нѣчто вродѣ рабочаго, сообщилъ, будто въ Путиловцевъ сегодня опять стрѣляли.

«Одной рукой даютъ, другой берутъ. Вотъ вамъ и манифестъ!» слышались кругомъ негодующіе голоса.

Мѣста, гдѣ произошелъ взрывъ бомбы, я не могъ найти—никакихъ слѣдовъ поврежденій мостовой нѣтъ, или же было занято солдатами. Последніе въ отвѣтъ на бомбу стрѣляли, но какъ я уже говорилъ, слѣды пуль на окнахъ единичны, и изъ студентовъ никто не раненъ.

Окружавшіе насъ говорили, что у Казанскаго происходитъ

митингъ, на который навалилась «черная сотня», что тамъ идетъ побойше, и присылали просить помощи.

Мы съ женой сѣли на извозчика и направились туда. Сквозь колоннаду собора увидали двигающіеся по Невскому флаги; ихъ было семь: два бѣлыхъ съ черными надписями «да здравствуетъ свобода и царь» и пять обычныхъ, трехъ торговыхъ цвѣтовъ. За флагами валила огромная толпа любопытныхъ; митинговъ и дракъ не было и слѣда. Мы вмѣшались въ толпу и послѣдовали за процессіей; флаги свернули на Морскую, къ Зимнему дворцу и остановились передъ средними воротами. Раздалось пѣніе «спаси Господи люди твоя», затѣмъ ура; въ воздухъ полетѣли шапки, замахали руки, платки. Толпа, притиснувшись къ самымъ воротамъ, изъ-за запертыхъ рѣшетчатыхъ створъ которыхъ чернѣли косматыя шапки гренадеръ. Толпа занимавшая все пространство между дворцомъ и колонной, состояла почти сплошь изъ простого люда, рабочихъ, лавочниковъ и т. п. Одинъ полный, бородатый старикъ пѣлъ и плакалъ; пѣлъ отъ души. Пѣли гимнъ, опять «спаси Господи», ревѣли «ура»—царь не показывался. Большой онъ врагъ себѣ, царь Николай! Позади, ближе къ колоннѣ и дальше, тѣснились не участвовавшіе въ демонстраціи: тамъ публика была отборнѣе; окна департаментовъ, что противъ дворца, форточки—все было открыто и отовсюду высовывались головы чиновниковъ.

Флаги двинулись наконецъ влѣво, къ адмиралтейству, но ихъ остановили крики—«назадъ, назадъ»—въ окнахъ праваго выступа дворца показались какія-то фигуры. Грянуло новое ура, опять полетѣли вверхъ шапки и толпа, крича: «бить анархистовъ! Долой анархистовъ!» повалила къ выступу. На подъѣздѣ подъ нимъ стояли конногвардейскіе или кавалергардскіе офицеры: фигуры дамъ, принятыхъ за царскую семью, и офицеры скрылись.

Толпа въ этотъ моментъ была снята какимъ-то фотографомъ, съ аппаратомъ стоявшимъ на извозникѣ. Толпа повалила затѣмъ на Милліонную, мы же вернулись черезъ Морскую на Невскій; тамъ творилось Вавилонское столпотвореніе: лошади могли слѣдовать только шагомъ; стѣна пѣшиходовъ едва передвигалась. Порядокъ тѣмъ не менѣе былъ замѣчательный. Медленно доплелись мы до Думы; около часовни Спасителя и на ступеняхъ широкой лѣстницы въ Думу чернѣло сплошное море головъ; съ первой площадки горячо говорили какой-то рыжеватый кудрявый человекъ съ подвязанной щекой, безъ шапки, въ пальто съ барашковымъ воротникомъ. Видомъ онъ походилъ скорѣй на рабочаго. Только что мы успѣли перейти полъ-улицы—онъ кончилъ и раздался аплодисменты. И вдругъ часть толпы, слушавшей рѣчь,

въ безпричинномъ страхѣ шарахнулась прямо на вереницы извозчиковъ; нѣсколько минутъ происходила паника. Мы благополучно успѣли перебраться обратно; знакомые, слышавшіе оратора, тутъ же рассказали содержаніе рѣчи: онъ призывалъ не вѣрить правительству, стоять на своемъ и требовать амнистіи и освобожденія всѣхъ политическихъ арестованныхъ. Затѣмъ неизвѣстный ораторъ назвалъ всѣхъ, кто славить царя, кто поетъ Боже царя храни и т. п.—провокаторами, но приглашалъ ли ихъ бить—я не успѣлъ узнать. Легко клеймятся у насъ люди! Не нашъ—стало быть, провокаторъ.

Можетъ быть у Зимняго Дворца и были ставленники правительства, но много было и искреннихъ людей. Они дѣйствительно пришли благодарить царя, уваженіе и любовь къ которому истинно русскій человѣкъ всасываетъ, вѣрнѣе всасывалъ, съ молокомъ матери! Послѣ рыжого говорили еще какіе-то ораторы, но мы ихъ не слушали. На углу Садовой повстрѣчали цѣлый лѣсъ длинныхъ красныхъ флаговъ на высокихъ шестахъ и въ видѣ хоругвей; явились они съ Садовой, несшіе ихъ производили чисто хулиганское впечатлѣніе: испытые оборванцы—мальчишки и молодежь, ухарскаго, кабацкаго вида. За этимъ отрядомъ флаговъ толпы не было, «ура» тѣмъ не менѣе гремѣло имъ съ обѣихъ панелей Невского. Среди хоругвеносцевъ выдѣлялся какой-то солдатъ, форму полка его не успѣлъ разобрать.

На Аничковомъ мосту около ресторана Палкина, близъ Надеждинской, опять повстрѣчали красныя знамена: толпы, сопровождавшія ихъ, производили впечатлѣніе ошалѣвшихъ орды, готовыхъ на что угодно.

Проѣхалъ извозчикъ, на которомъ сидѣлъ какой-то весьма довольный собой субъектъ, а надъ нимъ развѣвался красный флагъ, съ черною надписью: «свобода». Этотъ былъ совсѣмъ шутъ гороховый.

Настроеніе напряженное; на улицахъ не праздникъ, а ожиданіе грозы, и если ея не произойдетъ сегодня—будетъ чудо!

Пишу эти строки въ 5 ч. вечера; скоро отправлюсь опять на Невскій: нужно видѣть самому, чтобъ имѣть право судить о происходящемъ. Переживаемъ величайшій мигъ русской исторіи!

Въ 6 часовъ на углу Суворовскаго и 2 Рождественской показалось множество красныхъ фонарей и флаговъ на высокихъ палкахъ; на улицахъ полутьма, электрическіе фонари горятъ черезъ два въ третій. Громадная толпа, сопровождавшая эти флаги, остановилась противъ больницы, и кто-то изъ нея началъ держать рѣчь. Казалось, будто кровавое зарево стоитъ надъ толпою.

Рѣчь то и дѣло перерывалась громовымъ ура; въ окнахъ со-

сѣднихъ домовъ показались люди, и вдругъ освѣщенные квартиры одна за другой стали погружаться въ мракъ: гасили огни изъ боязни разгрома со стороны толпы. Приказчики спѣшно бросились закрывать щитами двери и окна магазиновъ. Толпа съ революционными пѣснями двинулась дальше по Суворовскому; по обѣ стороны ея въ больномъ количествѣ разбрасывались прокламаціи.

— Товарищи, за нами!—кричали проходившіе:—разгромимъ тюрьмы, выпустимъ всѣхъ!

Буйствъ и безобразій никакихъ не происходило.

Невскій полутемень и, сравнительно съ утромъ,—пустыненъ. Магазины сплошь заперты и закрыты щитами и досками. На перекресткахъ чернѣютъ что-то обсуждающія кучки людей; больше всего ихъ около Гостиного двора и Казанскаго собора. Экипажное движеніе почти отсутствуетъ—извозчиковъ можно пересчитать по пальцамъ. На обратномъ пути отъ Морской около Троицкой встрѣтили новое шествіе съ краснымъ фонаремъ и флагами; толпа сопровождала ихъ многолюдная, но, состояла, главнымъ образомъ, изъ подростковъ и мальчишекъ, престоляродья; бородатые лица виднѣлись лишь изрѣдка.

Ни городовыхъ, ни войскъ не видно—и къ лучшему. Тѣмъ не менѣе, все наготовѣ, и въ любомъ мѣстѣ быстро могутъ появиться и заговорить пулеметы и артиллерія.

Въ центрѣ города день прошелъ мирно.

19 октября. Улицы имѣютъ обычный видъ; флаги убраны, сборищъ не видно. Только конокъ нѣтъ. Изъ газетъ вышли опять только Градоначальническая, да Правительственная. На стѣнахъ домовъ бѣлѣютъ новыя извѣщенія Трепова—«День 18 октября», написано въ нихъ, «...къ сожалѣнію не обошелся безъ насильственныхъ столкновеній разныхъ группъ населенія между собой, а также съ полиціей и войсками»... Далѣе идетъ предвареніе о рѣшительныхъ мѣрахъ, которыя будутъ употреблены впредь при подобныхъ случаяхъ.

Какія были столкновенія, гдѣ—еще не знаю.

Въ типографіи, куда я зашелъ, смущеніе: всѣ встали на работу, какъ вдругъ явились какіе-то субъекты съ требованіемъ продолжать забастовку подъ угрозой расправы. Типографія вся, какъ одинъ человекъ, противъ забастовки, но работать боится. Стыдиль ихъ за глупый страхъ и повиновеніе какимъ-то оборванцамъ, желающимъ только анархіи и слишкомъ самонадѣянно считающимъ себя чѣмъ-то вродѣ наставниковъ и распорядителей судьбы всего общества. Тѣмъ не менѣе, кажется, послѣ обѣда типографія не работала.

На Невскомъ тоже особеннаго ничего не замѣтно; сегодня въ Казанскомъ соборѣ назначенъ торжественный молебень и, можетъ быть, туда, а можетъ и на какой-нибудь митингъ — ихъ теперь нѣсть числа—шло много людей.

Витте со дня ратификаціи мира, объявить, что обсуждается вопросъ объ амнистіи лицъ, арестованныхъ по политическимъ дѣламъ.

6 часовъ вечера. Сейчасъ былъ преподаватель П. И. Шелковъ. Разсказывалъ, что, когда онъ возвращался вчера домой въ 9 час. вечера по Невскому проспекту, у Казанскаго собора стояла многотысячная толпа, мирно обсуждавшая разные вопросы. На Анничковомъ мосту онъ повстрѣчался съ другой, меньшей, чисто хулиганскаго вида. Толпа эта срывала флаги съ домовъ, рѣвѣла «Боже царя храни» и сбивала древками флаговъ шапки съ прохожихъ, не успѣвшихъ снять ихъ. У Казанскаго произошла драка, обошедшаяся безъ вмѣшательства войскъ, причемъ вторая толпа пострадала и была разсѣяна.

Сейчасъ университетъ оцѣпленъ войсками; около него убиты два студента. Какъ, кѣмъ — Шелковъ не знаетъ.

83 студента, сидѣвшіе подлѣ арестомъ въ зданіи Технологическаго института, сегодня выпущены.

Какъ обострены теперь страсти. При малѣйшемъ сомнѣніи въ чьей либо ультра-краснотѣ у людей появляется чуть не пѣна у рта; слова: «провокакторъ», «черносотенецъ», какъ прежде «шпіонъ» — сыплются безъ всякихъ колебаній и разсужденій.

20 октября. Вечеромъ былъ вчера у Константина Яковлевича Бодиско и вернулся опять въ смутномъ, подавленномъ настроеніи.

Константинъ Владиміровичъ Крапивинъ, начальникъ отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ, разсказывалъ, что онъ самъ былъ очевидцемъ, какъ вчера въ 4½ часа дня на углу Конюшенной, жандармы ни съ того ни съ сего припились разгонять собравшуюся толпу и избивать ее сперва нагайками, затѣмъ саблями. Затѣмъ — черезъ руки его проходятъ телеграммы со всей Россіи, даже тѣ, что не попадаютъ потомъ, благодаря цензурѣ, въ газеты — и онъ говоритъ, что содержаніе ихъ ужасно: манифестъ принять вездѣ восторженно, во всѣхъ городахъ устраивали радостные митинги, и почти вездѣ опять выступили на сцену противъ нихъ нагайки и залпы.

18-го на Невскомъ у дома Елпсѣева разыгралась кровавая свалка между огромными толпами «націоналистовъ» — и «краснофлажцевъ». Пущены были въ ходъ револьверы, были пострадавшіе. Подобныя же свалки съ выстрѣлами, а также безпричинныя панیکی, отъ которыхъ въ хаосѣ неслись какъ безумные въ общемъ

потокъ, давя и спшибая все на пути своемъ, извозчики, пѣшеходы, дамы и самые манифестанты, происходили во многихъ мѣстахъ: сильнѣйшія, повторяю безпричинныя, паники были у Полицейскаго моста и на углу Загороднаго и Лештукова переулка. Это показываетъ, въ какомъ теперь состояніи нервы у массы.

Стачечный комитетъ (Петербургскій) объявилъ продолженіе забастовки, и вчера опять стали начавшія работать желѣзныя дороги. Московскій наоборотъ объявилъ о началѣ работъ.

Представители періодической печати собрались къ Витте и указали ему, что манифестомъ дарована свобода слова, но не печати; Витте отвѣтилъ, что въ настоящее время она еще невозможна, благодаря анархіи; тогда ему заявили, что газеты не будутъ выходить совершенно... Нѣтъ ихъ и сегодня.

Что это за дичь, какъ можетъ существовать въ свободномъ государствѣ несвободная печать, какъ могъ Витте говорить и устраивать подобную штуку—понять нельзя! Недаромъ, видно, на одномъ изъ недавнихъ митинговъ какой то ораторъ сказалъ: «Витте не либераль, Витте не консерваторъ, онъ просто каналья». Добавлю: преумная.

6 час. вечера. Отъ многихъ слышатъ подтвержденіе о вчерашнихъ избіеніяхъ казаками на Невскомъ; увѣряютъ, что они безпричинныя.

Митинги 18-го постановили между прочими пунктами требовать—освобожденія политическихъ заключенныхъ и увольненія Трепова. О немъ говорятъ чуть не со скрежетомъ зубовъ; говорятъ, что 18 числа войска получали то и дѣло приказы то отъ Витте, то отъ Трепова; отъ перваго: не смѣть пускать въ дѣло оружіе, отъ втораго—стрѣлять.

Скудоумный Николай, подпадающій подъ вліяніе того, кто говорилъ съ нимъ послѣдній, вѣроятно вчера поговорилъ съ Треповымъ, и, благодаря этому, повеселились казаки, и уже прейс-кей свободны собираться на улицахъ сегодня нѣтъ.

И все-таки, несмотря на такіе неблагоприятные слухи, огромное большинство общества съ 18-го числа на сторонѣ правительства и желаетъ спокойствія.

На улицахъ сегодня расклеено воззваніе къ благоразумію общества; указывая на полную невозможность мгновенно пересоздать законы, оно призываетъ къ порядку и снова обѣщаетъ всѣ дѣйствующіе пока законы и постановленія примѣнять согласно манифесту. Да, но казаковъ слѣдовало бы убрать куда-нибудь на задніе дворы!

Убитыхъ за вчерашній день и 18-е число насчитываютъ порядочное количество; свозили ихъ въ Обуховскую больницу: большинство убиты въ междоусобныхъ свалкахъ.

Бухгалтеръ редакціи журн. «Всходы» и разсылный ея же вчера были свидѣтелями нѣсколькихъ убійствъ у Казанскаго собора: встрѣтилась толпа съ красными флагами, среди которой было много студентовъ, и другая—поменьше, съ національными флагами. Студенты начали стрѣлять изъ револьверовъ, и трое изъ послѣдней партіи упало съ ранами на головахъ. Публика кругомъ ринулась бѣжать, націоналисты, покидавъ флаги тоже.

Курсистки вчера противъ Казанскаго собора и Гостинаго двора производили демонстрацію: появились цѣлыя полчища ихъ съ перевязками краснаго креста на рукавахъ.

На вопросы прохожихъ: «что значать эти перевязки и такое количество ихъ?»—отвѣчали вопросомъ: «а вы гарантированы отъ того, что васъ не изрубятъ и не разстрѣляютъ сейчасъ здѣсь?» Словомъ, явились будто для поданія на мѣстѣ помощи лицамъ, могущимъ пострадать отъ «насилій войскъ».

Раненыхъ на этотъ день много ожидало и правительство: весь дворъ армянской церкви, что противъ Гостинаго двора, полонъ былъ лазаретными фурами и повозками. Солдаты сидѣли наготовѣ, скрытые во многихъ мѣстахъ, но бойни къ счастью не произошло.

Путиловцы начали было работать, но туда явилась толпа человѣкъ до 500 студентовъ и опять взбаламутила пол-завода: между забастовщиками и желавшими работать пошла драка, въ которую вынуждены были вмѣшаться войска, и опять были жертвы. Многострадальный этотъ заводъ!

Эти дни много разъѣзжалъ по городу на извозчикахъ и разговаривалъ съ ними. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, противъ забастовокъ и противъ студенчества. Особенно возмущенъ былъ одинъ, котораго какой-то студентъ укорялъ въ безчувственности къ общему дѣлу и между прочимъ сказалъ, что революція стоила французамъ 100.000 человѣкъ.

— Что же и у насъ, стало быть, хочешь, чтобъ легло 100.000?—спросилъ онъ его, добавивъ крѣпкое слово и схвативъ кнутъ. Студентъ скрылся. Вообще, кромѣ заводовъ, въ городахъ пропаганда ихъ особымъ успѣхомъ не пользовалась.

Этотъ же извозчикъ—пожилой уже мужикъ—насмѣшилъ меня.

— Господи!—воскличалъ онъ, дергая возжами.—Чего ужъ теперь больше нужно: одно слово—слобода. Вотъ надысь стою я на Вознесенскомъ проспектѣ, вижу извозчикъ ѣдетъ. Сидитъ на сѣдоцкой подушкѣ, а ноги на козлы положилъ. Что ты, говорю ему, сукинъ ты сынъ дѣлаешь? А городской тутъ же стоитъ и ничего глядитъ только.

«Не сукинъ онъ, говоритъ, теперь сынъ, а гражданинъ!»

Сейчасъ приходилъ старшій дворникъ съ извѣщеніемъ, что на завтра ждутъ большихъ безпорядковъ; ворота домовъ приказано запереть и всѣмъ дворникамъ никуда не отлучаться отъ нихъ.

Вмѣсто газетъ теперь раскидывается и раздается революціонный листокъ «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ».

Электричества нѣтъ нигдѣ: опять пришла лафа керосину и стеариновымъ свѣчамъ. «Извѣстія» общають полную забастовку всего, до магазиновъ включительно. Даже между докторами собирали подписку о забастовкѣ.

21 октября, 11 час. утра. На улицахъ усиленное движеніе, но спокойно. «Правительственный Вѣстникъ» опровергаетъ сегодня дѣйствительно нелѣпую корреспонденцію, помѣщенную въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; въ ней сказано, между прочимъ, будто манифестантовъ шло 300.000; въ дѣйствительности ни одна толпа краснофлажцевъ не превышала пожалуй и 1.000 человекъ; нельзя же считать за манифестантовъ народъ, тѣснившійся по всему Невскому! Націоналистовъ было и того менѣе. Неправъ и «Правительственный Вѣстникъ», говоря, что на всемъ Невскомъ было 40—50 тысячъ человекъ; прибавить ноль позади и будетъ вѣрнѣе.

Вѣсти идутъ самыя революціонныя.

Но никто такъ дружно не ругаетъ теперь царя Николая, какъ консерваторы; вотъ человекъ! Не легко пріобрѣсти такое расположеніе и своихъ и чужихъ!

18-го числа (слышалъ отъ очевидцевъ) кучка манифестантовъ (консерваторовъ) явилась въ залъ Консерваторіи и шумно потребовала прекращенія спектакля. Произошелъ переполохъ. Дамы падали въ обморокъ, и спектакль вынуждены были прекратить. Оттуда «закрыватели» двинулись къ Мариинскому театру. Ихъ встрѣтилъ полицеймейстеръ и очень вѣжливо сказалъ имъ, что въ театръ толпой имъ входить неудобно, такъ какъ можетъ произойти паника, а что пусть они выберутъ человекъ 10 и пошлютъ ихъ въ залъ говорить съ публикой. Тѣ такъ и сдѣлали. Надо замѣтить, что передъ началомъ спектакля публика требовала гимнъ и нѣсколько разъ повторить его—настроеніе, стало быть, было повышенное. Не успѣли депутаты кончить своего предложенія, поднялась буря: раздались свистки, крики—вонъ, долой ихъ! Стоявшій ближе всѣхъ какой-то офицеръ принялся бить ихъ ногами шашки, и цѣлая масса народа кинулась лупить злополучныхъ закрывателей. Изъ ложъ летѣли въ нихъ стулья. Избитые депутаты едва нашли выходъ и исчезли. Весь театръ сталъ требовать исполненія гимна, но музыканты, перепуганные начавшейся дракой, разбѣжались кромѣ семи человекъ, и самого

Направника, сидѣвшаго на своемъ дирижерскомъ мѣстѣ. Направникъ тѣмъ не менѣе нашелся, подалъ знакъ поднять занавѣсъ и вызвать на сцену спрятанныхъ за кулисами солдатъ трубачей; тѣ на трубахъ, подъ его управленіемъ, исполнили гимнъ. Оперу тѣмъ не менѣе не продолжали за исчезновеніемъ оркестра, и публика разѣхалась.

6 час. вечера. Николаевскій вокзалъ открытъ и работаетъ. Электричество дѣйствуетъ всюду. Есть вѣсти, что здѣшній стачечный комитетъ постановилъ вчера—стать всѣмъ на работы съ 12 часовъ сегодняшняго дня.

Движеніе по улицамъ очень большое: точно черные потоки лавы движутся по панелямъ. Патрулируютъ всюду усиленные разѣзды казаковъ, конно-гвардейскихъ полковъ и жандармовъ. Вездѣ флаги, знаменующіе (по полицейскому приказу) радость населенія по случаю 11-лѣтняго юбилея восшествія на престолъ Николая. То-то бы украсилось оно въ день его сошествія съ престола!

Министры уходятъ въ отставку одинъ за другимъ; останутся изъ старыхъ только Ламздорфъ да Бирилевъ; перваго-то бы слѣдовало фукнуть, какъ слѣдуетъ. На мѣсто преподобныхъ мощей—Побѣдоносцева—въ Св. Синодъ назначенъ кн. Оболенскій, бывшій генералъ отъ питейныхъ дѣлъ. Не по-русски: нашъ народъ изъ церкви въ кабакъ идетъ, а этого изъ кабака въ церковь поставили!

10 час. вечера. Сейчасъ вернулся съ Невского; порядокъ полный, и о какихъ-либо происшествіяхъ не слышно. Обычной иллюминаціи нѣтъ и слѣда; только на 1-й Рождественской видѣлъ съ десятокъ подвѣшенныхъ передъ домомъ на проволоку, фонариковъ—вотъ и вся иллюминація въ этой части города. Да и этой половину задуть какой то проходившій пьяный мужикъ. Очевидно домовладѣльцы опасались битья стеколъ и т. п. удовольствій въ случаѣ появленія щитовъ, вензелей и имъ подобныхъ обычныхъ украшеній.

Слова Крапивина о рубкѣ людей на Конюшенной по версіямъ другихъ очевидцевъ не подтверждаются: лупка была, а рубки другіе не видали. Причина—нежеланіе толпы разойтись, несмотря на многократныя требованія.

Одинъ пострадавшій тамъ мѣщанинъ со злобой говорилъ: «свободу личности дали, ну а насчетъ спины видно распоряженія еще не вышло!»

22 октября. Вышли всѣ газеты и раскупаются нарасхватъ. Первые, дѣйствительно свободные №№!...

Трепову, принцу Ольденбургскому и имъ подобнымъ достается

жестоко. Есть описаніе стрѣльбы на Гороховой и въ другихъ мѣстахъ; напечатаны между прочимъ и треповскіе приказы. Все это, конечно, не такъ страшно: надо помнить, что мы еще не привыкли къ свободѣ, а гг. Треповы не привыкли еще къ уздѣ. Собака на цѣпи всегда сперва мечется; мечется теперь такъ и предрежающая власть въ большинствѣ городовъ Руси. Это въ порядкѣ вещей. «Образуется», какъ говорятъ мужики.

Въ городѣ какъ будто ничего и не происходило: звонятъ конки, торгуютъ, идутъ и ѣдутъ люди.

Завтра готовится нѣчто грандіозное. Во всѣхъ газетахъ помѣщено извѣщеніе, вѣрнѣе опубликовано нѣчто вродѣ распоряженія разныхъ комитетовъ, чтобы «тѣла всѣхъ борцовъ, павшихъ за свободу», къ 12 часамъ дня были доставлены къ Казанскому собору, причемъ каждой части города назначенъ особаго цвѣта значекъ; затѣмъ вся процессія должна двинуться оттуда по Невскому проспекту на Волково.

Забастовку рѣшили прервать на 3 мѣсяца, т.-е., дали срокъ правительству сдержать обѣщанія и проявить себя. По городу идетъ запись на получение отъ рабочаго комитета револьверовъ Браунинга; каждый револьверъ, стоящій въ магазинахъ по 22 руб., будетъ выданъ по 10 руб.; цѣль—вооружить въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ всѣхъ гражданъ для возможной революціи.

Ходитъ упорный слухъ, будто къ Петербургу идутъ англійская и германская эскадры, каждая для охраны своихъ посольствъ.

23 октября. Сѣрый день.—1 гр. На улицахъ расклеены два объявленія: одно генераль-губернатора, написанное весьма сдержанно и предвѣщающее, что похороны въ томъ видѣ, въ какомъ они предположены, допущены быть не могутъ. Другое отъ городской Думы, упрашивающее жителей быть благоразумными во время похоронъ.

Народа шло гибель; въ 11 часовъ утра я уже стоялъ на лѣвомъ крылѣ Казанскаго собора, между колоннами и смотрѣлъ на площадь. На панеляхъ Невскаго чернѣли сплошныя стѣны людей; движеніе экипажей и конокъ тѣмъ не менѣе продолжалось совершенно свободно. Крылья собора и ступени тоже были полны народа; въ скверѣ стояли и ходили небольшія кучки. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ говорили какія-то рѣчи; около фонтана вдругъ надъ толпой взлетѣли на воздухъ бѣлые листки, за ними взлетѣла другая пачка ихъ, затѣмъ третья. Ихъ жадно подхватывали, вырывая другъ у друга.

По скверу бѣгало десятковъ пять уличныхъ мальчишекъ: сперва они вскидывали вверхъ красный флагъ съ увязаннымъ въ него камнемъ, потомъ вдругъ съ крикомъ «ура» шарахнулись

въ сторону; часть толпы изъ сквера перепугалась и бросилась бѣжать; я видѣлъ очень хорошо, какъ нѣкоторые изъ этихъ же мальчишекъ обрабатывали карманы сосѣдей.

Войскъ не было и признака, хотя въ толпѣ и говорили, что окрестные дворы полны ими. На панеляхъ, поодаль, стояла большею частью интеллигентная публика; въ скверѣ и у собора главнымъ образомъ фабричные и простонародье; студенческихъ фуражекъ виднѣлось съ десятокъ не болѣе.

Стоявшіе около меня увѣряли, будто однихъ студентовъ было убито 60 человекъ.

Безъ десяти минутъ двѣнадцать внизу къ нашему крылу подошла кучка заводскихъ рабочихъ и громко объявила, что похоронъ не будетъ. Я сошелъ въ скверъ разузнать причину; никто, даже студенты ничего толкомъ не знали. Одни говорили, что полиція ночью распорядилась похоронами, другіе будто рабочіе сами отказались отъ затѣи.

Я сильно промерзъ и отправился домой; панели Невскаго и углы улицъ были полны публикой, главнымъ образомъ, зѣваками: порядокъ вездѣ былъ образцовый.

Вернулся домой и узналъ, что во всѣхъ газетахъ было помѣщено извѣщеніе отъ союза рабочихъ, что отъ проектированныхъ похоронъ они отказываются, и шествія не будетъ. Удивительная странность: передъ уходомъ я читалъ «Русь», но этого объявленія не замѣтилъ; притомъ это произошло не только со мной а и съ $\frac{3}{4}$ обывателей Петербурга, заполнившихъ не только Невскій, но и всѣ улицы, по которымъ предполагено было везти убитыхъ.

Прочелъ сегодня о дикомъ назначеніи: Дурново, этотъ завѣдомый палачъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, попалъ вдругъ въ министры внутреннихъ дѣлъ.

Онъ—другъ Витте, и Витте многимъ ему обязанъ, тѣмъ не менѣе такое назначеніе ужъ болѣе, чѣмъ чортъ знаетъ что!

А обязанъ ему Витте вотъ чѣмъ: Плеве былъ на ножахъ съ послѣднимъ, и наконецъ Плеве удалось при помощи шпионовъ и документовъ установить несомнѣнныя связи Витте съ революціонной партіей. Въ присутствіи Дурново, Плеве имѣлъ неосторожность высказать, что пѣсенка Витте спѣта, и теперь осталось нѣмного: арестовать его и посадить въ Петропавловку. Дурново сейчасъ же сообщилъ это Витте, а на другой день Плеве былъ убитъ. Дурново въ качествѣ товарища министра тотчасъ же явился на его квартиру, опечаталъ кабинетъ съ бумагами и выкралъ дѣло о Витте со всѣми документами.

24 октября. «На Шипкѣ все спокойно».

Газеты полны сообщеній о кровавой гражданской войнѣ,

идушей по всей Россіи. Во многихъ городахъ перевѣсь уже за монархистами, кстати сказать, называемыми теперь «черной сотней». Революціонеры хотѣли смѣшать ихъ съ грязью, давъ такое имя, знаменовавшее не такъ давно простонародье, подкупленное полиціей, но даже такіе отчаянные монархисты, какъ Д. М. Болиско открыто приняли его.

Москва—идущая во главѣ движенія—избиваетъ студентовъ и заподозрѣнную въ либерализмѣ интеллигенцію. Нѣкоторые города, не такъ давно еще требовавшіе увода войскъ и замѣны ихъ милиціей, потребовали войска обратно для охраны отъ погромовъ.

Газеты, особенно «Русь», настойчиво требуютъ удаленія Трепова, все упирая на знаменитый приказъ его: «патроновъ не жалѣть». Витте между тѣмъ выступилъ его горячимъ защитникомъ...

Въ заслугу Трепова ставлю вчерашній день, когда онъ предупредилъ грандіозное побоище: на Сѣнной площади собралась громаднѣйшая толпа торговцевъ и простонародья, къ которымъ примкнула часть рабочихъ съ заводовъ и хотѣла идти къ Казанскому, разгромить собравшихся туда на похороны «героевъ». Треповъ послалъ войска, приказавъ не допускать ихъ, хотя бы силой оружія.

25 октября. На улицахъ то и дѣло стали попадаться нищіе. полиція не преслѣдуетъ ихъ и вообще изъ рьяно-ретивой сдѣлалась удивительно безучастной ко всему. Стоитъ, напр., городской, передъ нимъ начинается какой-нибудь скандалъ—онъ отворачивается и отходитъ въ сторону.

Ларинская гимназія опять забастовала. Мальчишки въ ней устроили сходку и постановили требовать исполненія начальствомъ цѣлаго ряда пунктовъ; между прочимъ одинъ гласить, чтобы гимназія управлялась не только директоромъ, а и старшинами изъ гимназистовъ, помнится, начиная съ 4-го класса. Занятія гимназисты сами постановили прекратить до января, о чемъ и увѣдомили родителей.

Эти «дѣятели», пишущіе слово зеленый черезъ два ять, мнятъ о себѣ теперь, чортъ знаетъ, что; вообще анархія не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ большинствѣ семей безмѣрная. Знаю примѣры, когда эти недавно надѣвшіе штаны революціонеры осмѣливались въ пылу спора заявлять въ видѣ угрозы своимъ роднымъ—«погодите, вотъ придетъ январь, мы вамъ покажемъ себя!»

На январь, какъ на мѣсяцъ, въ который должна произойти «настоящая» революція, указываютъ многіе.

26 октября. Прекращены занятія еще въ нѣсколькихъ мужскихъ гимназіяхъ и въ Коммерческомъ училищѣ.

Директоръ 6 гимназіи Моръ разставилъ разныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ на улицахъ, ведущихъ къ гимназіи (она у Чернышева моста), для того, чтобы возвращать гимназистовъ съ дороги; родителямъ имъ разосланы довольно неграмотныя извѣщенія о томъ, что въ настоящее время онъ не ручается за безопасность учениковъ на улицахъ и потому—находитъ лучшимъ временно прекратить занятія. Во многихъ гимназіяхъ начальство совѣтуетъ учащимся ходить въ штатскомъ платьѣ... Этотъ Моръ славенъ своей глупой выходкой: во время всеобщей забастовки ученики среднеучебныхъ заведеній тоже устроили «митингъ», на который явился и онъ и громогласно заявилъ, что онъ пріѣхалъ взглянуть, нѣтъ ли на митингъ кого-нибудь изъ его гимназистовъ, и что таковой будетъ немедленно имъ исключенъ. Мальчишки, само-собой, разумѣется, устроили ему скандалъ и выставили его вонъ.

Распространились тревожные слухи, будто Кронштадтъ весь въ огнѣ, и городъ бомбардируютъ форты и наши же военные суда. Причина—возстаніе, но гдѣ оно—въ городѣ, или крѣпости, и кто по комъ стрѣляетъ—разобрать нельзя.

Собирается забастовать для поддержки москвичей ресторанная прислуга.

Среди чиновниковъ въ министерствахъ большія волненія: ожидается увольненіе чуть ли не половины ихъ; это, конечно, несправедливо—слѣдовало бы уволить ихъ три четверти.

27 октября. Вчера вечеромъ Н. М. Яковлевъ передалъ по телефону, что вѣсти о Кронштадтѣ—правда, бунтуютъ солдаты и матросы, и туда на баржахъ послали войска. Газеты сегодня помѣстили рядъ телеграммъ и статей о Кронштадтскихъ событіяхъ: погромъ тамъ полный.

Петербургъ взволнованъ усиленными слухами о готовящемся на завтра еврейско-интеллигентомъ погромѣ. Газеты твердятъ, что есть какой-то руководитель и организаторъ «черныхъ сотенъ» и киваютъ на полицію.

Между тѣмъ я знаю истиннаго организатора, вѣрнѣе, двухъ организаторовъ. Это—авторъ монархически-патріотическихъ брошюръ, генералъ Богдановичъ и прибывшій изъ Москвы московскій купецъ, устроитель особыхъ московскихъ черныхъ сотенъ—Полторацкій. Послѣдній—невысокій человѣкъ, очень смиренной и скромной наружности (не русскій: мать его, по его словамъ грузинка) лѣтъ 40, съ просьбью. Впечатлѣніе произво-

лить скорѣе послушника, чѣмъ мірскаго человѣка, рѣчь тихая, вкрадчивая.

Мой родственникъ — извѣстный консерваторъ Дм. Мих. Бодиско, съ которымъ мы совершенно противоположныхъ политическихъ убѣжденій, но тѣмъ не менѣе видимся, такъ какъ оба не признаемъ нетерпимости тѣхъ или иныхъ взглядовъ, сообщилъ мнѣ недавно, что онъ былъ на обѣдѣ у Богдановича и познакомился съ Полторацкимъ. Послѣдній очень его заинтересовалъ, и они вели долгую бесѣду.

Оба—ярые сторонники монархіи.

— Да,—сказалъ Бодиско:—я монархистъ, но я противъ Николая II.

— Плохъ онъ, плохъ...—тихо подтвердилъ Полторацкій.— А все-таки онъ царь. Надо его любить!

Далѣе зашелъ разговоръ о пропагандѣ Полторацкаго.

— Вотъ-съ какъ я ее веду...—началъ своимъ вкрадчивымъ, размѣреннымъ голосомъ послѣдній. Приду на фабрику, на заводъ, а то и еще гдѣ бесѣдованіе устраиваю. Покажу имъ народу на красный флагъ: братцы, говорю, скажите мнѣ, знаете ли вы, что онъ значитъ?

Больше все—«нѣтъ» говорятъ; другіе «свобода» говорятъ, «значить». Нѣтъ, говорю, не то: кровь онъ значитъ. Кровь онъ зоветъ васъ лить, братцы, своихъ же людей. А я къ вамъ съ крестомъ пришелъ... Вотъ такъ поговорю съ ними, и знаете ли—сколько слушаетъ человѣкъ, такъ всѣ, всей толпой и крикнуть: «за тобой идемъ! Долой красный флагъ!» Сейчас мы подлиску отбираемъ, клятву даютъ за царя стоять, старшинъ выберемъ. Только мы не насиліемъ, а словомъ дѣйствуемъ: такое обѣщаніе у насъ, чтобы кровь не лить, развѣ ужъ защищаясь только!

Между прочимъ у Полторацкаго вырвалась интересная фраза, что у нихъ организована во дворцѣ охрана, и, чтобы ни случилось съ царемъ—наслѣдника они спасутъ и уберегутъ.

Сюда, въ Питеръ, Полторацкій пріѣхалъ съ цѣлью вести такую же пропаганду и среди здѣшнихъ рабочихъ. Въ разныхъ мѣстахъ онъ устраивалъ уже митинги, мѣстъ и времени ихъ не указываетъ и видимо не хочетъ, чтобы на нихъ были даже единомышленники изъ другого круга. Это странно...

Производитъ онъ впечатлѣніе человѣка ограниченнаго, но фанатика; я встрѣтилъ его у Бодиско одинъ разъ, не зналъ даже, кто онъ, бесѣдъ съ нимъ не велъ, но мнѣ почему то показалось, что онъ долженъ быть раскольникомъ.

Его девизъ—крестъ и слово «бить» не изъ его лексикона;

думаю, что прїѣздъ его или только совпалъ съ проявленіемъ дѣятельности настоящей черносотенной сволочи, или же молва придала его пропагандѣ такой характеръ.

30 октября. Вчера ѣздилъ къ себѣ въ Кемере, по Финляндской жел. дор. Поѣздъ былъ биткомъ набитъ дотого, что всѣ 3 часа пути пришлось простоять на площадкѣ съ 6 пассажирами. Поразило меня обиліе еврейскихъ лицъ; сталъ присматриваться—вижу, публика исключительно еврейская; говорить старается намѣренно громко и только по-русски; студенчества среди нихъ было изобиліе. На каждой станціи я выходилъ, желая узнать, куда именно стремилось это великое переселеніе, но ни въ Перкіярви ни въ Теріокахъ никто не вышелъ: всѣ стремились въ Выборгъ.

Дѣло въ томъ, что наша красная печать уже нѣсколько дней какъ бьетъ тревогу: всѣ №№ газетъ выходили со всякаго рода воззваніями, предостереженіями, указаніями градоначальнику о готовящемся съ 29 на 30-е (эка удивительная точность!) еврейско-интеллигентномъ погромѣ. По городу ходили самые невѣроятные слухи, будто еврейскіе магазины и квартиры отмѣчаются крестами, къ дворникамъ будто являются неизвѣстныя личности, выпрашивающіе о составѣ жильцовъ дома и т. д.

Словомъ, все петербургское еврейство, начиная съ четверга, ударилося въ бѣгство, въ единственную сторону, гдѣ разсчитывало на полную безопасность—въ Финляндію, въ ближайшій городъ Выборгъ.

Что тамъ происходило—узналъ въ тотъ же день вечеромъ на обратномъ пути.

Вхожу въ почти пустой вагонъ и вижу въ немъ опять-таки только нѣсколько евреевъ; возвращеніе ихъ въ Петербургъ въ ночь, назначенную для избіенія, было странно. Я разговорился съ ними и узналъ причину. Выборгъ набитъ прїѣзжими изъ Петербурга до такой степени, что нѣтъ ни №№ въ гостиницахъ ни угла въ частныхъ квартирахъ: все разобрано; въ одинъ № набилось по 2 по 3 семьи; вокзалъ переполненъ тѣми, кому не хватило пристанища дотого, что спали ночь на стульяхъ, на полу и даже просто на корточкахъ, прижавшись спиной къ стѣнѣ. Тѣмъ не менѣе каждый поѣздъ изъ Петербурга приносилъ новыя тысячи людей съ дѣтьми.

Возвращавшіеся со мной не могли вынести такого ада болѣе сутокъ и рѣшили проскользнуть черезъ Петербургъ и уѣхать на нѣсколько дней, пока не успокоится все, въ Вильну, гдѣ имѣлись у нихъ родные. Магазины и квартиры сбѣжавшіе заперли и оставили пустыми на произволъ судьбы. Въ Лѣсномъ паника

доходила дотога, что люди бросали все, захвативъ только дѣтей и бѣжали, какъ бы изъ горящихъ уже домовъ, забывъ даже запереть ихъ.

Напрасно я убѣждалъ, что всѣ эти слухи вранье, пущенное какими-нибудь мерзавцами, что въ Петербургѣ ничего подобнаго произойти пока не можетъ—никто не намѣревался даже заѣхать взглянуть на свою квартиру.

«И Богъ съ ней, и пусть все пропадетъ, только бы самимъ живыми остаться!»

Прямо эпидемія паникѣ.

Городъ, когда я ѣхалъ на извозчикѣ, былъ пустыненъ (въ 11¹/₂ ч. ночи); извозчикъ рассказывалъ, что дома на Садовой всѣ заколочены; тоже и на большинствѣ окрестныхъ улицъ, гдѣ много еврейства; «людей какъ метлой вымело—одни кавалергарды да жандармы ѣздятъ».

Къ бунту и разгрому въ Кронштадтѣ возница мой, лѣтъ ему на видъ 35—40—относился очень неолообрительно.

«Ну погуляли день, а потомъ што? Подъ разстрѣлъ пойдутъ, да въ каторгу на всю жизнь. Нѣтъ, это все студенты проклятые натворили!»

— Почему студенты?

«А такъ—на это ихъ взять, людей смущать! А потомъ разстрѣлъ! Небось съ красными-то флагами какъ ходили—сами не носили ихъ, нашему брату, дураку, въ руки совали, ну и носили ихъ, куда хошь, за полтинникъ да за рупь!»

Высшія учебныя заведенія закрыты до января мѣсяца.

31 октября. Гучковъ, одинъ изъ отказавшихся отъ министерскаго кресла, сказалъ, что отказъ ихъ вызванъ тѣмъ, что Витте хотѣлъ слѣлать изъ нихъ ширму, изъ за которой намѣревался управлять самъ. Недуренъ мотивъ.

Всю ночь ѣздили и ходили патрули; «Русь» сегодня увѣряетъ, будто почти всякое движеніе въ городѣ къ вечеру замерло: въ 8 часовъ вечера я по Суворовскому вышелъ на Невскій, затѣмъ поѣхалъ къ Крапивину на Загородный просп.—народа вездѣ была гибель, пожалуй даже больше обыкновеннаго. Магазины и рестораны, правда, позакрывали щитами окна, но торговали. Врутъ вообще теперь газеты всѣхъ лагерей и жестоко и беззастѣнчиво.

Любопытный фактъ: отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, пользующійся тамъ страшнымъ вліяніемъ, во время разгрома города бѣжалъ...

1 ноября. На заводѣ С.-Галли произошло кровавое столкновение между забастовщиками и желавшими работать. Говорятъ, первые пострадали сильно, есть убитые.

2 ноября. Въ Либавѣ поймали какого-то несчастнаго чинушу, подозрѣвавшагося въ подстрекательствѣ къ погрому; привели его во дворъ завода, устроили судъ, и этотъ судъ приговорилъ его къ смертной казни, которая и была исполнена тутъ же выстрѣломъ изъ револьвера. (Сегодняшній № Руси). Въ томъ же № Руси появилось сообщеніе отъ Совѣта Депутатовъ Рабочихъ, что они требуютъ отмѣны смертной казни надъ матросами Кронштадта и на основаніи этого, «сознавая свою политическую мощь», всѣ рабочіе въ Петербургѣ съ 12 ч. сегодняшняго дня забастовываютъ.

4 ноября. Заводы стоятъ, желѣзныя дороги тоже; изъ газетъ вышли только «Правительственный Вѣстникъ» съ новымъ манифестомъ о крестьянахъ и о сложеніи съ нихъ съ 1 января 1907 г. выкупныхъ платежей... опять опозданице!

Раздраженіе противъ забастовщиковъ разрастается во всѣхъ слояхъ общества.

На Владимірской ул. разгромили окна огромной аптеки, не пожелавшей примкнуть къ забастовкѣ.

5 ноября. Возвращался домой въ 2 часа ночи; стоялъ сильнѣйшій туманъ; улицы казались погруженными во тьму и только совсѣмъ вблизи неясно просвѣчивали сквозь него высокіе электрическіе фонари. Окна магазиновъ забиты наглухо. По улицамъ, словно по громаднымъ, темнымъ ущельямъ, бродили патрули.

Разсказывали, будто гдѣ-то разграбили нѣсколько квартиръ, но по Садовой, на Невскомъ и на Бассейной, по которымъ я ѣхалъ, была полная тишина.

Э. С. Монвижъ-Монтвидъ, только что вернувшійся изъ Харькова и Кіева, утверждаетъ, что погромы на югѣ были организованы полиціей и властями. Весьма возможно; кому-кому, а имъ, жившимъ только произволомъ, разумѣется новые порядки не ко двору; конечно, безъ борьбы сдать старая власть не могла, но все-таки какъ то не вѣрится мнѣ въ подлинность, напимѣръ, одесскихъ ужасовъ. Что-то ужъ слишкомъ 16 вѣкомъ пахнетъ.

По городу сегодня расклеены воззванія градоначальника, приглашающія давать мирный отпоръ группамъ забастовщиковъ, ходящимъ по городу, и тотчасъ же сообщать о появленіи ихъ полиціи, которой даны надлежащія инструкціи: тонъ ужъ нѣсколько поднялся!

Забастовка въ общемъ не удалась. Насколько первая была стихійная и дружная — еще небывалая въ мірѣ, настолько эта никуда негодная. Бастуетъ, да и то частями, только Петербургъ; раздраженіе на эту забастовку чуть не всеобщее.

6 ноября. Часовъ около 4-хъ дня конки прекратили движеніе

на Васильевскомъ островѣ что-то неспокойно, улицы полны хулиганами и рабочими; конки на окраинахъ, за Среднимъ проспектомъ были забросаны камнями.

Возвращавшаяся около 9 часовъ вечера наша бонна съ Литейнаго моста видѣла надъ Васильевскимъ островомъ громадное зарево. Вечеромъ по всему городу замѣчался усиленный наплывъ фабричныхъ; электричество то дѣйствовало, то вдругъ все погружалось во тьму; на Невскій проспектъ опять глядѣлъ прожекторъ.

6 ноября. Вчера пошли нѣкоторыя дороги; газетъ все еще нѣтъ.

7 ноября. Вчера бесѣдоваль съ Ѳ. К. Геккеромъ (онъ же Ѳ. Плетневъ—художникъ, получившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ 1-ю премію на выставкѣ «бланъ и нуаръ»), только что вернувшимся съ родительскаго совѣщанія изъ Ларинской гимназіи, гдѣ учится живущій у него уже 12 лѣтъ племянникъ.

Передаю рассказъ его вкратцѣ.

Вопросъ, подлежащій обсужденію родителей, былъ—когда и какъ возобновить занятія; но его, разумѣется, и не обсуждали, а по російскому обыкновенію говорили обо всемъ, кромѣ главнаго.

Кто-то изъ ярко-красныхъ родителей предложилъ пригласить на совѣщаніе и старость; всѣ согласились. Тогда встала какая-то дама и энергично воспротивилась этому, такъ какъ находила невозможнымъ дѣлать гимназистовъ свидѣтелями неурядицы и хаоса среди самихъ родителей. Согласидсь и съ ней. Тѣмъ не менѣе старость вызвали съ тѣмъ, чтобы только выслушать ихъ и узнать толкомъ, чего хотятъ они.

Старосты явились—парни лѣтъ 16—17.

На предложеніе высказаться начали держать рѣчи.

Въ общемъ желанія г.г. гимназистовъ таковы:

- 1) полная свобода въ гимназіяхъ;
- 2) предоставленіе имъ права выбирать учителей и *устанавливать способъ преподаванія*.

Т.-е., въ переводѣ на общепонятный языкъ добиваются полного произвола въ свои руки. Что мальчишки воображаютъ, будто они все знаютъ и сами могутъ уже учить себя и другихъ—это понятно: этотъ періодъ переживаетъ каждый изъ насъ; но что между родителями находятся люди, неспособные уразумѣть всей мелкости такихъ требованій—это удивительно.

Въ заключеніе отличился и директоръ. На вопросъ той же дамы, «что же, будутъ или не будутъ заниматься въ этомъ году», онъ отвѣтилъ, что «старшіе классы разрѣшили четыремъ млад-

шимъ классамъ начать теперь занятія. Это «разрѣшили»—превосходно!

О Витте вѣрнаго ничего не слышно; несомнѣнно что-то приключилось съ нимъ, но что именно—неизвѣстно; толковъ о немъ много: говорятъ даже, будто бы его хотѣли арестовать и даже былъ подписанъ приказъ объ этомъ... Во главѣ дворцовой партіи, по слухамъ, сталъ новый главнокомандующій питерскими войсками—великій князь Николай Николаевичъ. Человѣкъ онъ энергичный и настаиваетъ на военной диктатурѣ; его поддерживаютъ болгарско-россійскій мазурикъ, гр. Игнатьевъ, Штюмеръ, Стишинскій и К^о. Словомъ на чеку стоитъ новое министерство, готовое ринуться и начать поливать Россію кровью.

Возникаютъ русскіе союзы и общества, въ общемъ въ большинствѣ направленные къ умиротворенію страны. Первой появилась партія Правового порядка и др.

Укорялъ Д. М. Бодиско за манифестъ «священнаго патріотическаго союза», написанный исключительно для чернаго народа, и содержащій скверную фразу, призывающую охранять самодержавіе. Охранять то, чего уже нѣтъ съ 17 октября—недѣло, а призывать къ охраненію простой народъ—значить призывать къ рѣзнѣ.

Оправдывался, что не онъ писалъ манифестъ.

Конки опять работаютъ.

Сейчасъ узналъ, что за Невской заставой очень неспокойно: вчера тамъ дѣло дошло до стрѣльбы, есть убитые:

Былъ сейчасъ Э. С. Монвижъ-Монтвидъ и рассказывалъ о вчерашнемъ собраніи редакторовъ.

Теперь любопытная минута: даже если бы кто-нибудь и желалъ выходить попрежнему, съ цензурой,—не могъ бы этого сдѣлать. Прежде всего: изданій въ СПБ.—250 (кромѣ газетъ); изъ нихъ только 50 прислали своихъ представителей, да и тѣхъ почти половина пребывала въ нерѣшительности и не знала, какъ быть съ цензурнымъ вопросомъ: махнуть ли рукой на цензуру, или вести дѣло по старому.

Рѣшительнѣе оказались наборщики; союзъ ихъ прямо заявилъ, что они освободятъ всѣхъ отъ цензуры; собраніе наборщиковъ постановило не набирать ничего, что будетъ имѣть цензурную дату; тѣ же типографіи, которыя не подчинятся, будутъ ими «сняты» съ работы; на случай же артаченія властѣльцевъ рѣшили бороться съ ними частными забастовками и на такой случай образовали фондъ, куда уже журналы, издатели и пр. внесли около 15.000. Первая война будетъ съ Каспари, издателемъ «Родины», жаждущимъ подчиненія цензурѣ; вторая, посерьезнѣе, съ вдовой Маркса, издательницей «Нивы».

9 ноября. Былъ у А. Я. Острогорской-Малкиной, издательницы журнала «Юный Читатель».

Мужъ ея, присутствовавшій въ воскресенье на «польскомъ» собраніи, рассказывалъ съ негодованіемъ слѣдующее; въ числѣ ораторовъ выступили и социаль-демократы, и одинъ изъ нихъ заявилъ, что наша интеллигенція только примазывается къ великому дѣлу, произведенному рабочими, что она не при чемъ въ немъ, и смыслъ его наглой рѣчи былъ—давайте свои двугривенные и убирайтесь вонъ. Присутствовало много литераторовъ; со старикомъ Анненскимъ даже слѣлалось отъ волненія что то вродѣ обморока.

Раздраженіе противъ новыхъ узурпаторовъ—самозваннаго и невѣдомаго никому правительства—растетъ сильно даже среди либеральнѣйшихъ круговъ. Дѣйствительно—наглость его и его агентовъ начинаетъ становиться чрезмѣрной!

Взять хотя бы способъ печатанія его лейбъ-органа «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ». Ночью врывается въ типографію, (непремѣнно имѣющую ротационную машину), толпа вооруженныхъ револьверами темныхъ личностей, арестовываетъ находящихся въ ней, беретъ самовольно бумагу и приступаетъ къ печатанію «Извѣстій», которыя затѣмъ увозятся на извозчикахъ. Такъ были напечатаны номера въ «Сынѣ Отечества», «Нашей Жизни», «Руси», «Новой жизни» и др. Третьяго или четвертаго дня очередь дошла до «Новаго Времени», и тамъ напечатали 7-й номеръ—и вѣроятно—по крайней мѣрѣ такимъ способомъ—послѣдній, такъ какъ «Новое Время» опубликовало объ этомъ происшествіи.

Оно конечно курьезно, что Суворинъ напечаталъ 30.000 революціонныхъ листовъ, но съ другой стороны такое насиліе и грабежъ (взята бумага) непозволительны!

Братъ Малкиной, А. Я. Острогорскій, директовъ Тенишевскаго училища, рассказывалъ такой курьезъ. Являются къ нему третьеклассники и просятъ разрѣшенія собраться.

— Да вѣдь вы уже собрались,—отвѣчаетъ онъ. прикинувшись непонимающимъ въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, это не то: мы хотимъ устроить митингъ.

— Какой митингъ, о чемъ?

— Поговорить хотимъ...

— Да о чемъ?

— О необходимости у насъ демократической республики...

А. Я. разсмѣялся и прогналъ ихъ.

На другой день приходитъ въ классъ, и на столѣ подъ тетрадью находитъ листъ бумаги, а на немъ надпись: «Александръ Яковлевичъ—второй Треповъ».

Кстати о прокламаціяхъ.

Встрѣтился на-дняхъ съ капитаномъ I ранга Н. Дибичемъ—Владивостокскимъ героемъ: рассказывалъ, что экипажи прямо засыпаются этими листками; часть матросовъ въ несомнѣнномъ броженіи, другая—огромное большинство, относится индифферентно.

15 ноября. Въ Севастополѣ и смѣхъ и грѣхъ. Взбунтовавшіеся матросы выгнали отъ себя всѣхъ офицеровъ, но порядокъ поддерживается образцовый; ночью ходятъ патрули и забираютъ... безбилетныхъ и пьяныхъ матросовъ. Вчера въ день рожденія Маріи Ѳеодоровны устроили молебень, а послѣ него парадъ, который принималъ фельдфебель; словомъ, все идетъ, какъ будто тамъ ничего не произошло. И осточертѣли же должно быть имъ офицеры! Да, давно ли флотскій мундиръ считался высшимъ среди мундировъ, а теперь?

Это не простой бунтъ, на него надо взглянуть поглубже.

Много разговоровъ возбуждаетъ арестъ фельетониста «Руси»—Шебуева; забрали его и запечатали типографію «Трудъ» за выпускъ и напечатаніе перваго № «Пулемета», Шебуевского сатирическаго журнала. Особо остроумнаго или интереснаго въ немъ нѣтъ ничего, и только на послѣдней страницѣ находится манифестъ 17-го октября, на немъ отпечатокъ кровавой ладони и подпись: «генералъ Треповъ руку приложилъ».

Треповъ скоро станетъ чѣмъ-то вродѣ тещи юмористическихъ журналовъ прежнихъ лѣтъ. Пора бы ужъ и забыть его!

Говорилъ съ офицерами, только что вернувшимися съ Дальняго Востока. Настроеніе арміи по ихъ словамъ злобное, солдаты, офицеры—всѣ возмущены отношеніемъ къ нимъ страны и происходящимъ теперь въ ней.

17 ноября. Ходить вездѣ слухъ, будто вел. кн. Борисъ Владиміровичъ стрѣлялъ въ Николая и ранилъ его въ плечо.

Въ Московскомъ гв. полку происходило что-то вродѣ возстанія; говорятъ объ этомъ глухо, но со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе гвардія считается болѣе или менѣе надежной; лучшіе круги общества настроены пессимистически. Причина—двуличіе правительства: устраненныхъ по дружному требованію общества разныхъ господъ вродѣ одесскаго Нейдгардта и ему подобныхъ опять назначаютъ въ другіе города губернаторами... Вѣрятъ въ близость диктатуры и даже предполагаютъ провозглашеніе ея въ эту субботу, т.-е. послѣ завтра.

Вѣсти изъ глубины Руси плохія—всюду сильно растетъ реакція и самая грубая—холопско-монархическая.

Забастовалъ почтамтъ: злосчастные пары не выдержали таки

гнета этого ломброзовскаго типа—Дурново! Удивляюсь только изумительному долготерпѣнію ихъ!

18 ноября. Есть слухъ, что среди гусаръ и желтыхъ кирасиръ неспокойно и будто бы, поэтому, въ Царское передвигаютъ семеновцевъ. Увѣряютъ, что въ первыхъ двухъ полкахъ произведено много арестовъ. Не въ связи ли это съ дѣломъ в. кн. Бориса-гусара?

Слышалъ повѣствованіе генерала Волкова, человѣка, честность котораго, кажется, внѣ сомнѣнія, о недавно умершемъ генералѣ Церпицкомъ, героѣ войны, напечатавшемъ въ Руси мѣсколько накупѣвшихъ на душѣ облегчительныхъ писемъ. Повѣствованіе удручающее. Неужели и впрямь нѣтъ честныхъ людей на Руси? Въ знаменитую Китайскую «войну» грабительствомъ занимались всѣ, но особенно выдѣлялись Стессель и Церпицкій, грабившіе храмы, частные дома и увезшіе цѣлые возы драгоценностей изъ Китая. Послѣдній ради выставленія себя героемъ жегъ мирныя деревни и городки и о такихъ побѣдахъ писалъ яркія реляціи...

19 ноября. Почтовая забастовка продолжается; она всполошила даже иностранныя посольства. За этотъ годъ, можно сказать, мы прошли черезъ огонь и воду и мѣдныя трубы: испытали, какъ жилось людямъ въ XV вѣкѣ въ городахъ безъ фонарей, какъ они обходились безъ продуктовъ во время осады, видѣли войны на улицахъ, наконецъ узнали, какъ жилось безъ дорогъ, безъ почты и телеграфа. Разореніе принесла и несетъ послѣдняя забастовка—страшное. Рента сегодня—78. Такого курса не бывало и послѣ Цусимы! Дисконтъ поднять до 8%. Золотая валюта виситъ на волоскѣ. Всѣ, кто имѣетъ малѣйшую возможность, берутъ свои деньги и уѣзжаютъ за границу: за какой-нибудь только мѣсяць переведены туда десятки милліоновъ (въ томъ числѣ и великими князьями).

20 ноября. Крестьянское движеніе растетъ. Разореніе и истребленіе всего идетъ безсмысленное и безпощадное: у одного помѣщика, напр., вырѣзали весь конскій заводъ, у другого перерѣзали и бросили въ оврагъ 5.000 барановъ и т. д., и т. д. Все бѣжитъ въ города. Здѣсь проживающіе помѣщики спѣшно уѣзжаютъ въ имѣнія разорять ихъ, т.-е., продавать все живое и всю движимость, чтобъ не совсѣмъ даромъ пропало оно.

Въ министерствѣ земледѣлія получаютъ шифрованныя сообщенія о движеніи этихъ аграрныхъ безпорядковъ, и впечатлѣніе отъ нихъ такое: растетъ девятый валъ.

22 ноября. Необыкновенно гнусные, темные дни. Опять начинаютъ поговаривать о новой и близкой «мертвой» забастовкѣ.

Предполагается ее будто бы устроить на 6 недѣль и притомъ абсолютно всеобщую.

Почтово-телеграфная забастовка продолжается; забастовщики страшно возмущены тѣмъ, что у насъ въ Петербургѣ выступили добровольцы и разбирають вмѣсто нихъ письма. Любопытнѣе всего, что между этими добровольцами много студентовъ...

Доходящіе со всѣхъ концовъ Руси вѣсти нерадостны: въ Кіевѣ, Воронежѣ, Батумѣ—вездѣ начались возстанія войскъ—все это вразбродъ, все безъ связи и, конечно, безрезультатно.

23 ноября. Убить въ Саратовѣ генералъ-адъютантъ Сахаровъ, посланный для усмиренія аграрщины. Застрѣленъ женщиной; объявившей, что она дѣйствовала по приговору социалистовъ-революціонеровъ.

Положеніе сильно напряженное... живемъ точно на пороховомъ погребѣ.

И весь сыръ боръ горитъ изъ-за одного осла, упорно непонимающаго положенія вещей. Изъ министровъ вреднѣйшій—Дурново: всѣ распоряженія, всѣ дѣйствія его уничтожатъ по частямъ манифестъ 17 октября. Кой чортъ можетъ тогда успокоиться и «вѣрить» такому правительству?.. Больше мѣсяца прошло съ объявленія свободы, и что же?—Собранія по прежнему начинаютъ разгонять, предсѣдателей и делегатовъ арестовываютъ, высылки изъ города продолжаются и т. д., и т. д. Общество сильно винить. Витте и право: если нельзя сломить дворцовую камарилью, то надо уйти прочь, не тянуть волокиты, чтобъ общество ясно увидѣло, съ чѣмъ имѣеть дѣло и приняло соотвѣтственныя мѣры.

Курьезъ: вдова гофмейстера Софья Петровна Хитрово обратилась къ моей женѣ съ просьбой найти лектора и устроить у нея въ домѣ нѣчто вродѣ сообщенія о происходящихъ событіяхъ, причемъ общество будетъ исключительно, конечно, изъ высшей аристократіи. Причина такого желанія та, что аристократическія дамы не могутъ читать теперь газетъ, такъ какъ не понимаютъ въ нихъ. «Тамъ все такіе слова... напр. автономія, эсдеки, эсьэры, что это такое?»—нужно объяснить, словомъ, всѣ жупелы гг. аристократкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже схватились теперь за Добролюбова и спрашиваютъ по знакомымъ: «не знаете ли вы, гдѣ найти его?». Такую плебейскую книгу въ ихъ домахъ найти, конечно, трудно.

Хитрово, имѣющая свой домъ на Песочной ул., переѣхала теперь на Сергіевскую—излюбленную улицу нашего «большого» свѣта. Причина—боязнь близости фабрикъ и заводовъ.

На дверяхъ почтамта вывѣшено объявленіе, что въ услугахъ постороннихъ лицъ почтамтъ болѣе не нуждается. Это не значитъ,

что почтовые чиновники вернулись къ своимъ занятіямъ, а только то, что добровольцевъ и числившихся «кандидатами» на должности вполнѣ достаточно.

Не во-время забастовала почта! Примкни она ко всеобщей, прежней—получила бы все. Теперь же еще большой вопросъ...

Удивительная разрозненность дѣйствій: забастовки, бунты—все это вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ, или преждевременно или очень поздно и даетъ бить себя по частямъ. Нѣтъ Наполеона у нашей революціи!

24 ноября. Видѣлъ А. И. Воскресенскаго. Спрашивалъ его, какъ обстоятъ дѣла у нихъ въ Царскомъ Селѣ и въ ихъ Гусарскомъ полку. Вытаращилъ на меня глаза и сказалъ, что гусары спокойнѣе, чѣмъ кто-либо, и ровно никакихъ броженій у нихъ не происходило.

И врутъ же у насъ въ Питерѣ, могу сказать!

26 ноября. Несмотря на резолюцію почтовой сходки, напечатанной во всѣхъ газетахъ о продолженіи забастовки почты—забастовка сорвана. Очень многіе вернулись на работы, и почта дѣйствуетъ.

На помощь бастующимъ двинулись рабочіе, и сегодня была на Почтамтской ул. перестрѣлка: рабочіе не пускали ходившихъ на работу почтальоновъ. Говорятъ, были убиты.

27 ноября. Пасмурно; такіе же и толки кругомъ.

Газеты сообщаютъ объ арестѣ совѣта рабочихъ депутатовъ. Сдѣлали это совсѣмъ легко и просто...

Общее недоумѣніе и злобу вызываетъ высочайшая благодарность, объявленная казачьимъ полкамъ за ихъ вѣрную службу противъ «внутреннихъ» враговъ. Это наглый вызовъ: очевидно, близокъ послѣдній бой съ самодержавіемъ и его холодами. Со смерти Александра III, впрочемъ, нѣтъ самодержца на Руси, а есть только самодержавные министры.

На сегодня всюду назначены собранія и совѣщанія.

28 ноября. Нѣчто объ о. Гапонѣ. С. П. Хитрово, попечительница какого-то пріюта, рассказала слѣдующее. Г. Гапонъ получилъ мѣсто въ ихъ пріютѣ, причемъ ни нравственностью ни воспитанностью не отличался. Любилъ покутить и нѣсколько разъ какимъ-то образомъ ухитрялся попадать въ спальню къ дѣвушкамъ. Однажды встрѣтилъ на улицѣ какую-то изъ нихъ (воспитанницу пріюта), и отправился съ ней въ меблированныя комнаты. Объ этомъ узнали и предложили ему оставить пріютъ.

Г. Гапонъ, кончивъ служить свою послѣднюю обѣдную въ немъ, вышелъ съ крестомъ на амвонъ и произнесъ очень рѣзкую рѣчь, въ которой предлагалъ дѣвушкамъ не слушаться начальства,

не желающаго имъ добра и т. д. Закончили рѣчь еще болѣе страннымъ возгласомъ: «а кто любитъ меня, тотъ иди за мной!»

Въ тотъ же вечеръ дѣвушка, бывшая съ нимъ въ меблированныхъ комнатахъ, пропала. Впослѣдствіи она приходила въ пріютъ въ весьма жалкомъ видѣ, беременная и брошенная Гапономъ.

Дальше: С. П. Хитрово увѣряла, будто 9 января Гапонъ въ толпѣ рабочихъ не былъ—были переодѣтые въ рясы студенты—а сидѣлъ онъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, ожидая прихода депутацій, съ тѣмъ, чтобы идти во дворецъ «за министерскимъ кресломъ».

С. П. Хитрово—дама, безусловно очень освѣдомленная и наблюдательная—высказывала предположеніе, что Гапонъ по всей вѣроятности незаконный сынъ митрополита Антонія, такъ какъ выдѣлывалъ такія штуки, какія другому не сошли бы съ рукъ. Между прочимъ Гапонъ за нетрезво-развратное поведеніе отсидывалъ въ Черной кельѣ—замѣняющей тюрьму у духовенства, но выпущенъ былъ очень скоро, далеко не отсидѣвъ присужденнаго срока.

Газеты сегодня вышли только частью. У газетчиковъ есть только Новое Время, Слово и П. Листокъ.

29 ноября. Слышалъ отъ офицера военного телеграфа, какъ произошла въ дѣйствительности исторія въ электротехнической ротѣ, перевранная газетами.

Электротехники поставлены такъ, какъ не снилось солдатамъ даже гвардейскихъ полковъ, и потому петиція, поданная ими командиру объ улучшеніи пищи и т. п. являлась простымъ результатомъ пропаганды.

1) Солдаты-электротехники свободны послѣ служебныхъ часовъ, и имъ не пренятствовало заниматься частными работами, что давало имъ солидный заработокъ.

2) За работы во время забастовокъ солдаты получали по 2 р. въ день (по освѣщенію города), унтера отъ 4 до 6 р., а офицеры по 14 р.

3) Деньги эти, якобы задержанныя ихъ командиромъ (по словамъ ихъ петицій) въ дѣйствительности не были еще даже получены имъ отъ градоначальника.

4) Солдаты являються въ этой ротѣ, въ сущности говоря, бесплатными учениками, по выходѣ изъ которой сейчасъ же получаютъ прекрасныя мѣста по 60—100 и болѣе рублей.

Вотъ эти делегаты (220 изъ 270) подали командиру, подъ вліяніемъ агитатора-механика, заявленіе, въ которомъ требовали исполненія въ опредѣленный срокъ всѣхъ пунктовъ (точно ихъ не помню).

Командиръ обѣщалъ отвѣтить, ушелъ и далъ знать по начальству и градоначальнику.

Въ 5 ч. вечера (а не ночью), когда было уже темно, во дворъ безшумно вошелъ батальонъ Павловскаго полка; съ нимъ явился и самъ командиръ полка нѣсколько въ нетрезвомъ видѣ и приказалъ командиру бунтовщиковъ «обезоружить» ихъ.

Тотъ приказалъ вызвать къ себѣ роту наверхъ, якобы для отвѣта, и когда тѣ явились—нижнее помѣщеніе, гдѣ стояли ружья, были заперты дневальными, поставленными имъ изъ числа вѣрныхъ людей.

Наверху онъ заявилъ, что переговорить съ ними на болѣе просторномъ мѣстѣ—во дворѣ. Ничего не подозревавшіе бунтовщики стали сбѣгать съ лѣстницы и попадали прямо въ объятія павловцевъ.

Когда вся рота была окружена и арестована, ей выкинули матрасы и шинели и повели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и размѣстили въ маленькомъ манежѣ.

Съ почтовой забастовкой неразбериха: газеты твердятъ, что она продолжается, между тѣмъ письма весь Петербургъ получаетъ исправно. Я уже оставилъ службу и въ почтамтѣ не бываю. Слухи о близкой реакціи все растутъ; много помогаютъ имъ приказъ Дурново о безжалостномъ исключеніи со службы почтовыхъ чиновниковъ и не менѣе умная высочайшая благодарность казацкимъ войскамъ «за ихъ вѣрную службу противъ внутреннихъ враговъ».

Нашли время дразнить людей!

30 ноября. Отъ П. М. Кошкина, члена совѣта Министра внутреннихъ дѣлъ, слышалъ подтвержденіе разсказа Хитрово о Гапонѣ.

Гапонъ, какъ и Зубатовъ, оказывается, тоже получалъ содержаніе изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ и представляетъ не что иное, какъ провокатора.

1 декабря. Государь, оказывается, здоровъ и веселъ. «Цвѣтеть», по выраженію видѣвшихъ его лицъ. Толки о стрѣльбѣ въ него и ранѣ оказываются вздоромъ.

2 декабря. Послѣ полудня сегодня у газетчиковъ конфисковано 7 газетъ: въ нихъ помѣщенъ «Манифестъ» Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, социаль-демократовъ и т. д. Манифестъ предписываетъ бойкотъ государственныхъ бумагъ, бумажныхъ денегъ, обратное истребованіе вкладовъ и т. п.

На Невскомъ проспектѣ буквально нѣтъ прохода отъ всякаго возраста субъектовъ, выкрикивающихъ и предлагающихъ

каждый день все новые и новые юмористическіе журналы и газеты. Плодятся, какъ грибы, теперь.

4 декабря. Лѣвыхъ газетъ въ продажѣ нѣтъ до сихъ поръ. Вчера въ редакціи «Руси» мнѣ сказали, что она выйдетъ на дняхъ подъ другимъ именемъ; также поступать и остальныя 6 газетъ.

Въ ночь на сегодня произведено много арестовъ. У газетчиковъ полиція отбирала разные юмористическіе журналы.

5 декабря. На улицахъ сегодня расклеены правительственные афиши, предупреждающія, что лицъ, подстрекающихъ къ забастовкѣ, будутъ штрафовать на 500 р., или сажать въ тюрьму на 3 мѣсяца.

Газета «Русь» вышла подъ именемъ «Молвы»; прочелъ въ ней правительственное сообщеніе, взваливающее вину за все происходящее только на крайнія партіи.

Цѣль этихъ сообщеній—еще болѣе разъединить общество и эти партіи, и въ этомъ отношеніи Дурново ведетъ политику умѣло!

Огромная масса общества уже струсила и подъ вліяніемъ забастовокъ и рабочихъ манифестовъ пошла на попятный; то и дѣло слышишь всюду нападки на революцію, или, иными словами, на «безобразіе».

Да, свобода, должно быть, намъ дѣйствительно еще «не къ рылу», какъ выразился одинъ мой пріятель!

Слышалъ сегодня толки, будто Семеновскаго полка офицеры, «запретившіе» недавно «Руси» писать что-либо о нихъ, явились третьяго дня въ редакцію этой газеты и перепороли розгами всѣхъ, начиная съ Алексѣя Суворина. Кто только пускаетъ такія утки?

7 декабря. Съ часа на часъ ждемъ новой всеобщей политической забастовки. Финансовое положеніе многихъ ужасное; рента, хотя биржевые бюллетени, составляемые казенными маклерами показываютъ ее въ 79—80 р., на самомъ дѣлѣ уступается по 60. Банки даютъ подъ закладъ ея только по 25 р. Разореніе будетъ полное, но лучше пройти и черезъ него, только бы поскорѣй былъ какой-нибудь конецъ!

Отъ Л. В. Крапивина слышалъ перадостные рассказы. Это отставной штабсъ-капитанъ, отказавшійся стрѣлять по толпѣ и самовольно бросившій полкъ, за что попалъ подъ судъ и т. д.

Теперь онъ бѣдствуетъ, живетъ въ углахъ съ рабочими на Шлиссельбургскомъ трактѣ и постоянно вращается въ ихъ кругу.

Настроеніе среди рабочихъ, несмотря на всѣ увѣренія га-

зеть—плохое; «жрать нечего»—это выраженія Л. Крапивина и слышалъ не разъ и отъ другихъ лицъ.

А тутъ еще праздники на носу, и всякій думаетъ о лишнемъ грошѣ къ нему. Вдобавокъ среди нихъ начинается возмущеніе противъ своихъ депутатовъ: вышла какая-то темная исторія съ ихъ деньгами, которыя собирались съ нихъ въ видахъ самопомощи.

Сорвется эта забастовка, и дѣло революціи проиграно надолго.

Правительство играетъ въ пятнашки: каждый день ловятъ и отбираютъ то № газетъ, то №№ еженедѣльныхъ журналовъ: вмѣсто нихъ появляются десятки новыхъ, опять съ остервенѣніемъ накидывающихся на ловителей и т. д. безъ конца.

8 декабря. Объявленъ бой: въ 12 ч. дня назначена всеобщая забастовка. Лавки полны покупателями. Ночью арестованъ въ типографіи 3 № «Сѣвернаго голоса», «Молва» («Русь»), «Набатъ» («Русская газета»), «Наши дни» («Сынъ Отечества») — полны резолюціями разныхъ обществъ и комитетовъ и такъ вызываючи, что навѣрное конфискуютъ и ихъ.

Оружіе (револьверы) припасено въ каждой семьѣ, но оно хорошо только противъ хулиганщины. Нужно другое...

6½ ч. вечера. Электричество у насъ на Пескахъ горитъ; въ частныхъ квартирахъ на Невскомъ потухло въ 3 ч. дня.

У газетчиковъ отобраны всѣ юмористическіе журналы. Курсъ правительства круто повернулъ на путь Плеве.

Изъ Кронштадта, для работъ на электрическихъ станціяхъ привезли минеровъ; на Морской, тѣмъ не менѣе, темнота.

9 декабря. Признаковъ забастовки на улицахъ не замѣтно, конки ходятъ, магазины торгуютъ по прежнему. На стѣнахъ домовъ расклеена «дурная» литература, «успокаивающая» благонамѣренныхъ гражданъ и извѣщающая, что всякія попытки «снимать съ работъ» или прекращать торговлю будутъ немедленно подавлены.

10 декабря. На вокзалахъ вездѣ войска. Вчера ѣздилъ вечеромъ въ Царское Село и вернулся около 2 ч. ночи. У всѣхъ дверей внутри вокзала стояли часовые семеновцы. Электричество на улицахъ вездѣ работало исправно. На Загородномъ проспектѣ обогналъ низкій, длинный фургонъ съ вентиляторами на крышѣ и съ маленькой рѣшеткой въ верхней части двери, везшій арестованныхъ. Четверка добрыхъ вороныхъ коней довольно быстро везла этотъ странный экипажъ плевенскаго изобрѣтенія, обрацавшій на себя вниманіе всѣхъ прохожихъ.

Въ городѣ вакханалія арестовъ. Изъ газетъ вышли только Новое Время и Свѣтъ. Дворъ типографіи первой полонъ «охра-

няющими» казаками. На Васильевскомъ островѣ вчера были кровавыя столкновения рабочихъ съ казаками и полиціей, но въ городѣ спокойно, и жизнь идетъ обычной чередой. Настроение у думающихъ людей смутное, подавленное: успѣхъ забастовки виситъ на волоскѣ...

Москва бастуетъ дружно и сильно; къ ней примыкають другіе города, и только у насъ дѣло не клеится. Союзы разныхъ профессій засѣдаютъ усиленно, тѣмъ не менѣе надежда на хорошій исходъ плохая: слишкомъ безучастно у насъ большинство!

Сегодня на Анничковомъ мосту нѣсколько подростковъ продавали газеты и выкрикивали: «Новая финансово-политическая газета—Виттова пляска. Витте пляшетъ, Треповъ барабанитъ. Витте пляшетъ, Треповъ барабанитъ!».

Публика улыбалась и раскупала листки.

Гимназисты забастовали; сегодня кучки ихъ ходили и закрывали женскія гимназіи. Союзъ учителей тоже постановилъ прекратить занятія.

11 декабря. Изъ Москвы доходятъ ужасныя вѣсти: тамъ баррикады и форменная война съ пальбой изъ орудій включительно. Это безнадежно. Вооруженное возстаніе одной толпы, безъ войскъ, немыслимо. Теперь не XVIII вѣкъ; передъ современными орудіями всякія баррикады пустая мечта!

Наша питерская забастовка ползетъ врозь: бастуютъ только рабочіе на заводахъ кругомъ города, въ городѣ же жизнь идетъ нормальной чередой.

На Митрофаньевскомъ кладбищѣ сегодня хоронили убитаго молодого рабочаго; толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ провожала его. Кладбище было полно войсками и полиціей.

Какъ тревожно населеніе окраинъ показываетъ слѣдующее: жена, ѣздившая на могилу матери, купила для посадки нѣсколько елокъ; понесъ ихъ сынъ хозяина ларька, гдѣ продаются вѣнки. Парень рассказалъ женѣ, что они открыли одинъ изъ склеповъ, снесли туда самоваръ, углей и кое-что изъ вещей и при первой тревогѣ всей семьей схоронятся туда. Увѣрялъ кромѣ того, будто бы на кладбище рабочимъ доставили нѣсколько вожовъ оружія.

12 декабря. Нужда среди рабочихъ ужасная, многія семьи голодаютъ, и, продлись еще забастовка—между самими же рабочими можетъ вспыхнуть рѣзня, такъ какъ бастовать желаетъ только значительное меньшинство.

Въ газетахъ было помѣщено много писемъ отъ желающихъ на время забастовки кормить у себя на дому дѣтей рабочихъ, но на призывы эти отклика нѣтъ. Во-первыхъ, неудобно посылать

дѣтей за десятокъ верстъ, а во-вторыхъ, рабочіе не хотятъ этого изъ гордости.

Архангельская, одна изъ завѣдывающихъ столовой для бѣднаго люда около Смольнаго, передавала много тяжелыхъ наблюденій; къ нимъ въ столовую приходитъ много изголодавшихся людей, главнымъ образомъ, дѣтей и женщинъ. Рабочіе не могли бы, даже еслибъ хотѣли, посылать обѣдать въ городъ своихъ ребятъ, такъ какъ не во что одѣться, и рваныя одеженки надѣваются дѣтьми по очереди.

Всѣ взгляды забастовщиковъ устремлены были на Николаевскую жел. дор.—забастуй она, и весь городъ сталъ бы! Но она примкнуть отказалась: всѣ главари и дѣятели прошлой забастовки схвачены и арестованы, и руководителей нѣтъ у нея.

Аресты продолжаются безъ конца.

По случаю объявленной 17 октября «свободы» всѣ собранія разгоняются; разогнано было даже такое, какъ «Женскаго взаимнаго благотворительнаго общества», гдѣ бывають только женщины и совѣщаются объ устройствѣ школъ, чтеній и народныхъ столовыхъ.

Въ позавчерашнюю субботу арестовано было на митингѣ около 200 чел. боевой организаціи; бездѣйствіе Петербурга понятно...

Газетъ, кромѣ. Новаго Времени, по-прежнему нѣтъ. Это большая ошибка. Точно нарочно предоставили монополію Суворинщинѣ распространять свои идеи возможно шире! Поневоля теперь всѣ покупаютъ эту газету, чтобъ узнать, что творится у насъ.

Сейчасъ слышалъ подтвержденіе разсказа (вчерашняго) объ убійствѣ на Шлиссельбургскомъ трактѣ околоточнаго надзирателя.

Группа рабочихъ, человекъ около 300, собралась около одного дома слушать оратора. Въ это время явились казаки и околоточный надзиратель и арестовали говорившаго; когда его увели, показался другой околоточный—очень нелюбимый въ тѣхъ краяхъ. Толпа бросилась на него; онъ побѣжалъ и вскочилъ на проходившую мимо конку; рабочіе, выламывая на бѣгу колья изъ палисадовъ, помчались за конкой. Бывшіе впереди, услыхавъ крики: «держи конку», остановили конку—опустили шлагбаумъ; рабочіе ворвались въ вагонъ, выволокли отстрѣливавашаго изъ револьвера околоточнаго на тротуаръ и измолотили его на смерть. Остервенѣніе ихъ было такъ велико, что даже стѣнка вагона разнесена ими вдребезги. Дикая расправа эта происходила въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ оконъ квартиры Новиковыхъ, видѣвшихъ и сообщившихъ мнѣ о ней.

13 декабря. Вчера на окраинахъ происходили мелкія стычки рабочихъ съ войсками, есть убитые и раненые.

Изъ Москвы идутъ странныя свѣдѣнія. Тамъ цѣлый корпусъ войскъ и вотъ уже сколько дней не можетъ одолѣть возставшихъ—очевидно правительственныя сообщенія не точны, какъ всегда. Второе: въ «битвахъ» принимаютъ участіе только казаки, драгуны и артиллерія—про пѣхоту не упоминается. А между тѣмъ въ ней передъ самымъ возстаніемъ были бунты. Гдѣ же, на чьей сторонѣ теперь она?

Вечеромъ вышелъ № «Молвы».

14 декабря. Аресты безъ конца. Полиція запечатала 38 типографій. Въ Москву сегодня уходитъ экстренно вызванный Семеновскій полкъ: стало быть, положеніе войскъ тамъ не изъ блестящихъ. Бой на улицахъ Москвы продолжается.

Въ центрѣ Петербурга спокойно, но съ окраинъ идутъ тревожныя вѣсти. На Выборгской сторонѣ, напр., казачьи разъѣзды стрѣляютъ даже по небольшимъ группамъ людей, совершенно къ движенію непричастныхъ. Были убитые и раненые.

Вниманіе всѣхъ приковано къ Москвѣ; у насъ ждутъ безпорядковъ 9 января, на день годовщины массовыхъ убійствъ. Въ 9 января не вѣрю; ждать чего—то лишь весны. Съ юга къ намъ идетъ чума, на борьбу съ которой мудрое правительство наше назначило 9.000 р., тогда какъ разные гг. Дурново на «подъемъ» съ одного мѣста на другое получаютъ по 40.000. Чуть не во всѣхъ губерніяхъ надо ждать голода; промышленность остановилась и частью прекратилась совсѣмъ.

Положеніе рабочихъ отчаянное. Немногимъ лучше и другихъ—не чиновниковъ. Журналы, напр., сотрудникамъ уже не платятъ, такъ какъ подписчиковъ нѣтъ абсолютно. Даже такой ходкій прежде журналъ, какъ «Міръ Божій» до сихъ поръ не имѣетъ ни одного. Подъ закладъ вещей ломбарды даютъ гроши—менѣе половины того, что давали за тѣ же вещи раньше. Продавать что-либо—немыслимо, такъ какъ предложеній много, а желаній купить нѣтъ совершенно.

16 декабря. Москва воюетъ и разстрѣливается артиллеріей. Адмиралъ Дубасовъ, генераль-губернаторъ ея, способенъ всѣхъ мирныхъ москвичей превратить въ дружинниковъ—революціонеровъ: пушки разбиваютъ дома, откуда былъ хотя бы одинъ выстрѣлъ, и гдѣ живутъ сотни неповинныхъ людей; жарятъ шрапнелью по всякой толпѣ безъ разбора, открываютъ ружейную стрѣльбу по кучкамъ въ 3 человѣка и по глядящимъ въ окна женщинамъ и т. д.

Въ центрѣ Питера тихо и ожидать чего-либо скоро нельзя. Аресты продолжаются.

На окраинахъ, особенно по Шлиссельбургскому тракту, голодъ; среди рабочихъ расколъ, такъ какъ большинство хочетъ стать на работы; вожаки всѣ арестованы.

Телеграммы изъ всѣхъ городовъ приносятъ вѣсти о безконечныхъ арестахъ. Хватаютъ всякаго, зря, по старому—до выясненія причинъ.

25 декабря. Революція подавлена... пока что, конечно! Пишутъ эти строки въ Кемере. Изъ Петербурга и со всей Руси вѣсти темныя: идутъ повальныя обыски, аресты и даже разстрѣлы.

Дурново и к-о торжествуетъ.

Разумѣется, ни одно государство не потерпѣло бы ни баррикады на улицахъ, ни «манифестовъ», въ родѣ выпущеннаго рабочими, но ни одно государство и не истребляло бы такъ бессмысленно жестоко людей, какъ у насъ, и не надругивалось бы со своей стороны надъ своими же законами.

У меня въ Кемере скрывается въ настоящее время одинъ изъ членовъ перваго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ—рабочій Семяниковскаго завода Н. Ф. Климчинскій. Онъ былъ изрубленъ 6 ноября казаками; по выходѣ изъ больницы Пименова (писательница) направила его ко мнѣ.

Это огромнаго роста человѣкъ, лѣтъ около 30, изъ крестьянъ Могилевской губерніи, брюнетъ. Лицо умное, съ глубокой складкой между бровей. На коротко остриженной головѣ у него краснѣютъ три большихъ еще свѣжихъ рубца; кромѣ этихъ трехъ ранъ у него было прикладами сломано 2 ребра, и перенести такое избіеніе могла только подобная желѣзная натура; раньше онъ подымалъ 18 пудовъ.

Среди боевой организаціи зародилась мысль овладѣть Кронштадтомъ.

Сперва у насъ опаздывало во всемъ правительство, теперь начинаетъ опаздывать революція!

31 декабря. Реакція торжествуетъ по всей Руси.

Петербургъ готовится къ выборамъ въ Государственную Думу.

Наступающій годъ встрѣчаемъ мрачными глазами. Много еще должно пролиться крови и раззориться людей, прежде чѣмъ пастоящій миръ воцарится на Русской землѣ!

1906 годъ.

28 марта. Три мѣсяца не прикасался къ этой книгѣ. Чуть не повальныя обыски и безконечныя аресты, идущіе и по сейчасъ въ Петербургѣ, заставили меня увезти ее въ Кемере и хранить тамъ, подальше отъ жандармскихъ лапъ.

Несмотря на всѣ ухищренія Дурново и Витте, несмотря на аресты, запрещенія собраний, разстрѣлы, провокацію и всяческіе приемы такого рода—одолѣла конституціонно-демократическая партія: въ Питерѣ въ выборщики прошли только ея кандидаты и почти во всѣхъ городахъ тоже. Успѣхъ неожиданный!

Въ день выборовъ въ Питерѣ было очень оживленно: у Соляного городка, куда направился и я, какъ житель Рождественской части, съ 9 ч. утра стояла толпа. Распорядители были столь умны, что для входа и выхода многотысячной толпы предоставили только одну дверь, такъ что давка происходила, какъ на пожарѣ—одна волна втискивалась, другая опрокидывала ее изъ зданія.

Я пришелъ къ десяти часамъ. У входа въ изобилии раздавали разныя черносотенныя воззванія и приглашенія голосовать за партію правового порядка;—раздатчики лѣвыхъ партій, даже кадеты допущены не были, и воззванія послѣднихъ отбирались и уничтожались полиціей.

Огромный сарай, предоставленный для выборовъ, имѣлъ видъ собачьей выставки, гдѣ у стѣнъ, за черными рѣшетками, какъ въ клѣткахъ, сидѣли за столами пріемщики. Надъ каждымъ столомъ возвышалась палка съ буквами алфавита и №№, по которымъ должны были раздѣляться податели голосовъ. Въ загонѣхъ сидѣло по три пріемщика; одинъ принималъ повѣстку и опускалъ ее въ «урну», имѣвшую видъ огромнаго почтоваго ящика, густо вымазаннаго сажей; сидѣвшій посрединѣ отмѣчалъ въ книгѣ фамилію. Я подалъ голосъ за «кадетовъ», передъ самыми выборами переименовавшихъ свою партію болѣе понятнымъ для массы образомъ—въ партію народной свободы.

Оправдастъ ли она наши ожиданія??

Несмотря на драконовыя мѣры не только противъ редакторовъ сатирическихъ изданій, но даже и противъ типографій, печатавшихъ ихъ,—число послѣднихъ дошло до безумной цифры: съ 17 октября вышло болѣе шестидесяти названій. Ихъ конфискують, жгутъ, рѣжутъ, а они растутъ себѣ, какъ грибы!

Просижу теперь Пасху въ Кемере безъ газетъ, такъ какъ въ числѣ мѣръ, примѣняемыхъ Дурново къ «свободной» печати, находится и запрещеніе почтамту принимать къ пересылкѣ взаимнѣ пріостановленнаго изданія другое. Какъ будто почта перевозитъ названіе, а не опредѣленный вѣсъ бумаги!

4 апрѣля. Ждали къ Пасхѣ амністіи политическимъ заключеннымъ, число которыхъ по официальнымъ свѣдѣніямъ свыше 70 тысячъ (считай вдвое), и ничего не дождались. Въ насмѣшку говорили, что амністія будетъ дана только устроителямъ погромовъ!

На смѣну намъ идетъ совсѣмъ другое поколѣніе. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ имѣлъ понятіе о забастовкахъ, политическихъ ссылкахъ и т. п.? Теперь дѣти, даже у родителей, намѣренно скрывающихъ отъ нихъ все творящееся на Руси,—играютъ въ забастовки, въ митинги, съ жадностью хватаютъ газеты, такъ безконечно скучными казавшіеся намъ въ 10—12 лѣтъ. Напр., дѣвочки въ нашемъ коммерческомъ училищѣ играютъ въ митинги, и когда старшія являются угомонять возню, то пресерьезно отвѣчаютъ, «какъ же быть—мы играемъ въ митингъ, надо же насъ разгонять!»

Грошевыя соціальныя брошюры идутъ нарасхватъ и покупаются, главнымъ образомъ, подростками и рабочими. Кто въ наше время въ 12—13 лѣтъ промѣнялъ бы Жюль Верна на Маркса и Майнъ-Рида на Бебеля?!

20 апрѣля. Напряженно ждемъ Думу. А пока что—лупятъ насъ нагайками, разгоняютъ даже самыя невинныя собранія и усиленно обыскиваютъ. Такой свободы давненько, со временъ Грознаго, не было еще на Руси!

Жена недавно была на одномъ изъ обычныхъ, исключительно дамскихъ, такъ называемыхъ «воскресныхъ» собраніяхъ общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ. Никакой политики это общество не касается; тѣмъ не менѣе къ нимъ пожаловалъ нѣкій чинъ съ оранжевыми кантами и весьма развязно усѣлся среди дамъ слушать ихъ разговоры; возмущенныя дамы отомстили ему тѣмъ, что сейчасъ же очистили мѣста близъ него, а хозяйка дома—(собранія эти происходятъ поочередно у дамъ—патронессъ на квартирахъ) приказала обнести его чаемъ. Чинъ однако этимъ не смутился: кожа на нихъ высокой выдѣлки!

21 апрѣля. Пропаганда среди войскъ идетъ усиленная. Соціаль-демократы издають специальную газету для нихъ «Казарму», конечно, нелегальную. Отъ членовъ военной организаціи ихъ слышалъ, что Кронштадтъ настолько опять подготовленъ къ возстанію, что боятся, какъ бы не вспыхнуло оно у нихъ преждевременно. Изъ питерскихъ войскъ очень надѣются на преображенцевъ, за исключеніемъ какой-то одной, кажется царской роты, и на Петропавловскій гарнизонъ. Въ Царскомъ, Гатчинѣ и др. окрестностяхъ солдаты начинаютъ устраивать митинги и видимо пробуждаться... Преданіе свѣжо...

Много говорятъ и пишутъ въ газетахъ всѣ эти дни о пресловутомъ Гапонѣ. Окончательно выяснилось, что это за гусь и какую скверную, хотя все же загадочную, роль игралъ онъ въ дѣлѣ 9 января. Онъ дѣйствовалъ на два фронта и увлекался, кажется, и тамъ и тутъ.

26 апреля. Опубликованы «основные законы»,—вѣрнѣ послѣднія судороги самодержавія. Изумительно мѣдныя лбы у творцовъ и издателей ихъ. Кѣмъ надо быть, чтобы придумывать и издавать новые законы чуть не за день передъ Думой?..

На этихъ дняхъ ушли въ отставку Витте и Дурново, а съ ними и прочіе министры. Поназначали новую шушеру и воображаютъ, что можно будетъ «немогузнайствомъ» отдѣлаться передъ Думой, и что она не позоветъ къ отвѣту ушедшихъ. Дурново въ награду за труды получилъ 200.000 р.

По Питеру ѣздить и ходить войска какъ передъ генеральнымъ сраженіемъ; вокзалы переполнены солдатами и жандармами; обыскиваютъ пассажировъ безъ стѣсненій, и на-дняхъ обыскали даже нѣсколькихъ депутатовъ.

27 апреля. Вотъ и великій, долго жданный день. На улицахъ флаги, но праздничнаго оживленія не замѣтно. Фабрики всѣ работаютъ. На углахъ улицъ бѣлѣютъ плакаты, объявленія нашего остроумнаго градоначальника, распорядившагося прекратить движеніе по двумъ мостамъ черезъ Неву. Что думала достигнуть этимъ сія мудрая голова, знаетъ, конечно, только она одна!

Вышелъ на Невскій; народа даже меньше, чѣмъ въ обыкновенныя будни. Только на углахъ Морской, да подъ аркой штаба толпились небольшія кучки любопытныхъ; ни къ Александровскому саду, ни на Дворцовую площадь, ни по Мойкѣ не пропускали никого. Постоялъ нѣсколько минутъ подъ аркой, посмотрѣлъ на красную и бѣлую линіи казаковъ и кавалергардовъ, выстроенныхъ передъ дворцомъ, и пошелъ обратно. Во дворцѣ происходилъ въ это время пріемъ Думы.

6 ч. вечера. Къ 4 ч. члены Думы съѣхались въ Таврическій дворецъ. Войскъ и полиціи нагнано было къ нему вдвое больше, чѣмъ публики; тѣмъ не менѣ толпа стояла все же порядочная: преобладало студенчество, курсистки и интеллигенція. Чувствовали себя всѣ чрезвычайно свободно и вскорѣ начали задирать войска: раздались свистки, крики «долой» и «прочь», словомъ, начался было скандалъ, и только появленіе оберъ-полицеймейстера, обѣщавшаго удалить войска, успокоило толпу. Войска дѣйствительно, сейчасъ же ушли, и публика взялась подъ руки, устроила цѣпи и успокоилась. Какой-то министръ хотѣлъ подъѣхать къ самому дворцу въ каретѣ; раздался вой, лошадей ухватили подъ уздцы и заставили его высадиться и шествовать пѣшимъ манеромъ. Члены Думы пробирались гуськомъ, кланялись, жали тянувшіеся къ нимъ руки; ихъ встрѣчали и провожали

аплодисментами и криками: «амнистію, амнистію!» Болѣе всѣхъ овацій выпало на долю Родичева.

10 ч. вечера. Отъ бывшихъ на пріемъ во дворецъ слышалъ, что государь тронную рѣчь свою, состоящую всего изъ трехъ-четырехъ фразъ, читалъ по бумажкѣ; Марія Ѳедоровна выглядѣла презлющей, молодая императрица сидѣла вся цунцовая: и обѣ, не досидѣвъ до конца, удалились. Богатая, хотя неподновленная и грязная обстановка особаго впечатлѣнія на депутатовъ-крестьянъ не произвела. Вообще всѣ выборные были очень сдержанны и скорѣе угрюмы: значить, чувствуютъ, какая отвѣтственность передъ избравшими лежитъ на нихъ. Одинъ крестьянинъ глядѣлъ, глядѣлъ на раззолоченный мундиръ какого-то придворнаго и сказалъ вполголоса: «ежели бъ съ одного зада у него золото снять—двѣ деревни цѣлый годъ прокормить хватило бы!»

30 апрѣля. Объ амнистіи по-прежнему ни слуху ни духу. Дума собирается, газета членами ея издается, но ни о какихъ рѣшительныхъ, такъ необходимыхъ теперь шагахъ, не слышно...

Къ 1 мая заготовляютъ войскъ больше, чѣмъ ихъ дѣйствовало въ Ляоянѣ у Куропаткина. На войнѣ пулеметы у насъ отсутствовали, а теперь чуть ли не на каждого жителя по пулемету найдется. Кстати—на Троицкій мостъ и набережную Петерб. стороны наведены со стѣны Петропавловки два вновь ввезенныхъ орудія. Отечески пекутся у насъ о спокойствіи народа!

2 мая. Первое мая прошло мирно; заводы, конечно, не работали; въ городѣ процессій не было, и только огромная толпа рабочихъ въ красныхъ рубахахъ и съ красными флагами прошла изъ-за Невской заставы на Преображенское кладбище къ могиламъ жертвъ 9 января.

Ухлопали командира Петербургскаго порта, сильно жавшаго рабочихъ и вообще слишкомъ геройствовавшего среди подчиненныхъ; убито и нѣсколько рабочихъ, главарей черносотенцевъ, свирѣпствовавшихъ на Семянниковскомъ заводѣ.

Слухи о смерти Гапона подтвердились: тѣло его нашли на пустой дачѣ въ Озеркахъ; онъ висѣлъ на веревкѣ, и вскрытіе показало, что онъ былъ повѣшенъ живой; тѣло его сильно разложилось, но лицо можно было узнать, и фактъ установленъ окончательно... Кто убійцы—неизвѣстно, хотя, въ газетахъ помѣщено было заявленіе боевой организациі о томъ, что Гапонъ приговоренъ ею къ смерти, и что приговоръ приведенъ въ исполненіе. Заявленію этому почти никто не повѣрилъ, и считали его простой мистификаціей. Вотъ и новая интересная тема для газетнаго романа!

Дума еще засѣдаетъ, только надолго ли? Дворцовая камарилля уже точить на нее зубы.

5 *юня*. Понемногу ухлопываютъ на окраинахъ черносотенцевъ. Опять беретъ верхъ революціонная партія, задавленная было арестами. На заводахъ происходятъ курьезы. На Семяниновскомъ, напр., черносотенцы доведены до такого перепуга, что по малѣйшему окрику приносятъ свои значки—«истинно русскихъ» людей и револьверы—по большей части скверные. Любопытно, что на квартирахъ двухъ убитыхъ Лаврова и Снесарева—главарей черносотенцевъ и страшилищъ цѣлыхъ районовъ—рабочими обнаружены цѣлые склады награбленныхъ ими кошечковъ, часовъ, шапокъ и т. п. У одного напр.,—у Лаврова, отыскано было 40 кошечковъ, 17 часовъ, 25 шапокъ. Эти франты со своими шайками съ начала репрессій занимались вездѣ на окраинахъ, подъ видомъ обысковъ подозрительныхъ личностей, грабежомъ прохожихъ. Управы на нихъ, кромѣ самосуда, никакой не было.

Борьба съ «крамолой» идетъ во-всю; аресты и обыски безъ конца; газеты возникаютъ и конфискуются чуть что не каждый день.

Настроеніе въ общемъ, какъ передъ грозой—душно, дышать хочется!

7 *юня*. Бесѣдовалъ со многими издателями и вотъ неожиданное сообщеніе ихъ: книжный рынокъ пресытился, словно захлебнулся тѣмъ страшнымъ количествомъ книгъ и брошюръ, что выбрасывается на него теперь ежедневно. Перестали даже идти разныя социальныя брошюры—еще такъ недавно нарасхватъ разбиравшіяся публикой. Мы пережили періодъ какой-то книжной вакханаліи: печать вырвалась изъ проклятыхъ лапъ и закрутилась, какъ дервишъ въ пляскѣ. Одно время книги, особенно брошюры, шли поразительно бойко; теперь «стали» и онѣ. Казалось бы, при такомъ спросѣ, издательства и бумажныя фабрики должны бы были процвѣтать, между тѣмъ явленіе получалось обратное: всѣ жалуются на упадокъ дѣлъ—даже газеты, поглотившія теперь все вниманіе публики. Причина проста: фабрики въ большинствѣ случаевъ отпускаютъ бумагу въ кредитъ, иначе онѣ стали бы совсѣмъ, такъ какъ наличныхъ денегъ теперь сильно поубавилось на Руси; издательства берутъ въ кредитъ и печатаютъ; но продать теперь можно только что либо очень рѣзкое, и книги по выходѣ въ свѣтъ весьма скоро конфискуются полиціей. Результаты ясны. Газеты, несмотря на страшный спросъ на нихъ, въ желѣзныхъ тискахъ и держатся только продажей въ розницу въ С.-ПБ. Дальше ихъ не выпу-

скають: конфискуютъ или въ почтамтѣ или же цѣлыми тюками на мѣстахъ полученій. Даже дѣла такой распространенной газеты, какъ «Наша Жизнь», висятъ на волоскѣ; юмористическіе журналы поумирали уже почти всѣ, а съ 17 октября выпрыгнуло ихъ въ свѣтъ около 80.

Пріѣзжающіе изъ провинцій рассказываютъ объ особомъ родѣ нищенства, распространившемся на Руси: на станціяхъ бабы, подростки и мужики выпрашиваютъ у проѣзжихъ «газетку»... Многіе пассажиры покупаютъ и раздаютъ послѣднія. И это у насъ, на Руси! Основательно же пробудилъ насъ японскій прикладъ!

20 іюня. Бесѣдовалъ съ Д. М. Бодиско, только что вернувшимся изъ своей Тульской губерніи. Онъ, еще недавно увѣрявшій меня въ глубокомъ монархизмѣ крестьянъ, теперь рассказывалъ, и не безъ горечи, что слово «царь» теперь мертвый звукъ для народа. Мертвый потому, что народъ раньше рассчитывалъ, что царь и никто другой дастъ ему землю, теперь же всѣ упованія свои перенесъ на Думу. Потрунилъ я надъ нимъ. Царь-то у насъ совсѣмъ какъ некрасовскій баринъ, котораго «все нѣту», который «все не ѣдетъ!»

С. Р. Минцловъ.

1792 годъ.

(Мемуары А. Шометта).

Мемуары знаменитаго прокурора революціонной парижской коммуны и организатора культа Разума Анаксагора Шометта переносятъ насъ въ драматическій періодъ Французской Революціи, начавшійся бѣгствомъ короля въ Варенъ (іюнь 1791-го года) и завершившійся вооруженнымъ возстаніемъ 10-го августа (1792-го г.). Это былъ переходный къ демократической диктатурѣ періодъ,—періодъ начавшейся буржуазной реакціи и первыхъ столкновеній между добившимся своей конституціи «третьимъ сословіемъ» и «народомъ», не желавшимъ видѣть въ этой конституціи осуществленіе обѣщанныхъ ему либеральныхъ и эгалитарныхъ началъ. Опасаясь дальнѣйшаго развитія революціи, буржуазія старалась увѣрить всѣхъ, и прежде всего самое себя, что въ лицѣ водвореннаго въ Тюильери бѣглеца страна дѣйствительно имѣетъ у себя конституціоннаго монарха, а «народъ», ощущавшій пока на своей спинѣ тяжесть начавшагося хозяйственнаго кризиса—безработицу, дороговизну продуктовъ и пр.—не могъ взять въ толкъ преимуществъ своего новаго званія «пассивныхъ гражданъ» и по-прежнему ощущалъ себя не героемъ, а жертвой. Онъ по-прежнему былъ готовъ сражаться съ врагомъ, все съ прежнимъ, очевидно, врагомъ—«аристократомъ». Доселѣ врагъ этотъ былъ на виду: Бастилія, дворянскіе замки, Версальскій дворецъ—было ясно, куда наносить удары. Теперь онъ спрятался—его приходилось искать: Бастилія разрушена, замки сожжены, Версаль опустѣлъ—нужно отыскивать *тайныхъ* «аристократовъ», выводить на чистую воду *предателей* народнаго дѣла. Такъ создавалась характерная для эпохи неустойчивость общественнаго настроенія, легкая возбуждаемость народной толпы, недовѣріе санкюлотовъ къ конституціи и конституціоннымъ властямъ. Вообще говоря, буржуазія могла бы и не считаться съ этимъ недовѣріемъ; конституція давала въ ея руки достаточно средствъ для «успокоенія» недовольства «пассивныхъ гражданъ» (админи-

страція и военная сила въ лицѣ національной гвардіи находились въ рукахъ буржуазіи), но дѣло въ томъ, что у нея самой еще не было подъ ногами солидной почвы: конституціонная монархія, въ которую она жаждала вѣрить, далеко не была еще фактомъ, и король, насильственно вырванный изъ своей стихіи, слишкомъ плохо осваивался съ новой средой. Усилія буржуазіи утвердить въ странѣ «прочный порядокъ» разбивались о нежеланіе «ограбленныхъ революціей» классовъ примириться съ создавшимся положеніемъ и вступить съ побѣдителемъ въ сдѣлку. Дворянско-клерикальная Франція не желала уступать буржуазіи «своего» короля, да и самъ король не проявлялъ готовности чему-нибудь «научиться». Положеніе усложнялось вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ. Въ числѣ «ограбленныхъ» Революціей оказались германскіе принцы—владѣтели феодальныхъ имѣній въ Эльзасѣ; германскій (австрійскій) императоръ терялъ въ лицѣ старой французской монархіи могущественнаго союзника (сближеніе Франціи съ Австріей, начавшееся Ахенскимъ миромъ, было только что закрѣплено брачнымъ союзомъ обѣихъ династій—бракомъ Людовика съ Маріей-Антуанеттой); агитація французскихъ эмигрантовъ встрѣчала благопріятную почву въ тревожномъ настроеніи всѣхъ европейскихъ феодаловъ, опасавшихся за прочность своихъ наслѣдственныхъ правъ. Результатомъ всего этого явилось вмѣшательство монархической Европы въ пользу «лишеннаго свободы» Людовика, а вмѣстѣ съ этимъ и гибель во Франціи «конституціонныхъ иллюзій». Передъ буржуазіей вставала дилемма—старая монархія или демократія, а поскольку капитуляція передъ только что побѣжденнымъ врагомъ была для нея невозможна, ей оставалось одно—побѣждая въ душѣ отвращеніе и страхъ, опереться на народныя массы. Новые радикальные вожди смѣнили на политической сценѣ выходцевъ изъ привилегированныхъ классовъ, отчасти сошедшихъ уже въ могилу (какъ Мирабо), отчасти измѣнившихъ въ рѣшительный моментъ буржуазіи. Въ числѣ новыхъ, выдвинутыхъ событіями 1792-го года вождей, былъ и авторъ нашихъ мемуаровъ.

Пьеръ-Гасторъ (по революціонному календарю—Анаксагоръ) *Шометтъ* родился въ Неверѣ въ 1763-мъ году и былъ сыномъ простаго башмачника. Образованіе, которое онъ получилъ ¹⁾ и видный политическій постъ, на который его выдвинули событія 10-го августа, духовно не оторвали его отъ его среды: онъ до конца

¹⁾ Въ области образованія онъ не пошелъ, впрочемъ, особенно далеко: революція застала его въ Парижѣ въ званіи «студента медицины». Въ этомъ же званіи, несмотря на свой уже 28-ми лѣтній возрастъ, фигурируетъ онъ и на знаменитой народной петиціи на Марсовомъ полѣ (іюнь 1791 года).

своихъ дней остался по своему облику типичнымъ «простолюдиномъ» ¹⁾. Въ этомъ была, вѣроятно, одна изъ главныхъ причинъ его популярности въ рабочихъ кругахъ. Ему легко было примѣниться къ вкусамъ своей обычной аудиторіи,—собраній народныхъ обществъ, демократическихъ секцій и публики трибунъ парижской коммуны. Въ силу этой же причины ему не чужда была порой и демагогія, хотя духовная близость къ народнымъ массамъ не позволяла ему итти въ этомъ направленіи дальше извѣстныхъ границъ. При всѣхъ своихъ личныхъ и общественныхъ недостаткахъ Шометтъ былъ однако самымъ подлиннымъ, инстинктивнымъ, такъ сказать, демократомъ: въ іюнѣ 1791-го года, при первомъ извѣстіи о бѣгствѣ короля онъ вмѣстѣ съ населеніемъ рабочихъ кварталовъ поднимаетъ знамя республики, котораго боятся еще самые крайніе вожди политическихъ партій; въ моментъ всеобщаго воинственнаго возбужденія передъ началомъ «жирондистской» войны (апрѣль 1792-го года) онъ предупреждаетъ народъ о грозной опасности милитаризма ²⁾; въ разгаръ террора (1793 г.) проповѣдуетъ уничтоженіе смертной казни и вопреки кровавымъ проектамъ своего политическаго руководителя Эбера, вступаетъ за темныхъ вандейскихъ крестьянъ...

Въ предисловіи къ своимъ мемуарамъ Шометтъ высказываетъ намѣреніе быть безпристрастнымъ лѣтописцемъ событій. Это совершенно ему не удается. Во всѣхъ его оцѣнкахъ, сужденіяхъ, характеристикахъ, въ самомъ выборѣ фактовъ, сквозитъ не объективный рассказчикъ, а активный и пылкій участникъ революціонной драмы: мысли его не уложились еще въ стройный порядокъ; только что пережитыя впечатлѣнія не остыли. Но именно въ этомъ заключается интересъ его мемуаровъ. Если бы Шометтъ не погибъ на эшафотѣ въ самый разгаръ революціонныхъ событій (онъ былъ казнень съ эбертистами въ мартѣ 1794 года) и успѣлъ литературно отдѣлать свою рукопись, она несомнѣнно потеряла бы въ своей исторической цѣнности: не факты и не личные взгляды Шометта интересны въ его мемуарахъ, а *непредумышленныя* правдивость разсказа, психологическое отраженіе подлинной, хотя и неполно представленной жизни. Пусть слогъ мемуаровъ не обработанъ и мѣстами напыщенъ и грубъ, пусть въ разсужденіяхъ автора больше желчи, чѣмъ правды, пусть даже съ фактической

¹⁾ Мѣткую характеристику Шометта даетъ издатель его бумагъ Г. Брэшъ. См. F. Braesch, «Papiers de Chaumette» (Изд. «Общества Французской Революціи». Парижъ. 1908).

²⁾ «Побѣды,—писалъ Шометтъ въ проектѣ петиціи Національному Собранію,—пробуждаютъ самое увлекательное и самое опасное изъ общественныхъ настроеній—военный духъ (esprit militaire) во всѣ времена пролагавшій дорогу тираніи черезъ обломки свободы». См. Braesch, Papiers de Chaumette.

стороны рассказъ его не всегда надеженъ, но онъ переноситъ насъ въ самую гущу тогдашнихъ настроеній, даетъ почувствовать настоящую атмосферу происходившей тогда борьбы. Живо переданы въ мемуарахъ тревожныя чувства демократіи передъ лицомъ объединившагося противъ нея внѣшняго и внутренняго врага, ея растущее недовѣріе къ колеблющимся буржуазнымъ вождямъ и глубокая духовная отчужденность «народа» не только отъ стараго, феодальнаго міра, но и отъ верхнихъ «успокоившихся» слоевъ буржуазіи. Чувства эти непосредственно воспринимаются читателемъ мемуаровъ, позволяютъ уловить интимный смыслъ революціонныхъ событій: они теряютъ, благодаря этому, свой обычный театральный привкусъ, становятся понятными намъ, почти современными.

Нужно, впрочемъ, сказать, что и чисто фактическая сторона мемуаровъ не лишена для насъ интереса. Ея нѣкоторыя детали—напр., описанія пребыванія въ Парижѣ марсельцевъ (рассказъ о ихъ полицейской службѣ у домовъ «патріотовъ»), подробностей подготовки и организаціи августовскаго возстанія и т. д.—въ высшей степени цѣнны.

Переводъ «Мемуаровъ» сдѣланъ нами съ изданія, выпущеннаго въ 1893 году «Обществомъ Французской Революціи» подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Олара. Документы, иллюстрирующіе рассказъ Шометта, но опущенные въ его рукописи и въ печатномъ изданіи (Петиція Парижской Коммуны, манифестъ герцога Брауншвейгскаго и т. д.) восстановлены въ нашемъ переводѣ по «Монитору» 1792 года (*Gazette National ou le Moniteur. Réimpression avec les notes, vol. XII et XIII*).

Мемуары и всѣ примѣчанія къ нимъ автора переведены нами полностью, съ сохраненіемъ курсивовъ. Неоговоренныя примѣчанія принадлежатъ переводчику.

Ив. Херасковъ.

Мемуары Шометта.

Только тотъ, кто пишетъ съ единственной цѣлью говорить правду и не поддаваться внушеніямъ ни своей фантазіи ни своихъ страстей, имѣетъ право взять въ свои руки рѣзецъ исторіи и воспроизводить факты, принадлежащіе не столько современникамъ, сколько потомству. Громадная и величественная картина, представляемая революціей 10 августа 1792 года, не нашла еще своего безпристрастнаго живописца: всѣ сдѣланные доселѣ наброски ея проникнуты духомъ партійности и характерны болѣе для ихъ авторовъ, чѣмъ для революціи, которую они должны

воспроизводить. Я видѣлъ немало произведеній этого рода. Они возмутили меня, и я сказалъ себѣ: «Почему бы не взяться мнѣ за этотъ великій сюжетъ? Почему бы мнѣ, участнику и свидѣтелю этой революціи, не сообщить моимъ согражданамъ фактовъ, видѣнныхъ и собранныхъ мною, фактовъ, въ которыхъ я участвовалъ самъ?» Такъ создаюсь мое рѣшеніе взять на себя эту въ высшей степени трудную, но и въ высшей степени благодарную задачу, въ убѣжденіи, что въ произведеніяхъ подобнаго рода ищутъ не столько стили, сколько правды, безпристрастности, отсутствія столь типичной для нашего времени маніи, такъ сказать, перекрашивать людямъ глаза и прививать косоглазіе зоркимъ. Если цѣль моя окажется недостигнутой, если силъ у меня не хватитъ, пусть зачтется въ мою пользу, по крайней мѣрѣ, желаніе.

1. Положеніе Франціи въ іюнь 1792 года ¹⁾.

Неприсяжные (отказавшіеся отъ гражданской присяги Н. Х.) священники и другіе фанатики усиленно разжигали въ странѣ гражданскую войну и внушали народу преступные догматы. Они вносили въ семьи раздоръ, поднимали отца на сына, сына на мать, селеніе на селеніе, городъ на городъ. Пожаръ, убійство, ядъ стали главнымъ орудіемъ ихъ пачатыхъ противъ націи дѣйствій. Во Францію то и дѣло пріѣзжали эмигранты. Они уѣзжали затѣмъ обратно, обильно снабженные деньгами и осыпанные милостями двора, и снова принимались вооружаться, созывать свои батальоны, формировать королевскую гвардію и, подъ покровительствомъ иностранныхъ державъ, устраивать склады провіанта и боевыхъ припасовъ; державы, въ свою очередь, составляли союзы и двигали арміи къ территоріи Франціи. Границы наши оставались незащищенными — открытыя, проданныя врагу. Большая часть арміи была дезорганизована генераломъ Лафайэтомъ. На сѣверѣ онъ почти что царствовалъ, и дерзость его доходила дотого, что почти всѣ его письма Національному Собранію носили характеръ приказовъ. Городъ Парижъ кишѣлъ людьми, лишенными нравственности и всякаго стыда, сдѣлавшими своимъ ремесломъ предательство и измѣну. И дворъ облакалъ этихъ людей публичными функціями! Такъ обстояли наши дѣла въ іюнь 1792 года.

Напрасно Національное Собраніе вызывало короля на объясненіе. Его упорное молчаніе или коварныя и уклончивыя объясненія способны были лишь усилить тревогу патріотовъ, пробу-

¹⁾ Какъ этотъ, такъ и нижеслѣдующіе подзаголовки принадлежать проф. Олару. Мы сохранили ихъ для удобства читателя.

ждали предчувствіе внезапнаго удара, способнаго погубить навсегда и отечество и свободу. Наконецъ Національное Собраніе не выдержало: при видѣ опасностей, угрожавшихъ намъ со всѣхъ сторонъ, оно рѣшило положить конецъ злодѣйствамъ священниковъ и наглости эмигрантовъ: два декрета, изданные имъ ¹⁾ должны были помѣшать осуществленію всѣхъ этихъ предпріятій, которому уже заранѣе радовались пильницкіе заговорщики ²⁾ и дворъ. Король отказался санкціонировать эти декреты: ему казалось, что почва подъ его ногами окрѣпла достаточно, и что настала пора подвергнуть чувства народа рѣшительному испытанію, открыто выступивши на контръ-революціонный путь. Въ довершеніе всего дворъ назначилъ въ министерство нѣсколькихъ человекъ, сумѣвшихъ создать себѣ репутацію патріотовъ ³⁾. Народъ вѣрилъ ихъ патріотизму, такъ какъ слава о немъ исходила изъ якобинскихъ круговъ, но роялисты всячески преслѣдовали этихъ людей,—а дворъ старательно мѣшалъ ихъ работѣ. Министровъ-патріотовъ оскорбляли, презирали, и въ ихъ лицѣ чувствовалъ себя оскорбленнымъ безусловно довѣрявшій имъ въ то время народъ. Съ другой стороны, необходимость образованія между Парижемъ и границами Франціи военнаго лагеря дѣлалась все болѣе очевидной, по мѣрѣ того, какъ росла опасность непріятельскаго вторженія, и все болѣе настоятельной по мѣрѣ того, какъ королевскіе генералы разсѣивали наши войска и поселяли среди нихъ раздоръ: если кое-гдѣ и были еще сгруппированы болѣе или менѣе крупныя силы, способныя оказать непріятелю сопротивленіе, значеніе ихъ подрывалось царившимъ въ ихъ средѣ духомъ партійности, симпатіями къ монархіи, а иногда и откровенной враждой къ создавшему ихъ народу. Министры-патріоты (какъ называли ихъ) хотѣли оправдать свою репутацію и поддержать проектъ устройства Парижскаго лагеря. Доселѣ предметъ презрѣнія двора, они сдѣлались для него съ этихъ поръ предметомъ ненависти.

Въ этотъ то моментъ и были нущены въ ходъ знаменитыя петиціи, покрытыя восемью и двадцатью тысячами подписей, протестовавшія противъ мѣръ, принятыхъ Національнымъ Собраніемъ, и унижавшія его смѣсю почтительной формы съ проявленіями глупаго тщеславія—незрѣлаго плода слишкомъ рано

¹⁾ Декретъ о высылкѣ неприсяжныхъ священниковъ и устройствѣ подъ Парижемъ военнаго лагеря изъ 20.000 федератовъ.

²⁾ Въ Пильницѣ (Саксонія) былъ подписанъ въ 1791-мъ году направленный противъ революціонной Франціи союзный договоръ между императоромъ Леопольдомъ и прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

³⁾ Т.-е. Дюмуръ, Роланъ, Клавьеръ, Серванъ и др.—такъ наз. «жирондистское министерство» 1792 года.

учтенныхъ успѣховъ. Петиціи эти, оставившія въ душѣ патріотовъ глубокій и долгій слѣдъ раздраженія, дышали самой низкой любовью къ монархіи, полны были самаго гнуснаго пресмыкательства передъ личностью короля и имѣли значеніе не столько въ качествѣ выраженія тѣхъ или иныхъ пожеланій со стороны подававшихъ ихъ лицъ, сколько въ качествѣ списковъ рекрутовъ контръ-революціонной арміи.

Военная дворня короля, составленная по большей части изъ бывшихъ лейбъ-гвардейцевъ, вернувшихся эмигрантовъ и знаменитыхъ героевъ 28-го февраля 1791 года, извѣстныхъ подъ именемъ *рыцарей кинжала* ¹⁾, возбуждала народъ своею наглостью, оскорбляла народное представительство и не стѣсняясь говорила о готовящемся нападеніи на свободу. Наблюдательный Комитетъ (Comité de surveillance) обнаружилъ замыслы этихъ лакеевъ преторіума, и компанія эта была распущена. Декретъ объ ея роспускѣ былъ утвержденъ королемъ, но на другой же день послѣ этого онъ издалъ самую оскорбительную для Національнаго Собранія прокламацію: народные представители осыпались въ ней самой отвратительной клеветой, а крайніе партизаны деспотизма—члены распущенной гвардіи—самой неумѣренной лестью. При этомъ, согласно приему, излюбленному всеми лояльными предателями, выраженія въ прокламаціи были подобраны такъ, что создавалась возможность различныхъ толкованій.

Министровъ, которымъ довѣрялъ народъ, смѣнили люди, погрязшіе въ порокахъ и покрытые общественнымъ презрѣніемъ. Контрастъ ихъ политики съ политикой предшественниковъ и та неумѣренность, съ которой они старались выразить свою готовность служить королю, не считаясь съ интересами націи, способны были лишь увеличить раздраженіе патріотовъ. Плачевно было положеніе родины, отданной въ жертву своимъ жесточайшимъ врагамъ, въ то время, какъ единственная опора ея—Національное Собраніе, лишенное дѣйствительной силы и уваженія со стороны общества, раздиралось внутренними распрями и среди злобныхъ и мелочныхъ преній роняло свое достоинство

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду дворянская молодежь, съ оружіемъ въ рукахъ арестованная 28-го февраля 1791 года въ Тюильерійскомъ дворцѣ. Въ этотъ самый день населеніе парижскихъ предмѣстій было увлечено разными темными подстрекателями въ Венсени подъ предлогомъ атаки противъ «второй французской Бастиліи»—венсенской политической тюрьмы. Арестованные дворяне заявили, что собрались около королевской спальни для защиты короля, жизни котораго угрожала яко бы опасность. Въ сообщеніи «Монитора» объ этомъ арестѣ разсказывается между прочимъ, что король въ этотъ день усиленно старался отпустить изъ дворца національную гвардію, и что гвардейцы, подозрѣвая, очевидно, что-то недоброе, остались тамъ, вопреки предложенію короля расходиться по домамъ на отдыхъ.

передъ лицомъ всей Европы. Дворъ третировалъ его самымъ оскорбительнымъ образомъ, а оно отвѣчало на униженія удвоеннымъ пресмыкательствомъ. Ни энергіи, ни силы, ни устойчивой воли! ¹⁾ А въ результатѣ всѣ несчастія наши и перспектива жестокихъ, пугающихъ воображеніе смуть. Но все это лишь оживило упавшее временно мужество друзей свободы и вызвало съ ихъ стороны демонстрацію (20-е іюня), давшую монархіи поводъ для новыхъ предательствъ, столь откровенныхъ и ужасныхъ на этотъ разъ, что за ними не могло не послѣдовать крушенія трона, единственнымъ стражемъ котораго, единственной защитой и единственной опорой оставалось съ этого времени преступленіе!

II. День 20-го іюня.

Патріоты любили собираться тогда на террасѣ фейяновъ (сѣв.-западный уголъ Тюильерійскаго сада. II. X.). Люди, проникнутые энтузіазмомъ, возвѣщали тамъ великія судьбы Франціи. Другіе, держась ближе къ настоящему, разрисовывали въ истинныхъ краскахъ Національное Собраніе и дворъ, наши пограничныя арміи и армію Парижа. Раздраженіе увеличивалось изо дня въ день, и настроеніе народныхъ сборищъ становилось все болѣе грознымъ, предвѣщая бурныя политическія смуты и столкновенія. Генераль Лафайэтъ отъ имени *своей* арміи слалъ Національному Собранію письмо за письмомъ. Масса тайныхъ притоновъ была къ услугамъ консерваторовъ. Департаментъ (т.-е. департаментская директорія. II. X.) Парижа, составленный изъ бывшихъ крупныхъ дворянъ и ихъ прихлебателей, муниципалитетъ, значительная часть мировыхъ судей и (что грѣха таить) большинство національной гвардіи, включая весь ея генеральный штабъ, принадлежали къ сторонникамъ двора, составляли часть его свиты, толпу, кричавшую ура во время его частыхъ въ то время прогулокъ и на спектакляхъ, устроители которыхъ съ достойной ихъ пошлостью старались польстить королю при помощи разнаго рода натянутыхъ каламбуровъ, изрыгавшихся

¹⁾ Это было собраніе, тратившее драгоценное время на разработку подробностей церемоніала и этикета въ сношеніяхъ съ королемъ и посвящавшее цѣлыя засѣданія вопросу о томъ, — изъ 20, 30 или 60 человекъ должна состоять отправляемая къ королю депутація. Оно, не краснѣя, рассказывало Европѣ о «двери съ двумя створками», изъ которыхъ для депутатовъ открывается только одна, и вмѣсто того, чтобы принимать энергичныя мѣры противъ враговъ свободы, идиотски убивало время на выслушиваніе декламаторскихъ рапортовъ, неизмѣнно кончавшихся... *посланіями къ королю*. Это было собраніе, не посмѣвшее наказать дерзкаго солдата (Лафайэта II. X.), преступно оскорбившаго національное представительство на самомъ мѣстѣ его засѣданій. О преступленіе! О позоръ! (Прим. Шометта).

рычащими голосами наемныхъ скомороховъ, этихъ храмовъ безнравственности и разврата. Лишь одного изъ министровъ дворъ рѣшилъ сохранить—одного лишь нашелъ по сердцу; этотъ послѣдній, при помощи всякихъ интригъ, и вытѣснилъ изъ министерства своихъ коллегъ. Я назову ихъ всѣхъ по именамъ: ими предателя—Дюмуръэ, имена жертвъ его предательства—Роланъ, Клавъэръ и Серванъ ¹⁾. А потомъ тотъ же Дюмуръэ, пораженный измѣнившимся къ нему отношеніемъ друзей свободы, рѣшилъ, что предавши народъ, можно предать и дворъ: въ угоду двору онъ опрокинулъ патріотическое, какъ его называли министерство. въ угоду народу надѣлъ въ якобинскомъ клубѣ красную шапку. Однако изъ комбинаціи этой не вышло ничего. Огорченный интригами Лафайэта, испуганный настроеніемъ народа и укрѣпленный въ своемъ рѣшеніи совѣтами Бриссо, Кондорсэ, Верньо. Гюадэ и Жансоннэ, онъ подалъ въ отставку, разумѣется, заручившись предварительно обѣщаніемъ со стороны своихъ совѣтниковъ (они же совѣтники и Лафайэта ²⁾), что они приложатъ всѣ усилія для того, чтобы приготовить ему блестящую карьеру. Послѣдующія несчастія Франціи доказали, что слово свое они сдержали.

Въ это же приблизительно время Лафайэтъ написалъ Національному Собранію и королю свои знаменитыя письма. Онъ выступилъ въ нихъ не только защитникомъ и совѣтчикомъ двора, но и руководителемъ представителей народа, а эти послѣдніе безропотно проглотили всѣ, содержащіеся въ письмѣ нравоученія и угрозы. Переписывался онъ и съ Роланомъ, изгнаннымъ уже тогда изъ министерства. Переписка была опубликована и окон-

¹⁾ Послѣ такихъ поступковъ Дюмуръэ по отношенію къ Ролану, Клавъэру и Сервану (бывшихъ бездушными пѣшками въ рукахъ Бриссо и депутатовъ Жиронды), кто не удивится тѣсному единодушію, проявленному этими четырьмя персонажами во время революціи 10-го августа и вторженія въ Бельгію? Тѣ, кто вѣрилъ въ *добродѣтельнаго Петіона*, въ *отважнаго Гюадэ*, въ *краснорѣчиваго Верньо*, въ *логичнаго Жансоннэ*, въ *болѣе, чѣмъ добродѣтельнаго Ролана*, въ *бѣднаго и невиннаго Клавъэра* и въ *знаменитаго Бриссо*. (Прим. Шометта).

²⁾ Въ № 681-мъ газеты «Хроника» (въ 172-мъ — поправляетъ Оларъ. И. Х.), Кондорсэ писалъ въ то время буквально слѣдующее: «Является ли г. Лафайэтъ врагомъ свободы? Нѣтъ, но предпочтеніе, которое онъ постоянно оказываетъ интриганамъ передъ *честными людьми*, хитрецамъ—передъ *просвѣщенными*, угодливымъ лакеямъ передъ *благожелательными*, но *твердыми друзьями*, заставило его совершить немало ошибокъ. въ томъ числѣ и эту (письмо къ Національному Собранію) самую крупную изъ всѣхъ. У него есть средство исправить ее, это—громко, публично и безоговорочно порвать съ дураками и мошенниками, толкнувшими его на эту ошибку». А это, попросту говоря, значитъ слѣдующее: пусть Лафайэтъ примкнетъ къ *нашей партіи*, и мы его сумѣемъ спасти. Онъ намъ услугу, а мы ему». Та же тактика и тѣми же людьми была примѣнена затѣмъ и къ Дюмуръэ. Что можете сказать вы на это, трусливые, слабые люди, отрицающіе партійность этихъ господъ? (Прим. Шометта).

чательно открыла патриотамъ глаза на людей, старавшихся стать ихъ вождями. Роланъ—другъ Бриссо, другъ Кондорсе и др., разсуждали теперь патриоты, Кондорсе же—бывшій другъ Лафайэта, по собственному признанію сохранившій къ нему свою пріязнь. Усиленно расхваливалъ Лафайэта и Бриссо, а дружескія отношенія обоихъ ихъ съ *Нарбонномъ* ¹⁾ защита, оказанная ими какъ лично ему, такъ и разнымъ его продѣлкамъ, говорятъ объ ихъ близкой дружбѣ и съ Нарбонномъ. И наконецъ Роланъ, общій другъ ихъ всѣхъ, безъ стѣсненія переписывается съ Лафайэтомъ. Подъ вліяніемъ этихъ размышленій переписка Ролана съ Лафайэтомъ получила въ глазахъ патриотовъ особенный смыслъ, а противъ отставного министра возникли подозрѣнія, отъ которыхъ ему необходимо было очиститься. Съ этой цѣлью онъ и опубликовалъ послѣ своего выхода изъ министерства длинное и «*прекрасное*» письмо къ королю, въ которомъ сказалъ ему то, что долженъ былъ бы сказать ему до своей отставки ²⁾. Письмо это, составленное довольно удачно, можно сказать, создало репутацію этому отставному министру, но неспособность, ограниченность и глупая непредусмотрительность, обнаруженные имъ впослѣдствіи на томъ же министерскомъ посту (къ несчастію для родины онъ вернулся на него послѣ 10-го августа) доказали, что человѣкъ этотъ былъ лишь орудіемъ только что названныхъ мною лицъ, приманкой, на которую они ловили народъ, всегда довѣрчивый и наивно добрый. Гримировщики Ролана, составившіе для него это письмо, впутали его въ сущности въ очень глупую исторію. Письмо это явилось съ ихъ стороны скорѣе актомъ мести, чѣмъ дѣйствительной попыткой подать совѣтъ (совѣты, запоздалые къ тому же, были вставлены туда только для формы), а расплачиваться за всю эту шутку, и дорого расплачиваться, пришлось ему же, подставному лицу этихъ людей. Директорія Парижскаго департамента, составленная изъ самыхъ низкихъ преступниковъ, засѣдавшихъ доселѣ на скамьяхъ Учредительнаго Собранія, оплатила Ролану за его письмо королю подобнымъ же письмомъ съ своей стороны. Оно было адресовано ему какъ министру (хотя въ дѣйствительности онъ имъ уже не былъ). Ну и досталось же

¹⁾ Графъ *Луи де-Нарбоннъ*—военный министръ (6 дек. 1791—10 марта 1792 г.) извѣстный своими роялистскими интригами.

²⁾ Докладъ Ролана (написанный его женой) былъ поданъ королю въ дѣйствительности 10-го іюня, т.-е. еще до отставки жирондистскаго министерства (*Оларъ*). «Положеніе, создавшееся внутри Франціи», писалось въ этомъ докладѣ, «не можетъ долѣе продолжаться... Броженіе достигло въ Имперіи крайнихъ предѣловъ и прорвется скоро въ ужаснѣйшихъ формахъ, если будутъ относиться съ прежнимъ недовѣріемъ къ намѣреніямъ Вашего Величества. Для утвержденія же этого довѣрія недостаточно болѣе словъ: оно можетъ опереться лишь на прочную базу фактовъ»... «*Moniteur*» XII. 658.

въ немъ бѣдныѣ! Впрочемъ, самъ Роланъ и тутъ послужилъ только поводомъ (такова уже судьба его служить посмѣшищемъ и игрушкою всѣхъ интригановъ): истинною цѣлью письма было объявленіе войны *якобинцамъ, сектантамъ, республиканцамъ*, восхваленіе короля и заявленіе себя его чемпионами¹⁾. Почтенные администраторы со смѣшною напыщенностью и комической скорбію распускали жалобы по поводу словъ, произнесенныхъ 21-го мая председателемъ якобинскаго собранія («Если патріотъ гражданинъ оказался не ко двору въ правительствѣ короля, то это подтверждаетъ лишь поговорку—по господину слуга»), по поводу того, что въ засѣданіи 17-го мая нѣзврскіе администраторы были обозваны хлѣбными спекулянтами (и нужно сказать, совершенно правильно) и по поводу того, наконецъ, что на собраніи 23-го мая было сказано—о преступленіе!—что, *«генералы Лафайетъ и Пербоннъ измѣнники и предатели, готовые перейти на сторону врага»* и что «сокрушить законъ о королевскомъ вето будетъ не труднѣе, чѣмъ взять Бастилію». Изъ всего этого администраторы дѣлали выводъ, что клубъ якобинцевъ необходимо закрыть—предложеніе, которое до нихъ еще было сдѣлано императоромъ Леопольдомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и эмигрантами и энергично поддержано всѣми контръ-революціонерами Франціи. Послѣдніе, въ количествѣ 60000, прибыли въ Парижъ, по приглашенію двора, со всѣхъ концовъ страны; департаментская директорія, генеральный штабъ національной гвардіи, правая половина Національнаго Собранія и прочіе, пребывающіе въ Парижѣ преступники, поспѣшили оказать имъ братское гостепріимство.

Но оставимъ всѣ эти мелочи. Обратимся къ положенію и настроенію народа. Предательства двора, притѣсненіе со стороны *королевскихъ* администраторовъ, *королевскихъ* мировыхъ судей, *королевскихъ* муниципалитетовъ, *королевскихъ* трибуналовъ, *королевской* національной гвардіи, *королевскихъ* генераловъ, *королевскихъ* совѣтниковъ, *королевскихъ* шпионовъ, *королевской домашней* стражи, *королевскихъ* законодателей и т. д. и т. д. и т. д., униженіе Національнаго Собранія, угрозы со стороны врага и внутренняго, и внѣшняго (дворъ спѣшилъ открыть этому послѣднему наши границы) происки фанатичныхъ священниковъ—все это возбуждало въ народѣ волненіе и приводило къ тому движенію, которое въ скоромъ времени всецѣло имъ овладѣло.

Центральныя парижскія секціи были подавлены роялистскими

¹⁾ Письмо Парижскаго департамента, полное ядовитой критикой якобинства, явилось отвѣтомъ на циркуляръ Ролана, запрашивавшій всѣ департаменты о настроеніи умовъ и о мѣрахъ, принятыхъ противъ мутящихъ народъ «измѣнниковъ» (подъ измѣнниками тутъ разумѣлись, конечно, роялисты).

заговорщиками, но секціи Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и предмѣстья Сентъ-Марсо сохраняли еще всю свою силу. Тамъ дискутировались вопросы о высшихъ интересахъ отечества, обсуждались способы ихъ спасенія; доходили до требованія заключенія короля подъ стражу и охотно соглашались сохранить для этой цѣли одинъ изъ монастырей. Граждане этихъ секцій получили отъ кружевныхъ аристократовъ прозвище санкюлотовъ и съ гордостью носили свой титулъ. Почтенныя лохмотья не мѣшали имъ оцѣнивать достоинство тирана по примѣру поэта Хамеди-Кермани, который, играя однажды съ Тамерланомъ въ игру, состоявшую въ переводѣ на деньги цѣнности каждаго, сказалъ ему—«я цѣню тебя въ 30 аспровъ», а когда тотъ воскликнулъ «да это цѣна моей салфетки!» прибавилъ: «я считаю, конечно, и салфетку». Съ глубокою скорбью страна начинала понимать теперь истинную цѣну Людовика XVI и приучалась къ мысли о возможности существовать и безъ короля. Наиболѣе горячіе и просвѣщенные изъ патріотовъ собирались въ клубъ Кордельеровъ, гдѣ цѣлыя ночи проводили за выработкой общаго плана дѣйствій. Въ одномъ изъ его комитетовъ было между прочимъ приготовлено красное знамя со слѣдующей надписью: *«Народъ объявляетъ военный законъ противъ бунта двора»*. Вокругъ этого знамени предстояло собраться всѣмъ истинно свободнымъ людямъ, всѣмъ республиканцамъ и всѣмъ, на чьей совѣсти лежала месть за друга, родственника, сына, убитаго 17-го іюля на Марсовомъ полѣ.

Вся эта агитація завершилась составленіемъ петиціи, представить которую съ оружіемъ въ рукахъ взялись предмѣстья Сентъ-Антуана и Сентъ-Марсо. Къ нимъ должны были примкнуть остальные друзья свободы, общее число которыхъ оказалось огромнымъ. Днемъ подачи петиціи было выбрано 20-е іюня. Съ утра начали открываться собранія, а къ полдню внушительная процессія двинулась въ путь, неся впереди Декларацію правъ человека, выгравированную на двухъ скрижаляхъ и окруженную пушками. Департаментская директорія бросилась съ предупрежденіемъ въ Національное Собраніе, но процессія была уже въ пути, да и настроеніе ея было слишкомъ радостнымъ, чтобы внушать какія-нибудь опасенія. И дѣйствительно, единственной цѣлью сборища было, съ одной стороны, отпраздновать годовщину присяги въ «Jeu de Paume», а съ другой—посадить у дверей Собранія «древо свободы». Вскорѣ всѣ улицы между Бастиліей и зданіемъ Законодательнаго корпуса были запружены толпами народа. Въ процессіи несли изображеніе Бастиліи, бюсты великихъ людей и знамена съ надписями: «Свобода»—«Равенство»... «Свобода въ опасности—все санкюлоты на посту».—«Предупре-

жденіе Людовику XVI: народъ довольно страдалъ; полное освобожденіе или смерть».—«Санкюлоты не выпускаютъ свободы изъ рукъ; они уцѣпятся за ея лохмотья» 4)...

4) Здѣсь въ рукописи Шометта утерянъ листъ. «Вѣроятно, замѣчаеъ первый ея издатель (1866 г.), онъ содержалъ разсказъ о чтеніи народной петиціи въ Національномъ Собраніи.

Вотъ текстъ этой петиціи, какъ онъ воспроизведенъ въ «Мониторѣ» (XII. 717): «Законодатели, французскій народъ несетъ вамъ сегодня свои тревоги и страхи. Передавая ихъ вамъ, онъ ждетъ отъ васъ поддержки противъ надвигающихся на него бѣдъ. Сегодняшній день напоминаетъ намъ о славномъ событіи 20-го іюня, когда народные представители, собравшись въ залѣ для игры въ мячъ, поклонились передъ лицомъ неба и не покидать народнаго дѣла и умереть для его защиты. Не забывайте, господа, объ этой священной клятвѣ. Не доводите до того, чтобы тому же народу со скорбію приходилось спрашивать васъ, не хотите ли вы его оставить. Взоры націй прикованы къ этому городу и отъ имени ея мы утѣрляемъ васъ, что народъ твердо держится на своемъ посту, что онъ не измѣнилъ самому себѣ и не остановится передъ крайними мѣрами для мести за свое оскорбленное величество. Вторая статья деклараціи правъ, говорящая о *сопротивленіи притѣсненіямъ*, оправдываетъ эти крайніе мѣры. Но велико будетъ горе свободныхъ людей, передавшихъ вамъ свою власть, если они увидятъ себя передъ жестокой необходимостью обогреть свои руки въ крови предателей! Поздно скрывать теперь истину: нити заговора раскрыты; рѣшительный часъ наступилъ. Мы хотимъ посадить здѣсь древо свободы. Ничья рука да не дерзнетъ посягнуть на него! Въ противномъ случаѣ неизбежно прольется кровь. Законодатели, васъ не долженъ удивлять этотъ языкъ. Мы—люди не признающіе партій, и мы не потерпимъ партій, существованіе которыхъ не согласуется съ конституціей. Уже не думаютъ ли враги отечества, что люди 14-го іюля заснули? Еще недавно это могло показаться правдоподобнымъ, но грозный часъ пробужденія пробилъ, и энергія ихъ пробудилась съ прежней силой. Безсмертная декларація правъ человѣка слишкомъ глубоко врѣзалась въ ихъ сердца; ничто не вырветъ у нихъ этого драгоценнаго, вѣкъ народамъ принадлежащаго блага; они грудью поднимутся на его защиту. Господа, настало время осуществить статью вторую деклараціи правъ. Послѣдуйте примѣру Цицерона и Демосфена, разоблачите передъ сенатомъ коварные замыслы Катилины. Среди васъ есть горячіе патріоты. За ними первая слова, а дѣйствовать будемъ ужъ мы. Отъ васъ зависитъ общественное спасеніе.

Мы видимъ и видѣли всегда свою силу въ сплоченности. Союзъ и общее согласіе должны царить и у васъ. Когда на очереди интересы всего государства, только съ ними, думается намъ, и нужно считаться, для всякаго же частнаго интереса сердце законодателя должно быть закрыто: образъ отечества да будетъ единой святыней, передъ которой онъ позволитъ себѣ склониться. Неужели же святынь этой въ своемъ собственномъ храмѣ суждено найти нарушителей культа? Да и существуютъ ли таковыя? Если да, то пусть откроютъ они свои имена. Народъ, готовый вернуть себѣ полноту своихъ суверенныхъ правъ, произнесетъ надъ друзьями самовластія свой приговоръ. Не здѣсь имъ мѣсто. Пусть очистятъ они отъ своего присутствія землю свободы. Пусть отправляются къ эмигрантамъ въ Кобленцъ. Тамъ на полной свободѣ раскроются ихъ сердца и полностью выльются наружу свой ядъ; тамъ ничто не помѣшаетъ ихъ проискавъ, ничто не остановитъ ихъ козней противъ отечества, которое не дрогнетъ передъ ними никогда. Вотъ языкъ, которымъ говорилъ Цицеронъ въ римскомъ сенатѣ, когда онъ торопилъ предателя Катилину отправиться въ лагерь измѣнниковъ родины... Приведите же въ исполненіе текстъ конституціи, осуществите волю народа, который поддержитъ васъ и готовъ умереть, если нужно, для вашей защиты. Соединяйтесь! Дѣйствуйте! Время настало. Да, законодатели, настало для французскаго народа время показать себя достойнымъ возложеннаго на себя званія. Онъ поразили предразсудки; онъ желаетъ остаться свободнымъ и освободить себя отъ

...Во время чтенія этого адреса толпа вокругъ Национальнаго Собранія непрерывно росла, причемъ собирали вокругъ себя своихъ друзей и разнаго рода убійцъ и дворъ. Площадь Каруселли представляла собою настоящий военный лагерь. Пушки, обращенныя жерлами противъ толпы, краснорѣчиво говорили о враждебныхъ народу намѣреніяхъ. Начальники національной гвардіи и швейцарскіе офицеры подготавливали своихъ людей къ предстоящей бойнѣ, и уже отдано было распоряженіе—раздать патроны и зарядить ружья. Но жандармы выбросили порохъ изъ полокъ ружей и открыто протестовали противъ подобныхъ приказовъ. Массы офицеровъ и солдатъ только что (29 мая) распу-

соединившихся противъ него тирановъ. Тирановъ этихъ вы знаете. Не слабѣйте же передъ ихъ лицомъ! вспомните, какъ нѣкогда простые парламенты (вышія судебныя учрежденія старой Франціи. *И. Х.*) сокрушали ихъ волю. Исполнительная власть не желаетъ считаться съ вами. Это ясно изъ факта отставки министровъ-патріотовъ. Неужели же счастье народа будетъ снова зависѣть отъ каприза монарха? Да развѣ у короля должна быть воли помимо воли закона? Народъ хочетъ такъ, а разумъ народа стоитъ разума коронованныхъ деспотовъ. Изъ его разума выросло дерево націи—могучій дубъ, передъ которымъ да склонится слабый тростникъ. Господа, мы приносимъ вамъ жалобу на бездѣйствіе нашей арміи и просимъ васъ вникнуть въ его причины. Если источникъ его въ исполнительной власти, ее необходимо низвергнуть! Кровь патріотовъ не должна проливаться во славу гордыни и честолюбія коварнаго Тюильерійскаго замка. Никому не дано остановить насъ въ нашемъ движеніи. Но суждено ли намъ увидѣть частичную гибель нашихъ военныхъ силъ? Борьба за общее дѣло должна сдѣлаться общей. Если бы первые защитники свободы не проявили свою рѣшительность, не засѣдать бы и вамъ въ этомъ высокомъ ареопагѣ. Вдумайтесь въ положеніе дѣла: остановить васъ не можетъ ничто, ибо свобода не можетъ быть отмѣненной, и, если исполнительная власть отказывается дѣйствовать, ничего другого не остается, какъ ее устранить: не можетъ одинъ человекъ противиться волѣ двадцати пяти милліоновъ людей. И если съ нашей стороны окажутся возможны уступки, если мы все таки оставимъ его на его посту, это случится лишь при одномъ условіи—чтобы онъ всѣ дѣйствія свои согласовалъ съ конституціей. Въ противномъ случаѣ въ глазахъ французскаго народа онъ превратится въ ничто. Мы приносимъ вамъ жалобу на медлительность верховнаго національнаго суда. Вы передали въ его руки мечъ закона. Почему жѣ колеблется онъ опустить его на виновныя головы? Или и тутъ проявляетъ свое вліяніе гражданскій листъ (т.-е. подкупы двора. *И. Х.*)? Или и для него существуютъ привилегированные преступники, которыхъ можно безнаказанно освобождать отъ кары закона? Или хотятъ они вернуть народъ къ іюльскимъ днямъ? Тогда онъ возьметъ этотъ мечъ въ свои руки и единымъ взмахомъ отомститъ за поправленные законы. На этотъ разъ вмѣстѣ съ преступниками закона будутъ наказаны и его трусливые охранители. Нѣтъ, нѣтъ, господа: вы видите наши страхи, вы видите наши тревоги, и вы разсѣете ихъ. Мы принесли вамъ нашу великую скорбь; мы раскрыли передъ вами наше пораженное изъями сердце: мы надѣемся, что этотъ послѣдній крикъ, обращаемый къ вамъ, найдетъ въ вашемъ сердцѣ отголосокъ. Народъ готовъ. Онъ въ молчаніи ждетъ отвѣта, достойнаго его верховныхъ правъ. Законодатели, пока конституція не вступитъ въ окончательную силу, мы требуемъ для себя оружія»...

Петиція была прочитана подъ аплодисменты трибунъ и лѣвой части собранія. Послѣ краткой примирительной рѣчи предсѣдателя собранія, несмотря на протесты отдѣльных депутатовъ, допустило гражданъ Сень-Антуанскаго и Сень-Марсельскаго предмѣстій съ оружіемъ въ рукахъ продефилировать черезъ свою залу.

щенной дворцовой гвардіи прогуливались съ пистолетами и кинжалами въ своихъ жилетныхъ карманахъ. Они носили на кокардахъ свои значки, и вмѣстѣ съ массой аристократовъ, одѣтыхъ въ національную форму, представляли изъ себя значительный разбойничій отрядъ, готовый, казалось, на все.

Процессія дефилировала между тѣмъ по залѣ Законодательнаго корпуса и двумя колоннами двигалась къ площади Карусели, гдѣ заранѣе, въ цѣляхъ рѣшительнаго сопротивленія, были расположены солдаты и пушки. Ворота, ведущія во дворъ замка и въ самый замокъ, были закрыты и находились подъ артиллерійской защитой. Въ моментъ приближенія процессіи войска сдѣлали угрожающее движеніе, но группа бравыхъ петиціонеровъ смѣло приблизилась къ нимъ и вступила въ переговоры; многіе граждане въ рядахъ національной гвардіи громко негодовали по поводу роли, которую ихъ заставляли играть. Толпа между тѣмъ все росла. Ее частью пропускали, частью она прорывалась силой, но скоро и дворы, и вся площадь передъ дворцомъ оказались запруженными огромной толпой вооруженныхъ и на все рѣшившихся гражданъ. Сильное сопротивленіе они встрѣтили у дверей первыхъ комнатъ, но бравые санкюлоты взгромодили на свои плечи пушку и настолько удивили и перепугали этимъ своихъ противниковъ, что всѣ препятствія передъ ними пали. Во вторую дверь сразмаха стукнули топоромъ. Людовикъ XVI открылъ ее самъ, и крича изо всѣхъ силъ «да здравствуетъ нація!» замахалъ въ воздухѣ своей шляпой. Его окружали въ этотъ моментъ нѣсколько неприсяжныхъ мятежныхъ священниковъ, нѣсколько «рыцарей кинжала» и небольшой отрядъ гренадеровъ изъ батальона «Дѣвъ Святого Тѳомы» (Filles-Saint-Thomas), о которомъ мы будемъ еще рассказывать ниже. При видѣ народа конопада эти бросились въ бѣгство, отдавая своего дорогого повелителя (бывшаго въ дѣйствительности ихъ пѣшкой) во власть того самаго «простонародья», которое всегда изображалось ими въ видѣ сорища безсмысленныхъ скотовъ. Въ одинъ мигъ зала наполнилась людьми съ пиками, косами, ножами, привязанными къ палкамъ, пилами, ружьями, вилами и т. д. Передъ королемъ поставили скрижали съ Деклараціей правъ человѣка. И вотъ все слилось въ одномъ крикѣ: «Санкціонируй декреты, въ нихъ спасеніе Франціи! верни патріотовъ-министровъ! прогони поповъ! выбирай между Кобленцемъ и Парижемъ!» Король во всѣ стороны протягивалъ свои руки и, не переставая, махалъ своей шляпой. Потомъ, увидѣвъ въ рукахъ у одного изъ гражданъ красную шапку, надѣлъ ее себѣ на голову и прямо изъ бутылки началъ пить вино «за здоровье санкюлотовъ!», которые съ своей стороны

кричали: «Смотрите, король пьетъ!» Все, о чемъ граждане просили, король обѣщалъ исполнить. Тогда они очистили мало по малу его апартаменты. Медленнымъ потокомъ они покидали уже и дворецъ, когда туда явилась депутація Національнаго Собранія одновременно съ мэромъ Парижа—ободрить коронованого плута и попросить гражданъ разойтись. Для выполненія этого послѣдняго понадобилось однако еще немалое время: всѣ галлерей дворца, всѣ террасы, внутренность и даже крыши были покрыты народомъ. Лишь къ десяти часамъ вечера все было наконецъ очищено, и въ Парижѣ воцарился полный покой.

Такъ кончился этотъ славный день, давшій поводъ къ столькимъ предательствамъ, толкамъ и сплетнямъ.

Парижане ждали спокойно выполненія королевскихъ обѣщаний. Предразсудокъ, будто бы слово, данное королемъ, священно, устранялъ всякую возможность сомнѣній. Но на другой же день король обращался къ собранію со слѣдующими словами ¹⁾:

Парижъ. 21 іюня 1792, годъ свободы четвертый.

«Господинъ президентъ, Національному Собранію извѣстно уже о случившихся вчера событіяхъ. Парижъ безъ сомнѣній удрученъ ими. Франція узнаетъ о нихъ съ удивленіемъ и скорбью. Меня тронуло горячее сочувствіе, которое Національное Собрание засвидѣтельствовало по отношенію ко мнѣ при данныхъ обстоятельствахъ. Выясненіе причины случившагося, оцѣнка его обстановки, принятіе необходимыхъ мѣръ къ охраненію конституціи и обезпеченію *неприкосновенности и конституціонной свободы наследственнаго представителя націи*—все это я предоставляю мудрости Національнаго Собранія. Что же касается меня, то ничто не помѣшаетъ мнѣ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ выполнять обязанности, возлагаемыя на меня принятой мною конституціей и истинными интересами французской націи».

Подписано: *Людвигъ*.

И ниже: По королевскому повеленію *Дюрантонъ* ²⁾.

Письмо это обнаружило истинныя намѣренія написавшаго его, и недовольство имъ не замедлило проявиться. Именно съ этого времени дворъ учредилъ въ королевскомъ замкѣ инквизиціонный трибуналъ, который велъ противъ патріотовъ слѣдствіе, внѣ всякаго общественнаго контроля, воскрешая гнусные приемы судеб-

¹⁾ Приводимый Шометтомъ текстъ письма нѣсколько исправленъ проф. Оларомъ на основаніи официальнаго печатнаго текста.

²⁾ Дюрантонъ подписалъ письмо въ качествѣ государственнаго канцлера (Garde des sceaux).

ной процедуры послѣ событій 5-го и 6-го октября 1789 и 17-го юли 1791 года. Позорный трибуналъ этотъ былъ составленъ изъ продавшихся двору мировыхъ судей. Да, изъ мировыхъ судей! Божь мой, мировые судьи въ роли зачинщиковъ гражданской войны, въ качествѣ орудій жестокаго мщенія челоѣконенавистническаго двора! Писатели, не умѣвшіе сдерживать своего пера, подвергались судебному преслѣдованію и заключались въ тюрьму; многіе председатели и секретари секцій, члены народныхъ обществъ, подвергались подобной же участи. Наглость враговъ отечества доходила до апогея: достаточно было прослыть патріотомъ, чтобы сейчасъ же сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ, насилій, оскорбленій даже на улицѣ, а зачастую и въ собственномъ домѣ. Разъ дѣло шло о защитѣ гонимыхъ патріотовъ, всѣ законы дѣлались нѣмы, теряли силу, и тѣ же законы превращались въ кинжалы съ остро отточеннымъ лезвіемъ, когда защищать приходилось роялиста и контръ-революціонера.

III. Продолженіе.

Для гнусной процедуры этой требовались свидѣтельскіи показанія, и въ нихъ не было недостатка. Батальоны Святой Оппортуни и Дѣвъ Святого Θомы, весь генеральный штабъ національной гвардіи, шефы жандармеріи, *шпіоны* старой полиціи, состоявшіе на жалованіи двора, члены департаментской директоріи, монархическаго клуба, клуба Святой Капеллы, богатые купцы, записавшіеся въ гренадеры, стрѣлки (*chasseurs*) или волонтеры національной гвардіи доставили матеріалъ для толстаго тома *in octavo*, полного дикихъ нелѣпостей, безсмысленной клеветы, грубыхъ нападокъ на народъ и его магистратовъ, и изъявленій любви къ королевской особѣ. Книга эта была столь же гнусна, какъ и лица, ее опубликовавшія ¹⁾.

Всѣ эти клеветническія показанія дали матеріалъ для департаментскаго декрета объ смѣщеніи мэра и прокурора Коммуны. Гренадеры, начальники генеральнаго штаба и офицеры національной гвардіи, имѣвшіе безстыдство выступать свидѣтелями въ этомъ чудовищномъ дѣлѣ, сдѣлались съ этой поры завсегдатаями двора вмѣстѣ съ мировыми судьями, ведшими слѣдствіе по указаніямъ королевы. Король, чтобы покрѣпче привязать къ себѣ

¹⁾ См. прокламацію короля и собраніе документовъ, относящихся къ постановленію департаментскаго совѣта относительно мэра и прокурора Парижской Коммуны. (*Прим. Шометта*).

(Проф. Оларъ приводитъ слѣдующее заглавіе этой книжки: *Proclamation du roi et recueil de pièces relatives à l'arrête du Conseil du département du 6 Juillet 1792, concernant le maire et le procureur de la Commune de Paris*).

свою новую партію. въ слѣдующее же воскресенье устроили смотръ національной гвардіи на Елисейскихъ поляхъ. *Королевскій принцъ* явился туда со своей матерью, одѣтый въ національную форму. Придворные лакеишки, поставленные Лафайэтомъ во главѣ національной гвардіи, просили и короля надѣть эту форму. «*Я посмотрю сперва*», отвѣчалъ лицемѣрный Людовикъ, «*позволяетъ ли мнѣ это конституція*». Специально поставленные для того наемные люди во всю глотку орали на этомъ смотру: — *Да здравствуетъ король!*— Офицеры, съ своей стороны, кричали визгивыми голосами:— *Да здравствуетъ королева!*— Нѣсколько случившихся тамъ дюжихъ рабочихъ попробовали крикнуть «*Да здравствуетъ нація!*», но ихъ чуть не прогнали.

Послѣ этого смотра появилась новая королевская прокламація, превзошедшая своимъ коварствомъ всѣ предыдущія: ея единственнымъ результатомъ былъ новый ростъ недовольства противъ двора.

Жители Сентъ-Антуанскаго и Сентъ-Марсо предмѣстій, полные негодованія при видѣ арестовъ и преслѣдованій патріотовъ, обратились къ Национальному Собранію съ новой петиціей. Это было съ ихъ стороны новымъ проявленіемъ мужества, выраженіемъ готовности раздѣлить общую участь преслѣдуемыхъ.

Вотъ адресъ, представленный ими тогда Законодательному Корпусу:

«Законодатели! Виновникамъ сборища, имѣвшаго мѣсто въ среду, грозятъ преслѣдованія. Мы являемся сюда, чтобы раскрыть ихъ имена и предать ихъ мщенію недоброжелателей. Это мы... Это мы, отцы семействъ, граждане, солдаты, побѣдители Бастили; это мы, уставши отъ постоянныхъ заговоровъ, оскорбленій, наносимыхъ націи и Законодательному Корпусу и раздоровъ, посягающихъ коварными людьми между законодательной и исполнительной властью, и видя, какъ дерзко поднимаетъ въ послѣднее время голову антипатріотизмъ, это мы собрали всѣхъ участниковъ 14-го іюля, чтобы возобновить нашъ братскій союзъ; это мы пожелали себѣ чести продефилировать передъ вами, *подобно многимъ другимъ батальонамъ*, чтобы сдѣлать васъ свидѣтелями гармоніи, царящей между друзьями равенства; это мы, негодун на отставку патріотическихъ министровъ, на низость и коварство двора, на препоны, чинимыя работѣ Законодательнаго Корпуса, пожелали явить королю зрѣлище 20.000 рукъ, вооружившихся на защиту Национальнаго Собранія... Это насъ осыпали за это оскорбленіями, обидами и клеветой; это насъ придворные лакеи пытались довести до крайнихъ шаговъ, обзывая разбойниками и бунтовщиками; это насъ разрисовали каннибалами, жаждущими

крови своихъ собратьевъ по оружію, насъ поставили между огнемъ національной гвардіи, которую мы уважаемъ, *съ которой мы хотѣли бы слиться*, и негодованіемъ Законодательнаго Корпуса, на защиту котораго мы явились.

Да, наши преступленія непростительны. Разъ прозвонивши въ набатъ свободы и разорвавъ первыя звенья давившей Франціи цѣпи, мы сохранили поведеніе свободныхъ людей и не пожелали вступить съ тираніей въ сдѣлку; мы захотѣли использовать полноту своихъ правъ и предали презрѣнію и ненависти всяческія секты и партіи. Да, преступленій противъ тираніи мы совершили много. Когда версальскіе янычары заставили вашихъ предшественниковъ скрыться въ залу «Jeu de paume», мы одни поддержали мужество Національнаго Собранія противъ арміи тирановъ и рабовъ, и вмѣстѣ съ бравыми гренадерами жандармеріи составили для него ограду изъ нашихъ тѣлъ; мы апплодировали его горячему рвенію, мы зывали къ патріотизму франковъ; а когда демонъ двора простеръ надъ столицей свой мрачный крѣпъ, мы надѣли на себя національныя кокарды, принялись ковать пики, звать солдатъ къ гражданскому долгу, сокрушать Бастилію и закладывать прочный фундаментъ для алтаря свободы... Законодатели, мы нарушали тогда законы и оказывали сопротивленіе королевской волѣ... Три года уже противники равенства стараются раздавить всѣхъ гражданъ, не подавшихся ихъ соблазнамъ, и внести въ нашу среду корыстный раздоръ; три года уже неутомимое честолюбіе партій прибѣгаетъ то къ силѣ, то къ хитрости, чтобы заставить насъ служить ихъ страстямъ. Неподкупные и гордые, мы снова и снова собираемся вокругъ Національнаго Собранія, которое они, во что бы то ни стало, хотятъ унижить и которое они хотятъ распустить... Вотъ наши преступленія... И вотъ услуги, оказанныя дѣлу свободы со стороны тѣхъ, кто требуетъ «конституціи во всемъ ея цѣломъ» ¹⁾.

Скрытые въ версальскихъ переднихъ, пока народная сѣкира вдребезги разбивала деспотическій тронъ, они вылѣзли изъ своихъ норъ, когда увидѣли своихъ идоловъ опрокинутыми; тутъ-то и составилъ ихъ проектъ подѣлить между собою наслѣдіе аристократіи. *Возстаніе явилось тогда съ нашей стороны священнѣйшимъ долгомъ, казнь лакеевъ деспотизма тиранобійствомъ, достойнымъ всякихъ похвалъ, и народъ парижскихъ предмѣстій превратился въ семью героевъ...* Съ легковѣріемъ, достойнымъ развѣ лишь королей, мы вручили имъ званіе народныхъ довѣренныхъ. Почетныя мѣста, гражданскіе лавры—все полу-

¹⁾ Т.-е. умѣренные теченія, пытавшіяся остановить дальнѣйшее развитіе революціи во имя только что принятой конституціи.

чили они за свои революціонныя выступленія, но интрига была возведена ими вскорѣ въ систему, угашеніе пламени равенства—въ принципъ. Съ этого времени они ввели (для національной гвардіи) военную форму, придумали титулъ активныхъ гражданъ. поставили на мѣсто наследственно привилегированнаго класса аристократію денегъ и т. д., прививши такимъ образомъ конституціи, при самомъ зарожденіи ея, разлагающій ядъ анархій. Оппозиція народа и просвѣщенныхъ людей приводила ихъ въ бѣшенство. Слишкомъ слабые, чтобы открыто противиться волѣ народа, они согласились на сдѣлку съ нашими бывшими угнетателями и поклялись погубить ревнителей равенства. Чтобы сдѣлаться господами народа, они согласились стать слугами заговорщиковъ. Имъ обязаны мы смутами, нищетой, агитаціей, разоряющей Францію. Ихъ рукъ дѣло—непрерывно раскрываемые и непрерывно возрождающіеся заплоты, бесплатныя и періодически выходящія книжонки, продажныя авторы которыхъ клеветуютъ, походя, на Национальное Собраніе, оскорбляютъ бѣдняка, ими же оставленнаго и безъ имущества, и безъ правъ, разнуваютъ пламя гражданской войны и стараются обратить мечъ законовъ противъ самихъ законовъ. Привѣтствовать ихъ такъ называемую умѣренность, ихъ превратные принципы, ихъ политическое разбойничество и придворныя интриги и такъ называемыя «конституціонныя базы», это значить быть честнымъ и добрымъ гражданиномъ. Роялизмъ, съ точки зрѣнія этихъ революціонныхъ гермафродитовъ, стоитъ всѣхъ добродѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ. Посмѣйте только подумать, что монарха окружаютъ люди, готовые корыстно его обмануть, осмѣлятся намекнуть на существованіе аристократическихъ заплотовъ, и вы уже бунтовщикъ, разбойникъ, нарушитель общественнаго спокойствія, преступникъ, посягающій на конституцію.

Да, законодатели, все, что способно льстить мелкимъ страстямъ и честолюбію этихъ низкихъ интригановъ, все это отвѣчаетъ законамъ, а все то, что ослабляетъ ихъ вліяніе, просвѣщаетъ народъ и раскрываетъ планы заговорщиковъ, называется нарушеніемъ законныхъ началъ... Когда дѣло шло объ изобличеніи виновныхъ министровъ, вы слышали изъ ихъ устъ апологію вѣроломства... Король назначилъ своими агентами патріотовъ, и вся изобличаемая нами банда готова идти гораздо дальше тѣхъ самыхъ горячихъ головъ, критику которыхъ они только что сами не одобряли... Когда Серванъ (военный министръ въ жирондистскомъ кабинетѣ 1792 г. И. Х.) внесъ свое предложеніе объ устройствѣ 20-тысячнаго военнаго лагеря, они первые, забывая собственные теоріи о неприкосновенности министровъ, потребовали

привлеченія его къ суду. Не было такихъ преступленій, ошибокъ, небрежностей Королевскаго Совѣта, для которыхъ они не находили бы извиненій. Не было такого декрета Законодательнаго Корпуса, который они не постарались бы оклеветать. Петиціи, прокламаціи, административныя и военныя сатирическія брошюры, письма прославленнаго генерала—все пускалось ими въ ходъ, чтобы добиться министерства продавашагося антинародной кликѣ, свести на-нѣтъ рѣшенія Законодательнаго Корпуса и прикрыть преступниковъ, съ евангеліемъ въ рукахъ проповѣдующихъ убійство и гражданскую войну! И эти интриганы, поведеніе которыхъ мы вамъ рисуемъ, смѣютъ говорить, что имъ невѣдомы партіи! Это мы, честные ремесленники—крамольники, царубійцы, разбойники, враги конституціи! Великій Боже, но если ужъ мы заслужили эти позорныя клички, то скажите намъ, преступники и низкіе клеветники, какое же вы-то заслужили тогда себѣ имя? Какъ, три года уже, какъ убійцы куютъ противъ отечества козни, три года, какъ попы заливаютъ кровью все королевство, и ихъ защищаютъ! И тѣ, кто грабитъ насъ, готовятъ намъ униженіе и гибель, дерзаетъ еще намъ угрожать! Ужъ не эти ли мерзостныя продѣлки называть конституціей, справедливостью, порядкомъ, законами? У нихъ впрочемъ все хорошо, что содѣйствуетъ ихъ успѣху... Да и гдѣ имъ быть разборчивыми въ средствахъ: вѣдь для того, чтобы урвать себѣ мѣсто при дворѣ конституціоннаго короля, они не колебались пройти черезъ тысячу труповъ. (Намекъ на событіе 17-го іюля 1791 года на Марсовомъ полѣ. *И. Х.*). Когда потомки безпристрастнымъ взоромъ окинутъ страницы нашей исторіи, ихъ удивить, конечно, не поведеніе нашихъ подлыхъ клеветниковъ, а великодушіе проявленное по отношенію къ нимъ народомъ!

Прежде чѣмъ удалиться отсюда, мы еще разъ скажемъ вамъ истину. Не откуда-нибудь, а отъ подножія трона распространяется по артеріямъ государства потокъ политическаго разврата. Исполнительная власть—вотъ причина всѣхъ золъ. Смута вытекаетъ изъ анархіи, анархія—изъ партійныхъ интригъ, интриги—изъ развращающей дѣятельности двора. Каждый тянетъ теперь свою руку къ министерскому мѣсту. Этого не могло бы быть, если бы монархъ былъ не такъ богатъ, и если бы всѣми мѣстами распоряжался народъ....Насъ всячески могутъ хулить, могутъ, сколько угодно, распространяться на тему объ убожествѣ и звѣроподобіи *черни*, могутъ не отказать себѣ въ удовольствіи даже перестрѣлять извѣстное количество «этихъ негодяевъ», но всѣ эти оскорбленія и убійства не отвѣтятъ все-таки на наши аргументы: не кровью народа смыть преступленія тиранніи и ошибки Учредительнаго Собранія!

Вы — наши представители... Такъ подумайте же о средствахъ спасти отечество, о томъ, какъ отвратить угрожающія ему опасности. Общая опасность да объединитъ васъ!... И можетъ ли быть для васъ что-нибудь дороже интересовъ вашихъ согражданъ, вашихъ женъ, вашихъ дѣтей?... Если бы побѣда надъ свободными людьми оказалась возможной, не стали ли бы вы всѣ жертвами мщенія деспотизма?... Вѣдь даже тѣ изъ васъ, кто по слабости, умѣренности или осторожности поддерживалъ проекты противниковъ равенства, даже они погибли бы тогда на эшафотѣ вмѣстѣ съ самыми ревностными изъ гражданъ.... Однимъ преступленіемъ больше, столькими то головами меньше—развѣ считаются съ этимъ цари земли?... Не оставайтесь же, законодатели, глухими къ нашимъ доводамъ и къ нашимъ просьбамъ... Посмотрите, лучшее королевство въ мірѣ тѣснится вокругъ рѣшетки, за которой вы засѣдаете, вызываетъ къ вашей энергіи, окружаетъ васъ своимъ оружіемъ и, возлагая на васъ всѣ свои чаянія, ждетъ своего спасенія только отъ васъ. Суждено ли сдѣлаться ему добычею иностранцевъ или разбойниковъ, находящихся внутри страны?... Неужели небо судило ему позорную и скорбную участь погибнуть въ мукахъ анархіи и ужасахъ гражданской войны? Вы трепещете, законодатели? Такъ знайте же, что несчастіе это неизбежно, если вы не будете тверды и безпощадны, если благо народа не станетъ основой вашей работы. Нѣтъ, какія угодно страданія, какіе угодно ужасы нищеты и кровавыхъ сраженій; умремъ, если нужно, только бы не видѣть этого скорбнаго зрѣлища, только бы не стать орудіемъ собственного позора и собственной гибели!... Да, законодатели, умремъ, но не покроемъ себя позоромъ!»... ¹⁾.

Выслушавъ петицію, Національное Собраніе осталось нѣмымъ,

¹⁾ Эта характерная для эпохи петиція была прочитана въ засѣданіи 25 іюня, популярнѣйшимъ въ то время ораторомъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья рабочимъ шелковаго производства Гоншономъ. Ей предшествовало слѣдующее, адресованное президенту Законодательнаго собранія письмо: «Господинъ президентъ! Населеніе столицы взволновано слухами обидущей будто бы въ ея предмѣстьяхъ агитаціи. Распространителями тревожныхъ слуховъ являются лица, заинтересованныя въ нарушеніи общеннаго спокойствія. Въ предмѣстьи Сентъ-Марсо не далѣе, какъ сегодня утромъ, можно было встрѣтить немало этихъ людей; они громко возмущались событіями 20-го іюня, и сами такимъ образомъ возбуждали народъ: ихъ всюду встрѣчали презрѣніемъ. Секція «Госпиталя Трехсотъ» (Quinze-Vingt), законно созванная, назначила 20 комиссаровъ для представленія Національному Собранію отчета. Они ждутъ чести быть допущенными въ Собраніе. Когда рѣчь ихъ будетъ выслушана, истинные виновники агитаціи раскаются, быть можетъ, въ своихъ опасныхъ для блага отечества дѣйствіяхъ. Съ истиннымъ почтеніемъ, ваши, господинъ президентъ, покорнѣйшіе слуги: За депутацію Гоншонъ»...

Чтеніе петиціи было покрыто аплодисментами, и Собраніе сдѣлало постановленіе о ея напечатаніи и разсылкѣ по всѣмъ департаментамъ.

Ср. *Moniteur-Terraux*. Histoire de la Terreur. I. 268 *Moniteur*. XII. 754.

какъ бы изумленное этимъ выступленіемъ. И не мудрено: оно само было тиранизировано дворомъ, и вполне заслужило такую участь, ибо превратилось въ стадо рабовъ, прикованныхъ къ колесницѣ безстыдныхъ владыкъ, купающихся въ преступленіи. Изумленіе это обнаружило истинные размѣры его энергіи, доблестей и заслуженнаго имъ уваженія. Но лица, составлявшія его, облечены были высокимъ званіемъ народныхъ представителей; среди нихъ находились при этомъ, хотя и въ меньшинствѣ, патріоты, вполне достойные уваженія, мужественные и чуждые всякимъ интригамъ; кромѣ того патріотамъ вообще нуженъ былъ какой-нибудь объединяющій центръ помимо пресловутой конституціи, написанной подъ тѣнью краснаго знамени кровью перебитыхъ на Марсовомъ полѣ гражданъ,—ненавистной конституціи, явившейся плодомъ корыстныхъ продѣлокъ и источникомъ всѣхъ несчастій Франціи. Эти-то соображенія и сдержали народный ропотъ противъ Собранія. Да и вообще не время было тогда для раздоровъ: опаснѣйшимъ врагомъ оставался дворъ; на него-то и нужно было направлять всѣ улары.

Большая часть департаментскихъ директорій послѣдовали примѣру Парижской и постарались даже перещеголять ее въ низости. Адресы королю противъ народа и Національному Собранію противъ событій 20-го іюня сыпались со всѣхъ сторонъ; одни изъ нихъ составлялись въ кабакахъ, другіе подъ золочеными потолками и за столами, набитыми пачками ассигнацій, въ канцеляріяхъ прокуроровъ, адвокатовъ и нотаріусовъ, которые расписывали своихъ управляемыхъ въ самыхъ желанныхъ для двора и самыхъ губельныхъ для дѣла свободы краскахъ. Всѣ неизмѣнно носили на себѣ отпечатокъ интриганства, благодаря которому явились, въ сущности, на свѣтъ и самыя учрежденія эти, извѣстныя подъ названіемъ директорій. Всѣмъ, кому случалось бывать на избирательныхъ собраніяхъ, хорошо извѣстно, какъ происходятъ тамъ назначенія администраторовъ. Не честность, не скромныя заслуги, не таланты и даже не честолюбіе привлекаютъ къ себѣ голоса. Назначеніе получаетъ почти всегда какой-нибудь грязный безпутный болтунъ, лучше другихъ сумѣвшій расположить къ себѣ вожakovъ. Кому же, какъ не такимъ людямъ было помогать преступленіямъ двора и предавать интересы своихъ довѣрителей... Бѣлые франгузы! И ваши выборы всегда таковы! Вы все еще не исправились! Но скромныя достоинства и истинная талантливость не спали къ счастью подъ кровлями хижинъ и на народныхъ собраніяхъ. Оттуда-то и раздался тревожный сигналъ, призывъ къ рѣшительному наступленію противъ всѣхъ пороковъ. Рука невѣдомой и презираемой добродѣтели метнула молнію въ королевскій дворецъ.

Въ это же самое время возобновились съ большимъ шумомъ и знаменитыя петиціи восьми и двадцати тысячъ ¹⁾. Списки ихъ лежали у нотаріусовъ, и каждый заговорщикъ или каждый дуракъ могли итти туда прикладывать свою подпись. Представленіе ихъ Національному Собранію явилось знакомъ вполне возрѣвшихъ комплотовъ: съ этихъ поръ уже ничего не скрывали.

Въ одинъ прекрасный день дворцовая банда должна была возбудить въ Парижѣ волненія, собрать затѣмъ свои полчища и, направивъ ихъ на предназначенныя для избіенія мѣста, обогреть ихъ кровью французовъ. Послѣ этой экспедиціи надлежало распустить, тоже перебитое частью, Національное Собрание, а генералы открыли бы тѣмъ временемъ границы для иностранныхъ армій, и за прелварительной бойней послѣдовали бы систематическія проскрипціи, работа палачей и дѣйствіе орудіи пытки, поливаемые кровью друзей свободы. Лишь послѣ того, какъ голова и внутренности послѣдняго свободнаго челоуѣка и вѣрнаго сына родины пали бы къ подножію трона, дворъ счелъ бы для себя позволительнымъ отрыхъ. Сцены ужаса должны были бы повториться по всѣмъ угламъ Франціи. Тогда воскресъ бы старый режимъ съ его десятинами, налогомъ на соль, феодалными правами и подмогами: крѣпостное право добило бы тѣхъ, кто пережилъ бы это всеобщее сто:потвореніе. Наглое и тираническое дворянство, деспотическое и безнравственное духовенство *именемъ короля* устанавливали бы для страны законы, и необузданная и безчеловѣчная солдатчина замѣнила бы братскій режимъ національныхъ гвардій. Длинные мантии кляузниковъ замѣнили бы собою трехцвѣтные шарфы, унижительная олежда илютовъ—національную кокарду гвардейцевъ. На мѣсто слав-

¹⁾ «Петиція 20-ти тысячъ» (представленная въ Законодательное Собрание 1-го іюля въ видѣ протеста противъ событій 20-го іюня) вмѣстѣ съ адресомъ Національному Собранію и письмомъ къ королю директоріи департамента Соммы, являются наиболѣе яркими и показательными для тогдашняго настроенія буржуазіи документами. Они указывали на недостаточность военныхъ силъ Парижа для охраны короля и конституціи отъ «покушеній кучки преступниковъ, готовыхъ поставить свою тираническую волю на мѣсто законно и свободно выраженной вамъ націи», на необходимость усиленія ихъ военными силами департаментовъ и строжайшаго надзора за поведеніемъ «агитаторовъ и вожаковъ мятежныхъ «борищъ». Королю высказывалась благодарность за проявленное имъ мужество, и выражалась увѣренность, что «онъ будетъ и впредь охранять конституцію, выдвигая противъ внѣшнихъ ея враговъ силу оружія, а противъ внутреннихъ всѣ права врученныя ему народомъ»... (Ср. «Moniteur» XIII. 20. *Mortimer-Fernaux*. Hist. de la Terreur. I. 274—279)... Сопоставленіе этихъ документовъ съ только что приведенной на:опной петиціей позволяетъ видѣть, какая глубокая пропасть образовалась къ этому времени между настроеніемъ буржуазіи и «народа» и судить, какимъ важнымъ факторомъ должна была сдѣлаться въ послѣдующихъ событіяхъ революціи классовая борьба *внутри* представлявшаго націю «третьяго сословія».

ныхъ деревьевъ свободы воздвиглись бы линіи висѣлицъ и позорныхъ столбовъ, на которыхъ качались бы гнѣющіе трупы нашихъ братьевъ, а вокругъ нихъ съ криками «да здравствуетъ король» плясали бы придворные убійцы—ужасная пародія веселыхъ и невинныхъ танцевъ молодыхъ гражданъ и дѣвушекъ вокругъ посвященныхъ нашему божеству дубовъ!

Эти черные заговоры сплетались ловкими и искусными руками на глазахъ двора; планы атакъ и военныхъ дѣйствій были уже начерчены; въ мелкомъ масштабѣ ихъ уже выполняли, и громовые аплодисменты, которыми актеры покрывали при этомъ самихъ себя, говорили объ ихъ наглой самоувѣренности.

Для общаго успѣха нужно было добиться успѣха въ Парижѣ. Дворъ принялъ всѣ необходимыя для этого мѣры. Высота надворныхъ стѣнъ королевскаго замка была увеличена; самый замокъ укрѣпленъ; садъ Тюильери запертъ, и внутри его устроенъ лагерь. На мѣсто цвѣточныхъ клумбъ тамъ виднѣлись теперь солдатскія палатки. Вокругъ дворца и въ вестибюлѣ была разставлена цѣлая батарея пушекъ, и тамъ же устроенъ арсеналъ. Линейныя войска, швейцарцы, жандармерія и аристократы по выбору батальонныхъ командировъ несли тамъ постоянную службу и подъ наблюденіемъ короля производили репетиціи бойни. Инженеры вырабатывали планы обороны и нападенія. причемъ король собственноручно исправлялъ ихъ, высказывалъ свое одобреніе и платилъ за нихъ деньги.

Въ королевскомъ дворцѣ собирались теперь измѣнники. враги свободы и профессиональные заговорщики со всего Парижа изъ департаментовъ и изъ-за границы. Входъ во дворецъ былъ открытъ только имъ, и входныя карточки выдавались завѣдующими гражданскимъ листомъ.

Граждане молча негодовали на лишеніе ихъ любимаго мѣста прогулокъ и на направленныя противъ нихъ враждебныя мѣры. но изъ страха очутиться передъ созданнымъ въ Тюильери трибуналомъ не рѣшались высказывать своего негодованія вслухъ: грязныя преступленія этого трибунала дѣйствовали устрашающе на слабыя души. Многіе изъ патріотовъ, приведенныхъ къ этимъ прикованнымъ къ подножію трона тиграмъ, не вернулись, говорятъ, оттуда, и что съ ними сдѣлалось, никто не узналъ.

Министры, съ своей стороны, обрабатывали, при помощи генераловъ, департаменты и армію, такъ что партія короля приобрѣла въ это время огромную силу, и онъ могъ рассчитывать въ своихъ антиреволюціонныхъ предпріятіяхъ на самый блестящій успѣхъ. Въ странѣ клеветали на армію; въ арміи клеветали на страну; муниципалитеты вооружались на муниципали-

теты, департаменты на департаменты, граждане на гражданъ. Чего лучшаго могла желать для себя тиранія? Лафайэтъ рѣшилъ, что пора начинать. Его знаменитая выходка противъ Національнаго Собранія и народныхъ обществъ (См. выше стр. 87—88. И. Х.), приказы, продиктованные имъ Законодательному Корпусу, его исключительное рвеніе къ королевской службѣ и, наконецъ, его манифестъ—вызвали всеобщее раздраженіе, такъ что самымъ пылкимъ его почитателямъ приходилось отрицать въ печати подлинность манифеста, такъ какъ ни открыто порицать, ни одобрять его они не рѣшались. Каково же было негодование и удивленіе гражданъ, когда они увидѣли Лафайэта преспокойно выходящимъ изъ воротъ Тюильерійскаго замка, и когда онъ, весь осыпанный грязными милостями двора, предсталъ самолично передъ рѣшеткой Національнаго Собранія и не только призналъ подлинность своего манифеста, но и дополнилъ его новыми гнусностями? ¹⁾ Общее возмущеніе было такъ велико, что превзойти его могло развѣ лишь возмущеніе, вызванное аплодисментами большинства Законодательнаго Корпуса по адресу этого измѣнника.

Онъ предсталъ передъ рѣшеткой Собранія въ формѣ генерала—звание, которое въ силу конституціи было снято съ него, какъ съ члена Конституанты (Учредительнаго Собранія). Онъ въ лицо оскорбилъ патріотическую часть депутатовъ, онъ звалъ къ борьбѣ противъ Франціи, въ самомъ храмѣ законовъ попраля ногами законы, а ему аплодировали! И извергъ этотъ живымъ ушелъ изъ Національнаго Собранія! А народъ? Но народа уже не было. или вѣрнѣе онъ занятъ былъ собираніемъ силъ для болѣе рѣшительнаго удара ²⁾.

¹⁾ Лафайэтъ, явившійся въ Національное Собраніе 27-го іюня, мотивировалъ свой пріѣздъ въ Парижъ желаніемъ выразить отъ имени всей арміи свое негодованіе по поводу событій 20-го іюня: «Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, заявили онъ, всѣ какъ одинъ человекъ, полны патріотической ненавистью къ крамольникамъ (factieux). Я задержалъ составленные ими адреса, чтобы лично явиться здѣсь выразителемъ ихъ чувствъ... Я умоляю Національное Собраніе подвергнуть преслѣдованію, какъ тяжкихъ преступниковъ противъ націи, виновниковъ и подстрекателей нападенія на королевскій дворецъ... Отъ имени всѣхъ честныхъ людей (эти слова были встрѣчены протестами лѣвой) умоляю васъ принять дѣйствительныя мѣры къ защитѣ установленныхъ закономъ властей и т. д...». Несмотря на энергичныя возраженія и протесты лѣвой части собранія, большинство его выразило Лафайэту одобреніе и приняло предложенную правыми резолюцію о передачѣ его петиціи въ комиссію «для выработки мѣръ къ устраненію указанныхъ въ ней непорядковъ». *Moniteur*. XII. 777—778.

²⁾ Болѣе двадцати придворныхъ каретъ и сильный отрядъ гренадеръ окружали Лафайэта, когда онъ уѣзжалъ изъ Парижа. Гренадеры эти забѣжали впередъ и заставляли жителей деревень, подъ страхомъ включенія въ Парижскую проскрипцію, надѣвать доспѣхи (armes) и съ букетами въ рукахъ являться навстрѣчу своему диктатору. Эти вырванные

Національное Собраніе, взволнованное мыслями о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя оно предвидѣло, но для борьбы противъ которыхъ оно не знало уже никакихъ средствъ, взялось за всеобщее примиреніе. Предложеніе о немъ было сдѣлано попомъ ¹⁾, и примиреніе вышло по истинѣ поповскимъ: обѣ стороны дали другъ другу лобзаніе луды и смѣшались между собой, но можно ли было соединить Аримана съ Ормуздомъ?

За сближеніемъ этимъ, явившимся мошенничествомъ со стороны однихъ и самоумерщвленіемъ для другихъ, послѣдовала торжественная депутація къ королю, который поспѣшилъ явиться лично привѣтствовать Законодательный Корпусъ. Когда онъ заявилъ, что *его желаніе исполнилось, и что онъ очень доволенъ состоявшимся объединеніемъ*, зала въ теченіе четверти часа дрожала отъ аплодисментовъ и криковъ «*Да здравствуетъ король!*» Эхо этихъ криковъ донеслось и до замка, и было встрѣчено тамъ свистками и взрывами смѣха.

Вслѣдъ затѣмъ Людовикъ XVI отперъ ворота замка и вышелъ къ амбразурѣ окна, но убѣдившись, что народъ не раздѣляетъ балаганной маніи своихъ трусливыхъ представителей, только что заставившихъ сыграть его столь глупую роль, и что ни одно «*да здравствуетъ король!*» не долетаетъ до его ушей, онъ снова заперъ Тюильери и во-всю принялся за свои козни.

Приближалось 14-е іюля. Многіе города, узнавши о положеніи Законодательнаго Корпуса и объ унынїи, охратившемъ парижанъ, отправили Національному Собранію ободрительные адреса, упрекая его за недостатокъ энергіи и предлагая прислать на помощь Парижу свои военныя силы. Изъ всѣхъ нихъ особенно выдѣлялся Марсель. Немало патріотическихъ батальоновъ находилось уже въ пути. Законодательный Корпусъ постановилъ пригласить эти батальоны въ Парижъ на праздникъ 14-го іюля, и уже оттуда отправить въ Суассонъ, гдѣ для нихъ сооружался особый лагерь.

насиломъ почести не успокоили однако генерала, и немного спустя, въ Компьенскомъ лѣсу онъ отдался припадкамъ раскаянія, не зная, что ему дѣлать и какъ себя спасти. (Прим. Шометта).

¹⁾ Въ собраніи 7 іюля (1792 г.) епископъ Ламуреттъ (депутатъ Роны и Луары) предложилъ примиреніе двухъ сторонъ Національнаго Собранія передъ лицомъ внѣшней опасности и во имя сохраненія конституціи. Для устраненія главнаго повода къ взаимному недоброу лѣвые должны были торжественно заявить себя противниками республики, а правые—отказаться отъ симпатій къ двухпалатной аристократической системѣ. «Проклянемъ единодушно и республику, и двѣ палаты!»—восклицалъ Ламуреттъ—«И закрѣпимъ наше проклятіе присягой!»... Да соединить насъ общее чувство ненависти и къ анархіи, и къ феодализму»... На предложеніе «встать, кто отвергаетъ и прокликаетъ республику и двѣ палаты» поднимается все собраніе и при громкихъ аплодисментахъ трибунъ депутаты бросаются со своихъ мѣстъ другъ къ другу, обнимаются и смѣшиваются въ общую кучу (Moniteur XIII. 70).

Сцена эта извѣстна подъ названіемъ «поцѣлуевъ Ламуретта».

Дворъ противился ихъ приходу, и министръ послалъ отрядамъ приказъ вернуться обратно. Нѣкоторые отряды повиновались. другіе продолжали свой путь, и, опираясь на новую декларацію Законодательнаго Корпуса, даже ускорили маршъ.

Предательскія дѣйствія Лафайета вскорѣ всплыли наружу. Армія наша была разбита и дезорганизована еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Имѣли наглость обвинять въ этомъ солдатъ, но истиннымъ авторомъ всего былъ король и его партизаны. Наши арміи занимали очень выгодную позицію въ Куртрэ, и какъ разъ Куртрэ было очищено, мало того—сожжено—однимъ изъ нашихъ генераловъ. Такъ наказаны были несчастные жители этой страны зато, что приняли къ себѣ наши войска: за услуги, оказанныя намъ, мы отдали ихъ на растерзаніе жестокимъ австрійцамъ.

Защитники угнетенной свободы прибывали со всѣхъ сторонъ. Дворъ напускалъ на нихъ своихъ вербовщиковъ, рассчитывая переменить ихъ настроеніе, но добрые граждане свели его усиліе на нѣтъ, они толпой окружали этихъ вербовщиковъ и увлекали ихъ на свою сторону.

Въ Національномъ Собраніи давно уже поднимался вопросъ объ объявленіи *отечества въ опасности*. Но ни пренія по этому поводу, ни декларація, явившаяся ихъ результатомъ, не могли ни въ чемъ измѣнить нашихъ дѣлъ. Собраніе упорно молчало о томъ, что дѣйствительно подвергало отечество опасности. О поведеніи двора въ этихъ преніяхъ ничего не говорилось, а въ немъ-то народъ и видѣлъ единственнаго виновника своихъ бѣдствій. Ангелъ истребленія королей уже отмѣтилъ клеймомъ свои жертвы.

Вотъ актъ Законодательнаго Корпуса, предшествовавшій значительному объявленію отечества въ опасности; онъ датированъ 11-мъ іюля:

«Многочисленныя арміи двигаются къ нашимъ границамъ; всѣ ненавистники свободы вооружаются противъ нашей конституціи. Граждане, *отечество въ опасности*! Пусть тѣ, кто имѣлъ уже счастье встать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту свободы, помнить, что они французы и свободные люди, а сограждане ихъ пусть сохраняютъ у своихъ очаговъ безопасность личности и имущества! Магистраты народа да бодрствуютъ! Всѣ вообще да сохраняютъ спокойствіе въ сознаніи своей силы, а для дѣйствія пусть жгутъ сигнала отъ тѣхъ, кого уполномочилъ на это законъ! При этихъ условіяхъ отечество будетъ спасено».

Президентъ произнесъ эту формулу, а за нею послѣдовали два адреса—одинъ къ народу, другой къ французской арміи.

Министрамъ поручено было дать отчетъ о состояніи Франціи. Каждый изъ нихъ составилъ свой рапортъ—одинъ тревожище

другого. Стиль этихъ рапортовъ былъ обычный для двора, стиль—дѣланный, двусмысленный, полный выпадовъ противъ друзей свободы. Въ концѣ-концовъ, сославшись на то, что Франція находится на краю гибели, министры заявили, черезъ своего коллегу—министра юстиціи, что они уже вручили королю свою отставку.

Видя крушеніе своихъ первыхъ попытокъ, дворъ рѣшилъ, что для открытыхъ дѣйствій время еще не пришло. Онъ сдѣлалъ видъ, что склоняется къ миру. Наемныя газеты перемѣнили тонъ, и для всѣхъ было ясно, что это значитъ. Антиреволюціонная и фанатическая армія измѣнника Дюсайяна, вмѣстѣ съ контръ-революціонерами Арли и контръ-революціонерами, руководимыми принцами-эмигрантами, *именемъ короля* творили ужасы на югѣ Франціи. Контръ-революціонеры Парижа, не считаясь съ намѣреніями двора и выработанной тамъ тактикой, продолжали свои нахальные выходки.

Все это мало способствовало, конечно, успокоенію умовъ.

Съ другой стороны, Національное Собраніе осаждалось депутациями и адресами, единодушно изобличавшими дворъ и директорію парижскаго Департамента; они требовали возвращенія къ должности мэра и прокурора Парижской Коммуны, уволенныхъ произвольно и незаконно. 13-го іюля, наканунѣ національнаго праздника, Національное Собраніе декретировало наконецъ отмѣну отставки мэра Петіона и пріостановку этой мѣры по отношенію къ прокурору коммуны Манюэлю, впредь до выслушанія его личныхъ объясненій ¹⁾.

Декретъ этотъ послужилъ для парижскаго населенія сигналомъ для необузданнаго ликованія. Прекрасно видѣть, какъ граждане вступаются за своихъ магистратовъ, защищаютъ ихъ, уважаютъ и любятъ, разъ они оправдываютъ общественное довѣріе, но унижительное и полное опасностей зрѣлище представляютъ собою граждане, предающіеся неумѣренному идолопоклонству. Людямъ философскаго образа мыслей, друзьямъ свободы, пришлось не разъ подавить въ себѣ стонъ, повсюду слыша крики «*Да здравствуетъ Петіонъ! Петіонъ или смерть!*». повсюду видя эти слова, написанными мѣломъ на шляпахъ. Именно этимъ путемъ народъ и создаетъ себѣ неблагодарныхъ измѣнниковъ. Подождите, несчастные! вы слишкомъ привыкли видѣть повсюду людей, и мало смотрѣть на вещи. Подождите: тотъ самый Петіонъ, котораго вы такъ *обожаєте* (раньше вы обожали Неккера, Мирабо, Барнава, Лафайэта) жестоко нака-

¹⁾ Петіонъ и Манюэль были устранены отъ должности 6 іюля по постановленію департаментской администраціи.

жетъ васъ за вашу слѣпоту, за вашу глупую манію ¹⁾. Да послу-
жить же хоть этотъ урокъ къ окончательному вашему исправле-
нію!

Великій и медоточивый Петіонъ и не подумалъ, разумѣется, пріостановить эти излишества, такъ или иначе уклониться отъ нихъ, и именно этимъ навсегда уронилъ себя въ глазахъ дальновидныхъ и строгихъ къ себѣ людей, уже предвидѣвшихъ, съ сокрушеніемъ въ душѣ, его будущее присоединеніе къ Бриссо (вождѣ жирондистовъ. И. Х.) и всей его академіи.

Рискуя навѣсчъ на себя тотъ самый упрекъ, который я только что сдѣлалъ другимъ, т.-е., что я слишкомъ занимаюсь людьми, я позволю себѣ нѣсколько остановиться на Петіонѣ. Въ разгаръ описываемыхъ событій онъ издалъ памфлетъ противъ *богатыхъ* (позднѣе онъ же издалъ обращеніе къ богатымъ противъ бѣдныхъ); это нарасхватъ читавшееся произведеніе называлось «*Общія правила моего поведенія*». Какой только лести, какихъ только похвалъ ни расточалъ онъ тамъ по адресу народа! (Въ 1792 г. это былъ еще для него *народъ*; въ 1793 году онъ отказывалъ уже въ этомъ званіи классамъ населенія, за которыми онъ раньше ухаживалъ, но въ которыхъ пересталъ нуждаться, послѣ того, какъ они по достоинству оцѣнили его)! Въ манифестѣ этомъ, который былъ выпущенъ въ видѣ афиши (около 20.000) и въ видѣ брошюръ (такое же приблизительно количество) мы находимъ сплошную серію филантропическихъ идей, уснащенныхъ похвалами *народу*, почтительными выраженіями по адресу *бѣдныхъ* и словами ободренія по адресу пылкихъ патріотовъ. Вотъ образецъ этихъ изліяній, далеко еще не самый выразительный:

«У насъ, пишетъ Петіонъ, не привыкли долго разговаривать съ такъ называемой *чернью*—съ людьми, глубоко презираемыми нами *за то, что они плохо одѣты*; тюрьма, зуботычина—это гораздо проще. Повседневные примѣры такого обращенія туманятъ всѣмъ головы и развращаютъ сердца, а *народъ, вмѣсто того, чтобы любить представителей власти, пріучается ихъ ненавидѣть* ²⁾. Онъ наполняется жаждою мести и противъ насилія естественно противопоставляетъ голую силу; онъ становится озлобленнымъ и опаснымъ. А потомъ наши собственные ошибки вѣняются ему въ вину, и все общество оказывается

¹⁾ Петіонъ былъ замѣшанъ, какъ извѣстно, въ дѣло измѣнившаго революціонной Франціи генерала Дюмуре.

²⁾ Сдѣлавшись членомъ Конвента, этотъ же самый человекъ, не переставая, нападалъ на законныя парижскія власти. Въ это время—увы!—онъ не былъ уже магистратомъ этого города, въ немъ уже не нуждались! Съ нимъ не совѣтовались уже съ какой ноги ступать! И этимъ объясняется все. Sic perdidit eos superbia! (Прим. Шометта).

въ состояніи войны, въ которой одна часть гражданъ всецѣло занята тѣмъ, что удерживаетъ и подавляетъ другую».

Сравните «общія правила поведенія», принятыя этимъ человекомъ, и поведеніе, котораго онъ самъ держался въ послѣдствіи въ Національномъ Конвентѣ! Раньше онъ говорилъ: «Сѣмени этого раздора нельзя заглушить ничѣмъ; тутъ непрерывная и неизбѣжная борьба между классомъ, старающимся выйти изъ своего тягостнаго положенія, и остальными гражданами, которые стараются его въ немъ удержать». А позднѣе этотъ несчастный громко взывалъ къ богатымъ противъ бѣдныхъ, и, ораторствуя въ парижскихъ секціяхъ, возбуждалъ противъ класса, который стремится выйти изъ своего тяжелаго положенія, встать тѣхъ, кто стремится его въ немъ удержать. И изъ этого то человека, граждане Парижа, вы сдѣлали себѣ идола! Къ такому-то человеку вы привязались настолько, что не повѣрите въ *добродѣтельнаго Петіона*, свободно высказаться на его счетъ, значило стать въ вашихъ глазахъ врагомъ общественнаго блага!

IV. Праздникъ 14-го іюля (1792 г.).

Въ числѣ дней, намѣченныхъ нашими домашними врагами для осуществленія братоубійственныхъ проектовъ двора, было и 14-е іюля: огромное сборище на Марсовомъ полѣ предполагалось превратить въ арену войны. Съ одной стороны распространялись слухи, что федераты (т.-е. участники провинціальныхъ отрядовъ національной гвардіи, прибывшихъ въ Парижъ къ празднику 14-го іюля *И. Х.*) хотятъ расправиться со дворомъ, съ другой—что дворъ намѣревается на своихъ собственныхъ глазахъ осуществить замышленную имъ бойню народа. Болѣе робкіе граждане совсѣмъ не осмѣлились выйти въ этотъ день изъ дому, другіе явились на Марсово поле въ тревожномъ настроеніи, готовые при первой же попыткѣ преступниковъ сбросить съ себя маску расправиться съ ними на мѣстѣ.

Король, чтобы избѣжать косыхъ взглядовъ со стороны сопровождавшей Національное Собраніе толпы и не подвергнуться пыткѣ всеобщаго демонстративнаго молчанія во время движенія процессіи по улицамъ, а также и для того, чтобы не итти по лѣвку руку президента (Легислативы) отправился на Марсово поле раньше Національнаго Собранія, окруженный всѣмъ блескомъ могущественнаго деспота; его сопровождало около шести тысячъ человекъ. Въ оживленіи церемоніи онъ помѣстился со своей семьей и со своей дворней въ Военномъ Училищѣ (*Ecole Militaire*). Балконъ, на который онъ сталъ во время прохожденія кортежа.

быть покрытъ краснымъ бархатомъ — символъ ненавистнаго военнаго закона, на который онъ возлагалъ теперь всѣ палехлы.

Всѣ полагали, что федераты явятся главными дѣйствующими лицами церемоніи, но не успѣли они показаться, какъ совершенно потонули въ толпѣ. Когда король поднялся къ алтарю, чтобы произнести гражданскую присягу, вмѣстѣ съ нимъ хотѣли подняться туда и его лакеи, но ихъ безо всякой церемоніи прогнали. Во время произнесенія присяги каждый говорилъ про себя, обращаясь мысленно къ Людовику XVI: «О предатель! Ты готовъ ежедневно принимать хоть тысячу присягъ, чтобы съ обычной легкостью всѣ ихъ нарушить!» Когда присутствующіе подняли на кончикахъ палокъ свои шляпы въ знакъ присоединенія къ присягѣ, всѣ замѣтили, что швейцарцы сначала не тронулись съ мѣста, и только потомъ, послѣ нѣкотораго замѣшательства въ ихъ толпѣ, послѣдовали общему примѣру.

У алтаря было воздвигнуто дерево со всѣми атрибутами стараго строя и всѣми родовыми гербами. Были тутъ и гербы королевскихъ братьевъ, и гербы Лафайетовъ, и гербы департаментскаго президента Ларошфуко. Дерево это предполагалось сжечь рукой президента Національнаго Собранія и рукою короля, но самъ ли Людовикъ XVI попросилъ избавить его отъ этой церемоніи, друзья ли его нашли ее неумѣстной, только сожженіе дерева совершилось безъ корсдѣя.

Такъ кончился этотъ день, отъ котораго ждали рѣшительнаго удара по королевской власти, но который въ дѣйствительности не нанесъ ей и царапины. Умы сохраняли однако свое влеченіе къ новому строю; при кажущейся беззаботности гражданъ въ нихъ легко можно было замѣтить присутствіе твердой и глубокой рѣшимости его осуществить.

Съ тѣхъ поръ какъ садъ и замокъ Тюильери были заперты и укрѣплены, граждане не могли уже такъ свободно проникать въ него со своими мнѣніями, мощной поддержкой и коллективнымъ совѣтомъ. Распорстранился слухъ, что дворъ готовится нанести національному представительству ударъ. Немедленно вооружаются тысячи рукъ; приносятъ огромное бревно и бьютъ имъ, какъ тараномъ, въ ворота Тюильерійскаго сада. Друзья короля тѣмъ временемъ бѣгутъ къ церкви Св. Рока и бьютъ въ набатъ; по улицѣ Сентъ-Онорэ раздаются крики, что мятежники врываються къ королю и грозятъ его жизни. Но на этомъ волненіи и останавливается. При видѣ муниципальнаго шарфа все успокаивается, и дворъ, несмотря на свои хитрости, лишній разъ оказывается посрамленнымъ.

Однако объявленіе отечества въ опасности было сдѣлано;

а между тѣмъ арміи не хватало ни солдатъ ни припасовъ, и непріятель съ огромными, по сравненію съ нашими, силами переходилъ черезъ Эско. Нужно было отразить его, помѣшати вступленію на свободную землю. Единственной надеждой оставалось беззавѣтное мужество франковъ, принужденныхъ бороться одновременно и противъ арміи коалиціи, и противъ двора, и противъ примкнувшихъ къ нему департаментскихъ директорій.

Отечество не обманулось въ своихъ надеждахъ. 22-го іюли Парижскій муниципалитетъ объявляетъ отечество въ опасности. Церемонія лишена была внѣшняго блеска, но не говорила она и объ уныніи. На всѣхъ площадяхъ были воздвигнуты амфитеатры для производства записи рекрутовъ. Въ какихъ-нибудь три дня Парижъ представилъ отечеству армію въ 60.000 человекъ.

Национальное Собраніе подвергалось постояннымъ нападкамъ, угрозамъ и оскорбленіямъ со стороны собиравшихся въ Тюильерійской оградѣ контръ-революціонеровъ. Чтобы вывести наружу ихъ намѣренія, оно декретировало, что терраса фейяновъ составляетъ часть его территоріи, и въ соотвѣтствіи съ этимъ декретомъ прилегающій къ мѣсту его собраній уголъ Тюильерійскаго сада былъ открытъ для народа.

Все заставляло бояться, что наплывъ гражданъ окажется такъ великъ, что въ моментъ открытія и дворецъ и сады будутъ запружены народомъ. Но простая трехцвѣтная ленточка послужила для него непреодолимымъ барьеромъ: руки разрушителей бастилій покорно передъ ней опустились. Маленькая надпись со стороны террасы гласила: «*Территорія Франціи*», а другая, со стороны сада: «*Территорія Кобленца*». Интересное зрѣлище открывалось передъ наблюдателемъ, умѣющимъ философствовать: тысячи гражданъ, скученныхъ въ небольшомъ пространствѣ, не смѣли нарушить границы, отмѣченной маленькой ленточкой. тогда какъ цѣлая армія въ стальной щетинѣ штыковъ была бы смята и уничтожена въ одинъ мигъ, если бы ей пришлось сопротивляться этой массѣ народа. Тотъ, кто придумалъ эту ленточку былъ поистинѣ геніальнымъ человекомъ и глубокимъ политическимъ мыслителемъ, способнымъ руководить судьбою людей; онъ въ совершенствѣ зналъ человеческое сердце, понималъ, какія движенія его находятъ отголосокъ въ толпѣ и какъ изъ маленькихъ средствъ могутъ вытекать великіе результаты.

30 іюля молодцы-марсельцы прибыли наконецъ въ Парижъ къ великой радости уставшихъ отъ притѣсненія патріотовъ. Болѣе пылкіе изъ нихъ поспѣшили навстрѣчу марсельцамъ. Казалось, батальонъ этотъ, славный своими подвигами на югѣ Франціи, приносилъ съ собою тѣ громы, которымъ суждено было

поразить тиранію и освѣжить атмосферу свободы. Въ каждомъ изъ этихъ благородныхъ гражданъ хотѣлось видѣть защитника, мстителя, грознаго для измѣнниковъ ангела-искоренителя. Будто еще вижу я ихъ воинственные, смуглыя лица, вижу, какъ движутся ихъ тѣсно сомкнутые ряды, слышу отвѣтные крики на наши крики «да здравствуетъ свобода!» Крѣпко держали они въ рукахъ свое тираноубійственное оружіе и съ братскимъ безпокойствомъ вглядывались въ каждый новый для нихъ предметъ. Будто и теперь еще вижу я ихъ суровое знамя съ *красной шапкой* надъ нимъ—символь дорогой теперь каждому французскому сердцу, но до той поры неизвѣстный еще батальонамъ Париза, бывшими пока батальонами буржуазіи и носившими знамена съ вензелемъ Лафайэта, съ бюстомъ Генриха IV и почти всегда—съ цвѣтами лиліи и коронами. Успокойтесь же франки! Близокъ часъ торжества свободы. Крѣпнеть мужество ея горячихъ защитниковъ! Презрѣнный дворъ, сѣкира виситъ надъ твоей головой! Близится время!...

Идя по парижскимъ улицамъ, марсельцы неустанно оглашали ихъ звуками знаменитаго гимна, ставшаго столь дорогимъ для французовъ «Вставайте, дѣти отечества» и т. д. Въ концѣ моего труда я приведу его текстъ ¹⁾. О если бы его можно было читать

¹⁾ Общанія своего Шометтъ не исполнилъ, но оно, замѣчаетъ проф. Оларъ, чрезвычайно характерно, какъ доказательство того, что въ 1793 году (когда Шометтъ кончалъ мемуары) во Франціи далеко не все еще знали слова Марсельезы. Мы приводимъ ихъ здѣсь, какъ характерныя для описываемаго въ мемуарахъ момента:

I. Вставайте, дѣти отечества—день славы насталъ! Тиранія подняла противъ насъ свое кровавое знамя! Вы слышите—грубые вопли солдатъ несутся по вашимъ нивамъ? Они идутъ избивать вашихъ женъ и дѣтей. Избивать, вырывая изъ вашихъ рукъ. Къ оружію, граждане, сзывайте свои батальоны! Впередъ! Впередъ! И пусть нечистая кровь прольется на ваши поля!

II. Что надо ей, этой бандѣ рабовъ? Королей-заговорщиковъ, предателей родины? Для кого куются позорныя цѣпи? Для кого заготовляютъ оковы? Для насъ, французы! О, какое безчестіе! И какой энтузіазмъ зажигаетъ оно въ нашихъ сердцахъ! Это насъ-то посмѣли подумать вернуться въ старинное рабство. Къ оружію, граждане! и т. д.

III. Такъ вотъ что! Когорты иностранцевъ будутъ предписывать намъ законы? Фаланги наемниковъ повергнуть ницъ нашихъ гордыхъ борцовъ? Рукою рабовъ, о Боже, наша шея согнется подъ иго? И презрѣнные деспоты станутъ владыками нашей судьбы? Къ оружію, граждане! и т. д.

IV. Но, трепещите тираны и вы, измѣнники родины, презрѣнные отбросы всѣхъ партій! Трепещите: расплата за ваши предательства близка! Мы все — солдаты, чтобы сражаться съ вами. И если молодые герои наши погибнутъ въ этой борьбѣ, новыхъ породить на ихъ мѣсто земля, такихъ же отважныхъ, проникнутыхъ жаждою боя. Къ оружію и т. д.

V. Французы, сражайтесь великодушно, умѣряйте, гдѣ нужно, вашъ воинскій пылъ. Щадите насильно вооруженныя на васъ несчастныя жертвы! Но кровожадныхъ деспотовъ этихъ, пособниковъ Буйэ (организаторъ бѣгства въ Вареннъ И. Х.), этихъ тигровъ, безжалостно терзающихъ материнскую грудь... Къ оружію и т. д.

VI. Святая любовь къ отечеству руководитъ нашей мстящей рукой.

на каждой страницѣ всѣхъ нашихъ книгъ, и если бы на душу каждаго читателя онъ производилъ такое же дѣйствіе, какое производилъ онъ на слушавшихъ его въ тотъ моментъ!... Вечеромъ, въ день своего прибытія, марсельцы получили приглашеніе на ужинъ, организованный въ ихъ честь на Елисейскихъ поляхъ. Придворные лакеи, гренадеры «Дѣвъ Св. Ѳомы» и «Малыхъ Отцевъ» (Petits Pères), бывшіе лейбъ-гвардейцы, рыцари кинжала, швейцарскіе офицеры и другія лица, получавшія содержаніе изъ гражданскаго листа, устроили тамъ свое собраніе. Вооруженные пистолетами, они расположились какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ марсельцы и парижскіе патріоты вкушали радости чистаго братства. Патріотическое собраніе огласило воздухъ криками «Да здравствуетъ нація!» «Да здравствуютъ молодцы-марсельцы!» «Да здравствуютъ наши братья-федераты!» Придворная банда немедленно отвѣтила на нихъ криками: «Да здравствуетъ король!» «Да здравствуетъ королева!» «Да здравствуетъ Лафайэтъ!» Граждане, бывшіе тутъ, возмущенные этими криками, покрываютъ ихъ протестующимъ гуломъ. Шайка придворныхъ разбойниковъ обнажаетъ тогда сабли и идетъ на гражданъ. Молодой марселецъ, одинъ на одинъ, выступаетъ противъ разъяренной банды. Его хватаютъ, тащутъ въ толпу. Онъ зоветъ своихъ братьевъ на помощь. Быстрѣе молніи кидаются къ нему всѣ парижане и марсельцы. Контръ-революціонеры разсѣяны, избиты, переранены, несмотря на то, что вооружены, а граждане безъ оружія. Одинъ изъ провокаторовъ избитъ до смерти за выстрѣлъ изъ пистолета, направленный въ гражданъ. Нужно было видѣть этихъ новыхъ кентавровъ, удиравшими во всѣ лопатки отъ гнавшихся за ними лапитовъ ¹⁾: тотъ держался за ухо, этотъ за ногу и т. д.—всѣ спѣшили спрятаться во рву, окружавшемъ дворецъ ихъ хозяина. Онъ ждалъ окровавленныхъ головъ марсельцевъ, но ошибся въ своихъ расчетахъ: единственная кровь, которую онъ увидѣлъ, была кровь, истекавшая изъ челюстей и ушей его благородныхъ и храбрыхъ рыцарей, порядочно таки помятыхъ неблагородною чернью.

Антуанеттѣ и ея женской челяди пришлось подумать о перевязкѣ ранъ не у одного изъ своихъ милыхъ дружковъ, но не одобровать бы имъ всѣмъ, если бы не вмѣшательство нѣсколькихъ патріотовъ Национальнаго Собранія, попросившихъ пощады для

Свобода, о дорогая свобода, приди же сама сражаться въ нашихъ рядахъ. И въ отвѣтъ на бодрый призывъ твой пусть придетъ подъ наши знамена побѣда! И да увидитъ взоръ умирающаго врага побѣдную славу нашу и твое торжество! Къ оружію и т. д.

¹⁾ *Лапиты*—древній народъ, населявшій Фессалію и воспѣтый Гезіодомъ и Овидіемъ за героическую борьбу съ Кентаврами.

тѣхъ, кто все время мечталъ объ ихъ собственномъ убійствѣ. Подобная катастрофа не могла, разумѣется, не вызвать со стороны двора какого-нибудь новаго пасквиля, и онъ дѣйствительно появился подъ именемъ *прокламаціи короля*. Эта новая прокламація не испугала правда патріотовъ, но она прибавила дерзости аристократамъ.

Всѣ парижскія секціи походили въ то время на двѣ враждебныя арміи, готовыя броситься другъ на друга. Роялисты имѣли наглость открыто говорить о предстоящемъ избіеніи патріотовъ и возстановленіи стараго строя, причемъ доводили свое безстыдство до того, что заранѣе выдавали болѣе слабымъ гражданамъ патенты на безопасность. Это были карточки съ изображеніемъ маленькаго, окруженнаго короной сердечка. Въ день великой контръ-революціи эти карточки должны были служить для ихъ предъявителей гарантіей неприкосновенности ихъ личности и имущества.

Нѣкоторымъ секціямъ удалось однако сдержать нахальныя выходки контръ-революціонеровъ. Такъ секція Французскаго Театра, въ которую входили жалкіе остатки знаменитаго дистрикта кордельеровъ, столь могущественнаго въ первые дни революціи, несмотря на крайне трудное свое положеніе, постоянныя угрозы смертоубійствомъ и рядъ проведенныхъ въ ней реакціонныхъ мѣръ, сумѣла найти въ своей средѣ кучку смѣлыхъ и просвѣщенныхъ людей, готовыхъ на все для спасенія отечества и парализованія усилій угнетателей.

Вотъ содержаніе этого замѣчательнаго постановленія:

Политическая декларація секціи «Французскаго Театра».

«Г. наз. активные граждане ¹⁾ секціи Французскаго Театра, принимая во вниманіе, что каждый родившійся и живущій во Франціи является французомъ, что охрана свободы и конституціи вручена Національнымъ Собраніемъ мужеству всѣхъ французовъ и можетъ имѣть реальное значеніе или опираясь на силу оружія, или находя свое выраженіе въ открытыхъ политическихъ дебатахъ; что слѣдовательно всѣ французы въ силу самой конституціи имѣютъ право носить оружіе для защиты отечества и принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ интересующихъ ихъ вопросовъ,—принимая далѣе во вниманіе, что никогда просвѣщенное мнѣніе и мужество гражданъ не являются для отечества столь

¹⁾ Напомнимъ читателю, что «активными гражданами» назывались по конституціи 1791 года граждане, удовлетворявшіе извѣстному имущественному цензу; политическими правами и правомъ участія въ національной гвардіи пользовались только они.

необходимыми, какъ въ моментъ общественной опасности; что опасность для общества настоящаго момента настолько велика, что собраніе народныхъ представителей сочло своимъ долгомъ объявить о ней въ торжественной деклараціи. что послѣ того, какъ народные представители объявили отечеству въ опасности, народъ тѣмъ самымъ облакается функціей верховнаго наблюденія; что декретъ о непрерывности засѣданій секціи есть простое слѣдствіе, неизбѣжно вытекающее изъ этого великаго принципа; принимая наконецъ во вниманіе, что ни одинъ классъ гражданъ не можетъ присвоить себѣ исключительнаго права заботиться о спасеніи отечества;—принимая все это во вниманіе, граждане указанной секціи *заявляютъ*: въ моментъ опасности грозящей отечеству, всѣ французы мужского пола являются фактически призванными на его защиту; граждане, извѣстные на аристократическомъ жаргонѣ подъ названіемъ «пассивныхъ», являются такими же французами, какъ и другіе, и должны, слѣдовательно, быть призваны, и призваны уже фактически, какъ къ ношенію оружія въ рядахъ національной гвардіи, такъ и къ участію въ политическихъ преніяхъ на засѣданіяхъ секцій и первичныхъ собраній.

Въ силу всего вышесказаннаго, граждане исключительно составлявшіе доселѣ секцію Французскаго Театра, открыто и съ негодованіемъ отказываются отъ своей прежней привилегіи, обращаются ко всѣмъ французамъ, живущимъ въ предѣлахъ ихъ секціи, и обѣщаютъ раздѣлить съ ними приходившуюся на нихъ долю суверенитета, и считаютъ ихъ своими братьями и согражданами, связанными съ ними общимъ дѣломъ, и необходимыми для защиты деклараціи правъ, свободы, равенства и всѣхъ неотъемлемыхъ правъ народа и частныхъ лицъ.

Подписи: *Дантонъ*, предсѣдатель.

Анаксагоръ Шометтъ, товарищъ предсѣдателя.

Моморо, секретарь.

(Датировано 30-мъ іюля 1792 г.).

Декларація эта, будучи расклеена на улицахъ, оставила на общественномъ мнѣніи значительный слѣдъ. Цѣлый рядъ секцій одобрилъ и принялъ ея принципъ. Дворъ почуялъ въ ней первую брошенную въ него бомбу, что и выразилось въ появившемся вскорѣ письмѣ министра юстиціи къ королевскому комиссару при уголовномъ трибуналѣ Парижскаго департамента. Въ письмѣ этомъ министръ приказывалъ комиссару открыть чрезвычайное слѣдствіе противъ лицъ, подписавшихъ постановленіе.

Бравыхъ марсельцевъ помѣстили вначалѣ подальше отъ патриотовъ на самомъ краю Парижа. Но однажды ночью (въ ночь

на 5-е августа, замѣчаетъ проф. Оларъ. II. X.) они явились въ секцію Французскаго Театра, будучи приведены туда лицами, подписавшими ея постановленіе, и еще однимъ муниципальнымъ чиновникомъ; эти же лица исполнили по отношенію къ марсельцамъ и всѣ обязанности гостепріимства. Первой заботой марсельцевъ, послѣ того какъ ихъ размѣстили по квартирамъ, была охрана жизни и свободы защитниковъ правъ человѣка. Они сопровождали повсюду болѣе извѣстныхъ патріотовъ, а ночью караулили ихъ дома, твердо рѣшившись безпощадно расправиться со всякимъ, кто посмѣлъ бы рѣшиться на какой-нибудь тираническій актъ. Мѣры эти, принятые на глазахъ у всѣхъ, произвели должное впечатлѣніе на дворъ и на его агентовъ и удержали ихъ отъ открытыхъ дѣйствій.

Въ это же время въ Коммунальномъ Домѣ (т.-е. въ Городской Думѣ. II. X.), по инициативѣ большинства парижскихъ секцій, собрались выбранные ими комиссары для обсужденія великаго вопроса объ отрѣшеніи короля отъ трона и для представленія Національному Собранію соотвѣтствующей петиціи. Роялисты сдѣлали все, чтобы добиться распушенія этого собранія или по крайней мѣрѣ обезсилить его, внести въ его среду раздоръ. Но здравый смыслъ, одушевлявшій большинство комиссаровъ, ихъ твердость и неуклонная рѣшимость спасти отечество свели на нѣтъ всѣ старанія аристократовъ, смутьяновъ и трусовъ, прокравшихся въ ихъ среду.

Сколько величія было въ этомъ собраніи ¹⁾. Какіе возвышенные порывы патріотизма пришлось мнѣ наблюдать тамъ во время преній о низверженіи Людовика! Что такое по сравненію съ нимъ,—съ этимъ собраніемъ комиссаровъ парижскихъ секцій,—было Національное Собраніе со всѣми его мелкими страстями, симпатіей къ королю, гладіаторами и защитниками Лафайэта, постоянной нерѣшительностью, полумѣрами, декретами, придуманными въ самомъ началѣ и потомъ окончательно уничтоженными при помощи вето? Тамъ собраніе остервенѣлыхъ легистовъ, готовыхъ къ безконечнымъ словопреніямъ подъ палкой учителя юридическихъ школъ, не смѣющихъ выпрямиться и стряхнуть съ себя цѣпи и рѣшиться хоть въ чемъ-нибудь настоять на-своемъ. Здѣсь, напротивъ, братскіе, очень горячіе часто, споры, полные прекрасныхъ порывовъ краснорѣчія и безусловной искренности обсужденіе доводовъ за сверженіе и противъ сверженія короля. Здѣсь клались, такъ сказать, первыя базы республики. Среди

¹⁾ Оно засѣдало 26, 28 и 29 іюля и 1, 2 и 3 августа. (Изъ прим. проф. Олара).

этихъ интересныхъ дискуссій происходили извѣстныя событія, столь характерныя для участниковъ этого собранія.

Члены его, рискуя попасть подъ кинжалъ убійцы или безпощадный приговоръ суда, сами печатали, расклеивали и охраняли на улицахъ прокламаціи, просвѣщавшія общественное мнѣніе и раскрывавшія преступленія двора. Не пройду также молчаніемъ одного инцидента, достойнаго быть рассказаннымъ.

Дворъ, съ согласія безстыдной парижской директоріи, поднималъ уже разговоръ о введеніи въ дѣйствіе военнаго закона ¹⁾. Въ залѣ, гдѣ происходили засѣданія комиссаровъ, стояло нѣсколько завернутыхъ въ чехлы знаменъ. Шометтъ и бравый Лазовскій ²⁾, ставшіи вскорѣ мишенью нападокъ для новыхъ разбойниковъ, поставившихъ себя на мѣсто двора, замѣтили среди нихъ и красное знамя. «*О Боже, воскликнули они, такъ вотъ оно гдѣ? Вотъ оно, это красное знамя! Кровь патріотовъ, убитыхъ на Марсовомъ полѣ еще не исчезла съ него!*». При этихъ словахъ все собраніе поднимается съ мѣста и восклицаетъ въ единодушномъ порывѣ: «*Отомстимъ за нихъ! Долой законы, долой виновниковъ военнаго закона!*».

Двумъ гражданамъ, обнаружившимъ знамя, поручаютъ немедленно отнести его въ засѣданіе Муниципальнаго Корпуса (т.-е. Городской Думы. И. Х.) и попросить его убрать знамя въ другое мѣсто. При входѣ въ залу Муниципальнаго Корпуса оба посланные, въ порывѣ охватившаго ихъ негодованія разорвали знамя и, бросая его среди собранія, воскликнули: «*Вотъ вамъ, возьмите его! Оно виновно въ отцеубійствѣ! Зашейте его въ мѣшокъ и выбросьте въ Сену!*». А Муниципальный Корпусъ, составленный въ большинствѣ изъ контръ-революціонеровъ, друзей Лафайэта и особенно друзей военнаго закона, Муниципальный Корпусъ, нагло воспротивившійся когда-то публичности засѣданій генеральнаго совѣта и вопреки настояніямъ парижскихъ гражданъ, не стыдившійся сохранять въ своей залѣ бюсты Байли, Лафайэта и Людовика XVI, очевидно въ видѣ опоры для контръ-революціи. Муниципальный Корпусъ остался безмолвнымъ какъ бы окаменѣлымъ.

¹⁾ Законъ, изданный въ октябрѣ 1789 года Конституантой по случаю происходившихъ въ Парижѣ голодныхъ бунтовъ. Законъ уполномочивалъ коммуну объявлять городъ на военномъ положеніи, послѣ чего всѣ народныя сборища, не подчиняющіяся призыву властей, подлежали разгону при помощи оружія. Знакомъ объявленія города на военномъ положеніи служило *красное знамя*, вывѣшенное въ окнѣ Ратуши. Подъ краснымъ знаменемъ военнаго положенія происходило и избіеніе народа на Марсовомъ полѣ въ іюль 1791 года.

²⁾ Комиссаръ секціи Финистера, одинъ изъ главныхъ героевъ событій 20 іюля и 10 августа, особенно ненавидимый впослѣдствіи жирондистами.

Самое замѣчательное въ этомъ приключеніи заключается въ томъ, что пока въ Коммунальномъ Домѣ происходила описанная сцена, въ Тюильери вѣроломные мировые судьи, генералъ-комендантъ и члены департаментской директоріи принимали мѣры для возбужденія въ Парижѣ сепаратнаго движенія, провозглашенія военнаго закона и т. д.: въ то самое время, какъ красное знамя разрывалось въ клочки, подготавлился планъ новаго водруженія его во главѣ убійць, а чтобы на всякій случай всегда имѣть его подъ руками, были заказаны даже, какъ говорили, особыя знамена, которыя свертывались наподобіе большихъ зонтиковъ и легко умѣщались въ карманѣ ¹⁾. Вотъ до чего доходила предусмотрительность этихъ преступниковъ! Бѣдный народъ, съ какимъ жестокимъ хладнокровіемъ подготавливали они твою гибель!

Наконецъ знаменитая петиція о низверженіи была готова и одобрена большею частію секцій. Не обращая вниманія на окружавшіе ихъ штыки и кинжалы, комиссары мужественно подписали ее и приложили къ своимъ подписямъ точные адреса.

Въ силу закона, по которому представленіе петицій, принятыхъ большинствомъ секцій, возлагается на мэра или вообще на кого-нибудь изъ муниципальных чиновниковъ, во главѣ депутацій секцій сталъ мэръ Парижа. Процессія двинулась къ Національному Собранію, повсюду привѣтствуемая криками добрыхъ гражданъ: *«Спасите отечество! Не падайте духомъ!»* Но сами депутаты въ теченіе всего пути хранили строгое и суровое молчаніе.

Вотъ депутація впущена въ залу. Читается слѣдующая петиція:

«Законодатели! Когда отечество въ опасности, всѣ дѣти его должны спѣшить на его защиту, а никогда еще не угрожала отечеству такая опасность, какъ въ наши дни. Намъ посылаетъ къ вамъ коммуна Парижа. Мы приносимъ въ святилище законовъ выраженіе воли огромнаго города. Проникнутый уваженіемъ къ представителямъ націи, полный довѣрія къ ихъ мужественному патріотизму, онъ не отчаивается въ спасеніи общества, но полагаетъ, что средство исцѣленія Франціи отъ золъ заключается въ томъ, чтобы, не медля ни минуты, обратить вниманіе на ихъ источникъ. Съ душевной болью заявляетъ онъ вамъ, черезъ наше посредство, что источникомъ этимъ является глава исполнительной власти. Нѣтъ сомнѣнія, народъ имѣетъ право негодовать на него, но сильнымъ людямъ не приличествуетъ гнѣвный языкъ. По винѣ Людовика XVI намъ приходится обвинять его передъ

¹⁾ Я видѣлъ одно изъ этихъ знаменъ въ коммунальномъ домѣ послѣ 10 августа. (Прим. Шометта).

вами и передъ Франціей; мы сдѣлаемъ это безъ озлобленія, но и безъ всякой боязни. Не время слѣдовать теперь голосу снисходительности и терпѣнія, которыя такъ къ лицу благороднымъ народамъ, но которые толкаютъ царей къ клятвопреступленію. Самые законные порывы сердца должны умолкнуть передъ задачей спасенія государства!

Мы не будемъ рисовать передъ вами всего поведенія Людовика XVI съ первыхъ дней революціи—его кровавыхъ замысловъ противъ Парижа, его исключительной любви къ дворянству и духовенству, его нескрываемаго отвращенія къ народному представительству, оскорбленій, наносившихся Національному Учредительному Собранію со стороны придворныхъ лакеевъ, того, какъ его окружали солдатами, какъ оно блуждало по королевскому городу въ поискахъ убѣжища и какъ нашло его себѣ лишь въ залѣ для игры въ мячъ. Не будемъ мы рассказывать вамъ и о столько разъ нарушавшихся клятвахъ, о непрерывныхъ словесныхъ завѣреніяхъ, тутъ же опровергавшихся фактами, пока вѣроломное бѣгство не раскрыло наконецъ глаза даже самымъ ослѣпленнымъ рабскими навыками гражданамъ. Все это мы оставимъ въ сторонѣ: все это прошло и покрыто народнымъ прощеніемъ. Но прощеніе не значитъ забвеніе. Тщетно старались бы мы забыть объ этихъ поступкахъ: страницы исторіи навѣки замараны ими; потомство не забудетъ ихъ.

Но о благодѣяніи націи по отношенію къ Людовику XVI и о неблагодарности этого принца мы не можемъ не напомнить вамъ вратцѣ. Въ моментъ возвращенія себѣ суверенитета народъ имѣлъ всѣ основанія устранить его съ трона. Память о надменной и жадной націи, въ которой одинъ король приходился на двадцать тирановъ, наслѣдственный деспотизмъ, вмѣстѣ съ народной нищетой возраставшій отъ одного царствованія къ другому, казна, опустошенная Людовикомъ XVI и двумя его предшественниками, трактаты, позорные и гибельные для чести народа, вѣковые враги Франціи въ роли ея властителей и союзниковъ ¹⁾—въ этомъ, и только въ этомъ, заключались всѣ права Людовика XVI на конституціонный скипетръ. Великодушная по природѣ нація и на этотъ разъ предпочла великодушіе осторожности: деспотическій властитель страны рабовъ сдѣлался государемъ свободного народа. Онъ пытался затѣмъ бѣжать изъ Франціи, чтобы сдѣлаться повелителемъ Кобленца; его вернули на тронъ, не спросивши совѣта у націи—вопреки, быть можетъ, ея желаніямъ.

¹⁾ Намекъ на сближеніе Франціи съ Австріей послѣ Ахенскаго мира (1748 г.), завершившееся въ 1756 году формальнымъ союзомъ и закрѣпленное въ послѣдствіи (въ 1770 году) бракомъ будущаго Людовика XVI съ Маріей Антуанеттой.

За этимъ великимъ благодѣяніемъ въ безчисленномъ количествѣ послѣдовали другія. Мы видѣли, какъ въ послѣдній періодъ Учредительнаго Собранія права народа были уменьшены въ интересахъ усиленія королевской власти. Первый магистратъ народа сдѣлался его наслѣдственнымъ представителемъ; для поддержанія блеска королевскаго трона была создана дворцовая гвардія; а его законный авторитетъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ гражданскаго листа, границы котораго были указаны самой королевской властью.

И что же мы увидѣли? Всѣ благодѣянія націи обернулись противъ нея. Власть, делегированная Людовику XVI для поддержанія свободы, сдѣлалась орудіемъ ея низверженія. Бросимъ взглядъ на внутреннія дѣла Имперіи: негодные министры, уступая давленію общественнаго презрѣнія, принуждены выйти въ отставку; Людовикъ XVI жалѣетъ о нихъ. Преемники ихъ предупреждаютъ націю и короля объ опасности, окружающей родину; Людовикъ XVI прогоняетъ ихъ—зачѣмъ показали себя гражданами. Безотвѣтственность короля и постоянно мѣняющійся составъ министерства устраняютъ всякую отвѣтственность для агентовъ исполнительной власти. Мятежная гвардія распущена, но распущена только съ виду: она по прежнему существуетъ, по прежнему получаетъ отъ Людовика XVI свое жалованье, сѣетъ повсюду смуту и готовитъ гражданскую войну. Крамольные священники, злоупотребляя своей властью надъ робкими душами, возстановляютъ дѣтей противъ отцовъ, и со священной земли свободы посылаютъ новыхъ солдатъ подъ знамена рабства. *Враги народа* прикрываются ссылками на *народъ*, а Людовикъ XVI защищаетъ ихъ право устраивать заговоры. Директоріи коализованныхъ департаментовъ дерзко присвоили себѣ роль посредниковъ между Національнымъ Собраніемъ и королевскою властью, какъ бы конституируются въ разсѣянную по лону Имперіи вторую палату; иные узурпируютъ себѣ и законодательную власть и, проявляя глубокое невѣжество, декламируютъ противъ республиканцевъ, хотя сами же какъ будто стараются сдѣлать изъ Франціи республиканскую федерацію. Именемъ короля разжигаютъ они внутренніе раздоры, и король не выражаетъ своего негодованія, не спѣшитъ отдѣлать отъ себя этихъ двухсотъ недалѣкихъ или преступныхъ администраторовъ, отъ солидарности съ которыми успѣло, во всѣхъ концахъ Франціи, отказаться огромное большинство населенія.

А во внѣшнихъ дѣлахъ? Непріятельскія арміи угрожаютъ нашимъ границамъ. Два деспота публикуютъ противъ французской націи манифестъ, столь же бессмысленный, сколько

наглый. Французы, убійцы отечества, руководимые родственниками, свойственниками и братьями короля, готовятся нанести своей родинѣ смертельную рану. На границахъ нашихъ непріятель уже выставляетъ противъ нашихъ воиновъ своихъ палачей. Во имя мести за Людовика XVI безстыдно оскорбляется верховное право народа. Во имя мести за Людовика XVI презрѣнный дворъ Австріи прибавляетъ новую главу къ исторіи своихъ убійствъ; во имя мести за Людовика XVI тираны возобновили желаніе Калигулы и думаютъ однимъ ударомъ снести голову всѣмъ гражданамъ Франціи!

Льстивыя заявленія министра ¹⁾ побудили насъ объявить войну, и мы начали ее съ неполнымъ составомъ арміи, лишенной всякихъ припасовъ.

Напрасно взываетъ къ намъ Бельгія. Нелѣпые приказы скрываютъ рвеніе нашихъ солдатъ; первые шаги наши въ этой прекрасной странѣ отмѣчены пожаромъ. И виновникъ пожара не исключенъ еще изъ французской арміи! Декреты, изданные Національнымъ Собраніемъ для укрѣпленія нашихъ военныхъ силъ, уничтожены одинъ за другимъ или прямымъ отказомъ въ санкціонированіи или разнаго рода коварными проволочками. А врагъ приближается быстрымъ шагомъ, въ то время, какъ армія, сражающаяся за равенство, остаются подъ командой патриціевъ, въ то время, какъ генералы передъ лицомъ непріятеля покидаютъ свои посты, впутываютъ своихъ солдатъ въ политику, являются отъ ихъ имени въ законодательное собраніе съ выраженіемъ пожеланій, на которыя они не имѣютъ законнаго права, и клеветуютъ на свободный народъ, вмѣсто того, чтобы его защищать.

Глава исполнительной власти является первымъ звеномъ въ этой контръ-революціонной цѣпи. Есть данныя подозрѣвать его въ участіи въ Пильническихъ заговорахъ, сообщить о которыхъ онъ собирался такъ долго. Его имя, и имя націи въ постоянной враждѣ; его имя—символь раздора магистратовъ съ народомъ, генераловъ съ солдатами. Онъ самъ отдѣлилъ свои интересы отъ интересовъ народа. Мы раздѣляемъ ихъ по его примѣру. Ни одного формальнаго акта не противопоставилъ онъ ни внѣшнему нашему, ни внутреннему врагу; напротивъ, все поведеніе его является сплошнымъ актомъ неподчиненія конституціи. Не можетъ окрѣпнуть у насъ свобода, пока нами правитъ подобный король, а мы желаемъ остаться свободными. Собрать послѣднюю снисходительность, мы хотѣли бы просить васъ отстранить Людовика XVI отъ власти, лишь на время существованія внѣшней

¹⁾ Министра иностранныхъ дѣлъ Дюмурье, измѣнившего въ слѣдующемъ году Франціи и перешедшаго на сторону Австріи.

опасности, но конституція не дастъ намъ на это права. Людовикъ XVI постоянно ссылается на конституцію; мы также ссылаемся на нее и требуемъ лишенія его престола.

Трудно думать, чтобы принявши эту огромной важности мѣру, нація смогла сохранить довѣріе къ настоящей династіи. Мы просимъ поэтому, чтобы исполнительная власть была, согласно конституціи, передана временно министрамъ, безусловно отвѣтственнымъ передъ Національнымъ Собраніемъ и выбраннымъ имъ, но не изъ своей среды, путемъ открытаго голосованія свободныхъ людей, пока воля нашего и вашего суверена—народа законно не проявитъ себя въ Національномъ Конвентѣ, созваніе котораго произойдетъ, какъ только позволить это внѣшнее положеніе государства. Но пусть враги наши, сколько бы ни было ихъ, выстраиваются за нашей границей, пусть трусы и измѣнники покидаютъ свободную землю; пусть двигаются на насъ триста тысячъ рабовъ: ихъ встрѣтятъ десять тысячъ свободныхъ людей, готовыхъ умереть или побѣдить, борцовъ за равенство, за родной очагъ, за женъ, стариковъ и дѣтей. Каждый изъ насъ по очереди пусть станетъ солдатомъ, и, если на долю намъ выпадетъ честь погибнуть за родину, пусть каждый изъ насъ, испуская послѣдній вздохъ, прославить свою память убійствомъ раба или тирана».

Петиція эта не была первой: петиціи подобнаго же содержанія были уже составлены цѣлымъ рядомъ департаментскихъ городовъ и многими патріотами Парижа; нѣкоторыя изъ нихъ сопровождались подписями на 12, 20 и 30 листахъ. Наконецъ, тѣ же пожеланія были высказаны федератами 83 департаментовъ. Секція Моконсель (Mauconseil) присоединила къ своей резолюціи отказъ отъ присяги Людовику XVI, и въ афишѣ, въ большомъ количествѣ распространенной по городу, приглашала всѣ секціи Франціи послѣдовать ея примѣру. Секція Гравилье просила о томъ же, прибавляя съ своей стороны, что если бы Собраніе не сумѣло спасти отечество, народъ возстанетъ и спасетъ его самъ ¹⁾. Такую же петицію, подписали болѣе трехъ тысячъ гражданъ собравшихся на Марсовомъ полѣ; они присоединили къ ней требованіе о преданіи суду Лафайета и о смѣщеніи командующаго состава всѣхъ армій. Петиція эта, снабженная пятьюдесятью листами подписей, была доставлена въ Собраніе многолюдной процессіей, впереди которой несли на пикѣ красную шапку и знамя съ надписью: «Долой короля!».

¹⁾ «Законодатели», говорилось въ концѣ этой петиціи (она была прочитана въ засѣданіи 4-го августа): «мы не лишаемъ васъ почетнаго права спасти отечество, но если вы откажетесь это сдѣлать, мы возьмемъ этотъ долгъ на себя». *Moniteur* XIII. 332.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, не могли, казалось бы, не толкнуть Національное Собраніе на какое-нибудь рѣшеніе. Но не тутъ то было. Всѣ петиціи были переданы въ комиссію, и заговорили о нихъ только тогда, когда Верньо ¹⁾ прочелъ свое предложеніе «отвергнуть и признать неконституціонными всѣ резолюціи и петиціи, клонящіяся къ низверженію короля». Предложеніе это было *принято* при громкихъ аплодисментахъ роялистской части собранія и къ великому удовольствію двора. Этотъ поступокъ Національнаго Собранія не ослабилъ мужества народа: тѣ, на комъ лежало спасеніе отечества, удвоили послѣ него свое рвеніе.

Въ этой-то обстановкѣ и появился шедевръ невѣжества, вѣроломства и наглаго высокомерія, извѣстный подъ именемъ: *Манифеста герцога Брауншвейгскаго*. Рыцарская бравада эта была встрѣчена по заслугамъ. Въ этотъ день Національное Собраніе показало себя великимъ и достойнымъ своихъ довѣрителей: оно перешло безъ преній къ порядку дня. Вотъ текстъ этого документа по экземпляру, адресованному въ Законодательный Корпусъ:

Заявленіе герцога Брауншвейгскаго жителямъ Франціи.

«Ихъ Величества Императоръ и король Пруссіи возложили на меня командованіе ихъ соединенными арміями, сосредоточенными на границахъ Франціи, и я хочу сообщить жителямъ этого королевства мотивы, вызвавшіе предпріятыя обоими государями мѣры и намѣренія, которыя ими руководятъ.

Произвольно уничтоживъ политическія и владѣльческія права нѣмецкихъ государей въ Эльзасѣ и Лотарингіи, разрушивъ общественный порядокъ и законное правительство, дерзко посягнувъ на священныя особы короля и его августѣйшаго семейства, — каковыя насильственные акты изо-дня-въ-день продолжаютъ и по сей день, — лица, незаконно захватившія себѣ власть, не остановились на этомъ: они объявили несправедливую войну Его Величеству Императору и напали на его Нидерландскія провинціи. Нѣкоторыя изъ владѣній Германской Имперіи уже подверглись насилію; другія избѣжали подобной же участи, лишь уступивши угрозамъ господствующей партіи и ея эмиссаровъ.

¹⁾ Верньо внесъ свое предложеніе на утреннемъ субботнемъ засѣданіи 4-го августа. Этотъ человѣкъ обладалъ искусствомъ выказывать себя слугою и двора и народа, тогда какъ въ дѣйствительности онъ служилъ лишь себѣ самому да своимъ сотрудникамъ. Послѣдующая политическая жизнь этого депутата могла бы послужить матеріаломъ для исторіи неосуществленныхъ проектовъ, если бы кто-нибудь вздумалъ ее написать». (Прим. Шоммета).

Его Королевское Величество, будучи связанъ съ Его Императорскимъ Величествомъ тѣсными связями оборонительнаго союза и будучи самъ выдающимся членомъ единого германскаго тѣла, не могъ не притти на помощь своему союзнику и со-государству (co-état). Въ силу обоихъ этихъ побужденій онъ и беретъ на себя защиту Германіи и ея государя.

Къ этимъ великимъ интересамъ присоединяется и еще одна, не менѣ важная и близкая сердцу обоихъ государей цѣль—желаніе покончить съ анархіей, царящей во Франціи, положить предѣлы посягательствамъ противъ трона и алтаря, возстановить въ этой странѣ законную власть, вернуть королю его свободу и безопасность, поставить его въ возможность осуществлять присущій ему, въ силу закона, авторитетъ.

Въ убѣжденіи, что здравомыслящая часть націи съ ужасомъ отвергаетъ дѣянія воцарившейся надъ ней клики, и что огромное большинство французскаго населенія съ нетерпѣніемъ ждетъ себѣ помощи, чтобы выступить открыто противъ гнуснаго поведенія своихъ угнетателей, Его Величество Императоръ и Его Величество король Пруссіи, приглашаютъ его, не медля, вернуться къ началамъ разума и справедливости, порядка и мира. Въ этихъ именно видахъ я нижеподписавшійся, главнокомандующій обѣихъ армій, заявляю:

1) Вовлеченные неодолимыми обстоятельствами въ настоящую войну союзные дворы единственной цѣлью своею ставятъ счастье Франціи и не преслѣдуютъ никакихъ завоевательныхъ плановъ.

2) Они отнюдь не вмѣшиваются во внутреннее управленіе Франціи и стремятся лишь къ тому, чтобы спасти изъ плѣна короли, королеву и ихъ семью и обезпечить Его Христіаннѣйшему Величеству необходимую безопасность, дабы онъ могъ, не боясь ничего и не встрѣчая препятствій, созывать угодныя ему собранія и работать на благо подданныхъ, руководясь данными имъ обѣщаніями и въ мѣру своихъ силъ.

3) Союзныя арміи окажутъ свое покровительство всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, равно какъ и частнымъ лицамъ и имуществу ихъ, подъ условіемъ ихъ подчиненія королю, и позаботятся о немедленномъ возстановленіи во всей Франціи порядка и благочинія.

4) Надзоръ за спокойствіемъ городовъ и селеній и за личной и имущественной безопасностью всѣхъ французовъ временно, впредь до прибытія войскъ Ихъ Императорскаго и королевскаго Величествъ или впредь до новаго приказа, возлагается на національную гвардію подъ страхомъ личной каждаго изъ ея членовъ отвѣтственности. Съ тѣми же изъ національныхъ гвардей-

цевъ, которые будутъ сражаться противъ арміи двухъ союзныхъ дворовъ и окажутся захваченными съ оружіемъ въ рукахъ. будетъ поступлено какъ съ врагами: они понесутъ возмездіе. какъ бунтовщики противъ своего короля и нарушители общественнаго порядка.

5) Генераламъ, офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ линейныхъ французскихъ войскъ равнымъ образомъ предлагается вспомнить о ихъ испытанной вѣрности престолу и немедленно подчиниться своему законному государю—королю.

6) Члены департаментовъ, дистриктовъ и муниципалитетовъ отвѣчаютъ своимъ имуществомъ и жизнью за всѣ преступленія. пожары, убійства, грабежи и самоуправства, которые окажутся совершенными на ихъ территоріи, по ихъ или личному попустительству, или по недостатку проявленной для ихъ предупрежденія энергіи. Они сохраняютъ временно свои должности, пока Его Всехристіаннѣйшее Величество, вернувши себѣ полноту власти, свободно не утвердитъ по отношенію къ нимъ тѣхъ рѣшеній. которыя до этого времени будутъ сдѣланы его именемъ.

7) Обитатели городовъ, мѣстечекъ и селеній, кои осмѣлятся защищаться противъ армій Ихъ Императорскаго и королевскаго Величества и стрѣлять по нимъ въ открытомъ ли полѣ, или изъ оконъ, дверей и отверстій своихъ жилищъ, будутъ тутъ же наказаны по строгости военныхъ законовъ, а жилища ихъ разрушены и сожжены. Тѣ же изъ жителей названныхъ селеній, мѣстечекъ и городовъ, которые не замедлятъ подчиниться своему королю и откроютъ свои двери для арміи Ихъ Величества, получатъ немедленное и прочное покровительство; движимое и недвижимое имущество ихъ, а равно и жизнь ихъ будутъ взяты подъ охрану законовъ и для обезпеченія личной каждого изъ нихъ и общей всѣхъ ихъ безопасности будутъ приняты всѣ нужныя мѣры.

8) Городу Парижу и всѣмъ его жителямъ безъ исключенія вмѣняется въ безотлагательную обязанность немедленное подчиненіе королю, предоставленіе этому государю полной и неограниченной свободы, и отказъ отъ всякаго посягательства на неприкосновенность и честь какъ его самого, такъ и всѣхъ членовъ королевскаго семейства, какъ того требуетъ отъ каждого подданнаго по отношенію къ его государю и естественное и международное право (*le droit de la nature et des gens*). Ихъ Императорское и королевское Величество объявляютъ всѣхъ членовъ Національнаго Собранія, дистрикта, муниципалитета и національной гвардіи Парижа, его мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ лично, подъ страхомъ уголовнаго наказанія по военнымъ за-

бонамъ и безъ всякой надежды на помилованіе, отвѣтственными за всѣ, могущіе возникнуть въ городѣ событія. Ихъ Величества клянутся своей императорской и королевской честью, что въ случаѣ нападенія на Тюильерійскій замокъ или оскорбительныхъ манифестацій противъ него, въ случаѣ малѣйшаго насилія или оскорбленія, нанесеннаго Ихъ Величествамъ королю и королевѣ, или членамъ королевской семьи, въ случаѣ непріятія немедленныхъ мѣръ къ охраненію ихъ безопасности, свободы и жизни, съ ихъ стороны послѣдуетъ безпощадная месть, грозная память о которой сохранится на всѣ времена: городъ Парижъ будетъ разгромленъ и разрушенъ до основанія; а мятежники, виновные въ означенныхъ покушеніяхъ, подвергнутся заслуженнымъ ими мучительнымъ казнямъ (supplices). И напротивъ, если жители Парижа полностью и безотлагательно подчинятся указаннымъ повеленіямъ, Ихъ Императорское и королевское Величества сдѣлаютъ все съ ихъ стороны возможное, чтобы исходатайствовать у Его Всехристіаннѣйшаго Величества прошеніе за всѣ ихъ проступки и заблужденія и съ своей стороны принять самую энергичную мѣру къ охранѣ ихъ личной и имущественной безопасности.

Кромѣ того, считая возможнымъ признать законами Франціи только законы, издаваемые королемъ, ничѣмъ въ своей свободѣ не связаннымъ, Ихъ Величества отвергаютъ заранѣе подлинность, какихъ бы то ни было, заявленій, дѣлаемыхъ отъ имени Его Всехристіаннѣйшаго Величества, доколѣ его священная особа, особа королевы и вся королевская семья не будутъ находиться въ дѣйствительной безопасности.

Въ силу этого Ихъ Императорское и королевское Величества просятъ и убѣждаютъ Его Всехристіаннѣйшее Величество избрать одинъ изъ пограничныхъ городовъ своего королевства для того, чтобы, подъ охраной надежнаго и сильнаго отряда, который будетъ ему для этого присланъ, удалиться туда съ королевой и всей семьей, дабы затѣмъ Его Всехристіаннѣйшее Величество могло въ полной безопасности призвать къ себѣ министровъ и совѣтниковъ, коихъ Ему благоугодно будетъ назначить, созвать желательныя Ему собранія, позаботиться о возстановленіи въ странѣ порядка и привести въ надлежащій видъ администрацію королевства.

Наконецъ и лично отъ себя, какъ частный человѣкъ и какъ лицо, облеченное вышеуказаннымъ званіемъ, я обязуюсь повсюду требовать отъ ввѣренныхъ моему командованію войскъ самой строгой и ненарушимой дисциплины и обѣщаюсь самымъ мягкимъ и снисходительнымъ образомъ обходиться со всѣми благомыслившими подданными, проявившими покорность и миролюбіе, при-

бѣгая къ насилію лишь по отношенію къ тѣмъ, кто окажется виновнымъ въ сопротивленіи и проявить дурныя намѣренія.

Въ силу указанныхъ соображеній я требую отъ всѣхъ жителей королевства и самымъ настойчивымъ и рѣшительнымъ образомъ убѣждаю ихъ не сопротивляться движенію и дѣйствіямъ командующихъ мною войскъ, а напротивъ повсюду предоставлять имъ свободный проходъ, проявлять по отношенію къ нимъ доброжелательство и, сообразно обстоятельствамъ, оказывать помощь.

Дано въ генеральномъ штабѣ Кобленца, 25 іюля.

Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.

Лафайэтъ, обличаемый со всѣхъ сторонъ на основаніи точныхъ данныхъ обвиняемый въ томъ, что хотѣлъ направить свою армію на Парижъ, и самъ произнесшій надъ собою приговоръ своими знаменитыми письмами, дошелъ въ преступной наглости до того, что осмѣлился адресовать Національному Собранію слѣдующее письмо (полный текстъ его возстановляется здѣсь по «Монитору» XIII. 286; И. X.):

Лонгви. 25 іюля 1792 г. Годъ свободы 4-й.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня объ актѣ законодательнаго корпуса 21-го сего іюля и о доносѣ, подписанномъ шестью его членами. Если бы меня спросили о моихъ принципахъ, я отвѣтилъ бы, что, являясь постояннымъ защитникомъ и проповѣдникомъ правъ человѣка и суверенитета народовъ, я всюду сопротивлялся властямъ, враждебнымъ свободѣ и не делегированнымъ народной волей, и всюду подчинялся властямъ, формы и границы которыхъ опредѣлены свободно составленной конституціей. Но меня запрашиваютъ о фактѣ ¹⁾: предложилъ ли я маршалу Люкнеру идти вмѣстѣ съ нашими арміями къ Парижу. Я отвѣчаю на это лишь четырьмя коротенькими словами: нѣтъ. это не правда».

Лафайэтъ.

Можно ли быть болѣе наглымъ? Что за стиль! Иронія, желаніе оскорбить, самая низкая ложь, самыя коварныя намѣренія, всѣ пороки, всѣ преступленія отразились въ этихъ нѣсколькихъ строчкахъ. Такъ писалъ Лафайэтъ Національному Собранію. (Въ оригиналѣ очевидно по опискѣ—Конвенту. И. X.).

Вся Франція настаивала на преданіи суду измѣнника, а Собраніе со дня на день откладывало свой докладъ. Въ среду 8-го ав-

¹⁾ О фактѣ, въ которомъ его обвиняло значительное количество народныхъ представителей. (Примѣч. Шоммета).

густа онъ былъ наконецъ готовъ. Открылась скандальнѣйшая дискуссія, и послѣ четырехъ различныхъ предложеній перешли къ поименному голосованію вопроса «есть ли основаніе для преданія Лафайэта суду». Голосованіе закончилось позорнымъ результатомъ: 406 голосовъ противъ 124 отвѣтили на вопросъ отрицательно.

Трусливое и гибельное для свободы поведеніе Собранія вызвало общее негодованіе гражданъ; оно послужило сигналомъ къ послѣднему нападенію народа на дворъ. Со всѣхъ сторонъ стали слышаться ропотъ; улицы покрылись грозно настроенными кучками народа, столь хорошо отражающими всегда состояніе общественнаго мнѣнія. Каждый твердилъ про себя: «Мы погибли, если не будемъ дѣйствовать. Наши предатели-депутаты губятъ отечество. Спасемъ же его, спасемъ себя самихъ и свободу!»

Секціи полны были людьми, рѣшившимися на все, и обсуждали уже вопросъ о практическихъ мѣрахъ, когда по чистой случайности раскрылись ужасные замыслы двора. Были получены самыя полныя и неопровержимыя свѣдѣнія относительно упомянутыхъ мною выше проектовъ. 11-е августа должно было залить кровью многія страницы исторіи и прибавить страшную главу къ исторіи преступленій королей. Парижъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кварталовъ, предполагалось поджечь; гражданъ, враждебныхъ намѣреніямъ двора—перебить. Наиболѣе горячихъ патріотовъ должны были привести въ Тюильери и подвергнуть мученіямъ на глазахъ тирана. Шесть палачей были помѣщены уже въ замкѣ и готовили тамъ свои орудія пытокъ. Рѣшетка съ очень острыми выступами, помѣщенная съ нѣкоторыхъ поръ подъ самыми окнами королевы, была предназначена для головъ самыхъ главныхъ друзей свободы. 83 отборныхъ преступника, типъ людей, милый сердцу всѣхъ королей, должны были одновременно объѣхать всѣ департаменты и въ порядкѣ исключительнаго судопроизводства подвергнуть казни всѣхъ попавшихъ въ проскрипцію, намѣченныхъ продавшимися королю директоріями департаментовъ и внесенныхъ въ списки, хранившіеся во дворцѣ и подписанные рукою Людовика XVI. Женщины должны были по приговору суда влачить по улицамъ трупы своихъ несчастныхъ супруговъ. Не были пощажены даже дѣти. Были начерчены проекты эшафотовъ, приспособленныхъ для устройства новыхъ *Тауроболовъ* ¹⁾, такъ,

¹⁾ «Тауроболами» назывался особый видъ жертвоприношеній, введенный въ Римѣ при императорахъ и неизвѣстный въ республиканскую эпоху. Цѣлью этихъ страшныхъ жертвоприношеній было благоденствіе императора и имперіи. Приносились они богинѣ Кибелѣ. Вотъ въ чемъ они состояли: закланіе жертвенныхъ животныхъ производилось на особыхъ платформахъ со множествомъ дыръ; жрецы помѣщались подъ ними такъ,

чтобы помѣщенные подъ эшафотами малютки орошались кровью своихъ отцовъ; Людовикъ XVI, оказываясь по отношенію къ нимъ болѣе жестокимъ, чѣмъ Людовикъ XI по отношенію къ дѣтямъ Жака Арманьяка ¹⁾: онъ хотѣлъ, чтобы потомки казненныхъ патріотовъ до пятнадцатилѣтняго возраста носили это обагрненное кровью родителей платье. Само собою разумѣется, смерть отъ руки придворныхъ янычаровъ и на глазахъ двора предстояла и патріотическому меньшинству Національнаго Собранія. Каждое дерево большой Тюильерійской аллеи должно было сдѣлаться висѣлицей для того или другого выдающагося патріота. Придворныя дамы сплели для этой цѣли особыя трехцвѣтныя веревки. И это были женщины!

Завершеніемъ всѣхъ этихъ преступленій должно было явиться банкротство, и Людовикъ сдѣлалъ все, что онъ могъ, чтобы подорвать довѣріе къ ассигнаціямъ. Памфлеты, афиши, газеты, карикатуры, самый разнузданный ажіотажъ, фабрики фальшивыхъ ассигнацій, въ родѣ находившейся подъ управленіемъ королевы фабрики въ Пасси—все было пушено въ ходъ для гибели Франціи ²⁾.

чтобы кровь животныхъ стекала на нихъ; они выходили оттуда, покрытые кровью, и въ этомъ ужасномъ видѣ принимали поклоненіе народа. О, жрецы всѣхъ религій, чудовища оскорбляющія повсюду природу, и вы, императоры и короли, любящіе обращать ваши взоры лишь на сцены смертоубійства, я узнаю васъ въ этихъ отвратительныхъ сценахъ! (*Прим. Шометта*).

¹⁾ Жакъ Д'Арманьякъ, герцогъ Немурскій, и графъ Де-Ла-Маршъ находились въ тайныхъ связяхъ съ братомъ позорной памяти Людовика XI, герцогомъ Гвізньскимъ. Король таскалъ его за это изъ Візаннскихъ тюремъ въ замокъ Пьера Ансиса, оттуда въ Бастилію, а изъ Бастиліи наконецъ въ желѣзную кѣтку, известную подъ именемъ кѣтки *Балю*—кардинала бывшаго ся изобрѣтателемъ и жертвой. (Кардиналъ Балю—министръ и духовникъ Людовика XI, одиннадцать лѣтъ просидѣвшій въ желѣзной кѣткѣ за связи съ Карломъ Смѣлымъ. *И. Х.*). Узнавши о планахъ бѣгства Арманьяка, свирѣпый Людовикъ XI казнилъ его въ 1477 году на Парижскомъ рынкѣ: съ изысканнымъ звѣрствомъ, достойнымъ короля Франціи, онъ приказалъ поставить подъ эшафотомъ дѣтей убиваемаго имъ человека. Старшему изъ нихъ было всего 9 лѣтъ, второму—семь, третьему—пять. Кровь казнимаго отца оросила дѣтей, и они вышли изъ подъ эшафота покрытые ея паромъ. Какое тонкое зрѣлище для очей короля! Какое страшное преступленіе въ глазахъ человечества! Для принцевъ Арманьяковъ Людовикъ выстроилъ особыя каменные мѣшки, заостренные внизу, такіе, чтобы ноги заключенныхъ не имѣли поддержки и тѣло при всѣхъ положеніяхъ одинаково страдало. Два раза въ недѣлю несчастныхъ вытаскивали изъ ихъ мѣшковъ для бичеванія (имъ завѣдовалъ губернаторъ Бастиліи Филиппъ Луилье) и разъ въ три мѣсяца для операціи медленнаго выдергиванія зуба. Старшій Арманьякъ сошелъ отъ этихъ мученій съ ума, младшій выдержалъ ихъ, пережилъ Людовика XI и освободился изъ ада. Всѣ факты эти описаны въ прошеніи, представленномъ младшимъ Арманьякомъ въ 1483 году. Получился бы цѣлый томъ, если бы разсказать о всѣхъ преступленіяхъ и звѣрствахъ этого чудовища-короля. И когда вспомнишь, что подобные люди были обожаемы французами, находили своихъ нанегиристовъ, краснѣешь за то, что родился во Франціи! (*Прим. Шометта*).

²⁾ См. первый выпускъ печатныхъ документовъ—квитанціи типографшиковъ и рабочихъ, найденныя у интенданта гражданскаго листа Лапорта. (*Прим. Шометта*).

Всѣ свѣдѣнія, относящіяся сюда, были даны, во-первыхъ, эmissарями двора, специально старавшимися возбуждать безпорядки, чтобы сдѣлать побѣду болѣе вѣрной, а дворъ всѣмъ безстыднымъ видомъ своимъ показывалъ, что увѣренъ въ побѣдѣ. Да и дѣйствительно, уже полтора мѣсяца, какъ все было готово: военныя силы помѣщенные въ Тюильери, другія, разбросанныя по Парижу, фортификаціи, арсеналъ, склады разныхъ припасовъ—все было въ должномъ порядкѣ. Предусмотрительность довела до того, что вышелъ приказъ наточить всѣ кухонные тѣпки, топоры и ножи и раздать всей дворнѣ кинжалы и пистолеты со штыкомъ ³⁾.

Вторымъ источникомъ свѣдѣній явились отдѣльныя лица, по несчастному стеченію обстоятельствъ, попавшія на службу къ Людовику XVI. Ихъ утвержденія носили самый категорическій характеръ и подтверждались доказательствами со стороны часовыхъ народа (*sentinelles du peuple*).

Волненіе охватываетъ скоро всѣ секціи. Патріоты удваиваютъ усилія; депутаціи слѣдуютъ со всѣхъ сторонъ; спѣшатъ предупредить планы тирана; ощущение опасности электризуетъ всѣ души. Возстаніе рѣшено. Набать, давно желанный и просимый, готовъ зазвучать. Бравые марсельцы, brave федераты, точите ваши штыки, готовьте ваше оружіе на тирановъ. Парижане готовы. Близокъ часъ побѣды, часъ національнаго правосудія. Матери семействъ, супруги и дочери, удаляйтесь въ свои дома, готовьте бѣлье и припасы, лавры и, можетъ быть, слезы для вашихъ сыновей и мужей. Отечество призываетъ ихъ, и они пойдутъ,—пойдутъ, держа въ рукахъ смерть и навстрѣчу смерти, пойдутъ, во имя блага своей страны.

V. Ночь съ 9-го на 10-е августа.

Въ эту навѣки знаменитую ночь огромное большинство парижскихъ секцій объявили вооруженное возстаніе. Наиболѣе патріотическія изъ нихъ рѣшили въ полдень ударить въ набать. Секція Французскаго Театра, къ которой присоединились марсельцы, должна была дать сигналъ съ колоколенъ церкви Св. Андрея (*Saint-André-des-Arts*) и монастыря кордельеровъ. Послѣ принятія этого рѣшенія сразу почувствовалась нужда въ какомъ-нибудь объединительномъ центрѣ, способномъ руководить тѣмъ великимъ и страшнымъ движеніемъ, которое подготовлялось. Немедленно назначили комиссаровъ, которыхъ облекли неограниченными полномочіями и командировали въ Коммунальный

³⁾ Факты эти сообщены шестью низшими служителями двора. (*Прим. Шометта*).

Доидъ, чтобы руководить оттуда дѣломъ спасенія отечества. Покидая свои секціи, они намѣчаютъ предполагаемый планъ дѣйствій, еще разъ взываютъ къ мужеству своихъ согражданъ, обнимаютъ ихъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ и удаляются, давая клятву побѣдить тиранію или погибнуть подъ ея ударами.

Секціи быстро организуются, назначаютъ себѣ новыхъ командировъ. Приносятъ связки боевыхъ пикъ; ихъ разбираютъ нарасхватъ. Всѣ вооружаются и съ суровой рѣшимостью на лицѣ, держа въ рукахъ оружіе, приносятъ клятву еспасти отечество. Дальнѣйшее покажетъ намъ, что клятва эта была соблюдена.

Пока въ секціяхъ происходили эти патріотическія приготовленія, собирались, съ своей стороны, и роялисты; подъ руководствомъ своихъ батальонныхъ командировъ и другихъ штабныхъ офицеровъ они группировали вооруженныя силы вокругъ дворца. Нѣкоторые изъ этихъ преступныхъ гражданъ довели свое предательство до того, что увезли изъ своихъ секцій и доставили въ Тюильери всѣ имѣвшіяся тамъ пушки.

Страшный часъ наконецъ пробилъ... Быстрые, пугающіе звуки набата сотрясли ночной воздухъ. Повсюду сигналы къ общему сбору; всѣ бѣгутъ къ оружію; каждый отдается охватившему всѣхъ порыву.

Армія, мстительница за поправныя права человѣчества, нѣсколькими колоннами двигалась къ замку. Люди, полные талантовъ, руководили ея движеніемъ. На случай неудачи былъ заранее приготовленъ общій планъ обороны. Секція Французскаго Театра съ марсельцами во главѣ, секція Люксембурга, Краснаго Креста и Четырехъ Націй держали путь черезъ Новый мостъ (Pont Neuf). Здѣсь батальонъ людей, навѣки опозорившихъ себя (батальонъ секціи Генриха IV. *Прим. проф. Олара*), направилъ противъ нихъ всѣ орудія своего артиллерійскаго парка, но ничто не остановило ихъ мужества: марсельцы двигались, не обращая вниманія, привели въ боевую готовность свои собственныя пушки и сдѣлали натискъ толпой. Банда разбойниковъ въ страхѣ бѣжала отъ нихъ: эти люди только разъ—17-го іюля 1791 года, при избіеніи женщинъ и дѣтей на Марсовомъ полѣ—могли проявить свое мужество. Посты на Новомъ мосту и у фонтана Самаританъ были также смяты толпой; патріоты, находившіеся тамъ, присоединились къ идущимъ по мосту секціямъ.

Такъ двигались эти колонны, похожія на глухо шумящую, клокочущую лаву, стекавшую по широкимъ склонамъ готоваго къ изверженію вулкана. А дворъ тѣмъ временемъ готовился съ своей стороны къ атакѣ. Швейцарцевъ поили водкой; аристократическіе батальоны, порвавшіе со своими братьями, чтобы при-

соединиться къ убійцамъ, осыпались всяческой лестью. Муниципальные чиновники ¹⁾ въ своихъ шарфахъ, члены департаментской директоріи съ генераль-прокуроромъ—синдикомъ во главѣ держали погромныя рѣчи, подписывали приказъ объ открытіи огня, читали законъ противъ сборищъ, тогда какъ Петіонъ и другіе муниципальные чиновники держались въ сторонѣ въ другомъ углу замка и видѣли уже сабли, поднятыя надъ своей головой.

Услышавъ звуки набата и сигналы къ общему сбору, сходилось и Національное Собраніе. Начинаются ничего не значація пренія. Королевская партія отсутствуетъ, но патріоты всѣ на своемъ посту. Одинъ изъ членовъ муниципалитета приноситъ извѣстіе, что мэру и его коллегамъ грозитъ опасность. Собраніе не находитъ иного средства спасти ихъ отъ ножа убійцъ, какъ пригласить ихъ въ свое засѣданіе.

Очень важно отмѣтить—и къ чести Національнаго Собранія—что въ эту страшную ночь его окружала цѣлая армія контр-революціонеровъ и единственной защитой его, кромѣ собственнаго мужества и стойкости, была кучка гражданъ, занимавшихъ его галлерей.

Съ большой энергіей и методомъ дѣйствовали, съ своей стороны, и комиссары секцій. Первымъ ихъ дѣломъ было смѣщеніе всего муниципалитета, за исключеніемъ мэра, прокурора Коммуны и администраторовъ, распредѣленіе боевыхъ припасовъ и доставка провіанта въ окрестности Карусели. Въ то время, какъ командиръ національной гвардіи Манда во главѣ гренадеръ и стрѣлковъ батальоновъ Дѣвъ Св. Оомы, Лувра, Малыхъ Отцовъ (Petits Pères), Генриха IV и отчасти Св. Андрея (St. André-Des-Arts) готовилъ на глазахъ своего хозяина кровопролитіе, смерть согражданъ и гибель страны, комиссары подписывали приказъ о его смѣщеніи и назначали на его мѣсто Сантерра, командира одного изъ батальоновъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья.

Я видѣлъ этихъ комиссаровъ въ тотъ моментъ, когда полные сознанія величія переживаемыхъ ими событій, они заняли мѣсто только что распушеннаго ими безтолковаго и контр-революціоннаго Генеральнаго Совѣта (Городской Думы. И. Х.). Я видѣлъ, какъ они обнимали другъ друга и клялись, въ порывѣ вдохновеннаго энтузіазма, скорѣе пасть подъ ножомъ враговъ, чѣмъ оставить народное дѣло. Никогда не забыть мнѣ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ зрѣлищемъ.

¹⁾ Нѣкоторые люди распространяли слухъ, будто это были аристократы, нарочно переодѣвшіеся муниципальными чиновниками, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это были подлинныя представители муниципалитета, и что указъ объ отраженіи силы силой былъ подписанъ самимъ Петіономъ. (Прим. Шометта).

Наконецъ показался день. Многіе комиссары уже сражались въ это время въ рядахъ народа, и если бы не увѣщаніе нѣсколькихъ благоразумныхъ людей, центръ объединенія могъ бы совсѣмъ распасться. Однако ничего подобнаго не случилось: новый совѣтъ сохранился въ достаточно многочисленномъ составѣ, чтобы выполнить всѣ лежавшія на немъ задачи.

Сильные отряды заполняли всѣ улицы. Два лже-патруля были арестованы и обезоружены: это были рыцари кинжала и не подчинившіеся закону священники. Граждане быстро расправляются съ ними: измѣнниковъ убиваютъ и головы ихъ несутъ на пикахъ. Стоитъ отмѣтить, что во время движенія гражданъ по улицѣ Сентъ-Онорэ, въ нихъ стрѣляли изъ верхнихъ оконъ и съ водокачки противъ Палэ Руамбель, но они не моргнули и глазомъ. Ихъ занимали въ то время болѣе высокіе интересы, и высланные дворомъ стрѣлки, желавшіе доставить санкюлотамъ забаву, чтобы тѣмъ легче потомъ расправиться съ ними, а также вызвать въ нихъ ярость противъ торговцевъ улицы Сентъ-Онорэ, лишній разъ ошиблись въ своемъ ожиданіи и доказали лишь, что не понимали ни народа ни его великихъ намѣреній.

VI. День 10-го августа.

Непрерывные звуки набата, движеніе народа, зрѣлище вздернутыхъ на пики мертвыхъ головъ, вся обстановка войны—поражала страхомъ однихъ, вдохновляла мужествомъ другихъ.

Около шести часовъ утра Людовикъ XVI спустился на дворъ и обратился къ гренадерамъ съ рѣчью; тѣ съ криками «да здравствуетъ король!» торжественно пронесли его до его апартаментовъ. Но лучшіе изъ нихъ успѣли уйти при первомъ приближеніи народа. Швейцарцевъ напоили допьяна и роздали имъ новенькіе эю, послѣ чего они принесли Людовику присягу на *вѣрность и сопротивленіе до послѣдняго человека*. Рыцари кинжала и всѣ парижскіе аристократы, расположившіеся въ огромной галлерей Лувра, были разставлены теперь у оконъ и противъ бойницъ, устроенныхъ въ отверстіяхъ загражденій.

Еще наканунѣ на небольшомъ разстояніи отъ воротъ, которыя оставались запертыми, былъ выстроенъ тынъ изъ очень толстыхъ и большихъ бревенъ. Когда довольно большая толпа гражданъ подошла къ воротамъ и попыталась въ нихъ войти, швейцарскіе офицеры спросили, чего имъ надо. «Мы хотимъ войти».—«Вы можете войти, послѣдовалъ отвѣтъ, если только вы общаетесь кричать—да здравствуетъ король! Мы даже выдадимъ вамъ сабли».

Колонны революціонной арміи стали появляться уже на

площади Карусели, когда Людовикъ XVI, его семейство и многія особы двора отправились въ Национальное Собраніе черезъ густые ряды швейцарцевъ и контръ-революціонеровъ, сопровождаемые криками «*да здравствуетъ король!*» «*Я пришелъ сюда,*» заявилъ Людовикъ, входя въ залу Собранія, «*чтобы избѣгнуть великаго преступленія*». Презрѣнный трусъ! Народъ требовалъ въ это время лишь сверженія его съ трона: чтобы народъ возненавидѣлъ монархическую систему, какъ онъ ненавидитъ ее теперь, ему нужно было еще раскрыть во всей поднобѣ всѣ преступленія послѣдняго тирана французовъ!.. Конечно, люди просвѣщенные и облеченные народнымъ довѣріемъ, съ самаго начала Революціи хотѣли республики и всячески зывали къ ней, но въ этотъ моментъ толпа не думала ни о какомъ насиліи надъ личностью монарха: посягали лишь на его власть, хотѣли уничтожить тѣ страшныя злоупотребленія, которыя она себѣ позволяла.

Вокругъ Национальнаго Собранія толпилось много народу. Съ тонкимъ политическимъ расчетомъ въ толпу былъ пущенъ слухъ, что Людовикъ уже свергнутъ съ престола. Раздался пушечный выстрѣлъ. «*Это салютъ по случаю только что изданнаго декрета о сверженіи*», заговорили въ толпѣ. Несчастные, ваше заблужденіе было велико, и оно продолжалось недолго: первый же раненый разсѣялъ иллюзію. Страшные крики раздались тогда со всѣхъ сторонъ: «*Измѣна, граждане! Къ оружію! Швейцарцы избиваютъ народъ!* и т. д.

Часовъ въ десять утра почти весь Парижъ находился уже вокругъ дворца. Марсельцы и батальонъ кордельеровъ требуютъ чтобы имъ открыли ворота замка. Ворота открываются. Швейцарцы, стоящіе въ амбразурахъ оконъ, машутъ имъ шляпами, повѣшенными на штыки, и кричатъ «*Да здравствуетъ нація!*» Въ знакъ дружбы они бросаютъ свои патроны ¹⁾. Еще немного впередъ, какъ вдругъ справа, слѣва и спереди поднимается быстрый огонь. Двѣ пушки, заряженныя картечью, укрытыя огъ взоровъ, дѣлаютъ залпъ. Ружейная стрѣльба усиливается со всѣхъ сторонъ—изъ швейцарскихъ казармъ, изъ всѣхъ оконъ замка, съ кровель, изъ отдушинъ, изъ сомкнутыхъ вражескихъ рядовъ, сверху всѣхъ окружающихъ зданій. По народу стрѣляютъ одновременно и со стороны дворовъ, и со стороны сада, и со стороны города. Весь павильонъ Флоры, большая галлерей, вся площадь замка представляли собою сплошное густое облако дыма, образованное бѣглымъ перекрестнымъ огнемъ.

¹⁾ Я видѣлъ эти патроны. Они были набиты свѣцомъ и сдѣланы нарочно для этой цѣли. Нашлись свидѣтели, видѣвшіе, какъ ихъ приготовляли еще 7 августа. (Прим. Шометта).

Страшные залпы эти уложили по крайней мѣрѣ четыреста патріотовъ. Но первое замѣшательство быстро прошло. Конная жандармерія переходитъ на сторону народа; она отважно кидается на швейцарцевъ и поджигаетъ ихъ казармы, теряя при этомъ 25 человекъ убитыхъ. Жители предмѣстій, вооруженные пиками, и федераты Финистера, двигаются, не обращая вниманія на артиллерійскій и ружейный огонь, на королевскую армію, прорываютъ ее и отбѣсняютъ въ замокъ. Тутъ сопротивленіе дѣлается отчаяннымъ; большую лѣстницу отстаиваютъ упорно, но наступленіе ведется такъ бурно, что попытки остановить его становятся вскорѣ безпомощными. Смерть и рѣзня прокладываютъ инсургентамъ дорогу. Они входятъ...

Бойня ужасная. Всѣ дворы усыяны трупами; вестибюль, лѣстница, капелла, внутренніе аппартаменты превратились вскорѣ въ сплошное мѣсто побоища, покрытое кусками отрубленныхъ и живыхъ еще частей тѣла, дымящимися внутренностями, клочками волосъ, обломками оружія, мебели, зеркалъ, обрывками ковровъ, разбросанными по лужамъ крови. Подожженные швейцарскія казармы, окутанныя густыми клубами дыма, еще болѣе усиливаютъ ужасъ картины. Другое, не менѣе ужасное, зрѣлище представлялъ собою залитый кровью и заваленный трупами садъ. Рвы у подъемнаго моста (со стороны площади «Согласія» И. Х.), доверху наполненные тѣлами убитыхъ и умирающихъ, самый замокъ Тюильери и его окрестности—все это сливалось въ тотъ день въ сплошную картину ужаса и гибели человѣческихъ существъ, напоминающую картины великихъ стихійныхъ бѣдствій.

Всѣ взоры, всѣ движенія вскорѣ направились въ эту сторону. Пожаръ освѣщалъ дорогу къ главной цѣли всеобщаго любопытства. Проникнуть въ замокъ можно было лишь черезъ горящее зданіе, ступая по неостывшимъ еще тѣламъ, и толпа шла туда, безпощадно избивая попрятавшихся по погребамъ, чердакамъ и шкафамъ негодяевъ. Ничего не было ужаснѣе зрѣлища этихъ мѣстъ въ тотъ моментъ, и все же на него взирали безъ ужаса, вспоминая о тѣхъ, кто тутъ только что жилъ.

Среди сумятицы этой встрѣчались прекраснѣйшіе примѣры безкорыстія и благородства: люди, сами покрытые ранами и истекавшіе кровью, спасали жизнь старикамъ и швейцарскимъ дѣтямъ; другіе, одѣтые въ лохмотья, несли въ бюро Національнаго Собранія нераскрытые кошельки, полные золотой и серебряной монетой, шляпы и ящики, доверху наполненные лундорами, драгоценными камнями и другими предметами богатства. Всѣхъ, кто пытался присвоить себѣ хоть малѣйшую вещь, безжалостно убивали на мѣстѣ.

По окончаніи схватки сражающіеся уносили въ свои жилища на концѣ своихъ пикъ, кто обрывки одежды швейцарца или какого-нибудь придворнаго чина, кто куски сукна съ вышитыми золотомъ цвѣтами лиліи, кто полусгорѣвшую книгу, кто опорожненную бутылку. Улицы Парижа представляли для наблюдателя совершенно новое зрѣлище, полное ужаса и красоты. Работа повсюду прервана; люди бережно несутъ по улицамъ своихъ раненыхъ братьевъ; жены ведутъ подъ руки своихъ мужей, покрывая ихъ нѣжными ласками; дѣти вытираютъ потныя и окровавленные лица своихъ отцовъ; каждый торопится нести свою помощь повсюду, гдѣ только имѣется въ ней нужда; словомъ, нѣжнѣйшіе порывы братства и дружбы смѣняють собою только что пронесшуюся великую бурю, даютъ отдыхъ тихій только что потрясенному грозно воображенію.

Я не долженъ пройти молчаніемъ одной раздирающей душу сцены. Федераты Финистера были одѣты въ красное, какъ швейцарцы. Двое изъ нихъ особенно выдѣлялись храбростью. Какой-то гражданинъ, обративъ на нихъ вниманіе въ общей свалкѣ, принимаетъ ихъ за враговъ, прицѣливается и убиваетъ. Крики патриотовъ открываютъ гражданину его ошибку. «*Боже*», восклицаетъ онъ, подбѣгая къ убитымъ, «*я убилъ двухъ своихъ братьевъ, двухъ героев*». Онъ бросается на трупы, покрываетъ ихъ поцѣлуями; его невозможно отъ нихъ оторвать; онъ провожаетъ славные останки вплоть до телѣгъ, на которыхъ увозятъ трупы. Весь организмъ его страшно потрясенъ; онъ дрожитъ всѣми своими членами; его разумъ мутится; онъ испускаетъ безумные крики. Его отводятъ домой, но черезъ два дня онъ умираетъ отъ горя.

Посмотримъ теперь, что происходило въ Національномъ Собраніи. Зрѣлище, которое оно представляло собою въ тотъ день, достойно быть отмѣченнымъ. Въ началѣ утренняго засѣданія оно покажетъ себя не на высотѣ положенія—трусливымъ и малодушнымъ, а потомъ какъ-то вдругъ, безо всякаго перехода оно поднимается до высшихъ ступеней республиканскаго мужества.

Шли пренія о постепенномъ уничтоженіи торговли неграми, когда выступилъ министръ юстиціи (Де-Жоли) съ рѣчью о тягостномъ положеніи короля и его семейства и о томъ, что единственнымъ средствомъ спасенія его повелителей является посылка къ нимъ депутаціи Законодательнаго Корпуса. Выступившій вслѣдъ за нимъ представитель муниципалитета заявляетъ, что король, королева, королевская семья, королевскіе министры и администраторы департамента просятъ доступа въ Національное Собраніе... Собраніе отряжаетъ навстрѣчу этой презрѣнной компаніи особую депутацію!!!... Людовикъ-Лгунъ, вступая въ

залу собранія, произносить слѣдующія слова: «Я пришелъ сюда, чтобы предупредить великое преступленіе; я полагаю, что нигдѣ я не могъ бы чувствовать себя въ такой безопасности, какъ въ вашей, *господа*, средѣ». Президентъ (это былъ Верньо. *Оларъ*) отвѣчаетъ: «*Государь*, вы можете рассчитывать на твердость Національнаго Собранія. Члены его поклялись умереть, защищая права народа и опирающихся на конституцію властей». Сами Гроцій и Пуффендорфъ ¹⁾ не продиктовали бы ему лучшаго отвѣта. Какъ? Обѣщать свою помощь тирану и толковать изъ-за страха передъ гражданами о правахъ народа въ то время, какъ условіемъ сохраненія этихъ правъ могъ явиться лишь смертный приговоръ противъ всей этой гнусной шайки разбойниковъ! Какая бессмыслица! Какая изученная тонкость отвѣта! Исторія произнесетъ свой безпристрастный приговоръ и надъ нимъ, и надъ манифестомъ, выпущеннымъ Національнымъ Собраніемъ немедленно послѣ этой сцены, манифестомъ, *въпрямую жизнь и имущество всѣхъ покровительству парижскаго населенія*. Какая грубая обида, какое дешевое оскорбленіе по адресу народа, который, кара, по праву своего суверенитета, преступниковъ и тирановъ, грозилъ убійствомъ на мѣстѣ за всякое посягательство на чужую собственность! Довѣренные народа, вообразившіе себя его правителями, вамъ стоило выйти изъ вашей залы, и вы увидѣли бы людей, болѣе великихъ, чѣмъ вы, людей, достойныхъ имѣть лучшихъ представителей, чѣмъ тѣ, которые дерзнули обратиться къ народу съ этимъ манифестомъ. Лично я, въ мѣру приходящагося на мою долю суверенитета, вотирую презрѣніе навѣки тому безсовѣстному невѣждѣ, который первый предложилъ собранію эту мѣру!

Внезапно слышится залпъ изъ ружей; вслѣдъ за нимъ раздается пушечный выстрѣлъ. Волненіе и смущеніе охватываетъ собраніе и всѣхъ присутствующихъ. Одинъ депутатъ (не изъ тѣхъ, конечно, что вотиrowали за манифестъ) энергично напоминаетъ собранію, что засѣданіе еще продолжается. Затѣмъ, когда спокойствіе въ залѣ уже мало по малу восстанавливалось, является депутація отъ секціи Термъ Юлія (Thermes de Julien) и напоминаетъ собранію о той петиціи, которая была представлена ему мэромъ отъ имени парижской коммуны, и которая требовала устраненія главы исполнительной власти съ его поста (ненавистное имя «король» уже исчезло изъ ихъ языка). «*Рѣшитесь*», говорили члены депутаціи, «*рѣшитесь дать клятву спасти отечество, и отечество будетъ спасено*». Ружейная и пушечная пальба возобновляется между тѣмъ съ удвоенной силой: пули ударяются въ стекла оконъ.

¹⁾ *Гуго Гроцій и Пуффендорфъ* — знаменитые юристы XVII вѣка.

Тогда депутаты поднимаются вдругъ, какъ одинъ человѣкъ, и кричать поднимая руки: «Клянемся спасти отечество!» Въ этотъ моментъ собраніе показало себя великимъ и достойнымъ того народа, который оно представляло. Пусть же не спускается онъ съ достигнутой высоты, и да не ослабнетъ его энергія! ¹⁾.

Одинъ изъ членовъ собранія вноситъ затѣмъ предложеніе, чтобы каждый депутатъ по очереди вошелъ на трибуну и поклялся *«не измѣнить свободу и равенству и умереть на своемъ посту!»* ²⁾. Тутъ въ залу входитъ толпа покрытыхъ потомъ, пыльныхъ и окровавленныхъ гражданъ; они складываютъ къ трибунѣ огромное количество писемъ, бумагъ, цѣнной утвари, золота, драгоценностей, найденныхъ въ замкахъ. Все это были люди, носившіе платье почтенной бѣдности, но они съ презрѣніемъ попирали золото. Президентъ предложилъ нѣкоторымъ изъ нихъ нѣсколько золотыхъ монетъ; они отвѣтили гордымъ отказомъ. Одинъ изъ нихъ выразилъ его въ слѣдующихъ словахъ: *«Для золота у насъ нѣтъ кармановъ, но для свободы мѣсто найдется!»*.

Вотъ входитъ депутація новой парижской коммуны; впереди—знамена съ надписями *Отечество, Свобода, Равенство*. Она требуетъ низверженія короля. Тогда на трибуну всходитъ Верньо и въ слѣдующихъ словахъ еще разъ надругается надъ народомъ и его представителями ³⁾: «Я хочу», заявилъ онъ, «предложить отъ имени чрезвычайной комиссіи одну крайнюю мѣру. Чувство скорби, проникающее васъ, подскажетъ вамъ и безъ моихъ аргументовъ, насколько важно, во имя спасенія отечества, ея немедленное принятіе. (Читаетъ):

«Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что опасности, угрожающія отечеству, достигли высшихъ предѣловъ;

что священной обязанностью Законодательнаго Корпуса является принятіе всѣхъ мѣръ для его спасенія;

что дѣйствительными мѣрами спасенія отечества могутъ явиться лишь тѣ, которыя касаются самаго источника зла;

что источникомъ этимъ является, главнымъ образомъ, чувство недовѣрія, вызываемое поведеніемъ главы исполнительной власти въ войнѣ, объявленной его именемъ конституціи и національной независимости;

¹⁾ Эта часть мемуаровъ написана, очевидно, еще до роспуска Легислативы.

²⁾ Это былъ *Монтю* (Montaut), перешедшій затѣмъ изъ Легислативы въ Конвентъ. Въ отличіе отъ многихъ другихъ онъ остался тамъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и не измѣнилъ завѣтамъ этой великой эпохи. (Прим. *Шометта*).

³⁾ Въ дѣйствительности, какъ это видно изъ отчета Монитора (XIII. 329—381) рѣчь Верньо вовсе не являлась отвѣтомъ на заявленіе депутаціи коммуны и была произнесена послѣ цѣлаго ряда другихъ выступленій. (Прим. *Олара*).

что недовѣріе это вызвало во многихъ частяхъ имперіи за-
явленіе въ пользу отнятія у Людовика XVI делегированной ему
власти; но, принимая во вниманіе, съ другой стороны, что
законодательный корпусъ не хочетъ и долженъ узурпаторскимъ
образомъ увеличивать свою власть; что въ тѣхъ чрезвычайныхъ,
никакими законами непрелусмотрѣнныхъ обстоятельствахъ, въ
которые ставятъ его настоящія событія, онъ не можетъ найти
примиренія между своимъ долгомъ непоколебимой вѣрности
конституціи и твердой рѣшимостью погибнуть подъ развалинами
храма свободы, но передать власть не иначе какъ путемъ аппеляціи
къ народному суверенитету и принятія, съ своей стороны, всѣхъ
мѣръ къ тому, чтобы аппеляція эта не сдѣлалась иллюзорной,
благодаря различнымъ предательствамъ, постановляетъ слѣдую-
щее:

I. Французскій народъ приглашается къ созыву Національнаго
Конвента. Чрезвычайная комиссія представить завтра же докладъ
по вопросу о времени и способѣ созванія этого конвента.

II. Глава исполнительной власти временно отстраняется отъ
власти, пока Національный Конвентъ не выскажется по поводу
тѣхъ мѣръ, какія должны быть, по его мнѣнію, приняты для
утвержденія суверенныхъ правъ народа и сохраненія свободы
и равенства.

III. Чрезвычайная комиссія представить въ однодневный
срокъ проектъ организаціи новаго министерства.

IV. Министерство, существующее въ настоящее время, вре-
менно сохранять свои функціи.

V. Чрезвычайная комиссія въ однодневный же срокъ пред-
ставить проектъ декрета о назначеніи воспитателя для наслѣд-
ника престола (королевскаго принца).

VI. Выдача суммъ по гражданскому листу пріостанавливается
впредь до рѣшенія національнаго конвента. Чрезвычайная ко-
миссія представить въ 24-хъ часовой срокъ проектъ декрета о
размѣрахъ содержанія слѣдуемаго королю за періодъ устраненія
его отъ власти.

VII. Регистры гражданского листа, подписанные и прону-
мерованные у интенданта гражданского листа двумя комисса-
рами Національнаго Собранія, будутъ выставлены въ его бюро.

VIII. Король и его семейство останутся въ помѣщеніи законо-
дательнаго корпуса впредь до возстановленія спокойствія на
улицахъ Парижа.

IX. Департаментская администрація сдѣлаетъ распоряженіе
о скорѣйшемъ, въ теченіе дня, приготовленіи для нихъ помѣшенія

въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ они и будутъ находиться подъ охраной гражданъ и закона.

Х. Всякій представитель общественной власти, всякій солдатъ, унтеръ-офицеръ, офицеръ, какого-бы ни былъ онъ чина, всякій генералъ, находящійся при арміи, будетъ объявленъ недостойнымъ измѣнникомъ отечества, если при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, покинетъ свой постъ.

ХІ. Настоящій декретъ будетъ незамедлительно и немедленно опубликованъ департаментомъ и муниципалитетомъ Парижа.

ХІІ. Чрезвычайные курьеры доставятъ декретъ во всѣ восемьдесятъ три департамента, а послѣднимъ будетъ вмѣнено въ обязанность въ теченіе двадцати четырехъ часовъ сообщить его всѣмъ муниципалитетамъ, находящимся въ ихъ округѣ, на предметъ торжественнаго его опубликованія.

Послѣ принятія всѣхъ относившихся къ этому предложенію декретовъ, скорбнымъ тономъ (*avec le ton de la douleur*) прочитанныхъ Верньо, Собраніе принимаетъ другіе декреты! ¹⁾

Собраніе это, объявленное первоначально перманентнымъ, было распушено въ 3^{1/2} часа утра и снова открылось въ семь.

А Людовикъ ХVІ, какъ заправскій преступникъ и морально павшій человекъ преспокойно ѣлъ и пилъ въ это время, какъ будто бы ничего не случилось. Среди депутатовъ находились достаточно низкіе люди, чтобы подходить къ рѣшетчатой ложѣ, за которой сидѣли чудовища, расшаркиваться и цѣловать нечистую руку Антуанетты. И эти презрѣнные, трусливые люди не получили тутъ же на мѣстѣ заслуженной ими кары!..

¹⁾ Между прочимъ законъ о передачѣ исполнительной власти избираемому законодательнымъ собраніемъ министерству, о признаніи дѣйствительными всѣхъ прошедшихъ уже, но не утвержденныхъ еще королемъ законовъ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ (для всѣхъ достигшихъ 25-лѣтняго возраста и живущихъ своимъ трудомъ) при выборахъ въ Національный Конвентъ и т. д.

Разказы А. О. Смирновой въ записи Я. П. Полонскаго.

Поэтъ Я. П. Полонскій въ 1855—1857 годахъ былъ близокъ къ А. О. Смирновой, урожденной Россети, состоя учителемъ ея сына Миши.

Въ оставшихся послѣ смерти поэта бумагахъ нашлись его еще ненапечатанные «Замѣтки, выписки, записанные разказы и проч. и проч.», изъ которыхъ мы ниже печатаемъ все, касающееся Смирновой и ея времени.

Кто такая Смирнова, какъ справедливо пишетъ Полонскій, «въ Россіи не знаютъ только люди или безграмотные или совсѣмъ равнодушные къ литературѣ и къ исторіи русскаго общества».

«Записки» ея, печатавшіяся по рукописи ея дочери Ольги Николаевны Смирновой въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1893—97 гг. ¹⁾, обратили на себя вниманіе широкихъ круговъ читающей публики, какъ талантливо и, казалось, правдиво написанныя воспоминанія челоѣка умнаго и наблюдательнаго о такихъ людяхъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Жуковскій, кн. Вяземскій и др. Но ближайшее изученіе этихъ мемуаровъ историками литературы раскрыло ихъ, выражаясь мягко, недостоѣрность. Теперь можно считать общепризнаннымъ мнѣніе среди спеціалистовъ, что «Записки» Смирновой есть «сочиненіе» ея дочери, очень своеобразно и вольно использовавшей недошедшія до насъ записи матери.

Несомнѣнный литературный талантъ, большая начитанность въ художественной русской и иностранной литературахъ, а также хорошее знаніе литературы мемуарной 20—40-хъ годовъ сослужили плохую службу О. Н. Смирновой, и она скромной роли издательницы записокъ матери предпочла «свободное творчество», безжалостно потопивъ правду этихъ записокъ ложью

¹⁾ Вышли потомъ въ отдѣльномъ изданіи: «Записки А. О. Смирновой (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Съ портретомъ А. О. Смирновой. Изданіе редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ» С.-Пб. 1895 г.» и часть II-я—1897 г. Въздѣ дальше ссылки на это изданіе.

своихъ «дополненій» и «исправленій». Отдѣлить первое отъ второго, вылущить изъ скорлупы вымысловъ зерна истины задача теперь чрезвычайно трудная, такъ какъ у насъ для этого нѣтъ пока достаточнаго количества матеріаловъ. Это тѣмъ досаднѣе, что свѣдѣнія, имѣвшіяся въ запискахъ А. О. Смирновой, безусловно цѣнныя: за это говорятъ и близость ея къ тѣмъ людямъ, о которыхъ она писала, и ея умъ, даръ наблюдательности, образованность.

Понятенъ интересъ, который вызываютъ къ себѣ записи Полонскаго, разказовъ А. О. Смирновой. Ему то ужъ не было смысла въ этихъ записяхъ что-либо сознательно «сочинять», и мы можемъ быть увѣрены, что при его посредничествѣ слышимъ подлинныя разказы одной изъ интереснѣйшихъ современницъ Пушкина. Къ сожалѣнію, какъ самъ Полонскій пишетъ, записывалъ онъ далеко не все, что слышалъ отъ Александры Осиповны, но и за то, что онъ сохранилъ для насъ, мы должны ему быть благодарны: не такъ ужъ мы избалованы въ этомъ отношеніи.

Кромѣ записи разказовъ Смирновой, Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ ея характеристику, мало похожую на тѣ восторженные панегирики, какіе ей часто воспѣвали въ стихахъ и прозѣ ея поклонники. Тѣмъ дороже характеристика эта историкъ, всегда предпочитающему «низкія истины» «возвышающему насъ обману».

Характеристика эта въ рукописяхъ Полонскаго имѣется въ трехъ редакціяхъ.

Помѣщаемъ сначала характеристику, имѣющуюся въ бумагахъ Полонскаго (на отдѣльномъ листѣ) въ черновомъ видѣ.

М. Цяловскій.

[А. О. Смирнова].

Въ первый разъ за границу поѣхалъ я въ качествѣ воспитателя и учителя маленькаго Миши, сына Александры Іосифовны Смирновой, мужъ которой въ то время былъ с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Кто такая была эта Смирнова—объ этомъ въ Россіи не знаютъ только люди или безграмотные, или совсѣмъ равнодушные къ литературѣ и къ исторіи русскаго общества въ тотъ періодъ ея развитія, когда въ нашихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ появлялись Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій, кн. Одоевскій, кн. Вяземскій, Гоголь, Кольцовъ и Лермонтовъ.

Въ какихъ отношеніяхъ была Смирнова къ этимъ корифеямъ русской литературы—это всякій можетъ прочесть въ ея записи

скахъ, собранныхъ ея дочерью Ольгою Николаевною Смирновой, и напечатанныхъ въ книжкахъ «Сѣвернаго Вѣстника».

Не разъ Александра Іосифовна изустно передавала мнѣ свои воспоминанія—читала мнѣ письма нашихъ знаменитостей—и даже забавныя записки В. А. Жуковского, которыя получала она во дворцѣ въ то время, когда она—еще М-ле Россети—была любимой фрейлиной императрицы Александры Ѳеодоровны—одною изъ первыхъ красавицъ въ столицѣ.

Если бы она не была умна—Лермонтовъ не писалъ бы ей: «Что дѣлать! рѣчью неискусной занять вашъ умъ мнѣ не дано. Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно».

Я засталъ Смирнову далеко уже не первой молодости... Сухое, блѣдное лицо ея, черные строгіе глаза и правильный тонкій профиль можетъ быть и сохраняли еще слабые слѣды прежней молодой красоты—но все же, глядя на нихъ, мнѣ не вѣрилось, чтобы она была такъ хороша, что обвораживала всѣхъ, кто случайно попадалъ въ ту атмосферу, гдѣ цвѣла ея молодость.

Мнѣ казалась она больной, нервной, безпрестанно собирающейся умереть и чѣмъ-то глубоко разочарованной, удрученной женщиной. Иногда по цѣлымъ днямъ она не выходила изъ своей спальни, иногда водили ее подъ руку, какъ разслабленную, а иногда при гостяхъ она вдругъ какъ бы оживала, шутила или, какъ выразился Пушкинъ, «и шутки злости самой черной, писала прямо на-бѣло». Разумѣется въ эти минуты она ничего не писала, но говорила и смѣялась и задѣвала не меня.

Самымъ добродушнымъ тономъ говорила колкости—она же умѣла говорить—но такъ, что сердиться на нее никто не могъ, даже и тѣ немногіе, которые очень хорошо понимали, въ чей огорождъ она бросаетъ камешки—словомъ бывали минуты, когда эта болѣзненная, какъ бы дышащая на ладонь, женщина была неузнаваема.

Я не разъ удивлялся ей, въ особенности ея колоссальной памяти—выучиться по-гречески ей ничего не стоило... Я уважалъ ее за умъ, но, по правдѣ сказать, не очень любилъ ее.

Одинъ изъ моихъ юныхъ пріятелей Павелъ Александровичъ [?], Рихнеръ [?] рассказывалъ мнѣ, что когда-то въ одно не совсѣмъ прекрасное утро онъ имѣлъ непростительную глупость пріѣхать къ ней отъ имени своихъ знакомыхъ съ просьбою заступиться за петрашевцевъ, а стало быть и за Достоевскаго. Она вспыхнула, наговорила ему дерзостей и попросила оставить ее въ покоѣ.

Я конечно понимаю, что Смирнова была далеко ужъ не такой вліятельной особой, чтобы могла заступаться за людей, уже осу-

жденныхъ самимъ государемъ—такую просьбой и въ такое время она могла бы въ глазахъ Его только себя компрометировать. но мнѣ кажется, что будь она добра, она иначе могла бы проводить неопытнаго заступника.

Впрочемъ она точно также разсердилась во время Севастопольскаго погрома и чуть не выгнала одну изъ придворныхъ особъ, близко стоящихъ къ престолу, пользующихся особеннымъ довѣріемъ, который сказалъ ей, что дѣлать уже нечего—нужно весь Крымъ уступить союзникамъ, т.-е. навсегда для Россіи потерять его.

Но въ ея патріотизмъ я не сомнѣвался, сомнѣвался только въ ея простотѣ или искренности ея добродушія.

И то сказать—отъ умныхъ женщинъ съ большимъ характеромъ всего рѣже можно ожидать снисходительности и доброты.

Единственный сынъ ея Миша, котораго она несомнѣнно очень любила и въ дѣтскіе годы называла его своей собачкой, былъ также одаренъ недюжинными способностями—ничего не стоило ему прочесть и сразу запомнить рядъ именъ или годовъ.

У него былъ соученикъ, К. Оболенскій, и гувернеръ—нѣмецъ Вагнеръ, человѣкъ недалскій, далеко неученый и при всей добротѣ своей подозрительный и обидчивый.

Въ Петербургскомъ казенномъ домѣ жили при матери и двѣ ея незамужнія дочери, Ольга и Надя...

Я зналъ семью Смирновыхъ едва ли не лучше чѣмъ свою собственную...

* * *

Дальше идутъ сами по себѣ интересныя, но не имѣющія прямого отношенія къ Смирновой, а потому нами здѣсь опускаемая воспоминанія Я. П. Полонскаго о пребываніи его со Смирновыми въ Бадень-Баденѣ въ 1857 году. Нѣкоторыя мѣста приведенной характеристики вставлены Полонскимъ въ помѣщаемый нами вслѣдъ за ней разказъ его о Смирновыхъ.

[Семья Смирновыхъ].

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ за Торговымъ мостомъ, на Торговой улицѣ, противъ казацкихъ казармъ, и, если не ошибаюсь, въ казенномъ домѣ, жилъ тогдашній с.-петербургскій гражданскій губернаторъ Николай Михайловичъ Смирновъ, когда то очень богатый человѣкъ, чуть ли не миллионеръ, и все же настолько зажиточный (послѣ того, какъ значительная часть его состоянія была имъ проиграна въ карты), что могъ проживать въ годъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, имѣть свой экипажъ, поддерживать знакомство въ придворныхъ сферахъ и затѣивать, въ надеждѣ на невѣрную прибыль, фабрикацію гвоздей.

Женатъ онъ былъ на небогатой дѣвушкѣ, но зато одной изъ

первыхъ красавицъ въ столицѣ—Александрѣ Іосифовнѣ Россети, постоянно жившей при дворѣ и любимой фрейлинѣ императрицы Александры Θεодоровны.

Высшее петербургское общество того времени, несмотря на свою распущенность, было гораздо ближе къ литературѣ, чѣмъ теперешнее. Гостиныя Карамзиныхъ, графа Велегорскаго, графа и графини Блудовыхъ и другихъ были настежь открыты для тогдашнихъ писателей.

Среди высшаго общества своими людьми считались и Пушкинъ, и князь Вяземскій, и князь Одоевскій, и графиня Растопчина, и графъ Сологубъ, и Жуковскій, Лермонтовъ—и не было дома, гдѣ за великую честь и одолженіе не сочли бы посѣщеніе Гоголя и даже Кольцова.

Конечно, масса такъ называемыхъ аристократовъ того времени на нашихъ поэтовъ и писателей смотрѣли свысока, и не мало было дѣвицъ въ родѣ той, которая предпочла бы Пушкину барона Геккерена, завидовала Пушкиной, за которой этотъ великосвѣтскій франтъ ухаживалъ, и негодовала на поэта, за то, что онъ, такой некрасивый мужчина, смѣлъ ревновать красавицу жену свою. Словомъ, говоря о томъ времени, когда русскій языкъ въ богатыхъ домахъ былъ въ употребленіи только съ лакеями и горничными, я выдѣляю только незначительный кружокъ свѣтскихъ людей, который понималъ тогдашнихъ поэтовъ и предпочиталъ ихъ чинамъ и мундиру. Если бы это пониманіе было однимъ изъ свойствъ всего тогдашняго общества, Пушкинъ не злился бы, когда при разъѣздѣ съ балу жандармы выкрикивали—карету Пушкина, сочинителя!—онъ зналъ, что для этой блестящей толпы камеръ-юнкерскій мундиръ былъ дороже и почетнѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ поэмъ его.

Александра Іосифовна Россети, блистая молодостью, красотой, замѣчательными способностями и остроуміемъ, была маленькимъ подломъ для всѣхъ, кто зналъ ее, и была, такъ сказать, au courantъ всего лучшаго, что выходило на русскомъ языкѣ, дорожила дружбой Жуковскаго и до самой роковой дуэли поддерживала дружескія сношенія съ Пушкинымъ.

Смирновы занимали весь домъ: въ бель-этажѣ были ихъ парадныя комнаты, кабинетъ Николая Михайловича, спальня самой хозяйки и дочерей ея Ольги и Наденьки—тамъ же были комнаты гувернантки и гостившихъ у Смирновой ея старыхъ пріятельницъ. Тамъ же былъ и буфетъ, выходящій въ столовую.

Внизу обитали маленькій Смирновъ—Миша, его двоюродный братъ—тоже мальчикъ, Володя ¹⁾, князь Оболенскій, ихъ гувер-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ Полонскій называетъ его Сережей.

неръ нѣмецъ и я, въ комнатѣ съ окномъ на дворъ, и гдѣ-то дальше дворецкій итальянецъ.

Всѣ парадныя комнаты Смирновыхъ въ бельэтажѣ были снизу до потолка увѣшаны картинами. Въ проходной комнатѣ, между столовой и гостиной, былъ портретъ, писанный, если не ошибаюсь, кистью Вандика. Была картина Рибберо испанской школы, картина темная и въ то же время неподржаемая по своей жизненности и выразительности, двѣ головки Греза, изъ которыхъ одна была лучшая, какую я когда-нибудь и гдѣ-нибудь видѣлъ. До сихъ поръ она, какъ живая, улыбается моему воображенію. Это была головка, кокетливо выглядывающая изъ-за обнаженной руки и двумя пальчиками показывающая вамъ размѣръ чего-то небольшого, не болѣе одной четверти вершка. Былъ Каламъ, и были картины и русскихъ пейзажистовъ, знаменитыхъ когда-то Лебедева и Щедрина. Въ гостиной, надъ диваномъ, противъ оконъ, висѣлъ портретъ самой m-me Смирновой въ турецкомъ костюмѣ или маскарадномъ платьѣ съ легкой чалмой на головѣ; портретъ, писанный Винтергальтеромъ, а можетъ быть, Крюгеромъ—не помню.

Но поступивши въ домъ Смирновыхъ въ качествѣ воспитателя и преподавателя исторіи русской и всеобщей, а также и русскаго языка, я уже не засталъ Александру Іосифовну настолько молодой, чтобъ могъ судить о прежней красотѣ ея. Она была уже не молода. Старшая дочь ея Софія была уже замужемъ за княземъ Трубецкимъ. Ольга была уже лѣтъ 20, меньшая Надя лѣтъ около 16, а мой ученикъ 10 или 11 лѣтъ, не болѣе.

Худая, болѣзненно-нервная, слабая и какъ бы удрученная своимъ недугомъ, она казалась старше лѣтъ своихъ. По цѣлымъ днямъ она не выходила изъ своей спальни. Иногда я видѣлъ, какъ въ гостиную выводили ее подъ руки. Иногда она казалась мнѣ дышащею на ладонь, а иногда были такіе дни, когда она казалась гораздо бодрѣе, какъ бы оживала; черные, какъ смоль, глаза ея насмѣшливо щурились, она улыбалась и любила поговорить о прошломъ.

Иногда она присылала за мной, и я заставлялъ ее обложенной письмами и тетрадями. Много разсказывала она мнѣ о Жуковскомъ и о Пушкинѣ, о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ и придворныхъ лицахъ ея времени. Читала мнѣ записки Жуковского, получавшіяся ею въ Зимнемъ дворцѣ, изъ другой его половины, записки самаго шутиватаго тона, явно писанныя для того только, чтобы насмѣшить красавицу Россети и смягчить ея гнѣвное или, лучше сказать, капризное настроеніе духа. То онъ писалъ ей, что она была похожа на расходившееся бурное

Черное море, то увѣдомлялъ ее, что у него на носу вскочилъ прыщъ или шишка въ видѣ просфорки. Вообще въ характерѣ нашего перваго романтика въ глазахъ моихъ открывалась новая сторона—бесконечно веселая—способность дурачиться и смѣшиться.

Николай Михайловичъ Смирновъ, съ которымъ Александра Осиповна (р. 9 марта 1809 г. въ Одессѣ, ум. 7 июля 1882 г. въ Парижѣ) познакомилась въ домѣ Карамзиныхъ и за котораго вышла замужъ въ январѣ 1832 года, былъ однимъ изъ пріятелей Пушкина. Родился онъ 14 мая 1808 г., служилъ сначала по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, состоя при посольствахъ въ Италіи, Лондонѣ и Берлинѣ. Съ осени 1845 по 1851 г. былъ калужскимъ, а съ 1855 по 1861 г. путербургскимъ губернаторомъ, послѣ былъ произведенъ въ сенаторы въ Москвѣ, въ 1867 г. вышелъ въ отставку и 4 марта 1870 г. умеръ въ Москвѣ.

Старшая дочь Смирновыхъ Софья Николаевна (ум. въ 1884 г.) была замужемъ за кн. Андреемъ Васильевичемъ Трубецкимъ (р. 17 июля 1822 г., ум. 20 янв. 1881 г.). У нихъ дѣти: Николай (ум. въ 1915 г.), Василій и Семень. Вторая дочь Ольга Николаевна, издательница записокъ матери, родилась въ 1835 г., умерла въ Парижѣ 13 декабря 1893 г. Третья дочь Надежда Николаевна, по мужу Соренъ, родилась въ 1840 г. умерла въ 1907 г. Единственный сынъ Михаилъ, ученикъ Полонскаго, родившійся въ 1846 году, тоже умеръ.

Сводная сестра А. О. Смирновой, Ольга Ивановна-Арнольди (р. 26 февраля 1825 г. ум. 8 февр. 1851 г.) была замужемъ за кн. Петромъ Сергѣевичемъ Оболенскимъ (р. 3 сент. 1817 г.). Соученикъ Миши—ихъ сынъ.

О собираніи Н. М. Смирновымъ картинъ говорится въ «Запискахъ А. О. Смирновой» ч. I, стр. 243. По кончинѣ Н. М. Смирнова картины были проданы за границу.

Есть гравюра Г. И. Грачева по фотографіи, снятой съ портрета Смирновой, писаннаго Винтергальтеромъ въ 1837 г., а по другимъ извѣстіямъ—въ 1845 г. См. «Русская Старина», 1891, № 2.

* * *

Наконецъ, въ третій разъ набрасываетъ портретъ Александры Іосифовны Полонскій въ той части своихъ воспоминаній, гдѣ онъ говоритъ о причинахъ, заставившихъ его разстаться съ семьей Смирновыхъ.

Въ 1857 году, 18 мая, отправился я изъ Питера за границу Въ это время я былъ воспитателемъ маленькаго Миши Смирнова—сына Николая Михайловича Смирнова, с.-петербургскаго гражданскаго губернатора и Александры Іосифовны Смирновой (урожденной Россети). Александра Іосифовна была уже за границей съ своими дочерьми Ольгой и Надеждой. Смирновъ взялъ отпускъ и повезъ къ ней своего сына. Я, какъ воспитатель, отправился вмѣстѣ съ нимъ.

Черезъ Берлинъ и Франкфуртъ по желѣзной дорогѣ Смирновы и я долетѣли до Бадень-Бадена. Въ Бадень-Баденѣ я прожилъ июнь, июль и августъ. Въ августѣ я разстался со Смирновыми.

Что заставило бросить меня этотъ домъ, гдѣ получалъ я 1500 р. жалованья, гдѣ былъ такъ любимъ Мишей, что при одной угрозѣ, что я его оставляю, если онъ будетъ вести себя дурно, онъ плакалъ и бросался ко мнѣ на шею,—гдѣ, надо сказать правду, обходились со мной деликатно и вѣжливо, гдѣ, наконецъ, кончивъ свое дѣло, т.-е. воспитаніе Миши, я могъ надѣяться на постоянный пріютъ или на пенсію? Но я не могъ остаться.

Когда я поступалъ въ домъ къ Смирнову, я поступалъ къ

нему съ однимъ условіемъ—не быть гувернеромъ, а быть только воспитателемъ. Когда я выслушалъ отъ Смирнова все, что онъ отъ меня требовалъ, т.-е., спать съ ребенкомъ въ одной комнатѣ, гулять съ нимъ и проч., и проч., я прямо сказалъ ему, что на все это не чувствую въ себѣ ни малѣйшей способности и, какъ честный человѣкъ, долженъ отказаться отъ его предложеній, еслибъ даже онъ положилъ мнѣ въ годъ 50000 р. Уходя отъ него, я думалъ, что уже дѣло кончено, но черезъ 2 недѣли онъ опять пригласилъ меня и опять сталъ упрашивать заняться съ его сыномъ. «Гувернеръ будетъ другой, сказалъ онъ, вы будете только давать уроки и направлять вашего ученика». Я согласился и переѣхалъ къ нему въ домъ. Гувернеръ Вейнеръ, остзейскій нѣмецъ, явился вмѣстѣ съ новымъ ученикомъ, съ Сережей, княземъ Оболенскимъ. Самъ князь Оболенскій, отецъ его, дальній родственникъ Смирновой по женѣ и бѣдный помѣщикъ, также поселился въ домѣ. Этотъ узколобый, завистливый, мелочный князь рѣшительно отравлялъ мое пребываніе въ домѣ. Ему вообразилось, что я во всемъ отдаю предпочтеніе Мишѣ передъ Сережей, что я почему-то готовъ преслѣдовать его сына и проч. Тогда какъ съ этимъ Сережей я занимался гораздо болѣе, чѣмъ съ Мишей, видя, что у него далеко нѣтъ тѣхъ же способностей. Старался всячески вести ихъ такъ, чтобы Миша не перегонялъ его, чтобы они были дружны, чего добиться было очень трудно—такъ не схожи были ихъ характеры. Но князь ничего не понималъ, онъ интриговалъ противъ меня, сплетничалъ, хотя и неудачно. Смирнова была не изъ такихъ, которыхъ легко надуть. Она брала мою сторону. Но и она сама была для меня не легче.

Больная, нервная, озлобленная на міръ, нѣтически православная, она безпрестанно звала меня читать ей жизнь святыхъ. Заставляла сына своего учить акаѳисты, посылала въ церковь и всячески старалась изучить мой образъ мыслей, что ей никакъ однакожь не удавалось. Я далъ себѣ слово не проговариваться и не спорить съ ней о религіи,—я былъ радъ, что я схожусь съ ней въ одномъ—въ ея демократическомъ взглядѣ на жизнь.

Въ этотъ періодъ своей жизни она дѣйствительно казалась демократкой. Презирала придворную жизнь, ненавидѣла свѣтъ и все его внѣшнія условія. Одѣвалась очень просто и помогала бѣднымъ. Не знаю, поняла ли она меня въ то время, но я довольно скоро ее понялъ и сталъ внутренне не довѣрять ей.

Изъ-подъ маски простоты и демократизма просвѣчивался аристократизмъ самаго утонченнаго и вонючаго свойства, подъ видомъ кротости скрывался нравственный деспотизмъ, не терпящій свободомыслія, разумѣется только въ тѣхъ случаяхъ, когда

эта свобода не облечена въ ту блистательную, поэтическую дерзость, которая пріятно озадачиваетъ свѣтскихъ женщинъ, и о которой онѣ сами любятъ всѣмъ рассказывать, какъ о чемъ-то оригинальномъ и пріятномъ, великодушно прощать врагамъ своимъ. Несмотря на эти недостатки, я все готовъ былъ простить А. И. Смирновой за ея умъ, правда, парадоксальный, но все-таки умъ, и за ея колоссальную память. Чего она не знала? На какихъ языкахъ не говорила?

Теперь, когда я пишу эти строки, я не прощаю ей даже этого ума, отъ этого ума никому ни тепло ни холодно. Онъ хорошъ для гостиной, для разговора съ литераторами, съ учеными; но для жизни онъ лишняя бесполезная роскошь. Какъ славянофилка, она воспитала дочерей своихъ такъ, что въ нихъ ничего нѣтъ русскаго. Какъ христіанка, она никого не заставила горячо и нелицемѣрно полюбить себя; какъ русская патріотка, она не могла жить въ Россіи. Посѣщавши хижины бѣдныхъ швейцарцевъ и охотно заходя къ бѣднымъ семействамъ въ Шотландіи, она не унизилась въ Петербургѣ до того, чтобы посѣтить, напримѣръ, меня, который два года жилъ у нея въ домѣ, когда я былъ боленъ, или когда страшное горе меня посѣтило.

Въ концѣ августа 1857 года я разстался съ Александрой Іосифовной Смирновой, съ ея мужемъ, Николаемъ Михайловичемъ, тогдашнимъ с.-петербургскимъ губернаторомъ, съ ея дочерьми, Ольгой и Надеждой, и съ ея сыномъ, ученикомъ моимъ, Мишей, котораго учить было рѣдкимъ счастьемъ, до такой степени были блестящи и даже поразительны его способности. Разстался я съ нимъ безъ малѣйшихъ непріятностей, напротивъ, не безъ сожалѣнія, даже не безъ благодарности за много дней, для меня интересныхъ и поучительныхъ, и за мое первое путешествіе за границу въ ихъ обществѣ. Здѣсь не мѣсто и не время вдаваться въ характеристику Смирновой, всѣми признанной за замѣчательно умную женщину, посмертныя записки которой недавно печатались въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», ни въ характеристику всѣхъ членовъ семьи ея, съ которыми прожилъ я подъ одной кровлей около двухъ лѣтъ и, смѣю думать, узналъ ихъ такъ, какъ рѣдко удастся узнать свою собственную семью. Изъ собственной семьи смотришь куда-то вдаль, наблюдаешь другихъ, находишь интересы внѣ домашнихъ заботъ и хлопотъ, и, какъ лермонтовскій Саша (кн. Одоевскій) «изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ», такъ иногда, подрастая, нерѣдко членъ семьи старается вырваться изъ тѣснаго семейнаго круга, изъ среды тѣхъ близкихъ, заботливая любовь которыхъ кажется ему нелѣпа.

Запѣтки, выпуски, записанные разказы и проч. и проч

Разказы Смирновой.

1. «Я только что вышла изъ Патріотическаго института, сдѣлана была фрейлиной у государыни. Вся моя молодость прошла при дворѣ. Когда я вышла замужъ, мои отношенія къ императорской фамиліи стали еще лучше. Императрица посылала за мной всякій разъ, когда ей скучно или когда ей нездоровится, любила слушать мои разказы, иногда просила меня читать ей. Но я не любила ни двора ни его церемоніаловъ. Разъ государь спросилъ меня: «Отчего вы меня не интригуете, когда я бываю въ маскарадѣ?»

— Я, Ваше Величество, не умѣю и никогда не ѣзжу въ маскарадъ. Терпѣть не могу.

При этомъ однакожъ запала въ мою голову мысль отправиться въ первый маскарадъ и рѣшиться подойти къ государю. У меня было розовое домино. Одѣвшись, отправляюсь. Государь тамъ. Я прикидываюсь провинціальной дамой, встрѣчаю государя, кланяюсь ему и говорю: «Пріѣхала, Ваше Величество, изъ Калуги. Очень рада, В. В., что васъ вижу: у меня къ вамъ есть просьба». Слово «просьба» его озадачило: въ маскарадахъ никто не смѣлъ говорить ему о просьбахъ. Онъ сурово посмотрѣлъ на меня и шепнулъ Орлову: «Походи съ ней, узнай, интересна ли она или скучна!» Орловъ подошелъ ко мнѣ. Я ему сказала свое имя и взяла съ него слово до слѣдующаго утра не сказывать государю, кто я такая. Орловъ подвелъ меня къ нему и сказалъ: «преинтересная барыня». Государь взялъ меня подъ руку, и мы пошли. Я разказывала ему о провинціальной жизни, о нашемъ путешествіи въ Петербургъ, о множествѣ дѣтей, которыхъ я будто бы привезла ему въ тарантасѣ, о нянѣ, которая будто бы везла клѣтку съ чижомъ и пролила изъ клѣтки воду на спящаго ребенка. Государь былъ очень веселъ и особенно смѣялся, когда я ему сказала: «Вотъ поди ты,—что теперь скажутъ у насъ въ городѣ, когда узнаютъ, что я съ государемъ подъ ручку прохаживалась».

Мнѣ вообще очень удалась моя роль, хоть я и никогда не была въ провинціи.

На другой день, только что являюсь во дворецъ, встрѣчаю государя. «Такъ-то вы не умѣете интриговать!».

2. Василія Андреевича Жуковскаго Николай Павловичъ не любилъ. Когда ему нужно было о чемъ-нибудь попросить государя, бывало пріѣзжалъ ко мнѣ совѣтоваться, какъ приступить къ дѣлу. Воспитатель наслѣдника былъ добрѣ и милѣ, какъ

ребенокъ. Что-то младенческое было въ его характерѣ. У меня куча его писемъ, которыя онъ пересылалъ ко мнѣ черезъ коридоръ (мы жили тогда во дворцѣ), а когда я была замужемъ, бывало пріѣдетъ къ обѣду въ сюртукѣ, велитъ человѣку нести за собой фракъ и, входя, увѣряетъ, что онъ пріѣхалъ при фракѣ, и повторялъ онъ это нѣсколько разъ и всегда бывало хохочетъ, такъ что я ужъ ему сказала: «Э! да полноте, все одно и то же, право тутъ ничего нѣтъ остроумнаго!»

Когда Василій Андреевичъ задумалъ жениться, ему нужно было знать, наконецъ, можетъ ли онъ содержать жену, и чего ему ждать отъ двора. Посовѣтовавшись со мной, отправляется къ государю.

— Ваше величество, говоритъ,—я хочу жениться.

— Знаю и безъ тебя, что ты хочешь жениться.

— Мнѣ нужно денегъ.

— Вотъ еще! Гдѣ мнѣ тебѣ денегъ взять?—и государь разсердился—сколько тебѣ?

— Да сто тысячъ, ваше величество. Безъ ста тысячъ я жениться не могу.

— Гдѣ мнѣ тебѣ взять сто тысячъ? Вотъ еще что выдумалъ! Сто тысячъ! Сколько ты получалъ жалованья при наслѣдникѣ?
.....¹⁾

Пошелъ, скажи, чтобъ тебѣ выдали это жалованье, какъ пенсію.

— Да помилуйте, государь, это гораздо больше того, что я просилъ у васъ.

— По крайней мѣрѣ это внесено въ расходъ, а то стану я тебѣ у казначейства просить сто тысячъ. Пошелъ!

Жуковский прилетѣлъ ко мнѣ послѣ этого веселый, преселый.

О шуткѣ Жуковского съ фракомъ А. О. Смирнова писала П. И. Бартенева въ своихъ воспоминаніяхъ о Жуковскомъ и Пушкинѣ. См. Рус. Арх. 1871 г., стб. 1872—1873.

Письмо Жуковского къ А. П. Елагиной подтверждаетъ разсказъ Смирновой о царскихъ милостяхъ, оказанныхъ воспитателю Александра II, 16-го апрѣля 1841 г., въ день свадьбы Александра Николаевича, Николай I повелѣлъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ онъ пользовался по должности наслѣдника, т.-е. 10,000 р. обращены въ пенсію, окладъ по мѣсту 18,000 р. сохраненъ, такъ что съ прежнимъ пенсіономъ его это составило 32,000 р. въ годъ. Сверхъ того на первое обзаведеніе пожаловано 10,000 р., онъ произведенъ въ тайные совѣтники, и послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы онъ и въ отсутствіе свое всегда считался состоящимъ на службѣ при Его Императорскомъ Высочествѣ. «Большаго я и во снѣ не желалъ», писалъ Жуковский Елагиной. См. Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковского М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Изд. М. В. Безъ. М. 1904, стр. 69, письмо № XLIV, отъ 21 апрѣля 1841 г.

* * *

¹⁾ Такъ въ рукописи.

Выписки изъ писемъ Жуковскаго.

Это не письма, а скорѣй шуточные записки. Образецъ тѣхъ записокъ, какими обыкновенно слѣдуетъ переписываться съ дамами. Вотъ нѣкоторыя выписки:

1. «Ложась спать какъ-то хватилъ себя за носъ ¹⁾).

2. «Мнѣ показалось, милостивая государыня, что Вася приличнѣе... ²⁾).

3. «...О, царь мой небесный!

Я на все рѣшиться готовъ!... [См. тамъ же стб. 1879. У Бартенева конецъ выпущенъ. Въ записи Полонскаго онъ читается:]

«...Мнѣ сонъ привидѣлся чудный:

Мнѣ показалось, будто самъ дьяволъ (чтобъ чортъ его побралъ)

Въ лапы меня ухватилъ да и въ ротъ, да и началъ, какъ рѣпу.

Грызть и жевать—изжевалъ да и выплюнулъ. Что же случилось?

Только что выплюнулъ дьяволъ меня—бѣда миновалась,

Сталъ по прежнему я Василій Андреевичъ Жуковский,

Вмѣсто дьявола былъ предо мной дьяволенокъ небесный...».

Какъ непохоже однакожь слѣдующее за Жуковскимъ поколѣнiе на то, къ которому принадлежалъ Жуковский. Куда дѣвались это простодушіе, это ребячество!.. Ребенокъ выросъ и сталъ юношей. Вотъ какъ выражается этотъ юноша, въ стихахъ къ той дамѣ (т.-е. А. И. Смирновой).

Вы примиряетесь легко...

Приведено все стихотвореніе, подъ которымъ дата:]

Калуга 15 іюня 1846 года. Суббота. И. Аксаковъ ³⁾.

Это уже не шутка Жуковскаго—«здѣсь кровь кипить, здѣсь силъ избытокъ».

Жуковский однакожь былъ ребенокъ умный, подчасъ даже въ письмахъ шутливаго содержанія у него мелькаютъ мысли, такія мысли, которыхъ даже какъ будто и не ожидаешь отъ Жуковскаго, напримѣръ:

«Жизнь часъ отъ часу становится пустыньѣ и душа деревяннѣе. Тонешь въ какомъ-то безгрѣшномъ эгоизмѣ, который у насъ происходитъ не оттого, чтобъ посреди кипящей вокругъ

¹⁾ Я. П. Полонскій списалъ письмо Жуковскаго къ Смирновой, напечатанное въ «Русск. Арх.» 1883 г., I, 335.

²⁾ Приводится письмо, напечатанное въ «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 1875—1876.

³⁾ Стихотвореніе И. С. Аксакова «Вы примиряетесь легко» напечатано впервые вѣроятно Я. П. Полонскимъ въ журналѣ «Нива» 1886 г., № 11, стр. 288, а потомъ вошло въ сборникъ стихотвореній И. Аксакова, изд. 1886 г., стр. 45—47.

тебя дѣятельности все относишь къ самому себѣ и во всемъ видишь себя одного, а, напротивъ, отъ современнаго недостатка этой увлекательной дѣятельности, почему поневолѣ самъ дѣлаешься главнымъ для себя предметомъ и цѣпляешься за себя не оттого, чтобъ себя всему предпочитать, а только оттого, что не за что уцѣпиться. Этотъ эгоизмъ безгрѣшный, но все же эгоизмъ, и его дѣйствіе убійственно. Оно не поведетъ ко злу положительному или къ явному отступничеству отъ добра, но дѣлаетъ негоднымъ для добра. Этотъ эгоизмъ кажется мнѣ душнымъ характеромъ нашего общества. Каково же въ этой духотѣ не имѣть и бывалой радости—освѣжиться подлѣ васъ».

Чувство поразительно вѣрное! Мысль, которая у насъ въ Россіи не безъ горькаго значенія... Строки эти выписаны также изъ письма къ Смирновой, и кто бы могъ подумать, что это письмо такъ начинается:

«Му... му... му, му...у...у...! Это быкъ реветъ; хрю... хрю... хрю... Это свинья хрюкаетъ. Быкъ+свинья=В. А. Жуковский, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и кавалеръ разныхъ орденовъ...».¹⁾

* * *

Ноября 27 1855 г.

Увидѣвъ, что Александра Іосифовна въ гостиной, я отправился къ ней благодарить за 4 письма Жуковскаго, изъ которыхъ вчера вечеромъ я сдѣлалъ выписки.

«Я, пожалуй, выдамъ всѣ письма Жуковскаго, сколько ихъ у меня ни есть. Принеси, А. И-вна, тамъ у меня есть пакетъ,—сказала она.

Я сѣлъ въ ожиданіи. Пакетъ былъ принесенъ—я насчиталъ въ немъ 38 писемъ.

А. И. Нѣкоторыя изъ нихъ надо читать съ микроскопомъ—такъ они неразборчивы.

Я. Какъ-нибудь разберу и безъ помощи микроскопа.

А. И. Ни въ комъ не было такого ребяческаго благодушія, какъ въ Жуковскомъ. Но никого не знала я умнѣ Пушкина. Ни Жуковский ни князь Вяземскій спорить съ нимъ не могли—бывало забьетъ ихъ совершенно. Вяземскій, которому очень не хотѣлось, чтобъ Пушкинъ былъ его умнѣ, надуется и ужъ молчитъ, а Жуковский смѣется: «Ты братъ, Пушкинъ чортъ тебя знаетъ, какой ты—вѣдь вотъ и чувствую, что вадоръ говоришь, а переспорить тебя не умѣю, такъ ты насъ обоихъ въ дураки и записываешь».

¹⁾ Впервые это письмо напечатано въ «Рус. Арх». 1883 г. I, стр. 337—339.

Разъ я созналъ съ Пушкину, что мало читаю. Онъ мнѣ говорить: «Послушайте, скажу и я вамъ по секрету, что я читать терпѣть не могу, многого не читалъ, о чемъ говорю. Чужой умъ меня стѣсняетъ. Я такого мнѣнія, что на свѣтѣ дураковъ нѣтъ. У всякаго есть умъ, мнѣ не скучно ни съ кѣмъ, начиная съ будочника и до царя». И дѣйствительно, онъ могъ со всѣми весело проводить время. Иногда съ лакеями бесѣдовалъ.

Когда мы жили въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ каждое утро ходилъ купаться, послѣ чая ложился у себя въ комнатѣ и начиналъ потѣть. По утрамъ я заходила къ нему. Жена его такъ ужъ и знала, что я не къ ней иду.

— Вѣдь ты не ко мнѣ, а къ мужу пришла, ну и поди къ нему. — Конечно не къ тебѣ, а къ мужу. Пошли узнать, можно ли войти? — Можно.

Съ мокрыми курчавыми волосами лежитъ бывало Пушкинъ въ коричневомъ сюртукѣ на диванѣ. На полу вокругъ книги. у него въ рукахъ карандашъ.

— А я вамъ приготовилъ кой-что прочесть,—говорить.

— Ну читайте.

Пушкинъ начиналъ читать (въ это время онъ сочинялъ все сказки). Я дѣлала ему замѣчанія, онъ отмѣчалъ и былъ очень доволенъ.

Читалъ стихи онъ плохо.

Жена его ревновала ко мнѣ. Сколько разъ я ей говорила: «Что ты ревнуешь ко мнѣ. Право, мнѣ всѣ равны: и Жуковский. и Пушкинъ, и Плетневъ,—развѣ ты не видишь, что ни я не влюблена въ него, ни онъ въ меня».

— Я это очень хорошо вижу, говорить, да мнѣ досадно. что ему съ тобой весело, а со мной онъ зѣваетъ.

Однажды говорю я Пушкину: «Мнѣ очень нравятся ваши стихи «Подъѣзжая подъ Ижоры».

— Отчего они вамъ нравятся?

— Да такъ,—они какъ будто подбоченились, будто плясать хотятъ.

Пушкинъ очень смѣялся.

— Вѣдь вотъ, подите, отчего бы это не сказать въ книгѣ печатно—«подбоченились»,—а вотъ какъ это вѣрно. Говорите же послѣ этого, что книги лучше разговора.

Когда сердце бьется отъ радости, то, по словамъ Пушкина, оно:

То такъ,
То пятакъ,
То денежка!

Этими словами онъ хотѣлъ выразить бѣненіе и тревогу сердца.

Наговорившись съ нимъ, я спрашивала его (поутру у него въ комнатѣ):—Что же мы теперь будемъ дѣлать?

— А вотъ что! Не возьмете ли вы меня прокатиться въ придворныхъ дорогахъ?

— Поѣдемте.

Бывало и поѣдемъ. Я сяду съ его женой, а онъ на перекладинкѣ, впереди насъ, и всякій разъ бывало поетъ во время такихъ прогулокъ:

Ужъ на Руси
Мундиръ онъ носить узкій,
Ай да Царь, ай да Царь,
Православный Государь!
(Не помню, запишу въ другое время).

Изъ указываемыхъ Полонскимъ тридцати восьми писемъ Жуковскаго къ Смирновой, насколько намъ извѣстно, напечатано всего девятнадцать: одно (въ отрывкахъ) въ посмертномъ изданіи сочиненій Жуковскаго, т. XIII, стр. 263, восемь въ Рус. Арх. 1871 г., стб. 1856—1880 и десять тамъ же 1883 г., № 2, стр. 335—346.

«Ни Жуковский, ни князь Вяземскій спорить съ нимъ (Пушкинымъ) не могли...». Объ этомъ такъ рассказываетъ братъ Александры Осиповны, Аркадій Осиповичъ Россети: «Гдѣ-то на вечерѣ, гдѣ былъ Жуковский. Вяземскій и другіе, зашла рѣчь о греческомъ возстаніи и объ Ипсиланти, котораго Пушкинъ защищалъ. Спорили, шумѣли, и Пушкинъ говорилъ дотогу умно, что Жуковский ему сказалъ: «Ну, Пушкинъ, ты такъ уменъ, что съ тобою говорить невозможно; чувствуешь, что ты неправъ, однако съ тобой соглашаешься». Рус. Арх. 1882, I, стр. 245.

Слова Пушкина: «Я такого мнѣнія, что на свѣтѣ дураковъ нѣтъ. У всякаго есть умъ, мнѣ не скучно ни съ кѣмъ, начиная съ будочника и до царя» въ «Запискахъ Смирновой» (ч. I, стр. 20) переданы не такъ кратко и производятъ впечатлѣніе сочинительства О. Н. Смирновой.

О своихъ посѣщеніяхъ Пушкина въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1831 г. А. О. Смирнова писала П. И. Бартеневу въ 1869 г. нѣсколько иначе, ничего не говоря о ревности къ ней жены Пушкина. По словамъ Смирновой Бартеневу, она приходила не прямо къ Пушкину на верхъ, а Пушкинъ звалъ къ себѣ въ кабинетъ ее и Наталью Николаевну, читалъ имъ свои стихи и спрашивалъ ихъ мнѣнія. Вѣроятно, бывало и такъ, но чаще, надо думать, дѣло происходило такъ, какъ передавала Смирнова Полонскому. Равнодушіе Натальи Николаевны къ литературнымъ занятіямъ Пушкина—фактъ общеизвѣстный, о ревности ея къ Смирновой говорятъ кн. Вяземскіе, А. П. Арапова и нѣкоторыя мѣста писемъ Пушкина къ ней. См. П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. «Пушкинъ и его современники» вып. XXV—XXVII, стр. 038—041, 044—045.

О поѣздкахъ съ Пушкинымъ на дрожжахъ писала Смирнова и Бартеневу, не упоминая только, что поэтъ пѣлъ пѣсню Рылѣва, первая слова которой Смирновой (или Полонскимъ?) искажены. Текстъ «Пѣсни» Рылѣва, въ Россіи полностью еще не печатавшійся, такой:

«Царь нашъ, нѣмецъ прусскій,
Носить мундиръ узкій.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Царствуетъ онъ гдѣ же?
Цѣлый день въ манежѣ,
Ай да царь и т. д.
Прижимаетъ локти,

Забираетъ въ когти.
Ай да царь и т. д.
Судьи всѣ—жандармы.
Школы всѣ—казармы.
Ай да царь и т. д.
Князь Волконскій баба
Начальникомъ штаба.
Ай да царь и т. д.

См. «Стихотворенія К. О. Рылѣва съ его жизнеописаніемъ. Лейпцигъ. 1862, стр. 77—78.

* * *

Сейчасъ Александра Іосифовна задала мнѣ мудреный вопросъ, кто изъ числа тѣхъ людей, которыхъ я зналъ, самый замѣчательный. Вотъ вопросъ, который мнѣ самому еще ни разу не пришелъ въ голову.

Вечеромъ, послѣ чаю, я вошелъ въ гостиную. Александра Іосифовна сидѣла за работой, были князь и княгиня Трубецкіе А. Н. и А. Ив.

Вотъ въ короткихъ словахъ разказъ Александры Іосифовны.

«Императрица Марья Ѳеодоровна за столомъ ѣла всегда тарелку супу и жаркое—остальныя блюда она только отвѣдывала. Жаркое ей подавали на особенномъ блюдѣ. Разъ, за ужиномъ,—я тогда еще была молоденькой дѣвушкой,—императрица сидѣла за столомъ съ своими секретарями. Мы же, фрейлины: я, графиня Вельгорская сидѣли за особеннымъ столомъ. Мнѣ и пришло въ голову отвѣдать жаркого Маріи Ѳеодоровны, я и говорю m-r Dubois (Дюбуа былъ maitre d'hôtel—мы его звали—метердотель): Дайте, пожалуйста, отвѣдать жаркого императрицы. Онъ и подаетъ мнѣ тихонько тарелку, а на тарелкѣ пять маленькихъ съ длинными носами птичекъ. Только я стала брать, да такъ неловко, что тарелка чуть не выскользнула изъ руки, и всѣ пять птичекъ скатились на полъ. Отъ испуга со мной сдѣлался истерическій смѣхъ. Вельгорскій не зналъ, какъ насъ унять. Смотри на меня, всѣ расхохотались. Вельгорскій изъ себя выходилъ. «Mais taisez vous, misérables!» говорилъ онъ—ничего не помогало. Пажи—трое пажей стояли за стуломъ императрицы,—они это видѣли—то одинъ выбѣжить, не въ силахъ удержать смѣхъ, то другой. Dubois побѣждалъ за другимъ жаркимъ. Императрица спросила себѣ еще порцію, къ счастью, что еще было, что подать!

Когда мы встали изъ-за стола, императрица Марія Ѳеодоровна намъ сдѣлала замѣчаніе. Смѣхъ за столомъ въ то время считался неприличнымъ. Мы сказали, что насъ смѣшилъ кто-то за окномъ, а окно выходило въ садъ, куда бывало забѣгали дежурные офицеры и дурачились.

Я помню Екатерину Ивановну Нелидову, она уже была старухой и престранная была старушка, что-то дѣтское было

въ ней. Бывало просить черезъ садъ проводить ее днемъ—ея пугаль лабиринтъ. Лабиринтъ этотъ былъ только по названію, ребенокъ въ немъ не могъ бы заблудиться.—«Проведи меня милая! Не могу идти, боюсь».

— Чего же вы боитесь?

— Да лабиринтъ-то? Долго ли заблудиться.

Я спросилъ, кто такая была Нелидова.—А, эта Нелидова играла огромную роль при Павлѣ. Онъ былъ когда-то влюбленъ въ нее. Я читала ихъ переписку. И быть можетъ ни одна женщина не писала такъ смѣло своему государю, какъ она. Павелъ глубоко уважалъ ее и слушался одной только Нелидовой. Ея заступничество многихъ спасло, и въ томъ числѣ Безбородку. Друзья Безбородки явились къ ней вечеромъ. Она была больна и ложилась спать, но услыжавъ, что въ этотъ вечеръ подписывается приговоръ Безбородкѣ, встала и написала къ Павлу записку, чтобы онъ пришелъ къ ней. Гостей спрятала за ширмы и до тѣхъ поръ не отпускала Павла отъ себя, пока не уговорила его оставить Безбородку.

Разъ Павелъ подарилъ ей 2000 душъ; она послала ему сказать, что не принимаетъ, что ея привязанность къ нему не требуетъ награды, что слѣдуетъ награждать за заслуги отечеству, что она ничего не сдѣлала и пр. Также послала къ нему обратно золотой сервизъ, присланный ей въ день ея ангела съ просьбой—перемѣнить его на фарфоровый.

Престранная была старушка. Разъ я захожу къ ней, вижу стоитъ съ ружьемъ у дверей.—Я ей: «что вы, Екатерина Ивановна?»—Да не могу сойти, мать моя, на караулѣ стою.

— Кто жъ васъ это поставилъ?—Да вонъ...

А изъ комнаты ея грозится ей маленькій ея племянникъ.

— Тетя, не смѣй сходить съ караула!

Такъ бывало часа два и стоитъ на караулѣ...

Екатерина Ивановна Нелидова (род. 12 дек. 1757 г., ум. 2 янв. 1839 г.) воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, 14 іюля 1777 года была назначена фрейлиной къ в. к. Маріи Ѳеодоровнѣ и очень скоро приобрѣла большое вліяніе на великаго князя. Характеръ ихъ отношеній остается загадочнымъ, но можно положительно утверждать, что Нелидова не была фавориткой въ обычномъ смыслѣ этого слова. Съ Маріей Ѳеодоровной у нея отношенія сначала были натянутыя, и въ 1792 г. Екатерина Ивановна, тяготясь своимъ положеніемъ при дворѣ, удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ и прожила до воцаренія Павла, когда она, примирившись съ Павломъ и заключивъ дружественный союзъ съ Марьей Ѳеодоровной, снова появляется при дворѣ. Не обладая ни въ малѣйшей степени государственнымъ умомъ и ничего не понимая въ политикѣ, Нелидова оказывала благотворное нравственное вліяніе на своего взбалмошнаго друга, всячески стараясь смягчить его самодурный нравъ. Ея личное безкорыстіе, о которомъ говорить Смирнова, подтверждается и другими свидѣтельствами. Увлеченіе Павла А. П. Лопухиной и происки Кутайсова заставили

Нелидову въ 1798 году вторично покинуть дворъ и навсегда переселиться въ Смольный, гдѣ съ ней жила племянница ея, фрейлина Александра Александровна Нелидова, вышедшая замужъ за кн. Никиту Петровича Трубецкаго (р. 6 авг. 1804 г.), брата декабриста. У нихъ были сыновья Петръ (р. 1826 г.) и Сергѣй (р. 1829 г.), одинъ изъ которыхъ и ставилъ на караулъ Е. И. Нелидову.

Въ «Запискахъ» Смирновой (ч. I, стр. 97—98) есть нѣсколько разсказовъ Нелидовой. См. еще «Рус. Арх.» 1890 г., № 6, стр. 284.

Переписка Нелидовой съ Павломъ I и Маріей Оедоровной напечатана въ сборникѣ «Осьмнадцатый вѣкъ» кн. III. О Нелидовой есть книга Е. С. Шумигорскаго.

Достоверность разсказа Смирновой о томъ, какъ Нелидова спасла кн. Безбородко отъ грозившаго ему какого-то тяжелаго наказанія, можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Кн. А. А. Безбородко былъ чуть ли не единственнымъ изъ лицъ, близкихъ къ Екатериѣ II, сумѣвшимъ снискать себѣ благоволеніе Павла, который его очень цѣнилъ, и, вопреки своему обыкновенію неизмѣнно до самой его смерти относился съ полнымъ довѣріемъ, осылая своими милостями. Въ обстоятельной біографіи Безбородко, составленной Н. Григоровичемъ («Рус. Архивъ» 1874—1877 гг.) объ опалѣ, грозившей ему, ничего нѣтъ, но объ интригахъ, которыя велись противъ Безбородко, писалъ гр. Растопчинъ 18 іюня 1797 г. въ Лондонѣ къ гр. С. Р. Воронцову. См. «Рус. Арх.» 1877 г., I, стр. 216.

* * *

Нынче за завтракомъ былъ путный разговоръ. Александра Іосифовна начала снова учиться по-гречески и сказала между прочимъ, что французскій языкъ сталъ ей ненавистенъ съ тѣхъ поръ, какъ она вникла въ духъ и смыслъ языка греческаго. Названіе травъ ее болѣе всего интересуеъ—названіе каждаго растенія по-гречески есть выраженіе цѣлебныхъ свойствъ его. Въ этихъ названіяхъ Александра Іосифовна находитъ оправданіе гомеопатіи. Ганеманнъ, по ея мнѣнію, безъ греческаго языка не сдѣлалъ бы своего открытія.

* * *

Смирнова разсказала какимъ образомъ составлялись отчеты, когда мужъ ея былъ въ Калугѣ губернаторомъ. «Бывало», сказала она, «мужъ мой по цѣлымъ днямъ ломаетъ голову, какъ бы замаскировать правду... Нужно было или лгать — совѣсть не позволяла, или говорить правду, но за правду изъ Петербурга или прислали бы строжайшій выговоръ, или бы лишили губернаторства... Мы здѣсь едва спасли одного Виленскаго губернатора, который въ отчетѣ рѣшился написать, что полякъ не любитъ русскихъ, и что русскій языкъ въ Польшѣ не дѣластъ никакихъ успѣховъ. Еще, слава Богу, что ограничились строжайшимъ за это выговоромъ и наказомъ «на будущее время своею неосмотрительностью не вводить государя въ заблужденіе!».

* * *

Вчерашній день (5 числа) [декабря 1855 г.] прошелъ для меня спокойно и шумно.

Въ три часа — въ четвертъ пополудни, послѣ урока съ дѣтьми,

и сошелъ внизъ одѣваться. Часа въ четыре зовутъ меня къ Александрѣ Іосифовнѣ, въ это время приѣзжаетъ ко мнѣ Маркевичъ. Я оставилъ его въ своей комнатѣ и пошелъ наверхъ. Застаю Смирнову на постели, окруженную письмами и брошюрами, при ней Ольга Николаевна. Обѣ укладываютъ ящикъ. «Я хотѣла показать вамъ, говоритъ Александра Іосифовна, рѣдкости».

— Какія рѣдкости?

— А вотъ письма В. К. Михаила Павловича. Когда онъ умеръ, мнѣ ихъ возвратили—вотъ приписка А. С. Пушкина, его рука—прочтите.

Я взялъ въ руки брошюру—вотъ ея заглавіе: «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковского и А. Пушкина. С.-П. печатано въ военной типографіи 1831»;—(на оборотѣ) «печат: позволяется, С.-П. 7 Сентября 1831 года. Цензоръ Гаевскій».

Въ брошюрѣ этой помѣщены стихотворенія Жуковского:

Старая пѣсня на новый ладъ.

(На голосъ «Громъ побѣды, раздавайся»).

Раздавайся громъ побѣды,
Пойте пѣсню старины:
Бились храбро наши дѣды
Бьются храбро ихъ сыны!

Вотъ начало.

А. Пушкина—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина».

Вотъ надпись, сдѣланная рукой Пушкина на оборотѣ бумажной зеленой обертки:

Quoique vous connaissiez déjà ces vers, comme je viens d'en envoyer un exemplaire à M-me la Comtesse de Lambert, il est juste, que vous en ayez un pareil.

Отъ Васъ узналъ я плѣнъ Варшавы.

.....
Вы были вѣстницею славы

И вдохновеньемъ для меня.

Vous aurez ce second vers des que je vous l'aurai trouvé!

Кромѣ этой брошюры я получилъ изъ рукъ Александры Іосифовны печат. 1 письмо В. А. Жуковского къ князю П. А. Вяземскому отъ ²³ 5 ^{Юля} Августа Кронталя, близъ Содена.

2. Семисотлѣтіе Москвы А. (Аксакова).

3. Сперанскій, описывающій политическую жизнь свою до 1813 года или письмо его къ императору Александру Павловичу 1814 г.

4. Письмо Карамзина Императору Александру послѣ разговора съ нимъ о Польшѣ 1819 г.

Ничего еще этого я не прочелъ.

Наконецъ Александра Иосифовна стала читать мнѣ стихи покойнаго Мятлева, (автора г-жи Курдюковой). Мнѣ никакъ нельзя было долго слушать—надо было и одѣваться и спѣшить къ торжественному обѣду, даваемому въ Шахматномъ Клубѣ Тотлебену, нашему Севастопольскому герою.

Романистъ Болеславъ Михайловичъ Марксевичъ (р. 1822, ум. 1884) былъ близокъ къ семьѣ Смирновыхъ.

Разказъ Полонскаго о разборѣ бумагъ А. О. Смирновой съ дочерью Ольгой Николаевной подтверждаетъ слова послѣдней въ ея «Предисловіи» къ «Запискамъ» матери, что еще при жизни Александры Осиповны она стала приводить въ порядокъ бумаги матери. См. «Записки» ч. I, стр. 4.

Насколько намъ извѣстно, письма в. к. Михаила Павловича къ Смирновой не были опубликованы.

Въ письмѣ къ П. И. Бартеневу о своемъ знакомствѣ съ Жуковскимъ и Пушкинымъ А. О. Смирнова надпись Пушкина на обложкѣ брошюры «На взятіе Варшавы» привела въ нѣсколько иной редакціи. См. Рус. Арх. 1871 г. Спб. 1881—1882, гдѣ и объясненіе содержанія надписи.

Письмо В. А. Жуковскаго къ кн. П. А. Вяземскому, помѣченное «23 іюля (5 августа) Кронштадтъ близъ Содена», относится къ 1848 г. Впервые оно напечатано въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1848 г. № 207, перепечатано въ собраніи сочиненій В. Жуковскаго изд. 1869 г., т. VI, стр. 687—702.

Стихотвореніе К. С. Аксакова «Семисотлѣтіе Москвы» напечатано съ рукописи въ книгѣ: «Сочиненія К. С. Аксакова», т. I, редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкого, С.-Пб. 1915, стр. 69—70.

Письмо М. М. Сперанскаго къ Александру I 1814 г. напечатано Н. К. Шильдеромъ съ подлинной рукописи въ «Рус. Архивѣ» 1892 г. № 1.

Письмо Н. М. Карамзина къ Александру I о Польшѣ отъ 17 окт. 1819 г. напечатано въ книгѣ: «Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», часть первая, С.-Пб. 1862 г., стр. 3—8.

Стихотворныя письма И. П. Мятлева къ Смирновой напечатаны въ Рус. Арх. 1889 г., № 11.

* * *

Въ 1837 году умерла за границей очень оригинальная старушка 90 лѣтъ, нѣкто Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная Разумовская, та самая, которая въ молодости въ числѣ фаворитокъ Петра III спаслась вмѣстѣ съ нимъ въ Кронштадтъ на яликѣ.

Много разныхъ анекдотовъ про нее и сына я слышалъ отъ А. I.

Наталья Кирилловна очень любила своего мужа, но жила съ нимъ въ разводѣ, т.-е. жили они въ разныхъ домахъ, и это случилось вотъ какъ: спать они однажды вмѣстѣ, Наталья Кирилловна и говоритъ:—Эка разлегся, батюшка, мнѣ мѣста совсѣмъ нѣтъ.

— Ахъ, матушка, отвѣчалъ Загряжскій, ты бы хоть карандашикомъ мнѣ мѣсто-то означила. Коли мѣшаю, я, пожалуй, буду спать на другой кровати.

Принесли другую кровать.

— Ахъ, Загряжскій,—какъ ты, батюшка, сопишь, не могу спать, пожалуйста не сопи.

— Ахъ, матушка, что жъ мнѣ дѣлать, я пожалуй буду спать въ другой комнатѣ.

Когда онъ перебрался въ другую комнату, Наталья Кирилловна нашла, что онъ въ домѣ разные безпорядки дѣлаетъ, такъ что Загряжскій рѣшилъ лучше переѣхать въ другой домъ.

Наталья Кирилловна была очень этому рада. Мужъ сталъ приходить къ ней обѣдать и въ карты играть. Согласіе ничѣмъ не нарушалось. Бывало гости пріѣдутъ къ Натальѣ Кирилловнѣ, она и говоритъ—«пойдемте къ Загряжскому, онъ такой милый человѣкъ!» Всѣ и пойдутъ.

— А вѣдь знаешь ли что, говоритъ кусая ногти, однажды Наталья Кирилловна Кочубею, своему племяннику, вотъ Александровская то колонна ничѣмъ не прикрѣплена, такъ и стоитъ!

— Ну такъ что жъ?

— Да какъ это можно! Я кучеру своему запретила ѣздить мимо, неровно повалится и задавить. Нѣтъ, нѣтъ не хочу! Хочу своей смертью умереть (ей уже было около 90 лѣтъ).

У Натальи Кирилловны горѣли ноги—она вздумала ночью открывать ставни и спать съ раскрытой форточкой—(жила она въ нижнемъ этажѣ того дома, гдѣ теперь III Отдѣленіе, близъ дома Безобразова на Фонтанкѣ) вотъ и вообразилось ей, что въ форточку кто-нибудь ночью влѣзетъ—она и наняла кого-то стоять у окна—играть всю ночь на балалайкѣ и пѣсни пѣть.

Однажды, проснувшись, не слышитъ ни пѣсенъ ни балалайки.

— Спросите его, милая, говоритъ она своей женщинѣ, отчего это онъ пересталъ веселиться?

— Ахъ какіе нынче люди стали! говоритъ она однажды своему племяннику. Иду я гулять, а человѣкъ за мной все идетъ, да ворчитъ. Я ему и говорю: «Какъ ты мнѣ надоѣлъ своимъ ворчаньемъ-то», а онъ мнѣ и говоритъ:—«Какъ ужъ вы-то мнѣ надоѣли, если бы знали»!.

Наталья Кирилловна Загряжская (р. 5 сентября 1747 г., ум. 19 марта 1837 г.)—оригинальнѣйшая представительница петербургскаго велико-свѣтскаго общества XVIII и начала XIX вѣка. Она была дочерью гетмана Малороссіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго и внучатою сестры императрицы Елизаветы Петровны Екатерины Ивановны Нарышкиной. По пятнадцатому году появившись при дворѣ Петра III, Наталья Кирилловна была свидѣтельницей ареста императора, о чемъ любила рассказывать впослѣдствіи. Властная и упрямая, она долго искала себѣ мужа, который бы во всемъ повиновался ей, и такого нашла въ Николай Александровичъ Загряжскій (р. 1743 г., ум. 22 июля 1821 г.), молодомъ гвардейскомъ офицерѣ, незадолго передъ этимъ овдовѣвшемъ. О супружеской ихъ жизни даетъ ясное представленіе приведенный рассказъ Смирновой. Дѣтей у нихъ не было, и Наталья Кирилловна, какъ дочь, воспитывалась.

тывала свою племянницу Марью Васильевну Васильчикову (дочь сестры Натальи Кирилловны Анны Кирилловны Васильчиковой), выданную ею въ 1799 г. за графа (съ 1831 г. князя) Виктора Павловича Кочубея, впоследствии государственнаго канцлера внутреннихъ дѣлъ.

Доживъ до глубокой старости, Н. К. Загряжская въ царствованіи Александра I и Николая I пользовалась глубокимъ уваженіемъ петербургскаго высшего общества. Постоянно хлопоча за кого-нибудь, она не терпѣла отказа въ своихъ просьбахъ. Самъ Николай I побаивался ея. «Хочется мнѣ заѣхать къ Кочубею», говорилъ онъ однажды кн. С. М. Голицыну.—«Какое бы было время удобнѣе, а то Наталья Кирилловна меня пожалуй встрѣтитъ».

Пушкинъ, женившійся на ея внучатой племянницѣ (теща Пушкина Н. И. Гончарова была дочерью брата ея мужа) «заслушивался, вспоминалъ кн. П. А. Вяземскій, разказовъ Натальи Кирилловны: онъ ловилъ при ней отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что и въ исторіи много истинной и возвышенной поэзіи, и въ поэзіи есть своя доля исторіи. Нѣкоторыя драгоценныя частички этихъ бесѣдъ имъ сохранены: но самое сокровище осталось почти непочатымъ».

Пушкинымъ записано девять разказовъ Загряжской (въ собраніи «Table Talk»). Всѣ они чрезвычайно колоритны, ярко живописуя нравы русскихъ баръ «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». Въ «Запискахъ» Смирновой есть разказы Загряжской. См. ч. I, стр. 70—71, 96—97. См. еще Рус. Арх. 1890 г., № 6, стр. 283—284. Біографическій очеркъ Н. К. Загряжской составленъ Л. Н. Майковымъ. (Сборникъ статей «Пушкинъ». С.-Пб. 1899 г.).

* * *

10 декабря. Разказъ Смирновой.

Жуковскій любилъ говорить сальности и даже въ дамскомъ обществѣ заводить бывало грязный разговоръ. Напримѣръ, любимый анекдотъ Жуковского былъ о Жанѣ Полѣ, какъ онъ испортилъ статую герцога Саксенъ-Кобургскаго—пакетъ съ надписью герцога, выброшенный въ окно, прилипъ къ лицу статуи. Жуковскій говоритъ, что Ж. П. самъ ему разсказывалъ. Однажды Карамзина выгнала его за это изъ-за стола. Онъ у нея обѣдалъ, да и разговорился, она, какъ хозяйка, велѣла ему молчать.

— Что жъ неужто вы меня выгоняете?

— Выгоняю, ступайте вонъ.

Жуковскій взялъ тарелку, вышелъ въ другую комнату, такъ тамъ и дообѣдалъ. Все общество застало его за пирожнымъ. Сидитъ пресерьезно и ѣсть—такъ всѣ и померли со смѣху.

Когда началась польская кампанія, годъ былъ прегрустный. Въ Петербургѣ—бунтъ, холера. Государь былъ нездоровъ. Польскія дѣла плохи. Петергофъ оцѣпленъ—мы жили въ Петергофѣ. Разъ вечеромъ императрица сѣла у окна любоваться закатомъ солнца—солнце закатывалось въ море, небо было прекраснаго багроволиловаго цвѣта. Мы—т.-е. фрейлины, Жуковскій и Перовскій сидѣли около и молчали. Въ особенности Жуковскій такой молчаливый. Я его и спрашиваю: «вѣрно вы что-нибудь сочиняли, были такъ задумчивы и ни слова не говорили». Да,

милая моя, какъ не такъ, сочинялъ! Какое сочинялъ, я все думалъ... Спросите Перовскаго, о чемъ я думалъ.

— О чемъ?

— Да мнѣ было досадно, что всѣ молчать—ну какъ, я думаю, у кого-нибудь да въ животѣ забурчитъ. Я очень желалъ, чтобъ это было не у меня, а то всѣ фрейлинки подняли бы на смѣхъ. Я все желалъ, чтобъ это у Перовскаго въ животѣ то заворчало, а не у меня, такъ я за себя боялся. Вотъ, моя милая, о чемъ я думалъ...

Графъ Перовскій, Василій—теперешній Оренбургскій генераль-губернаторъ, былъ очень остеръ и забавенъ. Разъ при императрицѣ сидимъ—я, Жуковскій, Перовскій и одна фрейлина Козлова, предурная собой и съ большими претензіями. Перовскій беретъ сливу, обращается ко мнѣ и говорить: «*Charnante brunne! Voulez-vous cette prune?*», а Жуковскій говорить: «а вы ему отвѣчайте—*Charmant homme! voulez-vous cette pomme?*» А Перовскій беретъ грушу, обращается къ Козловой, да и говорить: «*Ma chere poire, voulez-vous cette poire?*» Та такъ разсердилась, что пустила въ него грушой. Мы расхохотались. Императрица спрашиваетъ насъ—чему вы смѣетесь, что случилось?

— Ничего,—отвѣчаетъ Козлова.

— Какъ ничего, говорить Жуковскій и рассказываетъ. Императрица очень смѣялась... Умора, что это были за люди! что это было за простодушное время!

* * *

21 декабря. Изъ рассказовъ Александры Іосифовны слѣдуетъ записать:

1) 14 декабря 1825 года, собака, платокъ обыкновенный.

2) Сафоновъ, камердинеръ Екатерины, Ланской, смерть его—Царское Село.

3) Екатерининскій институтъ при Маріи Феодоровнѣ, посѣщеніе института императоромъ Александромъ и Елизаветой Алексѣвной.

4) Комическій разговоръ Имп. Маріи Феодоровны съ Кологриновымъ о его женѣ.—Разговоръ съ [неразб.] царевичемъ сенатора о сельтерской водѣ.

Смысль первой записи: «14 декабря 1825 года, собака, платокъ обыкновенный» объясняется слѣдующимъ мѣстомъ дневника Пушкина: «13 іюля 1826 года въ полдень государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга приближалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрейлина подняла платокъ въ память историческаго дня». (Дневникъ Пушкина. Запись отъ 6 марта 1834 г.).

Это былъ день казни пяти декабристовъ. Фрейлина, поднимавшая платокъ, конечно, Смирнова, отъ которой Пушкинъ и слышалъ записанное. См. еще «Записки» Смирновой, ч. I, стр. 89.

О посѣщеніи Екатерининскаго института царской семьей подробно разсказывается въ «Запискахъ» Смирновой, ч. I, стр. 108—113.

* * *

Обыкновенно покойнаго великаго князя Михаила Павловича всѣ мы, да и вся святая Русь представляли себѣ въ нѣкоемъ образѣ истукана или простаго вахмистра безъ души и сердца. Не таковымъ является онъ изъ разсказа Смирновой, которая пользовалась его дружбой, и которой съ раннихъ лѣтъ повѣрялъ онъ свою душу. «Это былъ пренесчастный человѣкъ», сказала она. Первое его несчастье было то, что онъ родился великимъ княземъ. Этотъ несчастный титулъ былъ рѣшительнымъ противорѣчіемъ всѣмъ его наклонностямъ. Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ фрейлину, княжну Хилкову, извѣстную у насъ подъ именемъ Пашеньки. Это была премилая дѣвушка, не красавица, но добрая и умная блондинка—вздернутый пуговкой носикъ, сѣрые выразительные глаза и круглая головка. При дворѣ всѣ знали о склонности Михаила Павловича, и Марія Феодоровна, покойная императрица, поспѣшила его свадьбой на Еленѣ Павловнѣ Вюртембергской. Что долженъ былъ вынести этотъ человѣкъ, когда она пріѣхала въ Петербургъ его невѣстой. Она ему не нравилась, онъ съ ней почти не говорилъ, дичился быть съ нею вмѣстѣ, и эта антипатія его къ ней доходила до того, что невѣста разъ объявила, что она не хочетъ выходить замужъ—«Отправьте меня вонъ изъ Россіи, говорила она: я вижу, что я не нравлюсь—поведеніе жениха это доказываетъ». Но ея не пустили. За нѣсколько дней до свадьбы Пашенька играла на театрѣ во дворцѣ. Пѣла восхитительно. Жуковскій тамъ стоялъ, а Михаилъ Павловичъ прижался въ темный уголъ ложи и весь превратился въ слухъ и зрѣніе и, казалось, забылъ, что у него невѣста, по крайней мѣрѣ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

— Я вѣдь этого, моя милая, говорилъ мнѣ Жуковскій, и не зналъ. Я самъ влюбленъ по уши—вы меня совершенно направили на путь истинный.

Разъ я спрашивала великаго князя: «Говорили ли вы съ Пашенькой о вашей любви?»

— Ахъ, Александра Іосифовна, сказалъ онъ, какъ вы можете это думать!

— И не было между вами ни разговора, ничего, и она не знаетъ?

— Я вамъ во всемъ признаюсь. Разъ на раутѣ у императрицы она спросила у камеръ-юнкера воды. Камеръ-юнкеръ не разслышалъ, но я разслышалъ, бросился опрометью, и самъ на поднось

подавъ ей стаканъ воды. Всѣ обратили на это вниманіе, она вся вспыхнула, на меня посмотрѣла съ удивленіемъ. Тутъ только я понялъ всю неприличность моего поведенія. Съ тѣхъ поръ мнѣ какъ-то разъ случилось съ ней танцовать, и за это мнѣ даже досталось. Помните, когда меня послали въ Карслбадъ за границу, это все было сдѣлано съ намѣреніемъ, боялись, чтобъ я не вошелъ съ ней въ какія-нибудь сношенія. Даже мнѣ былъ неизвѣстенъ день моего отъѣзда. Послѣ одного ужина императрица велѣла мнѣ откланяться и сказала, что ѣду завтра утромъ. Я сталъ прощаться, и когда подошелъ къ Пашенькѣ, она сказала мнѣ: «déjà!» и вотъ все, что я слышалъ! Это «déjà» не выходило у меня изъ головы всю дорогу, я спать не могъ, все думалъ, что значить это «déjà», и толковалъ себѣ на разные манеры.

Когда я воротился изъ моего вояжа, никто не зналъ. Царская фамилія была въ Павловскѣ. Я отправился рано утромъ въ Павловскъ, чтобъ поздороваться съ матушкой, и усѣлся въ восточной комнатѣ,—на ту бѣду княжна Хилкова была дежурной и должна была проходить черезъ эту комнату. Вдругъ входитъ—она не знала, что я пріѣхалъ—очень сконфузилась и убѣжала.

Со мной сдѣлался обморокъ, я упалъ безъ чувствъ: мнѣ должны были разстегнуть мундиръ и холодной водой лить на голову.

Долго спустя—Пашенька уже была замужемъ—Михаилъ Павловичъ разъ сталъ меня спрашивать, какъ я думаю, былъ ли онъ любимъ Пашенькой.

—Ну слушайте, сказала я ему. Въ это время я была еще въ институтѣ, Пашенька пріѣзжала въ институтъ видѣться съ своими сестрами и всякій разъ долго и наединѣ о чемъ-то говорила съ инспектрисой, своимъ другомъ, и выходила оттуда всякій разъ съ заплаканными глазами. Помню насъ это удивляло, и меня не разъ посылали подслушивать, о чемъ это онѣ бесѣдуютъ. Я то думала, что она плачетъ, упрашивая за своихъ сестеръ, которыя дурно учатся, и которыхъ хотѣли оставить въ томъ же классѣ. Теперь же, соображая все, что вы говорите, и сличая время, догадываюсь, что осторожная Пашенька, имѣя одного друга, изливала передъ ней свои страданья.

— Вы меня утѣшаете, сказалъ мнѣ на это Михаилъ Павловичъ.

Когда онъ умеръ, у него нашли ленточку отъ башмаковъ ея, ленточку, которую она какъ-то оторвала и бросила, и которую кто-то изъ адъютантовъ поднялъ и передалъ ее князю, чтобы подслужиться. Да, это была горячая и теплая душа—и самыя благородныя правила.

Разъ за какой-то разводъ со штандартами пострадало много молодыхъ гвардейцевъ: кто былъ переведенъ въ армію, кто отста-

вленъ, кто разжалованъ. Весь Петербургъ негодовалъ на строгость великаго князя, всѣ его бранили. Я была во дворцѣ. Императрица Александра Федоровна говорить мнѣ: «Скажите пожалуйста великому князю, авось онъ васъ послушаетъ, хоть ради дружбы. Можно быть строгимъ, но не такимъ же тираномъ—изъ-за пустяковъ лишать карьеры». Я сказала, что не смѣю въ это мѣшаться.

Императоръ Николай Павловичъ былъ тутъ же. На другой день я написала записку къ великому князю—прошу его пріѣхать. Онъ явился—и я передаю ему вчерашній разговоръ.

«Ахъ ужъ не императрицѣ бы говорить! сказалъ онъ, не могу и только оправдываться, долженъ молчать. Знаю, что меня обвиняютъ и бранятъ и все на меня сваливаютъ, а если бы вы знали, что государь вчера говорилъ мнѣ вечеромъ у него въ кабинетѣ, такъ вы бы меня не обвинили! Я не зналъ, какъ я вышелъ, столько наговорилъ мнѣ. «Ты всю гвардію, говорить, распустилъ, бунтъ готовишь»—да и мало ли что. Тутъ хорошо имъ на меня все сваливать».

На бѣдныхъ офицеровъ великій князь истратилъ 7.000.000 рублей—не всякій это сдѣлаетъ.

Сентиментальный романъ Михаила Павловича, рассказанный Смирновой въ доказательство сердечной нѣжности великаго князя, конечно, нисколько таковой не доказываетъ. Очень часто грубыя и даже жестокія натуры бываютъ склоны къ сентиментальной любви. Хладнокровно запарывая на смерть солдатъ, эти «вахмистры безъ души и сердца» способны были падать въ обморокъ отъ неожиданной встрѣчи съ предметомъ своей страсти. Вспомнимъ гр. Аракчеева, питавшаго къ своей Настасѣ Минкиной не менѣе нѣжныя чувства, чѣмъ Михаилъ Павловичъ къ кн. Хилковой.

Княжна Прасковья Александровна Хилкова (р. 1803 г., ум. 12 марта 1843 г.) была дочерью Александра Яковлевича Хилкова (р. 4 апр. 1755 г., ум. въ апр. 1819 г.). Въ нее былъ влюбленъ и Жуковский. что видно, изъ записи въ его дневникѣ отъ 25 окт. 1820 г.: «Шувалова получила письмо изъ Петербурга отъ Ушаковой, которая описываетъ ей радости гатчинскія и фарсы Плещеева. Х. (илкова) играла на театрѣ: воображаю, что она была прелестна, и радуюсь, что не видалъ ея. Я говорилъ объ ней и объ себѣ съ Шуваловой. Чего я хочу? Ничего болѣе, какъ только, чтобы она думала обо мнѣ какъ должно. Далѣе этому итти не надобно. Будешь смѣшонъ и жалокъ». См. «Дневники В. А. Жуковскаго» Рус. Стар. 1901 г., июль, приложение, стр. 84—85.

Этой же Хилковой и В. П. Ушаковой въ 1823 г. посвящено Жуковскимъ стихотворное посланіе «Не грѣхъ ли вамъ, прелестная графиня...». Въ 1823 году Хилкова пѣла на музыкальномъ вечерѣ, данномъ въ Гатчинѣ 6-го октября по случаю пріѣзда невесты в. к. Михаила Павловича, слова ангела въ стихахъ Жуковскаго «Ангель и пѣвецъ», положенныхъ на музыку Мауреромъ. См. Отечественныя Записки 1823 г., ч. XVI, стр. 314—316.

Вышла Хилкова замужъ за графа Александра Ивановича Гендрикова и жила въ Харьковѣ. На балу, данномъ по случаю пріѣзда въ Харьковъ наследника Александра Николаевича 12 октября 1837 г. графиня П. А. Гендрикова, какъ писалъ С. А. Юрьевичъ женѣ, была «à la tête de la société de Харьковъ» и танцевала съ наследникомъ. См. Рус. Арх. 1887 г., № 6, 212—213.

Супруга в. к. Михаила Павловича Елена Павловна (Фредерика-Шар-

лотта-Марія), принцесса Вюртембергская (р. въ Штутгартѣ 28 дек. 1806 г., ум. 9 января 1873 г.) приѣхала въ Россію 30 сентября 1823 г., обручена 6 декабря того же года и повѣнчана 8 февраля 1824 г. Бракъ этотъ, устроенный императрицей Маріей Ѳедоровной былъ не изъ счастливыхъ: мало было общаго у Елены Павловны, ученицы великаго Кювье, натуры богато одаренной, живо интересовавшейся наукой и искусствомъ, съ супругомъ, человѣкомъ грубымъ и малообразованнымъ. См. Рус. Арх. 1905 г., № 10, стр. 235.

* * *

Мать Александры Іосифовны была однажды очень грустна.

— О чемъ вы грустите? спросила ее дочь.

Я вспомнила мужа—какъ ему однажды хотѣлось кофе, и я ему не дала. Мнѣ стало теперь жаль, зачѣмъ я ему не дала его.

* * *

12 февраля 1856 г.

Я страдаю и стыжусь за свою память. Собственные имена рѣшительно въ ней не держатся. Сейчасъ—вотъ сію минуту—слышалъ преинтересную исторію отъ Александры Іосифовны и не знаю, буду ли въ состояніи записать. Александра Іосифовна вчера была у князя Хилкова. Хилковъ рассказывалъ ей про свое воспитаніе.

Въ 1806 году не было въ Петербургѣ ни одного благороднаго пансіона, наконецъ, при кадетскомъ корпусѣ, который тогда назывался шляхетскимъ корпусомъ, былъ пансіонъ, содержателемъ котораго былъ французъ.....¹⁾ безбожникъ, какихъ мало. Я къ нему поступилъ на воспитаніе, мы рѣшительно не имѣли понятія, что такое церковь. Н. былъ просто жалокъ, французъ со сквернѣйшей нравственностью набралъ здѣсь денегъ, женился и уѣхалъ за границу, передавъ пансіонъ свой другому французу. Этотъ былъ человѣкъ честный и добрый, но также язычникъ. Наконецъ, послѣ него является содержателемъ пансіона Николь, іезуитъ. Этотъ ²⁾ сталъ насъ безпрестанно заставлять молиться, произносить святыя изреченія и т. п. Признаться, послѣдняя метода оказалась вреднѣе прежнихъ, совершенно равнодушныхъ къ религіи. Отъ воспитанія этого всѣ, рѣшительно всѣ, сдѣлались отъявленными атеистами.

Тогда въ Петербургѣ были два ордена католическихъ: іезуиты и доминиканцы; послѣдніе жили при мальтійской церкви. Публика раздѣлялась на двѣ партіи, изъ которыхъ одна ѣздила въ одну, другая въ другую католическую церковь.

Не послѣднюю роль въ жизни петербургскаго общества играли

¹⁾ Точки въ рукописи.

²⁾ Когда на него донесли Императору, Александръ Павловичъ послалъ его въ Одессу, гдѣ онъ и основалъ Ришельевскій Лицей вмѣстѣ съ Россети.

и масонскія ложи. Графъ Вельегорскій на эти ложи истратилъ все почти свое состояніе. Ланской, теперешній министръ, былъ также масонъ; и вотъ почему графъ Вельегорскій до сихъ поръ питаетъ къ Ланскому особенную дружбу. Ложи эти имѣли ту хорошую сторону, что связывали людей дружбой по гробъ и были источникомъ многихъ благотвореній. Я былъ безбожникъ, какъ и всѣ. Но меня на путь истинный навелъ протестантскій проповѣдникъ Госнеръ. Кто такой былъ Госнеръ, вы теперь не знаете, но тогда про него шумѣлъ весь Петербургъ. Когда императоръ Александръ I былъ въ послѣднее время за границей, ему, какъ на передовыхъ людей на поприщѣ богословія, указали именно на Х. и на Госнера. Александръ вызвалъ ихъ въ Петербургъ. Х. началъ проповѣдывать. Это былъ человѣкъ необычайно краснорѣчивый. Все лучшее общество въ Петербургѣ стекалось слушать его проповѣди, но однажды онъ сказалъ съ кафедры, что Божья Матерь родила не одного Христа, что у нея были еще другія дѣти. Это сильно подѣйствовало, такъ что многіе стали выходить изъ церкви. Публика пришла въ волненіе.

Донесли государю. Александръ послалъ его на югъ Россіи для обозрѣнія колоній. На мѣсто Х. поступилъ Госнеръ. Это былъ христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова. Человѣкъ святой жизни, глубокаго ума и увлекательнаго дара слова; все обратилось къ нему. Наше православное духовенство видя, что лучшія фамиліи стали посѣщать проповѣдника протестантскаго, возмущалось.

У Госнера были страстные поклонники. У императрицы Маріи Федоровны былъ служитель Гриммъ. Всѣхъ было семь Гриммовъ, всѣ занимали лакейскія придворныя должности и были честнѣйшіе, благороднѣйшіе люди. Однажды Марія Федоровна призвала Гримма. «Гриммъ, говоритъ она, я слышала, что ты часто ходишь слушать Госнера.—Да, Ваше Величество.—Берегись, это еретикъ. я не хочу, чтобъ ты слушалъ его проповѣди.—Ваше Величество, я буду слушать его проповѣди.—Ну, Гриммъ, выбирай, хочешь остаться при мнѣ, или ходить къ Госнеру? Гриммъ поклонился и сказалъ: «Ваше Величество, я долженъ буду васъ покинуть. какъ мнѣ ни лестно быть при особѣ Вашего Величества, но Госнеръ научилъ меня узнавать Бога. Я не могу его покинуть».

Императрица была удивлена и растрогана, подошла къ нему, потрепала по плечу и сказала:

— Ну, Гриммъ, ты честный человѣкъ, мы никогда съ тобой не разстанемся.

Свѣтлѣйшая княгиня Ливенъ (воспитавшая императора Александра, Николая и другихъ) была также противъ Госнера. Она

была предубѣждена толками, и когда князь Хилковъ хотѣлъ прочесть хоть одну изъ его проповѣдей, она отказала, боясь заразиться ересью, и пригрозила самому Хилкову.

Партія формалистовъ православной церкви, на сторонѣ которой были Фотій и Серафимъ, сильно вооружилась противъ Госнера. Фотій часто бывалъ у Анны Алексѣевны Орловой; племянникъ ея, Алексѣй Федоровичъ Орловъ, бывалъ у нея и, разумѣется, не имѣя большого состоянія, старался поддѣлываться къ ея образу мыслей и дружилъ съ духовенствомъ, часто навѣщалъ Фотія или лицъ духовныхъ, наиболѣе приближенныхъ къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ.

Духовенству всего ненавистнѣе былъ министръ духовныхъ дѣлъ Александръ Николаевичъ Голицынъ за то именно, что онъ держалъ сторону Госнера. Разъ узнали, что нѣкто Поповъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей того времени, перевелъ для Голицына книгу Госнера съ нѣмецкаго языка, книгу духовнаго содержанія.

Собрались Серафимъ, Фотій, нѣсколько архимандритовъ и молодой Алексѣй Орловъ. О переводѣ Попова узнали и всячески старались этотъ переводъ достать, но никакъ не могли. Орловъ вызвался достать.

Онъ познакомился съ Поповымъ, подружился съ нимъ, мѣсяцевъ шесть притворялся его другомъ и однажды, забравшись къ нему въ кабинетъ, укралъ переводъ и прибѣжалъ къ Фотию. Орлова расцѣловали, сдѣлали выписки изъ книги Госнера, и Серафимъ на другой день отправился съ доносомъ на Голицына къ Императору Александру.

Орловъ сѣлъ къ нему на запятки кареты, боясь, что Серафимъ не доѣдетъ, струсить и воротится.

У Александра болѣла въ это время нога—онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, когда явился къ нему Серафимъ съ просьбой отставить духовнаго министра А. Н. Голицына. Александръ, говорятъ, вспылить, всталъ, забылъ, что у него болитъ нога, топнулъ и сказалъ:

— Кто далъ вамъ право смѣнять моихъ министровъ?

Серафимъ снялъ съ себя ленту, клобукъ, положилъ ихъ на столъ и сказалъ: «Или я, или онъ. Если онъ министръ—я уже не митрополитъ!»

Это подѣйствовало. А. Н. Голицынъ былъ сдѣланъ министромъ почтъ. Духовное министерство распалось на министерство просвѣщенія и на прокурорство при Св. Синодѣ. Госнеру запрещено было проповѣдывать. Онъ жилъ въ Петербургѣ, какъ частное лицо.

Поповъ за переводъ брошюры Госнера былъ судимъ. Дѣло поступило въ Сенатъ. Сенаторы было его совершенно обвинили, но одинъ изъ нихъ, Муравьевъ-Апостолъ, отецъ того самаго, который былъ повѣшенъ за 14 декабря, подалъ отъ себя записку, въ которой оправдалъ Попова. Муравьевъ-Апостолъ, потомокъ гетмана Апостола, былъ человѣкъ, замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ былъ необычайной высоты умственной и нравственной и былъ однимъ изъ первыхъ эллинистовъ въ Россіи. Замѣчательно, что записка, оправдавшая Попова, поданная въ Сенатъ, вся испещрена латинскими и греческими цитатами и текстами. Александръ, прочтя ее, сталъ на сторонѣ Муравьева, и Поповъ былъ оправданъ. Разумѣется, Попова оправдали и потому еще, что князь Голицынъ, какъ человѣкъ близкій Александру, былъ за него.

Князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ, родной братъ кн. Праксови Александровны Хилковой, родился въ 1789 г. Изъ пансіона Николая отданъ онъ былъ въ Пажескій корпусъ, по окончаніи котораго вышелъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, въ которомъ и прослужилъ до 1816 г. продѣлавъ кампаніи 1805, 1807 и 1812 гг. 20 января 1816 г. за болѣзнь уволенъ былъ полковникомъ. Въ 1825 г. Хилковъ женился на любимой фрейлинѣ Маріи Ѳедоровны, княжнѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ Волконской, и въ 1825—26 гг. состоялъ секретаремъ при вдовствующей императрицѣ, исполняя очень отвѣтственные порученія. Онъ былъ посредникомъ въ 1826 г. въ перепискѣ Маріи Ѳедоровны съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Письма императрицей изъ Москвы въ Петербургъ отправлялись открытыми на имя Хилкова для предварительнаго прочтенія ихъ государемъ и имъ просмотрѣнными и одобренными уже отправлялись изъ Петербурга въ Варшаву подъ почтовымъ штемпелемъ московскаго, а не петербургскаго почтамта за собственною Маріи Ѳедоровны печатью, нарочно оставленной императрицей у Хилкова. Отвѣты цесаревича, въ которыхъ повторялся упорный его отказъ пріѣхать на коронацію Николая—объ этомъ и шла переписка—также пересылались Хилкову на просмотръ государю.

Въ январѣ 1827 г. Хилковъ былъ назначенъ Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а Указомъ Правительствующему Сенату отъ 5 мая 1827 г. повелѣно ему состоять при особѣ Его Имп. Величества. Въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ Хилковъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ былъ близокъ съ славянофилами. Сосѣдъ по имѣнію Хилкова (Михайловское, Новосильск. уѣзда, Тульской губерніи), хорошо его знавшій Д. Н. Свербеевъ характеризуетъ князя, какъ человѣка «замѣчательнаго ума, весьма пылкаго, энергичнаго и твердаго характера». «Особенно замѣчательно было въ немъ, пишетъ Свербеевъ, мистическое направленіе. Онъ не принадлежалъ, кажется, ни къ какой сектѣ, но по своей природѣ былъ способенъ ко всякой религіозной мечтательности, увлеченъ былъ въ нее сперва бывшей при его сестрахъ гувернанткой гернгутерскаго толку, m-lle Шредеръ, а потомъ и знаменитою мечтательницей баронессой Крюднеръ».

Госнеромъ Хилковъ интересовался и въ 1840-хъ годахъ. А. П. Елагина въ мартѣ 1843 г. писала А. Н. Попову въ Германію: «Отыщите пожалуйста Госнера. Неандръ знаетъ, гдѣ онъ живетъ, и дайте объ немъ вѣсточку князю (Хилкову). См. Р. Арх. 1886 г., № 3, стр. 341. (О кн. Д. А. Хилковѣ см. въ «Запискахъ» Д. Н. Свербеева) М. 1899, т. I, стр. 153—157, 176—177, т. II, стр. 64, 349, 362—363 и въ «Русской Старинѣ» 1882 г., № 1, стр. 123.

Свѣдѣнія о службѣ кн. Хилкова взяты изъ его формулярнаго списка, имѣющагося въ Архивѣ Моск. Дворянскаго Депутатскаго Собранія. Копія со списка любезно представлена была намъ Н. П. Чулковымъ. Сдѣлавшимъ кромѣ этого для насъ рядъ справокъ, за что и приносимъ ему глубокую благодарность.

«Х.» въ записи Полонскаго, вѣроятно, католическій пасторъ Линдль, прїѣхавшій въ октябрѣ 1819 г. изъ Баваріи въ Петербургъ, гдѣ онъ нашелъ самый благосклонный прїемъ не только у кн. Голицына, но и у самаго императора. Онъ получилъ мѣсто проповѣдника при Мальтійской церкви, гдѣ собирались къ нему служители разныхъ исповѣданій. Въ біографіи Госнера разсказывается даже, что однажды Александръ I просилъ, стоя на колѣняхъ, благословенія Линдля. Весной 1820 г. Линдль былъ удаленъ изъ Петербурга и получилъ мѣсто въ Одессѣ съ правами католическаго епископа. См. Пыпинъ «Религіозныя движенія при Александрѣ I», Пгр. 1916, стр. 134.

О дѣлѣ Госнера разсказывается въ «Воспоминаніяхъ В. И. Панаева» (въ «Вѣстн. Европы» 1867 г., т. IV, стр. 82—88), въ «Запискахъ Шишкова» и подробнѣе въ «Запискахъ о моей жизни» Н. И. Греча, въ типографіи котораго печаталась злополучная книга Госнера. Нѣкоторыя подробности этой исторіи Смирнова передаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ Гречъ. По ея словамъ, дѣятельное участіе въ сверженіи кн. Голицына принималъ А. Ѳ. Орловъ, впоследствии извѣстный шефъ жандармовъ, тогда какъ у Греча онъ не только не выкрадываетъ перевода Попова, но даже и не названъ среди приверженцевъ Аракчеева, которые, по разсказу Греча, достали книгу Госнера, до выхода ея въ свѣтъ, при помощи нѣкоего чиновника Степанова. («Записки о моей жизни» Греча, С.-Пб. 1886 г., стр. 312—316). Но участіе Орлова подтверждаетъ М. Морозкинъ, который въ примѣчаніи къ изданной имъ «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи» («Рус. Архивъ» 1868 г., стб. 1329—1413) писалъ: «Покойный Павловъ (ум. въ 1865 г.) разсказывалъ, что митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ, въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ, Фотій и Орловъ и своими руками усадили его въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до Зимняго дворца, крикнулъ «пошелъ!», и карета быстро покатилась отъ Невской Лавры къ Зимнему дворцу».

Смирнова ошибается, утверждая, что Госнеру было только запрещено проповѣдывать, и что онъ жилъ въ Петербургѣ, какъ частное лицо. 25 апрѣля 1824 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе Шишкову и Ланскому разсмотрѣть книгу Госнера, и онъ самъ той же весной былъ высланъ за границу. См. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Пгр. 1916, стр. 205.

Невѣрно и утвержденіе Смирновой, что Александръ, прочтя записку Муравьева-Апостола, сталъ на сторону Муравьева, и Поповъ былъ оправданъ. Дѣло Попова въ сенатѣ, куда была подана записка Муравьева-Апостола, не кончилось и перешло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и разсматривалось уже въ 1826 году, т.-е. послѣ смерти Александра. Государственнымъ Совѣтомъ Поповъ былъ оправданъ. См. Пыпинъ, указ. соч. стр. 221.

Очень обстоятельно изложено дѣло Госнера И. Остроглазовымъ въ статьѣ «Исторія одной рѣдкой замѣчательной книги». («Библиографическія Записки» 1892 г. №№ 3, 4, 5, 8, 9 и 10. Въ № 8 помѣщенъ портретъ Госнера.)

Разъ Жуковскій на балѣ во дворцѣ завелъ разговоръ объ убійствѣ Павла I съ однимъ изъ участвовавшихъ.

«Надо вамъ сказать, что все это преувеличено», сказалъ тотъ. Когда же проходилъ Николай, и они замолчали, то царь сказалъ имъ: «продолжайте вашъ пріятный разговоръ».

О разговорѣ Жуковскаго на балѣ съ однимъ изъ убійцъ Павла I въ дневникѣ Пушкина подъ 8 марта 1834 г. записано такъ: «Жуковскій поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) цареубійцу Скарятину и заставилъ его разсказывать 11-е марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Государь съ гр. Бенкендорфомъ и застаётъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующимъ съ убійцею его отца. Скарятинъ снялъ съ себя шарфъ, прекратившій жизнь Павла I-го».

Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ.

*Первыя впечатлѣнія. Профессора. Студенты. Дѣло Ничева.
Общественная жизнь Москвы. Университетъ въ 60-е г.г.*

Представляя на судъ читателя свои университетскія воспоминанія, я не претендую на то, чтобы въ нихъ онъ нашелъ полную картину всего университетскаго строя той далекой уже отъ насъ эпохи. Московскій университетъ и въ то время уже былъ такимъ громаднымъ, сложнымъ организмомъ, что ни одинъ студентъ не могъ въ теченіе своего 4-хъ лѣтняго въ немъ пребыванія охватить, оцѣнить и сохранить въ памяти своей всю жизнь этого организма во всѣхъ ея подробностяхъ, и тѣмъ менѣе можетъ онъ изобразить ее по своимъ воспоминаніямъ, по прошествіи многихъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого такія воспоминанія, волей-неволей должны ограничены быть тою областью университетской жизни, въ которую лично входилъ авторъ, которая была ему извѣстна по собственному его опыту. Такія индивидуально-особооблеченныя воспоминанія имѣютъ цѣну лишь по степени точности авторской памяти, разъ они излагаются имъ много лѣтъ спустя, а съ другой стороны они не обезпечены отъ двойной опасности: во-первыхъ, они могутъ быть неполными, односторонними, разъ авторъ ихъ не былъ посвященъ во всѣ подробности изображаемой имъ эпохи, не охватывалъ весь бытъ или всю картину того учрежденія, въ которомъ онъ пребывалъ, а во-вторыхъ, въ нихъ можетъ чувствоваться недостаточность объективности, ибо авторъ излагаетъ лишь то, что лично его касалось, въ чемъ онъ участвовалъ, что видѣлъ своими глазами. Въ какой мѣрѣ я избѣгъ этихъ двухъ подводныхъ камней, я не берусь судить, а прошу читателя извинить меня, если онъ не будетъ удовлетворенъ чтеніемъ моего повѣствованія.

Августъ 1916 г.

I.

Я вступилъ въ число студентовъ Московскаго университета въ 1865 году. Вступительные экзамены происходили въ маѣ и за-

кончились въ первыхъ числахъ іюня, и объ этихъ экзаменахъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, ибо они сопровождались нѣкоторыми, характерными для того времени чертами и, кромѣ того, дали мнѣ возможность встрѣтиться съ лицами, заслуживающими упоминанія.

Я не проходилъ гимназическаго курса въ стѣнахъ гимназіи—въ то время это не было еще болѣе или менѣе обязательнымъ, или неизбѣжнымъ, какъ впоследствии,—а получилъ такъ называемое домашнее воспитаніе, т.-е., ко мнѣ на домъ приходили учителя, давали мнѣ часовые и духчасовые уроки и получали по 3 и по 5 руб. за часъ. Въ ту, далекую уже отъ насъ эпоху, требованій было немного, программа гимназическаго курса была не очень то нагружена, не было мучительнаго и бесплоднаго классицизма. Прохожденіе этой программы было легко, чего лучшимъ доказательствомъ являюсь я, ибо я оказался подготовленнымъ къ поступленію въ университетъ въ два учебныхъ года. Почти двухлѣтнее пребываніе мое за границей съ моими родителями не дало мнѣ возможности правильно слѣдовать программѣ, и только съ осени 1863 года занятія мои начались, какъ подобало. Конечно, педагогъ-классикъ настоящаго времени придетъ въ ужасъ отъ подобной быстроты и припишетъ ее либо преступной снисходительности преподавателей-экзаминаторовъ, либо моимъ выдающимся способностямъ. Ни того ни другого не было, а дѣло объяснялось очень просто. Въ то время, какъ и до того, въ силу обычая, настоящею, реальною цѣлью школьнаго воспитанія молодыхъ людей была исключительно подготовка ихъ къ университетскому экзамену, прохожденіе ими преподанной программы ради удовлетворительныхъ, по возможности, отвѣтовъ на немъ. О познаніяхъ какъ будто заботы не было, а равно и о томъ, чтобы преподаваемая въ средней школѣ познанія служили прочною основою для дальнѣйшаго, почему надо признаться, что мы въ университетѣ были круглыми невѣждами во всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые не входили въ курсъ избраннаго нами факультета. Разъ экзаменъ былъ сданъ, и юноша превращался въ студента, онъ быстро забывалъ все, что мучило его до экзамена: юристъ забывалъ алгебру и геометрію, естественникъ—исторію, а медикъ то и другое.

Съ введеніемъ классической системы и перегруженіемъ гимназической программы, такое домашнее воспитаніе сдѣлалось почти невозможнымъ. Жалѣть объ этомъ нечего, ибо, съ одной стороны, это воспитаніе и въ мое время было очень легковѣснымъ и безконтрольнымъ, а съ другой оно не вырабатывало въ молодыхъ людяхъ ни благороднаго соревнованія, ни въ особенности привычки говорить публично, каковая привычка сама собою развивается въ

юношѣ, отвѣчающему учителю въ классѣ, въ присутствіи своихъ товарищей. Не этимъ ли отчасти объясняется отсутствіе настоящихъ ораторовъ въ средѣ нѣкоторыхъ общественныхъ нашихъ круговъ?

Экзаменъ мой происходилъ въ 4-й гимназіи, донинѣ помѣщающейся на Покровкѣ, въ домѣ, когда-то принадлежавшемъ князю Трубецкому и извѣстномъ москвичамъ подъ названіемъ «комода». Дико и жутко было мнѣ, когда я въ первый разъ очутился въ классѣ, куда ввелъ меня директоръ гимназіи Копосовъ, и сѣлъ на скамью съ попитромъ, среди сидѣвшихъ на сосѣднихъ «шартахъ», юношей, болѣе или менѣе взрослыхъ, и вовсе непохожихъ на тѣхъ салонно-благовоспитанныхъ юношей, которыхъ я привыкъ видѣть. Я нѣсколько опомнился, увидавъ среди нихъ одно знакомое мнѣ лицо—Всеволода Миллера. Это былъ сынъ небезызвѣстнаго въ свое время литератора и поэта Ф. Б. Миллера, бывшій впослѣдствіи профессоромъ сравнительнаго языковѣдѣнія и директоромъ Лазаревскаго института.

Насъ въ классѣ сидѣло человекъ 20—все плоды домашняго воспитанія,—и, будучи совершенно неизвѣстны другъ другу, мы сидѣли въ полномъ безмолвіи, тогда какъ въ сосѣдней комнатѣ шумѣли и гамѣли мѣстные гимназисты старшаго класса, тоже державшіе выпускные экзамены. Вошелъ учитель русской словесности и задалъ намъ четыре темы для сочиненія на выборъ. Я взялъ тему о Ломоносовѣ и въ теченіе трехъ часовъ написалъ сочиненіе на двухъ листахъ бумаги, на которыхъ уже заблаговременно была надписана моя фамилія. Сдавъ свое произведеніе приставленному къ намъ надзирателю, я ушелъ домой, а на другой день я узналъ, что получилъ пятерку. Какъ же я возгордился!

А этотъ учитель русской словесности былъ уже и въ то время извѣстный своими работами, а впослѣдствіи стяжавшій себѣ громкую славу, педагогъ—Левъ Ивановичъ Поливановъ. Ближе познакомился я съ нимъ гораздо позднѣе, когда мои сыновья были въ его частной гимназіи. Это былъ настоящій педагогъ-идеалистъ, всею душою преданный своей задачѣ, искренній поклонникъ изящнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, умѣвшій внушать культъ этого изящнаго ввѣренной ему молодежи. Съ нѣжною любовью и съ тонкимъ умѣньемъ развивалъ онъ эти умы, и этимъ рѣзко отличался отъ современныхъ ему педагоговъ классической школы. Крупною заслугой Поливанова было еще и то, что онъ былъ дѣйствительно воспитателемъ юношей, учившихся въ его гимназіи, развивалъ ихъ умы и ихъ культурность, а не простымъ учителемъ, начинявшимъ ихъ познаніями въ предѣлахъ программы, и это доказывается тѣмъ, что ученики его гимназіи

никогда не порывали съ нею своихъ духовныхъ связей и навсегда сохраняли благодарную память о ней. Не часто встрѣчается подобное въ другихъ заведеніяхъ.

Когда, черезъ два дня послѣ письменнаго экзамена, я держалъ устный, я понялъ, что Поливановъ представлялъ собою человѣка особаго рода, не похожаго на общій типъ учителей. Мнѣ попался билетъ о Дантѣ, но онъ такъ увлекся этою темою, что, почти не спрашивая меня, прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о флорентійскомъ поэтѣ и его времени.

Изъ латинскаго языка меня экзаменовалъ—и въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ его мнѣ на дому,—старичокъ Битовтъ, очень добрый, но довольно ограниченный и простодушный человѣкъ, и его экзаменъ сопровождался комическимъ обстоятельствомъ, характернымъ для того времени и способовъ преподаванія, бывшихъ тогда въ ходу. Мои познанія въ латыни были болѣе чѣмъ слабы, по винѣ ли Битовта, или по моей,—не берусь судить, но дѣло въ томъ, что директоръ 4-й гимназіи Копосовъ былъ прежде учителемъ латинскаго языка и поэтому любилъ участвовать въ экзаменовкѣ, особенно новичковъ изъ «домашнихъ». Битовту это было извѣстно, и поэтому онъ велѣлъ мнѣ выучить въ совершенствѣ разборъ рѣчи Ганнона изъ Тита Ливія, что я и сдѣлалъ подъ его руководствомъ. Подхожу я къ экзаменаціонному столу, за которымъ сидятъ Битовтъ и директоръ. Битовтъ добродушно и съ невиннымъ выраженіемъ лица перелистываетъ книгу и что-то бормочетъ вполголоса директору, дабы не дать ему возможности обратиться ко мнѣ съ вопросами, а затѣмъ велитъ мнѣ перевести и разобрать рѣчь Ганнона. Я отвѣчаю мастерски, директоръ приходитъ въ восторгъ и ставитъ мнѣ пятерку, что не помѣшало мнѣ остаться навсегда круглымъ невѣждой въ латинскомъ языкѣ.

Математику и физику преподавалъ мнѣ на дому и экзаменовалъ въ гимназіи А. Ф. Малининъ, который, вмѣстѣ съ Буренинымъ издалъ многочисленные учебники, кажется еще и понынѣ служащіе руководствомъ въ средней школѣ. Это былъ очень милый, образованный человѣкъ, въ то время принадлежавшій къ новѣйшей формаціи педагоговъ, рѣзко отличавшейся отъ прежнихъ традиціонныхъ типовъ. Потомъ онъ долго состоялъ директоромъ учительскаго института въ Москвѣ.

Вкратцѣ упомяну я о прочихъ моихъ экзаменахъ. Священникъ А. С. Ильинскій, тогда еще сравнительно молодой, впоследствии былъ настоятелемъ Успенскаго собора, и мы съ нимъ довольно часто встрѣчались у покойнаго князя В. А. Долгорукова, московскаго генераль-губернатора, коего онъ былъ духовникомъ. Изъ исторіи экзаминовалъ меня В. М. Пржевальскій, братъ знамени-

таго путешественника. Онъ только что кончилъ университетскій курсъ и вступилъ въ число преподавателей 4-й гимназій, откуда черезъ годъ, тотчасъ по введеніи судебной реформы, перешелъ въ адвокатуру и стяжалъ себѣ въ ней громкое имя, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ гражданскаго права и судопроизводства. Крупную роль игралъ онъ въ Московскомъ Городскомъ Управленіи, гдѣ я съ нимъ вновь встрѣтился и завязалъ очень близкія и дружественныя отношенія. Экзаменовавшій меня изъ географіи учитель гимназій Марксъ черезъ годъ послѣ того оказался серьезно замѣшаннымъ въ дѣлѣ покушенія на жизнь Государя, произведенномъ Каракозовымъ, и кончилъ чуть не каторгой.

Когда экзамены кончились, и я очутился на свободѣ, въ деревнѣ, я долго не могъ опомниться, не могъ приучить себя къ свободному образу жизни, безъ уроковъ и мучительныхъ къ нимъ приготовленій, безъ учебниковъ, лексиконовъ и задачниковъ. Хорошее то было чувство, усиливающееся еще сознаниемъ того, что я уже студентъ, что уже принадлежу къ корпораціи тѣхъ, которые были мнѣ извѣстны и передъ которыми я дотолѣ, мелкій подростокъ, привыкъ какъ-то подобострастно благоговѣть.

II.

По прошествіи лѣта, а именно во второй половинѣ августа 1865 года, я фактически вступилъ въ университетъ, на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ моего пребыванія въ университетскихъ стѣнахъ я очутился, какъ въ лѣсу, до того все было ново, даже дико для меня, привыкшаго къ исключительно семейной обстановкѣ и къ урокамъ съ глазу на глазъ съ учителемъ. Тутъ-то я рѣзко ощутилъ недостаточность моей подготовки, сравнительно съ гимназическимъ, публичнымъ, такъ сказать, воспитаніемъ, которое дало бы мнѣ возможность быстро освоиться съ университетскимъ курсовымъ преподаваніемъ. Мнѣ пришлось продолжительное время приучать себя къ внимательному слушанію и запоминанію и нетрудно было мнѣ замѣтить, что всѣ, подобные мнѣ, воспитанные домашнимъ способомъ, были въ томъ же положеніи, какъ и я, и не могу скрыть, что всѣ мы, домашніе, оказывались студентами слабыми, далеко отстававшими на первыхъ порахъ отъ своихъ товарищей, подготовленныхъ въ гимназіяхъ. При этомъ я, какъ и нѣкоторые изъ моихъ сверстниковъ, въ первые мѣсяцы студенчества, заплатили дань одному крупному заблужденію. Намъ казалось и намъ говорили, что недостаточно слушать профессора и вникать въ излагаемое имъ съ кафедръ, а нужно

еще записывать его слова и затѣмъ у себя дома редактировать лекцію. На первыхъ порахъ я счелъ себя обязаннымъ это дѣлать— началъ записывать лекціи всѣхъ профессоровъ, не имѣя конечно ни малѣйшаго понятія о стенографіи, и старался дома составлять лекции, но изъ этого выходила такая ерунда, что мнѣ стало стыдно, и я бросилъ это занятіе. Не могу пройти молчаніемъ и другую характерную черту студенчества того времени, которая получила силу какого-то обычая. Черта эта, заимствованная впрочемъ нами изъ преданій первоначальнаго нашего воспитанія, заключалась въ томъ, что громадное большинство студентовъ занималось и въ университетѣ для экзамена, для успѣшной сдачи его. Конечно, это не относится къ тѣмъ, кто уже на университетской скамьѣ выбралъ себѣ ту или другую специальность. Большая часть изъ насъ ничего не дѣлала въ продолженіе всего учебнаго года, вплоть до великаго поста, и съ перваго его дня мы брались за литографированныя лекціи и тѣ печатныя руководства, которыя намъ рекомендованы были профессорами, и принимались «зубрить».

Немало времени прошло, пока я присматривался къ окружающему меня, совсѣмъ новому для меня, міру, къ лицамъ моихъ однокурсниковъ-товарищей, пока не свылся съ атмосферой университетскихъ аудиторій. Да простятъ мнѣ читатели, если я займу на нѣкоторое время ихъ вниманіе своими наблюденіями надъ студентами моего времени.

Въ то время, а, быть можетъ, и во всякое время,—студенты дѣлились на дѣтей и мужчинъ. Это дѣленіе не имѣетъ никакого отношенія къ курсу или возрасту: студенты-дѣти бывали и на IV курсѣ, какъ студенты-мужчины на 1-мъ. О дѣтяхъ нечего распространяться, ибо самое названіе это вполне ихъ характеризуетъ. Что касается до студентовъ-мужчинъ, то я хорошо помню, какъ удивлялся я, встрѣчая на 1-мъ курсѣ людей, уже вполне готовыхъ, зрѣлыхъ, прошедшихъ уже извѣстную, болѣе или менѣе суровую школу жизни, и къ тому же такихъ, которые обладали уже достаточнымъ запасомъ познаній, чтобы при случаѣ поспорить съ профессоромъ или въ бесѣдѣ съ товарищами доказать ошибочность того или другого вывода и мнѣнія его. Эту зрѣлость свою проявляли они не только въ общихъ нашихъ студенческихъ дѣлахъ или учебныхъ интересахъ курса, но и въ другихъ областяхъ, когда въ свободныя минуты между лекціями или гдѣ-нибудь на сторонѣ у насъ затѣвались бесѣды и споры о разныхъ вопросахъ: политическихъ, соціальныхъ и пр., и когда мы, новички, слышали ихъ рѣчи, выражавшія опредѣленные, продуманныя мнѣнія и воззрѣнія. Этому дивились мы, привыкшіе покорно слушать совсѣмъ иные мнѣнія и сужденія и безмолвно-

вать, когда намъ говорили, что не наше дѣло судить о томъ-то и о томъ, и какая-то особаго рода зависть къ другимъ и сожалѣніе къ себѣ мало-по-малу прѣбывалась въ наши воспріимчивыя души. Какъ однако правъ былъ Пироговъ, сказавъ, что университетъ, какъ капля дождя, отражаетъ въ себѣ весь окружающій міръ, живетъ одною съ нимъ жизнью, и что все доброе и все злое въ одномъ встрѣчаетъ громкій и вѣрный отзвукъ въ другомъ!

Далѣе, студенты дѣлились на такихъ, которые шли въ университетъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ работать въ избранной ими заранѣе области знанія, и на такихъ, которые шли потому, что принято было оканчивать свое образованіе прохожденіемъ курса въ высшемъ училищѣ, или которые искали дипломъ, дающій извѣстныя служебныя права и нѣкоторыя, впрочемъ довольно отвлеченныя, привилегіи въ общежитіи, гдѣ уже и тогда болѣе цѣнились люди съ высшимъ образованіемъ. Надо признаться, что студенты этой послѣдней категоріи, въ извѣстной степени, оправдывали довольно таки обидное для университета названіе фабрики дипломовъ. Впрочемъ, значительная часть этихъ студентовъ оказалась выброшенными за бортъ, какъ балластъ, при первыхъ же переходныхъ экзаменахъ.

Что касается до студентовъ, работающихъ по той или другой специальности, избранной ими нерѣдко съ 1-го курса, то, откровенно говоря, ихъ было немного, но тѣ изъ нихъ, которые этимъ выдѣлялись, внушали къ себѣ въ прочихъ особаго рода уваженіе. Но, странное дѣло! въ то время идея о научной специальности и о посвященіи себя таковой съ университетской скамьи, неразрывно слита была съ идеей о преподаваніи, и нерѣдко, когда рѣчь заходила о такой специализаціи и приводились всякіе доводы противъ нея, мнѣ приходилось слышать такой стывъ: «Не всемъ же быть профессорами!» Исчезло ли это нынѣ?

Въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ общества довольно распространено было особаго рода предубѣжденіе противъ студентовъ, которое было смѣсью боязни, недовѣрія и враждебности. Въ студентахъ видѣли то какихъ-то разбойниковъ, то революціонеровъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, то кутиль-соблазнитель, и это послѣднее нареканіе исходило преимущественно отъ женской половины общества. Относительно разбойнаго характера студенчества, то объ этомъ нечего говорить, ибо нельзя же было требовать равной благовоспитанности отъ молодежи съ ея горячими головами, сметѣвшейся въ одно мѣсто со всѣхъ сторонъ и краевъ нашего отечества. Что касается до политики, то надо сказать, что эпоха моего вступленія въ университетъ была совершенно спокойною въ этомъ отношеніи, но въ нашей средѣ живы

были традиціи прошлаго, преданія о волненіяхъ и смутахъ, происходившихъ какъ въ самыхъ стѣнахъ университета, такъ и внѣ ихъ. Много говорилось объ этомъ между нами, многое передавалось отъ курса къ курсу, какъ передавались изъ рукъ въ руки запрещенные плоды—произведенія Герцена и другихъ. Какъ ни старался я разглядѣть въ своихъ современникахъ-студентахъ симптомы принадлежности ихъ къ числу тѣхъ кошмарныхъ нигилистовъ (слово это только что введено было Тургеневымъ), которыми насъ такъ охотно пугали, но конечно высмотрѣть ничего не могъ. Вообще о политическихъ броженіяхъ въ умахъ, какъ равно о студенческихъ кутежахъ, можно сказать только одно, что мы были молоды.

Въ современномъ мнѣ студенчествѣ была еще одна особенность, заслуживающая вниманія. Оно переживало эпоху переходную, или скорѣе промежуточную, когда порядки николаевского режима безвозвратно отошли въ область преданій, а порядки, изобрѣтенные г.г. Катковыми и Леонтьевыми, надломившіе весь строй нашихъ университетовъ, еще не вводились. Благодаря этому, студенчество, болѣе не облеченное въ мундиры, не подлежащее никакому спеціальному надзору внѣ университета, не подчиненное какой-либо особой дисциплинѣ, кромѣ самой элементарной и притомъ только въ аудиторіяхъ, представляло собой разнообразную, разношерстную толпу, ничѣмъ не отличавшуюся отъ уличной или обывательской толпы, но съ присущимъ молодежи оттѣнкомъ богемы. Этотъ общій, не обособляющійся, характеръ еще усиливался тѣмъ, что въ средѣ студентовъ было много такъ называемыхъ вольнослушателей, которые свободно допускались въ университетъ для слушанія лекцій, безъ обязательства держать экзамены, и которые, ничѣмъ не отличаясь отъ настоящихъ студентовъ, вносили въ ихъ среду обывательскій, такъ сказать, элементъ. Не могу не сказать, что эта свобода товарищескаго общенія, эта пестрота окружавшей меня толпы молодежи, это отсутствіе видимыхъ проявленій власти или надзора, крайне поражали меня, наслушавшагося рассказовъ моихъ братьевъ и ихъ товарищей о томъ, какъ въ ихъ время процвѣталъ карцеръ, какъ бывало инспекторъ дѣлалъ выговоры за слишкомъ длинные волосы или небритый подбородокъ или отправлялъ въ этотъ карцеръ за черезчуръ шумное одобреніе въ театрѣ, или за веселую пирушку въ трактирѣ. *Tempora mutantur*,—молвилъ я себѣ.

III.

Въ коллегіи профессоровъ, читавшихъ на первомъ курсѣ естественниковъ, первое мѣсто принадлежало безспорно профессору

зоологін А. П. Богданову. Я много слышалъ о немъ и ранѣе, мои товарищи по курсу не преминули предупредить меня, что онъ — гроза на экзаменахъ, и что надо всѣми силами стараться усвоить его предметъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ я его первую лекцію, вслушивался въ его невозмутимо-спокойную рѣчь, звучавшую тоненькимъ фальцетомъ, и прерываемую учащеннымъ дыханіемъ, и съ этой первой же лекціи онъ очаровалъ меня, скажу даже приковалъ меня къ себѣ. Все въ его изложеніи было продумано, проработано, онъ не увлекался внѣшними формами, не прибѣгалъ къ ораторскимъ приемамъ, къ картиннымъ эффектамъ или занимательнымъ подробностямъ, но, какъ изъ пѣсни, и изъ его лекціи нельзя было выкинуть ни одного слова. Я сказалъ, что онъ приковалъ меня къ себѣ и считаю себя вправѣ дополнить эти слова тѣмъ, что, начиная съ университета, между нами создались самыя тѣсныя, дружественныя отношенія, сохранившіяся неизмѣнно до самой его смерти въ 1897 году.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слова выдающійся человекъ, натура широкая, цѣльная, твердая, но въ то же время умѣвшая съ рѣдкимъ искусствомъ приспособляться, безъ какихъ-либо послабленій, къ условіямъ и обстоятельствамъ времени, и обладавшая громаднымъ организаторскимъ талантомъ, но чуждая всякихъ дешевыхъ эффектовъ. Читая зоологію, онъ дополнялъ свои лекціи практическими занятіями, обязательными для всѣхъ, и, всматриваясь въ работы студентовъ, онъ выбиралъ изъ ихъ среды тѣхъ, кто, казалось ему, были наиболѣе способными для дальнѣйшихъ занятій по зоологіи, и ихъ специально отшлифовывалъ. Такимъ образомъ вокругъ него создалась школа, изъ года въ годъ выпускавшая дѣятелей по разнымъ отраслямъ научнаго и общественнаго труда и непрерывно пополнявшаяся новыми элементами, и всѣ эти дѣятели-труженики, сохранявшіе на всю жизнь свои связи съ Богдановымъ и его кафедрой, стяжали себѣ въ послѣдствіи болѣе или менѣе громкія имена. Онъ готовилъ и создавалъ изъ нихъ крупныхъ помощниковъ себѣ по всѣмъ тѣмъ задачамъ, которыя онъ послѣдовательно бралъ на себя и въ которыхъ обнаруживалъ онъ во всемъ ихъ блескѣ свои организаторскіе таланты. А такихъ задачъ, имъ лично предпринятыхъ и выполненныхъ, было много. Кому, какъ не А. П. Богданову, принадлежитъ заслуга учрежденія въ Москвѣ общества любителей естествознанія, Политехническаго музея, устройство трехъ выставокъ — этнографической, политехнической и антропологической, — созваніе международнаго конгресса въ 1892 г., реальное основаніе русской антропологіи и т. д.? Нельзя при этомъ не отмѣтить одной, весьма характерной, черты: будучи инициаторомъ всѣхъ

этихъ предпріятій, ихъ душою, самъ онъ всегда оставался въ тѣни, уступалъ другимъ, выдвинутымъ имъ же, всѣ первыя роли, но всѣ, знавшіе его и его дѣятельность, хорошо видѣли и понимали, что онъ держитъ въ своихъ сильныхъ и умѣлыхъ рукахъ всѣ нити и пружины, двигавшія и одушевлявшія дѣло. Всѣмъ хорошо было извѣстно, что, когда какое-либо предпріятіе, пущенное имъ въ ходъ и порученное имъ другимъ, начинало колебаться и приходить въ упадокъ, то стоило обратиться къ А. П., чтобы дѣло вновь пошло на ладъ.

Какъ я уже сказалъ, я до конца его жизни пользовался его дружбой. Часто навѣщая его, особенно же въ послѣдніе годы его жизни, я находилъ какую-то особенную отраду въ его бесѣдѣ, происходившей въ его кабинетѣ, тѣсно уставленномъ высокими шкафами съ книгами и съ громадной клѣткой, въ которой помѣщались десятка два разныхъ птицъ, которыхъ онъ называлъ своей поэзіей. Бесѣды наши касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ, начиная съ судьбы любимыхъ его дѣтищъ—научныхъ и популярныхъ учреждений и кончая новѣйшими завоеваніями въ біологическихъ наукахъ, и изъ тѣхъ бесѣдъ я каждый разъ выносилъ себѣ нѣчто новое, поучительное, проливающее новый свѣтъ на занимавшее меня.

Возвращаясь къ его экзамену, который вовсе не былъ такимъ страшнымъ, какимъ мнѣ его изображали. Дѣло въ томъ, что Богдановъ зналъ своихъ студентовъ по ихъ практическимъ занятіямъ въ зоологическомъ музеѣ, и поэтому экзаменъ служилъ для него провѣркой не ихъ знаній въ абсолютномъ смыслѣ, а степени ихъ усвоенія себѣ приемовъ практической зоологіи. Вслѣдствіе этого на экзаменѣ онъ давалъ билеты съ 4-мя вопросами по одному изъ каждаго отдѣла зоологіи безпозвоночниковъ.

Я упомянулъ выше о практическихъ занятіяхъ, введенныхъ имъ. Занятія эти особенно развились на нашемъ II курсѣ, когда отдѣлана была новая аудиторія при зоологическомъ музеѣ,—нынѣ уже не существующемъ,—тогда какъ на I-мъ курсѣ А. П. читалъ свои лекціи въ новомъ зданіи университета, гдѣ не было надлежащихъ для такихъ занятій приспособленій. Руководили этими занятіями нашими молодые лаборанты зоологическаго музея, входившіе въ составъ упомянутой мною выше Богдановской плеяды. Въ мое время ихъ было четверо: Н. К. Зенгеръ, бывшій впоследствии однимъ изъ главныхъ дѣятелей выставки 1872 г. и первымъ секретаремъ Политехническаго музея, А. П. Федченко, прославившійся потомъ своими путешествіями и еще молодымъ трагически погибшій на Монбланѣ, и г.г. Оманинъ и Ульянинъ, занявшіе впоследствии профессорскія кафедры въ провинціи.

Повторяю—это была одна изъ крупныхъ заслугъ Богданова—умѣніе создавать вокругъ себя школу сотрудниковъ, дѣятелей, могущихъ его замѣнять, пособлять ему и продолжать его дѣло, его трудъ въ другихъ мѣстахъ, съ другими людьми. А мысль о возможности такой замѣны, такого сотрудничества, порою пугала нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ и педагоговъ, которые не только не подражали въ этомъ Богданову, а дѣйствовали совсѣмъ обратно.

IV.

На I и II курсахъ ботанику намъ читалъ Н. Н. Кауфманъ, авторъ «Московской флоры», еще и доселѣ служащей настольною книгою для русскихъ флористовъ. Не могу не отмѣтить попутно, что это было моей излюбленной наукой, приковавшей меня еще задолго до поступленія въ университетъ. Кауфманъ былъ превосходнымъ знатокомъ своего предмета, специалистомъ въ полномъ значеніи этого слова, но его преподаваніе было сухое, теоретическое, и вина въ этомъ лежала не столько на немъ, сколько на общепринятомъ въ то время способѣ лекціоннаго преподаванія. Волей-неволей ботаническія лекціи заключались въ сухомъ перечисленіи формъ и ихъ измѣненій, видовъ, родовъ и семействъ растений и въ иллюстраціяхъ его картинками и гербарными экземплярами. Само собою разумѣется, что изъ этихъ лекцій мы не извлекли умѣнія обращаться съ живымъ матеріаломъ, не научились практическимъ приѣмамъ въ опредѣленіи растений, мы не совершили въ окрестностяхъ Москвы ни одной экскурсіи и только однажды были въ Ботаническомъ саду, по приглашенію профессора. Повторяю, упрекать за это Кауфмана нельзя, ибо таковъ былъ обычай, общепринятый чуть не для всѣхъ кафедръ и освященный временемъ, а повернуть иначе дѣло преподаванія, сдѣлаться новаторомъ, ему было не по силамъ.

По поводу ботаники мнѣ приходится сдѣлать одно замѣчаніе профессиональнаго, такъ сказать, характера. Теоретичность ея преподаванія въ университетѣ, необходимость довольствоваться рисунками или высушеннымъ матеріаломъ, словомъ, книжное знакомство съ растительнымъ міромъ,—не есть ли это результатъ того, что учебное время совпадаетъ у насъ съ такимъ сезономъ, когда живого матеріала нѣтъ, и когда экскурсій и практическихъ занятій предпринимать нельзя? Оранжерейный и тепличный матеріалъ не можетъ замѣнять мѣстный, отечественный, ибо наши флористы будутъ имѣть дѣло только съ этимъ послѣднимъ, а не съ пальмами и тропическими орхидеями. Спрашивается, не въ этомъ ли должно искать причину того, что такъ еще сравни-

тельно мало изучена наша отечественная флора и что русскіе ботаники предпочитают посвящать себя анатоміи и физиологіи растений, т.-е., работать въ кабинетахъ и лабораторіяхъ? Прошу прощенія у моихъ читателей, что заговорилъ *pro domo sua*.

Физику намъ читалъ Н. А. Любимовъ. Какъ ученый, онъ, кажется, ничѣмъ себя не заявилъ, кромѣ обязательныхъ диссертаций на ученые степени. Его лекціи были простымъ пересказомъ или развитіемъ гимназическаго курса и по обилію показываемыхъ имъ опытовъ, и по многословному ихъ объясненію походили скорѣе на представленія фокусника, чѣмъ на лекціи профессора. Онъ не пользовался симпатіями студентовъ и даже внѣшностью своею, приземистою, вертлявою, безпокойною, торопливою рѣчью скороговоркою, онъ производилъ на всѣхъ насъ какое-то странное впечатлѣніе, не допускавшее серьезнаго къ нему отношенія. Но была еще другая причина этого нерасположенія къ Любимову со стороны студентовъ, которые въ этомъ проявили извѣстную чуткость. Дѣло въ томъ, что Любимовъ, въ качествѣ друга и единомышленника Каткова и Леонтьева, участвовалъ въ редакціи ихъ газеты, на столбцахъ которой уже въ то время, начинался походъ противъ университетской автономіи, вообще противъ всего строя университетовъ. Походъ этотъ переживалъ еще первыя свои стадіи, но уже тогда въ средѣ студентовъ царило глубокое негодованіе на инициаторовъ и виновниковъ его, и мишенью этого негодованія былъ именно Любимовъ. (Катковъ уже не входилъ въ составъ профессуры, а Леонтьевъ читалъ на филологическомъ факультетѣ и потому былъ далекъ отъ насъ). Это настроеніе въ средѣ студентовъ едва не привело къ крупному скандалу на одной лекціи Любимова послѣ того, какъ сдѣлался извѣстнымъ бурный инцидентъ въ университетскомъ совѣтѣ, случившійся изъ-за Леонтьева. Скандалъ этотъ могъ быть тѣмъ болѣе крупнымъ, что Любимовъ читалъ одновременно первымъ двумъ курсамъ обоихъ отдѣленій нашего факультета—естественникамъ и чистымъ математикамъ,—и первому же курсу медицинскаго, что составляло аудиторію по меньшей мѣрѣ въ 200 человѣкъ.

Какъ извѣстно, послѣдствіемъ этого похода явился уставъ 1884 года, надолго затормозившій дѣло высшаго образованія у насъ. Въ составленіи этого устава большую роль игралъ Любимовъ, который для сего былъ переведенъ на службу въ центральное управленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нельзя не удивляться тому, какія ничтожныя причины вызываютъ порою громадныя послѣдствія. Недаромъ говорятъ, что Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчи: если бы Леонтьева не забаллотировали въ совѣтъ университета на степень заслуженнаго профессора, то ломки всего университетскаго строя. быть можетъ, и не было бы.

На I-мъ курсѣ анатомію человѣка намъ читалъ нѣкто К., по профессіи врачъ, но кажется безъ пациентовъ, по званію лаборантъ анатомическаго театра, а по достоинству совершенно нуль. Помню, какъ однажды, на первомъ костюмированномъ балу, устроенномъ артистическимъ кружкомъ въ залѣ Благороднаго собранія, я его встрѣтилъ: одѣтъ онъ былъ туркомъ, въ зеленой чалмѣ, широчайшихъ шароварахъ и желтыхъ туфляхъ. Эта фигура какъ-то мало согласовалась въ моихъ представленіяхъ съ званіемъ профессора.

Первымъ курсамъ всѣхъ четырехъ факультетовъ читалъ богословіе настоятель университетской церкви Н. А. Сергіевскій. Какъ человѣкъ и какъ ученый, онъ заслуживалъ глубокаго уваженія, но въ университетѣ его роль, какъ профессора богословія, была весьма неблагоприятная. Дѣло въ томъ, что обязательное для всѣхъ студентовъ I курса слушаніе богословскихъ лекцій было какъ бы уступкой общественному мнѣнію, чѣмъ-то условнымъ, дабы не дать повода сказать, что въ общемъ строѣ высшаго образованія богословію нѣтъ мѣста. Эти лекціи, безспорно содержательныя и талантливныя, но отрывочныя и состоявшія изъ небольшой части догматическаго или скорѣе полемическаго богословія, не были для насъ, за исключеніемъ впрочемъ словесниковъ, — связаны съ общимъ факультетскимъ курсомъ, а, кромѣ того, схоластическое опроверженіе теорій Ламарка и Дарвина въ одной аудиторіи и слѣдованіе имъ въ другой производили на насъ, естественниковъ, довольно своеобразное впечатлѣніе.

V.

Дабы не нарушать связности моего разсказа, я перейду къ профессорамъ, читавшимъ на слѣдующихъ курсахъ, а затѣмъ и къ профессорствовавшимъ на другихъ факультетахъ.

Наиболѣе крупною фигурой на естественномъ факультетѣ былъ Г. Е. Щуровскій, почтенный старецъ, но еще очень бодрый, подвижной. Онъ представлялъ собою какъ бы обломокъ далекаго прошлаго строгановской эпохи. Онъ питалъ къ нашему университету ту особенную, характерную любовь, которая присуща была профессорамъ его поколѣнія и которая создавала между ними какую-то неразрывную связь, такъ что трудно было бы себѣ представить Щуровскаго и подобныхъ ему безъ университета и обратно университета безъ нихъ. Лекціи его были содержательны, но нѣсколько однообразны по конструкціи и по изложенію. Онъ очень обращалъ вниманіе на аккуратное посѣщеніе ихъ студентами, напоминалъ лица отсутствовавшихъ и давалъ это чувствовать

имъ на экзаменахъ, въ очень правда мягкой, но внушительной формѣ.

Когда была упразднена должность инспектора студентовъ и замѣнена должностью проректора,—о чемъ рѣчь будетъ впереди,—Щуровскій былъ выбранъ на эту послѣднюю, но, само собою разумѣется, онъ не могъ взять на себя всѣ обязанности инспектора, т.-е. торчать цѣлый день въ университетѣ, выслушивать просьбы и претензіи студентовъ и вмѣшиваться въ ихъ пререканія и волненія. Но все же онъ всею душою отдался этому дѣлу: входилъ, по возможности, во всѣ подробности студенческихъ дѣлъ, старался помогать бѣдствующимъ, собиралъ подписи, участвовалъ въ устройствѣ концертовъ. Студенты, его слушавшіе, подмѣтили одну черту его, о которой передавалось отъ курса къ курсу. Когда-то, лѣтъ за 30 передъ тѣмъ, геологъ Вернейль изучалъ Уральскій хребетъ и, открывъ тамъ неизвѣстную еще ископаемую форму головоногаго моллюска, назвалъ ее именемъ Щуровскаго. Старикъ очень любилъ слышать это названіе, и студенты не упускали случая назвать его на экзаменахъ, безразлично относилось ли оно къ данному вопросу или нѣтъ, и Щуровскій, какъ намъ казалось, повышалъ баллы.

Онъ былъ близкимъ другомъ А. П. Богданова и былъ въ числѣ тѣхъ, кого этотъ послѣдній выдвигалъ впередъ, и, между прочимъ, призвалъ его стать во главѣ выставки 1872 г., а затѣмъ и ея дѣтища—Московского Политехническаго музея.

Крупную величину, но не столько какъ профессоръ, сколько какъ общественный дѣятель ярко либеральной окраски, представлялъ собою профессоръ технологии М. Я. Киттары. Читалъ онъ рѣдко, съ продолжительными промежутками, будучи поглощенъ другими служебными обязанностями: кромѣ профессуры, онъ былъ директоромъ практической академіи, завѣдующимъ техническимъ отдѣломъ военнаго интендантства, редакторомъ одного технического журнала и участникомъ въ разнаго рода промышленныхъ предпріятіяхъ. Онъ свободно совмѣщалъ все это и быстро становился «душою» всякаго дѣла, за которое брался, подкупая всѣхъ, съ кѣмъ соприкасался, своими дарованіями и познаніями, а въ то же время своимъ остроуміемъ, неисчерпаемою веселостью и живостью. Помню я одинъ случай, довольно ярко характеризующій его отношенія къ студентамъ: я у него держалъ экзаменъ въ концѣ 4-го курса, и въ то время уже стали вводить строгости, подтягивать и, между прочимъ, требовалось, чтобы студентъ отвѣчалъ, стоя передъ столомъ. Мнѣ попался билетъ, потребовавшій продолжительнаго отвѣта. Едва началъ я говорить, къ столу подходитъ деканъ Давидовъ и садится рядомъ съ Киттары. Я слышу,

какъ этотъ послѣдній шепчетъ Давидову: «да посади его», а тотъ отвѣчаетъ вполголоса, что этого нельзя. «Ну, такъ и я встану», съ сердцемъ проговорилъ уже громко Киттары, да такъ и простоялъ все время, пока не проэкзаменовалъ всѣхъ до послѣдняго студентовъ 4-го курса.

Существовала тогда кафедра сельскаго хозяйства и занималъ ее старичокъ Калиновскій, добрыйшій человѣкъ. Для характеристики его достаточно будетъ сказать, что онъ читалъ свои лекціи по литографированнымъ запискамъ предыдущаго года.

Химию читалъ Н. Э. Лясковскій. Если это имя не оставило глубокаго слѣда въ исторіи науки, то память о немъ, какъ о профессорѣ, навсегда сохранилась въ слушавшихъ его лекціи. Трудно себя представить, чтобы такой сухой, однообразный и даже неблагоприятный предметъ, какъ неорганическая химія, могъ быть излагаемъ съ такимъ изяществомъ и такою картинною полнотою. Любая лекція Ляковского была законченною, превосходно отделанною поэмой, думаю, что этотъ терминъ не будетъ преувеличеніемъ. Въ своемъ изложеніи онъ не ограничивался фактическими данными, дробными и сухими подробностями химическаго анализа, а свободно переходилъ отъ нихъ къ высшимъ задачамъ образованія и метаморфозы элементовъ въ природѣ. Своимъ краснорѣчіемъ онъ завоевалъ себя громкую славу въ университетѣ, и слушать его приходили студенты и другихъ факультетовъ.

Къ сожалѣнію, я его слушалъ только въ теченіе 1-го полугодія 2-го курса, ибо онъ заболѣлъ и уѣхалъ за границу, поручивъ чтеніе дальнѣйшаго курса своему лаборанту, Феррейну, сыну и брату извѣстныхъ въ Москвѣ аптекарей, но послѣ Ляковского лекціи эти казались чѣмъ-то архаическимъ, неудобоваримымъ, несмотря на несомнѣнную эрудицію Феррейна. Въ слѣдующемъ году органическую химию началъ читать нѣкто Кирилловъ, молодой магистрантъ, но вскорѣ заболѣлъ и исчезъ съ университетскаго горизонта и, такимъ образомъ, весь нашъ курсъ остался безъ органической химіи. Пробѣлъ этотъ оказался для меня лично весьма чувствительнымъ въ послѣдствіи.

Такой же пробѣлъ имѣлъ мѣсто и на другой кафедрѣ. На 3-мъ нашемъ курсѣ анатомію растений читалъ профессоръ С. А. Рачинскій, который долженъ былъ читать намъ физиологію растений на 4-мъ, но онъ покинулъ университетъ, о чемъ рѣчь будетъ далѣе,—а кандидатъ на эту кафедру, магистрантъ Чистяковъ, находился еще за границей. Этотъ пробѣлъ былъ особенно тяжелъ для меня въ послѣдующихъ моихъ ботаническихъ занятіяхъ. Рачинскій былъ ботаникъ-дилетантъ, изслѣдователь цвѣта и запаха цвѣтовъ, какъ его прозвали въ шутку. Покинувъ универ-

ситеть, онъ покинулъ и самую науку и посвятилъ себя совсѣмъ другому роду дѣятельности.

Вторымъ профессоромъ зоологiи былъ С. А. Усовъ. Громаднаго роста, полный, съ красивымъ выразительнымъ лицомъ, онъ отличался подкупающею привѣтливостью, живостью ума, блестящимъ остроуміемъ. Всесторонне образованный, прекрасно владѣющій языками, общительный, онъ всегда былъ душою общества или кружка, въ который попадалъ и, благодаря этому, онъ пользовался широкой популярностью не въ одномъ университетѣ, а далеко за его стѣнами. Но, какъ часто это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эта популярность, казалось, застилала его роль, какъ ученаго и профессора. Его лекціи, красивыя по формѣ и изложенію, состояли преимущественно изъ подробнаго описанія образа жизни позвоночныхъ, охоты на дикихъ животныхъ, развитія ихъ въ ручномъ состояніи, но лишь только приходилось ему касаться общихъ біологическихъ задачъ, онъ какъ-то запутывался и часто прибѣгалъ къ чтенію изъ книгъ. Въ послѣдніе годы своей жизни,—а умеръ онъ сравнительно не старымъ,—онъ совсѣмъ забросилъ зоологію и всецѣло отдался работамъ по церковной археологіи и иконописи.

На 1-мъ нашемъ курсѣ аналитическую геометрію читалъ намъ В. Я. Цингеръ. Почему-то наука эта была включена въ число предметовъ обязательныхъ и для естественниковъ, но по преданіямъ, передаваемымъ отъ курса къ курсу, никто изъ студентовъ-естественниковъ ею не занимался и не готовился къ экзамену. Цингеръ это зналъ и подчинялся такому преданію, вслѣдствіе чего на экзаменѣ, послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, на которые получались самые неудовлетворительные отвѣты, онъ ставилъ сплошныя двойки, каковыя считались переходными баллами. Глубокій философъ, замѣчательный ораторъ, Цингеръ стяжалъ себѣ прочную репутацію въ двухъ научныхъ областяхъ—въ высшей математикѣ и въ ботаникѣ, и подъ конецъ жизни его эта послѣдняя получила въ немъ рѣшительный перевѣсъ.

О прочихъ профессорахъ нашего факультета я упомяну вкратцѣ. Минералогію читалъ молодой и симпатичный Толстопятовъ, отличавшійся баснословною снисходительностью на экзаменѣ. Сравнительную анатомію читалъ Борзенковъ, и читалъ ее очень скучно, монотонно, и самъ онъ былъ какимъ-то замкнутымъ, необщительнымъ. При мнѣ началъ свои лекціи А. Столѣтовъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи авторитетное имя. Намъ читалъ онъ метеорологію, но читалъ по книжкамъ, по молодости ли лѣтъ или по малому знакомству съ этимъ предметомъ, такъ какъ специальность его была математическая физика, которую онъ читалъ чистымъ математикомъ.

Деканомъ факультета, состоящаго изъ двухъ отдѣленій—математическаго и естественнаго,—былъ А. Ю. Давидовъ, братъ знаменитаго виолончелиста. Это былъ аккуратный, благоразумный, во всемъ весьма умѣренный нѣмецъ. Почему-то товарищи мои выбирали меня для всякаго рода переговоровъ и ходатайствъ, касавшихся нашихъ общихъ дѣлъ, и я всегда встрѣчалъ въ немъ самую утонченную предупредительность и готовность помочь. Нѣсколько разъ бывалъ я по этому случаю у него на дому и между прочимъ, однажды попалъ къ нему на музыкальный вечеръ, на которомъ слышалъ его брата и нѣкоторыхъ другихъ артистовъ.

Съ живѣйшей признательностью вспоминаю я этихъ профессоровъ моихъ, и признательность эта какъ-то удвоится въ памяти моей при мысли о томъ, что уже ни одного изъ нихъ болѣе нѣтъ въ числѣ живыхъ.

VI.

Говоря объ университетѣ, я не могу не упомянуть и о тѣхъ профессорахъ, которые читали на другихъ факультетахъ, тѣмъ болѣе, что между ними были такіе, имена коихъ не изгладились въ памяти потомства. Но, прежде чѣмъ перейти къ ихъ личностямъ, мнѣ представляется нужнымъ сдѣлать одно общее замѣчаніе.

Въ мое время большинство профессоровъ было извѣстно широкой публикѣ, даже среди такихъ круговъ ея, которые не имѣли непосредственнаго касательства къ университету. Многие изъ профессоровъ приобрѣли себѣ громкое имя не однѣми лекціями своими, но и своими трудами, научными и популярными, своимъ участіемъ въ общественной жизни, своею ролью во многихъ ея явленіяхъ. Не надо забывать при этомъ, что то была еще та эпоха, которую можно назвать медовымъ мѣсяцемъ великихъ реформъ, когда все дышало свѣтлыми надеждами на лучшее будущее. Между обществомъ съ одной стороны и университетомъ съ другой существовала тѣсная связь. Общество знало профессоровъ, знало не только тѣ кафедры, которыя были заняты тѣмъ или другимъ изъ нихъ, но знало ихъ работы, ихъ отношенія къ слушателямъ—студентамъ, ихъ характерныя черты. Эта связь, со введеніемъ новаго устава, словно поколебалась...

Ректоромъ университета былъ С. И. Баршевъ. Въ молодости своей онъ былъ въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ Сперанскій вывелъ въ люди и отправилъ за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Онъ питалъ къ университету ту особенную любовь, которою отличались всѣ «старые» профессора.

и которая нерѣдко проявлялась въ весьма характерныхъ картинахъ формахъ. Оригинальна была его фигура, сухощавая, немного сгорбленная, съ живыми, пронизывающими глазами, съ тоненькимъ голосомъ. Студенты его любили, хотя и подсмѣивались надъ нимъ и въ шутку называли его отцомъ-ректоромъ, намекая этимъ на его духовное происхожденіе. Ему ставили въ вину, что онъ старался возводить на освобождающіяся кафедры людей одного съ нимъ происхожденія и, напротивъ, неблагопріятно относился къ лицамъ, принадлежавшимъ къ другимъ общественнымъ слоямъ. Послѣ того какъ онъ покинулъ ректорство, а вслѣдъ за симъ и профессуру, онъ назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ, но безъ университета онъ очутился въ положеніи рыбы безъ воды.

Въ плеядѣ профессоровъ моего времени яркою звѣздою сіяетъ С. М. Соловьевъ. Нѣсколько разъ бывалъ я на его лекціяхъ, но лично съ нимъ я не былъ знакомъ, и лишь въ послѣдствіи совмѣстная служба насъ сблизила. Какая это была сavorожительная личность! Всякая, даже самая простая, бесѣда съ нимъ была въ высокой степени поучительна, звучала такою широкою культурою, такимъ трезвымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи, такою преданностью къ знанію, гуманности, такою любовью къ Россіи, какъ къ прошлому ея, историческому, такъ и къ современному, злободневному ея. Съ одинаковой увлекательностью для своего собесѣдника говорилъ онъ о какой-нибудь вещи изъ Оружейной Палаты, имѣвшей свою достовѣрную исторію, бывшей въ рукахъ кого-либо изъ русскихъ царей, и рядомъ съ этимъ о просвѣтительныхъ потребностяхъ русскаго народа, о культурныхъ задачахъ земствъ, о развитіи университетской автономіи. Помимо лекцій и регулярно издаваемыхъ имъ изъ года въ годъ томовъ Исторіи Россіи, онъ печаталъ многочисленныя статьи въ журналахъ, читалъ публичныя лекціи—между прочимъ цѣлый циклъ ихъ о Петрѣ Великомъ; передъ открытіемъ выставки 1872 г.—принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ общественныхъ начинаніяхъ, какъ напримѣръ въ созданіи Политехническаго музея. Даже въ простой бесѣдѣ его рѣчь искрилась священнымъ огнемъ: онъ умѣлъ шутить тонко и остроумно.

Въ университетѣ С. М. Соловьевъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, что весьма краснорѣчиво обнаружилось, когда, если не ошибаюсь, въ 1870 году, т.-е., когда я уже вышелъ изъ числа студентовъ, несмотря на его «неблагонадежность», проявившуюся въ одномъ инцидентѣ, о которомъ я еще буду говорить, онъ избранъ былъ чуть не единогласно ректоромъ и въ этой должности оставался много лѣтъ. Не по примѣру многихъ изъ своихъ коллегъ по профессурѣ, онъ создалъ школу вокругъ себя, и болышин-

ство изъ послѣдовавшихъ за нимъ историковъ Россіи были его учениками.

Какъ я уже сказалъ, онъ былъ хранителемъ Оружейной Палаты, совмѣщая это съ ректорствомъ. Въ теченіе всей зимы онъ занимался собираніемъ матеріаловъ въ архивахъ Московскихъ и Петербургскихъ, а раннею весной онъ переѣзжалъ со своею семьею въ Нескучный садъ, гдѣ ему предоставлялся особый, очень уютный и помѣстительный павильонъ, и тамъ, на покой, онъ редактировалъ томъ своей исторіи, который регулярно выходилъ изъ печати въ началѣ слѣдующей зимы.

Среди профессуры того времени какъ-то особенно выдѣлились В. Н. Чичеринъ и Ф. М. Дмитріевъ. Не одни профессора старой школы, но и лица, принадлежавшія къ другимъ общественнымъ кругамъ, относились съ нѣкотораго рода несочувствіемъ къ дворянамъ-помѣщикамъ, вздумавшимъ идти въ профессора. Какъ это ни кажется теперь страннымъ, но въ то время мнѣ часто приходилось слышать такія рѣчи, что профессорство, т.-е. учительство, есть карьера, годная для разночинцевъ, а никакъ не для именитыхъ дворянъ. Быть можетъ, благодаря своему происхожденію, оба эти профессора стояли нѣсколько особнякомъ въ профессорской коллегіи, но они пользовались глубокимъ уваженіемъ среди студентовъ. Чичеринъ былъ превосходный лекторъ, умѣвшій излагать ясно, изящно и доступно для всѣхъ свой предметъ—государственное право. Я часто заходилъ въ его аудиторію, и мнѣ случалось буквально заслушиваться его рѣчью, всегда превосходно построенною, казавшеюся читаемой имъ по книгѣ. Что касается Дмитріева, то это былъ уже довольно пожилой человѣкъ, желчный, раздражительный, щедрый на сарказмы, какъ въ своихъ лекціяхъ, такъ и въ своихъ бесѣдахъ въ дамскихъ салонахъ, гдѣ онъ любилъ властвовать, и гдѣ его охотно заслушивались. Къ этимъ двумъ корифеямъ университета, почему-то всегда неразлучнымъ въ его лѣтописяхъ, я еще возвращусь впоследствии.

Деканомъ юридическаго факультета состоялъ В. Н. Лешковъ, добрейшій старикъ, живой, подвижной, вѣчно куда-то спѣшившій, что придавало его лекціямъ какую-то своеобразную торопливость. Наоборотъ, экономистъ И. К. Бабстъ отличался невозмутимымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Его познанія и опытность завоевали ему значительную авторитетность въ московскихъ финансовыхъ кругахъ, почему онъ сумѣлъ съ профессурою совмѣщать управление нѣсколькими крупными банковыми и иными предпріятіями.

Старѣйшимъ профессоромъ, по годамъ и по службѣ, былъ Меншиковъ, читавшій римскую литературу. Его типичная наруж-

ность, худошавая, съ выбритымъ лицомъ и всклокоченными бѣлыми волосами, производила впечатлѣніе чего-то архаическаго.

Астрономы—Швейцеръ и Бредихинъ,—были полными противоположностями другъ другу: первый былъ ученый нѣмецъ, точный, аккуратный, жившій исключительно въ небѣ, гдѣ онъ былъ, какъ у себя дома, но совершенно чуждый всему земному. Его слушатели—чистые математики,—имѣли неисчерпаемый запасъ анекдотовъ о немъ, объ его пріемахъ и лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ по обсерваторіи, которыми онъ всегда лично руководилъ, но всѣ его искренно любили. Бредихинъ былъ блестящій ораторъ, дѣятель, выросшій въ атмосферѣ реформы, соединявшій со своею спеціальностью широкую работу въ разныхъ общественныхъ и научныхъ задачахъ.

Въ то время начинали свою дѣятельность Н. С. Тихонравовъ и Г. А. Захарьинъ. Первый изъ нихъ уже тогда извѣстенъ былъ многочисленными учеными трудами, а впослѣдствіи долгое время былъ ректоромъ университета. Что касается до второго, то слава, зарождавшаяся въ то время, имѣла свое основаніе не столько въ его роли, какъ профессора-клинициста, сколько въ его дѣятельности, какъ врача. Это была безспорно выдающаяся личность, внушавшая своимъ пациентамъ безграничное довѣріе. Уже въ то время, а еще болѣе въ послѣдовавшее, ходили анекдоты про его странности, даже чудачества, но, мнѣ кажется въ нихъ было много преувеличеннаго, какъ это всегда бываетъ съ выдающимися личностями, и преувеличенія эти отчасти имѣли своимъ источникомъ несочувствіе его новаторскимъ пріемамъ со стороны его коллегъ-врачей и разочарованіе обращавшихся къ нему за помощью мнимыхъ больныхъ, которые въ немъ не встрѣчали участія къ своимъ воображаемымъ болѣзнямъ. Не могу не привести одного случая, касавшагося лично меня, изъ котораго видно, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ больнымъ. Въ 1871 г. я совѣтовался съ нимъ послѣ перенесенной мною серьезной болѣзни. Часа два продержалъ онъ меня, и никогда болѣе я не встрѣчалъ со стороны врачей такого внимательнаго, подробнаго и точнаго разслѣдованія. Лѣтъ 15 послѣ того случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ за обѣдомъ у кн. В. А. Долгорукова, и каково было мое удивленіе, когда онъ повторилъ мнѣ слово въ слово свой діагнозъ и данные мнѣ совѣты! Захарьинъ тоже былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли создать при себѣ школу молодыхъ силъ, и въ то время уже многіе изъ таковыхъ пріобрѣтали славу, какъ, напримеръ, Чериновъ, Тольскій и др.

Старичокъ Мюльгаузенъ, читавшій финансовое право, былъ

однимъ изъ послѣднихъ представителей кружка Грановскаго и Станкевича, преданія о которомъ свято хранились и передавались другъ отъ друга студентамъ. Добрый, привѣтливый, онъ былъ любимъ своими слушателями, которые, однако, немало подсмѣивались надъ нимъ.

Особенной популярностью среди юристовъ пользовался Н. И. Крыловъ. Раза два посѣтилъ я его лекціи, изъ любопытства, и вынесъ довольно своеобразное впечатлѣніе, не уяснивши себѣ, на чемъ, собственно, основана была эта его популярность.

Въ мое время выступилъ впервые В. И. Герье, и мнѣ удалось присутствовать при его вступительной лекціи и при защитѣ имъ своей диссертации. Читалъ словесникамъ Леонтьевъ, и на насъ, не бывшихъ его слушателями, производила неблагоприятное впечатлѣніе его наружность, когда приходилось встрѣчаться съ нимъ въ коридорахъ и сѣняхъ несуществующаго уже нынѣ зданія новаго университета. О немъ будетъ рѣчь впереди... Славился у медиковъ Бабухинъ, профессоръ физиологіи. Несомнѣнно, это былъ высоко-даровитый человѣкъ, но популярность его происходила не столько отъ его талантовъ, его преподаванія, сколько отъ напускавшей имъ на себя оригинальности, порою граничившей съ чужацествомъ, а это очень нравилось студентамъ.

VII.

Будучи еще на 1-мъ курсѣ, я получилъ отъ инспектора Красовскаго приглашеніе участвовать, въ качествѣ сотрудника, въ попечительномъ о бѣдныхъ студентахъ комитетѣ. Эта коллегія основана была за два года передъ тѣмъ, кажется, по инициативѣ того же Красовскаго, и она состояла изъ пяти членовъ—инспектора и 4-хъ профессоровъ, по одному отъ каждаго факультета. Сотрудниками было человѣкъ 30 студентовъ, и ихъ обязанности заключались въ собраніи свѣдѣній о студентахъ, обращавшихся въ комитетъ за помощью, въ устройствѣ концертовъ и публичныхъ лекцій и въ сборѣ пожертвованій въ пользу университетской бѣдноты. Комитетъ собирался приблизительно раза 2—3 въ мѣсяцъ, по вечерамъ, въ круглой залѣ правленія, и студенты поочередно докладывали собранныя ими свѣдѣнія о бѣдныхъ. Это были очень симпатичныя собранія, болѣе походившія на дружескія бесѣды, чѣмъ на дѣловыя засѣданія. Когда Красовскій покинулъ должность инспектора, этотъ комитетъ прекратилъ свое существованіе и вскорѣ затѣмъ замѣненъ былъ обществомъ вспомошествованія, донынѣ дѣйствующимъ.

Профессора, входившіе въ составъ попечительнаго комитета,

были: отъ филологическаго факультета Ф. И. Буслаевъ, отъ математическаго—С. А. Рачинскій, отъ юридическаго М. Н. Капустинъ и отъ медицинскаго И. М. Соколовъ. О Рачинскомъ я уже говорилъ. Мнѣ весьма было любопытно поближе познакомиться съ Буслаевымъ, надъ грамматикой котораго я немало испортилъ себѣ крови во время моихъ приготовленій къ вступительному экзамену. Я представлялъ себѣ его сухимъ педагогомъ, ходячимъ суффиксомъ, и немало удивился, когда увидалъ человѣка живого, бодрого, съ довольно красивымъ, выразительнымъ лицомъ и, къ тому же, милого, радушнаго собесѣдника. Его рѣчь дышала искренностью, высокою культурою, и въ нашихъ комитетскихъ собраніяхъ онъ обнаруживалъ самое сердечное участіе къ нуждамъ студентовъ, къ которымъ онъ относился не просто съ филантропической точки зрѣнія, какъ къ нуждавшимся въ обѣдѣ или тепломъ платьѣ, а онъ видѣлъ въ нихъ будущихъ тружениковъ, служителей науки и красоты. Какъ онъ умѣлъ поддержать этихъ бѣдняковъ, подкрѣпить ихъ, направить на путь къ свѣту! И какъ уважали его студенты!

М. Н. Капустинъ былъ очень симпатичный человѣкъ, свѣтскій, любившій поговорить, вслѣдствіе чего въ нашихъ комитетскихъ собраніяхъ онъ первенствовалъ при обсужденіи просьбъ. Типична была его фигура, высокая, худая, съ маленькою головою, всегда наклоненною впередъ. Впослѣдствіи онъ былъ попечителемъ учебнаго округа, кажется, петербургскаго.

Представителемъ медицинскаго факультета былъ И. М. Соколовъ, извѣстный въ свое время хирургъ. Большого роста и грузной корпуленціи, онъ былъ весельчакъ и балагуръ, и не проходило засѣданія нашего комитета безъ того, чтобы онъ не вызывалъ громкаго хохота въ присутствовавшихъ. Но въ этихъ шуткахъ онъ нерѣдко впадалъ въ цинизмъ, правда напускной, искусственно-грубой. А былъ онъ человѣкъ сердечный, проявлявшій нѣжное участіе къ студентамъ-бѣднякамъ, и всѣ его слушатели его обожали, но въ то же время и сѣтовали на него за то, что, завѣдуя анатомическимъ музеемъ, онъ никогда не впускалъ туда безъ себя ни одного студента, увѣряя, что они все сломаютъ, испортятъ или запачкаютъ.

Не могу не добавить, что участіе въ нашихъ вечернихъ собраніяхъ этихъ четырехъ профессоровъ, съ присоединеніемъ къ нимъ Красовскаго, о которомъ я потомъ поговорю, представляло интересное и поучительное зрѣлище, ибо всѣ они являли собою совершенныя противоположности другъ другу. Но ихъ одушевляла одна цѣль—помочь нуждающейся молодежи и, надо сказать, цѣль эта достигалась совмѣстными ихъ стараніями.

VIII.

Прежде чѣмъ покончить съ профессорскою коллегіей, я долженъ разсказать объ одномъ событіи, ее взволновавшемъ и имѣвшемъ для университета довольно крупныя послѣдствія.

Со второго полугодія 1866 года, когда я былъ уже на 2-мъ курсѣ, послѣдовала рѣзкая перемѣна въ нашемъ университетскомъ строѣ, въ смыслѣ «подтягиванія». (Чуть ли не съ этого времени слово это вошло въ моду). Причину такой перемѣны и ее послѣдствія я изложу далѣе, теперь же перейду къ событію, которое отчасти содѣйствовало усиленію такого подтягиванія.

Въ нашемъ ученомъ ареопагѣ произошелъ расколъ на двѣ партіи—старую и молодую. Поводомъ къ тому, что эти партіи вступили въ активную борьбу другъ съ другомъ,—ибо онѣ и ранѣе существовали, но пассивно,—послужило забаллотированіе въ совѣтъ стараго профессора Меншикова, достигшаго предѣльнаго срока службы, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ воспослѣдовало такое же забаллотированіе Леонтьева. Эти два инцидента послужили исходною точкою того похода, который предпринять былъ противъ всего университетскаго строя. Изъ мести, Леонтьевъ, совместно съ своими друзьями Катковымъ, Любимовымъ и другими, начали его сперва на столбцахъ издаваемыхъ ими «Московскихъ Вѣдомостей», и притомъ издаваемыхъ подъ флагомъ университета и на его средства, а затѣмъ и въ правительственныхъ сферахъ, куда эти господа направляли свои наступательныя дѣйствія, въ видѣ записокъ, проектовъ и проч. Въ то время уже замышлялось и вырабатывалось предположеніе объ учрежденіи въ Москвѣ лица, съ университетскимъ курсомъ, долженствующаго конкурировать съ университетомъ и даже превосходить его въ правахъ и привилегіяхъ. Предположеніе это, какъ извѣстно, осуществилось, но извлекла ли изъ этого наша молодежь пользу для себя, судить я не берусь...

Забаллотированія Меншикова и Леонтьева явились лишь внѣшнимъ поводомъ къ расколу въ профессорской коллегіи, истинныя же причины его лежали болѣе глубоко. Одною изъ таковыхъ причинъ было несовершенство дѣйствовавшаго устава, являвшаго собою полумѣру, т.-е. дававшего университету полуавтономію. Но это несовершенство понималось двояко, смотря по точкѣ зрѣнія, съ какой на уставъ глядѣли: одни видѣли въ немъ недостаточное и неполное обезпеченіе автономности, другіе же считали и это излишнимъ, вреднымъ и желали бы перекроить университетскій строй по старымъ образцамъ николаевской эпохи. Совѣтъ распался на двѣ партіи, и острота этого ра-

скола еще усиливалась тѣмъ, что каждый профессоръ чувствовалъ въ глубинѣ души, что случившееся съ Меншиковымъ и Леонтьевымъ можетъ случиться и съ нимъ, и поэтому невольно склонялся къ тому разрѣшенію коренного вопроса объ университетскомъ строѣ, которое, помимо принципіальныхъ его взглядовъ и симпатій, казалось болѣе обезпечивающимъ его отъ подобныхъ неожиданностей. Начавшійся съ легкой руки Леонтьева походъ противъ университета вообще, еще болѣе обострилъ положеніе, и двѣ партіи, молодая и старая, все болѣе рѣзко отпечатывались на всей жизни нашей *alma mater*. При этомъ обозначилось, что старая партія имѣла въ своихъ рядахъ профессоровъ стараго закала, болѣе или менѣе семинарскаго происхожденія, тогда какъ молодая состояла преимущественно изъ дворянъ. Само собой разумѣется, что эта послѣдняя партія стояла за полную автономность университета и за свободную конкуренцію при занятіи кафедръ, тогда какъ старая противодействовала всему этому, считая это ересью, непозволительнымъ подражаніемъ Западу и «расшатываньемъ основъ».

Ближайшимъ послѣдствіемъ этой распри была подача прошеній объ отставкѣ шестью профессорами. Это были: С. М. Соловьевъ, М. И. Капустинъ, И. К. Бабстъ, Б. Н. Чичеринъ, Ф. М. Дмитріевъ и С. А. Рачинскій, но дѣйствительно покинули университетъ только послѣднія три лица. Эти событія взволновали молодежь, тѣмъ болѣе, что слухи о нихъ проникли въ печать, появились статьи, въ которыхъ авторы полемизировали другъ съ другомъ на почвѣ партійныхъ интересовъ и взглядовъ, общество съ любопытствомъ слѣдило за происходившимъ. Такое волненіе и воздѣйствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, горячо интересовавшихся судьбою университета, побудили Соловьева и Бабста взять обратно свои прошенія объ отставкѣ. Къ общему сожалѣнію студентовъ и къ явному ущербу университета, Б. Н. Чичеринъ не послѣдовалъ этому примѣру.

Нечего добавлять, что единодушныя симпатіи студентовъ были на сторонѣ молодой партіи. Мы жадно прислушивались къ слухамъ, долетавшимъ до насъ изъ залы засѣданій Совѣта, гдѣ происходили бурныя сцены, зачитывались газетною полемикой и обсуждали вопросъ о томъ, какъ устроить демонстрацію уходящимъ. Это послѣднее предположеніе осуществилось въ довольно скромной формѣ: устроенъ былъ обѣдъ въ честь Чичерина въ ресторанѣ Лабади, на Б. Лубянкѣ, въ коемъ, кромѣ студентовъ-юристовъ, его слушателей, приняли участіе и студенты другихъ факультетовъ, а равно нѣкоторыя значительныя лица, изъ числа его друзей,—кн. Щербатовъ, бывший въ то время городскимъ го-

ловой, Ю. Ф. Самаринъ, Гиляровъ-Платоновъ, и др. Очевидно этимъ демонстративнымъ обѣдомъ мы думали произвести эффектъ, воздѣйствовать на противную партію и воображали, что разыгрываемъ какую-то политическую роль, «себя показываемъ».

IX.

Однимъ изъ послѣдствій профессорской распри было упраздненіе должности инспектора студентовъ и замѣна ея должностью проректора.

Два съ небольшимъ года при мнѣ инспекторомъ былъ И. И. Красовскій. Это былъ добрый, благонамѣренный человѣкъ, искренно желавшій быть другомъ и товарищемъ студентовъ и искусно избѣгавшій казаться имъ начальствомъ. Студенты его любили, охотно его слушались, и онъ прекрасно умѣлъ улаживать всякія ихъ недоразумѣнія и пререканія, правда личныя, по большей части, ибо за эти два года не было никакихъ массовыхъ волненій и безпорядковъ. Онъ входилъ въ интересы студентовъ, съ сердечностью относился къ ихъ нуждамъ, любилъ увѣщевать ихъ, играть роль наставника по части поведенія, и это нерѣдко вызывало комическіе инциденты, такъ какъ студенты подмѣтили въ немъ нѣкоторую склонность къ преувеличеніямъ въ разговорѣ, къ прикрашиванію истины. Какъ я уже сказалъ, Красовскій принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ попечительнаго комитета о бѣдныхъ студентахъ, усердно помогалъ нуждающимся и не жалѣлъ для этого своихъ средствъ. Когда мы устраивали концерты въ пользу студентовъ, онъ дѣятельно хлопоталъ о приглашеніи артистовъ, и ему очень нравилось, что при этомъ онъ игралъ роль главнаго распорядителя, хозяина.

Первоначально Красовскій служилъ на военной службѣ и во время Крымской войны состоялъ адъютантомъ при главнокомандующемъ кн. Горчаковѣ. Народная молва приписывала ему неудачу на Черной рѣчкѣ. Онъ имѣлъ неисчерпаемый запасъ анекдотовъ о Горчаковѣ, а рассказчикъ онъ былъ образцовый, равно и чтець: рѣдко слышалъ я подобное образцовое чтеніе. Въ Москвѣ онъ вращался въ нѣкоторыхъ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ, дружилъ съ Кетчеромъ, А. Станкевичемъ, артистами Шумскимъ и Самаринымъ, равно какъ съ профессорами молодой партіи. Быть можетъ, это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ его удаленію, но, кромѣ того, онъ не ладилъ съ ректоромъ Баршевымъ, и однажды мнѣ пришлось быть случайнымъ свидѣтелемъ крупной стычки ихъ въ профессорской комнатѣ.

Покинувъ инспекторство, Красовскій исчезъ съ московскаго

горизонта, и лишь въ 1873 году снова появился въ Москвѣ и первоначально получилъ мѣсто въ одномъ частномъ учрежденіи. На него обратилъ вниманіе генераль-губернаторъ кн. Долгоруковъ и поручилъ ему завѣдываніе Преображенской больницей,—въ то время подвѣдомственной еще приказу общественнаго призрѣнія,—гдѣ онъ показалъ себя превосходнымъ организаторомъ и хозяиномъ. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ московскимъ вице-губернаторомъ, а умеръ онъ, если не ошибаюсь, въ 1885 г., въ должности томскаго губернатора.

Какъ я уже сказалъ, взаимныя отношенія инспекціи и студенчества были при Красовскомъ въ полномъ смыслѣ слова патріархальныя, и это было всецѣло его заслугой, причемъ онъ сумѣлъ внушить такое же отношеніе къ намъ своимъ помощникамъ, носившимъ въ то время титулъ субъ-инспекторовъ. По удаленіи Красовскаго, фактическимъ инспекторомъ сдѣлался старшій по годамъ и по службѣ помощникъ, нѣкто Должиковъ, довольно безцвѣтный человекъ, но умѣвшій ладить со студентами. Онъ замѣнялъ проректора Щуровскаго, на котораго по новому положенію возложены были инспекторскія обязанности, но который стоялъ слишкомъ высоко или далеко отъ нашихъ мелкихъ, обыденныхъ дѣлишекъ. Въ числѣ субъ-инспекторовъ упомяну о нѣкомъ Бобровѣ, который былъ весельчакомъ и, несмотря на преклонные уже годы, настоящимъ товарищемъ студенческой молодежи, и о Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ, сынъ и братъ извѣстныхъ ботаниковъ, который спеціально состоялъ при нашемъ факультетѣ. Это было добрейшее существо, безобидное и ласковое, но нельзя утаить, что мы нерѣдко продѣлывали съ нимъ всякаго рода школьничества.

Х.

Какъ я уже говорилъ, въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ, студентамъ жилось привольно, не было никакихъ стѣсненій и никакой подозрительности со стороны начальства, не было и въ нашей средѣ никакихъ жгучихъ вопросовъ, политическихъ и социальныхъ, которые волновали бы молодые умы и омрачали бы нашъ мірокъ. 4-го апрѣля 1866 года грянулъ въ Петербургѣ выстрѣлъ Каракозова, и декорація перемѣнилась рѣзко.

Никогда я не забуду, какъ дня черезъ два послѣ этого событія, взволновавшаго всю Москву, я пошелъ въ профессорскую комнату, гдѣ обыкновенно пребывалъ Красовскій, имѣя до него какое-то дѣло, но его тамъ не засталъ, а увидавшій меня профессоръ Рачинскій отозвалъ меня къ окну и съ смущеннымъ видомъ

сообщилъ мнѣ, что покушавшійся на жизнь государя—студентъ Московскаго университета, и что Красовскій по этому случаю экстренно вызванъ въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію. Само собою разумѣется, что въ теченіе предшествовавшаго учебнаго года я не могъ не встрѣчать Каракозова,—это имя стало извѣстно тотчасъ послѣ совершившагося покушенія,—въ аудиторіяхъ или коридорахъ, но совѣмъ его не помню.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ обнаружилось, что у Каракозова были соумышленники въ средѣ студентовъ, и что покушеніе 4-го апрѣля было отчасти задумано въ стѣнахъ Московскаго университета, и что цѣлый рядъ студентовъ во всякомъ случаѣ знали о готовящемся. Нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекли къ суду, другихъ же не тронули, и между этими послѣдними былъ одинъ изъ моихъ товарищей-однокурсниковъ. Онъ долго оставался подъ угрозой висѣвшаго надъ нимъ Дамоклова меча, упорно молчалъ, и мы вовсе не подозрѣвали его участія въ этомъ дѣлѣ; когда же гроза миновала его, и верховный судъ ликвидировалъ совершившееся, онъ сталъ рассказывать ближайшимъ своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, о своемъ участіи въ кружкѣ, изъ котораго вышелъ Каракозовъ, о томъ, какъ этотъ послѣдній рѣшался на это дѣяніе, какъ одни его поддерживали, другіе же отговаривали. Участіе его въ этомъ кружкѣ такъ и осталось тайной для разслѣдовавшихъ дѣло, и оно не помѣшало ему впослѣдствіи сдѣлать карьеру по учебной части.

Всѣ мы университетскіе, какъ студенты, такъ и профессора, ясно поняли, что это событіе будетъ имѣть большія послѣдствія, какъ въ общемъ строѣ, такъ въ частности въ нашей средѣ и, странное дѣло! студентамъ почуялось, что первымъ изъ послѣдствій будетъ возстановленіе для насъ мундира. Хотя предчувствіе это не сбылось, но въ немъ было что-то аллегорическое, предугажывающее то направленіе, которое получить преобладаніе въ нашемъ университетскомъ быту. Мы понимали, что наступить «подтягиваніе», и что наше начальство, весьма склонное къ тому, считать студента, облеченнаго въ форму, болѣе удобнымъ и доступнымъ для дисциплинарнаго надзора, чѣмъ одѣтаго въ партикулярное платье. Формы не ввели, но порядки появились новые, и не столько внѣшніе, осязательные порядки, сколько направленіе, духъ, на насъ откуда-то повѣявшій. Эта перемѣна въ нашемъ, сравнительно небольшомъ, университетскомъ міркѣ, отразила въ себѣ общую перемѣну въ широкихъ сферахъ, гдѣ событіе 4-го апрѣля внушило многимъ представителямъ власти опасеніе; что не зашли ли слишкомъ далеко въ дѣлѣ реформъ. Какъ извѣстно, восторжествовавшее направленіе это вызвало роковой переломъ въ эпохѣ царствованія императора Александра II.

Что касается въ частности университета, то событіе 4-го апрѣля вызвало въ разныхъ кругахъ московскаго общества болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ студентамъ. Открыто высказывалось, что разъ изъ среды студентовъ выходятъ царевубійцы, то надо ихъ обуздать, подвергнуть строгой дисциплинѣ и т. д. Такія рѣчи, конечно, представлялись преувеличеніями, крайностями, но онѣ не были чѣмъ-либо для насъ новымъ, ибо въ нихъ звучало, правда въ болѣе яркой и настойчивой формѣ, то, что нерѣдко приходилось слышать намъ вообще о реформахъ, воспослѣдовавшихъ въ истекшее десятилѣтіе, какъ наприимѣръ, распотъ на освобожденіе крестьянъ, насмѣшки надъ гласнымъ судомъ, надъ земскимъ учрежденіями и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не добавить, что покушеніе на жизнь государя, совершенное студентомъ, дало благодарное оружіе въ руки тѣхъ, кто задумывалъ наступательный походъ на университетскій строй, о чемъ я уже говорилъ выше, и кто очевидно не преминулъ воспользо-ваться этимъ фактомъ въ пользу своихъ злыхъ намѣреній.

Все, что такимъ образомъ воспослѣдовало послѣ этого рокового выстрѣла, какъ и все то, что имѣло мѣсто послѣ подобныхъ же террористическихъ актовъ, вскорѣ за этимъ участвовавшихъ, служить новымъ доказательствомъ того, что люди, прибѣгающіе къ подобнымъ актамъ, всегда ими способствуютъ тому, что является противоположностью ихъ замысламъ, намѣреніямъ и цѣлямъ. Къ сожалѣнію, не одни террористы это забываютъ...

XI.

Происшедшая такимъ образомъ перемѣна въ направленіи нашего строя давала намъ себя чувствовать лишь постепенно, шагъ за шагомъ. На 2-мъ курсѣ моемъ, а еще болѣе на 3-мъ, обнаруживалась она въ усиленіи надзора за нами, какъ въ аудиторіяхъ, гдѣ появились угодные начальству студенты, взявшіе на себя роль тайныхъ агентовъ, такъ и внѣ стѣнъ университета. Попечительный о бѣдныхъ студентахъ комитетъ былъ упраздненъ, по распоряженію правленія, изъ-за того, что главные его дѣятели—профессора Капустинъ и Рачинскій и инспекторъ Красовскій были изъ числа неблагонадежныхъ, и всѣ попытки студентовъ приходить на помощь бѣдствующимъ товарищамъ своимъ, путемъ своихъ организацій, встрѣчали категорическій отпоръ со стороны начальства. Обычнымъ проявленіямъ юношеской пламенности, въ родѣ шумныхъ демонстрацій въ театрѣ, горячихъ рѣчей за ужиномъ въ ресторанахъ, даже хожденію по улицамъ гурьбой по окончаніи лекцій, начали придавать характеръ опасныхъ,

чуть не политическихъ демонстрацій. Дѣло дошло до того, что одинъ профессоръ предупредилъ насъ, что студентамъ, не въ мѣру шумѣвшимъ въ театрѣ, угрожаетъ исключеніе изъ университета. А въ то время въ Москвѣ была очень недурная итальянская опера, вызывавшая шумный восторгъ въ молодежи.

Такъ дѣло шло въ теченіе двухъ учебныхъ лѣтъ, пока я проходилъ 2-й и 3-й курсы. На 4-мъ картина измѣнилась еще болѣе рѣзко, начались настоящія политическія волненія, перекинувшіяся въ университетъ изъ недавно передъ тѣмъ основанной Петровской Академіи. Волненія эти продлились, съ небольшими перерывами, два года, и они стали извѣстны подъ общимъ наименованіемъ Нечаевскихъ исторій.

Не могу по этому случаю не сослаться вновь на приведенныя мною выше слова Пирогова о томъ, что университетъ не есть простое учрежденіе, не обособленный и замкнутый въ извѣстныя, разъ навсегда опредѣленные рамки организмъ, а что онъ является собою живую частицу современнаго общества, не отражающую только жизнь этого общества, а живущую этою жизнью. Смута въ университетѣ, каковъ бы ни былъ поводъ, послужившій ей источникомъ, является всегда отголоскомъ подобной же смуты въ умахъ общества. А въ ту эпоху, когда происходили описываемыя событія, и когда воспослѣдовалъ переломъ, общество шаталось, въ буквальный смыслѣ, изъ стороны въ сторону, и одна его часть, убоявшись реформъ, стремилась обратиться вспять отъ путей, по которымъ реформы эти двинули народный строй, другая же жаждала дальнѣйшаго развитія осуществленныхъ уже реформъ и конечнаго ихъ завершенія въ строѣ государственномъ. Это двойственное направленіе отразилось и на нашей университетской жизни, при чемъ первое олицетворялось въ начальствѣ, желавшемъ возстановить прошлое во всемъ его объемѣ, второе же высказывалось въ «молодыхъ» профессорахъ, а болѣе всего въ учащейся молодежи, которая была вся поголовно на сторонѣ преобразовательнаго движенія, и которая конечно не могла не протестовать такъ или иначе противъ недопустимаго, по ея мнѣнію, стремленія воскресить прошлое.

Начались сходы въ саду стараго университета, нелѣпыя, беспорядочныя, но свидѣтельствовавшія о томъ броженіи, которое захватило молодые умы; на нихъ составлялись и подписывались протесты, какъ противъ вводимыхъ въ университетскій строй новыхъ правилъ, такъ и вообще противъ всего, что такъ или иначе обращало на себя вниманіе взволновавшейся молодежи. Нѣсколько разъ бывалъ я на этихъ сходахъ, но не вынесъ

изъ нихъ никакого, сколько нибудь хорошаго впечатлѣнія. Всѣмъ намъ извѣстно было, что въ Петровской академіи образовался кружокъ агитаторовъ, старавшійся завязать сношенія съ нами, университетскими, и успѣвшій въ этомъ. Часто упоминалась фамилія Нечаева, какъ главнаго руководителя этого кружка. Мы замѣчали, что многіе изъ нашихъ профессоровъ казались смущенными, словно въ ожиданіи чего-то, имѣвшаго совершиться; мы знали, что участились экстренно созываемыя засѣданія совѣта, и вообще атмосфера, насъ окружающая, казалась насыщенною электричествомъ. Особенно это было ощутительно въ теченіе великаго поста 1869 года. Но, когда начались экзамены, бывшіе для меня выпускными, интересы и заботы молодежи приняли другое направленіе: не до сходовъ было ей, и все казалось улеглось, но не надолго. Осенью того же года,—я уже не былъ въ числѣ студентовъ,—разыгралась трагедія въ саду Петровской академіи—убійство студента Иванова, совершенное Нечаевымъ. Началось слѣдствіе, продолжавшееся очень долго, и только полтора года спустя происходилъ цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Нечаевскихъ (хотя самъ Нечаевъ успѣлъ скрыться за границу), къ которымъ привлечено было много лицъ изъ учащейся молодежи и въ томъ числѣ нѣсколько изъ моихъ товарищей. Между этими послѣдними былъ нѣкто Смирновъ, медикъ, съ которымъ я сблизился задолго до этого времени, когда я былъ на 2-мъ курсѣ, а онъ на 1-мъ медицинскомъ, и когда мы одновременно слушали химію и ботанику. Это былъ милѣйшій юноша, полу-ребенокъ еще, очень красивой наружности, обладавшій недюжиннымъ умомъ, всегда какъ-то поэтически настроеннымъ и этимъ подкупавшій всякаго, кто съ нимъ вступалъ въ общеніе. На сходкахъ въ саду я видѣлъ его шумѣвшимъ и суетсящимся, но все это казалось чѣмъ-то ребяческимъ, не серьезно-агитаторскимъ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ очень скомпрометированъ въ Нечаевскихъ исторіяхъ, но избѣгъ суда, тоже скрывшись за границу, гдѣ умеръ отъ чахотки въ полной нищетѣ.

Все это движеніе, всколыхнувшее нашъ студенческій мірокъ въ теченіе учебнаго 1868—69 года, не могло не волновать насъ, но каждый по-своему реагировалъ на это въ душѣ своей. Одни сочувствовали движенію, другіе его порицали, и между этимъ двойственнымъ отношеніемъ къ нему существовалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ оттѣнковъ и степеней, причемъ не всегда ясно отдѣлялась идея о противодѣйствіи новымъ университетскимъ порядкамъ, что было дѣломъ собственно нашимъ, домашнимъ, отъ общей политической идеи, что являлось намъ задачей всего

общества. Но, какъ ни рѣзко относились мы къ происходившему, мы всё безъ исключенія недоумѣвали насчетъ того, насколько въ дѣйствительности наши сходки, наши протесты и прокламаціи угрожаютъ «государственному строю», какъ на официальномъ языкѣ формулированы были обвиненія нашихъ товарищей, привлекаемыхъ, арестуемыхъ, высылаемыхъ. Въ этомъ мы терялись, и особенно насъ смущало то, что раскрытіе и разслѣдованіе этихъ «государственныхъ преступленій» направлено было не обычнымъ, судебнымъ путемъ, а особымъ вѣдомствомъ, въ то время носившимъ памятное всѣмъ моимъ сверстникамъ названіе 3-го отдѣленія. Не много ли чести было въ этомъ—вотъ вопросъ, который каждый изъ насъ ставилъ себѣ. Впечатлительные умы молодежи чутко реагировали на совершавшееся передъ ними и въ той средѣ, въ составъ которой она входила и впечатлѣнія, получавшіяся ею отъ такихъ экстраординарныхъ актовъ, были тѣмъ болѣе рѣзкими, что это была эпоха введенія въ дѣйствіе новаго судопроизводства, когда, казалось, личность получила должныя и прочныя гарантіи отъ произвола. Мы узнавали, что у такихъ-то нашихъ товарищей произведенъ былъ обыскъ, что унесены были какіе-то компрометирующіе документы, между прочимъ наши литографированныя лекціи, а то тотъ или другой студентъ внезапно исчезалъ изъ нашего курсового кружка, и спустя нѣкоторое время мы узнавали, что онъ высланъ на родину, или куда-нибудь подальше. И все это совершалось безъ всякаго участія, какъ новой судебной власти, такъ и университетскаго начальства, даже безъ вѣдома этого послѣдняго. Думаю, что у многихъ изъ моихъ сверстниковъ,—студентовъ 60-хъ годовъ, впечатлѣнія эти прочно заронились въ душу и не были ими забыты впослѣдствіи.

XII.

Переходя къ повѣствованію о своихъ товарищахъ, я прежде всего прошу тѣхъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, уже немногихъ, которые еще не разстались съ жизнью, и которымъ, быть можетъ, эти строки попадутъ въ руки, не сѣтовать на меня за то, что я ввелъ ихъ, ихъ молодые годы, въ достояніе читающей публики. Многіе изъ нихъ того вполне заслуживаютъ, какъ по личнымъ чертамъ своимъ, такъ и по роли, которая впослѣдствіи выпала имъ на долю и не дала ихъ именамъ впасть въ забвеніе.

Какъ я уже сказалъ, я вступилъ въ естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Въ теченіе перваго учебнаго года студенты, входившіе въ составъ 1-го курса, какъ-то мало сближались другъ съ другомъ, если между ними не существовали какія-либо отношенія ранѣе поступленія въ университетъ. Быть

можетъ, причиной того было то, что на 1-мъ курсѣ наши занятія ограничивались слушаніемъ профессоровъ, а практическихъ занятій еще не было. Мы какъ-то дичились другъ друга, всматривались въ себя взаимно, особенно же тѣ изъ насъ, кто, какъ я, получилъ домашнее воспитаніе. Переходные экзамены, происходившіе весной, разомъ насъ сблизили, прежде всего тѣмъ, что процѣдили, такъ сказать, нашъ контингентъ, т.-е. выбросили слабыхъ, дикихъ, какъ принято было ихъ называть, а затѣмъ публичные отвѣты при товарищахъ дали намъ возможность оцѣнить другъ друга и, какъ результатъ того, сблизиться другъ съ другомъ. Это проявилось, какъ нельзя лучше, въ день послѣдняго экзамена, по окончаніи котораго выдержавшіе его и почувствовавшіе себя какъ бы выпущенными на свободу, разстались до осени друзьями и товарищами въ полномъ смыслѣ этого слова. Такая, внезапно возникшая, товарищеская сплоченность не поколебалась въ продолженіе трехъ послѣдующихъ курсовъ, и можно было смѣло назвать нашъ курсъ, насчитывавшій въ себѣ всего 17 человекъ, однимъ кружкомъ, одной семьей. Не могу не добавить, что по отзыву нѣкоторыхъ изъ нашихъ профессоровъ, нашъ курсъ считали въ этомъ отношеніи выдающимся. Само собою разумѣется, что такое товарищество, съ теченіемъ дальнѣйшихъ курсовъ, росло и закрѣплялось, благодаря, какъ практическимъ занятіямъ въ зоологическомъ музеѣ, или въ химической лабораторіи, такъ и постепенно входившимъ въ обычай между нами совмѣстнымъ занятіямъ по подготовкѣ къ экзаменамъ за товарищеской «чашкой чая».

Однокурсникомъ моимъ, между прочимъ, былъ К. В. Рукавишниковъ, впослѣдствіи московскій городской голова, тогда какъ его старшій братъ Николай, извѣстный дѣятель въ области призрѣнія малолѣтнихъ преступниковъ, былъ на два года насъ старше по курсу. Константинъ Рукавишниковъ болѣе всѣхъ способствовалъ нашему объединенію, благодаря своему благодушному, общительному характеру и своей искренней готовности помогать своимъ товарищамъ какъ матеріально, что позволяли ему его большія средства, такъ, въ особенности, въ учебной работѣ. Еще студентомъ, онъ былъ инициаторомъ образованія благотворительнаго для студентовъ общества, когда закрылся попечительный комитетъ, о чемъ рѣчь была выше, но его начинаніе не увѣнчалось успѣхомъ, несмотря на то, что ему удалось привлечь къ нему крупныя общественныя силы. Такъ, въ одномъ собраніи, созванномъ имъ у себя въ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ, для выработки устава этого общества, участвовали А. И. Чупровъ, бывший въ то время молодымъ магистрантомъ, готовившимся занять

кафедру, и г. Гатцукъ, извѣстный въ свое время публицистъ и издатель донинѣ популярнаго крестнаго календаря.

Далѣе былъ А. Ф. Леоновичъ, впоследствии директоръ Комиссаровскаго техническаго училища и К. Н. Козыревъ, директоръ Коммерческаго, которые, вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами другихъ курсовъ, составляли группу костромичей, благодаря своему происхожденію. Ипполитъ Пашковъ, вмѣстѣ со старшимъ по курсу родственникомъ своимъ Вадимомъ Пассекомъ, были въ родствѣ съ Герценомъ, и отъ обоихъ мы многое узнали объ этомъ послѣднемъ, который, какъ извѣстно, игралъ въ то время для однихъ роль кошмара или пугала, для другихъ же—свѣтлаго идеала или героя. Пашковъ былъ весельчакъ, живой и жизнерадостный, и самыя сухія занятія съ нимъ обращались въ веселье. По выходѣ изъ университета, онъ служилъ по дипломатической части и печаталъ статьи по вопросамъ, касающимся Балканскихъ государствъ. Онъ умеръ, сравнительно, молодымъ.

А. Шиповъ, сынъ извѣстнаго въ свое время финансиста Александра Павловича, былъ талантливымъ труженикомъ, но, какъ часто это у насъ случается,—дальнѣйшая его житейская карьера не имѣла ничего общаго съ естествознаніемъ. Напротивъ. А. Колли, который по годамъ былъ гораздо старше всѣхъ насъ и уже успѣлъ пройти курсъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, былъ впоследствии выдающимся профессоромъ химіи. Наконецъ, Адельфій С., сынъ бывшаго когда-то профессора Московскаго университета, былъ яркимъ представителемъ студенческой богемы 60-хъ годовъ, даже по наружности своей и по костюму. Это былъ неисчерпаемо веселый малый, ничѣмъ никогда не стѣснявшійся. Онъ хорошо и дѣльно занимался, но любилъ изображать изъ себя лѣнивца, называлъ профессоровъ своими врагами, смѣялся надъ работающими студентами и заражалъ тѣхъ и другихъ своею веселостью. Было что-то своеобразно характерное въ его плотной, но подвижной фигурѣ, немытой и небритой, съ очками, сдвинутыми на самый кончикъ носа, и съ постоянно носимой имъ въ рукахъ толстой суковатой палкой.

Какъ я уже сказалъ, первые переходные экзамены, а также практическія занятія на слѣдующихъ курсахъ, сплотили насъ въ одну дружную семью. Къ сожалѣнію, практическія занятія ограничивались зоологіей и химіей и въ области первой изъ нихъ это были опредѣленія насѣкомыхъ, а въ области второй—качественный анализъ по неорганической химіи. Эти послѣднія занятія происходили въ старой химической лабораторіи, гдѣ каждому изъ насъ предоставленъ былъ особый столъ, и гдѣ мы разлагали данный намъ лаборантомъ *mixtum compositum* изъ разныхъ ве-

ществъ. Мы занимались подъ наблюдениемъ этого лаборанта,—чаще всего это былъ упомянутый мною Феррейнъ,—причемъ это наблюдение ограничивалось тѣмъ, что онъ предостерегалъ насъ отъ слишкомъ сильныхъ реакцій, могущихъ вызвать взрывъ, и отъ случайныхъ самоотравлений. Но этимъ наблюдениемъ за нами занимались еще лабораторные швейцары и сторожа, которые оказывались въ извѣстной мѣрѣ свѣдущими въ химіи. Вообще надо сказать, что этотъ персоналъ игралъ довольно значительную роль въ студенческомъ быту того времени, и думаю, что многіе старые студенты вспоминаютъ кое-кого изъ этихъ швейцаровъ, служившихъ въ то время въ разныхъ зданіяхъ или отдѣлахъ университета. Безъ преувеличенія можно сказать, что между студентами и этими служителями устанавливались нерѣдко своего рода товарищескія отношенія, основанныя на взаимныхъ услугахъ самаго разнообразнаго характера, но въ этомъ въ то время не было и тѣни какого-либо надзора надъ студентами, который, какъ извѣстно, введенъ былъ въ университетскій строй въ послѣдующее время.

Изъ всѣхъ моихъ однокурсниковъ наиболѣе близкимъ мнѣ былъ Сергѣй Архиповъ, и о немъ и его семьѣ стоитъ поговорить. Мы остались друзьями до конца его жизни, и нашему сближенію способствовало не только то, что мы были однокурсниками,—а это продлилось лишь одинъ годъ, ибо Сергѣй Архиповъ, по болѣзни, остался на другой годъ на первомъ курсѣ, и такимъ образомъ я его опередилъ,—сколько то, что много у насъ было общаго, связующаго насъ. Начать съ того, что его отецъ Павелъ Ивановичъ, въ качествѣ повѣреннаго, занимался дѣлами моего отца и часто бывалъ у насъ въ домѣ. Это былъ типичный повѣренный стараго закала, умный, знающій свое дѣло, обладавшій мягкими, скажу вкрадчивыми, манерами, но въ высокой степени добропорядочный и правдивый. Въ то время, когда я особенно сблизился съ его семьей, онъ уже былъ въ преклонныхъ годахъ, мало выходилъ изъ дома, почти не снималъ халата изъ-за нездоровья, по большей части мнимаго, и жилъ онъ, во главѣ своей многочисленной семьи, настоящимъ патріархомъ. Семья его состояла изъ двухъ дочерей отъ перваго брака, въ то время уже бывшихъ замужемъ, и одной отъ второго, и четырехъ сыновей. Старшій Николай былъ помощникомъ своего отца по веденію дѣлъ и, по открытіи новыхъ судовъ, вступилъ въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ и завоевалъ себѣ въ ней прочную репутацію. Второй Иванъ былъ уже профессоромъ химіи въ техническомъ училищѣ, впослѣдствіи же игралъ крупную роль въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Третій Михаилъ кончалъ

университетскій курсъ юристомъ. Это былъ перлъ всей семьи: умный, даровитый, жизнерадостный, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова очарователенъ, и былъ настоящимъ другомъ своихъ друзей, товарищемъ своихъ товарищей. А неумолимая смерть унесла его въ молодыхъ еще годахъ. Младшій, Сергѣй, былъ въ душѣ идеалистъ, скажу даже поэтъ. Было что-то нѣжное, ласковое въ его натурѣ, что выдѣляло его среди всѣхъ его сверстниковъ. Прекрасный музыкантъ, онъ научилъ меня цѣнить музыку, въ которой я до этого былъ совершеннымъ профаномъ. Живя близко другъ отъ друга на Покровкѣ, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы мы не видались и, помимо совмѣстныхъ занятій по курсовымъ предметамъ, мы любили читать литературныя произведенія, какъ старыя, такъ и вновь появляющіяся. Чего чего мы такимъ образомъ ни перечитали, и ни оцѣнили! Само собою разумѣется, что насъ взаимно связывали свойственныя молодежи сердечныя увлеченія, скажу романы, которыми такъ освѣщается и украшается молодая пора жизни, которые въ то время изобиловали для насъ.

Въ домѣ Архиповыхъ постоянно было много молодежи, какъ студентовъ, товарищей обоихъ младшихъ сыновей, такъ и болѣе или менѣе молодыхъ юристовъ, готовившихся къ адвокатурѣ подъ руководствомъ старика и его старшаго сына Николая, или служившихъ для нихъ помощниками по многочисленнымъ частнымъ дѣламъ, которыя они вели. Изъ числа этихъ послѣднихъ многіе вышли въ люди, какъ, напримѣръ, Дубровскій, ровесникъ по годамъ и по курсу старшему Архипову, который прозванъ нами былъ Шумскимъ по необыкновенному сходству своей наружности съ знаменитымъ артистомъ, Сергіевскій, Иліодоръ Бушъ и др. Всѣ они составляли дружный, сплоченный кружокъ, о которомъ входившіе въ него долго сохраняли добрыя воспоминанія.

Товарищеское общеніе между студентами, безразлично, были ли они на одномъ и томъ же курсѣ или нѣтъ, проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Не говоря уже объ общихъ учебныхъ интересахъ и заботахъ, сколько было мотивовъ, житейскихъ обстоятельствъ, сколько было случайностей, которыя связывали молодыхъ людей, до этого ничего общаго не имѣвшихъ между собою и—что скрывать! ничего несохранившихъ между собою послѣ окончанія этой совмѣстной жизни, за немногими исключеніями, когда эти связи не поколебались и впослѣдствіи. Насъ опытъ не замедлилъ научить, что посѣщеніе театровъ въ одиночку это одно, а когда это бывало вмѣстѣ съ товарищами, то это совсѣмъ другое, и куда лучше! Думаю, что многіе изъ моихъ современниковъ невольно улыбнутся, вспомнивъ «чашки шоколада», которыя

они, въ компаніи своихъ товарищей, поглощали въ кондитерскихъ Педотти на Тверской, поблизости отъ университета, или Трамбле на Кузнецкомъ мосту, что всегда влекло за собою веселое фланированье по оживленнымъ улицамъ. А вѣроятно еще болѣе памятны имъ продолжительныя прогулки на бульварѣ, ближайшемъ къ мѣстожительству cadaго, происходившія весной, въ самый разгаръ экзаменовъ, когда группы студентовъ по вечерамъ отдыхали такимъ образомъ отъ дневныхъ занятій, и когда на этихъ бульварахъ, въ болѣе ранніе часы, толпилась «добропорядочная» публика, чуть не половина имъ знакомая, по крайней мѣрѣ по лицамъ, тоже благодаря жительству поблизости, а въ болѣе поздніе ее замѣняла другого рода публика, тоже не лишенная интереса для студентовъ.

XIII.

Надлежитъ мнѣ упомянуть вкратцѣ о моихъ современникахъ-студентахъ. Начну я съ тѣхъ, которые были одновременно со мной въ университетѣ и которые впоследствии создали себѣ имя, или чѣмъ-либо заявили себя на аренѣ общей жизни, а затѣмъ перейду къ тѣмъ, съ которыми я особенно сблизился по товарищески, независимо отъ учебныхъ, такъ сказать, связей и интересовъ. Изъ числа тѣхъ и другихъ уже немного осталось въ живыхъ, и мнѣ приходится съ грустью въ душѣ потревожить много тѣней прошлаго. Да простятъ мнѣ это онѣ!

Благодаря тому, что въ мое время не носили формы, мы по наружности ничѣмъ не отличались отъ «простого обывателя», и возрастныя отличія этой наружности какъ-то стусевывались. Можно было бы назвать такихъ, которымъ, казалось, было за 30 лѣтъ, и которые производили впечатлѣніе уже зрѣлыхъ мужчинъ, чуть не отцовъ семействъ, именно по отсутствію внѣшняго признака ихъ принадлежности къ студенческой корпораціи. Это были черты, ярко характеризовавшія студентовъ моего времени

Нѣкоторые общіе интересы и отношенія связывали насъ, первокурсниковъ, со студентами старшихъ курсовъ, но того же факультета, состоявшаго, какъ извѣстно, изъ двухъ отдѣленій—естественнаго и чисто-математическаго,—и по мѣрѣ того, какъ мы переходили на слѣдующіе курсы, эти связи создавались, но въ обратномъ направленіи. Въ этихъ отношеніяхъ курса къ курсу замѣчалась одна черта, которая красной нитью проходила по нимъ, черта, которую можно бы назвать своего рода благоговѣніемъ, не безъ примѣси нѣкоторой зависти, младшихъ къ стар-

шимъ, и черта эта постепенно мѣняла свой характеръ, дѣлая насъ изъ благоговѣвшихъ передъ старшими, предметами благоговѣнія со стороны младшихъ.

Не буду я обозначать, кто на какомъ курсѣ былъ, чѣмъ загроможду и безъ того невольно сухой перечень своихъ современниковъ, состоявшихъ въ числѣ студентовъ московскаго университета въ теченіе всего 4-хъ лѣтъ моего въ немъ пребыванія. Назову Н. А. Умова, недавно скончавшагося, И. Е. Жуковскаго и Д. Н. Анучина, донинѣ здравствующихъ, профессоровъ московскаго университета, М. А. Щукина, занимавшаго долгое время видное мѣсто въ Государственномъ контролѣ, Сони́на, бывшаго членомъ академіи наукъ и профессоромъ чистой математики, Вилькинса, изслѣдователя Туркестанской фауны, умершаго въ молодыхъ еще годахъ, Меллера, тоже рано умершаго, который еще на студенческой скамьѣ обѣщалъ быть выдающимся ботаникомъ, Чистякова, который таковымъ и сталъ въ послѣдствіи и умеръ вскорѣ послѣ занятія имъ этой каѳедры, А. Дмитріева-Мамонова, который много лѣтъ прослужилъ въ Сибири и составилъ себѣ имя въ литературѣ, Гр. Волконскаго, недавно покинувшаго должность лаборанта по химіи въ нашемъ университетѣ, Брызгалова, получившаго позднѣе такую печальную извѣстность въ качествѣ инспектора студентовъ. Это все были естественники и математики.

Изъ юристовъ моего времени многіе стали знаменитостями. В. К. Плеве былъ на 4-мъ курсѣ, когда я былъ на 1-мъ, но, признаюсь, я его не помню, хотя не разъ слышалъ его фамилію отъ его однокурсниковъ,—М. Архипова и Булгакова. По курсу моложе меня былъ Н. В. Муравьевъ, уже въ то время отличавшійся необыкновенными дарованіями и часто упоминавшійся въ разговорахъ общихъ нашихъ товарищей, какъ выдающійся ораторъ. Красавецъ С. А. Муромцевъ, съ самаго вступленія своего въ университетъ, очень сблизился съ моимъ однофамильцемъ, Львомъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, недавно умершимъ. Они сообща стали издавать литографированныя лекціи, образцово составлявшіяся первымъ и роскошно издававшіяся на средства второго. Эти три лица задумали приготовить себя къ дѣятельности по, только что введеннымъ судебнымъ учрежденіямъ и съ этой цѣлью привлекли нѣсколькихъ своихъ товарищей и устроили настоящий судъ съ присяжными. Происходило это, по большей части, на квартирѣ Л. С. Голицына, и фотографическій снимокъ такого засѣданія приложенъ къ сборнику, изданному въ память Муромцева. Я хорошо помню, какъ уже въ то время репутація Муромцева и Муравьева такъ прочно установилась среди насъ, ихъ современниковъ, будущность ихъ такъ ярко обрисовалась для насъ, что не въ шутку.

а очень серьезно, въ нашей средѣ царствовало убѣжденіе, что Муромцевъ будетъ предсѣдателемъ перваго русскаго законодательнаго собранія, а Муравьевъ президентомъ перваго отвѣтственнаго кабинета. Въ группѣ ихъ сотрудниковъ принимали болѣе или менѣе близкое участіе покойный М. В. Духовской, здравствующій нынѣ Н. А. Каблуковъ, В. М. Соболевскій, издатель Русскихъ Вѣдомостей, и многіе другіе, стяжавшіе себѣ почетное имя въ судебномъ мірѣ, а равно и въ профессурѣ. Вся эта молодежь была одушевлена высокими идеалами, увлеченіями, подкрѣпленными твердою надеждою на близкое осуществленіе этихъ идеаловъ, на возможность такового, и столь же твердою увѣренностью, что, она, эта молодежь, будетъ на высотѣ тѣхъ задачъ, передъ которыми она станетъ, по выходѣ изъ стѣнъ *alma mater*. Не надо забывать, что то было время расцвѣта новыхъ судебныхъ учреждений, послѣдовавшаго тотчасъ послѣ введенія земскихъ, которыя, въ свою очередь, появились вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Какіе широкіе и свѣтлые горизонты открывались передъ молодыми умами!

Изъ медиковъ я засталъ еще въ университетѣ братьевъ Остроумовыхъ, знаменитаго впослѣдствіи Алексѣя и его брата Василя, но оба они были по курсамъ гораздо старше меня. На одномъ курсѣ со мною былъ медикъ В. Ф. Снегиревъ, и мы вмѣстѣ слушали ботанику и химію. На филологическомъ факультетѣ одновременно со мною былъ Всеволодъ Миллеръ, о которомъ я уже упоминалъ ранѣе. Были еще Захарбековъ, впослѣдствіи выдающійся педагогъ, Позняковъ—юристъ, стоявшій долгое время во главѣ статистическаго отдѣла Московскаго Городскаго управленія и т. д.

XIV.

Перейду теперь къ своимъ современникамъ, съ которыми связывали меня не одни учебные интересы, т.-е., одновременное пребываніе въ стѣнахъ университета, но и другія, притомъ самыя разнообразныя, связи—общественныя, свѣтскія и иныя. Какъ я уже говорилъ, поступленіе въ университетъ являлось въ то время достиженіемъ своего рода совершеннолѣтія, и это особенно ощутительно было для тѣхъ студентовъ, которые выросли и воспитались въ своихъ семьяхъ, имѣвшихъ осядлость свою въ Москвѣ. Такой юноша разомъ дѣлался полноправнымъ членомъ общества, съ которымъ болѣе его старшіе обращались уже не какъ съ мальчикомъ, а какъ съ равнымъ себѣ. Этотъ переходъ бывало очень чутко ощущался нами и, само собою разумѣется, немало способствовалъ развитію въ насъ извѣстной самооцѣнки.

Если, съ одной стороны, наши общественныя отношенія имѣли источникомъ своимъ университетское товарищество, совмѣстное нахожденіе наше въ немъ, то, съ другой стороны, они обусловлены были прежнимъ знакомствомъ между нашими домами, какъ тогда говорили, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подкрѣплялись еще и родственными связями, а равно случайными встрѣчами, сближеніями въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Поэтому, говоря о своихъ современникахъ, я долженъ буду упомянуть и о тѣхъ коллективностяхъ—домахъ, семействахъ, группахъ,—въ составъ коихъ они входили, или съ интересами коихъ они были связаны.

Одна изъ такихъ коллективностей была особенно многочисленна. Входившіе въ ея составъ товарищи мои были Оболенскіе—братья Владиміръ, Валерьянъ (впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ) и Платонъ, всѣ уже почившіе, и ихъ двоюродный братъ, Александръ, нынѣ членъ Государственнаго совѣта. Къ нимъ примыкали многочисленные ихъ родственники, болѣе или менѣе близкіе,—братья Свербеевы, братья Давыдовы, изъ коихъ одинъ, Николай Васильевичъ, здравствуетъ, и о немъ мнѣ придется еще говорить, Борисъ Лопухинъ, Федоръ Соллогубъ и др. Вся эта молодежь принадлежала къ семьямъ, родственнымъ между собою, постоянно жившимъ въ Москвѣ и въ составъ коихъ входилъ и женскій элементъ, бывший для многихъ притягательной силой. Особенно это было въ семьѣ Лопухиныхъ, типичный домъ которыхъ на Молчановкѣ былъ постоянно открытъ и чуть не каждый вечеръ въ немъ собиралась веселая молодежь, гостепріимно встрѣчаемая запросто и безъ всякихъ претензій. Ко всѣмъ названнымъ выше юношамъ присоединялись еще многіе другіе, одинокіе, которые, благодаря своимъ товаришескимъ связямъ, съ членами той или другой семьи, какъ бы входили въ ихъ составъ, пока для нѣкоторыхъ изъ нихъ это участіе въ нихъ не упрочилось въ болѣе твердыхъ формахъ брачныхъ. Такими были Павелъ Капнистъ, будущій попечитель учебнаго округа, женившійся на одной изъ Лопухиныхъ, и неразлучный его товарищъ Викторъ Тизенгаузенъ, недавно скончавшійся въ званіи сенатора. Далѣе, Петръ Сѣверцовъ, красавецъ собою и постоянный дирижеръ московскихъ баловъ, поступившій послѣ университета на военную службу и кончившій довольно рано свою жизнь. Братья Булгаковы, Колюбакинъ, баронъ Бистромъ, Голсницевъ-Кутузовъ, прославившійся потомъ поэтъ, кн. Друцкой и много другихъ, которые либо сыграли извѣстную роль въ послѣдствіи, либо исчезли безслѣдно съ житейскаго горизонта.

Изъ другихъ группъ или домовъ выдѣлялся домъ Мартыновыхъ. Изъ этого многочисленнаго семейства трое были моими

современниками по университету—Сергѣй, много общавшій по выдающимся своимъ способностямъ и дарованіямъ. Дмитрій, долгое время бывшій Варшавскимъ губернаторомъ, и Викторъ, извѣстный земскій дѣятель въ Москвѣ, недавно скончавшійся. Ихъ отецъ, какъ извѣстно, былъ виновникомъ смерти Лермонтова. Его внѣшность, холодная и неприступная, навѣвала на насъ, товарищей его сыновей, какой-то инстинктивный страхъ, который чувствовался нами лишь только мы входили въ его домъ, весьма гостепріимный при этомъ. Особенно близки съ бр. Мартыновыми были нашъ здравствующій Н. В. Давыдовъ, который и въ то время, какъ и далѣе, былъ всеобщимъ любимцемъ, душою нашей молодой компаніи, и мой однофамилецъ, Левъ Сергѣевичъ, недавно умершій. Онъ провелъ все свое дѣтство и раннюю молодость за границей, едва зналъ по-русски и, пріѣхавъ въ Москву, когда ему было чуть не 25 лѣтъ, въ два года подготовился къ вступленію въ университетъ, гдѣ онъ не замедлил выдѣлиться среди своихъ однокурсниковъ и, благодаря тѣсному своему сближенію съ С. А. Муромцевымъ, сдѣлался центромъ крупной компаніи юристовъ.

Вся эта университетская молодежь была въ болѣе или менѣе близкомъ общеніи съ людьми другого рода, старше по годамъ, но все же входившими въ составъ московской молодежи. Можно бы назвать ихъ молодыми холостяками, которыми въ то время Москва изобиловала. Это были люди, обладавшіе хорошими средствами, или остатками таковыхъ, и жившіе въ свое удовольствіе, безъ всякихъ, казалось, цѣлей, обязанностей или интересовъ. То были типичные представители дворянской Москвы, давно уже отошедшей въ область преданій. Таковыми были Н. С. Корсаковъ, бывшій гусарь, красавецъ собой, немало женскихъ сердецъ побѣдившій, гр. Апраксинъ, уже пожилой, но постоянно вращавшійся въ кружкахъ молодежи, Киселевы, братья Талызины. Лука Ив. Похвисневъ, веселый собесѣдникъ и балагуръ, Ф. Карбановъ, театралъ и охотникъ до лошадей, разъѣзжавшій по Москвѣ въ саняхъ изъ розоваго дерева, съ бронзовыми украшеніями и на парѣ съ пристяжкой, причемъ эти лошади были подкованы серебряными подковами. Упомяну еще объ адъютантахъ генералъ-губернатора—Величковскомъ и кн. Урусовѣ.

XV.

Я не намѣренъ повѣствовать о московской жизни того времени, жизни общественной или свѣтской, которая во многихъ отношеніяхъ еще соотвѣтствовала популярному термину, обозначающему жизнь болѣе ранней эпохи, а именно Грибоѣдовской.

Если я упоминаю вкратцѣ о ней, то это съ цѣлью отмѣтить характеръ эпохи середины 60-хъ годовъ, характеръ переходный, въ полномъ смыслѣ этого слова. Прошло всего пять лѣтъ со времени обнародованія крестьянской реформы и вызванный ею переломъ всего общественнаго строя далеко не изгладилъ изъ него всего того, что создано крѣпостнымъ правомъ и вообще всѣмъ режимомъ предшествовавшаго царствованія. Люди, входившіе въ составъ московскихъ общественныхъ круговъ, мои ровесники, а тѣмъ болѣе всѣ, бывшіе старше меня, выросли и воспитались на крѣпостномъ правѣ, т.-е., на готовыхъ и по большей части значительныхъ средствахъ. Мы, студенты, занимались своими лекціями, экзаменами, удовольствіями всякаго рода, а люди, насъ старшіе, казалось намъ, занимались только этими послѣдними, благодаря этимъ средствамъ, благодаря этимъ барскимъ преданіямъ; такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Трудно теперь повѣрить, что такая жизнь, праздная, въ смыслѣ отсутствія въ ней какихъ-либо обязанностей, дѣловыхъ интересовъ, могла поглощать и удовлетворять людей, по своему времени образованныхъ, воспитанныхъ, и что эти люди имѣли исключительными задачами своей жизни лошадей, карты, женщинъ. Многіе изъ нихъ служили, т.-е. носили мундиръ или въ положенное время являлись въ мѣста своей службы, для чего?—сами они хорошенько этого не знали. Но, вмѣстѣ съ этимъ, многіе изъ нихъ не умѣли примѣниться къ новымъ условіямъ, выдвинутымъ реформами и всѣми вообще вѣяніями эпохи, да и не хотѣли, не столько потому, что не сочувствовали этимъ реформамъ и вѣяніямъ, сколько потому, что не считали ихъ лично ихъ затрагивающими и имѣющими неизбѣжно отразиться на ихъ образѣ жизни, привычкахъ, интересахъ.

А между тѣмъ, передъ нашими глазами совершался крупнѣйшій переломъ всей общественной жизни, который, помимо всѣхъ своихъ реальныхъ послѣдствій въ общемъ строѣ русскаго быта, отразился, въ частности, на бытѣ Москвы. Силою вещей, старая Москва, дворянская, крѣпостная, доживала послѣдніе свои годы и, не сознавая сего, продолжала жить по прежнимъ обычаямъ, прежнимъ житейскимъ формамъ, хотя часто приходилось намъ слышать болѣе или менѣе платоническія сожалѣнія о «добрѣмъ старомъ времени». Въ 1861 году, когда совершился великій актъ освобожденія, молодые люди моихъ лѣтъ были еще мальчиками, а потому мы не можемъ судить о томъ, какъ Москва реагировала въ первую минуту на самый фактъ освобожденія, а еще менѣе о томъ, что предшествовало его осуществленію. Но въ протекшіе за симъ 5—6 лѣтъ мы созрѣли, научились сознательно глядѣть

кругомъ себя, и притомъ созрѣли мы внѣ рамокъ крѣпостного права, но при сохранившихся еще традиціяхъ его. Мы понимали, что этимъ актомъ освобожденія положенъ былъ конецъ одному тяжелому злу, и намъ казались комичными эти сожалѣнія о прежнемъ, безповоротно исчезнувшемъ съ лица земли. А комичнаго въ нихъ было много, начиная съ часто раздававшихся сѣтованій на совершившееся, которое приписывалось зловредному вліянію демагоговъ (къ числу которыхъ относились всѣ поголовно дѣятели крестьянской реформы), и надеждъ, что въ Петербургѣ «одумаются» и вернуть все прежнее, и кончая робкими увѣреніями себя, что крѣпостное право вовсе не было такимъ зломъ, какъ эти демагоги его описываютъ, и что оно не должно быть поставлено на одну доску съ рабствомъ, съ владѣніемъ людьми такихъ же людей. Но, помимо этихъ сѣтованій и сожалѣній, оставалось немало обычаевъ, сохранившихся, по преданію, отъ временъ крѣпостного состоянія и проявлявшихся въ обращеніи однихъ людей съ другими, почитаемыми тѣми другого сорта людьми, господъ со слугами, помѣщиковъ съ крестьянами, хотя и освобожденными отъ зависимости, но временно обязанными. Эти явленія, помню я, глубоко насъ возмущали, и на этой почвѣ у насъ часто бывали столкновенія съ болѣе насъ старшими, и мы чуяли въ отношеніи этихъ послѣднихъ по этому поводу плохо скрываемаго подозрѣнія насъ въ зараженіи зловредными теоріями и взглядами «демагоговъ».

Въ частности, совершившійся въ то время переломъ отразился на отношеніяхъ общества къ университетской молодежи. Я уже говорилъ, что режимъ университета рѣзко измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ Николаевское время, но, помимо этой, домашней, такъ сказать, перемѣны, были и другія, которыя проявлялись не столько въ осязательныхъ формахъ, сколько въ настроеніи молодежи и въ томъ, какъ относились къ ней люди, старшіе ея годами, люди—дѣятели осуществившихся реформъ или имъ сочувствовавшіе. Многое, что мы видѣли, что понимали, внушало намъ увѣренность, что намъ вскорѣ откроются новые пути къ широкой дѣятельности, къ работѣ на мѣстахъ, т.-е., во вновь создаваемыхъ общественныхъ учрежденіяхъ, земскихъ, городскихъ, крестьянскихъ, и я смѣло могу сказать, что многіе изъ моихъ современниковъ, стяжавшихъ себѣ въ послѣдствіи почетное имя въ области общественнаго труда, обязаны были этимъ тому, что заронилось въ ихъ души именно въ эту эпоху, когда они, будучи еще студентами, были свидѣтелями медоваго мѣсяца великихъ реформъ. А между тѣмъ прежніе взгляды на будущность учащейся молодежи сохраняли

свою силу, оставались ходичими, какъ ни было много такого, что ихъ подрывало. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, — назову ихъ салонными, — царствовало убѣжденіе, что молодому человѣку изъ «хорошей фамиліи», по окончаніи имъ университетскаго курса, предстоитъ только одинъ путь — Петербургъ. т.-е. служба въ дипломатіи, въ гвардіи, въ департаментѣ и лишь въ худшемъ случаѣ въ канцеляріи какого-либо провинціального губернатора. Если же такой юноша говорилъ, что онъ намѣренъ поселиться въ деревнѣ, заняться своимъ хозяйствомъ, своими бывшими крѣпостными крестьянами, или тамъ же служить по земству, или по мировому суду, то онъ въ этихъ кругахъ возбуждалъ бы подозрѣніе въ вольнодумствѣ или, въ лучшемъ случаѣ, въ поврежденіи умственныхъ способностей.

XVI.

Само собою разумѣется, что наша университетская молодежь погововно была увлечена общественнымъ движеніемъ, которое передъ ея глазами постепенно получало конкретныя формы, вполне доступныя ея любопытству, во вновь созданныхъ учрежденіяхъ, городскихъ и земскихъ съ одной стороны, судебныхъ съ другой. Въ качествѣ публики мы посѣщали тѣ и другія, многіе изъ нашихъ товарищей даже болѣе усердно, чѣмъ лекціи, и между ими были такіе, которые брали на себя обязанности газетныхъ репортеровъ въ залахъ суда или камерахъ мировыхъ судей, имѣя въ этомъ значительный въ то время заработокъ.

Засѣданія Городской думы, помѣщавшейся тогда на Воздвиженкѣ, въ домѣ Шереметева, мало привлекали наше вниманіе, — долженъ я въ этомъ признаться, ибо по специальности своихъ задачъ они мало говорили нашему воображенію и мало отвѣчали нашимъ идеаламъ. По положенію 1863 года, Дума состояла изъ гласныхъ въ равномъ числѣ отъ пяти городскихъ сословій, избираемыхъ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Городскимъ головой былъ кн. А. А. Щербатовъ, пробывшій въ этой должности шесть лѣтъ и завоевавшій себѣ общую любовь и уваженіе, вполне имъ заслуженныя тѣмъ, какъ мастерски онъ справлялся съ трудной задачей, выпавшею ему на долю, — изъ архаическаго учрежденія, существовавшаго по положенію 1823 года, сдѣлать нѣчто, отвѣчающее современнымъ требованіямъ и новымъ теченіямъ общественной жизни. Въ числѣ его заслугъ надлежитъ отмѣтить его умѣнье слить и согласовать сословія, въ то время гораздо болѣе обособленные, чѣмъ теперь, и сдѣлать это на почвѣ общаго городского дѣла.

Земскія собранія гораздо болѣе насъ интересовали, быть можетъ, по той причинѣ, что они происходили сессіями, тогда какъ городскія собирались круглый годъ, по 2—3 раза въ мѣсяцъ, почему земскія представляли собою нѣкоторымъ образомъ событіе. Засѣданія первой сессіи губернскаго собранія имѣли мѣсто въ малой залѣ дворянскаго собранія и, если память мнѣ не измѣняетъ, это было осенью. Студенты очень охотно посѣщали ихъ, внимательно вслушивались въ пренія, симпатизировали однимъ ораторамъ, раздражались отъ другихъ и, такимъ образомъ, разбивались на партіи, соотвѣтствовавшія тѣмъ, которыя были въ собраніи. Нельзя не сказать, что это земское собраніе было въ полномъ смыслѣ слова цвѣтомъ всѣхъ сословій Москвы и ея губерніи, что въ немъ слилось все, что было лучшаго, благонамѣреннѣйшаго, вѣрующаго въ свѣтъ и правду.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ, я долженъ сдѣлать одно общее замѣчаніе касательно первыхъ дней земскаго дѣла въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что въ отношеніяхъ общества къ земскимъ учрежденіямъ, въ активномъ участіи въ нихъ людей, смолоду привыкшихъ къ коронной службѣ, и внезапно очутившихся въ чемъ-то, похожемъ на парламентъ, было много увлеченія, даже много ребяческаго. Прелесть новизны играла въ этомъ извѣстную роль. Но, рядомъ съ этимъ, многіе изъ этихъ участниковъ, а еще болѣе изъ сторонней публики, видѣли въ земствѣ, въ мѣстномъ представительствѣ, въ области самоуправленія, первый шагъ къ государственному перевороту и одни видѣли въ этомъ логическій вѣнецъ осуществленныхъ реформъ, другіе же опасность для всего строя, и эти послѣдніе, въ свою очередь, дѣлились на такихъ, которые считали народъ недоросшимъ еще до конституціи (фразу эту я слышу вотъ уже 50 лѣтъ), и такихъ, которые абсолютно отвергали самую идею о представительствѣ и признавали уже данное, земское, грубою ошибкою, на счетъ которой «одумаются». Нельзя не добавить, что ожиданія конечной реформы, не скрывавшіяся въ то время и являвшіяся въ нѣкоторомъ родѣ забѣганіемъ впередъ, въ значительной степени повредили, на первыхъ порахъ, земскимъ учрежденіямъ; ибо самое слово конституція продолжало быть пугаломъ для многихъ изъ «властей предрежающихъ» и было въ ихъ рукахъ удобнымъ и благодарнымъ орудіемъ для борьбы противъ земства. Въмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые земцы перваго призыва, не въ мѣру увлекшись парламентскими обычаями, стали вводить ихъ въ земскія собранія и не воздерживались при этомъ отъ возбужденія въ нихъ общегосударственныхъ вопросовъ. Проявилось это прежде всего въ Петербургскомъ губернскомъ собраніи и чуть ли

не на второй годъ его существованія вызвало извѣстную катастрофу—закрытіе его на продолжительное время, причемъ виновники ея, фонъ Крузе и гр. Шуваловъ, сдѣлались героями дня въ глазахъ однихъ, и чуть не преступниками—въ другихъ. Конечно, въ этомъ большую роль играла та перемѣна направленія общей правительственной политики, которая воспослѣдовала послѣ рокового выстрѣла Каракозова и которая надолго затормозила дальнѣйшее развитіе великихъ реформъ, освѣтившихъ собою первое десятилѣтіе царствованія Александра II.

Губернскимъ земскимъ собраніемъ предсѣдательствовалъ губернскій предводитель кн. Левъ Гагаринъ. Это былъ образцовый предсѣдатель, спокойный, безпристрастный, не навязывавшій своимъ мнѣнію властью предсѣдателя, но умѣвшій ихъ во время высказывать, дававшій другимъ говорить, но искусно направлявшій пренія и не позволявшій имъ разбрасываться и превосходно резюмировавшій пренія и ставившій вопросы. Гагаринъ являлъ собою живое доказательство какъ того, что у насъ были люди пригодные для дѣла и помимо петербургскихъ канцелярій, такъ и того, что наши бары доросли и созрѣли до настоящаго представительства. Если бы не трагическая кончина его въ 1867 г.—онъ погибъ въ горномъ потокѣ гдѣ-то въ Тиролѣ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ,—ему предстояла бы крупная общественная роль.

Первымъ предсѣдателемъ губернской земской управы избранъ былъ Д. А. Наумовъ, пробывшій въ этой должности болѣе 25 лѣтъ и завоевавшій себѣ въ ней общее уваженіе. Съ первыхъ же дней своей службы онъ сталъ хозяиномъ земскаго дѣла и сразу поставилъ исполнительный органъ—управу въ надлежащія отношенія къ законодательному—губернскому собранію, и сдѣлалъ онъ это безъ нарушенія или умаленія отвѣтственности перваго передъ вторымъ и безъ допущенія вторженія второго въ область перваго. Было что-то подкупающее въ томъ, какъ онъ защищалъ или оправдывалъ дѣйствія управы передъ собраніемъ, въ которомъ съ первыхъ же дней раздавались не всегда умѣренные и обоснованныя нападки на нее, въ его, всегда скромной, но содержательной аргументаціи, чуждой всякихъ ораторскихъ эффектовъ, даже въ его мягкомъ, нѣжномъ голосѣ. Первоначально ближайшими его сотрудниками въ управѣ были избраны ея членами—гр. А. В. Бобринскій, впоследствии губернскій предводитель въ Москвѣ, и П. А. Васильчиковъ, но они скоро уступили мѣсто въ ней другимъ лицамъ, болѣе привыкшимъ къ черной работѣ, оставаясь, однако, гласными собранія.

Въ собраніи этомъ болѣе всѣхъ выдѣлялись, въ качествѣ ораторовъ, Д. Д. Голохвастовъ и Ю. Ф. Самаринъ. Первый изъ

нихъ былъ въ полномъ смыслѣ слова блестящій ораторъ: обладая красивою наружностью, звучнымъ голосомъ и превосходною дикціей, онъ привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе публики, притомъ преимущественно женская ея половина особенно бывала въ большемъ числѣ, когда извѣстно было, что онъ выступить по тому или другому докладу. Печаленъ былъ его конецъ: слѣпой, полупараличный, онъ доживалъ свой вѣкъ въ полномъ одиночествѣ, въ деревнѣ, всѣми забытый.

Самаринъ не часто выступалъ въ земскомъ собраніи, посвятивъ себя почти исключительно работѣ въ городской думѣ. Если Голохвастовъ былъ блестящимъ ораторомъ, то Самаринъ былъ дѣловымъ: строго логическій, послѣдовательный въ развитіи своей мысли, мастерски умѣвшій охватить предметъ и выставить его въ надлежащемъ освѣщеніи, онъ всего болѣе отличался въ критикѣ, въ критической, если даже не въ отрицательной оцѣнкѣ объекта преній.

Часто раздавался въ собраніи шепелявый голосъ Н. М. Смирнова, въ то время уже очень пожилого человѣка, бывшаго когда-то губернаторомъ въ Калугѣ, супруга котораго Александра Осиповна, столь извѣстна, какъ пріятельница Пушкина и Гоголя. Своеобразна была его рѣчь, въ которой порою было болѣе подражываемаго, чѣмъ высказаннаго, и эта особенность однажды послужила поводомъ къ крупному столкновенію его въ собраніи съ Самаринымъ, сдѣлавшимъ запальчивое нападеніе на дворянскія привилегіи, на которыя не кстати указалъ Смирновъ. *Ив. Ив. Мусинъ-Пушкинъ*, въ душѣ идеалистъ, съ первыхъ же шаговъ земства явилъ себя фанатикомъ общественнаго долга, и не было вопроса или доклада, по которому онъ не высказалъ бы своего мнѣнія, всегда въ тонѣ доктринера, но авторитетно и съ глубокою вѣрою въ себя. *Гр. А. С. Уваровъ* былъ одинъ изъ увы! очень немногихъ вельможъ, или представителей высшей аристократіи нашей, по рожденію и воспитанію предназначенный къ блестящей «карьерѣ»,—по неволѣ долженъ употребить этотъ нелѣпый терминъ,—который съ молодыхъ лѣтъ поставилъ себѣ главною цѣлю въ жизни—науку. Онъ посвятилъ свои силы и свои весьма значительныя средства служенію наукъ—археологіи, исторіи, эстетикѣ и сдѣлалъ онъ это не по дилетантски, «въ свободныя отъ праздности минуты», какъ это дѣлаютъ наши меценаты, признанные и непризнанные, а былъ дѣйствительно ученымъ-специалистомъ, стяжавшимъ себѣ почетное имя въ научномъ мірѣ. Конечно Уваровъ могъ бы блистать и въ болѣе широкихъ областяхъ дѣятельности, но онъ этого не захотѣлъ и ограничился земскимъ дѣломъ, въ которомъ онъ имѣлъ не малое значеніе. И какой это

былъ очаровательный собесѣдникъ въ обществѣ, остроумный, живой, молодой душою и умѣвшій понимать и цѣнить молодежь.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ гласныхъ, игравшихъ въ собраніи болѣе или менѣе видную роль. Старикъ Ильинъ, умный самородокъ, часто вступалъ въ пренія, правда въ довольно грубоватой формѣ, являвшейся какъ бы отголоскомъ давно миновавшей эпохи. Наоборотъ, изящный тонъ вносился молодымъ Кирѣевымъ. Однимъ изъ приближенныхъ вел. кн. Константина, причемъ онъ часто украшалъ свою рѣчь красивыми фразами на англійскомъ языкѣ. Въ числѣ гласныхъ были профессора Московскаго университета Бабстъ и Лешковъ, специализировавшіеся первый на экономическихъ вопросахъ, второй—на юридическихъ. Двое Безобразовыхъ, Владиміръ и Михаилъ, были интересными личностями. Первый, академикъ, былъ экономистъ по профессіи, и рѣчь его въ хозяйственныхъ дѣлахъ звучала большой авторитетностью, второй же былъ крупнымъ ораторомъ, очень любившимъ поговорить и себя послушать и ораторствовалъ онъ съ одинаковою охотою въ земскомъ собраніи и въ дамскихъ гостиныхъ, гдѣ его заслушивались. Изъ числа дѣльцовъ-практиковъ выдѣлялся М. И. Коваленскій, бывшій мировымъ посредникомъ перваго призыва. Онъ обладалъ своеобразною наружностью, какъ-то откинутою въ одну сторону; онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ собраніи, которое внимательно вслушивалось въ его рѣчь, всегда дѣльную, на чисто русскомъ, почти простонародномъ, языкѣ. Наконецъ были представители г. Москвы Д. Д. Шумахеръ, бывшій впоследствии городскимъ головой, и К. К. Шильдбахъ, основатель городского кредитнаго общества, и наиболѣе видныя силы московскаго купечества: В. И. Якунчиковъ, И. А. Ляминъ. В. М. Бостанжогло и пр.

Вспоминая эту плеяду дѣятелей, мнѣ представляются вполне безосновательными постоянно раздающіяся,—и въ то время раздававшіяся, а ранѣе, вѣроятно, еще болѣе,—сѣтованія на то, что на Руси царствуетъ безлюдіе, и что «на Руси много мѣстъ для людей, а мало людей на мѣстѣ», говоря словами кн. Вяземскаго. Нашлись же люди, когда они потребовались, для крестьянской реформы, для земства и городского управленія, для гласнаго суда, и нашлись они не потому, что эта эпоха была почему-либо особенно богата выдающимися силами, звѣздами первой величины, а потому, что время было другое, и потребности его понимались иначе, чѣмъ до и послѣ. То было время, когда правительство и общество шли рука объ руку въ своихъ обновительныхъ и преобразовательныхъ задачахъ, когда они одушевлены были одной вѣрой въ благо—этихъ задачъ, одними идеалами правды. Люди послѣду-

ющихъ за нашимъ поколѣній вправѣ позавидовать намъ, что мы пережили ту эпоху, что видѣли и уже могли понимать все, совершавшееся тогда вокругъ насъ.

XVII.

Въ качествѣ свидѣтеля первыхъ дней существованія общественныхъ учреждений, я нахожу нужнымъ сдѣлать небольшое отступленіе въ моемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи и высказать нѣкоторыя общія соображенія, касающіяся не университетскихъ моихъ воспоминаній въ частности, но имѣющія прямое отношеніе къ той эпохѣ.

При оцѣнкѣ той эпохи, которая въ исторіи получила уже наименование эпохи великихъ реформъ, надлежитъ имѣть въ виду, что, когда готовилось упраздненіе крѣпостного права, русское общество, или по крайней мѣрѣ дворянско-помѣщичья его часть, находились въ состояніи трепетнаго ожиданія какого то громаднаго переворота, чуть не революціи. Когда же ничего подобнаго не произошло, а, напротивъ, жизнь, казалось, потекла вполне нормально въ новыхъ условіяхъ и новой рамкѣ, то это общество почувствовало, что его опасенія были напрасны, и что можно жить и работать безпрепятственно и безъ постоянного страха кары за какія либо проявленія самостоятельности и свободолюбія. вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе культурныя силы этого общества сознали, что постепенно осуществлявшіяся реформы, равно и намѣчаемая для будущаго, быстрыми шагами ведутъ Россію по пути къ народному представительству. Благодаря сему, оно встряхнулось,—другого, болѣе подходящаго слова, я не подберу. Общество отбросило прежніе страхи, оно почувствовало себя свободнымъ отъ всего, что его угнетало такъ долго, оно оцѣнило призывъ правительства къ совмѣстной работѣ, ради созданія правового строя и во многихъ случаяхъ единодушно пошло навстрѣчу этому призыву.

Само собою разумѣется были скептики, сомнѣвавшіеся въ плодахъ этой работы, были и отрицатели, высказывавшіеся подъ внушеніемъ либо страха, либо озлобленія, но голоса ихъ терялись, на рѣчи ихъ мало обращалось вниманія. Общій тонъ, общее настроеніе повышалось по мѣрѣ того, какъ обѣщанія осуществлялись, и мы, въ то время юноши, почти мальчики, стоявшіе очень далеко отъ политическихъ и общественныхъ движеній, понимали, однако, это приподнятое настроеніе, это охватившее все общество стремленіе къ строительству на новыхъ, широкихъ началахъ, и это пониманіе происходившаго во многихъ изъ насъ заронилось прочно и неотразимо.

Не разъ приходилось мнѣ слышать разговоры о конституціонномъ образѣ правленія, какъ о логическомъ увѣнчаніи осуществленныхъ уже или только еще намѣченныхъ реформъ. Эти разговоры, хотя и велись совѣмъ свободно, но все же во многихъ вызывали особаго рода опасенія, не столько по самому существу своему, сколько по традиціямъ стараго времени о томъ, что и «стѣны имѣютъ уши». Эти опасенія, помнится, только забавляли насъ, молодежь, и не гадали мы, что очень скоро эти опасенія возьмутъ верхъ и лягутъ въ основу всего дальнѣйшаго. Въ общественномъ движеніи 60-хъ годовъ, въ постепенномъ развитіи великихъ реформъ, словомъ, во всемъ, что собою ознаменовало ту непримѣрную въ нашей исторіи эпоху, выстрѣлъ Каракозова сыгралъ такую же роковую, злостную роль, какая выпала ему на долю въ болѣе тѣсной области нашего университетскаго строя, о чемъ я уже говорилъ выше. Вліятельные круги общества испугались того, не зашли ли слишкомъ далеко съ реформами, исходя изъ того афоризма, который мнѣ пришлось слышать вотъ уже 50 лѣтъ, что народъ не доросъ до какихъ бы то ни было свободъ, до существованія безъ опеки. Эта тема стала весьма популярною и благодарною, и пользовавшіеся ею не замедлили оказать воздѣйствіе, гдѣ слѣдовало, на перемѣну направленія, на водвореніе реакціи. Благодаря этому, несмотря на короткій промежутокъ времени, протекшій между 1866 и 1869 годами, эти два года оказались совершенно непохожими другъ на друга въ смыслѣ настроенія общества по отношенію къ реформамъ, не говоря уже о томъ, что эти реформы были подорваны въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и усовершенствованіи. Насколько восторжествовавшая реакція основывалась на убѣжденіи тѣхъ, кто перетянулъ на свою сторону и не было ли въ этомъ какихъ либо своекорыстныхъ, болѣе или менѣе эгоистичныхъ побужденій,—я не берусь судить. Но намъ, молодежи, казалось, что какъ было не ополчиться имъ. этимъ представителямъ старыхъ, отжившихъ порядковъ, на все новое, что создалось, разъ крестьянская реформа ударила ихъ по карману, земская сократила административный произволъ, судебная создала отвѣтственность передъ общественною совѣстью и, къ довершенію всего, въ будущемъ виднѣлась угроза прѣдательнаго образа правленія.

XVIII.

Не менѣе земскихъ собраній насъ, студентовъ, увлекали новыя суды, только что передъ тѣмъ открывшіе свои дѣйствія и, какъ общіе, такъ и судебно-мировые, одинаково представлявшіе небывалую новизну. Новизна эта особенно ощущалась въ то время

обществомъ, ибо оно хорошо знало и по собственному своему, горькому опыту, все безобразіе старыхъ судовъ, ихъ крючкотворство и взяточничество, ихъ «черную неправду», такъ рѣзко заклеянную поэтами. И вдругъ общество видитъ, что судъ рѣшаетъ дѣла скоро, правдиво, гласно, безъ вѣѣвшихся въ наши обычаи подьяческихъ ухищреній, безъ помощи того или другого рода обходовъ, уловокъ или подкуповъ. Но и по отношенію къ новому суду замѣтно было двойственное теченіе въ обществѣ. Если одни съ жаромъ увлеклись введенными формами судопроизводства, либо участвуя лично въ тѣхъ или другихъ судебныхъ учрежденіяхъ, либо имѣя въ производствѣ ихъ свои дѣла, и сознавали, что ими сдѣланъ былъ крупный шагъ къ благоустроенію, общественному и государственному, то съ другой стороны было немало старовѣровъ, или скептиковъ, не столько сожалѣвшихъ о старомъ судѣ, сколько не довѣрявшихъ новымъ, сомнѣвавшихся въ ихъ правосудіи, а, главное, не понимавшихъ ихъ строя и ихъ задачъ. Много разъ приходилось мнѣ слышать сѣтованія на уравниеніе всѣхъ передъ судами, которое считалось унижительнымъ и даже оскорбительнымъ для дворянина или заслуженнаго чиновника, рисковавшихъ быть призванными къ отвѣту передъ судомъ своимъ кучеромъ, и это выставлялось, какъ потрясеніе основъ. Было что-то комическое въ недоумѣніи тѣхъ, кто никакъ не могъ себѣ усвоить идею о судебной защитѣ. Ради чего, говорили они, защищать завѣдомаго преступника, уличеннаго въ совершенномъ имъ дѣяніи, убійцу или вора, которыхъ полиція накрыла на мѣстѣ преступленія?—Нельзя не сказать, что на первыхъ порахъ нѣсколько неудачныхъ оправдательныхъ приговоровъ придали этимъ рѣчамъ что-то въ родѣ основанія и, въ дальнѣйшемъ, это было использовано для урѣзыванія компетенціи судовъ, а всѣмъ извѣстно, какъ дѣло ушло далеко въ этомъ направленіи.

Молодежь, посѣщавшую судебныя засѣданія, плѣняла ихъ картинность, торжественность ихъ обстановки, столь необычная для нихъ въ то время. Эту торжественность подчеркивалъ собою, своею внѣшностью и обращеніемъ чаще всѣхъ предсѣдательствовавшій въ уголовномъ отдѣленіи Е. Е. Люминарскій. Высокаго роста, невозмутимо-спокойный, обладавшій громкимъ голосомъ, не требовавшимъ никакого напряженія, онъ, казалось, былъ рожденъ для предсѣдательской роли и являлъ собою прототипъ судьи праведнаго. Съ какимъ мастерствомъ велъ онъ допросъ, уравнивавши пренія сторонъ, вывѣдывалъ всѣ тайны дѣла отъ подсудимаго и отъ свидѣтелей, какъ оттѣнялъ онъ показанія этихъ послѣднихъ, смотря по тому, какого рода люди это были.

Въ прокуратурѣ выделялся Громницкій, а въ адвокатурѣ Селовьевъ, Шайкевичъ и въ особенности кн. А. И. Урусовъ, который съ перваго же дѣла, въ которомъ онъ выступалъ защитникомъ, заблисталъ звѣздною первой величины.

Не менѣе чѣмъ общими судебными учрежденіями, многіе студенты увлекались мировымъ судомъ и усердно посѣщали участковыя камеры. Надо сказать, что судьи перваго призыва, при самомъ началѣ своей дѣятельности, успѣли завоевать себѣ всеобщее уваженіе, сказали бы я популярность, если бы это слово не получило у насъ довольно пошлаго значенія. Достигли они этого уваженія не столько потому, что всѣ поголовно были они людьми особо выдающимися, а потому что ихъ роль, ихъ работа сразу олицетворила въ себѣ передъ глазами публики всѣмъ одинаково доступный, правдивый и гуманный судъ, безъ всякаго, столь всѣмъ опротивѣвшаго, крючкотворства. Если можно такъ выразиться,—судъ этотъ съ первыхъ же шаговъ своихъ оказался по плечу всей массѣ городского населенія, безъ различія ея словесъ, сословій, общественныхъ положеній и пр. Но нельзя не отмѣтить, что судьи, впервые вступившіе въ отправленіе своихъ обязанностей, прекрасно поняли свою задачу и съ первыхъ же дней своей дѣятельности избѣгли двухъ опасностей, которыя могли повредить самому дѣлу правосудія, а именно: легкаго отношенія къ этому дѣлу и излишней фамильярности въ словесномъ производствѣ его съ одной стороны, а съ другой сухого формализма, который легко могъ отчудить роль судьи отъ житейской реальности и поколебать довѣріе къ нему въ притекающихъ въ его камеру и отбить въ нихъ охоту обращаться къ нему. По долгу совѣсти, какъ бывший когда-то почетнымъ мировымъ судьей въ Москвѣ, я долженъ сказать, что это направленіе, это высокое достоинство мирового суда непоколебимо сохранялось мировыми судьями, преемственно призывавшимися къ этой задачѣ, и традиціонно передавалось однимъ поколѣніемъ судей другому.

Само собою разумѣется, что въ числѣ судей перваго призыва были такіе, которые выделялись крупными своими достоинствами—авторитетностью, знаніемъ жизни во всѣхъ, безконечно разнообразныхъ ея явленіяхъ и условіяхъ, умѣніемъ стать на уровень подсудимыхъ, истцовъ и отвѣтчиковъ, и которые поэтому болѣе другихъ привлекали въ свои камеры любопытствующую публику, въ томъ числѣ и студентовъ. Но конечно въ этомъ любопытствѣ играла извѣстную роль и прелесть новизны.

Изъ числа судей перваго призыва назову Александра Лопухина, незадолго передъ тѣмъ блиставшаго въ свѣтскомъ обществѣ, какъ кавалеръ и танцоръ, и проявившаго себя крупною судьей-

скою силой; Н. Н. Грекова, бывшаго впоследствии председателемъ съѣзда; Полянскаго, который печально кончилъ въ злополучномъ дѣлѣ ссуднаго банка; Багриновскаго, веселаго и остроумнаго сатирика, камера котораго всего охотнѣе посѣщалась студентами, быть можетъ потому, что его участокъ—Срѣтенскій—имѣлъ специфическій родъ населенія, придававшій разбираемымъ имъ дѣламъ свой отличительный букетъ. Много было образцовыхъ людей между ними, и велика была ихъ заслуга, что положили они навѣки непоколебимую твердую основу московскому мировому институту.

XIX.

Значительную роль въ жизни московской университетской молодежи игралъ театръ. О русской оперѣ того времени распространяться нечего, ибо она была очень плоха, какъ по составу, такъ и по репертуару, ограниченному двумя операми Глинки и одною Даргомыжскаго. Въ сезонъ 1868—69 г. ее почти совсѣмъ вытѣснила изъ большого театра итальянская опера, весьма недурная по составу и имѣвшая во главѣ своей, въ качествѣ импрессаріо, извѣстнаго въ Европѣ Мерелли. О ней я еще поговорю по поводу студенческихъ концертовъ.

Но то была блестящая эпоха московскаго Малаго театра. Я сознаю, что называя ее такъ, моимъ читателямъ покажется, что я проявляю свойственную всѣмъ старымъ людямъ черту—выхвалять все, бывшее въ пору ихъ молодости и унижать послѣдовавшее въ позднѣйшее время, наступившее одновременно съ ихъ старостью. Но въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о Маломъ театрѣ, мнѣ кажется нѣтъ основанія меня въ этомъ обвинять. Дѣйствительно трудно себѣ представить труппу того времени, вмѣщавшую въ себѣ столько крупныхъ и разнообразныхъ талантовъ, исполнявшую съ равнымъ совершенствомъ самый разнообразный репертуаръ, причемъ тѣ же силы, тѣ же таланты блистали одинаково въ произведеніяхъ самаго противоположнаго содержанія и характера и самой разнообразной цѣнности. Не могу не сказать, что наша молодежь того времени, помимо художественнаго наслажденія, искала въ театрѣ извѣстнаго рода школу, школу жизни.

Что касается художественности, надлежитъ отмѣтить, что въ то время довольно мало обращалось вниманія на внѣшность, на обстановку, но ея элементарная наивность и часто попадавшіеся анахронизмы нимало не смущали публику. Такъ, между прочимъ, «Горе отъ ума» исполнялось въ костюмахъ нашего времени, и Чацкій появлялся въ 1-мъ дѣйствіи во фракѣ, а Софья

его встрѣчала въ криолинѣ! Правила обстановки выработались въ послѣдствіи и, какъ извѣстно, достигли степени цѣлой науки, сдѣлавъ изъ обстановки нѣчто неразрывно-связанное съ ансамблемъ, каковой въ то время требовался только въ игрѣ артистовъ.

Вотъ этотъ ансамбль артистовъ, въ той, далекой уже отъ насъ, эпохѣ, былъ таковъ, какого, безъ преувеличенія можно сказать, мы потомъ не видѣли. Помимо звѣздъ первой величины, исполнявшихъ главные роли, такъ картинно именуемыхъ французами *chefs d'emploi*, всѣ малѣйшія, выходныя роли поручались настоящимъ артистамъ, согласовавшимся въ игрѣ своей съ игрой главныхъ. Перейду теперь къ этимъ послѣднимъ.

На женскихъ роляхъ блистали молодыя Г. Н. Федотова, Н. А. Никулина и только что дебютировавшая въ «Эмили Галотти» М. Н. Ермолова. На роляхъ старыхъ или старѣющихъ женщинъ были Е. Н. Васильева, Н. М. Медвѣдева, затѣмъ комическія старухи Акимова и Рыкалова, недавно скончавшаяся въ глубокой старости. Начинали свою артистическую карьеру молодая Васильева, дочь Ек. Никол., перешедшая затѣмъ на Александринскій театръ въ Петербургъ и совсѣмъ юныя, бывшія тогда еще воспитанницами театральнаго училища, Гельцеръ, Мухина и Нелюбова.

Рядомъ съ этой женской плеядой сіяла такая же, если не болѣе блестящая, мужская: Садовскій—отецъ, Живокини, въ то время уже пожилой, Самаринъ, Дмитревскій, Шумскій, и, болѣе молодые: Вильде, Федотовъ А. Ф., Разказовъ и Михаилъ Садовскій, только еще начинающій. Не забудутъ никогда ихъ тѣ, кто видалъ на сценѣ малаго театра «Тартюфа» и «Школу женщинъ» Мольера, «На всякаго мудреца» и «Горячее сердце» Островскаго, «Самоуправцы» Писемскаго, далѣе комедіи, имѣвшія громадный успѣхъ, но нынѣ забытыя, какъ «На хлѣбахъ изъ милости», «По духовному завѣщанію» и «Ангель доброты и невинности» и, наконецъ, фарсы въ родѣ «Званный вечеръ съ итальянцами». Особенность этихъ великихъ артистовъ заключалась въ томъ, что въ какихъ бы роляхъ они ни выступали, все было въ ихъ исполненіи совершенствомъ. Такъ Шумскій одновременно былъ великолѣпенъ въ роли Ивана Грознаго въ трагедіи А. Толстого и въ роли мальчика-идіота въ глупомъ фарсѣ «Дальше въ лѣсъ, больше дровъ»; Садовскій въ роляхъ Любима Торцова и Кить Китычей и мольеровскаго Сганареля; Г. Н. Федотова въ «Воробушкахъ» и въ Офеліи. Вотъ этого мы, и болѣе насъ молодые, больше не видали.

По поводу Малаго театра я долженъ упомянуть объ одномъ лицѣ, близкомъ къ этому театру и въ то же время тѣсно сбли-

жавшемся съ нами студентами. Это К. А. Тарновскій, талантливый переводчикъ, или передѣлыватель иностранныхъ драматическихъ произведеній, которыя послѣдовательно ставились имъ на сценѣ Малаго театра. Хотя онъ по годамъ былъ гораздо старше насъ, но какъ то само собою сдѣлался онъ общимъ нашимъ товарищемъ и въ особенности тѣхъ, кто были театрами. Обладавшій крупнымъ и широкимъ умомъ, недюжиннымъ образованіемъ и несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, онъ пріобрѣлъ еще извѣстнаго рода лоскъ, добытый имъ изъ общенія съ иностранными литераторами и артистами и, благодаря всему этому, онъ былъ удивительнымъ собесѣдникомъ, душою общества, въ какой угодно компаніи. Съ эпохи моего студенчества насъ связала тѣсная дружба, продлившаяся до конца его жизни въ 1892 году. Театръ многимъ ему обязанъ, ибо до сихъ поръ не сошли съ репертуара многіе изъ его передѣлокъ и переводовъ. Печаленъ былъ его конецъ: разбитый продолжительной болѣзью, разорившійся до того, что жилъ почти исключительно на скудный авторскій гонораръ, онъ постепенно впадалъ въ старческій маразмъ и, бывало, лишь изрѣдка въ бесѣдахъ его сверкало прежнее остроуміе.

Большой театръ посѣщался молодежью вовсе не съ художественными цѣлями. Туда насъ привлекала не опера, которая, какъ я уже сказалъ, была болѣе, чѣмъ посредственная, а балетъ. Въ то время среди молодежи былъ обычай, получившій характеръ какой-то необходимости или обязательности и заимствованный отъ петербургской гвардейской и свѣтской молодежи, имѣть въ балетѣ свой интересъ, въ образѣ болѣе или менѣе изящной балерины. Такіе романы, начинавшіеся, какъ нѣкто выразился, черезъ рампу, получали дальнѣйшее развитіе, и многіе изъ моихъ современниковъ нашли въ нихъ свое счастье. Посѣщеніе балета считалось чѣмъ то для насъ обязательнымъ, и среди насъ былъ кружокъ, такъ называемыхъ, балетомановъ, для которыхъ, казалось, это было главною, если не единственною, цѣлью ихъ жизни, но большинство изъ насъ шло въ балетъ изъ простаго подражанія, изъ боязни отстать отъ другихъ и, нечего скрывать, мы шли туда не потому, что были увлечены какимъ-либо «предметомъ» на сценѣ, а увлекались потому, что бывали тамъ. Въ этомъ кружкѣ балетомановъ были не одни студенты-юноши, а люди, гораздо насъ старше, занимавшіе въ обществѣ извѣстное положеніе, и такіе общіе интересы само собою сплочивали насъ воедино, создавали особаго рода товарищество.

Своеобразное впечатлѣніе получалось, когда, по истеченіи многихъ лѣтъ, встрѣчался намъ кто-либо изъ этихъ поклонни-

ковъ Терпсихоры, когда то по цѣлымъ часамъ ожидавшихъ у театральнаго подіѣзда выхода своихъ «предметовъ», дабы наскоро перекинуться съ ними нѣсколькими словами, а еще болѣе, когда приходилось видѣть кого-либо изъ этихъ послѣднихъ, изъ балетныхъ фей, въ видѣ располнѣвшихъ помѣщицъ, матерей многочисленныхъ семействъ и проч.

Что касается до самаго балета, то его персоналъ, въ смыслѣ артистическомъ, былъ довольно слабымъ, но, въ противоположность драмѣ и оперѣ, театральная администрація не жалѣла средствъ на обстановку, которая, для того времени, казалась исключительно роскошною. Таковы были балеты «Конекъ-Горбунокъ», «Дочь Фараона», «Донъ-Кихотъ» и др. Конечно, дѣло не обходилось безъ курьезовъ, какъ, на примѣръ, въ этомъ послѣднемъ сцена изображала берегъ моря на томъ основаніи, что Донъ-Кихотъ былъ Ламанчскій, а потому дѣйствіе должно было происходить на берегу Ламанша. Но такіе промахи въ балетѣ встрѣчались рѣже, чѣмъ въ оперѣ, гдѣ, на примѣръ, оперы «Норма» и «Семирамида» поставлены были въ однѣхъ декораціяхъ и въ однихъ костюмахъ.

XX.

Въ нѣкоторой связи съ областью театра я долженъ упомянуть о почти ежегодно устраиваемыхъ концертахъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Въ бытность мою на первомъ курсѣ, т.-е., зимою 1865—66 г., устроено было два такихъ концерта въ залѣ Благороднаго собранія и номинально они даны были отъ попечительнаго о бѣдныхъ студентахъ комитета, о которомъ я выше говорилъ, но члены его мало принимали въ этомъ участіе, предоставивъ все дѣло инспектору Красовскому и избраннымъ имъ студентамъ-распорядителямъ. Самъ по себѣ первый концертъ былъ довольно плохъ, хотя въ немъ участвовали крупныя, по тому времени, силы—пѣвицы Оноре и Александрова-Кочетова, скрипачъ Минкусъ и извѣстный віолончелистъ Давидовъ, братъ нашего декана. Во второмъ же концертѣ, происходившемъ весною 1866 г., принялъ участіе знаменитый скрипачъ американецъ Оле-Буль. Но душою этихъ концертовъ былъ Н. Г. Рубинштейнъ, фактически взявшій на себя устройство музыкальной части и дирижировавшій въ обоихъ оркестрахъ. Сблизившись съ нимъ по случаю этихъ концертовъ, я понялъ, что онъ могъ быть для москвичей того времени своего рода кумиромъ, передъ которымъ они преклонялись и которому всячески помогали въ осуществленіи его широкихъ замысловъ. Умный, ласковый, веселый, онъ всюду былъ на мѣстѣ, всюду былъ душою общества или кружка,

и въ томъ числѣ съ нами, студентами моложе его на полтора десятка лѣтъ, онъ былъ не просто бывшимъ студентомъ, а какъ бы реально настоящимъ, однолѣтникомъ съ нами. Но онъ сознавалъ свою силу, свое обаяніе, и умѣло пользовался этимъ въ своихъ предпріятіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является безспорно московская консерваторія, которая обязана своимъ созданіемъ исключительно ему. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ какъ человѣка, и какъ художника, его современники не могли угадать въ немъ еще и героя романовъ, каковыхъ у него было очень много, а, между тѣмъ, этотъ родъ славы, казалось, первенствовалъ надъ прочими его доблестями, по крайней мѣрѣ въ глазахъ многихъ представительницъ прекрасной половины московскаго общества.

Второй концертъ того же года состоялся дня три послѣ каравозовскаго покушенія, почему въ немъ имѣли мѣсто многочисленныя патріотическія манифестаціи, а по окончаніи его, вся толпа студентовъ, съ Красовскимъ, Рубинштейномъ и Оле Булемъ во главѣ, отправилась съ пѣніемъ гимна черезъ Охотный рядъ къ Иверской, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, причемъ Рубинштейнъ управлялъ студенческимъ хоромъ, запрудившимъ собою часовню, оба проѣзда и часть площади.

Два года подрядъ концертовъ не было по случаю событій въ университетѣ, о которыхъ я говорилъ и которыя вызвали уходъ Красовскаго, а на 4-мъ курсѣ замѣнившій прежнюю инспекцію, но уже въ качествѣ проректора, профессоръ Г. Е. Щуровскій, выбралъ меня и Н. В. Давыдова главными распорядителями такового. Конечно, прежде всего мы обратились къ Н. Г. Рубинштейну, а онъ направилъ насъ къ антрепренеру италіанской оперы Мерелли, который весьма любезно предоставилъ намъ безвозмездно свою труппу. А труппа эта была очень хороша. Во главѣ ея стояла европейская знаменитость г-жа Арто-Падилла превосходная примадонна; мужъ ея, испанецъ Падилла, обладалъ прекраснымъ баритономъ. Изъ женщинъ были двѣ французженки, итальянизировавшія свои фамиліи Benoit на Benati и Ferry на Ferrucci: первая была на небольшихъ роляхъ, между прочимъ пажъ въ «Баль-маскарадѣ» Верди, вторая же на драматическихъ. Была еще красивая венгерка Сарольта, пожирившая сердца молодежи. Первымъ теноромъ былъ испанецъ Каріонъ, басъ Босси, весьма остроумный и забавный, баритонъ Рота, прекрасный артистъ. Н. Г. Рубинштейнъ, устроивъ весь концертъ, уступилъ, однако дирижерскую палочку оперному капельмейстеру Дюпону, бельгійцу, который впослѣдствіи прославился своими музыкальными композиціями. Если я подробно остановился на этомъ

концертъ, то сдѣлалъ я это потому, что въ устройствѣ его живѣйшее участіе принялъ, по приглашенію Рубинштейна, въ то время еще только восходившая звѣзда — П. И. Чайковскій. Что это была за очаровательная личность! Его имя было извѣстно тогда лишь немногимъ, слава еще не гремѣла, но знавшіе его лично учитывали уже его будущность. Въ обществѣ, болѣе или менѣе многочисленномъ, онъ какъ-то стѣснялся, выказывалъ извѣстнаго рода застѣнчивость, но въ небольшомъ кружкѣ онъ умѣлъ покорять сердца всѣхъ присутствовавшихъ, умѣлъ залѣзть имъ въ душу. И, много лѣтъ спустя, когда онъ былъ на апогеѣ своей славы, при довольно рѣдкихъ и случайныхъ моихъ съ нимъ встрѣчахъ, я видѣлъ въ немъ все того же мягкаго, ласковаго очарователя, какимъ явился мнѣ онъ при первой нашей встрѣчѣ на студенческомъ концертѣ и на устроенномъ послѣ того ужинѣ въ ресторанѣ гостиницы Лабади, на Лубянкѣ, гдѣ помѣщались всѣ пріѣзжіе итальянцы-артисты.

XXI.

Въ молодежи существуетъ особая склонность, приобретающая нерѣдко какую-то непобѣдимую силу, къ уличнымъ демонстраціямъ, къ проявленію себя внѣ стѣнъ вмѣщающихъ ихъ зданій. Думаю, что это свойство присуще молодежи любой эпохи и любой страны, и проявленіе его, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, носитъ характеръ ребяческій, притомъ вполне независимый отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили поводомъ къ нимъ. Упомянутое мною шествіе студентовъ изъ концертной залы къ Иверской часовнѣ было однимъ изъ такихъ явленій и, всѣмъ намъ, участвовавшимъ въ немъ, рисовались картины подобныхъ же демонстрацій, происходившихъ въ другихъ странахъ и по другимъ поводамъ, о которыхъ мы читали въ книгахъ, или изображенія которыхъ попадались намъ въ заграничныхъ иллюстраціяхъ.

Въ ту же весну, когда происходилъ этотъ концертъ и послѣдовавшее за нимъ шествіе, совершилось еще событіе, вызвавшее подобную же уличную демонстрацію, въ которой большое число студентовъ приняло участіе. Мѣсяца полтора послѣ Каракозовскаго покушенія, въ Москву пріѣхалъ государь Александръ II съ семействомъ. Намъ стало извѣстно, что готовится необычная встрѣча и, несмотря на экзаменаціонное время, значительное число студентовъ сговорились принять въ ней участіе, конечно подъ вліяніемъ того стремленія къ тому, чтобы «показать себя» на улицѣ, о которомъ я говорилъ выше. Пріѣздъ царскій состоялся поздно ночью, — а ночь была свѣтлая, теплая, — и весь путь отъ Николаевского вокзала до Кремля былъ иллюминированъ, до-

вольно, впрочемъ, примитивно, плошками и шкаликами, но для того времени очень роскошно. А въ то время не было и помина о какихъ-либо стѣснительныхъ или охранительныхъ мѣрахъ, движеніе пѣшеходовъ было совершенно свободно, но экипажи поневолѣ направлялись въ другія улицы, ибо по этому пути они двигаться не могли изъ за толпы. Студенты группами бродили по улицамъ, то распѣвая пѣсни подлѣ аккомпанементъ военныхъ оркестровъ, помѣщавшихся либо на открытыхъ дворахъ нѣкоторыхъ домовъ, либо въ переулкахъ, то завязывая разговоры съ окружающими ихъ группами горожанъ обоего пола. Толпа была такъ велика, что я едва могъ двигаться и вынужденъ былъ скрыться на дворѣ дома К. Т. Солдатенкова, на Мясницкой, куда меня зазвалъ увидѣвшій меня черезъ рѣшетку племянникъ хозяина Василій, бывшій въ то время студентомъ на два курса старше меня. Трудно описать то, что произошло въ самый моментъ царскаго пріѣзда. Ничего подобнаго въ послѣдующее время мы болѣе не видали. Студенты разбрелись по своимъ домамъ, вполне довольные собою.

Въ слѣдующемъ году государь снова пріѣхалъ въ Москву весною же, въ сопровожденіи наслѣдника, будущаго Александра III и его молодой супруги. На этотъ разъ встрѣчи не было, по крайней мѣрѣ я и ближайшіе мои товарищи не знали о ней, ибо нашъ курсъ въ то время поглощенъ былъ особенно трудными, переходными съ 2-го на 3-й курсъ экзаменами. Объ этомъ царскомъ пріѣздѣ я упоминаю только потому, что государь принялъ приглашеніе на вечеръ, предложенный ему московскимъ купечествомъ. Для этого вечера построенъ былъ, чуть не въ одну недѣлю, обширный павильонъ въ Сокольникахъ, при самомъ выѣздѣ изъ рощи на Ширяево поле, и павильонъ этотъ послужилъ еще и для другой цѣли, о которой стоитъ упомянуть.

Въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ этого года (1867 г.) устроена была въ большомъ манежѣ этнографическая выставка, инициаторомъ и главнымъ строителемъ которой былъ А. П. Богдановъ, выказавшій въ этомъ впервые свои громадныя организаторскія дарованія. Выставка имѣла большой успѣхъ среди москвичей, несмотря на свою спеціальность и на то, что многіе изъ нашихъ согражданъ не вполне ясно представляли себѣ, что собственно обозначается терминомъ «этнографическая». Но А. П. Богдановъ сумѣлъ придать ей характеръ популярный, ласкающій взоръ профановъ и возбуждающій ихъ интересъ. Въ помощь себѣ по устройству выставки онъ привлекъ всѣ наличныя силы ученаго міра, и это было первоначальное зерно, изъ котораго впоследствии выросло общество любителей естествознанія, а въ качествѣ рас-

порядителей онъ пригласилъ, какъ студентовъ, такъ и уже окончившихъ курсъ бывшихъ его воспитанниковъ. Но нашъ курсъ не былъ имъ привлеченъ потому, что, какъ самъ онъ объяснилъ намъ, мы въ это время были слишкомъ заняты экзаменами, въ этомъ году особенно трудными.

Въ первой половинѣ мая въ Москву пріѣхали гости, приглашенные на выставку. Это были ученые изъ славянскихъ государствъ—чехи, хорваты, болгары и др., и между ними были крупныя имена, стяжавшія себѣ славу, какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ. Пребываніе ихъ въ Москвѣ сопровождалось разнаго рода манифестаціями въ славянскомъ, если даже и не въ славянофильскомъ духѣ, москвичи горячо проявляли свои искреннія симпатіи къ единокровнымъ народностямъ, живущимъ подъ игомъ нѣмцевъ и турокъ. Но, какъ ни единодушны были эти проявленія, а въ нихъ то и дѣло звучала нотка, дисгармонировавшая съ общимъ настроеніемъ. Многими высказывалось недоумѣніе относительно того, какъ могло быть допущено такое демонстративное путешествіе славянскихъ ученыхъ, явно направленное противъ дружественныхъ Россіи державъ, и этому противопоставлялась гипотеза о томъ, что наши прибалтійскіе нѣмцы или финляндцы вдругъ поѣдутъ съ такими же политическими цѣлями въ Берлинъ или Стокгольмъ. Чтобы мы тогда сказали? Конечно высказывавшіеся въ такомъ смыслѣ готовы были видѣть въ этомъ непростительное попустительство со стороны правительства.

Наиболѣе крупною и по размѣрамъ знаменательною по значенію манифестаціею въ честь славянскихъ гостей былъ обѣдъ, данный имъ отъ города въ тѣмъ же павильонѣ въ Сокольникахъ. На этомъ обѣдѣ, на которомъ, по обычаю, рѣчи и тосты изобиловали, кто-то изъ пріѣзжихъ гостей, кажется профессоръ Ригеръ изъ Праги, высказалъ въ своей рѣчи удивленіе, что на этомъ общеславянскомъ праздникѣ отсутствуютъ поляки. Это дало поводъ сидѣвшему за столомъ кн. В. А. Черкасскому,—только что окончившему передъ тѣмъ свою миссію по руссификаціи царства польскаго и окончившему ее неудачно,—произнести обширную рѣчь, представлявшую цѣлый обвинительный актъ противъ Польши и польскаго народа. Этотъ инцидентъ въ значительной степени расхолодилъ общее повышенное настроеніе и конечно отразился на отношеніяхъ общества къ пріѣзжимъ гостямъ и къ происходившимъ въ ихъ честь манифестаціямъ. Не могу не отмѣтить, что громадное большинство въ московскомъ обществѣ стало на сторону Черкасскаго, быть можетъ потому отчасти, что воспоминаніе о возстаніи 1863 года еще далеко не изгладилось изъ памяти. Но говорившіе и думавшіе въ этомъ духѣ словно не замѣчали.

въ какое впадали они противорѣчіе и даже несообразность, оплакивая судьбу славянскихъ народностей, томящихся подъ гнетомъ австрійцевъ и отказывая полякамъ въ правѣ на самобытное существованіе. Это противорѣчіе, какъ извѣстно, прошло красною нитью черезъ всю послѣдующую нашу исторію.

XXII.

Я еще не говорилъ о московской общественной жизни. Правда, жизнь такъ называемыхъ свѣтскихъ круговъ,—въ то время претендовавшихъ на наименованіе великосвѣтскихъ,—представляетъ мало интереса, и повѣствованіе о ней было бы простымъ перечнемъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ бывали приемы, т.-е. болѣе или менѣе многочисленные балы и вечера, даваемые почти исключительно съ цѣлью «пристроить» созрѣвшихъ для замужества дочерей. Но были нѣкоторыя явленія ея, о которыхъ стоитъ вспомнить.

Въ то время въ Москвѣ еще существовалъ особый типъ свѣтскихъ кавалеровъ, уже не первой молодости, которые украшали собою дамскіе салоны, были неперемѣнными ихъ членами, благодаря своему тонко-развитому умѣнью вести бесѣды, кто бы ни былъ ихъ собесѣдниками—почтенныя ли дамы, юныя дѣвицы или мы, студенты. Участіе этихъ козѣровъ было неперемѣнною принадлежностью салонной жизни, и многіе изъ нихъ оставили въ своихъ современникахъ самыя хорошія воспоминанія. Таковъ былъ Г. А. Чертковъ, только что передъ тѣмъ отдѣлавшій себѣ изъ стараго дѣдовскаго дома роскошный дворецъ на Мясницкой (нынѣ домъ Обидина) и приспособившій правое его крыло подъ помѣщеніе своей богатѣйшей библіотеки, нынѣ перенесенной въ Румянцевскій музей. Таковъ же былъ кн. М. Багратіонъ-Мухранскій, по внѣшности и манерамъ напоминавшій французскихъ маркизовъ XVIII столѣтія. Появлялись въ московскихъ салонахъ и представители петербургскаго свѣта, но это были явленія болѣе или менѣе случайныя, мимолетныя, и притомъ многія изъ этихъ лицъ, казалось, жаловали въ Москву ради пріисканія себѣ богатой невѣсты, какими въ то время Москва славилась. Нельзя впрочемъ не отмѣтить, что свѣтской Москвѣ жилось въ то время весело, но въ то же время надлежитъ упомянуть объ одной характерной чертѣ этого «свѣта», которая унаслѣдована была ею отъ прошедшихъ эпохъ. Черту эту можно назвать исключительностью, съ примѣсю въ ней нѣкотораго барскаго чванства, которое молодежи уже и тогда представлялось либо утратившимъ свой смыслъ, либо просто комическимъ. Дѣло въ томъ, что въ свѣтскихъ кругахъ считалось неприличнымъ, недопустимымъ, чтобы

кто-либо изъ входящихъ въ ихъ составъ, принадлежащихъ къ нимъ по происхожденію, не только вращался въ другихъ общественныхъ кругахъ, но даже былъ знакомъ съ таковыми. Свѣтское общеніе допускалось только съ людьми или съ «домами» одного круга, одного происхожденія, даже одного рода семействъ, все же прочее, что не входило въ составъ этихъ салоновъ, какъ бы не существовало въ свѣтскомъ отношеніи. Эта исключительность или нетерпимость, давала порою поводъ ко всякимъ комическимъ инцидентамъ. Такъ напримѣръ, однажды одинъ московскій вельможа, весьма гордый и напыщенный, возмутился тѣмъ, что его дочкѣ пришлось танцевать одну кадрили съ незнакомымъ ему офицеромъ, носившимъ французскую фамилію, однозвучную съ фамиліей его портного-француза. Надо было видѣть его негодованіе! И офицеру досталось отъ него и хозяевамъ бала. Но довольно о свѣтской жизни.

Въ то время въ Москвѣ существовали и процвѣтали нѣкоторые кружки, которые заслуживаютъ большаго вниманія и которые очень интересовали молодежь той эпохи. Такъ, центромъ одного такого кружка былъ престарѣлый кн. В. Ф. Одоевскій, жившій въ старомъ барскомъ домѣ на Смоленскомъ бульварѣ. У него собиралось многочисленное общество, состоявшее по преимуществу изъ литераторовъ и художниковъ, которые его боготворили. Было что-то привлекательное въ самой наружности его: сухощавый, щедушный даже, съ тоненькими, довольно уже ослабѣвшими ножками, съ оживленнымъ, жизнерадостнымъ лицомъ. Несмотря на свои весьма преклонные годы, онъ сохранилъ какую-то особенную молодость души, всѣмъ интересовался, слѣдилъ за всѣми явленіями современной жизни и болѣе всего увлекался новыми произведеніями въ области литературы и искусства. Эта душевная молодость его ярко выразилась въ напечатанномъ имъ, кажется въ 1866 году, очеркѣ, озаглавленномъ имъ «Недовольно», который явился отвѣтомъ на «Довольно» Тургенева, и который, къ удивленію моему, такъ мало кому извѣстенъ.

Въ одномъ съ нимъ домѣ жилъ близкій его другъ С. А. Соболевскій, извѣстный въ исторіи литературы, какъ авторъ остроумныхъ и злыхъ эпиграммъ, а еще болѣе, какъ одинъ изъ самыхъ интимныхъ друзей Пушкина. Жилъ онъ одиноко, среди громадной библіотеки, полной самыхъ рѣдкихъ изданій, къ сожалѣнію послѣ его смерти разсѣявшейся нивѣсть какъ и куда, и только изрѣдка выѣзжалъ изъ дома въ клубъ и къ немногочисленнымъ своимъ знакомымъ, въ числѣ коихъ были и мои родители, и я помню, какъ любилъ я заслушиваться его бесѣдами, всегда интересными и содержательными. Онъ много путешествовалъ,

зналъ много извѣстныхъ людей за границей, переписывался съ ними и въ своихъ разговорахъ любилъ повѣствовать о нихъ. Теперь мнѣ досадно, что я не вслушивался болѣе, не вызывалъ его на болѣе откровенные рассказы, между прочимъ о Пушкинѣ, и не записывалъ многое, что онъ сообщалъ. Помню, какъ однажды онъ сказалъ, что если бы онъ былъ въ Петербургѣ зимою 1837 года, никогда не допустилъ бы онъ роковой дуэли Пушкина.

Другой кружокъ представлялъ собою наслѣдіе знаменитаго Грановскаго и состоялъ изъ бывшихъ его друзей. Часто ихъ называли Филипповцами, по церкви Филиппа митрополита, на Мѣщанской, въ приходѣ коей большинство изъ его членовъ жили. Наиболѣе крупною фигурою его былъ Н. Я. Кетчеръ, врачъ по профессіи, но конечно болѣе извѣстный, какъ другъ Грановскаго и Герцена, какъ литераторъ и переводчикъ Шекспира. Позднѣйшая моя служба сблизила меня съ нимъ, и я смѣло могу сказать, что это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, которую я когда-либо встрѣчалъ. Характерна была его фигура, высокая, плотная, съ цѣлой копной сѣдыхъ волосъ, не знавшихъ, казалось, гребня, въ долгополомъ, всегда довольно запачканномъ сюртукѣ. Въ своихъ разговорахъ, щедро пересыпанныхъ остротами, шутками и сопровождавшихся громкимъ, заразителнымъ смѣхомъ, онъ никогда ничѣмъ не стѣснялся, но какъ въ его словахъ искрился священный огонь, такъ тонко и умѣло анализировалъ онъ все, что было ихъ предметомъ, какъ понималъ онъ и цѣнилъ литературу, театръ и пр.!

Вокругъ Кетчера группировались могиканы 40-хъ годовъ—Щепкины, Николай Михайловичъ, сынъ знаменитаго артиста и его племянникъ, недавно скончавшійся, Митрофанъ Павловичъ; А. В. Станкевичъ, профессора Мюльгаузенъ, Бодянский и др.; артисты Шумскій и Самаринъ и т. д. Реальнымъ центромъ этого кружка былъ домъ К. Т. Солдатенкова. Этотъ представитель московскаго купечества былъ личностью высоко-образованною, даже скажу культурною, онъ умѣлъ слить во-едино разнородные элементы этого кружка, дать имъ возможность высказываться устно въ его гостепріимномъ домѣ, печатно въ многочисленныхъ изданіяхъ, выпускаемыхъ на его средства, однимъ словомъ это былъ настоящій меценатъ.

Эта группа всецѣло одушевлялась свѣтлою памятью Грановскаго и изображала собою такъ называемое западническое направление. Въ противоположность ей были представители славянскаго направленія, но они не составляли отдѣльной, болѣе или менѣе сплоченной, группы или кружка. Отчасти центромъ, но случайнымъ, ихъ служилъ салонъ Е. А. Свербеевой, который

носили ярко литературный и политическій характеръ, параллельно со свѣтскимъ, благодаря многочисленной молодежи обо-его пола, какъ живущей въ этомъ домѣ, такъ и посѣщающей его. Но славянофилы лишились уже въ то время главныхъ своихъ устоевъ—Хомякова и Аксаковыхъ, стараго Сергѣя Тимофеевича и его сына Константина, умершихъ незадолго передъ этими годами. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой школы былъ А. И. Кошелевъ, когда то редактировавшій ея органъ «Русскую бесѣду», но въ это время онъ болѣе увлекался земскою дѣятельностью и нѣсколько отсталъ отъ своихъ политическихъ и націоналистическихъ единомышленниковъ. Никита Гиляровъ-Платоновъ и Иванъ Аксаковъ поглощены были изданіемъ своихъ газетъ, Ю. Самаринъ всецѣло посвящалъ себя городскимъ дѣламъ, а кн. Черкасскій въ то время не подолгу жила въ Москвѣ.

Очевидно мы, студенты, имѣли мало касательства къ этимъ кружкамъ, но тѣмъ не менѣе чувствовали мы вѣянія отъ нихъ, до насъ долетавшія при посредствѣ кое-кого изъ нашихъ товарищей, которые были въ родствѣ съ членами ихъ. Вѣянія эти были какъ политическія, такъ и художественныя, и вотъ по поводу этихъ послѣднихъ мнѣ надлежитъ отмѣтить одно явленіе, имѣвшее мѣсто и въ мое время среди студентовъ. Многіе изъ насъ увлекались литературой, и нерѣдко такое увлеченіе превосходило въ нихъ интересъ къ курсовымъ занятіямъ, и, въ силу общности этого увлеченія и условій товарищества, сплочивающихъ ихъ въ ежедневное общеніе другъ съ другомъ, между ними образовались небольшіе кружки, съ цѣлью совмѣстнаго чтенія и изученія литературныхъ произведеній. А въ эпоху моего университетскаго 4-лѣтія было что читать!

Начать съ того, что въ эти годы русская публика впервые ознакомилась съ полными собраніями твореній Шекспира, Шиллера и Байрона, издаваемыхъ Гербелемъ. Не могу не сказать, что творенія англійскаго барда пользовались особеннымъ успѣхомъ и любовью въ томъ небольшомъ кружкѣ, въ которомъ я участвовалъ. Мы буквально зачитывались Чайльдъ-Гарольдомъ, Абидосскою невѣстой и др. и само собою многое изъ вычитаннаго переносили въ реальный, насъ окружавшій міръ. Что касается до русской литературы, то смѣло можно назвать ту эпоху блестящею. Только что появился «Дымъ» Тургенева, вызвавшій восторгъ въ однихъ и нескрываемое негодованіе въ другихъ, не безъ обиды узнавшихъ въ немъ себя или своихъ близкихъ. Послѣдовательно появлялись на свѣтъ «Война и миръ», и любопытно было наблюдать, какъ читающая публика реагировала на это безсмертное твореніе, словно боялась высказывать свои взгляды и мнѣнія и ими

нарушить величіе и красу его. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ежемѣсячно выходило по нѣсколько главъ «Преступленія и Наказанія», и мы, студенты, тѣмъ болѣе были заигипнотизированы этимъ твореніемъ, что въ немъ изображено было одно событіе, случившееся въ наше время въ московскомъ университетѣ, а именно убійство ростовщика однимъ студентомъ. На сценѣ Малаго театра впервые были поставлены «На всякаго мудреца довольно простоты», и «Горячее сердце» Островскаго. Въ концѣ 1868 года въ одной книжкѣ «Вѣстника Европы» появилось краткое объявленіе, что съ 1-й книжки слѣдующаго года начнется печатаніе новаго романа И. А. Гончарова, заглавіе котораго еще не было обозначено. То былъ «Обрывъ». Какъ же зачитывалась имъ наша молодежь, по мѣрѣ того, какъ главы одна за другою появлялись! И долженъ я признаться, что очень многіе изъ моихъ сверстниковъ-студентовъ узнали себя въ Райскомъ!

Не подлежитъ сомнѣнію, что такая богатая и блестящая эпоха нашей отечественной литературы, это обиліе крупнѣйшихъ твореній, послѣдовательно появлявшихся въ короткое время другъ за другомъ и жадно поглощавшихся молодежью, воздѣйствовали на все развитіе ея міросозерцанія, на всю ея душевную жизнь, наложили на нее извѣстную печать, не изгладившуюся въ ней и въ послѣдующіе годы. Думаю, мои современники этого оспаривать не будутъ.

XXIII.

Въ какой степени московскій университетъ въ мое время отвѣчалъ своимъ задачамъ, и стоялъ ли на высотѣ времени и его требованій? Отвѣтить на такой вопросъ мнѣ представляется довольно затруднительнымъ потому уже, что университетъ, какъ живой и многообъемлющій организмъ, мнѣ былъ извѣстенъ исключительно съ студенческой, то есть, односторонней точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, однако же я считаю себя въ правѣ высказать нѣкоторыя общія соображенія о положеніи университета въ ту, уже столь далекую отъ насъ, эпоху, которая, какъ мнѣ кажется, должны служить заключеніемъ для моихъ личныхъ воспоминаній.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда я былъ студентомъ, въ стѣнахъ московскаго университета прочно хранилась традиція о болѣе ранней его эпохѣ, наиболѣе блестящей въ ряду другихъ, которая именовалась Строгановскою эпохою. Насколько эта характеристика оправдывалась дѣйствительностью того времени, и не было ли въ ней обычнаго для всякаго рода традицій преувеличенія, судить я не берусь. Быть можетъ, моя эпоха, т.-е. 2-я половина 60-хъ годовъ, въ свою очередь создала традицію

о своемъ блескѣ, въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній, какъ членовъ профессорской корпораціи, такъ и студентовъ. Если мнѣ, пережившему ту эпоху, она представляется блестящею, свѣтлою, то весьма возможно, что такое сужденіе о ней имѣетъ основаніе свое въ чисто субъективномъ отношеніи къ ней, ибо врядъ ли найдется человѣкъ, который пережилъ бы студенчество и не считалъ бы эту пору, т.-е. пору расцвѣта юности, со всею ея красой одною изъ лучшихъ поръ своей жизни и который, въ душѣ своей, не распространялъ бы эту красу и на самый университетъ.

Все мое повѣствованіе на предшествующихъ страницахъ въ достаточной степени свидѣтельствуешь о томъ, что въ мое время университетъ стоялъ на высотѣ своего назначенія, какъ по крупнымъ силамъ, входившимъ въ составъ его профессорской коллегіи, такъ и по характеру и достоинствамъ всего его внутренняго быта. Да и мои современники-студенты, въ общей совокупности своей, могли бы постоять за себя! Но конечно были и тѣневые стороны, зависѣвшія не столько отъ какихъ-либо индивидуальныхъ недостатковъ, или отъ пробѣловъ уставомъ установленнаго строя, сколько отъ нѣкоторыхъ явленій университетскаго быта, сложившихся временемъ, преданіями прошлаго и нерѣдко преобладающею въ человѣческой дѣятельности, особенно нашей русской,—рутиной. Въ числѣ этихъ явленій нельзя не указать на недостаточность общенія профессора съ слушателями, и это требуетъ нѣкотораго объясненія. Дѣло въ томъ, что въ то время университетское преподаваніе силою вещей поставлено было въ рамки простого учительства, т.-е. студентъ слушалъ профессора, подготовлялся затѣмъ къ экзамену у него же и, по мѣрѣ силъ и способностей, его сдавалъ. Общеніе студента съ профессоромъ, помимо этихъ рамокъ, либо бывало случайнымъ, по взаимному знакомству ихъ внѣ аудиторіи, либо вызывалось оно личною, такъ сказать надобностью, когда студенту требовался совѣтъ, указаніе или руководство. Такъ называемыя семинаріи были въ то время еще въ зародышѣ. Конечно, среди профессоровъ были исключенія,—и о нихъ я выше упомянулъ,—были между ними такіе, которые любили и считали это своимъ дѣломъ—имѣть вокругъ себя молодыхъ силы, руководить ими, создавать изъ нихъ школу для будущаго. Но это были исключенія, и притомъ въ основѣ этихъ группъ, послѣдовательно сплотившихся вокругъ того или другаго профессора, лежала спеціализація научнаго труда. Эти молодые люди, примыкавшіе къ профессору, были тѣ, кто уже на университетской скамьѣ намѣтили себѣ спеціальность. Много такихъ спеціалистовъ вышло изъ подъ крылышка, напри-
мѣръ, А. П. Богданова, С. М. Соловьева, Ф. И. Буслаева и др.

Но указанное мною отсутствіе или недостаточность взаимнаго общенія между профессоромъ и его слушателями не уничтожалось этими исключеніями, разъ оно вошло такъ сказать въ обычай, въ строй нашего университетскаго быта, и поэтому нельзя не отмѣтить, что со мною одновременно вышло изъ стѣнъ нашей *alma mater* много достойныхъ, свѣтлыхъ личностей, сумѣвшихъ въ дальнѣйшемъ себя показать, но специалистовъ среди насъ было мало, т.-е. такихъ специалистовъ, которые, въ послѣдующей своей жизни, работали въ области той или другой науки не ради преподаванія ея другимъ, а исключительно ради обогащенія своихъ познаній въ ней и удовлетворенія своего любознания въ особо полюбившейся имъ отрасли его.

Одно изъ наиболѣе крупныхъ достоинствъ университетскаго быта въ мое время—да, думаю я, и во всякое время,—заключалось въ томъ, что вступившій въ число студентовъ юноша не только чувствовалъ себя, но дѣйствительно дѣлался взрослымъ мужчиной, реальнымъ членомъ общества. Если многіе студенты были уже взрослыми, какъ по годамъ, такъ и по пройденной ими болѣе или менѣе суровой житейской школѣ, то большинство были мальчишки, юноши, привыкшіе жить подъ чьимъ либо крылышкомъ, учиться въ классѣ по заданнымъ изъ учебниковъ урокамъ, умѣвшіе думать, размышлять, чувствовать даже по указкамъ. Вотъ почему такой юноша, впервые переступая порогъ университетской аудиторіи, переживалъ первый кризисъ своей жизни, критическій переходъ отъ положенія опекаемаго къ положенію совершеннолѣтняго, и этотъ кризисъ оставлялъ самыя лучшія, самыя дорогія воспоминанія, конечно, еще и потому, что онъ совпадалъ съ расцвѣтомъ самой лучшей поры его молодости, когда все въ немъ и кругомъ него дышало поэзіей, одушевленіемъ, идеалами.

Съ этимъ кризисомъ тѣсно связана была другая черта или особенность всего уклада университетской жизни, которая представляется однимъ изъ крупныхъ и по моему несомнѣнныхъ ея достоинствъ, вопреки раздававшихся, и въ мое время, и доселѣ часто раздающихся сѣтованій на нее. Это отсутствіе въ университетскомъ строѣ воспитательныхъ цѣлей и, какъ послѣдствіе сего, полное и абсолютное равенство студентовъ передъ преподаваніемъ имъ науки. Университетъ есть высшая научная школа, поступающій въ нее юноша ищетъ въ ней только науку, познаніе ея въ предѣлахъ своихъ индивидуальныхъ способностей и воспріимчивыхъ силъ, а занимающій кафедру профессоръ обязанъ преподавать эту науку ищущимъ, но ни студентъ не долженъ искать въ аудиторіяхъ усовершенствованія своего личнаго воспитанія, ни про-

фессоръ не обязанъ заботиться о томъ же въ своихъ слушателяхъ. Такой характеръ университетскаго быта исходитъ изъ того, что какъ и уже говорилъ, студенту присвоится своего рода совершеннѣе, зрѣлость, болѣе не нуждающаяся въ воспитаніи. При этомъ совершенно безразлично, кто такой этотъ студентъ, каково его происхожденіе,—сынъ ли онъ сановника или крестьянина, бѣденъ ли онъ или богатъ. Повторяю—эта характерная черта университетскаго быта, которую можно смѣло назвать основною чертою его, вызывала постоянныя нареканія, и рядомъ съ считавшими ее положительнымъ достоинствомъ этого быта, были многіе, видѣвшіе въ ней одинъ изъ наиболѣе зловредныхъ его недостатковъ. Такое отрицательное отношеніе къ университету, какъ извѣстно, создало популярность тѣхъ привилегированныхъ учебныхъ учрежденій съ высшимъ курсомъ наукъ и съ правами высшихъ школъ, въ которыхъ видятъ противовѣсъ университетскому демократизму и равенству всѣхъ передъ наукой и задачами ея усвоенія и, въ которыхъ, сверхъ преподаванія ея, еще и воспитываютъ юношей, отшлифовываютъ ихъ для цѣлей ихъ дальнѣйшихъ карьеръ, по большей части не имѣющихъ ничего общаго съ наукой.

Я не могу иначе назвать, какъ предразсудкомъ, такое воззрѣніе, къ сожалѣнію еще весьма распространенное, на университетъ, какъ на обыкновенное учебное и даже учебно-воспитательное заведеніе. Нѣтъ, университетъ есть организмъ, не только отражающій въ себѣ какъ зеркало, все его окружающее, всю жизнь, общественную и народную, но живущій этою жизнью, являющій собою кусочекъ, частицу этой жизни во всемъ ея объемѣ. Все, что происходитъ въ обществѣ, въ народѣ, въ цѣломъ мірѣ, встрѣчаетъ отголосокъ въ университетскихъ стѣнахъ и отголосокъ звучный, горячій, увлекающійся порою до какого-то опьянѣнія, благодаря тому, что звучитъ онъ въ молодыхъ умахъ, горячихъ и легко увлекаемыхъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія и надлежало, казалось бы, глядѣть на тѣ волненія среди студенческой молодежи, которыя и въ мое время происходили, и какъ бы періодически повторялись въ послѣдующія, и которыя именуются студенческими беспорядками. Я не говорю о волненіяхъ, которыя вызываются мѣстными, домашними причинами, — недоразумѣніями на лекціяхъ, выходками, нарушающими нормальное теченіе занятій, забвеніемъ внутренней дисциплины и этики и т. д. Но въ волненіяхъ, имѣющихъ общественный характеръ,—я не говорю политическій, ибо таковой зачастую пристегивается къ нимъ искусственно,—должно искать источникъ или причину не въ организмической, такъ сказать, неблагонадежности университетской

молодежи, не въ ея яко бы поголовномъ радикализмѣ, а именно въ томъ, что она, эта молодежь, носитъ въ себѣ все то, что волнуетъ общество, отражаетъ въ себѣ всѣ его чаянія, надежды, разочарованія и по своему, по юношески, реагируетъ на нихъ.

На этомъ я кончаю свои университетскія воспоминанія, съ надеждой, что внесъ, хотя бы очень малую, свою лепту въ столь богатую и внушительную лѣтопись дорогой всѣмъ намъ . alma mater.

Кн. В. М. Голицынъ.

Цензурная практика въ годы крымской войны.

Между событіями, переживавшимися Россіей въ 1854—55 г.г. и переживаемыми теперь, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ общихъ чертъ. Эти общія черты, само собой разумѣется, проявляются и въ области внѣшнѣполитической и въ области внутренне-политической. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ и въ наши дни, Россія была вовлечена въ чрезвычайно тяжелую и опасную борьбу съ могущественнымъ противникомъ, превосходившимъ ее и организованностью своихъ силъ и военно-техническою подготовленностью. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ и нынѣ, Россія, вѣрнѣе культурные ея классы, испытала сильный патріотическій подъемъ, иногда принимавшій возвышенно-альтруистическія формы, а иногда вырождавшійся въ кликушескіе вопли газетныхъ и журнальных писакъ. Знаменитому лозунгу первыхъ мѣсяцевъ крымской кампаніи: «шапками закидаемъ!»—можетъ быть противопоставлено хотя бы это горделивое предсказаніе современнаго поэта, относящееся къ осени 1914 года:

«Прежде чѣмъ весна откроетъ лоно влажное долинъ,

Будетъ нашими войсками взять заносчивый Берлинъ».

Предсказаніе, повторенное сотнями его литературныхъ единомышленниковъ. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ и нынѣ, достигло гомерическихъ размѣровъ то глубоко прискорбное явленіе, которое теперь повелось называть «мародерствомъ тыла»: въ то время, какъ необъятно выносливый и необъятно терпѣливый русскій солдатъ, этотъ подлинный страстотерпецъ, устилалъ своими безчисленными трупами и поливалъ своею жертвенной кровью угрожаемыя границы государства, пронырливые герои легкой наживы, сотворившіе себѣ кумира въ образѣ золотого тельца, богатѣли не по днямъ, а по часамъ, искусно ловя рыбу въ водѣ, которая не могла не замутироваться, такъ какъ ее всколесбали до дна грандіозныя событія переживаемаго момента.

Ни въ чемъ, однако, отмѣченная аналогія не сказалась такъ замѣтно, какъ въ сферѣ отношеній власти къ обществу.

Недовѣріе къ общественной инициативѣ, къ общественной самодѣятельности, какъ въ эпоху крымской кампаніи, такъ и въ наше время стало обыденнымъ явленіемъ, принимая сплошь да рядомъ весьма разнообразныя формы. Присматриваясь къ нимъ, сравнивая тѣ изъ нихъ, которыя имѣли мѣсто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, съ тѣми, которыя примѣняются теперь, не трудно замѣтить, что и тогда и нынѣ власть испытывала какую-то, я сказалъ бы, паническую боязнь передъ свободнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и всячески старалась помѣшать ему высказаться. Результаты получились приблизительно одни и тѣ же: полная почти «безглагольность» легальной литературы въ 1854—1855 годахъ при широкомъ распространеніи литературы рукописной, умѣвшей избѣгать красныхъ чернилъ и ножницъ цензора, и поразительная тусклость литературы современной, скованной грозной военной и реставрированной предварительной цензурой, опять-таки при широкомъ распространеніи литературы рукописной, въ которую входятъ,—странно сказать,—даже рѣчи легальнѣйшаго учрежденія—Государственной Думы¹⁾.

Условія, въ которыя поставлена литература нашего времени, будутъ, несомнѣнно, служить предметомъ изученія, если и не нынѣшнихъ, то послѣдующихъ историковъ, которые сумѣютъ охарактеризовать ихъ *sine ira et studio*, не увлекаясь, какими бы то ни было, пристрастіями, а служа исключительно интересамъ объективной истины, что едва ли было бы возможно для историковъ нынѣшнихъ. Что же касается условій, въ которыя была поставлена наша литература эпохи крымской кампаніи, то ихъ уже можно разсматривать въ извѣстной исторической перспективѣ. Посильное выясненіе этихъ условій и является главною цѣлью настоящей статьи, для которой я имѣлъ возможность использовать, помимо печатныхъ источниковъ, довольно значительное количество неопубликованныхъ цензурныхъ матеріаловъ. Цензурные же матеріалы при разрѣшеніи поставленной выше задачи приобрѣтаютъ преимущественное значеніе, такъ какъ характеръ и направленіе литературы дореформеннаго періода (имѣю въ виду реформу законодательства о печати, послѣдовавшую 6 апрѣля 1865 года), въ значительной степени, зависѣли отъ современной цензурной практики. Не имѣя въ виду исчерпывающаго освѣщенія цензурной практики 1854—1855 гг., что заняло бы чересчуръ много мѣста и времени, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ ея, главнымъ образомъ на вопросѣ, въ какой мѣрѣ литература могла служить освѣдомительницей о томъ, что происхс-

¹⁾ Статья была написана до февральскаго переворота. *Ред.*

дило на театрахъ военныхъ дѣйствій, и насколько ей было позволено касаться внутренней жизни Россіи, въ особенности тѣхъ сторонъ ея, вліяніемъ которыхъ обуславливались въ значительной степени и наши военные неудачи.

Относительно опубликованія военныхъ извѣстій въ годы крымской войны былъ принятъ нижеслѣдующій порядокъ: органу военного министерства «Русскому Инвалиду» принадлежала монополія помѣщенія реляцій и официальныхъ извѣстій съ театра войны, распространявшаяся отчасти на газеты «Сѣверная Пчела» и «С.-Петербургскія Вѣдомости»; что же касается прочихъ журналовъ и газетъ, то имъ были воспрещены даже перепечатки изъ «Русскаго Инвалида». Аналогичный же порядокъ существовалъ и относительно политическихъ извѣстій, которые, само собой разумѣется, интересовали общество не менѣе, чѣмъ военныя. Подобное положеніе вещей нельзя не признать совершенно нестерпимымъ. Какъ ни медленно совершается шествіе россійскаго прогресса, но теперь трудно даже предстагить такую ситуацію, при которой органы печати лишены были бы возможности не то, чтобы разсуждать о военныхъ и политическихъ событіяхъ, но и сообщать о нихъ, какія бы то ни было, фактическія данныя, не исключая перепечатокъ изъ официальныхъ изданій. До какихъ геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, до какого извращенія здраваго смысла нужно было дойти, чтобы во время событій такого грандіознаго политическаго масштаба, какъ крымская война, наложить съ помощью услужливой цензуры печать молчанія на уста литературы и журналистики, настроенныхъ къ тому же чрезвычайно патріотически! Разумѣется, для писателей и журналистовъ, мало-мальски себя уважающихъ, невозможно было мириться съ подобнымъ цензурнымъ *modus*’омъ, и вотъ руководители лучшаго тогда, хотя до крайности и обезличеннаго «эпохою цензурнаго террора» (1848—1855 г.г.), журнала «Современникъ»,—Некрасовъ и Панаевъ рѣшаются возбудить официальное ходатайство предъ министромъ народнаго просвѣщенія о расширеніи рамокъ дозволеннаго для помѣщенія въ журналѣ, а прежде всего о разрѣшеніи печатать военныя и политическія извѣстія. Вотъ текстъ ихъ прошенія, въ которомъ, сквозъ условную фразеологию, неизбежную для дѣятелей тогдашней журналистики, усердно опекаемой и всевозможными категоріями цензуры и грознымъ комитетомъ 2-го апрѣля, и еще болѣе грознымъ III отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, сквозитъ нетерпѣливое желаніе получить большую свободу въ изложеніи и обсужденіи вопросовъ, живо захватывающихъ всѣхъ тѣхъ, кто не утерялъ способности интересоваться чѣмъ-либо выходя-

щимъ за предѣлы личныхъ дѣлъ и дѣлишекъ (арх. дѣло канц. министра нар. просв. по Главному Управленію цензуры за 1854 г. № 78):

«Его Превосходительству Господину Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Сенатору, Тайному Совѣтнику и кавалеру Аврааму Сергіевичу Норову.

Издателей журнала «Современникъ» Ивана Панаева и Николая Некрасова

Прошеніе.

Въ настоящее время, когда все вниманіе Россіи обращено единственно на важныя политическія событія, публика русская слѣдитъ съ горячимъ участіемъ преимущественно за извѣстіями, заключающимъ въ себѣ свѣдѣнія о торжествахъ нашего оружія и нашей политики. Всякій Русскій нетерпѣливо желаетъ встрѣчать въ получаемыхъ имъ повременныхъ изданіяхъ обзорніе тѣхъ происшествій, въ которыхъ приняла участіе вся Европа, судьбы которой рѣшатся вліяніемъ нашего Отечества, движимаго могучимъ словомъ Царя Русскаго. Постепенное расширеніе круга значенія этихъ событій естественно ведетъ болѣе и болѣе публику къ совершенному равнодушію къ произведеніямъ чисто-литературнымъ. Въ такое время національнаго энтузіазма могутъ (ли) занимать вниманіе читателей произведенія иностранной беллетристики, переводами которыхъ преимущественно, по необходимости, наполняются Русскіе журналы?

Кромѣ немногихъ ежедневныхъ газетъ, нигдѣ не помѣщаются нынѣ извѣстія о политическихъ событіяхъ. Единственный журналъ, имѣвшій разрѣшеніе сообщать оныя — «Сынъ Отечества», — появившійся въ свѣтъ въ незабвенномъ 1812 году, прекратился болѣе года тому назадъ.

Всѣ сіи соображенія возбудили въ насъ желаніе, по мѣрѣ нашихъ силъ, содѣйствовать общему дѣлу и быть полезными видамъ мудраго нашего Правительства, сообщая нашимъ подписчикамъ обзоры военныхъ дѣйствій и политическихъ происшествій. *Не выходя изъ предѣловъ, указанныхъ намъ 30 печатныхъ листовъ*, мы могли бы сократить, къ общему удовольствію читателей, отдѣленіе, заключающее въ себѣ переводы иностранныхъ романовъ, или даже вовсе иногда замѣнять оное рубрикой, содержащей въ себѣ извѣстія о торжествахъ нашего Отечества въ возникшихъ нынѣ политическихъ вопросахъ, въ такой формѣ, какъ это было нѣкогда въ «Сынѣ Отечества».

Вслѣдствіе сего, мы имѣемъ честь обратиться къ Вашему Пре-

восходительству съ всепокорнѣйшей просьбою объ исходатайствованіи намъ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія:—«присоединить къ существующимъ въ «Современникѣ» отдѣламъ—отдѣлъ извѣстій военныхъ и политическихъ».

Мы осмѣливаемся думать, что подобныя общіе обзоры, проникнутые одною мыслию и однимъ убѣжденіемъ правоты Россіи и преданностью къ Престолу и Отечеству, не были бы въ настоящее время излишними, соединяя въ одно послѣдовательное цѣлое всѣ извѣстія, разсыпанныя въ ежедневныхъ газетныхъ листахъ, и соотвѣтствуя по своему направленію той возвышенной любви къ Православію, ЦАРЮ и Отечеству, которою исполнено сердце каждаго Русскаго.

Редакторъ и издатель «Современника» Иванъ Панаевъ и Николай Некрасовъ.

24 марта 1854 года.

Весьма любопытна и вмѣстѣ съ тѣмъ симптоматична для отношеній правящихъ сферъ къ литературѣ дальнѣйшая судьба этого ходатайства. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, который отнюдь не принадлежалъ къ числу особенно ревностныхъ и активныхъ обскурантовъ, направилъ его для разсмотрѣнія въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ. Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній, руководимый въ то время прослаившимся своимъ цензурнымъ изувѣрствомъ гр. Мусины-Пушкинымъ, не усмотрѣлъ «ни необходимости ни возможности удовлетворить желаніе просителей». За отсутствіемъ какихъ-либо возраженій по существу—ихъ и при желаніи неоткуда было взять—Комитетъ пытался мотивировать свое отрицательное отношеніе къ ходатайству Некрасова и Панаева соображеніями чисто формальнаго порядка. Онъ указывалъ на то, что военныя и политическія извѣстія и безъ того сообщаются тремя газетами, съ «Русскимъ Инвалидомъ» во главѣ, а также и на то, что «удовлетвореніе желанія г.г. Панаева и Некрасова расширило бы предѣлы Высочайше утвержденной программы журнала «Современникъ» и подало бы поводъ прочимъ журналистамъ домогаться подобнаго же». Не надѣясь, вѣроятно, на силу этой аргументаціи, председатель Комитета кончалъ свое донесеніе Министру заявленіемъ, въ которомъ нельзя не усмотрѣть попытки снять съ себя отвѣтственность, буде его мнѣніе не восторжествуетъ. «По этимъ соображеніямъ, писалъ онъ, я нахожу невозможнымъ удовлетворить просьбу г.г. издателей «Современника» и необходимымъ считаю присовокупить, что, въ противномъ случаѣ, нельзя отвѣчать, чтобы не вкралось въ желаемомъ ими отдѣлѣ злоупотреб-

блений, которыхъ цензура, при спѣшномъ разсмотрѣніи, не всегда имѣетъ возможность замѣтить».

Редакція «Современника», бывшая, очевидно, въ курсѣ того, какой оборотъ приняло дѣло, рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы поставить на-своемъ. Панаевъ даже счелъ возможнымъ пойти на такой шагъ, какъ личное обращеніе (въ формѣ особой записки) къ знаменитому помощнику начальника III отдѣленія генералу Л. В. Дубельту, состоявшему тогда членомъ главнаго управленія цензуры, имѣвшее цѣлью склонить его на свою сторону. Я не имѣю данныхъ, чтобы судить, въ какой мѣрѣ удалось это намѣреніе, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что постановленіе главнаго управленія цензуры не было вполнѣ неблагопріятнымъ для просителей. Вотъ оно:

«Главное Управленіе Цензуры, разсмотрѣвъ прошеніе издателей «Современника» о дозволеніи имъ присоединить къ существующимъ въ журналѣ отдѣламъ—отдѣлъ извѣстій военныхъ и политическихъ, а также представленіе Попечителя С.-Петербургскаго Учеб. Округа по сему предмету, признало невозможнымъ предоставить частнымъ лицамъ, не ознакомленнымъ со всѣми видами Правительства касательно внѣшней государств. политики, право постоянно въ издаваемомъ ими журналѣ помѣщать собственныя свои разсужденія о вопросахъ столь важной и запутанной современной политики, тѣмъ болѣе, что подобныя разсужденія поставили бы цензуру, при разсмотрѣніи ихъ, въ большое затрудненіе; сообщеніе же въ одномъ изъ журналовъ извѣстій военныхъ признало возможнымъ допустить въ томъ случаѣ, если издатели будутъ ограничиваться выборками одобренныхъ уже статей изъ другихъ повременныхъ изданій. Посему Главн. Управл. Цензуры опредѣлило: предоставить Г. Министру Народнаго Просвѣщенія исходатайствовать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на присоединеніе къ нынѣ существующимъ въ журналѣ «Современникъ» отдѣламъ еще временнаго отдѣла извѣстій военныхъ, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ отдѣлъ вводимы были исключительно извѣстія о настоящей войнѣ, заключающіяся въ «Русскомъ Инвалидѣ», безъ собственныхъ разсужденій издателей «Современника», и чтобы время существованія этого отдѣла ограничено было продолженіемъ нынѣшней войны».

Дѣло, такимъ образомъ, приближалось къ завершенію, въ части своей способному удовлетворить Некрасова и Панаева. Однако очень скоро выяснилось новое и весьма существенное обстоятельство. Военный Министръ, послѣ сношеній съ Высочайше утвержденнымъ Комитетомъ, въ вѣдѣніи котораго издавался «Русскій Ивалидъ», всталъ на ту точку зрѣнія, что «при

осуществленіи означеннаго предположенія» интересы «Русскаго Инвалида» могутъ пострадать, а потому за нимъ должна быть сохранена монополія помѣщенія военныхъ извѣстій. Вслѣдствіе этого главное управленіе цензуры въ засѣданіи 31 іюля 1854 г. постановило «въ отмѣну прежняго своего разрѣшенія издателямъ «Современника» отказать», о чемъ и было сообщено С.П.Б. Цензурному комитету.

Такова эта, столь обыденная для цензурной практики николаевскаго времени, но по существу своему глубоко возмутительная исторія. Вѣдь ея смыслъ сводился къ тому, что въ годину величайшаго испытанія, отъ котораго зависѣли судьбы полуміра, русской журналистикѣ было запрещено касаться даже фактической стороны происходящихъ событій. Къ чести ея нужно отмѣтить, что она упорно не желала мириться съ такимъ положеніемъ вещей. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, какъ ходатайство редакціи «Современника» было отвергнуто цензурнымъ вѣдомствомъ, Панаевъ вновь поднимаетъ вопросъ о необходимости измѣненія установившейся цензурной практики. Дѣло въ томъ, что, не имѣя права печатать статьи о политическихъ и военныхъ событіяхъ, журналы 1854—1855 годовъ начали печатать беллетристическія произведенія, изображавшія эти событія, чтобы хотя такимъ путемъ удовлетворить жгучую потребность читающей публики въ литературныхъ откликахъ на разразившуюся военную непогоду.

Подобнымъ образомъ поступалъ, понятно, и «Современникъ»: на его страницахъ появился цѣлый рядъ разсказовъ и очерковъ на темы современныхъ событій. Среди нихъ первое мѣсто занимали, разумѣется, «Севастопольскіе разсказы» Л. Н. Толстого. Ни выдающіяся художественныя достоинства ни благородно-патріотическое настроеніе автора не могли спасти его разсказовъ, а также тѣхъ разсказовъ его боевыхъ товарищей, которые доставлялись имъ въ редакцію «Современника», отъ придиричivosti тогдашней цензуры. Когда, вслѣдъ за разсказомъ Толстого «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ» («Современникъ», 1855 г., № 6), редакція журнала собралась напечатать доставленный Львомъ Николаевичемъ разсказъ Ст... (по всей вѣроятности—Столыпина) «Ночная вылазка въ Севастополь», то цензурный комитетъ не нашелъ ничего лучше, какъ вовсе запретить его. Это переполнило, очевидно, чашу долготерпѣнія Панаева, и онъ въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца 1855 г. обратился къ министру съ нижеслѣдующимъ сильнымъ и убѣдительнымъ письмомъ (арх. дѣло канц. мин. нар. пр. по Г. упр. ценз. 1875 г., № 147):

«Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Въ прошломъ году я испрашивалъ черезъ васъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на дозволеніе мнѣ помѣщать въ «Современникѣ» статьи о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Г. Предсѣдатель Цензурнаго Комитета увѣдомилъ меня въ свое время, что на просьбу мою не послѣдовало разрѣшенія.

Нынѣ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ на томъ основаніи, что мнѣ не разрѣшено было печатать въ моемъ журналѣ о *военныхъ дѣйствіяхъ*, запрещаетъ мнѣ литературные и патріотическіе разсказы о высокихъ подвигахъ храбрости и самоотверженія защитниковъ Севастополя, въ родѣ запрещенной статьи, прилагаемой при семъ въ корректурѣ, на которой положена слѣдующая резолюція: «Эта прекрасная статья *должна* быть напечатана въ «Русскомъ Ивалидѣ» преимущественно, или въ «Сѣверной Пчелѣ», запрещаетъ мнѣ даже перепечатывать изъ газетъ письма сестеръ Крестовоздвиженской Общины о ихъ святыхъ подвигахъ, о христіанскомъ терпѣніи раненыхъ и о томъ, какъ славно умѣютъ умирать русскіе за Царя и Отечество и все на томъ основаніи, что журналъ мой не имѣетъ привилегіи печатать о *военныхъ дѣйствіяхъ*.

Но я и не думалъ, Ваше Высокопревосходительство, представлять статьи о военныхъ дѣйствіяхъ для моего журнала. Подъ военными дѣйствіями разумѣются реляціи, описанія сраженій, донесенія генераловъ и прочее; статьи же, подобныя приложенной у сего, какъ вы сами изволите усмотрѣть, суть статьи литературно-патріотическія, содержаніе которыхъ заимствуется только изъ театра войны. Такого рода статьи должны быть, кажется, достоинствомъ всѣхъ газетъ и *журналовъ*, а не одного «Русскаго Инвалида» и «*Сѣверной Пчелы*», ибо патріотизмъ—чувство неотъемлемое ни у кого, присущее всѣмъ и не раздающееся, какъ привилегія. Если литературные журналы будутъ вовсе лишены права разсказывать о подвигахъ нашихъ героевъ, быть проводниками патріотическихъ чувствъ, которыми живетъ и движется въ сію минуту вся Россія, то,—Ваше Высокопревосходительство простите моей откровенности,—оставаться редакторомъ литературнаго журнала будетъ постыдно... Развѣ мы, редакторы этихъ журналовъ, не русскіе по сердцу и убѣжденіямъ? Можемъ ли же мы остаться въ эти минуты совершенно чуждыми великимъ совершающимся событіямъ; можемъ ли подавить въ себѣ всѣ патріотическія стремленія, порыванія чувства?

Описывая петербургскія новости провинціальнымъ нашимъ читателямъ, мы не смѣемъ упомянуть о томъ, какъ Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ Петербургской дружинѣ Государственнаго Ополченія, энтузіазмъ всѣхъ видѣвшихъ это, наше впечатлѣніе, наши слезы, наши ощущенія при этомъ зрѣлищѣ! Мы имѣемъ право сообщать только о томъ, что въ Петербургѣ хорошая или дурная погода...

Что скажутъ о русской литературѣ и объ насъ послѣдующія поколѣнія, перебирая наши журналы и тщетно отыскивая въ нихъ отраженіе того энтузіазма, которыми проникнуты были русскіе люди въ 1855 году?..

Я убѣжденъ, что Ваше Высокопревосходительство, Вашимъ горячимъ патріотическимъ сердцемъ поймете тягость нашего положенія, обратите на насъ Ваше просвѣщенное вниманіе, защитите насъ въ этомъ случаѣ и разрѣшите однажды навсегда печатать въ «Современникѣ»—не о военныхъ дѣйствіяхъ (о чемъ я и не смѣю просить болѣе), но статьи литературно-патріотическаго содержанія, подобныя статьѣ «Севастополь въ декабрѣ», уже напечатанной въ 6 № «Современника», и другія подобныя запрещенной и прилагаемой у сего статьѣ: «Ночная вылазка въ Севастополь», равно, какъ и дозволите перепечатывать изъ газетъ письма, въ родѣ писемъ сестеръ Крестовоздвиженской Общины.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Панаевъ,

редакторъ «Современника».

Правота той точки зрѣнія, которую защищалъ Панаевъ, была столь несомнѣнна, что Норовъ долженъ былъ встать на его сторону. Я привожу его официальное обращеніе по данному вопросу къ гр. Мусину Пушкину:

«Милостивый государь,

Михаилъ Николаевичъ!

Одинъ изъ редакторовъ журнала «Современникъ» обратился ко мнѣ съ объясненіемъ, что С.-Петербургскій Цензурный комитетъ на томъ будто бы основаніи, что Главное Управленіе Цензуры не разрѣшило печатать въ «Современникѣ» *о военныхъ дѣйствіяхъ*, запрещаетъ печатать въ немъ литературные и патріотическіе рассказы о высокихъ подвигахъ храбрости и самоотверженія защитниковъ Севастополя, въ родѣ не пропущенной для сего журнала статьи подъ заглавіемъ «Ночная вылазка въ Севастополь», и не дозволяетъ перепечатывать изъ газетъ письма сестеръ Кресто-

воздвиженской Общины. Къ сему редакторъ присовокупляетъ, что при описываніи Петербургскихъ новостей провинціальнымъ читателямъ, редакция не осмѣливается и упоминать объ энтузіазмѣ всѣхъ видѣвшихъ, какъ Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ Петербургской Дружинѣ Государственнаго Ополченія.

Принимая во вниманіе, что подобнаго рода статьи представляютъ не послѣдовательный рядъ военныхъ событій, а отдѣльное литературное описаніе военныхъ эпизодовъ, и имѣютъ цѣлью интересовать читателя собственно не изложеніемъ хода происшествій, а изображеніемъ въ беллетристическомъ видѣ особыхъ патріотическихъ дѣйствій и чувствованій, я не могу признать такіа статьи уклоняющимися отъ программы «Современника», если имъ будетъ дана форма, приличная одному изъ отдѣловъ журнала. Считая притомъ несправедливымъ, при настоящемъ стремленіи Общества къ отысканію во всякомъ произведеніи литературномъ, или другомъ, выраженія чувствъ, одушевляющихъ всякаго въ нынѣшнее время,—лишать журналъ «Современникъ» возможности быть отголоскомъ, въ извѣстной степени, совершающихся событій. я нахожу возможнымъ допускать въ немъ печатаніе и перепечатку статей, подобныхъ вышеозначеннымъ и разрѣшенной къ напечатанію въ 6-мъ № «Современника», подъ заглавіемъ «Севастополь въ декабрь мѣсяцъ», по разсмотрѣніи ихъ, въ случаѣ надобности, Военною Цензурою. О чемъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить С.-Петербургскому цензурному комитету къ надлежащему исполненію.

Прилагаемые у сего 4 корректурные листа «Современника» и печатную статью «Севастополь въ декабрь мѣсяцъ», я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство приказать возвратить въ редакцію сего журнала такъ и съ поставленіемъ оной въ извѣстность о настоящемъ моемъ распоряженіи.

Примите,—милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности съ к. им. ч. б.

В. Прев. покорн. слуга А. Норовъ.

31 мая 1855 г.

Вопросъ, такимъ образомъ, былъ разрѣшенъ соотвѣтственно желанію Панаева, и рассказъ «Ночная вылазка въ Севастополь» увидѣлъ свѣтъ въ іюльской книжкѣ того же 1855 г. Тѣмъ не менѣе, приведенное письмо Норова не охладило цензорскаго пыла Мусина-Пушкина, и онъ черезъ какіе-нибудь два мѣсяца послѣ его полученія произвелъ новую атаку уже непосредственно противъ Толстого. Объектомъ для нападенія на этотъ разъ послужилъ рассказъ «Ночь въ Севастополь» (такъ назывался тогда

разсказъ «Севастополь въ маѣ»). Вотъ какъ излагаетъ эту исторію Панаевъ въ своемъ письмѣ къ Толстому (см. «Литер. Воспоминанія Панаева»): «Статья «Ночь въ Севастополѣ» была уже совсѣмъ отпечатана въ 3.000 экземпляровъ, какъ вдругъ цензоръ потребовалъ ее изъ типографіи, остановилъ выходъ номера (августовская книжка явилась поэтому въ Петербургѣ 18 авг.) и въ отсутствіе мое изъ Петербурга (я на нѣсколько дней ѣздилъ въ Москву) представилъ ее на прочтеніе предсѣдателю цензурнаго комитета—извѣстному вамъ по Казани—Пушкину. Если вы знаете Пушкина, вы можете отчасти вообразить, что послѣдовало. Пушкинъ пришелъ въ ярость, напалъ на цензора и на меня за то, что представляю въ цензуру такія статьи, и собственноручно передѣлалъ ее. Я между тѣмъ вернулся въ Петербургъ, и, увидавъ эту передѣлку, пришелъ въ ужасъ—и статью вовсе хотѣлъ не печатать, но Пушкинъ въ объясненіи со мною сказалъ, что я обязанъ напечатать такъ, какъ она передѣлана. Дѣлать было нечего,—и статья ваша изуродованная появится въ сентябрьской книжкѣ, но безъ буквъ Л. Н. Т., которыя я уже не могъ видѣть подъ ней послѣ этого».

Еще въ болѣе энергичныхъ выраженіяхъ изливалъ свое негодованіе Некрасовъ. «Возмутительное безобразіе, писалъ онъ Толстому, въ которое приведена ваша статья, испортило во мнѣ послѣднюю кровь. До сей поры не могу думать объ этомъ безъ тоски и бѣшенства. Трудъ-то вашъ, конечно, не пропадетъ... Не буду васъ утѣшать тѣмъ, что и напечатанные обрывки вашей статьи многіе находятъ превосходными; для людей, знающихъ статью въ настоящемъ видѣ,—это не болѣе какъ наборъ словъ безъ смысла и внутренняго значенія».

Трудно добавить что-нибудь къ этимъ «облитымъ горечью и злостью», словамъ, кромѣ того, что они исходили отъ человѣка, уже полтора десятка лѣтъ дышавшаго атмосферой цензурныхъ репрессій, свыкшагося съ ними, а потому дававшего исходъ своему возмущенному чувству только тогда, когда дѣйствительно становилось невтерпѣжъ. Замѣтимъ, что описанныя событія разыгрались уже много позже кончины Николая I (18 февраля 1855 г.); изъ этого слѣдуетъ, что вступленіе на престолъ новаго императора, отнюдь не повлекло за собой, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, смягченія цензурныхъ нравовъ... Но въ сферахъ, близкихъ по своему положенію къ государю, уже предугадывалось, по всей вѣроятности, наступленіе иныхъ, болѣе либеральныхъ, временъ. Этимъ, думается, и надо объяснить тотъ фактъ, что такой осторожный дѣятель, какъ Норовъ, 16-го іюня 1855 г. вторично обратился къ военному министру съ запро-

сомъ (арх. дѣло 1855 г. № 147), не признаетъ ли онъ возможнымъ согласиться на перепечатываніе военныхъ извѣстій изъ «Русскаго Ивалида» въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Болѣе чѣмъ несговорчивый раньше военный министръ не возражалъ уже теперь противъ такихъ перепечатокъ, ставя, однако, условіемъ, чтобы онѣ имѣли мѣсто лишь по истеченіи мѣсяца послѣ того, какъ перепечатываемое извѣстіе появилось въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ этомъ именно смыслѣ Норовымъ былъ заготовленъ всеподданнѣйшій докладъ, который и получилъ утверждение 23 іюня 1855 г. Освѣдомившись о столь благопріятномъ поворотѣ дѣлъ, редакціи «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» поспѣшили войти въ цензурный комитетъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи напечатать особыя статьи, излагающія въ сжатомъ видѣ ходъ военныхъ дѣйствій за время, когда онѣ не могли касаться этого вопроса, а потомъ уже ограничиваться перепечатками изъ «Русскаго Ивалида». Опять послѣдовали сношенія съ военнымъ министерствомъ, въ результатѣ которыхъ въ «Современникѣ» была напечатана «Хроника современныхъ военныхъ извѣстій», а въ «Отеч. Запискахъ» — «Современная хроника Россіи». Эти статьи появились въ августовскихъ книжкахъ журналовъ; въ августѣ же мѣсяцъ былъ, какъ извѣстно, данъ Севастополь. Итакъ, русская журналистика получила возможность непосредственно заговорить о военныхъ событіяхъ только тогда, когда развитіе ихъ подходило къ ихъ логическому и стратегическому концу. Вотъ въ какомъ ненормальномъ, я бы сказалъ, противостественномъ положеніи находились органы нашей печати въ 1854—1855 г. въ отношеніи фактическаго изложенія, не говорю, обсужденія военныхъ событій.

Добившись съ огромными усиліями права перепечатывать военныя извѣстія, русская журналистика не была еще гарантирована отъ чрезвычайно пристальнаго и недружелюбнаго наблюденія цензуры за статьями и матеріалами, имѣющими отношеніе къ войнѣ. Такъ, напримѣръ, 2-го ноября 1855 г. Норовъ разразился нижеслѣдующимъ грознымъ запросомъ, обращеннымъ къ предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета (арх. дѣло Гл. Упр. Ценз. 1855 г., № 258):

«Въ № 239 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатанъ разборъ нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ октябрьской книжкѣ журнала «Современникъ», и въ томъ числѣ статьи подъ заглавіемъ: «Восемь мѣсяцевъ въ плѣну у Французовъ», рассказъ рядового Таторскаго. Здѣсь, между прочимъ, приведены слѣдующія слова изъ разсказа взятаго въ плѣнъ русскаго рядового Таторскаго о позиціи нашихъ войскъ въ сраженіи подъ Алмою,

на лѣвомъ флангѣ, у маяка: «тутъ къ морю спускъ крутой пре-
крутой, кабы хотя единая пушка, то ни одного непріятеля не
было бы пущено; только же когда онъ показался съ этой стороны,
мы и подверглись отступленію назадъ». Въ этомъ разсказѣ, сверхъ
того заключаются, какъ отдѣльные эпизоды, разказы другихъ
плѣнныхъ солдатъ и писаря князя Меншикова, Яковлева, за-
хваченнаго съ вещами и бумагами князя послѣ Алмскаго сра-
женія».

Находя совершенно неумѣстными въ печати и оскорбительными
для бывшаго главнокомандующаго кн. Меншикова выше
прописанные разказы солдатъ о дѣйствіяхъ вѣранныхъ ему
войскъ, и сверхъ того противорѣчащими напечатаннымъ уже объ-
явленіямъ, опровергавшимъ извѣстіе о взятіи непріателемъ въ
плѣнъ писаря кн. Меншикова со служебными будто бы сего
послѣдняго бумагами, я покорно прошу Ваше Превосходитель-
ство увѣдомить меня, на какомъ основаніи допущено Цензурнымъ
Комитетомъ напечатаніе сихъ разказовъ въ «Современникѣ»
и въ «СПБ. Вѣдомостяхъ», а также, была ли статья «Современ-
ника» разсмотрѣна и одобрена предварительно Военною Цензурою.
Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, М. Г., принять мѣры, чтобы озна-
ченныя статьи не были нигдѣ перепечатываемы».

Мусинъ-Пушкинъ въ отвѣтномъ донесеніи отъ 5-го ноября
1855 г. (за № 889), вѣроятно, не безъ тайнаго злорадства, сооб-
щалъ, что цензоръ Бекетовъ пропустилъ «упомянутую статью
къ напечатанію, по предварительномъ оной въ Военно-Цензур-
номъ комитетѣ разсмотрѣніи, какъ это удостовѣряется при-
лагаемыми при семь шестью корректурными сей статьи листами,
причемъ онъ имѣлъ въ виду предложеніе Вашего Высокопревосхо-
дительства, отъ 31-го мая 1855 года за № 939, коимъ разрѣшено
въ журналѣ «Современникъ» печатать статьи о военныхъ собы-
тіяхъ въ беллетристическомъ видѣ, какова и вышеписанная
статья».

Нельзя не сознаться, что въ данномъ случаѣ Норову пришлось
проглотить довольно горькую пилюлю, услужливо поднесенную
ему его же подчиненнымъ. Впрочемъ онъ не преминулъ въ самомъ
ближайшемъ будущемъ насолить оппозиціонно въ отношеніи
него настроенному цензурному комитету. Въ дѣлахъ этого послѣд-
него мнѣ удалось найти нижеслѣдующее отношеніе министра
на имя Мусина-Пушкина отъ 15 декабря 1855 г. за № 2332 (арх.
СПБ. ценз. комитета, 1855 г., № 117): «Въ октябрьской книжкѣ
журнала «Современникъ» въ отдѣлѣ «Иностранныя извѣстія»,
на стр. 133 описывается празднованіе въ Парижѣ извѣстія объ
оставленіи нашими войсками южной стороны Севастополя въ

такихъ выраженійхъ, которыя не должны были переходить изъ французскихъ періодическихъ изданій въ русскія: таковы названія *національнаго торжества*, *дней народнаго ликованья*, фразы о *чрезвычайномъ энтузіазмѣ*, съ которыми были приняты написанные по этому случаю Арсеніемъ Гуссе стихи, и объ *общемъ сочувствіи народной радости*. Также неумѣстно въ русскомъ журналѣ напечатанное въ томъ же отдѣлѣ, на стр. 136, отзывающееся французскимъ газетнымъ пристрастіемъ выраженіе: «результатъ французскаго національнаго займа много говоритъ въ пользу государственнаго кредита».

О вышеизложенномъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить С.-Петербургскому Цензурному комитету для руководства его на будущее время».

На первой же страницѣ этого отношенія сбоку, рукою предсѣдателя цензурнаго комитета написано: «Поставить г. цензору на видъ пропущенныя имъ мѣста, неосмотрительность и невниманіе его при разсмотрѣніи журнальныхъ статей и строго подтвердить г. Бекетову усугубить свое вниманіе и стараться избѣгать на будущее время подобныхъ замѣчаній. При чемъ г.г. цензорамъ сообщить это отношеніе министра для руководства».

Не успѣлъ еще Бекетовъ, одинъ изъ наиболѣе терпимыхъ и культурныхъ цензоровъ 50-хъ годовъ, прійти въ себя отъ неожиданно, негаданно налетѣвшей на него грозы, которую нельзя было ни предвидѣть ни предотвратить, настолько незначительными мотивами она была вызвана, какъ разразилась новая. На этотъ разъ министра раздражали невиннѣйшее указаніе въ статьѣ «Современника» (1855 г. № 11) «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи» на узко обрядовый характеръ религіозности русскаго народа, а въ особенности «напыщенное описаніе праздника, даннаго принцу Наполеону экспонентами Парижской выставки». Министръ находилъ это описаніе (арх. дѣло Гл. ценз. Упр., 1855 г. № 280) «совершенно неумѣстнымъ въ русскомъ журналѣ, особенно же по введенному въ статьѣ, въ подлинникѣ и въ переводѣ, похвальному гимну Императору Французовъ и Принцу Наполеону; и по тѣмъ излишнимъ подробностямъ, которыя отзываются пристрастіемъ французскаго писателя къ предмету, имъ описываемому».

Далѣе въ отношеніи Министра указывалось, что онъ уже обращалъ вниманіе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета на «подобную» статью; заключалось же оно прямой и не двусмысленной угрозой по адресу Бекетова: «Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать по сему предмету строгое внушеніе Цензору, Статскому Совѣтнику Бекетову, одобрявшему къ пе-

чати означенную книжку, съ присовокупленіемъ, что столь часто повторяющіяся упущенія его, изъ которыхъ многія весьма важны, могутъ имѣть послѣдствіемъ удаленіе г. Бекетова отъ Цензорской должности и что только имѣющееся въ виду ходатайство Вашего Превосходительства побуждаетъ меня на сей разъ пріостановить исполненіе этой мѣры».

Изъ этого цензурнаго эпизода видно, между прочимъ, что русскіе журналы того времени, будучи лишены возможности заниматься обсужденіемъ вопросовъ иностранной политики, иногда все же, хотя и очень слегка, касались ихъ въ отдѣлѣ иностранныхъ извѣстій. Ввести же въ свое содержаніе постоянныя политическіе отдѣлы они получили возможность много позднѣе. Если такъ обстояло дѣло съ вопросами политики иностранной, то не въ меньшей мѣрѣ было стѣснено обсужденіе вопросовъ политики внутренней; а между тѣмъ интересъ къ нимъ былъ огромный. Съ первыми выстрѣлами, раздавшимися на границахъ, для людей, болѣе или менѣе сознательно относившихся къ тогдашнимъ государственнымъ порядкамъ, стало ясно, что наступилъ часъ серьезнѣйшаго испытанія. Даже взрывъ патріотизма, нерѣдко переходившій въ предѣлы, не былъ въ состояніи истребить въ умахъ лучшихъ представителей того времени мысль, что «какъ человѣку въ минуту подвига опаснаго должна представиться его внутренняя жизнь..., такъ и обществу» (слова Хомякова въ письмѣ къ графинѣ А. Д. Блудовой). Классическій примѣръ литературнаго отраженія этихъ настроеній представляютъ собой стихотворенія нѣкоторыхъ славянофиловъ, а прежде всего знаменитое посланіе Хомякова «Россіи», написанное въ мартѣ 1854 г. Особенно интересны въ указанномъ смыслѣ его срединыя строфы:

«Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной.
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья.
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!»

За это какъ разъ стихотвореніе Хомяковъ получилъ выговоръ отъ правительства чрезъ московскаго генералъ-губернатора, и съ него взята была подписка ничего не распространять изъ своихъ произведеній, прежде чѣмъ ихъ разсмотритъ петербургская цензура. Нашлись люди, которые готовы были одобрять эту мѣру, мало того, которые позволяли себѣ насмѣхаться надъ поэтомъ.

говоря: «на вѣку—не на боку, достанется и хомяку» (см. Барсуковъ. Кн. 13, гл. 8). Тою же весною едва не пришлось подвергнуться тяжелой карѣ за свой стихотворный откликъ на событія и Ивану Сергѣевичу Аксакову. Современному читателю его стихотвореніе «На Дунай!» представляется даже отдающимъ кваснымъ патріотизмомъ, но въ немъ были строки, проводившія ту мысль, что «въ бою сшибаясь роковымъ, старый міръ объ міръ крушится новый», и что теперь наступило время дать «страшный отвѣтъ» вѣкамъ; эта мысль показалась столь крамольной, что гр. Закревскій предлагалъ заключить Аксакова въ крѣпость до окончанія войны... Само-собою разумѣется, что подобная нелѣпость даже въ то мрачное время не могла осуществиться, но самая возможность такого предложенія, исходившаго отъ официального лица, говоритъ очень много... Проявленіе патріотическихъ чувствъ допускалось, такимъ образомъ, постольку, поскольку патріотизмъ принималъ характеръ трескучаго барабаннаго боя и дружнаго возглашенія «ура». Достаточно было къ патріотическимъ аккордамъ примѣшаться нотѣ раскаянія за прошлое или нотѣ надежды на лучшее будущее, какъ патріотъ, въ глазахъ властей придерживающихъ, моментально превращался въ крамольника.

Весьма характерно для цензурной практики 1854—1855 годовъ циркулярное предложеніе бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія отъ 11 февраля 1854 года (см. «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ» съ 1720 по 1862 г.), изъ коего видно, что вопросъ о томъ, «до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ (т.-е. патріотическихъ) чувствованій», былъ повергнутъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, и Государь разрѣшилъ «безпрепятственное печатаніе вышеизложенныхъ сочиненій, съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось *брани*». Говоря объ этомъ распоряженіи, подтвержденномъ 30 декабря того же года, въ связи съ разрѣшеніемъ вопроса о допустимости политическихъ каррикатуръ, направленныхъ противъ враждебныхъ намъ государствъ и народовъ, нельзя не констатировать, что въ подобныхъ случаяхъ цензурная практика нашего времени обнаруживаетъ несравненно болѣе либеральный уклонъ. Мнѣ уже приходилось указывать въ печати (см. мою статью въ журналѣ «Жизнь для всѣхъ», 1915 г. № 3), что нѣтъ такого браннаго эпитета, который бы ни прилагался русскими писателями, въ частности русскими поэтами, не исключая и очень извѣстныхъ, каковы, на примѣръ, Бальмонтъ и Ѳ. Сологубъ, къ имени «кайзера» или «тевтоновъ». И цензура этому отнюдь не препятствуетъ. И хорошо, конечно, дѣлается.

что не препятствуетъ; отсюда видно, что есть все же сферы, въ которыхъ она измѣнилась къ лучшему со времени крымской кампаніи. Но измѣнились ли къ лучшему мы, разъ среди насъ находится много такихъ, которые готовы рукоплескать литературнымъ ругателямъ? Измѣнилась ли къ лучшему русская литература, разъ она выдѣляетъ изъ своихъ рядовъ такое количество урапатріотовъ, считающихъ заборную брань наилучшимъ способомъ засвидѣтельствовать свой патріотизмъ?.. Въ этомъ позволительно усомниться...

Итакъ, возможности прямо и опредѣленно высказаться по вопросамъ внутренней политики писатели 54—55 г.г. не имѣли. А потребность въ этомъ, повторяю, чувствовалась огромная. По мѣрѣ того, какъ выяснялся неудачный для насъ ходъ кампаніи, все острѣе и острѣе общественному сознанию предстояла мысль о двухъ ужасающихъ язвахъ современной дѣйствительности, парализовавшихъ волю къ побѣдѣ и препятствовавшихъ исползованію неисчерпаемыхъ ресурсовъ страны. Нужно ли говорить, что эти язвы—«черная неправда» бюрократическаго произвола и позорное «иго рабства», т.-е. крѣпостнаго права? Я не буду здѣсь говорить о томъ, какой колоссальный вредъ въ годы крымской войны былъ принесенъ Россіи безконтрольнымъ хозяйничанствомъ алчныхъ и своекорыстныхъ чиновниковъ-самоуправцевъ, съ одной стороны, и пассивнымъ отношеніемъ задавленнаго и обезличеннаго тяжкимъ ярмомъ крѣпостничества народа, съ другой; этотъ вопросъ въ достаточной мѣрѣ разъясненъ въ рядѣ специально-историческихъ статей. Напомню только относящіяся сюда слова Некрасова, который, со свойственной ему экспрессіей, такъ охарактеризовалъ положеніе Россіи, ввергнутой велѣніями судьбы въ водоворотъ великихъ событій, но не подготовленной къ нимъ ни въ какомъ отношеніи:

«Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ:
Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ не покорность тупая—
Дружная сила нужна:
Грянетъ бѣда роковая—
Скажется мигомъ страна.
Единодушіе и разумъ
Всюду дадутъ торжество,
Да не придутъ они разомъ,
Вдругъ не создашь ничего.—
Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! Народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.

Горе странъ разоренной!
 Горе странъ отсталой!..
 Войско одно—не защита,
 Да вѣдь и войско, дитя,
 Было въ то время забито,
 Лямку тянуло кряхтя...»

Какъ ни невыносимо тяжело былъ въ срединѣ 50-хъ годовъ цензурный гнетъ, но все же протестующая мысль русской передовой интеллигенціи просачивалась черезъ всѣ фильтры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. То, чего рѣшительно не могли касаться публицисты, несмотря на усвоенный ими эзоповскій языкъ, служило объектомъ для художественнаго изображенія. Въ произведеніяхъ художественной прозы разсматриваемой эпохи мы нерѣдко встрѣчаемся съ намеками и на злоупотребленія чиновничества и на темныя стороны крѣпостничества. Для примѣра сошлюсь, хотя бы на творенія такихъ выдающихся писателей, какъ Писемскій и Тургеневъ, а именно на повѣсть перваго «Фанфаронъ», («Современникъ», 1854 г. № 8) и на повѣсть втораго «Муму» («Совр.» 1857 г. № 3). По поводу каждаго изъ этихъ произведеній возникли особыя цензурныя дѣла, на которыхъ я и позволю себѣ остановиться. «Фанфаронъ», болѣе или менѣе благополучно прошедшій черезъ обычную цензуру, говорю «болѣе или менѣе», такъ какъ онъ могъ подвергнуться еще въ корректурѣ цензурнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ, о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія въ официальной перепискѣ, по выходѣ книжки журнала, поступилъ на разсмотрѣніе къ одному изъ тѣхъ чиновниковъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, на обязанности которыхъ лежало контролировать дѣятельность цензурныхъ комитетовъ,—надворнаго совѣтника Родзянко. Этотъ послѣдній остался очень недоволенъ содержаніемъ повѣсти, что можно видѣть изъ нижеслѣдующаго его донесенія министру (арх. дѣло Гл. Упр. Ценз., 1854 г. № 191):

«Въ «Современникѣ», въ повѣсти «Фанфаронъ», «Разсказъ Исправника», я полагаю, что во-1-хъ на стр. 157 мысль о закормленіи судовыхъ чиновниковъ, не совсѣмъ благовидна въ печати; во-2-хъ на стр. 170 столь же непристойнымъ кажется мнѣ разсказъ Исправника, подчиненнаго по службѣ Губернатору лица, что послѣднему одинъ помѣщикъ подарилъ собачку, стоящую 200 рублевыхъ; по этому случаю Губернаторъ велѣлъ Исправнику *везти* его прямо къ помѣщику (Шемаеву), который дѣлаетъ въ честь Губернатора пиръ, закладывая для того брилліанты своей жены, и въ то самое время, когда изъ Губернскаго Правленія (гдѣ Губернаторъ предсѣдатель) получается указъ объ описи имѣнія помѣщика за неплатежъ долга казнѣ. Вообще это мѣсто

изложено не съ должнымъ уваженіемъ къ Начальнику Губерніи; даже отзывается ироніею въ отношеніи этого важнаго Правительственнаго лица,—что все, какъ мнѣ кажется, можетъ произвести невыгодное на читателя впечатлѣніе. Поэтому я почелъ себя не въ правѣ пройти эту статью молчаніемъ, осмѣливаясь думать, что такіе рассказы, особенно же въ устахъ должностнаго лица о своемъ Начальникѣ, не должны быть допускаемы въ печати, какъ неумѣстныя въ отношеніи *Правительства*; въ 3-хъ (на стр. 179, 180, 181, 182) все это, на томъ же основаніи, должно производить невыгодное вліяніе на читателя, которому придетъ мысль: какимъ образомъ Губернаторъ, единственно для того, чтобы доставить средства къ существованію промотавшемуся и угнетающему свое семейство человѣку, рѣшается принять его къ лицу своему на службу Старшимъ Чиновникомъ Особыхъ порученій? не скомпрометировалъ ли Губернаторъ послѣ этого самого себя, какъ и выражается онъ на стр. 180, нашедши, что этотъ чиновникъ неблагонадежно, цѣлый однако же годъ, исполнялъ свои должности? и когда спустя послѣ такого продолжительнаго срока Губернаторъ наконецъ, дѣлаетъ ему строгій, давно уже заслуженный выговоръ, то послѣдній довольно дерзко возражаетъ своему Начальнику, выходитъ отъ него, по словамъ автора, гордо и въ тотъ же день вечеромъ на неприличной пирушкѣ даритъ цыганкѣ свои послѣдніе 25 руб., между тѣмъ какъ его мать и дѣти находятся въ болѣзненномъ и нищенскомъ состояніи. Вообще объ настоящей повѣсти я считаю нужнымъ еще прибавить, что въ ней изображается фізіологическій очеркъ Русскаго помѣщика, который издѣтства пріучившись жить праздно и выше своего состоянія, несмотря на хорошія способности и разные благопріятные случаи, не только не воспользовался ими къ счастью собственному и семейства своего, но довелъ себя, мать, жену и дѣтей до нищеты, не понижая, впрочемъ своего презрѣннаго и глупаго чванства. Изображеніе такого рода людей въ нашей литературѣ, при большемъ дарованіи автора, подобнаго г. Писемскому, сочинителю настоящей повѣсти, весьма занимательно, даже полезно для читателей въ нравоучительномъ отношеніи, но едва ли можно вводить такихъ людей въ соотношенія съ разными, особенно же высшими (какъ напр. Губернаторъ) Правительственными лицами, не выставляя тѣмъ и сихъ послѣднихъ въ не совсѣмъ выгодномъ свѣтѣ, какъ то и сдѣлано въ приведенныхъ мною мѣстахъ. Поэтому я осмѣливаюсь полагать, что въ произведеніяхъ *сатирическихъ*, подобныхъ настоящему, не должно вмѣшивать ничего, касающагося до учреждений и лицъ Правительственныхъ, если симъ послѣднимъ не дается, какъ въ настоящемъ

разсказѣ, высокое въ нравственномъ отношеніи и полезное для читателей значеніе».

Министръ народнаго просвѣщенія, вполнѣ соглашаясь, вѣроятно, со взглядомъ Родзянко поспѣшилъ издать особое циркулярное предложеніе, касающееся «Фанфарона» (оно напечатано въ «Сборникѣ постановлений и распоряженій по цензурѣ»), со спеціальною цѣлью придать частному случаю общее толкованіе. Это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ заключительныхъ словъ циркуляра: «Находя, что въ литературныя произведенія не слѣдуетъ вводить ничего, могущаго вредить тому уваженію, которымъ должны быть облечены въ общемъ мнѣніи правительственныя мѣста и лица, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить о семъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету для руководства на будущее время». Болѣзненная мнительность Родзянко, увидѣвшаго въ невиннѣйшемъ «Фанфаронѣ», то, что Фамусовъ такъ красочно выразилъ словами: «да онъ властей не признаетъ», мнительность, передавшаяся въ полной мѣрѣ министру, распространялась, само собою разумѣется, и на другія произведенія, содержащія въ себѣ какія-либо не совсѣмъ благосклонныя упоминанія о чиновникахъ.

Такъ въ сентябрѣ 1854 г. вниманіе министра обратила на себя повѣсть В. Лихачева «Мечтатель», напечатанная въ благонамѣреннѣйшемъ «Москвитянинѣ» (№№ 12, 13 и 14). Пропустившимъ ее цензорамъ Похвистневу и Ржевскому было велѣно подать въ отставку, несмотря на усиленное заступничество такого вліятельнаго лица, какъ А. В. Никитенко (см. его «Дневникъ» за сентябрь и октябрь 1854 года). Мои старанія найти цензурное дѣло о «Мечтателѣ» Лихачева не увѣнчались успѣхомъ. Внимательное же чтеніе самой повѣсти, въ которой изображенъ романтически настроенный, абсолютно неприспособленный къ жизни юноша, напоминающій во многомъ «лишнихъ людей» Тургенева, приводитъ къ убѣжденію, что только два мѣста въ этомъ совершенно безобидномъ произведеніи могли быть признаны неудобными къ печати. Разъясняя причины служебнаго неуспѣха своего героя, авторъ говоритъ (№ 14, стр. 63): «Съ своимъ нерѣшительнымъ характеромъ, съ своею доброю и прямою душою, Александръ не способенъ былъ приобрѣтать извѣстность и заслуживать вниманіе другими средствами кромѣ труда—или, что называется: выставлять себя наружу передъ всѣми. Онъ имѣлъ свое самолюбіе, свою гордость, и думалъ, что труды его сами собою оцѣнятся и получатъ должное вознагражденіе. Онъ не умѣлъ при случаѣ напомнить о себѣ начальнику какимъ-нибудь кстати сказаннымъ словомъ; не умѣлъ, при случаѣ заслужить вниманіе его какою-

нибудь незначительною, но скорою услугою. Онъ не умѣлъ, напримѣръ, ни очинить перышка по рукѣ своему столоначальнику, любившему очень хорошія перья; ни подать ему, въ случаѣ скорой надобности, какой-нибудь важной бумаги, которую потребуетъ начальникъ; ни подставить ему песочницы, когда тотъ дописываетъ листъ бумаги. Онъ не умѣлъ, напримѣръ, ловко вскочить съ своего мѣста, когда подойдетъ къ ихъ столу главный начальникъ; не умѣлъ ловко поклониться ему, ловко выставиться впередъ—и первому исполнить приказаніе начальника. Бѣдный! бывало онъ только тронется съ мѣста—а ужъ другіе предупреждать его намѣреніе...»

Смыслъ этого отрывка ослабляется предшествующимъ и послѣдующими указаніями автора на то, что значительная часть вины въ служебныхъ неудачахъ падаетъ на самого героя, такъ какъ рвеніе его «скоро ослабѣло», и имъ снова овладѣла «природная нерѣшительность».

Въ другомъ мѣстѣ повѣсти въ уста того-же мечтателя вложены нижеслѣдующія разсужденія о неравномѣрности распредѣленія жизненныхъ благъ (№ 12, стр. 228): «Неужели одни только богатые люди должны быть счастливы потому, что имъ доступно каждое желаніе; потому, что они имѣютъ средства осуществить каждую мысль, которая кажется бѣдному человѣку невозможною? Отчего они могутъ все видѣть, все знать, во всемъ участвовать? Отчего? За что они такъ счастливы? Вѣдь они такіе же люди. Зачѣмъ на свѣтѣ не уравниены всѣ состоянія? Зачѣмъ богатый имѣетъ преимущество надъ бѣднымъ? Зачѣмъ такое неравенство въ природѣ? Зачѣмъ природа такъ несправедлива?». Характерно, что авторъ счелъ нужнымъ снабдить эти строки особымъ примѣчаніемъ, имѣя, очевидно, въ виду оградить себя отъ какихъ-либо нареканій: «мысли романическаго безумца, а не автора».

Вотъ и все въ содержаніи «Мечтателя», въ чемъ возможно было усмотрѣть, да и то съ большою натяжкою проявленіе «неблагодѣтельности». Какъ ни необъятно широко толковалось это понятіе въ николаевскую эпоху, все же, думается, экстренная мѣра, принятая Норовымъ въ отношеніи Похвистнева и Ржевскаго, не соответствовала, по своей чрезмѣрной суровости, обычной цензурной практикѣ. Не съ меньшимъ предубѣжденіемъ относилась цензура къ проскальзывавшимъ иногда въ печать указаніямъ на темныя стороны крѣпостничества. Вотъ какое суровое вразумленіе было сдѣлано С.-Петербургскому Цензурному Комитету бывшимъ тогда товарищемъ министра Норовымъ (въ отношеніи отъ 2-го апрѣля 1854 г. за № 604) за пропускъ въ печать тургеневскаго шедевра-повѣсти «Муму» (арх. дѣло Гл. Упр. Ценз., 1854 г., № 70):

«При разсмотрѣніи журнала *«Современникъ»* за мартъ мѣсяцъ текущаго года обратила на себя вниманіе въ цензурномъ отношеніи повѣсть подъ заглавіемъ: *«Муму»*, напечатанная въ отдѣлѣ Словесности, на стр. 9—36. Въ повѣсти этой разказывается о жизни въ Москвѣ пожилой помѣщицы, окруженной крѣпостными дворовыми людьми. Руководимая единственно своею нравіемъ, помѣщица эта выдаетъ замужъ одну изъ своихъ крестьянокъ за двороваго же сапожника, постоянно пьянствующаго, не заботясь о ея согласіи; потомъ подъ вліяніемъ пустого каприза, глубоко и безвинно оскорбляетъ своего глухонѣмого дворника отнятіемъ у него собаки, составляющей единственный предметъ его привязанности, понятной въ его положеніи. Щекотливое содержаніе этой повѣсти, а еще болѣе тонъ, въ какомъ описывается рабская зависимость крѣпостныхъ людей отъ прихотей и своенравнаго произвола помѣщицы, легко можетъ повести читателей низшаго сословія къ порицанію существующаго въ нашемъ отечествѣ отношенія крѣпостныхъ людей къ своимъ владѣльцамъ, которое, какъ одно изъ государственныхъ учреждений, не должно подлежать осужденію частнаго лица; и вообще цензурное разсмотрѣніе сочиненій, имѣющихъ подобнаго рода содержаніе, требуетъ особенной осмотрительности.

Покорнѣйше прошу Ваше Прев. поставить сіе на видъ одобренному къ напечатанію мартовскую книжку журнала *Современникъ* Цензору Статскому Совѣтнику Бекетову для принятія имъ сихъ замѣчаній къ руководству на будущее время.

Характерно, что въ данномъ случаѣ, въ роли инициатора, выступилъ все тотъ же Родзянко, такъ какъ приведенная выше бумага была результатомъ его именно донесенія министру. Въ этомъ донесеніи содержался не только подробнѣйшій разборъ повѣсти, автора которой Родзянко обвинялъ въ стремленіи къ «неблаговидной цѣли», но и указывались мѣры взысканія какъ въ отношеніи редакціи журнала, такъ и цензора, пропустившаго *«Муму»*. «Я полагалъ бы необходимымъ, писалъ Родзянко въ заключеніе, объявить г. Редактору журнала, чтобы онъ избѣгалъ впредь помѣщенія въ ономъ разсказовъ подобнаго рода, а г. Цензору замѣтить, что допущеніе къ печати повѣстей, въ которыхъ описываются взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ ихъ, должно быть дѣлаемо съ особенною осторожностью». Непрошенные совѣты Родзянко въ такой мѣрѣ возмутили Норова, что онъ не удержался отъ весьма рѣзкаго замѣчанія по его адресу на поляхъ его донесенія: «Родзянко уже нѣсколько разъ подтверждалось не давать министру наставленій...» Тѣмъ не менѣе Бекетову все же не поздоровилось. Предсѣдатель цензурнаго коми-

тета обратился къ нему съ официальной бумагой, (отъ 5 апрѣля 1854 г., за № 346), въ которой, изложивъ отношеніе министра, писалъ: «Вслѣдствіе отношенія Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, поставлю вамъ сіе на видъ, для принятія сихъ замѣчаній къ руководству на будущее время, а равно предписываю вамъ разсматривать строже представляемыя статьи для журналовъ и быть вообще осмотрительнѣе и осторожнѣе... Бекетовъ, такимъ образомъ, со своимъ микроскопическимъ цензорскимъ либерализмомъ, положительно становился какимъ то Макаромъ, на котораго то и дѣло сыпались всевозможныя шишки въ видѣ то замѣчаній, то выговоровъ, то угрозъ увольненіемъ со службы.

Изложенные только что эпизоды изъ цензурной практики 1854 года свидѣлствуютъ, между прочимъ, о томъ, что Норовъ, не принадлежавшій, какъ уже было отмѣчено, къ лагерю патентованныхъ обскурантовъ, съ чистой совѣстью готовъ былъ однако выступать въ качествѣ гонителя такихъ выдающихся писателей, какъ Писемскій и Тургеневъ. Вотъ чрезвычайно характерныя слова изъ «Дневника» А. В. Никитенка, который въ это именно время былъ очень близокъ къ министру и старался вліять на него въ благопріятномъ для литературы духѣ: «Онъ поступаетъ съ цензурой чуть не хуже, чѣмъ его робкій и неспособный предшественникъ. На него напалъ какой то паническій страхъ. Онъ привязывается къ самымъ невиннымъ фразамъ, и стоитъ только кому-нибудь, Комаровскому или Волкову ¹⁾, указать на самое безупречное мѣсто въ книгѣ или журналѣ, чтобы взволновать его, у него тотчасъ готово строгое предписаніе, выговоръ...» «Паническій страхъ», на который указываетъ Никитенко, видя въ немъ психологическій источникъ двойственности Норова, по натурѣ и по убѣжденіямъ не слишкомъ склоннаго къ репрессіямъ, а на дѣлѣ постоянно къ нимъ прибѣгавшаго, вызывался, безъ сомнѣнія, эгоистическимъ стремленіемъ, какъ можно дольше остаться у власти. А гдѣ замѣшались подобные мотивы, тамъ трудно надѣяться на соблюденіе даже элементарной справедливости и нужно ожидать всякихъ внезапностей. Это подтверждается, между прочимъ, и однимъ весьма любопытнымъ цензурнымъ эпизодомъ, который я позволю себѣ изложить поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ чрезвычайно характеренъ не только для Норова, но и вообще для цензурной практики 1854—1855 г., въ основѣ которой лежало доведенное до абсурда стремленіе къ

¹⁾ Члена того же негласнаго цензурнаго судилища «людей истинно способныхъ», къ которому принадлежалъ и Родзянко; см. у Лемке въ «Очеркахъ», стр. 260—262.

охраненію устоевъ, въ частности крѣпостного права. Осенью 1855 года Камеръ-Юнкеръ Двора Ѳ. М. Толстой обратился къ Норову съ письменнымъ протестомъ (арх. дѣло Глав. Упр. Ценз. 1855 г., № 209), по поводу сокращеній и измѣненій, сдѣланныхъ цензурою въ его повѣсти «Моргунъ», предназначенной для «Отечественныхъ Записокъ». Онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ его повѣсти «нѣтъ ничего предосудительнаго», и «что отмѣтки г. Цензора не подходятъ подъ правила цензурнаго устава». Къ письму Толстого были приложены корректурные листы «Моргуна». Министръ долженъ былъ согласиться «по первому обзору корректурныхъ листовъ..., что нѣкоторые изъ исключаемыхъ или измѣняемыхъ цензоромъ Статскимъ Совѣтникомъ Фрейгангомъ мѣстъ не заслуживали цензурной строгости, «а потому и просилъ цензурный комитетъ еще разъ рассмотреть повѣсть (отношеніе отъ 26 августа 1855 г. за № 1522). Комитетъ, однако, не торопился исполнить желаніе министра, такъ что товарищу его князю Вяземскому пришлось въ особой бумагѣ (отъ 28 сентября 1855 г. за № 1742) запросить, въ какомъ положеніи находится дѣло. Черезъ двѣ недѣли послѣ напоминанія Вяземскаго предсѣдатель цензурнаго комитета препроводилъ въ министерство рапорты цензора Фрейганга и Пейкера, выражая полную солидарность съ изложенными въ нихъ мыслями (отношеніе отъ 12 октября за № 818). Вотъ что писалъ въ своемъ рапортѣ Фрейгангъ:

«Разсмотрѣвъ во исполненіе резолюціи Вашего Превосходительства повѣсть г. Ѳ. Толстого, подъ заглавіемъ «Моргунъ», назначаемую къ помѣщенію въ «Отечественныя Записки»,—честь имѣю доложить, что поводомъ къ исключенію въ этой повѣсти нѣкоторыхъ мѣстъ и отдѣльныхъ фразъ служило, главнымъ образомъ, самое ея содержаніе и направленіе. Моргунъ—геніальный музыкантъ, но въ то же время онъ крѣпостной человѣкъ, и талантъ его не можетъ развиваться вслѣдствіе условій и отношеній, въ которыя онъ поставленъ крѣпостнымъ состояніемъ. Вездѣ встрѣчаетъ онъ обиды и притѣсненія. Только одна дѣвушка, дочь помѣщика, умѣетъ цѣнить его музыкальный талантъ. Онъ влюбляется въ эту барышню и, выгнанный по интригамъ капельмейстера изъ дома ея отца, имѣетъ съ нею тайное ночное свиданіе, оканчивающееся возмутительною сценою побоевъ по приказанію помѣщика. Впослѣдствіи опекунъ, управлявшій имѣніемъ, къ которому принадлежалъ Моргунъ, принуждаетъ его итти въ камердинеры къ молодому барину, но Моргунъ предпочитаетъ поступить въ рекруты. Авторъ повѣсти встрѣчаетъ его черезъ нѣсколько лѣтъ въ полковомъ оркестрѣ, гдѣ его также никто не умѣетъ цѣнить. Авторъ же доставляетъ ему тутъ средства выказать свои

способности и рекомендуетъ полковому командиру въ капелмейстеры, но получаетъ въ отвѣтъ, что Моргунъ долженъ прежде дослужиться до унтеръ-офицерскаго чина. И здѣсь, слѣдовательно, талантъ его угнетается, если уже не условіями крѣпостного состоянія, то постановленіями военной службы. Вслѣдствіе такового содержанія повѣсть эта была разсматриваема съ особой осторожностью, причемъ я имѣлъ также въ виду 4-й пунктъ конфиденціального предписанія бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 21 апрѣля 1850 г. за № 675, а (Дѣло 50 г. № 60) равно Министерское предложеніе отъ 2-го апрѣля 1854 г. за № 604, въ (дѣло № 70) коихъ предписано цензурѣ обращать вниманіе на сочиненія, гдѣ выставляются отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ помѣщикамъ. Въ повѣсти же Моргунъ первые выставлены съ одной только свѣтлой, а послѣдніе почти исключительно съ темной стороны. Конечно, во всякомъ состояніи есть люди съ недостатками даже, съ пороками, но несообразно ни съ тѣмъ благороднымъ направленіемъ, которымъ должны отличаться беллетристическія произведенія, ни съ самою истиною, чтобы люди класса высшаго и болѣе образованнаго были постоянно дурны и виноваты въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ класса низшаго. Читая внимательно повѣсть Моргунъ, легко убѣдиться, что авторъ всячески старался сглаживать черты, проведенныя между разными сословіями общества; но эти черты опредѣлены общественнымъ устройствомъ и законами, которыхъ неудовлетворительность (буде таковая могла бы встрѣтиться) не должна быть разбираема частнымъ лицомъ, а составляетъ предметъ постоянныхъ попеченій Правительства. Въ настоящемъ разсказѣ исключенная мною сцена ночного свиданія крѣпостного человѣка съ барышнею, окончившаяся жестокими побоями, сильно напоминаетъ, между прочимъ, романы Жоржъ-Занда, писанные до 1848 года, въ которыхъ пролетаріи влюблялись подобнымъ же образомъ въ дамъ высшаго круга и подвергались черезъ то разнымъ невздамъ. Извѣстно, какое неблагопріятное дѣйствіе производили въ свое время эти романы во Франціи, и въ какой степени способствовали они къ возбужденію непріязни однихъ сословій противъ другихъ.

Нѣкоторыя изъ вычеркнутыхъ въ повѣсти мѣстъ, отдѣльно взятая, конечно могли бы оставаться въ первоначальномъ своемъ видѣ, но они казались мнѣ неудобными къ пропуску именно по отношенію ихъ къ цѣлой повѣсти и ея направленію. Не считая однакоже мнѣнія своего непогрѣшимымъ и не имѣя также права быть судьей въ своемъ дѣлѣ, я предлагалъ въ свое время автору представить вычеркнутыя мѣста повѣсти его на разсмотрѣніе Цензурнаго Комитета, но авторъ, къ крайнему моему сожалѣнію,

на то не согласился; а редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», къ которому я обращался съ просьбою возвратить мнѣ для той же цѣли подписанные мною корректурные листы, увѣдомилъ меня, что они увезены авторомъ въ Москву.

Всѣ вышеизложенныя здѣсь обстоятельства имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.»

Цензоръ *Фрейгангъ*.

Пейкеръ въ своемъ краткомъ рапортѣ ставилъ вопросъ еще рѣзче; онъ прямо утверждалъ, что содержаніе повѣсти «легко можетъ повести читателя къ порицанію существующаго у насъ отношенія крѣпостныхъ людей къ своимъ владѣльцамъ и вообще къ соболѣзнованію о крѣпостномъ состояніи въ Россіи».

Читая теперь повѣсть «Моргунъ», прямо диву даешься, какимъ образомъ она могла дать малѣйшій поводъ къ цензурнымъ репрессіямъ. Чтобы заподозрить автора въ томъ, въ чемъ его подозрѣвали Фрейгангъ и Пейкеръ, надо было совершенно игнорировать интересы минимальной объективности, къ чему, очевидно, и приводила долговременная служба въ цензурномъ вѣдомствѣ. Придирчивость Фрейганга и его сотоварища даже въ тѣ времена представлялась чрезмѣрной. Это живо сознавалъ и самъ авторъ, ни за что не желавшій примириться съ приговоромъ цензоровъ. Онъ рискнулъ—рѣдкій прецедентъ для той эпохи!—выступить съ обстоятельнымъ опроверженіемъ мотивовъ, изложенныхъ въ рапортахъ Фрейганга и Пейкера. Я надѣюсь, что читатель не постѣтуетъ, если я приведу этотъ документъ, заслуживающій того, чтобы занять видное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей цензуры, полностью:

«Выслушавъ заключеніе Цензурнаго Комитета и прочитавъ отзывъ г. Цензора Фрейганга насчетъ новаго моего сочиненія подъ заглавіемъ «Моргунъ», имѣю честь почтительнѣйше объяснить, на основаніи 45-й статьи Цензурнаго Устава, что при избраніи мною содержанія повѣсти, единственною моею цѣлью было доказать, сколь обще развиты въ Россіи природныя музыкальныя дарованія.

Г. Цензоръ обвиняетъ меня въ дурномъ направленіи мыслей, утверждая, что я съ намѣреніемъ выставилъ на первый планъ талантливаго человѣка крѣпостного состоянія, а напротивъ людей высшаго сословія оставилъ въ тѣни. Чтобы показать значительную степень распространенія у насъ музыкальных дарованій, мнѣ слѣдовало избрать человѣка изъ низшаго званія, какъ представляющаго большинство; что же касается до обвиненія, будто бы въ моей повѣсти всѣ лица высшаго или образованнаго класса выставлены въ дурномъ видѣ, то осмѣлюсь обратить вни-

маніе Цензурнаго Комитета: 1) на очеркъ Настасьи Николаевны (сестры помѣщика, у котораго Моргунъ находится въ услуженіи). Настасья Николаевна представлена какъ добрейшее существо, про нее сказано между прочимъ: «Въ большихъ свѣтлыхъ ея глазахъ отражается, какъ бы вопреки ея волѣ, божественный лучъ сердечной теплоты;—крестьяне и дворовые обожали ее и называли: «красное наше солнышко, матушка наша барышня». 2) На описаніе помѣщицы Моргуна, дѣйствія и поступки которой въ высшей степени нравственны, человѣколюбивы и благотѣльны. Моргунъ отзывается о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Усопшая благотѣтельница моя открыла мнѣ свѣтъ разума, указала, что во мнѣ есть душа»; и 3) на очеркъ молодой дѣвушки, дочери помѣщика Соржева, которая узнала дарованіе капельмейстера и старалась по возможности образовать его въ музыкальномъ отношеніи. Слѣдовательно, на одного человѣка изъ низшаго сословія, одареннаго талантомъ, я представилъ три лица изъ высшаго класса, достойныхъ всякаго уваженія.

Г. Цензоръ объясняетъ въ своемъ рапортѣ: а) что Моргунъ гениальный музыкантъ, но въ то же время онъ крѣпостной человѣкъ, и талантъ его не можетъ развиваться вслѣдствіе условій и отношеній, въ которыя онъ поставленъ крѣпостнымъ состояніемъ. Вовсе не по однимъ этимъ причинамъ, а по недостатку музыкальнаго образованія, что и доказывается тѣмъ, что талантъ Моргуна быстро развивается отъ совѣтовъ повѣствователя. б) «Моргунъ», говоритъ Г. Фрейгангъ, «вездѣ встрѣчаетъ обиды и притѣсненія». Нисколько. Ему покровительствуетъ Настасья Николаевна, его учитъ и попечительно наставляетъ помѣщица его и за него заступается, кромѣ повѣствователя, который также дѣйствующее лицо въ повѣсти, Екатерина Дмитріевна.

Далѣе г. Цензоръ порицаетъ тайное ночное свиданіе барышни съ Моргуномъ и въ особенности возмутительную, по словамъ его, сцену побоевъ. Во-первыхъ, свиданіе Екатерины Дмитріевны съ Моргуномъ совершенно случайное и, прибавимъ, невинное; она встрѣтилась съ выгнаннымъ изъ отцовскаго дома капельмейстеромъ для того только, чтобы объяснить ему, что она не причастна непріятностямъ, которыя онъ претерпѣлъ, повидимому, изъ-за нея, и вручить ему рекомендательное письмо, писанное ею матерью. Доказательствомъ, что Екатерины Дмитріевна не питала къ Моргуну нѣжнаго расположенія, служатъ собственныя же ея слова: «Ну прощай, Гриша; Богъ съ тобой! помни меня—только не очень»,—прибавила она, и притомъ, кажется, усмѣхнулась, «лишнюю же дурь выкинь изъ головы»...

Во-вторыхъ весьма естественно, что отецъ Екатерины Дми-

тріевны, руководствуемый навѣтами завистливаго нѣмца капельмейстера, увидавъ дочь свою съ Моргуномъ, въ саду въ ночное время, пришелъ въ негодованіе и закричалъ: «Вяжи его мошенника». Тутъ нѣмецъ, сопровождавшій Дмитрія Ивановича, бросился на Моргуна, и между ними произошла драка. Въ этомъ описаніи, нѣтъ, кажется ничего предосудительнаго; но о какой возмутительной сценѣ побоевъ говорить г. Цензоръ, мнѣ неизвѣстно. Правда, вспоминая эту сцену, Моргунъ говоритъ: «Тутъ налетѣли на меня лакеи, стремянные, подоспѣлъ нѣмецъ, и что ужъ тутъ было я и вспоминать не хочу». Но онъ намекаетъ на то, что его связали и свезли въ городъ или выпроводили изъ имѣнія; но, собственно, чтобы его били или сѣкли, объ этомъ не упоминаетъ...

Г. Цензоръ ставитъ мнѣ также въ укоръ, зачѣмъ я заставляю Моргуна предпочесть солдатскую службу должности камердинера. Но это и не могло быть иначе. Будучи солдатомъ, Моргунъ надѣется попасть въ музыканты, какъ и выходить на повѣрку—а для человѣка съ подобнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, конечно, лучше участвовать въ хорѣ музыкантовъ, чѣмъ чистить сапоги. Г. Фрейгангъ замѣчаетъ, что и въ полковомъ оркестрѣ Моргуна никто не умѣлъ оцѣнить; это несправедливо, потому что онъ поставленъ въ 1-е кларнетисты; къ тому же я упомянулъ, что Моргунъ доволенъ своею судьбою. «Передо мной стоялъ Моргунъ», сказано въ повѣсти, «но Моргунъ, значительно пополнѣвшій, подтянутый, выправленный, съ фуражкой на бекрень—ну какъ есть молодецъ».

Наконецъ г. Цензоръ возстаетъ даже противъ обѣщанія полкового командира поставить Моргуна капельмейстеромъ тогда только, когда онъ дослужится до унтеръ-офицерскаго чина, но отвѣтъ показываетъ только силу дисциплины и высокое понятіе о военной іерархіи;—тѣмъ болѣе, что сказано выше: «Полковникъ одобрительно улыбался»: и не трудно угадать значеніе этой улыбки. Ясно, что замѣчаніе полкового командира сдѣлано только въ видахъ упомянутой іерархіи и дисциплины, и читатель догадывается, что Моргунъ не долго будетъ дожидаться обѣщаннаго повышенія.

Г. Цензоръ, желая окончательно очернить мою повѣсть, уподобляетъ ее французскимъ революціоннымъ романамъ. «Извѣстно», говоритъ г. Фрейгангъ, «какое неблагоприятное дѣйствіе производили въ свое время романы Санда, и въ какой степени способствовали они къ возбужденію непріязни однихъ сословій противу другихъ.—Читая внимательно повѣсть «Моргунъ», легко убѣдиться, что авторъ всячески старался сглаживать черты, проведенныя между разными сословіями общества» и проч.

Что хотѣлъ выразить г. Цензоръ этой фразой, въ точности, я не понимаю, но догадываюсь, что подъ словомъ черты г. Фрейгангъ разумѣть: *преграды, поставленныя между различными сословіями*. Въ такомъ случаѣ стоитъ только бѣгло просмотрѣть повѣсть, чтобы убѣдиться, что, напротивъ, преграды эти рѣзко обозначены и вполне сохранены. Касательно же сближенія моей повѣсти съ зловердными романами революціонной эпохи Франціи—я осмѣлюсь напомнить г-ну Фрейгангу, что въ Цензурномъ уставѣ сказано между прочимъ: «въ случаѣ неясности мысли, или какого-либо недоразумѣнія, Цензоръ не долженъ толковать мысль автора въ худую сторону». Съ какого же права г. Цензоръ обвиняетъ меня въ зловердныхъ намѣреніяхъ, тогда какъ ихъ вовсе нѣтъ въ моей повѣсти, и что предыдущія мои журнальныя статьи свидѣлствуютъ о религіозности и нравственности моего направленія и не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ преданности моей къ престолу и любви къ отечеству, въ чемъ я ссылаюсь на благосклонные отзывы Его Превосходительства г. Предсѣдателя Цензурнаго Комитета.

Наконецъ, г. Фрейгангъ выставляетъ меня, какъ человѣка неблагонамѣреннаго, за то, что въ моемъ разсказѣ я осмѣлился описать человѣка, несмыслящаго толку въ музыкѣ, и посягать на надъ невѣжествомъ и тунеядствомъ.

Въ доказательство, что г. Цензоръ не имѣлъ въ виду одно лишь худое направленіе повѣсти, какъ онъ выражается, а руководствовался соображеніями, которыя трудно объяснить, часто даже отступая отъ правилъ, изложенныхъ въ Цензурномъ Уставѣ, я прошу дозволенія привести въ примѣръ нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ отмѣтокъ.

Описывая мѣстность, я говорю между прочимъ (1-я форма, столбецъ 2): *«Но по мѣрѣ приближенія очарованіе мало-по-малу исчезаетъ, потому что во всемъ и вездѣ замѣчается какой-то нехудожественный безпорядокъ и совершенное отсутствіе гармоніи. Такъ, напримѣръ, церковь окрашена розовою краскою, а колокольня просто побѣлена известью; средній куполъ зеленаго цвѣта, а остальные съ голубыми звѣздами»*.

Подчеркнутыя фразы вычеркнуты г. Цензоромъ; спрашивается: неужели онъ видитъ въ этомъ описаніи неуваженіе къ религіи! и возможно ли, чтобы ему не былъ извѣстенъ фактъ, встрѣчающійся не только въ отдѣльных провинціяхъ, но даже нерѣдко и въ Москвѣ!

Въ 4-мъ столбцѣ 1-й формы сказано «въ большихъ свѣтлыхъ ея глазахъ отражался, какъ бы вопреки ея волѣ, *божественный лучъ сердечной теплоты*». Слово «божественный» вычеркнуто—но

эпитетъ этотъ относится не къ глазамъ, а къ сердечной теплотѣ, чувство, почитаемое христіанскою добродѣтелью.

Въ 3-й формѣ, въ 1-мъ столбцѣ сказано: *«Посмотрите, въ полкахъ нашихъ сотнями, тысячами считаются хорошіе исполнители»*. Фраза эта вычеркнута. Неужели предосудительно или цензурно указать, что русскій солдатъ имѣетъ необычайныя музыкальныя способности?

Въ 6-мъ столбцѣ 3-й же формы сказано: «я весьма обрадовался этому сознанию собственнаго безсилія со стороны Моргуна, потому что опасался заносчивости, столь свойственной русскимъ артистамъ и, *въ особенности, самоучкамъ*». Слово «русскимъ» цензоромъ вычеркнуто, что придаетъ фразѣ совершенно другой смыслъ. Во-первыхъ, потому что заносчивость дѣйствительно болѣе свойственна русскимъ артистамъ самоучкамъ, а во-вторыхъ, что музыканты самоучки почти не существуютъ въ другихъ европейскихъ странахъ, ибо тамъ есть консерваторіи. Тутъ уже г. Цензоръ не можетъ сказать, что онъ преслѣдуетъ худое направленіе повѣсти, клонящейся будто бы къ униженію аристократіи; но онъ и не дозволяетъ ему указывать на существующіе, по мнѣнію автора, исправимые недостатки въ сословіи артистовъ самоучекъ, что однако же вовсе не противуцензурно.

Въ 4-й формѣ въ 1-мъ столбцѣ, говоря о Моргунѣ, сказано: *«Не безъ труда удалось мнѣ побѣдить загрузѣвшую его, такъ сказать, застенчивость. Такъ, напримѣръ, насилу уговорилъ я его не стоять у притолки дверей; еще съ большимъ усиліемъ уговорилъ его садиться въ моемъ присутствіи»*.

Подчеркнутыя фразы вычеркнуты. Неужели г. Цензоръ почитаетъ ихъ попытками автора сглаживать, по его выраженію, черты между различными сословіями общества? Неужели крѣпостной человѣкъ не можетъ быть артистомъ, и въ такомъ случаѣ неужели не слѣдуетъ его отличать отъ чернорабочаго?

Если г. Цензоръ дѣйствительно полагаетъ, что таковое отличіе вредно и предосудительно, то мнѣніе его не согласно съ мнѣніемъ Державныхъ покровителей наукъ и художествъ въ Россіи.

Примѣромъ тому служатъ Посошковъ, Ломоносовъ и многіе другіе.

Въ 7-й формѣ, на 2-мъ столбцѣ, описывается, какъ Моргунъ былъ пораженъ, увидавъ передъ собою Катерину Дмитриевну въ бѣломъ платьѣ, и проч. и проч. «Я смотрю и мыслю», говоритъ Моргунъ, «ужъ не ангелъ ли *Божій*, знаете, *въ церкви на образахъ видали*». Г. Цензоръ зачеркнулъ послѣднія слова, замѣнивъ ихъ выраженіемъ *какой*. Но ангелъ всегда Божій, и не можетъ быть какой-нибудь, къ тому же сравненіе съ изображеніями,

видѣнными Моргуномъ въ церкви, придаетъ болѣе естественности этому выраженію. На 1-мъ столбцѣ 8-й формы слово *рубаха* замѣнено «*балахономъ*». Неужели рубаха непристойное выраженіе?

Въ 9-й формѣ г. Цензоръ вычеркнулъ фразу: «Тупоумный наренъ съ глупымъ выраженіемъ лица, загнувъ фуражку на затылокъ»... Тутъ идетъ рѣчь, ужъ не о помѣщикѣ, а капельмейстерѣ, взятомъ изъ среды полковыхъ музыкантовъ. Неужели не могутъ быть промежду солдатъ люди съ глупымъ выраженіемъ лица?

Вотъ нѣкоторыя только отмѣтки г. Цензора, но онѣ уже ясно доказываютъ, что г. Фрейгангъ не руководствовался въ точности Цензурными постановленіями.

Что же касается до предлагаемаго окончанія повѣсти г-омъ Фрейгангомъ, то оно вовсе измѣняетъ рассказъ въ художественномъ отношеніи, лишаетъ его полноты и необходимой развязки. Дмитрій Ивановичъ (помѣщикъ, у котораго Моргунъ находился капельмейстеромъ) долженъ былъ какъ отецъ семейства, поступить круто съ Моргуномъ, предполагая, что онъ помышляетъ выйти изъ своей сферы; съ другой стороны слѣдовало показать, что есть преграды, которыя низшее сословіе преступить безнаказанно не можетъ.

Наконецъ въ вычеркнутомъ г. Цензоромъ рассказѣ объясняется, что Катерина Дмитріевна (барышня) и не помышляла поощрять безразсудную любовь Моргуна. Г-нъ же Цензоръ все это оставилъ неразрѣшеннымъ и подѣ сомнѣніемъ; слѣдовательно, повѣсть не можетъ быть напечатана съ измѣненіями г. Фрейганга, потому что въ такомъ случаѣ она лишилась бы нравственно поучительнаго заключенія.

Почитаю необходимымъ присовокупить, что всѣ вообще отмѣтки г. Цензора клонятся къ отнятію колорита и живости рассказа, и что если я и соглашался на нѣкоторыя измѣненія, то это потому только, что я надѣялся смягчить приговоръ г. Цензора и убѣдить его не измѣнять повѣсти въ сущности плана и главномъ ея составѣ.

Вслѣдствіе всего вышепрописаннаго, имѣю честь почтительнѣйше просить Цензурный комитетъ внести корректурные листы повѣсти моей «Моргунъ» съ отмѣтками г. Цензора Фрейганга, равно какъ и настоящее мое объясненіе въ Главное Управленіе Цензуры. (подписалъ) Коллежскій Совѣтникъ *Θ. Толстой*.

14-го октября 1855 г. С.-Петербургъ.

Трудно что-либо добавить къ тому, что пишетъ *Θ. М. Толстой* въ своемъ объясненіи. Особенное вниманіе вызываютъ приведенные имъ образцы сокращеній и измѣненій, допущенныхъ Фрей-

гангомъ. Если изъятіе Фрейгангомъ эпитета «божественный» изъ выраженія «божественный лучъ сердечной теплоты» находитъ себѣ прецедентъ хотя бы въ слѣдующемъ замѣчаніи полулегендарнаго цензора Красовскаго по поводу одного выраженія «Стансовъ къ Элизѣ» Олина: «женщина недостойна того, чтобы ея улыбку называть небесной»,—то замѣна имъ яко бы неприличнаго слова «рубаха» словомъ «балахонъ» представляетъ собой дотого безпримѣрное, дотого возмутительное проявленіе цензурнаго произвола, что даже Красовскій не пошелъ бы на него. Но вѣдь Красовскій кастрировалъ стихотвореніе Олина въ 1823 г., а Фрейгангъ расправлялся съ повѣстью *Θ. М. Толстого* въ концѣ 1855 г., т.-е. тридцатью двумя годами позднѣе... Объясненія обиженнаго автора были переданы для разсмотрѣнія все тѣмъ же Фрейгангу и Пейкеру,—которые не замедлили составить свои контръ-объясненія. Въ нихъ они повторяли свои прежнія нападки, но уже не столь рѣшительнымъ тономъ. У Фрейганга проскользнула даже фраза, которая доказывала, что онъ не прочь былъ пойти на уступки. Авторъ, писалъ онъ, «напрасно считалъ исключеніе нѣкоторыхъ мѣстъ и отдѣльныхъ фразъ въ его повѣсти окончательнымъ приговоромъ»... Пейкеръ же твердилъ только, что ошибка *Θ. Толстого* заключается въ томъ, что онъ ссылается на одинъ цензурный уставъ, а они, цензора, должны еще руководствоваться циркулярными предписаніями начальства.

Несмотря на то, что контръ-объясненія Пейкера и Фрейганга звучали, такимъ образомъ, не слишкомъ убѣдительно, *Мусинъ-Пушкинъ*, препровождая ихъ министру (при отношеніи отъ 22 декабря за № 850), поспѣшилъ заявить о своемъ полномъ съ ними согласіи.

Въ концѣ октября того же года вопросъ перешелъ въ главное управленіе цензуры, которое въ засѣданіи 29 октября, прежде чѣмъ рѣшить его окончательно, поручило одному изъ своихъ членовъ *Скрыпицыну* ознакомиться съ матеріаломъ и сообщить свое заключеніе. *Скрыпицынъ* вполнѣ оправдалъ на этотъ разъ свою репутацію очень терпимаго цензурнаго дѣятеля. Вотъ его краткій докладъ по этому дѣлу:

«По прочтеніи повѣсти *Коллежскаго Совѣтника Θ. Толстого «Моргуна»* я не нашелъ въ ней ничего, могущаго подлежать запрещенію цензуры, кромѣ одного мѣста, гдѣ говорится о звѣздѣ *Св. Станислава* второй степени, что лучше бы исключить. Касательно же тѣхъ мѣстъ, которыя для напечатанія статьи цензоръ полагалъ измѣнить, я съ своей стороны этого не нахожу нужнымъ, потому что ничего не нашелъ въ нихъ вреднаго. Цензоръ говоритъ, что эти исключенія были сдѣланы съ цѣлью исключить все небла-

говидное въ неумѣстныхъ отношеніяхъ двороваго человѣка къ лицамъ высшаго сословія; тогда какъ самая сцена происходитъ не между дворовымъ человѣкомъ, т.-е. крѣпостнымъ и его помѣщикомъ, а между человѣкомъ наемнымъ и господиномъ его нанимающимъ, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи статья не можетъ подлежать осужденію.

Сверхъ того въ рапортѣ своемъ Цензоръ, между прочимъ, говорить: «авторъ всячески старался сглаживать черты, проведенныя между разными сословіями общества»,—я полагаю, что цензоръ долженъ ограничиваться разсмотрѣніемъ статьи, не входя въ сужденія о предполагаемыхъ намѣреніяхъ автора».

Казалось, можно было бы ожидать благопріятнаго для автора «Моргуна» разрѣшенія вопроса. Однако, этого не случилось, и не случилось, исключительно благодаря неожиданной перемѣнѣ позиціи Норова. Онъ, какъ помнитъ читатель, въ своемъ первомъ отношеніи къ предсѣдателю цензурнаго комитета находилъ излишними нѣкоторыя изъ тѣхъ цензурныхъ купюръ, которыя были сдѣланы Фрейгангомъ. Какія то, неизвѣстныя для меня, обстоятельства заставили его теперь совершенно измѣнить свое мнѣніе. Надокладѣ Скрыпицына его рукою сдѣлана лаконическая надпись, состоящая всего изъ трехъ сакраментальныхъ словъ: «**Запретить для печати**». Хотя главное управленіе цензуры и считалось коллегіальнымъ учрежденіемъ, но эта коллегіальность существовала только на бумагѣ, истинный же характеръ дѣятельности главнаго управленія опредѣлялся начальническимъ усмотрѣніемъ, т.-е., усмотрѣніемъ министра народнаго просвѣщенія. Вотъ почему и главное управленіе, для котораго въ концѣ октября вопросъ шелъ о томъ, согласиться ли съ Фрейгангомъ и утвердить сдѣланныя имъ измѣненія въ повѣсти Толстого, или же согласиться съ авторомъ повѣсти и допустить «Моргуна» въ печать въ неизуродованномъ видѣ, отнеслось съ полнымъ пренебреженіемъ къ мнѣнію Скрыпицына, и поспѣшило дать дѣлу оборотъ, совершенно противоположный тому, который имѣлось ему дать до неожиданнаго вмѣшательства Норова. Изъ протокола засѣданія 19-го ноября видно, что главное управленіе, словно по щучьему велѣнію, «убѣдилось, что общее направленіе этой повѣсти по заключающимся въ ней несвойственнымъ нашему быту отношеніямъ между низшими и высшими сословіями общества и по описываемому въ ней угнетенному состоянію крѣпостныхъ людей не соотвѣтствуетъ духу нашихъ учреждений, и потому, находя невозможнымъ распространять оную въ публикѣ, опредѣлило: повѣсть Коллежскаго Совѣтника Толстого «*Моргуна*» къ печати не одобрять».

Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить это замѣчательное постановленіе, авторы котораго не постѣснились прибѣгнуть къ завѣдомой лжи, утверждая, напримѣръ, что въ повѣсти Толстого описывается «угнетенное состояніе крѣпостныхъ людей», надо дать себѣ трудъ прочесть «Моргуна». Однако, и тѣ ссылки на его содержаніе, которыя заключаются въ объясненіи Фрейганга и возраженіяхъ на него автора, достаточны, чтобы читатели могли судить, до какихъ предѣловъ доходилъ въ годы крымской кампаніи цензурный терроръ въ отношеніи произведеній, затрагивавшихъ, хотя бы не непосредственно и вскользь, вопросы, связанные съ существованіемъ крѣпостного права. Здѣсь я позволю себѣ привести краткую историко-литературную справку. Тема, о «крѣпостномъ артистѣ», избранная Толстымъ для его повѣсти, и ранѣе его находила себѣ художественную разработку, что, безъ сомнѣнія, объясняется ея жизненностью въ ту эпоху. Такъ въ литературѣ 30-хъ годовъ тему эту развиваютъ повѣсти «Художникъ» Тимофѣева (1833 г.) и «Именины» Павлова (1835 г.). Въ нихъ, особенно во второй, опредѣленная социальная тенденція проведена гораздо рѣзче, чѣмъ въ «Моргунѣ», но это не помѣшало «Художнику» избѣгнуть какихъ бы то ни было цензурныхъ репрессій, «Именинамъ» же подвергнуться имъ уже послѣ выхода повѣсти въ свѣтъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ цензурные дѣятели середины 50-хъ годовъ перещеголяли по части строгости своихъ сотоварищей, работавшихъ на томъ же поприщѣ въ 30-е годы.

Исторія съ «Моргуномъ» закончилась съ точки зрѣнія современныхъ литературныхъ нравовъ довольно таки смѣхотворно. О. М. Толстой, по своему придворному званію и по своей послѣдующей дѣятельности (онъ былъ виднымъ цензурнымъ чиновникомъ 60-хъ и начала 70-хъ годовъ), менѣе всего заслуживавшій попасть въ положеніе писателя, чьи произведенія бракуются цензурой, какъ «неблагонамѣренныя», принялся хлопотать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о своей реабилитации. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и ему было послано довольно таки курьезное письмо, въ составленіи котораго, какъ показываетъ его черновикъ, хранящійся въ архивномъ дѣлѣ о «Моргунѣ», принялъ дѣятельное участіе товарищъ министра кн. Вяземскій. Въ письмѣ этомъ было сказано, что хотя лежащее на повѣсти запрещеніе и «не можетъ быть отмѣнено», однако, «въ семъ рѣшеніи не заключается ничего предосудительнаго въ отношеніи къ благонамѣренности вашего образа или вашего литературнаго направленія. При полномъ признаніи чистоты вашихъ побужденій и неукоризненности цѣли вашей въ сочиненіи названной повѣсти,

она не могла не встрѣтить со стороны цензуры затрудненій по содержанію своему, въ которое входитъ изображеніе общественныхъ отношеній, несвойственныхъ нашему быту и духу нашихъ учреждений, или могущихъ способствовать разладу между высшимъ и низшимъ сословіемъ...».

Такимъ образомъ Ѳ. М. Толстому дано было лишь частичное удовлетвореніе: съ одной стороны, признавалась чистота его побужденій, съ другой—высказывался прежній взглядъ на его повѣсть, какъ на произведеніе, рѣшительно неудобное для печати. Въ результатѣ получился какой то логическій non-sens: Ѳ. М. Толстой, несмотря на чистоту побужденій и неукоризненность цѣли, оказался авторомъ произведенія, могущаго способствовать, не болѣе не менѣе, какъ «разладу между высшимъ и низшимъ сословіемъ!».

Прошло почти три года, пока на «Моргуна» установился трезвый взглядъ, и онъ могъ появиться въ печати, да и то подъ измѣненнымъ заглавіемъ «Даровитость русскаго человѣка» (см. «Русскій Вѣстникъ», конецъ 1858 г.). Какъ ни показательна исторія съ «Моргуномъ» для характеристики невѣроятной мнительности цензуры въ отношеніи крестьянскаго вопроса, я могу привести другой, не менѣе яркій примѣръ, иллюстрирующий то же явленіе. Въ той же злосчастной августовской книжкѣ «Современника» за 1854 г., въ которой была помѣщена столь испугавшая Норова повѣсть Писемскаго «Фанфаронъ» нашла себѣ мѣсто статья «Военныя дѣйствія Донцовъ противъ самозванца Пугачова». Усердный наблюдатель за дѣятельностью цензуры Родзянко пришелъ по прочтеніи этой статьи въ ужасъ (арх. дѣло 1854 г., № 191). Хотя цѣль ея—«опровергнуть нѣкоторые невыгодные для донскихъ казаковъ факты изъ пушкинской Исторіи Пугачовскаго бунта»—и представлялась ему благонамѣренной, но все же, по его мнѣнію, самое «происшествіе», о которомъ разсказывается въ статьѣ, «такъ преступно, что въ настоящее описаніе невольны должны были войти разнаго рода болѣе или менѣе предосудительныя свѣдѣнія и замѣчанія, представляющія эту статью неумѣстною въ журналѣ, т.-е. въ изданіи, преимущественно распространенномъ между читающею публикою, въ числѣ которой не мало людей и необразованныхъ, на которыхъ статья можетъ произвести невыгодное вліяніе... Напр., можно ли было... печатать: слѣдующія выраженія: (см. стран. 79). «Отважившись принять самозванство, Пугачовъ съ своей стороны, ничего не упустилъ изъ виду для привлеченія къ себѣ простого народа... (см. стр. 80): «чтобы угодить раскольникамъ, онъ жаловалъ ихъ бородами; *при-
нявъ за правило умерщвлять плѣнныхъ командировъ и помѣщиковъ,*

онъ щадишь простыхъ солдатъ и давалъ свободу крестьянамъ... При такихъ мѣрахъ злодѣй успѣлъ даже приобрести любовь ослѣпленной черни». А подобныхъ замѣчаній въ статьѣ не мало!..

Норовъ немедленно же реагировалъ на донесеніе Родзянко нижеслѣдующимъ отношеніемъ (отъ 7 октября 1854 г., за № 2008) на имя Мусина-Пушкина:

«Въ отдѣлѣ *Наукъ* журнала *«Современникъ»* за августъ текущаго года напечатана статья подъ заглавіемъ: *«Военныя дѣйствія Донцовъ противъ самозванца Пугачова»*.

При всей благонамѣренности этой статьи, написанной съ похвальною цѣлью—опровергнуть обвиненія, взведенныя на Донское воинство за его дѣйствія во время Пугачовскаго мятежа, нельзя не замѣтить, что авторъ, безъ надлежащей осмотрительности, говоритъ объ умерщвленіи самозванцемъ помѣщиковъ и военныхъ начальниковъ, о свободѣ, даваемой имъ крестьянамъ, о поощреніи раскольниковъ и т. п. Посему я считаю неизлишнимъ обратить вниманіе вашего Превосходительства на вышеизложенное, въ дополненіе къ циркулярному предложенію моему отъ 7-го сего октября за № 1995».

Это послѣднее разосланное съ помѣтками *«циркулярно и конфиденціально»* всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ, имѣло уже общій характеръ, хотя и касалось въ сущности того же вопроса. Я привожу его полностью (частично оно уже было напечатано въ «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ»):

«Въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ нашихъ, какъ столичныхъ, такъ и губернскихъ, нерѣдко печатаются историческіе матеріалы, изслѣдованія, народныя пѣсни и проч., относящіеся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ то: ко временамъ Пугачова, Стеньки Разина и т. п.

Подобныя сочиненія и статьи, напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями, кровавыми злодѣйствами и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самихъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства особенно въ наше время, когда по поводу нападенія внѣшнихъ враговъ, святое чувство любви къ отечеству съ такою силою проявилось во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа.

Посему покорнѣйшу прошу Ваше Превосходительство предложить по цензурному вѣдомству С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, чтобы сочиненія и статьи, подобныя вышеизложеннымъ, были подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и допускались въ печать не иначе какъ съ величайшею осмотри-

тельностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ».

Сопоставляя эти два официальныхъ документа, не трудно прійти къ заключенію, что психологическій источникъ ихъ одинъ и тотъ же: онъ заключался въ боязни даже случайныхъ упоминаній въ печати о такихъ страшныхъ вещахъ, какъ «умерщвленіе самозванцемъ помѣщиковъ и начальниковъ, и свобода, даваемая имъ крестьянамъ».

Чтобы дорисовать картину, приведу два мелкихъ, но характерныхъ факта, касающихся стихотвореній Некрасова. Написанное въ 1848 г. стихотвореніе Некрасова «Извозчикъ» было напечатано въ 1855 г. въ «Современникѣ» (№ 5) съ искаженіемъ самаго важнаго мѣста, объясняющаго самоубійство извозчика тѣмъ, что деньги ему были нужны для выкупа на свободу, безъ чего любимая дѣвушка не соглашалась выйти за него замужъ; вмѣсто словъ «прежде выкупись на волю», несомнѣнно, подъ давленіемъ цензуры, было напечатано: «денегъ наживи, Ванюша». Итакъ съ точки зрѣнія цензурныхъ дѣятелей, даже въ стремленіи крестьянъ выкупиться на волю заключалось нѣчто крамольное, что надо было замалчивать. Изъ написаннаго въ 1851 г. стихотворенія «Муза», появившагося въ печати въ 1854 г. («Современникъ» № 1) были выпущены двѣ строчки, въ которыхъ поэтъ называлъ свою музу «печальной спутницей печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ»: въ этихъ бѣднякахъ цензура, очевидно, почуяла крѣпостныхъ.

Вотъ нѣкоторые, далеко не претендующіе на исчерпывающее освѣщеніе вопроса, факты изъ цензурной практики эпохи крымской кампаніи. Однако, и они даютъ матеріалъ, вполне достаточный для того, чтобы живо представить картину положенія тогдашней печати.

За исключеніемъ одной официальной и двухъ привилегированныхъ газетъ печать лишена была возможности даже перепечатывать военныя реляціи. Попытки добиться этого скромнаго права долго, до самаго почти конца войны, оставались тщетными.

Отображеніе военныхъ событій и порождаемыхъ ими впечатлѣній въ художественныхъ произведеніяхъ едва терпѣлось: ни художественный талантъ ни патріотическое настроеніе авторовъ не спасали ихъ отъ самыхъ нелѣпыхъ придиорокъ, какъ это было, напримѣръ, съ Л. Н. Толстымъ.

Высказаться по вопросамъ внѣшней политики подавно не было позволено.

Что касается вопросовъ политики внутренней, то цензура всячески старалась не допускать не только никакихъ указаній,

но даже намековъ, какъ разъ на тѣ отрицательныя стороны русской жизни, которыя своимъ растлѣвающимъ вліяніемъ парализовали наши силы и обусловили собою наши военныя неудачи-злоупотребленія и произволъ чиновничества во-первыхъ; безправное и угнетенное положеніе закрѣпощенной крестьянской массы—во-вторыхъ.

В. Евгеньевъ.

Полвѣка среди духовенства.

I. Въ школѣ до посвященія.

Первое мое знакомство съ духовнымъ сословіемъ началось съ того времени, когда мнѣ было отроду семь лѣтъ. Тогда меня родители отдали учиться грамотѣ, за неимѣніемъ школы въ селѣ, къ мѣстному священнику, который бралъ за обученіе въ зиму съ cadaго ученика по три рубля. Къ чести его надо сказать, что онъ выучивалъ ученика за одну зиму писать, читать и считать основательно. Ученъе происходило здѣсь не по часамъ, а усиленно съ ранняго утра до поздняго времени. Учебниками были: славянская азбука, которую мы проходили по старинному буквослагательному способу: «буки азъ ба» и т. д., часословъ, псалтырь, пропись Гербача и счеты. Часословъ и псалтырь выучивались здѣсь почти наизусть. Писали мы, буквально списывая съ прописей, а потому каллиграфія нашего письма получалась очень хорошей. Считали на счетахъ бойко. Дисциплина во время занятій была строжайшая: никто не говорилъ ни одного слова, не относящагося къ наукѣ.

Затѣмъ по совѣту священника отецъ отдалъ меня учиться въ духовное училище, при чемъ, съ подачей прошенія о принятіи меня въ училище, снесъ смотрителю училища голову сахару для болѣе безпрепятственнаго пріема меня по экзамену. Меня приняли, и я очутился на квартирѣ въ городѣ среди дѣтей духовенства. Здѣсь старшіе обучали новичковъ разнымъ новостямъ и обычаямъ школьной домашней жизни. Прежде всего начинали учить курить табакъ-махорку; затѣмъ основательно ругаться по лексикону извѣстныхъ словъ и фразъ. Онанизмъ и выпивка сначала слабенькой малиновочки, пивца, а потомъ и сорокаградусной водки тоже были въ курсѣ этой науки. Къ великой радости моей, ничто изъ этого ко мнѣ не привилось.

Объ учителяхъ своихъ по училищу у меня сохранились самыя лучшія воспоминанія. Правда, я не могу сказать, чтобы они заботились умственно развить насъ, учащихся, и сдѣлать юно-

шами, мыслящими самостоятельно и логически и относящимися къ наукѣ сознательно, но зато положенное по программамъ проходили усердно, и мы выходили изъ училища, знающими свои предметы въ довольно приличныхъ предѣлахъ.

Изъ училища я поступилъ въ духовную семинарію во Владимірѣ. И здѣсь не могу сказать, чтобы преподаватели старались насъ развивать умственно и дѣлать сознательными гражданами или идейными служителями алтаря. Нѣтъ. Здѣсь мы тоже только проходили все по программѣ, уча по учебникамъ «отсюда и досюда». Многіе изъ учителей требовали заучиванія предмета наизусть, а нѣкоторые довольствовались и передачей урока своими словами. Учебники были по содержанію крайне сухи, кратки и ничего не давали ни уму, ни сердцу. Всякая самостоятельная мысль и работа учащихся въ корнѣ уничтожалась преподавателями. Семинаристы дѣлались отъ этого падкими на запрещенный литературный плодъ, конечно, впадали въ крайности. Помню я, какъ ученика перваго класса семинаріи Павла Виноградова въ спальныхъ комнатахъ поймалъ за чтеніемъ запрещенной газеты «Земля и Воля» инспекторъ семинаріи Павлинскій и тотчасъ же передалъ въ распоряженіе жандармовъ. Жандармы повели его изъ семинарскаго карцера въ тюрьму, а семинаристы стали кидать въ нихъ камнями и, въ видѣ протеста противъ доноса, выбили стекла въ квартирѣ инспектора.

Любимцемъ семинаристовъ былъ преподаватель Надеждинъ, который увлекательно, а иногда и юмористически рассказывалъ урокъ гражданской и русской исторіи и съ правдивыми и сверхъ программными примѣчаніями, посмотрѣвъ предварительно за классную дверь, гдѣ часто инспекторъ подслушивалъ, что говорилось въ классѣ.

Изъ субъ-инспекторовъ особо замѣчателенъ былъ Сердцевъ по части сыска среди семинаристовъ, употреблявшихъ алкоголь, хотя самъ былъ отъявленнымъ алкоголикомъ. Свое искусство сыска онъ проявлялъ особенно тогда, когда самъ запивалъ, какъ говорится, во всю тяжкую. Манія величія проявлялась у него тогда во всей силѣ. Семинаристы это прекрасно знали. «Сенька запилъ, братцы», говорили они тогда другъ другу, увидавъ Сердцева съ заспанной и помятой физіономіей. Сегодня, значить, надо его ждать по квартирамъ. И, дѣйствительно, вечеромъ его можно было видѣть посѣщающимъ квартиры семинаристовъ для ревизіи. Къ каждому семинаристу онъ непременно придирался, а если замѣчалъ кого-либо немного выпившимъ, или даже такъ ему только казалось, онъ начиналъ его обнюхивать и своимъ языкомъ лазилъ въ ротъ ученикамъ, чтобы узнать составъ слюны

и ея запахъ. Смѣшно было особенно смотрѣть на него, когда онъ такимъ образомъ, совершенно пьяный, осматривалъ трезваго, совершенно не пьющаго вино, семинариста! Не обходились, конечно, и безъ курьезовъ такіе его осмотры. Однажды ученикъ Рождественскій сильно укусилъ ему языкъ и пожалуй откусилъ бы его вовсе, но товарищи посовѣтовали ему выпустить изъ зубовъ языкъ Сердцева въ виду того, что этотъ послѣдній закричалъ «карауль».

Семинаристы не чужды были и подшутить надъ своимъ начальствомъ. Такъ, замѣтивъ особыя отношенія инспектора семинаріи, молодого монаха, къ сосѣдкѣ по квартирѣ, молодой красивой женѣ субъ-инспектора, нарисовали на александрійской бумагѣ тушью фигуру этой красавицы съ большимъ турнюромъ позади ея костюма и лежащимъ на этомъ турнюрѣ поперекъ молодого инспектора съ спускающимся на бокъ крепомъ отъ его клобука. Картина эта была прибита въ актовомъ залѣ подъ часами. Долго любовались ею семинаристы, пока не увидала этого инспекція и не убрала ее. Пробовали было искать и виновника появленія на свѣтъ этой картины, но по совѣту старичка, одного изъ преподавателей, прекратили это, чтобы не поднять шума и не сдѣлать огласки. Субъ-инспектора перевели на другое мѣсто служенія.

При окончаніи курса семинаристы обычно вели по поводу того горячіе дебаты: куда дальше итти учиться и куда поступать на службу. Дебаты эти часто принимали довольно юмористически-практическій характеръ. Готовящіеся быть священниками въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи къ будущей паствѣ старались выработать такіе пріемы, при помощи которыхъ можно было бы доказать пасомымъ, что они посланники свыше и чрезъ это поднять свой авторитетъ въ глазахъ паствы, а потомъ уже и распорядиться ею по своему усмотрѣнію.

«Ну, товарищи», вскричалъ однажды, подбѣжавъ къ группѣ бесѣдовавшихъ между собою его одноклассниковъ, будущій студентъ семинаріи Поповъ, «я наконецъ-то, послѣ долгихъ думъ и безсонныхъ ночей, нашелъ самый вѣрный способъ подъема авторитета священника среди паствы. Вы хорошо знаете, говорилъ онъ, что для крестьянина урожай хлѣба составляетъ, такъ сказать, все въ жизни. Безъ урожая крестьянинъ погибъ, а потому онъ больше всего и дорожитъ всѣмъ тѣмъ, что связано у него съ этимъ урожаемъ. Вотъ на этой почвѣ, самой, такъ сказать, дорогой для крестьянина, я и придумалъ поднять авторитетъ священника. Я рѣшилъ, какъ только поступлю священникомъ, сейчасъ же купить самый чувствительный барометръ рублей во сто; буду лѣтомъ, какъ только окончится посѣвъ хлѣбовъ

у крестьянъ, наблюдать за колебаніемъ атмосферы, и какъ только замѣчу малѣйшую наклонность стрѣлки барометра къ дождю или ненастью, то сейчасъ же пошлю за старостой сельскимъ и предложу ему собрать народъ и, взявъ иконы изъ церкви, итти въ поле для служенія молебновъ о ниспосланіи дождя и вообще объ урожаѣ хлѣба. Крестьяне, какъ вы прѣкрасно и сами знаете, всегда служатъ такіе молебны по своему почину, но здѣсь для меня важно будетъ то, что послѣ моего молебна будетъ дождь, о чемъ меня и предупредить заранѣе барометръ и что, конечно, я буду знать секретно одинъ. Крестьяне, когда послѣ молебна пойдетъ дождь, поймутъ, что это произошло по моей молитвѣ и будутъ болѣе внимательны ко мнѣ, а пожалуй даже и зависимыми всецѣло отъ меня будутъ считать себя. Они будутъ думать, что если я не помолюсь у нихъ на поляхъ, то у нихъ и дождя не будетъ, и хлѣбъ не уродится, а отъ этого и поднимется мой авторитетъ въ глазахъ паствы».

Семинаристы признали этотъ методъ воздѣйствія на паству весьма дѣйствительнымъ, и когда были въ рясахъ, то у многихъ изъ нихъ въ кабинетахъ можно было видѣть барометры, а у самого Попова барометръ былъ очень цѣнный и въ изящной оправѣ. Подъ веселую руку, онъ, показывая его товарищамъ іереямъ, говорилъ, что это въ его жизни сокровище. Прихожане же считали его за такого пастыря, который низводитъ дождь съ неба.

Серьезно же относящіеся къ своей будущей карьерѣ и служебію родинѣ и вообще люди, болѣе далекіе отъ мелкой безыдейной и фальшивой, поддѣльной жизни, уходили въ свѣтскія учебныя заведенія для продолженія образованія. При этомъ между ними и родителями ихъ, желавшими видѣть своихъ сыновей въ санѣ іерея, часто происходили крупныя и небезынтересныя объясненія. Обычно нежелавшіе подчиниться волѣ родителей въ данномъ случаѣ объясняли имъ, что они сами-то стоятъ на ложномъ пути, будучи совершенно безъ призванія іереями и не исполняютъ буквально ничего изъ того, что имъ должно исполнять.

II. Сычуговъ и Златовратскій.

Во время ученія своего въ семинаріи я познакомился и былъ очень близокъ съ такими людьми, которыхъ никогда не могу забыть, и которые очень сильно повліяли на меня, и это вліяніе сказалось во всей моей жизни. Люди эти были докторъ С. И. Сычуговъ ¹⁾ и писатель-народникъ Н. Н. Златовратскій.

¹⁾ Записки его были напечатаны въ «Голосъ Минувшаго» 1916 г. Ред.

Знакомство съ докторомъ С. И. Сычуговымъ произошло у меня въ то время, когда онъ былъ врачомъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, а я явился къ нему въ качествѣ пациента. Докторъ нашелъ, что я могу быть въ послѣдствіи серьезнымъ человѣкомъ, и пригласилъ бывать у него. Я этимъ воспользовался съ большой радостью. Много я у него перечиталъ, а главное многое воспринялъ изъ практически-идейной жизни и служенія родинѣ. Съ этого времени я постоянно переписывался и часто видался съ С. И. Сычуговымъ и въ Вятской губерніи, гдѣ онъ идейно работалъ среди народа и какъ врачъ и какъ мудрый практическій вождь народной жизни. Народъ его любилъ, уважалъ и слушалъ. Онъ имѣлъ громадное вліяніе и на ходъ земской жизни въ губерніи, гдѣ, въ силу необходимости, ему должны были подражать, ибо иначе земцы остались бы далеко позади его и потеряли бы довѣріе народа. Не нравилась иногда его коллегамъ его идейная работа среди народа, какъ врача, работавшаго за совѣсть во всеоружіи науки, и мало дававшего себѣ покоя, но въ силу необходимости и они мирились съ этимъ, а нѣкоторые даже старались, хотя отчасти, подражать ему, чтобы не имѣть его конкурентомъ среди народа во взглядахъ, убѣжденіяхъ и отношеніяхъ.

У Н. Н. Златовратскаго ¹⁾ я бывалъ очень часто и былъ, знакомъ близко со всей его семьей. Какъ сейчасъ помню его родовой, убогій, старинный, низенькій съ позелѣвшими отъ времени въ маленькихъ рамахъ стеклами, домикъ на углу Ильинской и Сергіевской улицъ. Чѣмъ-то патріархальнымъ и необычайнымъ вѣяло отъ этого домика, даже и по наружному его виду. Внутри же его было одно идейное, практически взвѣшенное и логически обоснованное. Старичокъ отецъ Николая Николаевича, Николай Петровичъ, былъ чиновникомъ губернскаго архива и идейнымъ шестидесятникомъ. Пріятно бывало послушать его жизненно-практическія и логически-психологическія сужденія по поводу всего, происходящаго въ жизни каждаго человѣка и всего человѣчества вообще. Гайдебуровская «Недѣля», въ то время захватывавшая вниманіе многихъ, была у нихъ вмѣстѣ съ «Русскими Вѣдомостями» настольнымъ программнымъ листкомъ для сужденій за чаемъ. Вся семья, конечно, прислушивалась къ слову философа старца-папаши Николая Петровича, съ которымъ часто вступалъ въ серьезный споръ Николай Николаевичъ, но всегда былъ побѣжденнымъ, а не побѣдителемъ, ибо старецъ отецъ имѣлъ, кромѣ громаднаго ума, и рѣдкій жиз-

¹⁾ См. о немъ статью П. Н. Сакулина въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г., № 1.

ненный опытъ. Старушка мать Николая Николаевича—Марія Яковлевна—была на рѣдкость религіозная женщина и жила болѣе въ церкви, чѣмъ дома. Братъ Николай Николаевича—Сергѣй—былъ ненормальный со дня рожденія, а другой юнкеромъ, а впослѣдствіи офицеромъ. Сестра Марія Николаевна, окончившая гимназію съ золотой медалью и получившая потомъ акушерское образованіе, пользовалась любовью всѣхъ жителей города и была всюду приглашаема по своей специальности. Другая сестра и сейчасъ состоитъ женщиной-врачомъ. Николай Петровичъ умеръ скоропостижно отъ склероза сердца въ первый день Пасхи. Скоро послѣ того сгорѣлъ ихъ домъ и на долю Николая Николаевича, не имѣвшаго средствъ, выпала большая забота построить новый домъ, что онъ и выполнилъ, хотя жилъ въ немъ мало, уѣзжая зимами въ Москву. У Николая Николаевича я много бралъ для чтенія книгъ и, между прочимъ, въ первый разъ познакомился здѣсь съ сочиненіями Спенсера. Николай Николаевичъ былъ поклонникомъ А. И. Левитова и увлекался его сочиненіями, которыя рекомендовалъ и мнѣ, какъ правило при писаніи сочиненій и изложенія мысли вообще. Я водилъ для бесѣдъ къ Н. Н. своихъ товарищей, которые и сейчасъ здравствуютъ и занимаютъ видное положеніе, и съ большимъ удовольствіемъ вспоминаютъ, какъ лучшіе въ жизни часы—время, проведенное въ кабинетѣ Николая Николаевича.

Изъ разговоровъ и споровъ между Николаемъ Петровичемъ и Николаемъ Николаевичемъ мнѣ особенно памятенъ тотъ, когда, умудренный жизненнымъ опытомъ, старецъ доказывалъ своему сыну, что не нужно увлекаться какимъ-либо однимъ случаемъ изъ крестьянской жизни и на основаніи его строить общее заключеніе о крестьянской средѣ, а напротивъ нужно всесторонне изучать жизнь этого лица и его среды и только послѣ того дѣлать общія заключенія по этому вопросу, иначе это описаніе никогда не будетъ правильнымъ, ибо бываютъ случаи, когда кто-либо изъ крестьянъ проявитъ себя въ прекрасномъ идейномъ видѣ, но только случайно и одинъ разъ при условіи совмѣстныхъ какихъ-либо сочетаній обстоятельствъ жизни, а вообще же онъ чловѣкъ совершенно другого склада и образа мыслей и дѣйствій. Надо изучать цѣлостно натуру извѣстныхъ лицъ и обществъ и только послѣ долгаго анализа ихъ давать описанія, чтобы они были вѣрными и заслуживающими всеобщаго вниманія.

Николай Николаевичъ лѣтомъ обыкновенно уѣзжалъ на дачу въ деревню къ крестьянамъ и въ ихъ избы, и здѣсь бывалъ неотлучно съ ними и въ полѣ за работой, и въ общей бесѣдѣ за хозяйственными занятіями и на крестьянскихъ сходахъ или собраніяхъ.

Семья Златовратскихъ по своей идейной жизни была украшеніемъ города, какъ говорили сами владимірцы, потому что вся она состояла изъ людей серьезныхъ, идейныхъ, и здѣсь не мѣсто было совершенно тому, что составляетъ достояніе обычной, городской сплетнической обломовщины.

Какъ у С. И. Сычугова, такъ и здѣсь, можно было видѣть и слышать одно серьезное дѣло. Здѣсь можно было отдохнуть душой всякому, кто желалъ жить со смысломъ.

III. Среди духовенства.

По окончаніи семинаріи я поступилъ въ деревню учителемъ и на этомъ поприщѣ сталкивался ежедневно съ духовенствомъ и здѣсь видѣлъ черезъ-чуръ много такого, что заслуживаетъ особаго вниманія. Особенно интересны какъ служебныя, такъ и частныя отношенія между самими духовными лицами, которыя мнѣ приходилось наблюдать за многіе годы своего священства преимущественно въ Пермской губ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ повседневныхъ фактовъ, характеризующихъ бытъ и нравы едва ли не значительнаго большинства нашего духовенства.

На одного псаломщика объ его нетрезвости сдѣлалъ доносъ начальнику священникъ, человекъ самъ не безъ грѣховъ и очень большихъ. Но, дѣлая доносъ, онъ думалъ, что ему начальство повѣритъ больше, чѣмъ псаломщику, и этого послѣдняго немедленно выгнать изъ его прихода. Но случайно оказалось не такъ. Архіерей назначилъ слѣдствіе. Явился въ село слѣдователь. Псаломщикъ объявилъ священнику, что, если онъ его погубитъ, то и онъ объ его грѣхахъ сообщитъ архіерею, и ему будетъ плохо. Священникъ испугался и началъ умолять прихожанъ не говорить слѣдователю ничего плохого про псаломщика, обѣщая, что и онъ будетъ только хвалить его.

— Какъ же, батюшка, мы будемъ лгать-то, сказалъ одинъ изъ свидѣтелей священнику, вѣдь за ложную присягу Богъ насъ накажетъ; да и законъ здѣсь можетъ насъ наказать за клятвенное преступленіе?

— Да что вы боитесь, отвѣтилъ батюшка, вѣдь и я подъ присягой написалъ не то, что слѣдуетъ. А кромѣ того, вы вѣдь на исповѣдь ко мнѣ придете, и я прошу васъ. Бояться, слѣдовательно, нечего.

— А что, батюшка, возразилъ другой свидѣтель, а если скоропостижно придется умереть безъ твоей исповѣди, тогда прямо въ адъ попадешь за ложную присягу-то?

— Я глухую исповѣдь тогда такому грѣшнику дамъ и раз-

рѣшеніе прочитаю и опять-таки никакого вреда для такого чело-вѣка не будетъ, отвѣтилъ священникъ.

— Нѣтъ, батюшка, возразилъ ему еще одинъ старичокъ свидѣтель. Не по Божьему пути ты насъ наставляешь итти. Я не согласенъ лгать.

— Ну, дѣдка, отвѣтилъ священникъ, ты уже изъ ума вы-жилъ и судишь по-старинному, а нынѣшнихъ порядковъ не понимаешь. Вѣдь ложное ты будешь говорить для спасенія пса-ломщика—значить это не грѣшно.

По совѣту батюшки крестьяне дали ложное показаніе о пса-ломщикѣ и, принявъ присягу, одобрили его. Псаломщикъ лико-валъ оттого, что побѣдилъ священника, доказавъ лживость его доноса, и запилъ еще больше отъ радости.

Но бывали случаи и иезуитской хитрости среди духовенства съ цѣлью корыстной для себя и вреда для сослуживцевъ. Такъ разъ, въ Екатеринбургскую духовную консисторію, подъ видомъ ходатайства за своего собрата-начальника—явились два священ-ника, какъ бы депутатами отъ цѣлаго собранія духовенства, «Мы пришли сюда, заявили делегаты, войдя въ залъ присутствія. съ ходатайствомъ отъ всего нашего округа за оставленіе въ долж-ности увольняемаго вами нашего благочиннаго, въ виду того особенно, что некому совершенно у насъ въ округѣ изъ духовенства занять эту должность, такъ напримѣръ: такой-то священникъ штрафованный, такой-то недоучка, такой-то глупъ и плохо въ своемъ приходѣ управляется» и т. д., перечисляя всѣхъ, кромѣ себя.

Выслушавъ ходатаевъ, учрежденію оставалось сдѣлать одно изъ двухъ: или оставить прежняго благочиннаго въ должности, или этихъ делегатовъ назначить благочинными. Переменить свое рѣшеніе относительно прежняго благочиннаго учрежденіе нашло неудобнымъ и одного изъ делегатовъ—главаря назначило началь-никомъ.

Игра сыграна хорошо. Довѣрители остались въ дуракахъ, а довѣренные воспользовались глупостью довѣрителей и дѣтской наивностью власть имущихъ и получили то, чего желали.

Очень характерно отношеніе народа къ духовенству и об-ратно: духовенства къ народу. Приведу для примѣра два случая такихъ отношеній.

На ярмарку одного села привезли крестьяне муку для про-дажи. Подходить къ нимъ торговецъ, чтобы купить эту муку. Сторговались. Остается только взвѣшивать. Крестьяне требуютъ вѣшать на ихъ вѣсахъ, доказывая, что вѣсы у нихъ новые и хорошіе—правильные, а у него, торговца, неправильные—«какъ попова душа» (крестьянская поговорка).

Завязался горячій споръ изъ-за этой послѣдней фразы у крестьянъ съ торговцемъ, причемъ крестьяне доказывали, что духовнымъ отцамъ вѣрить нѣтъ никакой возможности, какъ въ обыденной жизни, такъ и въ чисто церковномъ отношеніи. Доводы крестьянъ были настолько основательны, что даже торговецъ-барышникъ согласился съ ними, и свѣсили муку на крестьянскихъ вѣсахъ.

Отношеніе же духовенства къ крестьянамъ видно изъ слѣдующаго факта. Чтобы заставить крестьянъ болѣе давать духовенству хлѣба, когда оно собираетъ его съ нихъ, разѣзжая по приходу, батюшки и весь вообще составъ духовенства придумываютъ разныя комбинаціи. Одинъ батюшка, зная, что крестьяне боятся частей человѣческаго скелета, нарочно приобрѣлъ челюсть съ зубами изъ гуттаперчи, и въ тѣхъ домахъ, гдѣ ему плохо давали хлѣба или вовсе не давали, онъ вынималъ челюсть изъ рта и клалъ ее на столъ, говоря: «вотъ вы будете отвѣчать за нее, пусть она у васъ остается». Крестьяне пугались челюсти и немедленно давали хлѣба батюшкѣ, прося его только не заводить грѣха и взять челюсть.

Многіе въ народѣ видятъ, что духовенство заботится не объ идейно-пастырскомъ служеніи своемъ, а только объ его матеріальной сторонѣ, или иначе говоря, что «церковь для духовенства только лавочка», при помощи которой оно существуетъ, а психологически-духовная сторона дѣла и идея служенія церкви и народу у него никогда и не была убѣжденіемъ и стремленіемъ.

Въ великій постъ, когда каждый христіанинъ исполняетъ свой долгъ исповѣди или говѣнія, приходилось мнѣ слышать довольно интересныя разсужденія крестьянъ. Иду однажды въ церковь. На паперти храма, въ коридорѣ и сторожкѣ сидитъ очень много крестьянскихъ 17—20-лѣтнихъ подростковъ. Спрашиваю о причинѣ ихъ пребыванія не въ церкви, а внѣ ея. «Очередь пришли вотъ мы отвести насчетъ поствованія и вотъ теперь ждемъ, когда начнется исповѣдь и отмѣтятъ насъ псаломщики», отвѣтили мнѣ эти лица, сидящія внѣ церкви, хотя въ церкви совершалось богослуженіе въ этотъ моментъ. Оказалось, что староста сельскій сдѣлалъ нарядъ по просьбѣ духовенства, чтобы всѣ шли въ церковь постовать и вотъ вслѣдствіе этого распоряженія они и пришли, чтобы исполнить свой долгъ или иначе сказать «отмѣтиться», а вовсе не исполнить эту обязанность въ идейномъ смыслѣ этого слова. Ясно такимъ образомъ, что пониманіе народомъ своихъ христіанскихъ обязанностей сведено на казенное отбываніе повинности, благодаря, конечно, всецѣло постановкѣ этого дѣла духовенствомъ. Народъ понимаетъ все прекрасно по жизни,

дѣятельности и вообще отношенію духовенства къ церкви и ея порядкамъ, и самъ такъ поступаетъ. Искреннее идейное легко вѣдь отличить отъ подложнаго, показнаго. Въ религіозномъ же отношеніи это особенно рѣзко отмѣчается. Хотя надо сказать, что духовенство, не обращая вниманія на свою виновность въ этомъ отношеніи, строго преслѣдуетъ съ чисто формальной стороны ослушниковъ церковной дисциплины, считая ихъ сектантами.

Былъ наримѣръ такой случай. Въ четвергъ страстной недѣли, когда въ церкви читаются страстныя евангелія и народъ поголовно сходится въ церковь къ этому богослуженію, священникъ разсорился съ псаломщикомъ. Когда же во время чтенія страстныхъ евангелій псаломщикъ вышелъ на средину храма, чтобы пѣть извѣстное патетическое мѣсто изъ этого богослуженія «Разбойника благоразумнаго» съ одной женщиной изъ пѣвчихъ церковнаго хора этой церкви, то священникъ, затопавъ на него ногами и закричавъ на всю церковь, приказалъ ему замолчать, а когда онъ этого не исполнилъ, то священникъ прекратилъ совершать дальше чтеніе евангелія и вообще богослуженіе, объявивъ народу, что его оскорбилъ псаломщикъ непослушаніемъ. Когда же народъ на слѣдующій день, обсуждая это происшествіе, заявлялъ недовольство на священника, то онъ сообщилъ своему начальству, что у него въ приходѣ явилось сектантство и непослушаніе ему, какъ пастырю церкви, и что псаломщикъ стоитъ на сторонѣ этихъ ослушниковъ церкви. Конечно, псаломщика немедленно начальство уволило отъ службы, а о сектантахъ поручило миссіонеру произвести слѣдствіе. Самому же батюшкѣ за успѣшное выслѣживаніе въ приходѣ настроенія паствы начальство дало награду.

Вообще сыскъ въ самомъ гнусномъ смыслѣ этого слова страшно развитъ среди духовенства, поощряемаго сверху за свой сыскъ и вылавливаніе интеллигенціи и рабочихъ на почвѣ политической и антицерковной. Весьма часто пользуется оно этимъ орудіемъ и прямо изъ мести, безъ всякой причины со стороны обвиняемыхъ имъ лицъ. Мнѣ особенно памятенъ слѣдующій случай этого сыска.

Былъ четвергъ страстной недѣли. Послѣ литургіи, во время которой была масса крестьянъ причастниковъ, священникъ одного изъ этихъ причастниковъ, попечителя, отправилъ съ доносомъ на своего сослуживца, священника же, въ охранный отдѣленіе, гдѣ этотъ попечитель долженъ былъ явиться и свидѣтелемъ. И вотъ въ то время, когда въ церквахъ того города, куда явился съ доносомъ попечитель, только что очистившій свою совѣсть,

покаяніемъ и причащенный этимъ священникомъ, звонили, призывая народъ къ вечернему богослуженію съ обрядомъ погребенія Христа, преданнаго коварно Іудой, попечитель явился за сребренниками въ охранное отдѣленіе за доносъ на священника. Картина, достойная кисти художника.

Однажды для напутствованія одной больной тифомъ молодой, красивой женщины былъ приглашенъ приходскій священникъ. Онъ былъ не трезвъ. Являсь къ больной, во время исповѣди которой изъ комнаты вышли всѣ въ другую комнату, онъ съ нетрезвыми чувствами и мыслями рѣшилъ изнасиловать ее, какъ слабо подвижную, и уже приступилъ было къ исполненію своего намѣренія. Но больная, собравъ всѣ свои силы, закричала такъ сильно, что изъ сосѣдней комнаты вышли ея родственники, и дѣло на этомъ прекратилось. Священника же, приготовившаго причастіе для больной на столѣ, вырвало прямо на всѣ его принадлежности для причастія, и больная осталась безъ причастія. Объ этомъ было сообщено архіерею, но при содѣйствіи благочиннаго все дѣло было сглажено и священника сочли только больнымъ отъ угара.

Это было въ нетрезвости, но приходилось намъ быть свидѣтелями и трезвыхъ, но неудобныхъ поступковъ духовныхъ особъ. Было это въ Омскѣ, и по дѣлу этому была даже синодская ревизія. Здѣсь обвинялся одинъ протоіерей и вполне было доказано, что онъ, какъ законоучитель женской гимназіи, очень любилъ нѣкоторыхъ ученицъ старшихъ классовъ и находился съ ними въ особой перепискѣ, которую перехватили и передали въ Синодъ. Но этого мало. Этотъ отецъ духовный и законоучитель водилъ во время богослуженія подъ соборъ своихъ ученицъ и послѣ совершения полового акта съ ними возвращался въ соборъ.

О частной жизни говорить не будемъ. Всѣ, какъ люди, могутъ согрѣшать, конечно, и руководители людей, но служебная сторона во грѣхѣ этихъ людей ужасно дѣйствуетъ на паству, особенно простонародную. Крестьяне мнѣ однажды рассказывали, съ страшнымъ негодованіемъ, о томъ, какъ ихъ священникъ во время пасхальныхъ молебствій въ ихъ домахъ настолько былъ нетрезвъ, что, войдя въ домъ крестьянина въ полномъ облаченіи и начавъ молебенъ, ложился тутъ же на кровать въ полномъ облаченіи и ужасно во время сна храпѣлъ, а псаломщикъ одинъ служилъ молебенъ. Крестьяне же только вздыхали, говоря: «согрѣшили мы, грѣшные, и Богъ наказываетъ насъ за это, и помолиться съ нами некому стало Богу-то». Конечно, напрасно платили они и деньги за службу эту и страшно роптали, ибо она была не настоящая—безъ участія пастыря. Къ концу дня

напивался и псаломщикъ, глядя на своего пастыря, и такъ служили вмѣстѣ въ нетрезвомъ видѣ.

Одинъ богатый купецъ, почтенныхъ лѣтъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ, будучи необычайно религіознымъ, былъ выбранъ церковнымъ старостой въ соборъ, прослуживъ въ этой должности шесть лѣтъ и близко наглядѣвшись на все, что совершается въ средѣ духовенства, сдѣлался совершенно нецерковнымъ человекомъ и страшно сожалѣлъ объ этой потерянной имъ церковности и вѣрѣ.

У одного богатаго сельскаго обывателя-крестьянина, церковнаго старосты, была свадьба. Онъ женилъ своего единственнаго сына и устраивалъ это торжество такъ, чтобы было лучше всѣхъ. Духовенство постаралось ему угодить въ особенности тѣмъ, что изъ церкви, послѣ вѣнчанія его сына, проводило въ вѣнцахъ до самаго ихъ мѣстожителства. Послѣ обильнаго угощенія здѣсь утромъ духовныя лица оказались спящими у стола угощенія на полу и съ надѣтыми на нихъ вѣнцами, бывшими накануне на новобрачныхъ. Конечно, смѣху и удовольствію отъ этого не было и конца среди свадебныхъ гостей.

Отношеніе духовенства къ прогрессивному просвѣщенію народа крайне враждебное. Открытіе земствами народныхъ домовъ, театровъ, кинематографовъ, народныхъ библиотекъ вызываетъ среди духовенства самый отчаянный отпоръ и агитацію, что видно не только практически на мѣстахъ, но и въ періодической духовной печати (Епархіальныя, Церковныя и другія вѣдомости и изданія духовнаго вѣдомства). Приведу здѣсь наглядный примѣръ къ этому. Въ Каменскомъ заводѣ открыла нѣкто Данилова маленькую книжную лавочку, и что же? Священникъ съ каедры церковной обратился къ народу съ призывомъ не покупать книжекъ въ этой лавкѣ, ибо въ церкви имѣются для продажи евангеліе и поминальники съ большими и хорошими статьями для чтенія. а если кто купитъ въ этой лавкѣ книжку, то долженъ для просмотра принести къ нему, въ противномъ случаѣ, онъ при первой возможности эти книжки будетъ отбирать.

Само духовенство не читаетъ почти совершенно ничего, за исключеніемъ развѣ «Колокола», «Земщины» или «Нивы» и своихъ «Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей». Газету прогрессивную, а равно и журналъ такой же оно страшится и въ руки взять, какъ очумляющее зелье какое. Поэтому среди духовенства такъ рѣдко можно встрѣтить свѣжія и здравыя мысли по поводу какихъ-либо общественныхъ, міровыхъ и культурныхъ задачъ жизни и дѣятельности каждаго человѣка и всего человѣчества.

Упадокъ церковности и развалъ церковной жизни среди духо-

венства послѣдняго времени въ особенности достигаетъ крайнихъ предѣловъ, начиная съ верху и кончая низами этого сословія. Ни на что и никто изъ нихъ не обращаетъ вниманія въ этомъ направленіи. «Слѣпой ведетъ слѣпца, и оба, конечно, скоро падутъ въ яму». Поэтому стремленіе молодежи этого сословія къ поступленію въ высшія учебныя заведенія приходится только привѣтствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Интересны чисто съ бытовой стороны, какъ мнѣ пришлось видѣть, архіерейскія ревизіи приходовъ епархій, на которыхъ расходуются громадныя казенныя деньги. Архіереи, обозрѣвающие приходы епархій, смотрятъ главнымъ образомъ на внѣшность въ приходахъ: украшеніе и прочность храмовъ, исправность документовъ церковныхъ, и только, а нравственное состояніе паствы и ея настроенія имъ неизвѣстны и ими они не интересуются. Правда, духовенство въ печатныхъ рапортахъ сообщаетъ при встрѣчѣ архіереевъ, что у нихъ все обстоитъ благополучно и старается выхвалить себя, чтобы получить награду, а архіереи всячески, при помощи подставныхъ лицъ и друзей, обмануть. Всюду идетъ книжнически-фарисейская работа. Слова правды, если гдѣ нѣтъ, такъ именно нѣтъ совершенно въ духовномъ вѣдомствѣ. Не знаю, какое впечатлѣніе получается у архіерея отъ такихъ обозрѣній всѣхъ церквей епархій за каждое лѣто, но если со стороны проанализировать, то итогъ этотъ можно выразить не иначе, какъ только напрасная трата казенныхъ денегъ и прогулка архіерея для разнообразія жизни по епархіи. Знаетъ все это и само духовенство и никогда не беспокоится за свои дѣла, а только жалѣетъ свой карманъ, которому дѣйствительно достается нелегко отъ этой ревизіи въ виду большихъ подарковъ сопровождающимъ архіерея лицамъ, а равно и затратъ на покупку яствъ и питій, хотя это послѣднее большею частью дѣлается на церковныя деньги.

Приходилось мнѣ видать и то: какъ духовенство проявляетъ необычайную находчивость при разныхъ случаяхъ церковно-общественной жизни. Такъ священникъ с. Кабановскаго, Пермской губ., отпраздновалъ довольно оригинально юбилей девяти-сотлѣтія крещенія Руси. По его распоряженію во всемъ его приходѣ цѣлый мѣсяцъ никто не являлся крестить ребенка, за исключеніемъ самыхъ экстренныхъ случаевъ. Всѣхъ новорожденныхъ рѣшено было крестить въ день юбилея и называть не иначе, какъ Владимірами и Ольгами. И вотъ ко дню юбилея такихъ новорожденныхъ накопилось тридцать семь человѣкъ. Рѣшено было ихъ крестить въ озерѣ, стоящемъ отъ села въ одной верстѣ. Озеро это имѣло въ окружности пять верстъ. Послѣ литургіи,

крестный ходъ въ сопровожденіи всѣхъ прихожанъ изъ храма направился къ этому озеру, куда и понесли всѣхъ новорожденныхъ, чтобы ихъ тамъ крестить. Послѣ освященія воды въ озерѣ, онъ окрестилъ въ немъ, въ память крещенія Руси, всѣхъ принесенныхъ новорожденныхъ младенцевъ, назвавъ мальчиковъ Владимірами, а дѣвочекъ Ольгами. Послѣ крещенія по уставу церкви около купели крещенія полагается священнику обходить три раза кругомъ съ крещеными и восприемниками. И вотъ въ силу этого правила священникъ и обходилъ три раза кругомъ озера съ новорожденными. Пространство обхожденія за три раза равнялось пятнадцати верстамъ. Очень было трудно нѣкоторымъ изъ восприемниковъ исполнить это правило, и даже не обошлось безъ курьеза. Одна изъ восприемницъ отъ переутомленія разрѣшилась отъ бремени въ кустахъ около озера. Всѣхъ, крещеныхъ въ озерѣ и сейчасъ въ приходѣ зовутъ озерными, а о самомъ событіи этого крещенія рассказываютъ всѣмъ сосѣднимъ прихожанамъ съ особымъ удовольствіемъ, какъ объ историческомъ событіи и, вѣроятно, будутъ рассказывать навсегда изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Къ образованію народа при помощи школъ духовенство относится совершенно индифферентно и только нѣкоторые изъ духовенства, болѣе падкіе на награды, открываютъ церковныя школы въ своихъ приходахъ и къ нимъ относятся внимательно, а остальные, если и открываютъ для формы школы, то именно только для формы на бумагѣ. Большинство духовныхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, даже и Законъ Божій небрежно преподають и неаккуратно посѣщаютъ школу для этой цѣли. Темнота народная выгоднѣе и удобнѣе для духовенства, чѣмъ просвѣщеніе и свѣтъ.

Не забыть мнѣ еще очень интересное явленіе среди духовенства—это всеобщее стараніе какимъ бы то ни было путемъ обойти свое начальство и достигнуть какимъ-либо образомъ матеріальныхъ выгодъ. Такъ, во время освободительнаго движенія 1905—1906 гг., когда принадлежность къ союзу русскаго народа цѣнилась особенно дорого и архіереи были особенно милостивы къ тѣмъ, кто былъ въ этомъ союзѣ, многіе нарочито, чтобы получить что-либо отъ архіерея, покупали союзные значки, приколовъ ихъ на грудь, приходили къ архіерею и получали, что нужно имъ было; а потомъ значки эти бросали и со смѣхомъ рассказывали всѣмъ, какъ они обошли архіерея.

Низшій составъ духовенства—псаломщики—это убогіе умственно люди, ничего добраго не могушіе сдѣлать для народа. Ничего не дала имъ специальная ихъ школа, не дали ничего имъ и ихъ руководители и начальники.

В. Александровскій.

Къ матеріаламъ объ изданіи сочиненій А. И. Герцена.

Въ № 1 «Голоса Минувшаго» за текущій годъ напечатанъ любопытный документъ изъ прошлаго нашей цензуры,—это докладъ Смарагда Игнатьевича Коссовича о сочиненіяхъ Герцена. Но Б. Ѳедоровъ, сообщившій редакціи этотъ документъ, видимо, не зналъ его закулисной исторіи, а она тоже не лишена извѣстнаго интереса; потому и позволяю себѣ нѣкоторыя разъясненія въ этомъ направленіи.

Я познакомился съ А. А. Герценомъ въ половинѣ 80-хъ годовъ и всегда съ нимъ видался, когда доводилось бывать въ Швейцаріи, особенно часто въ концѣ 90 и началѣ 91 г.г., когда я прожилъ въ Лозаннѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ сталъ нерѣдко жаловаться на свои матеріальныя затрудненія: имѣя большую семью, ему приходилось, какъ онъ говорилъ, постоянно затрачивать капиталъ, притомъ ставшій по разнымъ обстоятельствамъ весьма скромнымъ. Какъ то разъ онъ спросилъ меня,—нельзя ли попытаться переиздать тѣ сочиненія его отца, которыя въ свое время были дозволены въ Россіи, хотя бы только беллетристическія. Я охотно отозвался и сказалъ, что готовъ принять на себя хлопоты.—Но я не имѣю возможности тратить на изданіе свои средства.—Я и въ этомъ отношеніи могу посодѣйствовать вамъ. Отнюдь не желая наживаться на этомъ дѣлѣ, предлагаю вамъ слѣдующее: печатаю и вообще несу всѣ расходы за свой счетъ; когда изданіе будетъ готово, оно останется у меня на комиссіи изъ такого то процента (помнится, не свѣше 40%). Александръ Александровичъ, не колеблясь, пошелъ на мое предложеніе и выдалъ мнѣ довѣрительное письмо, замѣнявшее условіе.

Вернувшись въ Петербургъ, я первымъ дѣломъ повидался съ С. И. Коссовичемъ; онъ тогда былъ еще только цензоромъ, а предсѣдателемъ Комитета состоялъ Кожуховъ, типичный чиновникъ, притомъ совсѣмъ необразованный. Съ Коссовичемъ были у меня и ранѣе нѣкоторыя отношенія. Насчетъ изданія Герцена

онъ сказалъ, что отчего не попытаться, хотя и потребуетъ высочайшее разрѣшеніе; только нужно дѣло обставить умѣло. Встрѣчаясь у Леон. Ник. Майкова съ его братомъ Апелл. Ник., членомъ Совѣта главн. управленія, я и его позондировалъ. Ап. Ник. отвѣчалъ:—«по моему давно бы слѣдовало разрѣшить изданіе Герцена, и особенно «Съ того берега».

И вотъ въ одинъ прекрасный день я направился къ Θεоктистову. Далъ ему прочитатъ довѣрительное письмо Алек. Алек. и при этомъ сказалъ:—вы видите, что тутъ о какой-нибудь спекуляціи съ моей стороны и рѣчи быть не можетъ, вѣдь я самъ буду давать книгопродавцамъ обычные 30% уступки, а изъ остальныхъ долженъ покрывать кладовую, страховку, публикацію и разные непредвидѣнные расходы. Я просто желаю помочь Алек. Алек., который при большемъ семействѣ и очень скромномъ профессорскомъ жалованьи, да еще на положеніи экстраординарнаго профессора, т.-е. профессора нисколько не гарантированнаго, что по окончаніи года его не замѣнятъ другимъ, испытываетъ матеріальныя затрудненія. Θεоктистовъ полюбопытствовалъ узнать, какъ велика семья Алек. Алекс.

— Столько то сыновей и дочерей, кромѣ одного сына отъ перваго брака, всѣ на его попеченіи.—Да, очень большая семья, участливо отозвался Θεоктистовъ.

Я началъ разговоръ о разрѣшеніи того, что было напечатано въ Россіи. Къ моему большому сюрпризу Θεоктистовъ самъ пошелъ дальше.

— Можно было бы кое-что прибавить изъ «Былого и Думъ», въ нихъ есть цѣнный историческій матеріалъ.

Бесѣда кончилась на томъ, что Θεоктистовъ предложилъ мнѣ подать прошеніе, что я конечно и не замедлилъ сдѣлать. Такъ какъ дѣло пошло объ изданіи и части тѣхъ сочиненій, которыя выходили только за границей, то мнѣ было разрѣшено получить полное заграничное изданіе для представленія въ цензуру

Въ Комитетѣ предварительное цензурованіе сочиненій Герцена было возложено на Коссовича, который пользовался большимъ авторитетомъ у Θεоктистова. Заранѣе предувѣдомленный, захожу къ Коссовичу, чтобы узнать, какъ прошло дѣло въ Комитетѣ. Жилъ Коссовичъ очень скромно, хотя семья была и небольшая; ради экономіи даже самъ мастерилъ себѣ какія-то лекарства, которыми постоянно пользовался. Когда въ началѣ разговоровъ о Герценѣ я сдѣлалъ осторожный намекъ, что труды его не останутся безъ вознагражденія, онъ отвѣтилъ:—Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ дадите переводную работу, ни о чемъ другомъ и рѣчи быть не можетъ. И я далъ ему крупную работу,—

переводъ Исторіи Испаніи (Мюллера), да потомъ «Памфлеты» П. Л. Курье и, кажется, еще что-то. ¹⁾

— Мой докладъ прошелъ въ Комитетѣ, и заключеніе Комитета благопріятное для разрѣшенія изданія Герцена—на-дняхъ направится къ Θεоктистову. Хотите выслушать мой докладъ?—«И даже очень».—Вы только не смущайтесь,—въ интересахъ дѣла я умышленно не пощадила Герцена, постарался выставить его въ самомъ неказистомъ видѣ, вѣдь отъ того покойнику хуже не будетъ.

Вотъ этотъ-то докладъ отъ 13 августа 1893 г. и сообщенъ Б. Θεодоровымъ. При чтеніи его я не разъ надрывался отъ хохота, а когда Коссовичъ кончилъ, то не утерпѣлъ, чтобы не спросить:—Но скажите, пожалуйста, за кого же вы считаете членовъ Комитета, что они могли вамъ повѣрить?—«Вы не знаете нашего Комитета, у насъ чѣмъ глупѣе и несообразнѣе докладъ, тѣмъ легче проходить».

Изъ цензурнаго Комитета дѣло вернулось къ Θεоктистову. Тотъ внесъ его на обсужденіе Совѣта главнаго управленія; въ засѣданіе былъ приглашенъ и Коссовичъ. Вотъ какъ онъ передалъ мнѣ о самомъ засѣданіи.—Началось оно съ того, что Θεоктистовъ разсказалъ пикантный анекдотъ (до нихъ онъ былъ большой охотникъ), какъ-то разъ три француза сошлись передъ статуей Венеры Милосской.—Да она безъ рукъ, сказалъ первый.—Значить, не можетъ работать, отозвался второй.—Скажите лучше, поправилъ третій, она не можетъ сопротивляться.

Разъ, что Θεоктистовъ высказался за разрѣшеніе, въ Совѣтѣ никто противъ этого особенно не возражалъ. Майковъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ число дозволенныхъ попали и «Съ того берега», но его слова прошли совершенно незамѣченными. Я. П. Полонскій молчалъ, хотя я и рассчитывалъ на его активную поддержку.

Когда спустя нѣсколько дней я заявился къ Θεоктистову, онъ очень любезно принялъ меня.—Дѣло можно считать конченнымъ, въ такой то день я сдѣлалъ докладъ министру. Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о выполненіи лишь простой формальности.

Захожу въ Главное Управленіе послѣ того, какъ долженъ былъ состояться докладъ министру, П. Н. Дурново. Θεоктистовъ, увидя меня, объяснилъ, что доклада не было, такъ какъ министръ былъ очень занятъ; слѣдующій докладъ будетъ въ такой-то день.

¹⁾ Черезъ меня Н. К. Михайловскій тоже пробовалъ дать переводъ Коссовичу, но довольно неудачно; книжку Мори, помнится о происхожденіи религіи, она оказалась запрещенною къ обращенію въ Россіи.

Еще проходить нѣкоторое время, опять иду къ Θεоктистову. На этотъ разъ онъ не принялъ меня въ Кабинетъ (залъ засѣданій Совѣта), а вышелъ въ пріемную и, не подавая руки, не давши мнѣ даже рта открыть, строгимъ тономъ проговорилъ:

— Вы хлопчете за А. А. Герцена, ссылаясь на его матеріальное положеніе. Но какое же онъ имѣетъ право хотъ на малѣйшее благожелательное отношеніе со стороны русскаго правительства, когда открыто принадлежитъ къ социалистической партіи и еще недавно выпустилъ крайне рѣзкую брошюру въ этомъ направленіи?

И съ этими словами Θεоктистовъ отошелъ отъ меня.

Я сейчасъ же написалъ Алекс. Алекс. и отъ него получилъ отвѣтъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ социалистической партіи и никакой политической брошюры въ послѣднее время не выпускалъ, такъ какъ всецѣло занятъ своей научной спеціальностью.

Я считалъ бесполезнымъ съ этимъ письмомъ заявляться къ Θεоктистову, а направился къ Леон. Ник. Майкову, который, какъ я зналъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Θεоктистовымъ. Леон. Ник. взялся повидаться съ Θεоктистовымъ и показать ему письмо Алек. Алек., и вообще овсѣдомиться о неожиданномъ поворотѣ дѣла. И вотъ что потомъ мнѣ передалъ: Θεоктистовъ продолжалъ стоять на своемъ, что Герценъ выпустилъ какую-то брошюру, даже обѣщалъ послать Майкову, подтверждающую справку, чего, впрочемъ, никогда не сдѣлалъ. Все же Θεоктистовъ проговорился о главномъ, что рѣшило судьбу дѣла. При его докладѣ министру тотъ отвѣтилъ:—мнѣ будетъ крайне непріятно утруждать государя такимъ дѣломъ.

Послѣ этого Θεоктистову ничего не оставалось, какъ взять свой докладъ обратно, а чтобы замаскировать передо мной свою неудачу, сочинилъ исторію о социализмѣ и брошюрѣ Герцена. Такъ это мое дѣло и провалилось. Вотъ тогда то и выступилъ Ф. Θ. Павленковъ. Разсчитывая на свои связи въ цензурѣ, онъ, помнится, осенью 1894 г. заключилъ условія съ Алекс. Алекс., причемъ за право изданія обязался заплатить 20 т. руб. въ точно опредѣленные сроки и даже выдалъ немедленно крупную сумму. Но Θεоктистовъ не выносилъ даже имени Павленкова, объ его издательствѣ не иначе выражался, какъ «Павленковская кухня»; а потому, при немъ Фл. Θед. удалось не болѣе чѣмъ мнѣ. Когда въ 1896 г. Θεоктистова смѣнилъ М. П. Соловьевъ, ставленникъ Побѣдоносцева, объ изданіи Герцена и заикаться было нельзя. Давленіе Побѣдоносцева было такъ сильно, что временами самъ Соловьевъ тяготился имъ. Вліяніе Побѣдоносцева сказывалось

и при Θεоктистовѣ. Одно время я задумалъ изданіе «Похвалы Глупости» Эразма съ рисунками Гольбейна, но при условіи неприкосновенности текста отъ цензурныхъ сокращеній. Θεоктистовъ былъ не противъ, но потомъ мнѣ заявилъ: — я видѣлся съ К. П. по поводу «Похвалы Глупости», — онъ не согласился. Это говорилъ мнѣ покойный Н. М. Соколовъ, получившій цензорство при Соловьевѣ и пользовавшійся его личнымъ расположеніемъ.

Дѣло объ изданіи Герцена всплыло при Сипягинѣ, когда мѣсто Соловьева занялъ кн. Шаховской. По его докладу министру состоялось ближайшее разрѣшеніе въ 1900 г., Шаховской самъ взялся цензурировать Герцена, для чего и просилъ меня дать ему полное собраніе сочиненій Герцена. На немъ и до сихъ поръ сохраняются карандашныя отмѣтки Шаховского.

Приведенныя въ концѣ доклада Коссовича нѣкоторыя ограниченія относительно распоряженія сочиненій Герцена были имъ заранѣе сообщены мнѣ. Кромѣ запрещенія имѣть ихъ въ частныхъ публичныхъ библіотекахъ всѣ другіе пункты были приняты мною безъ возраженія, такъ какъ они не шли вразрѣзъ съ моими издательскими приѣмами. А что касается до послѣдняго пункта, то вотъ что говорилъ Коссовичъ. — Это будетъ сдѣлано и помимо моего доклада; между тѣмъ упоминаніе о немъ въ докладѣ даетъ мнѣ потомъ возможность свободнѣе пропускать сомнительныя мѣста, — вѣдь цензурованіе несомнѣнно будетъ поручено мнѣ.

Когда родился журналъ «Начало» Коссовичъ, зная, что я, хотя и не принимаю въ немъ никакого участія, нахожусь, однако, въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ съ главными руководителями журнала, не разъ черезъ меня дѣлалъ предостереженія: — въ составѣ редакціи, или въ очень близкомъ отношеніи къ ней, есть лица изъ совершенно противоположнаго лагеря; цензура заблаговременно получаетъ авторитетныя предувѣдомленія не только о томъ, что предполагается къ напечатанію въ журналѣ, но даже о разговорахъ на редакціонныхъ совѣщаніяхъ.

Не называя источника, я не разъ предупреждалъ П. Б. Струве.

Журналъ, помнится, послѣ четвертой книжки былъ запрещенъ, и только тогда обнаружилось, изъ какого своеобразнаго источника поступали деньги на его изданіе...

А. Паителевъ.

ВОЙНА и ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Въ штабѣ дивизіи ¹⁾.

13 сентября 1914 года, днемъ, я выѣхалъ изъ штаба арміи къ мѣсту новаго служенія въ Меречь. Генералъ Леонтовичъ предложилъ быть у него ординарцемъ. Въ этомъ званіи я и отбылъ все время нахожденія на войнѣ. Вчѣра узналъ, что II-я и X-я арміи переходятъ въ наступленіе. По дорогѣ сюда слышалъ канонаду, да она и посейчасъ не прекращается; только ночью былъ перерывъ. По донесеніямъ развѣдки, по ту сторону Нѣмана нѣмцы сосредоточили четыре корпуса и у Друсkenикъ упорно приготавливаются къ переправѣ.

Слышалъ сегодня рассказы участниковъ о наступленіи въ Восточную Пруссію. Сколько отваги, подвижности и лихости въ нашей конницѣ. Впечатлѣніе такое, что гуляли по Пруссіи, какъ дома, дѣлая все, что хотѣлось. Отрядъ прошелъ очень далеко. Дѣйствовали безъ усталости, но зато и жили хорошо. Ночевали, хотя кругомъ былъ противникъ, спокойно въ великолѣпнѣйшихъ усадьбахъ, нерѣдко замкахъ; пили, ѣли вдоволь; кони втянулись и, благодаря хорошему корму, работали отлично, а настроеніе... о немъ говорить нечего. Одинъ лозунгъ «впередъ», а къ тому же смѣна впечатлѣній, явные результаты работы, наконецъ, волненіе отъ постоянного риска—развивали инстинкты истыхъ охотниковъ. Словомъ, иного, какъ живѣйшаго интереса къ прошлому—ничего не приводилось слышать. Даже спокойные люди, скептики, и тѣ воодушевлялись...

Между прочимъ, зашли разговоры объ отдѣльных личностяхъ въ отрядѣ, знаменитыхъ тѣмъ или инымъ. Въ первую голову похвалились тѣмъ, что въ числѣ штабъ-офицеровъ въ одномъ изъ полковъ состоитъ подполковникъ К.—герой Эйдткунена. 28 іюля онъ, имѣя отрядъ въ составѣ: полутора баталіона пѣхоты (кажется, Волжскаго полка), съ двумя орудіями и эскадрономъ кавалеріи съ пулеметами, отстоялъ Эйдткуненъ, который атаковала крупная нѣмецкая часть (чуть ли не дивизія), причемъ, безъ

¹⁾ Первая часть воспоминаній П. А. Аккермана «Мѣсяць въ штабѣ арміи» помѣщена въ № 9—10 «Гол. Минув.» за 1917 г.

всѣхъ къ тому спеціальныхъ техническихъ приспособленій. укрѣпилъ названный городъ такъ, что его, въ шутку, сравнивали съ Тотлебеномъ при оборонѣ Севастополя. Особенно отмѣчали, наряду съ распорядительностью, изумительное, при самой тяжелой обстановкѣ, хладнокровіе этого офицера. Смѣялись, что въ самый разгаръ боя, выслушивая донесенія о неожиданномъ артиллерійскомъ огнѣ противника, онъ, крайне спокойно, начиналъ разспрашивать (какъ уроженецъ Кавказа, онъ не совсѣмъ свободно владѣлъ русскимъ языкомъ). «Вы говорите, стрѣляетъ: зачѣмъ же «она» (т.-е. нѣмцы) стрѣляетъ». И это все дѣлалось такъ, какъ будто кругомъ не летѣли пули, и не рвались снаряды. И бесѣдовала компанія, гдѣ-нибудь мирно завтракая.

Позднимъ вечеромъ выяснилось, совершенно притомъ определенно, что завтра выступимъ не утромъ, а днемъ. Утромъ же произойдетъ церемонія раздачи георгіевскихъ крестовъ и медалей—конно-саперамъ (дивизіонной командѣ) и казакамъ конвоя.

Переночевавъ, во второмъ, приблизительно, часу дня 21-го сентября мы двинулись на Сувалки. Всѣ были довольны, въ виду обѣщанія дневки, а вѣдь въ предшествующіе дни было тяжело: устали и люди и лошади! Пришли въ 4 часа дня, причемъ штабъ занялъ великолѣпнѣйшее помѣщеніе собранія стрѣлковой бригады. Внутри, однако, зданіе произвело очень скверное впечатлѣніе. Нѣмцы, отброшенные генераломъ М., корпусъ котораго занялъ Сувалки, отошли быстро. Все осталось послѣ нихъ припоровленнымъ къ жилью. Стоялъ, вѣроятно, штабъ и крупный. Загадили они помѣщеніе до чрезвычайности. Не говоря объ ужасающемъ состояніи уборныхъ, и въ другія комнаты нельзя было войти: столько въ нихъ было натопанной грязи, окурковъ сигаръ и папиросъ, обрывковъ бумаги, соломы, приспособленной для спанья, всякаго сору и проч. Нижніе чины штаба дѣятельно занялись чисткой, а офицеры отправились внизъ, гдѣ принялись за разборку огромнаго количества мѣшковъ съ корреспонденціей, газетами и, главное—посылками, брошенными непріателемъ при видимо весьма спѣшномъ отступленіи. Чего, чего тутъ только ни было: и теплыя вещи, причемъ самыя разнообразныя: на многихъ лежалъ явный отпечатокъ любви и заботы, съ которыми онѣ шились и вязались, печенья, писчебумажныя принадлежности, зажигательницы, фонари, порціонныя фляжки съ коньякомъ и ромомъ (правда, такимъ, который можно было пить только по военному времени), шоколадъ, колбасы, разумѣется, сухія;

наконецъ, въ обиліи папирсы, а о сигарахъ и говорить нечего. Въ мѣшкахъ съ почтой была обнаружена масса газетъ, просмотръ которыхъ не далъ, впрочемъ, ничего интереснаго, писемъ и открытокъ, по большей части, съ карриатурами на насъ и нашихъ союзниковъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ позабিরали себѣ на память значительное количество открытокъ. Настроеніе у всѣхъ было прекрасное. Только и ждали, какъ бы пообѣдать, да лечь, въ болѣе или менѣе удобной обстановкѣ,—наконецъ, выпастся. Помѣщеніе вычистили, кос-какъ освѣтили; разставили—кто походныя койки, кто откуда-то добытыя кровати; затопили всѣ печи и даже два камина, въ мирное время, вѣроятно, уютно горѣвшіе въ гостиныхъ собранія, и стали блаженствовать въ ожиданіи обѣда. Наконецъ, чуть ли не въ 8 вечера, позвали обѣдать. Обѣщаніе завѣдующаго собранія С. удивить насъ тонкостью кухни и обиліемъ яствъ и напитковъ оказалось не пустымъ звукомъ. Была какая-то особенная водка, всякія закуски, даже кофе и фрукты. За столомъ царило оживленное веселье и непринужденное вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ ни начальника отряда ни начальника штаба не было. Впервые, за пять дней, вполнѣ насытившись, всѣ чувствовали себя превосходно и благодушно разрабатывались вопросы о томъ, какъ наверху тепло, уютно и какъ хорошо будетъ вволю поспать. Не тутъ-то было! Во время кофе, вдругъ вошелъ въ столовую начальникъ штаба. Первымъ вопросомъ его было: «Ну что, господа, устроились?», на что онъ получилъ общій радостный, утвердительный отвѣтъ. «Что жъ натопили, небось, уютно у васъ наверху?», продолжалъ онъ спрашивать и послѣ такого же отвѣта, какъ и первый, заявилъ, вдругъ: «Напрасно все это, лучше складывайте вещи и собирайтесь понемногу. Я приказалъ въ отрядѣ черезъ часъ сѣдлать и выходить на сборный пунктъ, а тамъ часика черезъ два и тронемся!» Трудно передать, какое впечатлѣніе произвела на насъ всѣхъ услышанная новость. Мы-то готовились отдохнуть, устраивались, нарочно (положимъ,—въ виду грязи въ домѣ,—трудно бы было) днемъ не спали, и вдругъ:—итти походомъ, Богъ вѣсть куда, можетъ всю ночь, усталымъ, въ омерзительнѣйшую погоду. Шелъ дождь, при пронизывающемъ холодномъ вѣтрѣ. Общее веселье смѣнилось крайнимъ уныніемъ. Сборный пунктъ былъ указанъ за городомъ. Въ полной тьмѣ стали собираться полки, загромыхала артиллерія; наконецъ, двинулся штабъ. Пока собирались, прошло достаточно времени. Выступили, окончательно, въ 11 ч. 30 м. ночи.

Скверныя воспоминанія остались у меня объ этой ночи! Шли мы до разсвѣта, безостановочно, положительно изнемогая отъ

усталости и желанія спать. Въ четыре часа утра только достигли мѣста назначенія. Остановились въ какой-то бѣднѣйшей, заброшенной деревушкѣ. Забрались въ хатку и кто, какъ могъ, примостившись, немедленно заснули. Мнѣ не спалось совершенно; должно быть отъ переутомленія. Помѣщеніе, въ которомъ расположился штабъ, было передъ тѣмъ занято штабомъ одного изъ казачьихъ полковъ, входившихъ въ составъ корпуса генерала М. Мы застали полкъ мирно спавшимъ. Въ избѣ храпѣло на всѣ лады нѣсколько офицеровъ во главѣ съ командиромъ полка...

Было и холодно, и голодно. Обозъ остался; мы вышли налегкѣ, почему ѣсть, кромѣ кормовой рѣпы, которой и пришлось питаться, вырывая ее тутъ на полѣ,—было рѣшительно нечего. До пяти часовъ дня длилась утомительная стоянка на мѣстѣ. Затѣмъ конница двинулась въ направленіи на шоссе Олита-Сувалки-Кальварія. Мы вышли изъ временнаго и крайне непріятнаго подчиненія генералу М. Время до 1-го октября прошло въ постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, при условіяхъ ближайшаго соприкосновенія съ противникомъ. Недосыпаніе, недѣланіе и ощущенія крайней усталости—вотъ тѣ воспоминанія, которыя остались у меня объ этомъ періодѣ.

18 октября наша дивизія совершила вторичный переходъ черезъ границу. Шли весело, подъ вліяніемъ большого воодушевленія. Въ 10 ч. 35 м. утра штабъ прошелъ мимо пограничнаго столба. Начальникъ конвоя приказалъ этотъ столбъ вырыть, при чемъ было рѣшено возить его за собой и водружать, по мѣрѣ углубленія въ В. Пруссію, на каждой изъ стоянокъ. Всѣ чувствовали, что, какъ только вступимъ на враждебную почву, придется тяжело: на каждомъ шагѣ будутъ насъ ждать сюрпризы; будетъ оказываться самое ожесточенное сопротивленіе, многіе поплатятся здоровьемъ, быть можетъ и жизнью, и тѣмъ не менѣе, всѣмъ было радостно на душѣ.—Мѣстность въ районѣ, куда мы вступили, была очень красива: вблизи начиналась знаменитая Роминтенская пуща, одно изъ излюбленныхъ мѣстъ охоты Вильгельма. Огромные лѣса, чудныя дороги; слѣды (теперь только слѣды) благосостоянія и сытой, съ достаткомъ, жизни населенія. Слѣды потому, что, на этотъ разъ, жителей не встрѣчалось: дома у дороги зіяли отверстиями совершенно выбитыхъ оконъ; всякій домашній скрабъ валялся во дворахъ; словомъ, все видимое, въ смыслѣ человѣческаго жилья, представляло картину разрушенія. Кое-гдѣ, развѣ увидишь сидящую стаю голубей, пробѣжить полудохлая собака или «драная» (въ полномъ смыслѣ этого слова) кошка. Совсѣмъ рѣдкость, если покажется у какого-либо абсолютно потерявшаго видъ жилого домика—древній старикъ или согнутая въ дугу

старушонка. Но это, повторяю, бывало совершенно исключительнымъ явленіемъ. Въ первый же день привелось выдерживать серьезный бой, въ которомъ авангардъ-драгуны понесли большія потери.

Въ общемъ чувствовалось, что наступило серьезное время. Населеніе, видимо, почти отсутствовало. Кромѣ двухъ старухъ, я не видѣлъ, по крайней мѣрѣ, никого. На почти поголовное бѣгство жителей подальше, вглубь, оказало, по-моему, дѣйствіе, — отношеніе къ нимъ, особенно, конницы. Время церемоній прошло и, въ случаяхъ хотя бы самыхъ поверхностныхъ подозрѣній, съ жителями расправлялись коротко и жестоко. Что дѣлать на то война! Вѣдь и тутъ, уже чуть ли не съ мѣста, приходилось сплошь страдать отъ вѣроломства жителей. Помню такой случай — (ихъ было вообще множество): ѣдетъ разъѣздъ, видитъ на полѣ близъ лѣса трехъ бабъ. При появленіи солдатъ женщины бросаются бѣжать. Наши за ними до опушки лѣса; бабы въ лѣсъ, а изъ лѣса по разъѣзду залпъ. Хорошо такъ случилось, что потери не понесли. Потомъ, изъ рассказовъ жителей-поляковъ, выяснилось, что это устраивалось нарочно. Бабы служили, чтобъ наводить разъѣзды на засады. То же съ указаніемъ дороги: постоянно бывало, что укажутъ дорогу какому-нибудь простаку не къ цѣли, а подъ разстрѣлъ. Кстати, на этотъ разъ, нѣмцы спохватились. Указки на дорогахъ или оказались разломанными совершенно, или надписи на столбахъ стертыми и замазанными. Зато, повторяю, расправлялись съ населеніемъ безъ пощады.

24-го октября мы двинулись на Теръ-Буде — охотничій замокъ Вильгельма. Пошли лѣсомъ, но какимъ. Было замѣтно на каждомъ шагу, что это любимое мѣстопребываніе кайзера, какъ охотника. На всѣхъ путяхъ, включая почти незамѣтныя тропинки, лежалъ отпечатокъ работы и заботы; по сторонамъ попадались загонны для крупнаго звѣря, проходили мы мимо полянъ, сплошь изрытыхъ кабанами, любовались чудными видами, осматривали съ любопытствомъ особыя бойницы, устроенныя для стрѣльбы по звѣрю, вѣроятно, — я не специалистъ — на охотахъ съ гончими; дышали вдоволь дивнымъ воздухомъ. Днемъ подошли къ замку. Весьма кратковременное пребываніе здѣсь лишило меня полноты впечатлѣній, и я бы затруднился описать все мѣстоположеніе въ подробностяхъ. Помнится масса построекъ, въ родѣ цѣлаго поселка: тутъ и гостиница, и почтовое отдѣленіе, и дома лѣсни-чихъ, вѣроятно и прислуги, въѣздъ въ паркъ, кажется, мостъ черезъ лѣсную рѣчку съ изображеніемъ бронзовыхъ оленей, наконецъ самый дворецъ съ старой киркой напротивъ и подлѣ

нея домою, видимо, главнаго лѣсничаго. Внутри помѣщенія—ничего особо роскошнаго, но уютно. Сразу бросилось въ глаза, что кое-что и даже не мало успѣли вывезти. На стѣнахъ въ залахъ такъ и остались висѣть огромныя золотыя рамы:—самихъ полотенъ картинъ не было. Прошелся по всему дворцу. Масса комнатъ для пріѣзжихъ; на стѣнахъ вездѣ рога съ привѣшенными дощечками—даты охотъ. Кто-то, чтобы удостовѣриться, настоящіе ли, разбилъ пару—оказалось изъ гипса. Говорили, что подлинныя отправляли куда-то въ глубь страны, въ другой охотничій дворецъ. Въ столовой нашли «меню», въ большомъ количествѣ; въ буфетной солдаты позабирали, на память, чашки и стаканы. Въ одномъ изъ подваловъ обнаружили характерныя ряды полокъ, видно, былъ хорошій погребу винъ; въ другомъ нашли книги, въ очень, правда, ограниченномъ количествѣ, и игрушки. Кирка оказалась запертой. Генераль взялъ на память «gouleau» туалетной бумаги. Въ кухнѣ,—дѣйствительно устроенной, вѣроятно, по всѣмъ послѣднимъ правиламъ науки и искусства,—развели огонь и на плитѣ кайзера нашъ поваръ приготовилъ завтракъ: разогрѣлъ консервы и куръ сварилъ. Въ общемъ меня поразило отсутствіе вкуса:—разныя мелочи, напр., какъ то: пепельницы, кувшинчики, курительные приборы—все это простое и неизящное—издѣлія, что продаются въ магазинахъ-базарахъ, съ объявленіемъ: «вещи на выборъ полтинникъ». Повторяю, что особенно присматриваться и изучать детали не привелось, такъ какъ мы скоро выступили дальше на Яхть-Буде,—охотничій поселокъ, куда, говорили, Вильгельмъ иногда ѣздилъ на охоту, съ ночевками. Тамъ и расположились въ домѣ лѣсничаго.

Въ виду все время совмѣстной нашей работы съ частями пѣхоты—мнѣ приходилось ежедневно наблюдать этихъ сѣрыхъ, низкорослыхъ, невзрачныхъ армейскихъ солдатъ. Внѣшній видъ нижнихъ чиновъ часто являлъ немного воинственности. Зато, приспособляемость къ всевозможнымъ житейскимъ положеніямъ сказывалась и тутъ. Особенно по части одежды. Мнѣ запечатлѣлся костюмъ такого пѣхотинца. Я, ѣдучи по лѣсу, встрѣтилъ роту въ пути на позицію: шла она на смѣну. И вотъ, одинъ «дядя» привлекъ всецѣло мое вниманіе. Его внѣшній обликъ и посейчасъ у меня передъ глазами. Шелъ онъ солидно, не торопясь, по тропинкѣ, вившейся рядомъ съ большакомъ. Голову его украшала широкополая темнозеленая шляпа съ перомъ сзади (очевидно, изъ имущества какого-нибудь лѣсничаго), причемъ спереди была прикрѣплена къ ней кокарда—не забылъ знака воинскаго званія; поверхъ шинели, чтобъ теплѣе было шеѣ, солдатъ приспособилъ

шарфъ, попросту полюсу темнокрасной бархатной матеріи съ вышитыми по ней цвѣтами, вѣрнѣе всего кусокъ портьеры, передъ тѣмъ украшавшей въ Шиткеменѣ гостиную какого-нибудь зажиточнаго бюргера; непромокаемой накидкой для него служила зеленчатая скатерть, какъ сейчасъ помню, розовая съ желтыми по ней цвѣтами, завязанная на шеѣ поверхъ шарфа огромнымъ бантомъ. На поясомъ ремнѣ висѣли чашка и никелированный кофейникъ—и то, и другое значительныхъ размѣровъ; наконецъ, на ногахъ красовались ботинки, по виду которыхъ можно было заключить, что когда-то они были щегольскими лакированными,— надѣтые на длиннѣйшіе теплые чулки, съ засунутыми въ нихъ форменными, защитнаго цвѣта, шароварами. Таковъ былъ видъ этого воина, причемъ подобныхъ ему шло не мало. Пронесходило это вовсе не потому, чтобы солдатами ощущался недостатокъ въ теплой одеждѣ, а объяснялось исключительно своеобразнымъ пониманіемъ того, что можетъ наиболѣе согрѣть, облегчить переходъ и пригодиться на позиціи. И, проходя какую-нибудь деревню или усадьбу, солдаты всегда выбирали тамъ себѣ по вкусу различныя, съ обычной точки зрѣнія всегда трудно представляемая въ качествѣ частей одежды, вещи. Какъ только наступили холода, пришлось часто поражаться изобрѣтательностью нижнихъ чиновъ по части придумыванія головныхъ уборовъ. Предпочитались самодѣльные папахи, сшивавшіяся изъ мѣховыхъ ночныхъ ковриковъ, съ длиннѣйшей шерстью самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Появились и шубы—совершенно штатскаго образца, съ нашитыми, впрочемъ, на нихъ погонами. Все это, положимъ, затѣмъ исчезло, такъ какъ стало обращать особое вниманіе на однообразіе формы и видъ солдатъ.

29-го октября, послѣ ряда упорныхъ боевъ съ нѣмцами, отступавшими дѣсь, очистивъ, наконецъ, таковой отъ нихъ, мы выступили на Гольдау.

Еще подходя къ Гольдау, мы видѣли надъ городомъ огромное зарево. Оказалось, что на городской площади возникъ пожаръ одновременно двухъ домовъ. На той же площади въ одномъ изъ домовъ съ противоположной стороны было отведено помѣщеніе для штаба. Водворившись, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, пошли смотрѣть на пожаръ. Отъ жару невозможно было подойти близко, искры летѣли и осыпались на всемъ прилегающемъ пространствѣ площади. Въ горѣвшихъ постройкахъ помѣщались очевидно магазины съ горючими матеріалами—такъ сильно было пламя, особенно внизу, гдѣ въ подвалахъ, видимо, были склады легко воспламеняющихся веществъ. Шумъ огня заглушался

часто трескотней разрывавшихся патроновъ, которыхъ не мало, какъ видно, пооставалось въ домахъ послѣ отступленія нѣмцевъ. Куда дѣвалась усталость нашихъ солдатъ, несмотрѣ на цѣлый день боя и еще какого. Со всѣхъ концовъ сбѣжались толпами нижніе чины и заработали надъ тушеніемъ огня. Воды не было, почему занялись разборкой горящаго матеріала, разброской бревенъ и стропилъ; раздобыли для этой цѣли длинные колья, даже багры. Работали весело, видно было, что происходящее доставляетъ имъ даже нѣкоторое удовольствіе. Хотя и не быстро, но дружными усиліями солдатъ—огонь удалось, если не совсѣмъ прекратить, то значительно ослабить. Во всякомъ случаѣ, страху за то, что займутся сосѣднія постройки,—основаній уже не было. Я вернулся въ штабъ. Судя по обширности и обстановкѣ, особенно по портретамъ въ залѣ,—въ квартирѣ жила состоятельная еврейская семья. Помѣщеніе находилось во второмъ этажѣ, а низъ былъ весь занятъ большимъ магазиномъ суконъ. Наверху затопили печи; накрывали на столъ; изъ кухни доносился стукъ ножей и звонъ посуды. Голодные и иззябшіе,—мы всѣ думали объ ужинѣ, а главное покоѣ. И вдругъ почувствовался сильнѣйшій запахъ гаря, послѣ чего комнаты стали наполняться дымомъ. Послали узнать, въ чемъ дѣло, и оказалось, что внизу, въ магазинѣ, возникъ пожаръ. Генераль страшно взволновался и приказалъ, немедля же, всѣмъ оставить помѣщеніе. Между тѣмъ, внизу, дѣятельно тушили огонь. Выяснилось, между прочимъ, что пожаръ возникъ потому, что нѣсколько нижнихъ чиновъ забравшись въ магазинъ набрать сукна; видимо, курили, и кто-нибудь изъ нихъ бросилъ, не загасивъ, окурокъ. Торговля предпріятія города сильно пострадала. Отъ магазиновъ, въ большинствѣ пленныхъ товаровъ,—не осталось ничего, кромѣ пустыхъ помѣщеній, загроможденных наваленнымъ хламомъ и мусоромъ, съ выбитыми витринами оконъ. При этомъ, я положительно это утверждаю, преслѣдовались, въ общемъ, конечно, цѣли не грабежа, а просто разрушенія. Нынѣ сознаніе подсказывало солдату, что необходима борьба съ матеріальнымъ благосостояніемъ непріятеля. Утромъ въ помѣщавшемся подъ нами магазинѣ мы обнаружили наличность партіи отличнаго толстаго сукна, которое цѣликомъ разобрали на попоны. Одинъ изъ моихъ двухъ кусковъ долго служилъ мнѣ потомъ службу въ качествѣ одеяла, а иногда подушки.

По поводу удивительныхъ солдатскихъ вкусовъ, вспомнилъ не лишенный комизма случай. Почему-то имъ исключительно нравилось шарить по аптекарскимъ магазинамъ. Мало того, что, немедля же, разбиралось мыло, одеколонъ, духи—это еще по-

нятно,—дядьки нагружались постоянно огромнымъ количествомъ всякихъ склянокъ, банокъ, коробокъ съ патентованными средствами и ежеминутно являлись потомъ показывать запасы—предлагать, не пригодится ли что офицерамъ и разспрашивать—противъ чего средство, не поможетъ ли лошади? и т. п. Относительно же примѣненія нѣкоторыхъ изъ продуктовъ аптеки и парфюмеріи они считали себя вполне освѣдомленными и вотъ какого, между прочимъ, факта я лично былъ свидѣтелемъ. Проходя какъ-то, я увидѣлъ компанію солдатъ, усердно выжимавшихъ изъ металлическихъ тубиковъ на ломти хлѣба какую-то массу, намазывавшихъ ее, затѣмъ, на хлѣбъ, и съ аппетитомъ уничтожавшихъ такіе бутерброды, запивая ихъ чаемъ. Надо сказать, что холодные консервы въ тубикахъ, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ и удобства держать ихъ во время похода въ сумкахъ, были у насъ и въ полкахъ и въ штабѣ въ большомъ потребленіи. Мы ѣли такимъ образомъ на хлѣбѣ сыръ изъ дичи, сардины и т. д. Все это видѣли солдаты. Какъ разъ въ описываемое время въ этихъ консервахъ ощущался недостатокъ, почему я подошелъ къ солдатамъ спросить, гдѣ они ихъ достали. Трудно описать мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что въ тубикахъ—не питательные продукты, а разнообразный зубной кремъ. Я поспѣшилъ разъяснить это закусывавшимъ. Въ первый моментъ они какъ будто слегка сконфузились, но затѣмъ, весело возразивъ, что ничего—ѣсть можно, только что сладковато, продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, насыщаться оригинальнымъ блюдомъ. Категорическое заявленіе мое, что это можетъ оказаться вреднымъ для нихъ, кажется, также не привело ни къ чему. Были, однако же, случаи, когда такое легкомысленное потребленіе въ пищу всего, что попадется, приводило и къ печальнымъ результатамъ. Мнѣ рассказали какъ-то разъ фактъ массоваго отравленія (чуть ли не 60 человекъ, съ подавляющимъ числомъ смертельныхъ исходовъ.) Дѣло было такъ. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ городковъ сталъ на стоянку пѣхотный полкъ. Солдаты отправились искать по опустѣлымъ торговымъ заведеніямъ чего нибудь, чѣмъ бы можно было попользоваться, и нашли булочную, съ немалымъ запасомъ лучшаго сорта муки. Рѣшили, разумѣется, полакомиться бѣлымъ хлѣбомъ, а такъ какъ въ каждой ротѣ имѣются искусники на всѣ руки,—нашелся и пекарь. Но вѣдь не ѣсть же постный хлѣбъ: надо бы чѣмъ-нибудь сдобрить тѣсто; поиски, на несчастье, и тутъ увѣнчались успѣхомъ. Въ той же булочной обнаружили изрядный кусокъ чего-то бѣлаго: на видъ какъ будто сахаръ—и на вкусъ показался сладкимъ. На славу испекли хлѣбы, положивъ въ тѣсто найденный кусокъ сахару, и, въ ре-

зультатѣ, отравились въ большомъ числѣ. По разслѣдованіи оказалось, что это былъ мышьякъ, котораго запасъ для борьбы съ крысами также держалъ предусмотрительный булочникъ...

Послѣдующее время почти изгладилось изъ моей памяти; произошло это въ виду полного однообразія впечатлѣній нашей жизни въ этотъ періодъ. Бои шли все время, хотя перекинули насъ въ другой районъ, кажется, сѣвернѣе. Помню только, что не случилось ничего особо выдающагося. Условія же жизни были самыя неблагопріятныя. Погода стояла ужасающая: дожди, лившіе безпрестанно, смѣнялись снѣгомъ, при пронизывающемъ, душу холодащемъ, вѣтрѣ; стоянки, въ большинствѣ, представлялись не отдыхомъ—не говорю уже о кратковременности, а мученіемъ. И это потому, что дома оказывались почти всегда безъ оконъ, печи не топились; наводило даже на мысль—не нарочно ли ихъ портили, уходя, нѣмцы; доставка пищевыхъ продуктовъ являлась крайне затруднительной, а нерѣдко не хватало и фуража; люди и лошади жили въ голодѣ и холодѣ, да къ тому же истомились до крайности. Переходы были длиннѣйшіе, причемъ дивизію перекидывали, точно мячъ, съ мѣста на мѣсто. Наши неблагополучія еще усугублялись и тѣмъ, что наступилъ періодъ гололедицы, а подковы лошадей оставались лѣтними. Были переходы, положительно, по льду, сверху засыпавшемуся тонкимъ слоемъ гонимаго вѣтромъ снѣга. Лошади скользили, падали; о быстрыхъ аллюрахъ нечего бывало и мечтать.

11 ноября дивизія стала въ Тракененѣ. Привелось увидѣть и второе излюбленное мѣсто кайзера—знаменитый конскій заводъ. Тракененъ произвелъ на меня впечатлѣніе прекрасно организованнаго имѣнія съ отличнѣйшимъ барскимъ домомъ. О постройкахъ, заводскихъ конюшняхъ говорить нечего. Это были образцы помѣщеній для лошадей, устроенныя по всѣмъ требованіямъ науки. Въ Тракененѣ жизнь текла также крайне однообразно. Высшее командованіе перемѣнилось уже давно. Генералъ Ренненкампфъ ушелъ на Варшавскій фронтъ, а къ намъ былъ назначенъ генералъ Сиверсъ.

Разъ коснувшись здѣсь личности генерала Ренненкампфа, я не могу не возвратиться мыслями вспять, ко времени начала моей службы въ качествѣ его ординарца и не высказать нѣсколько сужденій, разумѣется лишь съ субъективной точки зрѣнія и только въ сферѣ, мнѣ извѣстной, о причинахъ, отчасти, быть можетъ, повлекшихъ его паденіе. Среда офицерства войскъ Виленскаго округа, особенно кавалеріи (по крайней мѣрѣ очень и очень многіе), признавала высокій авторитетъ генерала Реннен-

кампфа, и что у нижнихъ чинсвъ онъ пользовался большою популярностью—это отрицать трудно. Были, конечно, и плохіе отзывы; высказывалось недовольство, но, исходя изъ того начала, что только совершенное безличіе не даетъ почвы для дурныхъ сужденій—совершенство же нѣтъ—все худое, что было слышно о новомъ командующемъ, общество считало естественнымъ. Военныя сферы, помню, въ общемъ, съ радостью встрѣтили два вскорѣ одинъ за другимъ послѣдовавшихъ, факта, а именно назначеніе генерала Ренненкампфа генераль-адъютантомъ, а затѣмъ и командующимъ войсками округа. Причина такого возвышенія была, какъ говорили, его прежняя военная слава, отмѣтившая его въ китайскомъ еще походѣ и въ минувшей японской кампаніи. Его считали великолѣпнымъ кавалеристомъ, да и знатокомъ дѣла вообще. Критиковали, конечно, и дѣйствія его на востокѣ; припомнили карательную экспедицію; осуждали въ немъ жестокость; приводили и другія черты, далекія отъ того, чтобы быть признанными положительными, но и тутъ отдавали ему дань, какъ исто боевому генералу. Особенно упирали на то, что на такой серьезный, отвѣтственный постъ былъ избранъ генераль не по протекціи, а для пользы дѣла, какъ прекрасно знакомый съ условіями края и боевой подготовкой мѣстныхъ войскъ и со стороны техники, и духа ихъ; радовались, наконецъ, что назначеніе состоялось исключительно по волѣ государя и вопреки желанію военнаго министра, который, будто бы, генерала Ренненкампфа терпѣть не могъ вообще и, въ частности, завидовалъ его назначенію генераль-адъютантомъ. Раздавались даже голоса, что назначеніе генерала Ренненкампфа командующимъ войсками пограничнаго съ Германіей округа—прямая угроза нѣмцамъ. Сначала все это говорилось, а затѣмъ, по вступленіи его въ должность, разговоры нашли себѣ подтвержденіе и въ прессѣ. То и дѣло приходилось читать въ газетахъ о постоянныхъ его выѣздахъ въ воинскія части по всему округу; были слухи о смотрахъ, тревогахъ, пробѣгахъ. Словомъ, работа, видимо, кипѣла. Я лично очень мало вращался въ военныхъ сферахъ, еще менѣе того зналъ генерала, почему всѣ свѣдѣнія о немъ черпалъ только изъ разговоровъ въ городѣ и рассказовъ офицеровъ, съ которыми иногда приходилось бесѣдовать. Но вотъ была объявлена война и, съ полнымъ восторгомъ, встрѣтили назначеніе генерала Ренненкампфа командующимъ 1-й арміей. Когда же былъ пущенъ слухъ, что, и въ данномъ случаѣ ему старались создать препятствія, что высшую власть имѣвшіе дѣлали попытки вставлять ему палки въ колеса, въ частности, высказываясь за то, чтобы для пробы дать генералу Ренненкампфу сначала корпусъ,—

стали слышаться негодующіе возгласы: «безобразіе; вотъ какъ цѣнятъ у насъ настоящихъ военныхъ; личная вражда и интриги погубить все дѣло; какъ не стыдно, въ такія минуты, сводя личные счеты, подкапываться подъ генерала Ренненкампа!» и т. д. Что же произошло затѣмъ и сравнительно спустя недолгое время послѣ періода пѣнія генералу Ренненкампу всевозможныхъ и разнообразнѣйшихъ хвалебныхъ гимновъ? Почему его слава почти сразу померкла, популярность испарилась, боевое обаяніе исчезло и панегирики смѣнились руганью и сиплыми, самыми черными, безпощадными, доходившими до какой-то истеричности? Началомъ было, разумѣется, первое отступленіе! Тотчасъ велѣдъ за неудачами, въ Вильнѣ распространились толки ужаснаго характера: усматривалась связь между дѣйствіями генерала Ренненкампа и его нѣмецкимъ происхожденіемъ; между прочимъ указывали на то, что его родной братъ, будто, командуетъ однимъ изъ корпусовъ нѣмецкой арміи, дѣйствующей противъ нашей; ставили ему въ вину чудовищную корысть; жажду къ обогащенію, въ ущербъ дѣлу, разными темными путями; полное забвеніе принятой имъ на себя отвѣтственной задачи и заботу лишь о себѣ; наконецъ, любовь къ интригамъ и полное не только неумѣніе, но и нежеланіе окружать себя достойными людьми.

Одинъ генералъ, человекъ, по-моему, большого и здраваго ума, сказалъ мнѣ какъ-то въ разговорѣ: «Я отдаю дань П. К., какъ исто военному человеку, но окружающіе портятъ ему всегда; вѣдъ дружба его съ людьми, я знаю его давно, основывалась исключительно на началѣ: «женщины и вино».

И на этотъ разъ, хотя, казалось, въ виду серьезности момента, надлежало быть особенно осмотрительнымъ, выборъ генерала палъ на людей, оказавшихся далеко не достойными назначенія. Не говоря уже о томъ, что наиболѣе близкіе къ нему не имѣли въ корень, ничего общаго съ военными началами и ничуть не стѣснялись въ проявленіи «штатскаго духа», тогда какъ имъ-то и слѣдовало болѣе всего подавать примѣръ дисциплины,—было смѣшно даже видѣть этихъ перевалившихъ далеко за 50 пожилыхъ людей въ щеголеватыхъ одѣянiяхъ, соответствовавшихъ невысокимъ ихъ чинамъ, вродѣ штабъ-ротмистровъ и даже корнетовъ. Первое, чего абсолютно недоставало у этихъ ближайшихъ совѣтниковъ генерала Ренненкампа,—это такта. Всѣ разговоры ихъ сводились къ тому, какъ они близки съ командующимъ, и прозрачно, между словъ, чувствовалось желаніе дать понять слушателямъ, что по прежнему времени, генералъ имъ даже, какъ будто, и обязанъ. Отсутствіе такта проявлялось не только въ крупныхъ

случаяхъ, хотя бы по отношенію къ штабу, включая даже, напр., совершенно неподлежащій тонъ по адресу начальника штаба арміи, но и въ мелочахъ жизни, на каждомъ шагу. Казалось иногда, что они не на службѣ, а участвуютъ въ увеселительной поѣздкѣ, прилагая всѣ усилія поразнообразить и сдѣлать возможно фривольнымъ времяпрепровожденіе. А что бывало въ тылу, какая заносчивость, какая манера себя держать! Второе, чѣмъ безспорно слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность друзей генерала,—было ихъ постоянное занятіе интригами. Атмосфера штаба сдѣлалась, благодаря этому, просто невыносимой. Несомнѣнно, что это чувствовалось всѣми, кто находился въ штабѣ при дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, старался работать. Несомнѣнно также, что для всѣхъ людей, пришедшихъ туда съ благими намереніями, такая обстановка представлялась крайне тяжелой.

Утромъ 24-го ноября, дивизія выступила на Пилькаленъ.

Начались безконечные переходы съ боями, сопровождаемые всѣми лишеніями, которыя только можно себѣ представить: постояннымъ холодомъ, голодомъ и усталостью. Спали почти исключительно вповалку на полу, на тощихъ подстилкахъ изъ соломы; о существованіи обозовъ, коекъ, возможности мѣнять бѣлье—пришлось забыть; ѣли, что попадетъ, преимущественно свинину, а сплошь и рядомъ были дни, когда сидѣли на холодныхъ консервахъ и только чаемъ согрѣвались, кипятя воду въ такихъ ведрахъ, какія, обычно, я не поставилъ бы у себя и въ качествѣ грязныхъ. Насѣкомыя разныхъ видовъ ѣли насъ зато систематически и съ аппетитомъ. Словомъ, жилось скверно: дороги удручали тяжестью; мѣста проходили низменные; сырость стояла пронизывающая, и въ этомъ царствѣ лѣсовъ погода не была иной, какъ омерзительной.

28 ноября выпала тяжелая ночь. Благодаря бездорожью (въ этой мѣстности проселки ничуть не уступали нашимъ, представляя изъ себя глинистое мѣсиво, на аршинъ глубины, причемъ глина была какая-то особенная—въѣдливая, тормозившая шагъ лошадей и ходъ колесъ), застряла батарея. Нѣмцы между тѣмъ сильно шевелились. Генераль страшно беспокоился, какъ-бы не развилось наступленіе, потому что тогда съ пушками пришлось бы проститься. Лошади положительно отказывались итти, ложились. И, что самое обидное,—все это происходило въ разстояніи версты полуторы отъ шоссе. Когда я проѣзжалъ уже угромъ по шоссе, мимо стоявшихъ батарей, лошади всѣ поголовно лежали: утомились ужъ очень, бѣдныя, берегли себя, набирались силъ на предстоящій переходъ. Ушли мы подъ выстрѣлами

нѣмцевъ, къ утру начавшихъ наступать весьма энергично. Единственное, что имъ мѣшало, а насъ, въ сущности, спасло отъ многихъ бѣдъ,—это былъ густо нависшій туманъ, подъ прикрытіемъ котораго мы успѣли отойти, безъ всякаго урона и въ полномъ порядкѣ. Выступивъ въ 6 часовъ утра, дивизія, лишь послѣ четырехъ часовъ дня, пришла въ мѣстечко Шамейткененъ. Переходъ послѣ безсонной ночи показался невѣроятно утомительнымъ, почему, почувствовавъ себя подъ кровлей, мы всѣ единодушно и тотчасъ же прониклись однимъ стремленіемъ скорѣе отдохнуть. Однако и голодъ давалъ себя знать. Пока приводили въ порядокъ и чистили обширный домъ пригородной усадьбы, которую занялъ штабъ, пока разложился обозъ, а въ кухнѣ, послѣ предварительной уборки изъ нея огромной кучи всякой грязи и мусора, затрещалъ огонь,—прошло много времени, но все-таки мало было надеждъ на скорое полученіе обѣда. Узнавъ отъ повара, что раньше какъ часа черезъ три ѣсть не дадутъ,—мы, съ однимъ изъ офицеровъ рѣшили устроиться самостоятельно. Особенно соблазнилъ насъ видъ спальни ординарцевъ, гдѣ денщики затопили печь, разставляли наши койки, приспособляли спальныя мѣшки, выносили ненужную мебель и т. п. Хоть было тѣсно, какъ въ ночлежкѣ, но манила перспектива раздѣться, переимѣнить бѣлье и дать усталому тѣлу возможность свободно вытянуться. Въ то время, какъ мы наводили на кухнѣ нужныя справки, тамъ вертѣлся одинъ изъ казаковъ конвоя. Зная, по опыту, особое умѣніе казаковъ тотчасъ же приспособиться, ихъ расторопность и хозяйственность, мы обратились къ донцу съ просьбой, по возможности скорѣе, насъ накормить. Онъ обѣщалъ угостить черезъ двадцать минутъ супомъ, который-де, уже варится. По прошествіи указаннаго срока, онъ аккуратнѣйше появился въ кухнѣ, гдѣ мы нетерпѣливо его поджидали, и принесъ супъ. Но каково было наше разочарованіе, когда мы разсмотрѣли посудину: нашей миской оказалась, правда очень изящная и по формѣ и по виду—голубая съ бѣлыми цвѣточками—ночная ваза. На наше заявленіе, что мы изъ нея супа никакъ даже не попробуемъ, казакъ спокойно возразилъ: «Такъ что онъ чистый!» «Да почему же ты думаешь?» «Я его на дворѣ взялъ!» Надо сказать, что масса мелочей домашняго обихода и цѣлыхъ, но, въ огромномъ большинствѣ, разбитыхъ и поломанныхъ, валялась и во дворѣ и въ саду за домомъ: тутъ были и вазы для цвѣтовъ, и разныя кувшинчики, блюда и тарелки изъ кухни, и игрушки, даже дѣтская коляска, у которой изъ колесъ сохранилось въ цѣлости только одно, и стулья, и палочки, и книги—ну, словомъ, все, что угодно. Надо думать, что, на одномъ изъ такихъ складовъ

нашъ казакъ и обрѣлъ, по его мнѣнію, самое подходящее вмѣсти-
лище для супа «господамъ» офицерамъ. Нѣсколько сконфужен-
ный не такъ нашими «калкими словами», какъ насмѣшкамъ
собранской прислуги и повара, казакъ вознамѣрился, было,
уйти съ супомъ, обѣщая принести таковой въ котелкѣ, но мы,
предвидя возможность простаго перелитія въ манерку того, что
находилось въ ночной вазѣ, предложили ему оставить эту посуду
на кухнѣ. Затѣмъ, супъ былъ принесенъ уже въ надлежащей
посудѣ, и мы, поѣвъ, немедленно же улеглись.

29 ноября начальникъ дивизіи объявилъ мнѣ, что поручаетъ
сѣздить въ Ковно, а оттуда въ Сувалки, причемъ вручить для
передачи въ принадлежности нѣсколько писемъ. 3-го декабря я
впервые увидѣлъ укрѣпленія Ковенской крѣпости. На меня, быть
можетъ потому, что я ничего не понималъ тогда, да и теперь мало
смыслъ въ крѣпостномъ дѣлѣ, все, что я видѣлъ, произвело сильное
впечатлѣніе. Во-первыхъ, еще въ районѣ самой крѣпости порзила
мое зрѣніе масса пушекъ, стоявшихъ, видимо, готовыми къ пере-
возкѣ на назначенныя мѣста. Зрѣлище, которое представляли собой
внушительныя орудія самыхъ разнообразныхъ видовъ: и короткія
съ широкими жерлами, и безконечно длинныя, стоявшія тѣсными
рядами, на большихъ пространствахъ,—было достаточно гран-
діозно. За оградой крѣпости глазъ потонулъ въ морѣ проволоч-
ныхъ загражденій, оксповъ, застѣкъ; тамъ и сямъ, по сторонамъ
шоссе, виднѣлись платформы для тяжелыхъ батарей, позицій,
приготовленныя для легкихъ. Кое-гдѣ, хотя впрочемъ немного
и съ малымъ оживленіемъ, работали; два-три паровика крѣпост-
ной узкоколейки что-то подвозили къ строившимся укрѣпленіямъ.
Замѣтилъ я и волчьи ямы и специально устроенныя вырубленныя
открытыя пространства для удобства обстрѣла. Впечатлѣніе
вынесъ въ общемъ такое, что крѣпость, въ случаѣ короткаго ли
штурма, медленной ли осады—а шутить не будетъ. Могъ ли я
тогда предполагать, что получится въ будущемъ! Сдѣлавъ весьма
кратковременную остановку въ Маріамполѣ, я часамъ къ 3-мъ
пріѣхалъ въ Сувалки. Городъ, къ которому на этотъ разъ мнѣ
привелось больше приглядѣться, не производилъ впечатлѣнія
особенно пострадавшаго отъ вторженія непріятеля. Если бы не
большой холмъ, нарытый въ городскомъ саду—братская могила,—
я бы сказалъ, что мало свидѣтельствъ своего нашествія оставили
въ немъ нѣмцы. Не знаю, стояли ли тогда въ Сувалкахъ вообще
какія либо строевыя части и какія именно, но солдатъ было видно
на улицахъ немного. Преобладали грузовики, фургоны и повозки

краснаго креста, обозы и было замѣтно присутствіе интендантства. На многихъ зданіяхъ развѣвались флаги, указывавшіе на наличность въ городѣ немалаго числа госпиталей. Побывавъ на почтѣ и выполнивъ всѣ данныя мнѣ по службѣ порученія, я зашелъ затѣмъ къ прокурору окружнаго суда С. Въ числѣ немногихъ представителей гражданской власти онъ прибылъ въ Сувалки вскорѣ по уходѣ нѣмцевъ, и жилъ, стоически переносивъ массу лишеній, неудобствъ и недостатка въ самомъ необходимомъ. Въ своей квартирѣ, между прочимъ, онъ, вернувшись, нашелъ все въ цѣлости. По разсказамъ прислуги, въ ней поселились нѣмецкіе офицеры. Ничего не тронули, уходя, дали на чай и просили передать «барину» поклонъ и сожалѣніе, что не пришлось съ нимъ познакомиться. С. разсказалъ мнѣ, что съ дѣломъ грабежа нѣмцами имущества жителей обстояло неодинаково. Въ частности, въ утѣшеніе генерала, который сильно беспокоился о своей очень цѣнной обстановкѣ,—квартира его почти не пострадала; правда, нѣмцы взяли кое-что изъ бѣлья и теплой одежды, но другого ничего не тронули. Далѣе, напримѣръ, въ одной изъ офицерскихъ квартиръ все, до послѣдней мелочи, оказалось въ полной сохранности и порядкѣ. Непріятельскіе офицеры, стоявшіе въ ней, не воспользовались даже забытыми въ пустой чернильницѣ на столѣ нѣсколькими серебряными монетами—двугривенными и пятиалтынными, но, напр., судейскіе значки со всѣхъ форменныхъ фуражекъ С. сняли и увезли—на память, вѣроятно. Зато были квартиры, много, въ которыхъ все имущество было до-чиста, разграблено. Въ Сувалкахъ я пробылъ не болѣе трехъ часовъ и двинулся въ обратный путь..

15-го декабря отрядъ выступилъ на Пилькаленъ, откуда штабъ перешелъ въ Учпайненъ богатую усадьбу—совсѣмъ близко отъ названнаго города. Спустя день или два, генералъ далъ мнѣ порученіе съѣздить въ Петроградъ по дѣламъ службы. Пробывъ въ столицѣ пять дней, я проѣхалъ въ Вильно, гдѣ заболѣлъ и лишь 8 января 1915 года прибылъ въ штабъ, основательно къ тому времени водворившійся въ Пилькаленъ.

Вскорѣ, впрочемъ, мы выступили на сѣверо-западъ, прошли Шилененъ и затѣмъ отрядъ повелъ бои, чуть ли не на путяхъ къ Тильзиту. Впрочемъ, весьма недолго длился кажущійся успѣхъ. Одинъ изъ командировъ бригадъ, бывшій впереди, въ отдѣлѣ, донесъ генералу, что нѣмцы ведутъ серьезное наступленіе и большими силами, почему мы стали отходить. Трудно, крайне,—такъ быстро въ то время смѣнялись событія—возстановливать все въ памяти, но чуть ли не черезъ два-три дня мы по-

кинули Германію и очутились въ деревнѣ Словики, правда, на границѣ, но уже на нашей территоріи.

Въ день нашего прихода въ Словики, тамъ была ярмарка или праздникъ; словомъ, съѣхалась масса окрестнаго крестьянства; вся площадь и прилегавшія улицы пестрѣли разодѣтыми бабами и бойко торговали хлѣбомъ, папиросами и всякой мелочью еврейскія лавчонки. Казалось бы, не соотвѣтствовало моменту, а мы, тѣмъ не менѣе, были рады. Почувствовали себя посреди своихъ людей и видѣли повсюду крайне привѣтливыя лица. Солдаты поддерживали торговлю. Немедленно же былъ, въ частности, раскупленъ весь бѣлый хлѣбъ. Мы его ѣли горячимъ... Во время перваго наступленія нѣмцы побывали въ Словикахъ. По рассказамъ, обижали жителей. Ворвавшись, между прочимъ, въ домъ ксендза, пьяные нѣмецкіе солдаты старика-ksenдза, въ чемъ то имъ поперечившаго, убили, а молодой, правда, едва-едва, но успѣлъ скрыться. Будучи очень сильнымъ мужчиной, онъ, отбиваясь отъ насѣдавшихъ нѣмцевъ, говорили, здорово ихъ поколотилъ и потомъ бѣжалъ и скрывался у жителей. Видно, начальство нѣмецкое не узнало, а то не сдобровать бы Словикамъ.

Утромъ рано развѣдка дала знать, что нѣмцы близко. Баталіонъ, выдвинутый на позицію, по ту сторону рѣки, вошелъ уже, будто бы, въ соприкосновеніе съ противникомъ, подходившимъ крупными силами. Отрядъ тронулся; вышелъ и штабъ, направляясь дальше въ Россію, къ сѣверу, къ Юрбургу, родовому имѣнію князей В. Отступали мы въ порядкѣ, безъ всякой паники, но при трудностяхъ и лишеніяхъ, которыя тяжело даже описывать. Трудности и лишенія заключались, прежде всего, въ полномъ бездорожьи тѣхъ проселочныхъ путей, по которымъ мы двигались; особенно артиллерія систематически затрудняла движеніе. Мѣстность представляла собою равнину, но всю изрытую пригорками; кое-гдѣ приходилось спускаться въ овраги, переходить рѣчки. Мело и шелъ густой снѣгъ. Холодный вѣтеръ, дувшій неистово, гналъ замерзшія снѣжинки, впивавшіяся въ лицо, какъ булавки. Мѣстность казалась почти луннымъ пейзажемъ: бѣлая пустыня, съ кое-гдѣ чернѣвшими кучами или рядами деревьевъ и рѣдкими силуэтами построекъ. Деревни оживляли бы, хоть немного, настроеніе, но тутъ были все отдѣльные хуторки, и это дѣлало картину пустыни еще мрачнѣе. Кое-гдѣ мерцавшіе въ окнахъ тусклые огоньки нагоняли тоску. Наконецъ, мы вышли на большакъ,—судя по линіи деревьевъ по обѣимъ сторонамъ,—и, свернувъ опять, добрались до мѣста, гдѣ предстояло простоять дня два-три. Это былъ одинъ изъ фольварковъ имѣнія богатаго мѣстнаго помѣщика, изъ нѣмцевъ, не то

бѣжавшаго въ Германію, не то арестованнаго. Въ смыслѣ мебелировки, ничего, кромѣ простого стола и двухъ скамеекъ, не оказалось. И вообще, не только непривѣтливо, но даже крайне враждебно, встрѣтили насъ голыя стѣны—съ наполовину ободранными мѣстами обоями,—убогаго домика, въ которомъ стоялъ форменный морозъ, причемъ печи никакъ не грѣли.

Изъ послѣдующихъ событій запечатлѣлся у меня въ памяти еще одинъ переходъ, ужасающій по своимъ трудностямъ. Метель, холодъ сопровождали насъ все время. Было это позднимъ вечеромъ, и шли мы безконечно. Прошли близко отъ Вержболова, черезъ Пильвишки, двигаясь въ направленіи на Олиту. Были въ непосредственной близости отъ нѣмцевъ; рисковали ежеминутно наткнуться на разъѣздъ или даже завязать бой съ болѣе крупной частью противника. Отъ Пильвишекъ повернули влѣво и долго плутали, при полномъ бездорожьѣ, пока проводникъ, изъ мѣстныхъ, не привелъ насъ на стоянку. Грустно было видѣть на мѣстѣ ночлега измученныхъ, съ явнымъ выраженіемъ страха за будущее, лица, какъ хозяевъ усадьбы, зажиточныхъ крестьянъ, такъ и массы пріютившихся у нихъ бѣженцевъ изъ Вержболова. Въ словахъ жителей сквозило отчаяніе:—вѣдь происходившее было для нихъ уже вторымъ испытаніемъ. Еще ясно сохранилось у нихъ въ памяти время перваго нашествія противника.

Дни проходили за днями, а мы все шли и шли. Уже въ февралѣ, въ началѣ, но точно числа не помню, отрядъ пришелъ въ Олиту. Отсюда была послана генераломъ телеграмма въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, гласившая, (приблизительно конечно), что связь отряда съ арміей давно потеряна, неизвѣстно гдѣ штабы высшаго командованія, почему и спрашивается—что дѣлать. Потомъ говорили, что депеша генерала была первой ласточкой, залетѣвшей въ Ставку изъ 10-й арміи, о которой до этого момента не было никакихъ свѣдѣній. Чуть ли не ночью, или на слѣдующее утро послѣдовалъ генералу разность, какъ онъ смѣлъ сноситься съ Ставкой, минуя непосредственное начальство.

Отрядъ, пробывъ нѣсколько дней въ Олитѣ, двинулся правымъ берегомъ Нѣмана на Меречъ.

Утромъ получилась телеграмма отъ командующаго арміей, въ которой генералу Л. предлагалось сдать командованіе отрядомъ начальнику 1-й дивизіи барону М., а самому явиться въ Гродно для объясненій по дѣламъ службы. Когда генералъ, прочтя телеграмму, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, я крайне обрадовался. Кромѣ меня генерала сопровождали: сотникъ П., прапорщикъ

О. и казакъ Кузьма Крючковъ. Не знаю подробностей совершеннаго имъ подвига, прославившаго его въ Россіи и создавшаго ему, пожалуй, всемірную извѣстность. Я какъ-то завелъ съ нимъ разговоръ на эту тему, но мнѣ показалось, что ему или надоѣло или, по скромности, непріятно распространяться о своемъ геройствѣ. Достаточно поузнавъ его за время совмѣстнаго пребыванія въ нашемъ штабѣ,—я склоненъ думать, что причиной была его скромность. И по пути, въ частности на Ораны, я убѣдился лишній разъ въ его застѣнчивости. Крестьяне литовской деревни, гдѣ мы остановились дать передохнуть конямъ,—не помню названія,—узнавъ Крючкова въ лицо, сбѣжались чуть ли не всѣмъ «обществомъ» смотрѣть на него и видно было, что онъ крайне конфузится. Генераль, взявшій его затѣмъ съ собою въ Одессу и Кіевъ, рассказывалъ о томъ, какъ видимо не по сердцу были скромному казаку всѣ оваціи ему тамъ устраивавшіяся, и, смѣясь, привелъ отвѣтъ Крючкова, на свой вопросъ «доволенъ ли онъ поѣздкой?»,—«Окромя отдыха, одно мученіе!»,—заявилъ Крючковъ.

Съ чувствомъ живѣйшей радости очутился я опять дома, особенно, въ виду сознанія, что, на этотъ разъ проживу хоть нѣкоторое время, пока генераль вернется изъ отпуска, куда онъ имѣлъ твердое намѣреніе ѣхать. Однако смущали мысли, что будетъ послѣдствіемъ объясненія его въ Гроднѣ, и томило сомнѣніе, какъ поступить, если генераль уйдетъ въ резервъ. Въ Вильнѣ меня опять осадили. На этотъ разъ сыпались упреки, что наша конница провалила отступленіе, что развѣдка велась отчаянно скверно, что генераль отрѣшенъ и чуть ли не судъ его ожидаетъ. Генераль разрѣшилъ мнѣ пробыть дома недѣлю. Наконецъ, пришлось подняться. Это было въ половинѣ марта, незадолго до Пасхи. Я пріѣхалъ къ дивизіи въ моментъ ея движенія снова вперед и нагналъ ее даже на походѣ. Весна понемногу вступала въ свои права—чувствовалась въ воздухѣ; солнце уже сильно давало себя знать; снѣгъ замѣнялся постепенно грязью, поля пріобрѣтали видъ черно и сѣро-бѣлыхъ. Еще бѣлѣли ложбинки, а съ пригорковъ бѣжала уже тысячами струекъ таявшая отъ дѣйствія весенняго тепла—вода; начали пѣть птицы и на душѣ и въ тѣлѣ зарождалась бодрость и энергія, пробуждавшаяся одновременно съ природой, приподымавшейся, еще сонной, послѣ глубокой зимней спячки.

Видъ сѣрыхъ шинелей нашей пѣхоты очень обрадовалъ меня:—на душѣ стало легко, подумалось, вотъ и кончилось одиночество—начнется серьезная совмѣстная работа. Пѣхота стала съ мѣста окапываться. Теперь пріучили, какъ куда придуть—сейчасъ же.

зарываться: въ землѣ и надежнѣе, и теплѣе. Даже у конницы. въ началѣ войны, бросавшей лопаты въ Восточной Пруссіи, какъ ненужную тяжесть,—эти скромные инструменты получили полныя права гражданства. Къ апрѣлю вся мѣстность, гдѣ мы стояли, оказалась изрытой окопами, да еще въ нѣсколько линій и въ такомъ порядкѣ, что вздумай пѣмцы наступать—ихъ бы приняли соотвѣтствующе повсюду. Нашей основной стоянкой была усадьба состоятельнаго крестьянина въ полуверстѣ отъ шоссе вправо, считая направленіе на Кальварію.

Не говоря уже о разговѣнахъ, и въ Свѣтлое Воскресеніе у насъ не было въ штабѣ ничего напоминавшаго праздникъ: — даже бѣлый хлѣбъ и тотъ отсутствовалъ! Хорошо еще,—нижніе чины все получили,—а нашъ транспортъ со всякимъ добромъ для встрѣчи Пасхи запоздалъ. Разговѣться привелось въ понедельникъ, когда, около часу дня пришло радостное извѣстіе, что на шоссе стоятъ повозки съ ящиками для штаба. Къ обѣду появились куличи, яйца, ветчина, водка, вино и проч...

Стоянка была скверная. Дѣло въ томъ, что въ распоряженіи штаба была одна комната, правда обширная, но зато составляло штабъ не менѣе 18 человѣкъ. И всѣ, во главѣ съ генераломъ, должны были тутъ же и спать, и ѣсть, и заниматься дѣломъ. Мнѣ пришлось спать въ спальномъ мѣшкѣ въ углу у самыхъ дверей въ сѣни, откуда безпощадно дуло. Будь это въ мирной обстановкѣ—простуда была бы неминуема; но всенному же времени все какъ-то сходило. Боюсь, что своевременно все это отзовется. Жили по мирному. Гуляли поскольку было возможно, ибо всюду стояла непролазная грязь, завели дружбу съ пѣхотой, къ которой въ окопы ходили ежедневно по утрамъ смотрѣть работы; часто пробирались на шоссе, гдѣ почерпали различныя новости: то офицеръ пробѣгающій застрянетъ съ автомобилемъ, то грузовики дезинфекціоннаго отряда подойдутъ, то остановятся оправиться и осмотрѣться бронированные автомобили. Не безъ любопытства, смѣшаннаго съ уваженіемъ, осматривали мы, во главѣ съ генераломъ, эти «сухопутные миноносцы и крейсера» (пушечный). Очень внушительно было, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ машинахъ видѣлись слѣды участія въ бояхъ, въ видѣ вдавленій и полосъ отъ дѣйствія пуль и осколковъ снарядовъ. Къ вечеру начинались занятія штаба по оперативному отдѣленію, писались наградные листы за истекшій періодъ и велись просто разговоры и веселые и скучные, какъ это всегда бываетъ, когда люди, другъ друга хорошо знающіе, тѣсно скучены, по необходимости, на весьма маломъ пространствѣ. Всѣхъ занималъ одинъ вопросъ, скоро ли

дадутъ возможность поправиться и людямъ и конскому составу. Изъ тому же наступило время подчинить и поисправить многое по матеріальной части. Наконецъ, пришла давно жданная депеша дивизіи отойти въ Олиту и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Насъ смѣнила пѣхота и, въ ярко солнечное утро, кажется 31-го марта мы выступили.

17-го апрѣля мы прибыли въ Кошедары. Изъ Кошедаръ дивизія двинулась на Кейданы, куда прибыла на разсвѣтъ. Штабъ расположился въ имѣніи графа Тотлебена, пожалованномъ отцу нынѣшняго владѣльца, знаменитому Севастополюцу. Домъ поразилъ всѣхъ своей грандіозностью:—форменный замокъ, а паркъ, который удалось видѣть за недостаткомъ времени впрочемъ только мелькомъ,—живописной красотой. Зато внутреннее убранство дома произвело скорѣе отрицательное впечатлѣніе. Можетъ потому, что, судя по внѣшнему виду дома, думалось увидѣть въ немъ роскошь старины, красное дерево, картины. И тѣмъ болѣе непріятно поразила обыденная въ общемъ обстановка, какія бываютъ въ петроградскихъ квартирахъ, давно занимаемыхъ чиновничьими семьями средняго достатка. Такой сухой показалась большая гостиная, украшенная только портретами въ масляныхъ краскахъ семьи графа; такъ мало уюта и тепла почувствовалось въ столовой, съ аккуратно, нѣмецки-точно разставленными столами и стульями, въ спальняхъ, такихъ же холодныхъ и чопорныхъ! Впечатлѣніе красоты и изящества оставила по себѣ лишь малая гостиная графини—вся корельской березы. Утромъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ домѣ, сталъ обходить съ книгой управляющій. Въ этой книгѣ значилась приблизительно того содержанія записка, что флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества гр. Тотлебенъ ввѣряетъ де охранѣ офицеровъ всѣхъ проходящихъ частей нмущество, заключающееся въ его домѣ и цѣнное ему по семейнымъ воспоминаніямъ. Почему-то управляющій просилъ расписаться, но мы всѣ отъ этого уклонились. Въ тотъ же день мы выступили. По дорогѣ, въ фольваркѣ, гдѣ мы ночевали двигаясь на Эйраголу, намъ рассказывали, что нѣмцы, стоявшіе у нихъ, выражали удивленіе по поводу нашихъ военныхъ дѣйствій: «странно воюють русскіе, говорили они, можно пройти по ихъ землѣ болѣе сотни верстъ и не встрѣтить ни одного солдата!». Движеніе ихъ, въ дѣйствительности много походило на церемоніальный маршъ, въ виду чего они вѣроятно и расширили свой первоначальный планъ дѣйствій.

Никогда я не забуду дня 25-го апрѣля. Съ утра настроеніе сдѣлалось тревожнымъ:—«очередная паника», какъ подшучи-

вали въ такихъ случаяхъ у насъ молодые ординарцы. Днемъ, ближе къ вечеру, стала слышна сильная канонада со стороны противника. Наши батареи не отвѣчали, почему—до сихъ поръ себѣ не уяснилъ. Вышло приказаніе сѣдлатъ лошадей штаба. Обстрѣлъ приближался; снаряды стали летѣть черезъ наши головы, падая то близко впереди, то дальше въ конецъ мѣстечка, куда, какъ точно рассчитали нѣмцы, лежалъ путь нашего отступленія, притомъ единственный. Все ближе и ближе слышался летъ снарядовъ, стали свистать пули, то и дѣло залетая во дворъ дома ксендза, гдѣ была стоянка штаба. Нашъ хозяинъ,—словоохотливый, хитрый старикъ-литовецъ,—уже забрался въ садъ въ окопъ, ранѣе предусмотрительно выкопанный угломъ, не забывъ захватить лопату на случай если придется зарываться глубже. Съ нимъ засѣли викарій и пріѣзжій ксендзъ, бѣжавшій изъ сосѣдняго селенія, уже занятого нѣмцами, также снабженные лопатами. Не обошлось безъ комизма: передъ домомъ ксендза, со стороны его сада, у осѣдланныхъ лошадей, ожидая приказа садиться, собрался весь штабъ. Ксендзъ, видя, что готовятся уходить, не могъ и тутъ не проявить особой расчетливости, не покидавшей его за все время нашей у него стоянки. Ему причиталось получить что-то за фуражъ и тутъ, узрѣвъ, въ этотъ острый моментъ, вѣдавшаго продовольствіемъ штаба ротмистра Б., хозяинъ рѣшилъ получить съ него слѣдующее. И вотъ, видимъ мы всѣ, высовывается голова ксендза изъ окопа и онъ кричитъ отчаяннымъ голосомъ: «пане Б., пане Б.», но только что готовится держать рѣчь дальше, какъ слышится въ воздухѣ свистъ снаряда, и голова моментально скрывается. Это повторилось, къ общему удовольствію зрителей, нѣсколько разъ. Но вотъ, все ближе и яснѣе начала обозначаться ружейная трескотня; пули зажужжали чаще. Стало опредѣленнымъ, что съ западнаго берега ведется наступленіе и энергично. Въ послѣднемъ насъ убѣдило начавшееся форменное бѣгство пѣхоты мимо насъ; это была настоящая скачка съ препятствіями черезъ огороженные заборами дворы, при чемъ всѣ преграды по пути или брались сразбѣга или сокрушались. Попытки остановить бѣжавшихъ были безуспѣшны. Бѣжали, перескакивая высокіе тыны, канавы, бросаясь черезъ дворы усадебъ—кто куда могъ, съ одной мыслью: все ненужное, тяжелое бросить и бѣжать, бѣжать... Когда, пропустивъ всю эту паническую массу, мы двинулись по краю мѣстечка, взявъ лѣвѣе къ дорогѣ на Чекишки,—нашимъ глазамъ открылась картина ярко выраженной паники. По пути валялись груды солдатскихъ хлѣбовъ, шинели, колеса, ведра, палки, перевернутыя повозки. Видѣли мы и такія сцены:

солдаты на бѣгу присаживались на моментъ у края дороги, ставились съ быстротой молніи сапоги, приспособливали ихъ на спину и опять бросались бѣжать, такимъ способомъ облегчивъ себя.

Спѣшно, почти сплошь на рысяхъ, прошла дивизія 18 верстъ, отдѣлявшихъ ее отъ Кейданъ. Благодаря мѣстами грязи, частью глубокому песку и, главное, невозможнымъ мостамъ, движеніе сильно затруднялось; особенно тормозила и нарушала порядокъ артиллерія; лошади выбивались изъ силъ, и видъ у этихъ многострадальныхъ животныхъ тогда уже былъ крайне жалкій.

Двигаясь немногимъ медленнѣе, чѣмъ на утреннемъ переходѣ, дивизія стала подходить къ Шатамъ. По мѣрѣ приближенія, усиливались мѣры предосторожности: впередъ былъ посланъ развѣдывательный эскадронъ. И вотъ, когда мы были уже совсѣмъ въ виду мѣстечка, случился сюрпризъ, достойный всякаго удивленія. Изъ развѣдывательнаго эскадрона получилось донесеніе, что Шаты не только свободны отъ непріятеля, но тамъ находятся наши же пѣхотные развѣдчики. При вѣздѣ въ мѣстечко, мы сами убѣдились въ этомъ, ибо первые, кого мы увидѣли, были наши сѣрые «дядьки», съ относительнымъ даже комфортомъ расположившіеся на кладбищѣ. Хороша же была развѣдка штаба корпуса,—не говоря о двухъ спеціально высланныхъ, для этой цѣли сотняхъ казаковъ,—имѣвшаго въ своемъ распоряженіи мотоциклистовъ, телефоны и пр!. Правда, ѣдучи я замѣтилъ, что не было по пути въ деревняхъ избы, гдѣ бы ни сидѣли лихіе уральцы, иногда въ веселой и многочисленной компаніи мѣстныхъ сельскихъ красавицъ. Придя уже сильно уставшей, дивизія расположилась въ мѣстечкѣ, а въ частности штабъ—въ обширной усадьбѣ ксендза, гдѣ, спустя короткое время, всѣ мы были приглашены къ отлично сервированному, уставленному сплошь всякими домашними яствами—столу. Прислуга уѣхавшаго ксендза успѣвъ многое припрятать отъ нѣмцевъ, не поскупилась теперь и наставила яицъ, молока, творогу, домашнихъ колбасъ, ветчины и всякихъ деревенскихъ прелестей. Къ чаю было даже подано варенье. Отъ жителей мы узнали, что нѣмцы покинули мѣстечко въ 10 часовъ утра, причемъ уходили поспѣшно. Для пѣхоты были взяты, по наряду у жителей, въ большомъ количествѣ подводы. Надежды на то, что отдохнемъ и съ полнымъ, притомъ, комфортомъ,—что намъ сулила стоянка,—вскорѣ смѣнились непріятнымъ настроеніемъ. Пришло приказаніе двигаться на Кракиново, при чемъ кружнымъ путемъ—черезъ Трусково, т.-е. на сѣверо-западъ. Командующій дивизіей назначилъ выступленіе въ 9 часовъ вечера. Выступили мы аккуратно, и вотъ начались мытарства без-

сонной ночи, съ ѣздой на до-нельзя усталыхъ лошадяхъ. По пути мы видѣли слѣды нѣмецкаго отступленія; правда, ихъ было не густо: въ Трусковѣ—брошенная телѣга, полная металлическихъ ящиковъ съ патронами; особенность была та, что ящики оказались окрашенными въ зеленый цвѣтъ и съ надписями на нихъ на турецкомъ языкѣ,—очевидно, патроны эти предназначались къ отправкѣ въ Турцію,—и около Кракинова—пустой поломанный зарядный ящикъ. Нѣсколько труповъ лошадей дополняли картину, по всей видимости далеко не паническаго отхода противника. Мостъ у Кракинова черезъ рѣку Невѣжу, оказался сожженнымъ. По словамъ жителей нѣмцы ушли изъ мѣстечка наканунѣ вечеромъ.

Путь нашъ лежалъ къ сѣверо-западу, въ районъ Шавли-Россіены. Стало очевиднымъ, что нѣмцы укрѣпляютъ западный берегъ Дубиссы, представляющей и безъ того превосходную, благодаря крутизнѣ и командованію надъ прилегающей мѣстностью, природную позицію. Кромѣ того, несомнѣнно, предстояло выбирать ихъ изъ дефилѣ ¹⁾, которыхъ было не мало.

Нагнали мы нѣмцевъ сравнительно скоро. У деревни Шадбары, передъ озернымъ дефилѣ, произошелъ первый бой, длившійся до темноты, когда нѣмцы—подъ угрозой обхода ихъ нашими казаками слѣва черезъ лѣсъ,—отступили.

Путемъ развѣдки подтвердилось, что берега Дубиссы отлично укрѣплены и форсировать ихъ—нечего и думать. Тѣмъ болѣе,—что были въ силахъ сдѣлать противъ пѣхоты, засѣвшей въ отмытыхъ окопахъ съ артиллеріей, кавалерійскія части? Однако, бои шли ежедневно и напряженные. Совались во много мѣстъ, пытались продвинуться, но всюду безуспѣшно. Были и ночныя предпріятія съ переходами по лѣсамъ и болотамъ въ мѣстности, гдѣ могла бы дѣйствовать только пѣхота, и, думаю, лишь въслѣдствіе нерѣшительности нѣмцевъ или недостаточной освѣдомленности ихъ о положеніяхъ, въ которыхъ мы находились, намъ удалось благополучно миновать большихъ бѣдъ.

Пріѣхалъ генералъ С., назначенный временно командовать дивизіей. Сразу же, надо отдать справедливость, почувствовались въ немъ и энергія и стремленіе къ работѣ. Первое вниманіе новый командующій обратилъ на состояніе дивизіи и, начиная съ обозрѣнія способности къ работѣ конскаго состава вплоть до мелочей, какъ-то наличности у людей шанцеваго инструмента,—ничего не было упущено. На слѣдующее же утро послѣ пріѣзда генерала С., имъ были осмотрѣны лично позиціи, причемъ имѣлъ мѣсто

¹⁾ Узкіе проходы между естественными преградами, напр., озера, горы.

не общій «взглядъ и нѣчто», а дѣйствительный объѣздъ и обходъ окоповъ подъ нѣмецкими пулями; затѣмъ состоялась выводка лошадей тѣхъ изъ частей, которыя были расположены у Погрыжева и т. д. Всѣ распоряженія затѣмъ по разнымъ вопросамъ, отданныя генераломъ С., явились яркимъ свидѣтельствомъ его искренняго стремленія къ тому, чтобы все было хорошо и практическихъ познаній въ сферѣ дѣйствительныхъ, насущныхъ боевыхъ нуждъ. Однако, наряду со всѣмъ этимъ, вскорѣ же стало замѣтнымъ, что генераль С. нѣсколько чуждъ принципу огромнаго большинства крупныхъ кавалерійскихъ начальниковъ «беречь кавалерію», какъ слишкомъ дорогой родъ оружія...

Я, къ сожалѣнію моему, въ виду того, что остался при полковникѣ Х., съ его бригадой въ господскомъ дворѣ Погрыжево, не былъ очевидцемъ перваго дѣла, въ которомъ проявилъ себя генераль С. Подъ его руководствомъ была другая бригада нашей дивизіи и задачей ея было оказать поддержку 15-й дивизіи, которая, охраняя флангъ нашей пѣхоты, отскочила, обнаживъ такимъ образомъ кавказскихъ стрѣлковъ. Первая бригада послѣднихъ подошла къ намъ для совмѣстныхъ дѣйствій въ районѣ Дубиссы.

Подъ вечеръ, запыленные, усталые, но въ отлично-добромъ настроеніи вернулась другая часть штаба дивизіи, во главѣ съ генераломъ С. Весь день по разсказамъ бригада вела упорный бой съ нѣмцами. Были очень непріятныя ощущенія, напр., когда штабъ, находясь въ лѣсу, непосредственно за цѣпями, подвергался, въ теченіе продолжительнаго времени, сильному пулеметному и орудійному огню нѣмцевъ. Даже на обратномъ пути дорога, по которой шла колонна бригады—видимо нѣмцы замѣтили движеніе съ наблюдательнаго пункта,—была обстрѣляна настолько сильно, что часть пути пришлось пройти широкимъ галопомъ, спасаясь отъ шрапнелей противника. Между прочимъ, очень характерной, какъ передавали, была встрѣча генерала С. съ начальникомъ 15-й кавалерійской дивизіи генераломъ Л. Послѣдній ѣхалъ совершенно одинъ, не только безъ малѣйшей наличности какой-либо изъ своихъ частей, но и чуть ли не безъ начальника штаба и ординарцевъ. На вопросъ генерала С.,—да гдѣ же его дивизія,—генераль Л. отвѣтилъ, что «не знаетъ, такъ какъ, сидя въ окопѣ и наблюдая бой (накой и кто велъ его, такъ и осталось невыясненнымъ),—растерялъ части». Съ яркостью сказались въ данномъ случаѣ черты, вообще присущія многимъ изъ крупныхъ военныхъ начальниковъ; черты, о которыхъ приходилось часто слышать да и наблюдать. Пока шло хоть и во время войны, на мирный ладъ или вродѣ какъ на манерахъ (на походѣ, на стоянкахъ, напр.)—все бывало хорошо: генералы чувствовали себя

вполнѣ на мѣстѣ; но чуть начинала чувствоваться настоящая война, да еще не приведи Богъ, наступалъ какой-либо острый моментъ, когда являлась необходимость не «генеральствовать», а распоряжаться, въ особенности скоро и энергично,—начальники первые терялись; неумѣніе организовать, спланировать части, вводить принципъ единства дѣйствій, устанавливать связь—вотъ черты, единственно отличившія, въ такихъ случаяхъ, лицъ наиболѣе отвѣтственныхъ. казалось бы, за исходъ дѣла. Естественно, что результатомъ являлись неудачи, за которыя расплачивались, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ и, притомъ подчасъ жестоко, младшіе. Въ отношеніи къ генераламъ, даже провинившимся, чувствовалась необъяснимая снисходительность: за многія и немаловажныя нарушенія имъ грозилъ самое большое резервъ, съ «приличными» суточными, да еще какъ преддверіе къ полученію новой должности, иногда и высшей...

Вѣдь и части 15-й дивизіи не были ни перебиты ни забраны въ плѣнъ. По разсказамъ, послѣ встрѣчи съ генераломъ Л., по пути стали, наприм., попадаться отдѣльные эскадроны, батарея, положительно «слонявшаяся безъ толку», а главное безъ прикрытія—одна одинешенька... — — —

Вечеромъ штабъ дивизіи направился въ господскій дворъ Пошехоры, куда прибылъ ночью и полковникъ Х., въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ въ томъ числѣ и меня. Въ Пошехорахъ была, помнится, дневка, а затѣмъ одна бригада вновь подъ руководствомъ генерала С. выступила впередъ. Полковникъ же Х., мѣстомъ нахожденія котораго было назначено то же мѣстечко Цитовяны, перешелъ туда. Вторая бригада была какъ бы въ полу-резервѣ, держа линію охраненія. Позднимъ вечеромъ полковника Х. пригласили ужинать въ штабъ драгунскаго полка. Онъ расположился въ мѣстечкѣ, въ домѣ аптекаря. Много было разсказовъ про время пребыванія въ Цитовянахъ нѣмцевъ. Аптекарь довольно хорошо отзывался о жившихъ у него офицерахъ-баварцахъ, въ среду которыхъ, впрочемъ, попалъ одинъ пруссакъ. Послѣдній, между прочимъ, крайне возмущался, когда слышалъ, что баварцы объясняются съ домохозяиномъ и его женой по-французски, но тѣ не обращали на его протесты ни малѣйшаго вниманія. Единственное, чего не могъ простить аптекарь своимъ постояльцамъ,—это обнаруженія послѣ ухода ихъ кражи стариннаго пистолета, который до этого времени много лѣтъ спокойно висѣлъ на стѣнѣ въ спальнѣ...

Хотя сонъ мой часто прерывалъ телефонъ, но тѣмъ не менѣе я выспался изрядно. Утромъ вновь пріѣхалъ генералъ С.

Послѣ чая, обильно приправленнаго всякимъ домашнимъ добромъ—жареной картошкой, яйцами, творогомъ—чѣмъ мѣстный ксендзь чествовалъ командующаго дивизіей, мы обошли, по приглашенію пробоща, зданіе монастыря. Последній, кажется ордена Бернардиновъ, насчитываетъ 300 лѣтъ со времени постройки. Гуляя подъ этими грандіозными сводами, видя фундаментальнѣйшія стѣны, проходя по длиннѣйшимъ широкимъ коридорамъ съ дверями келій по бокамъ, проникаешься невольно величіемъ старины, ея мрачностью и чувствуешь, одновременно, и спокойствіе, и какую-то подавленность; сознаешь, по сравненію съ тѣмъ, что видишь, свою недолговѣчность, да и ничтожество. Много событій пережила, за время своего существованія твердыня стараго монастыря. И въ текущей войнѣ стѣны его получили боевыя раненія. При осмотрѣ, ксендзь показывалъ дыру отъ гранаты, пробившей стѣну во дворѣ передъ костеломъ, и углубленіе въ стѣнѣ напротивъ,—конечномъ пунктѣ паденія снаряда. Самый внутренний дворъ показался, по крайней мѣрѣ мнѣ, весьма интереснымъ. Крытая галлерей съ арками, окружавшая его, служила монахамъ, вѣроятно, мѣстомъ прогулокъ. На внутреннихъ стѣнахъ галлерей сохранились когда-то, видимо очень давно, написанныя черезъ правильные промежутки изображенія въ краскахъ страстей Христовыхъ, причемъ подъ каждой изъ такихъ картинъ,—краски на многихъ изъ нихъ почти стерлись,—замѣчалось круглое стекло, вдѣланное въ стѣну; къ этимъ стекламъ прикладывались богомольцы, совершавшіе свое паломничество, по этой галлерей, ползая на колѣняхъ. Середину двора занимала часовня съ алтаремъ и частями мощей. Въ нее вела невысокая лѣстница, въ каждой изъ желѣзныхъ ступеней которой, такъ же, какъ подъ картинами въ галлерей были вдѣланы круглыя стекла. По этой лѣстницѣ богомольцы подымались въ часовню обычно также на колѣняхъ, причемъ, по пути, прикладывались къ каждому изъ такихъ стеколъ. Предупредительный ксендзь-викарій повелъ насъ затѣмъ осматривать костелъ. По его словамъ вся внутренность его осталась съ момента его перваго строительства безъ перемѣнъ. Производился, правда, временами ремонтъ, но заключавшійся лишь въ окраскѣ стѣнъ. Все мое вниманіе сосредоточилось на крупныхъ чеканныхъ отъ руки, серебряныхъ ризахъ, на нѣсколькихъ изображеніяхъ святыхъ и большихъ картинахъ по стѣнамъ, наверху, въ простыхъ деревянныхъ рамахъ, на темы изъ библейской жизни, очень хорошаго письма. Кромѣ того, невольно привлекли взглядъ наивной работы старо давняго времени рѣзныя деревянные фигуры надъ алтаремъ: изображенія, въ

соотвѣствующихъ одѣяніяхъ, очевидно чтимыхъ покровителей монастыря—монаховъ его ордена, принятыхъ въ лоно свѣтыхъ католической церкви. Справа отъ главнаго входа въ костелъ въ особой нишѣ съ мраморными колоннами по угламъ я увидѣлъ каменное изваяніе—памятникъ основателю и строителю монастыря воеводѣ Воловичу: онъ былъ изображенъ лежащимъ во весь ростъ, въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Тутъ же, подъ памятникомъ, по словамъ ксендза, находится замурованнымъ въ стѣнѣ гробъ съ его прахомъ. Въ верхнемъ этажѣ широкій, свѣтлый, сводчатый коридоръ заканчивался массивной, на огромныхъ желѣзныхъ петляхъ, дверью, открывавшей входъ въ малый костелъ, устроенный надъ помѣщеніемъ, смежнымъ съ большимъ нижнимъ. Въ немъ я обратилъ вниманіе на подобіе ложи, закрытой особой черной занавѣскою; сидя въ этомъ помѣщеніи, можно было присутствовать незримо на богослуженіи, совершавшемся внизу. Ко времени обѣдни, бывшей въ это же утро въ главномъ костелѣ, эту ложу занимали, слушая мессу, три или четыре католическихъ монахи какого-то ордена, бѣжавшія изъ своего монастыря, уже занятаго впереди нѣмцами, и нашедшія пріютъ въ Цитовнахъ. Рано утромъ, выходя случайно изъ помѣщенія телефонной станціи, внизу я видѣлъ, какъ ихъ черныя фигуры промелькнули по коридору, направляясь, въ сопровожденіи старой госпожины пробоща къ дверямъ на лѣстницу, ведущую въ верхній костелъ. Не могу сказать, чтобы костелы—какъ нижній, такъ и верхній—поразили меня своимъ богатствомъ и особымъ великолѣпіемъ украшеній; однако, по словамъ ксендза-викарія, въ имуществѣ ихъ была наличность въ большомъ количествѣ серебра, въ видѣ разныхъ размѣровъ и цѣнностей—шандаловъ, канделябровъ и проч. Все это заблаговременно и весьма искусно скрыли. Да и было гдѣ! Подъ всѣмъ монастыремъ находились огромные подвалы, откуда труднымъ, разъ попавъ туда, представлялось даже выбраться, и кромѣ того замѣчалось нѣсколько правда заложенныхъ кирпичами, отверстій подземныхъ ходовъ, выходившихъ, говорили, на очень далекое разстояніе въ разныхъ направленіяхъ. Стѣны монастыря по ширинѣ и прочности кладки вселяли полную и твердую увѣренность, что разрушеній отъ легкой артиллеріи бояться совершенно не приходится, а въ подвалахъ, казалось, можно было отсидѣться и въ случаѣ обстрѣла монастыря изъ тяжелыхъ пушекъ. Тотъ же словоохотливый викарій рассказывалъ, что во время оно монастырь славился особо своей исключительной библіотекой и, въ частности, собраніемъ древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ манускриптовъ. Почти все было увезено послѣ закрытія монастыря правительствомъ, въ періодъ

мятежа и, что самое обидное,—много книгъ, вѣроятно въ виду ихъ размѣра и тяжести для перевозки, было сожжено, по распоряженію комиссіи изъ чиновниковъ, пріѣхавшей для конфискации библіотеки. Въ ближайшее время, послѣ закрытія монастыря, когда некому было оберегать оставшееся въ немъ имущество, книги постепенно продолжали расхищаться. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, викарій посовѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе, хотя бы—если придется быть тамъ,—на библіотеку въ одной изъ недалеко расположенныхъ господскихъ усадьбъ,—«въ которой и теперь можно увидѣть не мало монастырскихъ книгъ». Дѣйствительно, побывавъ, затѣмъ, въ указанной ксендзомъ усадьбѣ, я убѣдился вполне въ его правотѣ.

Закончу описаніе монастырской старины нѣсколькими словами о крайне типичной трапезной, преобразованной пробощемъ въ столовую. Она представляла собою сводчатую залу съ стариннымъ изображеніемъ на одной изъ стѣнъ въ краскахъ св. Распятія и сохранившейся, очевидно съ первыхъ же временъ существованія монастыря, надписью надъ входными дверями. Надпись эта показалась мнѣ весьма характерной:—такъ и повѣяло наивнымъ благочестіемъ и простотой жизни обитателей монастыря. Я привожу ее полностью.

Commedite ex oblatis Si non habebitis satis
Quod Deus vobis dat gratis Mementote paupertatis ¹⁾.

Разумѣется, исчезли столы, за которыми сидѣли монахи, не осталось ихъ скамей; отсутствовало возвышеніе, съ котораго во время трапезы имъ читались душеспасительныя строки изъ житій святыхъ, но все же и старинная картина Распятія, и надпись надъ дверями, и окошечко въ кухнѣ, откуда передавались прислужниками блюда,—все создавало настроеніе. Иллюзію старины и благочестія, правда, сильно нарушали: красовавшійся на самомъ видномъ мѣстѣ посреди одной изъ стѣнъ, буфетъ ксендза—такой, какіе сплошь нагромождены въ дешевыхъ еврейскихъ мебельныхъ лавкахъ и... весьма веселый, разговорчивый и ласковый попугай, покинутый въ Цитовянахъ вмѣстѣ съ молодой служанкой, однимъ изъ представителей полиціи, предпочитавшимъ не встрѣчаться съ нѣмцами и уѣхавшимъ, забравъ только жену, быстро и весьма налегкѣ. Попугая взялъ на свое иждивеніе пробощъ, а служанку пріютила сердобольная старушка-вдова, домовладѣлица. Въ смежной съ трапезной небольшой комнаткѣ, изъ которой дверь вела въ коридоръ съ кельями

¹⁾ Ъшьте совмѣстно изъ блюдъ пищу, которую по милости даетъ вамъ Богъ. Если же вамъ ея будетъ недостаточно, вспомните о бѣдности.

монаховъ и помѣщеніемъ пріора,—я замѣтилъ у наружной стѣны сводъ, заложенный кирпичами, со слѣдами обсыпавшейся съ нихъ замуровки. Викарій пояснилъ мнѣ, что это закрытое отверстіе самаго длиннаго подземнаго хода, по преданію шедшаго за мѣстечко подъ озеромъ и заканчивавшагося далеко за нимъ, въ лѣсу...

Мнѣ очень грустно, что у меня не сохранилось систематическихъ записей объ описываемомъ трудномъ, но и интересномъ боевомъ періодѣ.

Чувствуя, въ теченіе нѣсколькихъ дней, кромѣ нервной расшатанности и физическое недомоганіе—болѣло горло, я рѣшилъ эвакуироваться, о чемъ доложилъ начальнику штаба и получилъ надлежащее разрѣшеніе. Пришлось совершить очень далекій путь верхомъ и, только послѣ долгихъ перипетій путешествія, я оказался въ Вильнѣ. Прострадавъ нѣсколько дней ангиной, довольно сильной, я снова поѣхалъ въ дивизію, которой тѣмъ временемъ принялъ командованіе снова генералъ Л., совершенно оправившійся отъ болѣзни. Произошли и кромѣ этой перемѣны. Генералъ О. уже не командовалъ корпусомъ; дивизію передвинули сѣвернѣе къ границѣ Курляндской губерніи, а всѣ прежнія мѣста у Дубиссы, гдѣ мы сидѣли почти весь май мѣсяцъ, опять были во власти нѣмцевъ.

По пути въ дивизію пришлось остановиться на день въ Ригѣ:—не совпадали поѣзда. Городъ, въ которомъ я очутился впервые, очень понравился мнѣ по внѣшнему виду, но прямо поразилъ своимъ чуждымъ, заграничнымъ характеромъ. Недаромъ много и давно приходилось слышать, что это совершенно нѣмецкій городъ. Масса зелени, чистота, красота расположенія и изящество построекъ ласкали глазъ. Мы проѣхались съ нашимъ милѣйшимъ «писателемъ» М. (корреспондентомъ «Русскаго Слова»), все время бывшимъ при дивизіи, по городу; побывали на набережной и хотѣли добраться до моря, но было поздно. Обѣдали и ужинали въ саду, гдѣ игралъ недурной духовой оркестръ, но плохо кормили. На улицахъ, развѣ только военные, проходящій паркъ или обозъ, да пролетающій грузовикъ напоминали о боевыхъ буряхъ. Въ саду же, особенно вечеромъ, война показалась незамѣтной. На веранду, весьма обширную по размѣрамъ, набилась масса разряженной публики; неслись звуки румынскаго вальса, усердно разыгрываемаго семью музыкантами, смѣнившими духовой оркестръ; слышался смѣхъ, оживленный говоръ. Отсутствовали, правда, на столахъ вазы съ крѣпкимъ, ведра съ шампанскимъ. Зато публика усиленно поглощала квасы и фруктовые

воды. Народъ не испугался пасмурнаго вечера, мокроты и сырости—вслѣдствіе пронесшейся надъ Ригой передъ вечеромъ сильнѣйшей грозы съ ливнемъ.

Переспавъ въ гостиницѣ, пріятно поразившей чистотой и тишиной, мы рано утромъ двинулись дальше. Вылѣзши на станціи назначенія и продѣлавъ часть пути въ автомобилѣ, а часть на подводѣ, мы добрались, наконецъ, до небольшой крестьянской усадьбы, гдѣ расположенъ штабъ. Тотчасъ по пріѣздѣ я представился новому начальнику штаба полковнику Ж. Стоять было хорошо и спокойно, хотя тѣсно. Я, напр., ночевалъ съ двумя другими ординарцами въ темной кладовушкѣ, въ мирное время служившей хранилищемъ зерна и картошки. Обѣдали мы въ саду, причѣмъ, въ первый же день съ наслажденіемъ пили настоящую на свѣже-собранныхъ смородинныхъ почкахъ, добытую мною непоимѣрными усиліями, привезенную изъ Вильны водку. Кромѣ состава штаба постоянными гостями за обѣдомъ и ужиномъ являлись члены маленькаго летучаго отряда Краснаго Креста, стоявшаго на опушкѣ огромнаго хвойнаго бора, въ полуверстѣ отъ штаба: уполномоченный докторъ и сестра милосердія В., за которой наперерывъ всѣ, за малымъ исключеніемъ, разумѣется, весьма впрочемъ почтительно, ухаживали. Гуляли, катались верхомъ, снимались, такъ какъ нашлось нѣсколько любителей фотографовъ, купались въ Вентѣ. Впрочемъ, послѣднее удовольствіе мнѣ лично пришлось испытать только разъ. Тотчасъ за Вентой были наши окопы, а впереди на близкомъ разстояніи, позиціи нѣмцевъ. Путь до рѣки, по красивѣйшей лѣсной дорогѣ наши офицеры обычно проѣзжали верхомъ. И, хотя дорога была почти сплошь невидна противнику, однако имѣлось немного открытыхъ мѣстъ, куда залетали не только шальныя, но и по назначенію пули. Во время поѣздки нѣсколько ихъ прожужжало надъ нашими головами, но непріятность ощущеній вполне парализовалась прелестью купанія въ быстрой, глубокой, съ прозрачнѣйшей водой рѣкѣ. Вполнѣ благополучно вернувшись, мы рѣшили продѣлать то же и на слѣдующій день, но на завтра по этому предмету вышло категорическое запрещеніе генерала. Дѣло въ томъ, что утромъ денщикъ одного изъ офицеровъ, возвращаясь съ купанья былъ, проѣзжая по открытому мѣсту, раненъ нѣмецкой пулей въ ногу. Пришлось такимъ образомъ отказаться въ дальнѣйшемъ отъ удовольствія купаться. Недолго суждено было намъ наслаждаться и мирнымъ теченіемъ идиллической жизни въ деревнѣ. Прошла недѣля, въ теченіе которой часто заходили разговоры,—особенно генералъ увѣрялъ о томъ,

что нашу дивизію перебросятъ на другой фронтъ. Говорили, что начальникъ дивизіи былъ недоволенъ создавшимся положеніемъ вещей. Хотя корпусъ не беспокоилъ, зато командующій арміей, кажется недолюбливавшій нашего генерала насѣдалъ. Разъ заставилъ штабъ стоять въ полутора верстахъ отъ позицій, что прежде всего не имѣло смысла. Какъ бы тамъ ни было, но однажды вечеромъ нѣсколько нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, возвращаясь съ прогулки по лѣсу, получили поздравленіе отъ вышедшаго къ намъ навстрѣчу генерала съ предстоящей переброской дивизіи на Волынь. Я, хотя и не имѣлъ къ тому особыхъ основаній, не очень восхитился; генералъ же и большинство офицеровъ состава штаба были весьма довольны.

На утро начальникъ штаба передалъ мнѣ приказаніе генерала отправиться въ штабъ юго-западнаго фронта въ Ровно, получить тамъ для дивизіи карты. Не скажу, чтобы эта командировка меня порадовала:—гораздо удобнѣе и покойнѣе было бы ѣхать съ эшеленомъ. Путешествіе до Вильно было не изъ пріятныхъ. Предстояло проѣхать верстъ шестьдесятъ въ автомобилѣ. Управлять сѣлъ корнетъ Г., большой видимо любитель этого дѣла, но не такой же знатокъ его. Мчались мы невѣроятно, и, какъ потомъ говорилъ мнѣ корнетъ В., великолѣпно справлявшійся съ своимъ гигантомъ—«Мерседесомъ»,—больше насъ спасала отъ аварии судьба, чѣмъ умѣніе нашего любителя-шоффера. На станціи А. пришлось, къ обоюдному удовольствію корнета Г. и моему, ждать недолго. Подошелъ пустой составъ товарнаго поѣзда и мы водворились въ одномъ изъ вагоновъ, гдѣ пахло помѣсью конскаго намета, солдатскаго пота и махорки, и гдѣ полъ и стѣны, въ отношеніи чистоты, заставляли желать очень много лучшаго. На каждой станціи вплоть до Митавы были безконечныя остановки. Наконецъ добрались до Митавы еще засвѣтло. Городъ кишѣлъ, какъ муравейникъ. Подъѣзжая къ станціи, мы увидѣли цѣлый лагерь: палатки бѣлѣли рядами на обширной площади, сплошь полной сновавшими по ней туда и сюда солдатами. Кое-гдѣ виднѣлись шеренги нижнихъ чиновъ, обучавшихся строю. Въ Митавѣ было сосредоточено много войскъ и стоялъ штабъ арміи. Въ вагонѣ говорили объ эвакуаціи района отъ Либавы. Последняя шла очень быстро и удачно. Когда мы подъѣзжали къ Ригѣ, по линіи эвакуаціи видѣли шедшими одинъ за другимъ огромные составы поѣздовъ, и со словъ жителей узнали, что имъ предлагалось вывозить все, вплоть до мелкой домашней птицы. Всѣ платформы рижскаго вокзала оказались биткомъ набитыми бѣженцами и перегруженными кучами мелочей домашняго обихода. Все это суетилось, кричало, толкалось, лѣзло въ поѣзда,

ругалось. Слышался плачь потерявшихся изъ-за суматохи въ толпѣ дѣтей, пронесли куда-то на носилкахъ блѣдную, какъ смерть, съ изможденнымъ лицомъ, видимо трудно больную даму. Тутъ же раздавался по временамъ трубный звукъ сигналовъ, и подходили одинъ за другимъ поѣзда съ эшелонами войскъ. По справкѣ, наведенной нами у «лица» въ красной фуражкѣ — дежурнаго по станціи, мы узнали, что самое вѣрное будетъ сѣсть съ однимъ изъ эшелоновъ, идущихъ на Двинскъ. Такъ мы и сдѣлали, воспользовавшись любезностью начальника эшелона. Въ Ровно пріемъ, оказанный мнѣ въ штабѣ фронта, не заставлялъ желать лучшаго. Въ топографическомъ отдѣленіи тотчасъ же были сдѣланы распоряженія о томъ, чтобы снабдить меня картами въ нужномъ числѣ и даже тѣхъ масштабовъ, которыхъ я не просилъ. Такое отношеніе тѣмъ болѣе пріятно поразило меня, что, какъ оказалось съ первыхъ же словъ, я попалъ не туда, куда слѣдовало:—мѣсто назначенія дивизіи входило въ районъ западнаго, а не юго-западнаго фронта. Не могу не подчеркнуть того глубокаго уваженія, которое я почувствовалъ къ постановкѣ дѣла въ этомъ штабѣ: отсутствіе формализма и видимая наличность принципа считаться въ первую голову съ требованіями жизни привели меня въ самое отрадное настроеніе. Когда уже вечеромъ,—мой писарь работалъ при полномъ содѣйствіи нижнихъ чиновъ штаба, въ теченіе всего дня надъ сборкой картъ,—я увидѣлъ 18 аккуратнѣйше уложенныхъ тюковъ съ надписями и точнымъ обозначеніемъ, какія и куда предназначенныя карты въ каждомъ тюкѣ находятся, я еще разъ, отдавъ мысленно дань восхищенія порядкамъ штаба, призадумался въ то же время, какъ я повезу всю эту махину. Если бы не мой писарь, энергично кулаками и боками расчистившій въ вагонѣ III-го класса биткомъ набитомъ, мѣсто для тюковъ, да не моя угроза кондуктору—помѣстить казенное добро, требующее срочной доставки, силой, буде онъ не окажетъ должнаго содѣйствія,—карты остались бы въ Ровнѣ вмѣстѣ съ нами на неопредѣленное время.

Утромъ на перронѣ пустыннаго и пріобрѣтшаго уже особо характерный оттѣнокъ близости къ боевымъ позиціямъ красиваго Ковельскаго вокзала, взгромоздилась гора тюковъ, а около нея расположились въ раздумьѣ я и писарь, смущенные сомнѣніями, что предпринять въ дальнѣйшемъ. Дѣло въ томъ, что впередъ за Ковель правильнаго движенія уже не было и, по словамъ носильщика, намъ предстояло ждать случайной оказіи въ видѣ поѣзда съ грузомъ или эшелона. Давно, очень давно не овладѣвало всѣмъ моимъ существомъ такого чувства радости, какое

я испыталъ вскорѣ затѣмъ, увидѣвъ знакомое лицо вышедшаго изъ буфетнаго зала, съ сверточками въ рукахъ лихого донца—урядника съ двумя Георгіями нашего казачьяго полка. Сейчасъ же выяснилось, что на путяхъ противъ станціи стоитъ эшелонъ, готовый къ отправкѣ на Владимиръ-Волинскъ. Съ стремительностью, совѣмъ особой, бросился я къ офицерскому вагону, гдѣ восторженно привѣтствовалъ всѣхъ—моихъ добрыхъ знакомыхъ. Моментально станичниками былъ перенесенъ мой грузъ, прибытію котораго, кстати сказать, офицеры очень обрадовались, и я водворился въ вагонъ, а спустя короткое время пилъ чай, обмѣниваясь оживленно впечатлѣніями о цѣли переброски, о сдѣланномъ полкомъ пути и т. п. Какихъ-нибудь три часа дороги безъ задержекъ, бесѣда съ командиромъ полка, нашимъ бывшимъ начальникомъ штаба—и мы прибыли во Владимиръ-Волинскъ. Послѣдній являлъ собой яркую, полную картину близкаго боевого тыла. Госпиталя, парки, склады, автомобильныя команды—все размѣстилось въ наполовину покинутыхъ населеніемъ домахъ и квартирахъ. Вездѣ и только военные; движеніе обозовъ, грузовиковъ, транспортовъ, мелькаютъ автомобили Краснаго Креста, проносится изящная, крѣпкая машина съ императорскимъ флажкомъ:—въ Владимиръ-Волинскомъ временно жилъ или былъ проѣздомъ одинъ изъ великихъ князей. Проходятъ части: пѣхота, везутъ пушки; словомъ, все было въ порядкѣ и обычномъ соответственнo роли, которую игралъ тогда этотъ городъ. Штабъ расположился въ зданіи—не то школѣ, не то клубѣ. Я пріѣхалъ какъ разъ во время: днемъ было назначено выступленіе дивизіи къ самому берегу Западнаго Буга. По словамъ нашихъ офицеровъ, ѣхали они на новыя мѣста весело и хорошо. Между прочимъ, большое развлеченіе доставило имъ происшествіе на одной изъ небольшихъ буфетныхъ станцій съ нашимъ «писателемъ». Во время общаго чаепитія въ залѣ буфета, нашъ генералъ вступилъ въ разговоръ съ прехорошенькой барышней, какъ потомъ оказалось дочерью содержателя буфета, все время вѣртѣвшейся около стола съ своимъ, какъ тѣнь слѣдовавшимъ за нею, очевидно, воздыхателемъ,—мрачнымъ, великовозрастнымъ гимназистомъ. Особое вниманіе дѣвицы обратилъ на себя милѣйшій А. И. М-скій, какъ бывший безъ погонъ. Любопытство повело къ вопросу барышни, почему среди офицеровъ вдругъ штатскій и кто онъ. Генералъ, ни минуты не раздумываясь, отвѣтилъ, что это знаменитый писатель Арцыбашевъ, ѣдущій собирать фактическій матеріалъ для задуманнаго имъ большого романа изъ военной жизни. Трудно передать впечатлѣніе, которое произвело не только на дѣвицу, но и на ея поклонника заявленіе генерала. Она такъ

и бросилась къ А. И., чуть ли не съ явнымъ намѣреніемъ цѣловать ему руку и съ выраженіемъ неописуемаго восторга на сразу особенно оживившемся премиленькомъ личкѣ вскричала, обращаясь къ нему: «Такъ вы Арцыбашевъ, авторъ «У послѣдней черты?». Утвердительный, спокойный отвѣтъ А. И., что это дѣйствительно такъ, окончательно вывелъ дѣвицу изъ состоянія равновѣсія. Съ этого момента она въ сопровожденіи своего воздыхателя, на лицѣ котораго мракъ уступилъ мѣсто сіянію блаженства, все время, какъ тѣнь, ходила за А. И. Когда же наступило время отправки эшелона, барышня стала умолять генерала разрѣшить ей ѣхать съ дивизіей, вѣроятно въ искреннѣйшемъ стремленіи «быть рабой и служанкой» знаменитаго писателя. Только п рѣчи было, что это счастливѣйшій день въ ея жизни, что она послѣ того блаженства, которое испытала, не можетъ уже киснуть здѣсь, въ захолустѣ станціи въ обществѣ мамыши, занятой счетомъ продуктовъ и изготовленіемъ котлетъ... Кончилось слезами и матери, пришедшей въ ужасъ отъ настроенія дочери, и барышни, серьезно умолявшей мать отпустить ее. Уговоры ли старухи, природное ли послушаніе, а можетъ и жалкій видъ вѣрнаго рыцаря,—все же одержали верхъ:—барышня осталась.

Смѣху было потомъ много; особенно развеселила всѣхъ экспансивность милой дѣвицы и невозмутимость героя случая—А. И., который всѣ изліянія по ложному адресу, хоть и будучи самозванцемъ, принималъ тѣмъ не менѣе спокойно и съ чувствомъ такого собственного достоинства, что казалось совсѣмъ вошелъ въ роль...

Задачей нашей было занимать извѣстный районъ позиціонной линіи по нашему берегу Западнаго Буга, причемъ однѣ части корпуса должны были періодически смѣнять другія, отдыхать и снова затѣмъ становиться въ окопы. Наша дивизія смѣнила казачью, отходившую кажется на отдыхъ, а потомъ и на другой фронтъ. Стоянкой штаба явилось имѣніе З., расположенное въ центрѣ участка. Какъ въ смыслѣ климатическихъ условій, такъ и по мѣстоположенію, стоянка наша представлялась весьма привлекательной. Усадьба, родовое имѣніе графовъ К., раскинулась на возвышенности. Домъ, хотя и новой постройки, обращалъ вниманіе своей особой прочностью и фундаментальностью. Видимо, владѣлецъ рѣшилъ устроиться основательно въ исключительно солидномъ помѣщеніи, чѣмъ специально и занялся. Верхъ дома былъ еще совершенно не отдѣланъ; съ постройкой не торопились, но зато все, что представлялось оконченнымъ, внушало мысль о прочности и не скорой нуждѣ въ ремонтѣ. Впереди дома зеленѣлъ кругъ съ нѣсколькими, возвышавшимися на немъ,

стройными елями. Сзади дома былъ большой цвѣтникъ, а за нимъ лужайка съ разсаженными по ней декоративными деревьями: —серебрянымъ тополемъ, туюй, огромными кустами можжевельника. По склону внизъ къ деревнѣ, раскинулся большой фруктовый садъ. Обширную ровную площадь влѣво отъ дома, занималъ паркъ, разбитый четырехугольникомъ, обнесенный съ трехъ сторонъ рвомъ и валомъ и обсаженный по краю двумя рядами липъ, между которыми шли кругомъ широкія аллеи. Когда-то, въ прежнія времена домъ, видимо, стоялъ въ паркѣ; объ этомъ свидѣтельствовали два при входѣ въ паркъ полуразрушенныхъ кирпичныхъ столба съ слѣдами штукатурки и остатками лѣпныхъ украшеній, при чемъ тутъ же валялось, несомнѣнно, упавшее съ верхушки одного изъ столбовъ изображеніе вазы съ орнаментомъ и гирляндами; вѣроятно, это были остатки воротъ. Въ самомъ паркѣ, надо полагать, тамъ, гдѣ былъ цвѣтникъ сохранилась украшавшая его статуя изъ дикаго камня на такомъ же постаментѣ. Что она изображала—догадаться было трудно, такъ какъ вся она была и поотбита и сильно загажена птицами. Отъ боковыхъ аллей вились дорожки, перерѣзавшія паркъ въ разныхъ направленіяхъ. Судя по деревьямъ—вѣковымъ липамъ, тополямъ, елямъ и березамъ,—паркъ былъ очень старый... За паркомъ впереди и вправо, насколько видѣлъ глазъ, желтѣли поля, зеленѣли дуга и синѣлъ лѣсъ; влѣво виднѣлась деревня З., вся потонувшая въ зелени, среди которой бѣлѣли хатки и возвышалась колоколенкой скромная церковь. Въ деревнѣ царило полное оживленіе. Тамъ стояли наши обозы и части, смѣнявшіяся поочередно съ позицій. Офицеры штаба ограничивали свои прогулки паркомъ и иногда выходили на дорогу къ позиціямъ. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалось оживленіе артиллеріи противника. Благодаря возвышенному мѣсту, передъ глазами открывалась широко вдаль панорама полей, лѣса подъ самымъ берегомъ Буга и дальше селеній и мѣстечекъ уже на австрійской землѣ. Красивы были разрывы непріятельскихъ снарядовъ—бѣло-розовыя облачка; шрапнели начинялись какой-то красной массой, съ какой цѣлью—я не знаю, отъ нея вѣрно пріобрѣталъ соответствующій цвѣтъ и дымъ. Обычно мы наблюдали обстрѣлъ съ холмика при дорогѣ, на которомъ росли три старыхъ березы, а между ними на кирпичной колоннѣ чернѣлъ древній чугунный крестъ.

Отрядъ устроился хорошо; нѣкоторая тѣснота помѣщенія не давала себя чувствовать особенно остро, такъ какъ, благодаря погодѣ, обѣдали и пили чай тутъ же, около дома подъ деревьями. Весь составъ отличался гостепріимствомъ и хозяйственностью.

Съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ иногда, правда рѣдко, пилъ въ отрядѣ чай съ настоящимъ домашнимъ вареньемъ. Когда мы нѣсколько обосновались, начались развлечения, хотя далеко не въ такой степени, какъ у нашихъ предшественниковъ—штаба казачьей дивизіи. Говорили, что почти ежедневно по вечерамъ бывали пляски кубанцевъ, пѣли пѣсенники и устраивались вечеринки, на которыя приглашались потанцовать, въ большомъ количествѣ обитательницы смежной съ усадьбой деревни. Въ моей памяти живы два-три такихъ увеселенія. Какъ-то вечеромъ на лужайкѣ подъ сѣнью деревьевъ расположились нашъ казачій оркестръ; звуки музыки привлекли бабъ и дѣвокъ, въ достаточномъ числѣ появившихся въ своихъ крайне живописныхъ, пестрыхъ костюмахъ. Начались танцы, и, надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ отплясывали польки и вальсы наши ординарцы и вѣстовые. Закончилось все исполненіемъ трпаковъ и казачковъ, на что у насъ было нѣсколько любителей и исполнителей. Спустя нѣсколько дней вечеринка повторилась...

Подопшло время смѣны нашей дивизіи, которой предстояло отойти назадъ. Мы отошли назадъ, кажется сѣвернѣе верстъ на пять въ большую деревню, которой названіе забылъ, да оно впрочемъ и не существенно. Размѣстились скверно; все было, кромѣ насъ, набито пѣхотой; стояли Обоянскій Златоустовскій полки.

Въ деревнѣ, откуда мы рассчитывали отойти для краткаго отдыха дальше въ тылъ, пришлось пробыть только до сумерекъ слѣдующаго дня.

Дальнѣйшіе дни нечѣмъ отмѣтить. Было однообразно, а настроеніе не розовѣло. Времяпрепровожденіе было удивительно одинаково, вплоть до момента, когда вѣсть о наступленіи въ большихъ силахъ противника заставила насъ отходить. Этому событію сопутствовали картины, весьма тяжелыя, въ смыслѣ дѣйствія ихъ на нервы. Была предпринята,—жестокая по формѣ, но необходимая по существу,—реквизиція скота у населенія; стало проводиться въ жизнь приказаніе свыше о принудительномъ уходѣ населенія въ глубь страны и осуществляться распоряженіе объ уничтоженіи всего того, что могло бы принести пользу наступающему врагу. Сердце обливалось кровью при видѣ не только оставившихся, но съ нарочитой нѣлю истреблявшихся богатствъ: жгли снопы хлѣба, сараи полные сѣна; деревни, кипѣвшія передъ тѣмъ жизнью, пустѣли; двигались по дорогамъ повозки, до верху нагруженные жалкими остатками былого благосостоянія;

лошади ¹⁾ выбивались изъ силъ, таща эту тяжесть. Старики, бабы, дѣти—все это шло за своимъ бѣднымъ скарбомъ, «куда глаза глядятъ», горько оплакивая брошенное, либо на ихъ же, хозяйскихъ глазахъ, уничтожавшееся добро. И все-таки многое оставалось! Немыслимымъ представлялось истребить цѣлыя желтыя моря переливавашагося золотыми волнами, созрѣвшаго, готоваго къ жатвѣ, хлѣба. Зеленѣли баштаны; качались на длинныхъ стебляхъ подсолнухи, виднѣлись кое-гдѣ, вглубь отъ позицій, огороды, полные овощей, и обидно было сознаніе, что организація нѣмцевъ все это возьметъ, приспособитъ, используетъ. Вспоминались рассказы о подготовкѣ ими путей сообщеній, о массѣ у нихъ грузовыхъ автомобилей, въ цѣляхъ организаціи подвоза; даже о персвозныхъ легкихъ мельницахъ для помола злаковъ, о будто бы сопровождавшихъ продвигавшіяся части рабочихъ, специально затѣмъ, чтобы снимать посѣвы и брать таковыя впрокъ. Въ частности, я слышалъ о постановкѣ у противника санитарнаго вопроса. Исключительной,—въ виду того, что нѣмцы очень боялись возможности, благодаря вредной низменной болотистой мѣстности, эпидемическихъ заболѣваній въ крупномъ масштабѣ. Противникъ достигъ всего возможнаго въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Передъ занятіемъ какого-нибудь селенія, оставленнаго нами,—туда, обязательно, посылались санитарный отрядъ; производилась аккуратнѣйшая дезинфекція всего, до мелочей; дѣлались изслѣдованія воды во всѣхъ колодцахъ и, въ случаяхъ сомнѣнія, вывѣшивались на домахъ или усадьбахъ нѣсколько притомъ на видныхъ мѣстахъ плакатовъ «опасно по холерѣ». Лишнее пояснять, что такія помѣщенія вычеркивались изъ числа пригодныхъ для жилья... Общимъ направленіемъ нашего отхода, если не ошибаюсь, былъ сѣверо-востокъ. Ближайшій путь лежалъ черезъ селеніе М., гдѣ стоялъ штабъ корпуса. Мы выступили раннимъ утромъ; день обѣщаль быть жаркимъ, но въ этотъ моментъ было чудно хорошо. Легко дышалось въ утренней прохладѣ, пахло хлѣбомъ на корню, полевыми цвѣтами и хвойнымъ лѣсомъ. При дорогѣ случилась крестьянская усадьба, куда мы и вошли. Во дворѣ, около доверху нагруженной, запряженной парой лошадей повозки возился мужикъ; въ избѣ суетились бабы и толклись дѣти. Одна изъ бабъ вынимала, видимо въ дорогу только что выпеченные хлѣбы, другая снимала образа. Женщины плакали. Особенно грустно было смотрѣть на лѣтъ 9-ти дѣвочку, отлично видимо чувствовавшую всю глубину сразу безпощадно обрушившагося на нее и семью несчастья.

¹⁾ Я видѣлъ и такія картины: подводы везли въ запряжкѣ «гусемъ» лошадей и корова.

Сидя въ углу она горько, горько всхлипывала. Старшая сестра ловила куръ, перевязывала имъ лапы и складывала отчаянно кричавшихъ птицъ на полу у приготовленной для нихъ корзины. Мягкосердый докторъ не выдержалъ и, щедро уплативъ, купилъ все пернатое хозяйство и что-то десятка два яицъ. Наши казаки, я снова вышелъ во дворъ, помогали хозяину увязывать погруженный скорбь веревками. Подъ подводой лежала,—строго на посту охранителя имущества—собака; изъ запертаго сарая доносился визгъ поросятъ и мычаніе коровы, какъ будто недоумѣвавшей, почему—вопреки обыкновенію,—ея не выпускаютъ въ такое дивное утро на лугъ, тутъ же за дворомъ, манившій сочнымъ запахомъ травъ...

Прискакалъ ординарецъ съ донесеніемъ, что уже занята наша первая стоянка З. Мы двинулись дальше. Въ М.,—гдѣ разсчитывали передохнуть основательнѣе,—предварительно направили обозъ. Помню, подѣзжая, я обратилъ вниманіе на поле у околицы влѣво. Мѣсто,—гдѣ штабъ корпуса устраивалъ свои «*soucs hippiques*»—протоптанная дорожка, масса разнообразныхъ препятствій; видны были во всемъ тщательность и забота о содержаніи этого открытаго манежа. Въѣхали въ усадьбу, расположенную въ предѣлахъ селенія. Во дворѣ увидѣли группу осѣдланыхъ лошадей—собирался уѣзжать генералъ Г. со штабомъ. Штабъ корпуса, послѣ краткаго разговора командира съ нашимъ генераломъ, уѣхалъ. Слѣдомъ за ними двинулась прекрасная коляска, въ которой усѣлись управляющій въ высокихъ спортсменскихъ шнурованныхъ англійскихъ желтыхъ сапогахъ и жена его—очень привлекательная, изящная дама. На козлахъ въ ногахъ кучера и впереди на скамейкѣ помѣстили багажъ:—больше дамскій—двѣ-три деревянныхъ кардонки и несесерь; вообще же выѣхали такъ налегкѣ, что даже грустно было смотрѣть. Сама помѣщица, юркая, въ болѣе чѣмъ пожиломъ возрастѣ, металась. И именно металась:—въ каждомъ ея словѣ, даже жестѣ чувствовалось колебаніе—жалость оставить родное гнѣздо, съ одной стороны, и страхъ передъ предстоящимъ—съ другой. Ради самоутѣшенія, безспорно, рассказывала она намъ, что отправила дочь, которая очень не хотѣла уѣзжать, но она, какъ мать, настояла, и что австрійцы «галантны и вѣдь ничего ей не слѣлаютъ!» «Они уже, молъ, были при первомъ нашествіи—гусары мадьярскіе и держали себя весьма корректно». Повторяю, очень-очень грустно было видѣть смущеніе старухи, горе въ глазахъ молоденькой жены управляющаго, растерянное лицо,—никогда передъ тѣмъ вѣроятно, не мѣнявшей строго спокойнаго обличія,—типичной, старой экономки...

Солнце уже склонялось къ западу, когда выступили дальше. Все и сзади насъ и по пути горѣло. Съ хлѣбомъ на корню, конечно, не представлялось возможнымъ что-либо сдѣлать; зато горѣли скирды, занимались пожаромъ отдѣльныя усадьбы крестьянъ и деревни. Помню эффектное зрѣлище, когда колоннѣ дивизіи пришлось обогнуть вынужденно дорогу. У края послѣдней подобно грандіозному факелу пылала вѣтряная мельница. Не только искры, но и цѣлые притомъ основательные куски сухого лѣса лопались и отлетали, благодаря силѣ огня, да еще при вѣтрѣ, дувшемъ какъ разъ въ направленіи пути нашего слѣдованія на дорогу. Не успѣла голова колонны миновать горѣвшее строеніе, какъ раздался оглушительный трескъ и верхъ рухнулъ.

Къ вечеру мы пришли на мѣсто расположенія. Неподалеку, версты на двѣ отъ линіи окоповъ, вившихся по берегу рѣчки (названія не помню), въ колоніи М. сталъ штабъ. Утромъ оказалось, что мы стоимъ на весьма высокомъ красивомъ мѣстѣ; видъ кругомъ, будь это въ другое время и при иномъ настроеніи, поражалъ бы красотой. Далеко далеко виднѣлись среди зелени деревьевъ тамъ и сямъ разбросанныя деревни, какъ будто бы оазисы среди желтой пустыни хлѣбовъ, перемежающейся зелеными полосами скошенной травы. Особенно выдѣлялась, расположенная также на возвышенности дальше въ тылъ, верстъ за 5, богатая усадьба, гдѣ водворился штабъ корпуса. Виденъ былъ паркъ, въ центрѣ котораго гордо высился подъ зеленой крышей весь бѣлый помѣщичій домъ съ башенкой. Что сказать о жизни въ колоніи М.? Было тихо. Ѣздили верхомъ, гуляли, ходили къ рѣчкѣ внизъ, гдѣ снимали ряды бабъ, нисколько не мѣнявшихъ и подъ угрозой близости врага насущный строй жизни и усердно выколачивавшихъ обрубками грязь изъ бѣлья мужей и дѣтей; покупали поросятъ, яйца и домашнюю птицу у ежедневно проходившихъ цѣлыми таборами бѣженцевъ. Трудно имъ бѣднымъ было. Сколько разъ приходилось наблюдать общее невыносимое напряженіе силъ и людей и лошадей, втаскивавшихъ кладъ на высокую и крутую гору—передъ самымъ селеніемъ. Вечерами слушали пѣсенниковъ—стояли батареи и часть драгунъ, кажется,—смѣялись сценкамъ, которыя изображали,—сами не понимая производимаго впечатлѣнія,—наши солдаты на перебой ухаживавшіе за разными Улитами и Горпинами, въ яркихъ мѣстныхъ одѣянїяхъ, прислушивались къ незатѣйливому пиликанію скрипки, или къ унылой пѣсенкѣ взгрустнувшей бабы, вдругъ охваченной мечтами о прошедшемъ мирномъ времени жизни, когда было такъ хорошо сидѣть на закатѣ солнца съ мужемъ, вернувшимся

съ работы и вдыхать подъ шумъ и пискъ дѣтвора аромать цвѣтовъ въ палисадникѣ и тотъ особый воздухъ, который гнали съ поля свѣже сжатая скирды хлѣба... Наступленіе развивалось медленно; казалось, германо-австрійцы не вѣрятъ нашему отходу, ищутъ ощупью и боятся ловушки. Къ этому времени окончательно опредѣлилось, что настоящей необходимости въ отходѣ не было, и онъ былъ вызванъ, наиболѣе, соображеніями стратегическаго свойства...

Какъ никакъ, но прошла педѣля, и пришлось покинуть колонію М., которую мы всѣ полюбили за чудное мѣстоположеніе, чистый воздухъ, привѣтливость жителей. Двинулись утромъ въ ярко солнечный лѣтній день. И тутъ опять навели на грустные размышленія картины общаго отхода. Хотя къ тому времени распоряженіе о принудительномъ выселеніи жителей, кажется, уже перестало быть въ силѣ, однако вмѣстѣ съ нами теперь уже добровольно поднялась почти вся деревня. За колонной дивизіи потянулись длинной веревницей подводы крестьянъ. Воздухъ за клубился пылью, поднимавшейся огромными столбами, слышались громкій говоръ бабъ, плачь дѣтей, мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, крики всякой домашней птицы. Весь живой инвентарь, до послѣдней курицы, населеніе гнало и везло съ собой. Вслѣдъ намъ почувствовался запахъ дыма и гари, того особеннаго дыма, когда жгутъ солому. Можно было видѣть поля съ пылавшими на нихъ правильными рядами, какъ будто костровъ: это горѣли скирды хлѣба. Вотъ гдѣ-то и среди построекъ вспыхнуло пламя и вырвался кверху столбъ чернаго дыма. Стало разгораться все сильнѣе. И подумалось—неужели пройдетъ два часа, и отъ живописнѣйшей, дышавшей достаткомъ и довольствомъ деревни останутся лишь обгорѣлыя развалины? На самой окраинѣ, въ сторонѣ отъ дороги, я увидѣлъ возившимися на огородѣ за усадьбой двухъ парней. Приглядѣвшись, я понялъ, что они, работая палками, срываютъ цвѣты, уже почти дошедшіе подсолнухи, уничтожаютъ поспѣвающіе арбузы и тыквы, топчутъ гряды. Лишь бы не досталось чѣмъ поживиться врагу. Отъѣхавъ дальше и вновь оглянувшись я увидѣлъ, что усадьба, гдѣ дѣйствовали парни, также занялась пожаромъ...

День уже сильно клонился къ вечеру, когда мы достигли мѣста назначенія. Мнѣ привелось устроиться великолѣпно. Явился Кузьма Крючковъ и предложилъ мнѣ расположиться съ казаками. Они, оказалось, заняли обширный дворъ—со всѣми въ немъ строеніями,—крестьянской усадьбы. Время было теплое, почему меня помѣстили въ сараѣ, доверху заваленномъ снопами только что сжатой ржи. Очистили въ углу мѣстечко, устлали

земляной полъ снопами, положили спальный мѣшокъ и никогда, кажется, я такъ хорошо, крѣпко и безъ сновъ не спалъ. Вечерами убаюкивала пѣсня, которую тянули казаки, ржаніе и фырканіе лошадей тутъ же за тонкой деревянной перегородкой, жевавшихъ кормъ; по утрамъ будилъ совсѣмъ маленькій, но крикунъ жеребенокъ, появившійся на свѣтъ во время войны, какъ собака, бѣгавшій за казачьими повозками въ ошейникѣ на шеѣ, затѣйливо изукрашенномъ, съ привѣшеннымъ къ нему громкимъ звонкомъ. Казаки баловали кобылку напропалую и испортили ей характеръ: чуть что она тотчасъ же начинала лягаться, притомъ — я испыталъ это — преобильно. Вниманіе мнѣ оказывалось всяческое: то молока предложить, то свѣжаго еще горячаго хлѣба, то яблокъ, правда совсѣмъ зеленыхъ; чувствовалъ и себя превосходно. Мало-по-малу началась опять однообразная и скучнѣйшая жизнь. Времени дѣлать было некуда. Съ приказаніями ѣздить совершенно не приходилось, и потому я и изумился и обрадовался, когда получилъ порученіе отвезти пакетъ командиру уланскаго полка. Я поѣхалъ съ двумя казаками. По пути встрѣтилъ полковника Н. и передалъ ему пакетъ. Однако моя миссія на томъ не кончилась. Полковникъ Н. предложилъ мнѣ сопровождать его въ деревню, которая въ этотъ моментъ пылала впереди насъ яркимъ пламенемъ. Миновавъ коноводовъ, спрятанныхъ въ ложбинѣ за холмомъ, и линію чернѣвшихъ на вспаханномъ полѣ, по обѣ стороны дороги, нашихъ окоповъ, въ которыхъ сидѣли наготовѣ уланы, мы подошли рысью къ деревнѣ. Въѣхать въ нее пришлось уже шагомъ и двигаться съ осторожностью по узкой улицѣ мимо рядовъ справа и слѣва горѣвшихъ построекъ. Чувствовался сильный жаръ: обсыпало искрами; лошади, боязливо храпя, жались другъ къ другу. Проѣхали всю деревню, обогнули костель, рядомъ съ которымъ пылалъ, какъ факель, домъ ксендза, и очутились у выѣзда. Впереди дугой чернѣлъ лѣсъ; справа совсѣмъ недалеко былъ слышенъ трескъ ружейной перестрѣлки — это наши пѣхотные развѣдчики «переругивались» съ нѣмецкими. При мнѣ развѣздъ произвелъ развѣдку въ ближе всего слѣва лежавшемъ лѣсу, разумѣется по опушкѣ, а не далеко вглубь, причемъ противника не обнаружилъ. Затѣмъ, мы поѣхали обратно. У костела насъ остановила группа людей, центръ которой составляли старый ксендзъ и органистъ. Бѣдный служитель церкви плакалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, горчайшими слезами. Живя въ полномъ достаткѣ въ теченіе болѣе 20-ти лѣтъ въ этой деревнѣ и будучи далекъ мыслями отъ возможности видѣть тутъ ужасъ войны, несчастный чуть ли не съ молниеносной быстротой лишился рѣшительно

всего своего благосостоянія. Коробка съ гильзами, четверть фунта табаку да машинка для набивки папирсъ—вотъ все, что ему удалось спасти. Какимъ образомъ возникъ пожаръ, и кто поджегъ домъ—добиться было нельзя, но фактъ тотъ, что онъ сгорѣлъ, какъ свѣча, со всѣми надворными хозяйственными постройками. Ксендзь умолялъ помочь ему—засвидѣтельствовать то, что произошло. И командиръ полка и я обѣщали ему сдѣлать все возможное. Скотъ, бывший на полѣ, и тотъ пропалъ. Очень, очень грустно было видѣть все это. Вернулся я домой въ полной темнотѣ, причемъ убѣдился въ бдительности нашихъ постовъ. Остановили, подробно разспросили и тогда только пропустили.

Прошло два дня; свѣдѣнія, доходившія съ виленскаго направленія, были все тревожнѣй и тревожнѣй. Я возобновилъ просьбу отпустить меня—спасти хоть что-нибудь изъ своего добра въ Вильнѣ. Просимое разрѣшеніе было наконецъ дано, и я уѣхалъ въ тылъ...

И. А. Аккерманъ.

Критика и библиографія.

Календарь русской революции. Подъ общей редакціей В. Л. Бурцева. Птг. 1917. VI+344. Ц. 7 руб.

Впервые «Календарь русской революции» былъ изданъ въ 1907 году, но все изданіе, сообщаетъ его редакторъ, «на корню было заарестовано царскимъ правительствомъ въ день его окончанія, и ни одинъ его экземпляръ не попалъ тогда въ продажу». Такимъ образомъ, въ настоящее время «Календарь» формально вышелъ вторымъ изданіемъ, являясь точнымъ воспроизведеніемъ перваго, не дошедшаго до читателя.

Необходимо прежде всего отмѣтить, что переизданіе «Календаря русской революции» отвѣчаетъ назрѣвшей потребности читателя. Въ настоящее время, можетъ быть, острѣе, чѣмъ когда-либо ощущается неосвѣдомленность, если не сказать—полное незнаніе исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Не только забыты мелкіе штрихи, детали въ непрерывной веренищѣ фактовъ, не только забываются и самые факты, но и прежніе борцы-руководители революціонныхъ организацій нерѣдко предаются забвенію. Трудно, разумѣется, винить въ этомъ только читателя, общество. Въ значительной степени причиной такого забвенія нашего революціоннаго прошлаго является то подцензурное положеніе, въ которомъ до февральской революціи находилась русская печать.

Теперь, когда русское общество переживаетъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ революціоннаго движенія, естественно стремленіе его знать то, что подготовило приближеніе этого момента.

Кто въ тревогахъ жизни бранной
Волось свой посеребрилъ,
Въ вихрь бурь, въ ночи туманной
Силы юныя сгубилъ...

Помимо этого, мы до сего времени не имѣемъ хорошаго справочника по исторіи освободительнаго движенія, если не считать таковыми изданные за границей, а потому и трудно доступные

сборники подъ редакціей покойнаго В. Я. Богучарскаго ¹⁾. Потребность же въ такого рода справочникахъ огромна. Вышедшій «Календарь» въ значительной степени удовлетворяетъ и этой потребности.

Въ немъ по числамъ мѣсяцевъ расположены не только сообщенія объ отдѣльныхъ эпизодахъ революціоннаго движенія, но даны также подъ соотвѣтствующими датами біографіи какъ дѣятелей освободительнаго движенія, такъ и представителей правительственной власти и реакціонныхъ группъ русскаго общества. Наряду съ этимъ мы находимъ въ «Календарѣ» тексты наиболѣе характерныхъ и знаменательныхъ прокламацій, рѣчей, официальныхъ документовъ и пр. Особенно подробно отмѣчается «Календаремъ» дѣятельность партіи «Народной Воли», совершенныя ея членами террористическіе акты и процессы «народовольцевъ». Многіе эпизоды описаны въ видѣ отдѣльныхъ краткихъ статей, среди авторовъ которыхъ встрѣчаемъ всѣмъ извѣстными имена Л. Андреева, Вл. Бурцева, В. В. Водовозова, Е. Д. Кусковой, Н. А. Морозова, С. Прокоповича, В. М. Чернова и др.

Конечно, «Календарь», заключающій въ себѣ обзоръ революціонныхъ и общественныхъ движеній только до 1905—1906 г.г., не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту даже въ предѣлахъ и этого періода времени. Значительная доля вины за это лежитъ, разумѣется, не на составителяхъ «Календаря», а на условіяхъ, внѣ ихъ лежавшихъ. Въ настоящее время, однако, предоставляется возможность восполнить содержаніе «Календаря» новыми данными, въ такомъ изобиліи обнаруженными въ архивахъ департамента полиціи и охранныхъ отдѣленій, чѣмъ по нашему мнѣнію, конечно, и воспользуются составители «Календаря» при выпускѣ второго его тома, въ который кромѣ обѣщаннаго редакторомъ «обзора событій съ 1905 по 1917 г.г.» слѣдуетъ включить дополненія, относящіеся ко времени до 1905 года. Смѣемъ думать, что такое дополненіе необходимо не только въ интересахъ самого же изданія, которое, по словамъ его редактора, должно быть «строга объективнымъ историческимъ изданіемъ», но и въ интересахъ читателя и, что особенно сейчасъ цѣнно, въ цѣляхъ представленія наиболѣе полной, вѣрной и точной картины всего освободительнаго движенія въ Россіи.

Одновременно съ этимъ нельзя не указать, что приведенный въ концѣ «Календаря» именной указатель, безъ котораго пользованія «Календаремъ» какъ справочникомъ было бы крайне затруднительно, въ виду календарной системы расположенія мате-

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», «Литература партіи „Народная Воля“» и др.

ріала, ограничується фамиліями лишъ лицъ, не включаючи въ себя названій організацій, партій, кружковъ, изданій и пр.

Поэтому намъ думается, что мы выразимъ не свое лишъ личное пожеланіе, если укажемъ на необходимость помѣщенія во второмъ томѣ вмѣстѣ съ личнымъ и предметнымъ указателемъ къ нему также и предметнаго указателя къ первому тому.

Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо. Обращають на себя вниманіе художественно исполненныя заставки въ началѣ каждаго мѣсяца. Въ текстѣ дано много портретовъ. Внѣшности «соотвѣтствуетъ, впрочемъ, и цѣна...

Б. Огдорозъ.

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія (1901—1914). Томъ VII. Часть I и II. Стр. XVI+772. Цѣна 7 р., за каждую отдѣльно по 3 р. 50 к. Петроградъ, 1916—17.

Настоящая книга Н. И. Карѣва является продолженіемъ (седьмымъ томомъ) его многотомной «Исторіи Западной Европы въ новое время», но по хронологическимъ рамкамъ, которыми авторъ опредѣлилъ поле своего историческаго обозрѣнія въ настоящемъ томѣ, она представляетъ совершенно исключительный интересъ. Авторъ касается того времени, которое является близкой къ намъ современностью и которое еще живо въ нашей памяти по газетнымъ и журнальнымъ воспоминаніямъ. Но читателю изъ широкой публики исторія XX вѣка знакома по преимуществу въ отрывочныхъ обликахъ, въ отдѣльныхъ эпизодахъ, изложенныхъ въ тонѣ публицистической злободневности и окрашенныхъ цвѣтами національныхъ и партійныхъ симпатій обозрѣвателей и освѣдомителей. Журналъ, а тѣмъ болѣе газета, не обладаетъ способностью разсматривать факты въ рамкахъ исторической перспективы и отводитъ событіямъ надлежащее по ихъ цѣнности и значенію мѣсто. Тѣмъ большее значеніе для современнаго читателя имѣетъ научное, чуждое злободневнаго пристрастія и всякаго рода увлеченій, систематическое изложеніе событій недавняго прошлаго. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ говоритъ: «Наше время отличается историчностью, и подведеніе итоговъ подъ недавно пережитымъ тою или другою страной—явленіе, которое можно назвать не только обычнымъ, но и весьма характернымъ: мы живемъ и постоянно озираемся назадъ, какъ бы оглядываясь на пройденный путь». Вотъ этой потребности при взглядѣ назадъ видѣть факты ближайшаго прошлаго расположенными по ихъ дѣйствительной исторической цѣнности и приведенными въ систематическій порядокъ книга проф. Карѣва и удовлетворяетъ въ полной мѣрѣ. При составленіи настоящей книги автору

пришлось бороться съ очень большими методологическими трудностями и чисто практическими препятствіями. И освѣдомительный и документальный матеріалъ, касающійся исторіи XX вѣка, настолько великъ по объему, что пользоваться имъ цѣликомъ нѣтъ никакой возможности. Огромный газетный матеріалъ, статьи, брошюры, обзоры, книги, сборники, всякаго рода документы—все это представляетъ собою необозримое море, исчерпать которое не подѣ силу одному изслѣдователю. Для изслѣдователя современныхъ событій нѣтъ тѣхъ удобствъ, которыми располагаетъ историкъ, изучающій болѣе отдаленное прошлое. Ему приходится имѣть дѣло съ историческимъ матеріаломъ въ его сыромъ видѣ, еще не подвергнувшемуся предварительной черновой обработкѣ. Произвести же самому и черновую работу собирателя и систематизатора и авторскую обработку собраннаго матеріала на-бѣло—одному человѣку, конечно, не подѣ силу. Съ другой стороны при всемъ обиліи матеріала, касающагося современныхъ событій, въ немъ многого недостаетъ: нѣтъ мемуаровъ, которые появятся, быть можетъ, только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и освѣтятъ закулисныя пружины многихъ событій; не опубликованы еще очень многіе важные документы, переписка общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и т. п. Со всѣми этими трудностями авторъ справился очень удачно. Историческій глазомѣръ и пріобрѣтенная въ многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ опытность позволила ему не растеряться въ необозримомъ морѣ источниковъ и сразу отдѣлать существенное отъ несущественнаго, тотъ же навыкъ въ обращеніи съ исторической литературой далъ ему возможность легко отдѣлать тенденціозныя, недостаточно или односторонне освѣдомленныя пособія отъ цѣнныхъ и вѣрныхъ въ научномъ отношеніи обработокъ. Поэтому въ новомъ трудѣ Н. И. Карѣева читатель найдетъ вполнѣ научное и приведенное въ ясную систему обзорѣніе исторіи Европы за послѣднія 1½ десятилѣтій. Въ такомъ трудѣ русская публика несомнѣнно нуждается, и книга Н. И. Карѣева удовлетворяетъ назрѣвшей потребности.

Какъ оговариваетъ самъ авторъ въ предисловіи, его книга написана «не для ученыхъ историковъ» и далека «отъ какихъ бы то ни было изслѣдовательскихъ задачъ». Авторъ имѣлъ въ виду прежде всего широкую публику, въ особенности же «читателей, по молодости своей совсѣмъ незнакомыхъ съ даннымъ періодомъ». Этимъ объясняется и то, что авторъ посвятилъ разбираемую книгу «своимъ внукамъ и сверстникамъ ихъ». Но мы думаемъ, что книгой проф. Карѣева интересуются даже и специалисты. Она цѣнна для нихъ, во-первыхъ, вслѣдствіе обширныхъ библіогра-

фических указаний, которыми авторъ въ изобиліи снабдилъ ее по примѣру предыдущихъ томовъ своей «Исторіи Западной Европы»; во-вторыхъ,—по тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыя устанавливаетъ авторъ на событія нашихъ дней, включая ихъ въ рамки давняго, широко освѣщеннаго историческаго процесса и выясняя ихъ, какъ проявленія давнишнихъ причинъ, коренящихся въ далекихъ отъ насъ временахъ. Въ этомъ заключается одна изъ наиболѣе цѣнныхъ сторонъ новаго труда Н. И. Карѣва.

Книга проф. Карѣва захватываетъ очень широкій и богатый матеріалъ. Въ первой части авторъ даетъ обзоръ международныхъ отношеній до 1907 г. и внутренней политики отдѣльныхъ странъ Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгрии, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Нидерландовъ, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, а также и папской курии—до 1914 г., т.-е. до начала міровой войны. Вторая часть даетъ общій обзоръ экономической политики западно-европейскихъ государствъ въ первые годы XX вѣка и главныхъ экономическихъ явленій этого времени, излагаетъ исторію рабочаго движенія и социализма на Западѣ и отмѣчаетъ главнѣйшія явленія въ западно-европейской духовной культурѣ начала XX в. Последняя глава представляетъ собой обзоръ международной политики отъ балканскаго кризиса 1908 г. до начала міровой войны. Общіе обзоры второй части написаны авторомъ особенно интересно и способность проф. Карѣва представлять въ простой и ясной схемѣ комплексъ необычайно спорныхъ и запутанныхъ явленій выразилась здѣсь съ особенной яркостью.

Мы не сомнѣваемся, что книга Н. И. Карѣва найдетъ себѣ читателей среди самыхъ разнообразныхъ—и по степени научной подготовки, и по интересамъ—круговъ русскаго общества.

В. Перцевъ.

Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методологии соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. Москва. 1916. IV+704 стр. Ц. 5 р.

Книга Б. А. Кистяковского составилась изъ отдѣльныхъ, какъ самъ ихъ называетъ авторъ, статей и очерковъ, уже ранѣе появившихся въ печати и не всегда потомъ переработанныхъ, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣсколькихъ новыхъ главъ, появляющихся въ книгѣ впервые. Прибавлю, что самые ранніе изъ этихъ очерковъ были напечатаны еще въ 1900 (глава III) и 1902 г. (глава II), причемъ порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ книгѣ, далеко не совпадаетъ съ послѣдовательностью ихъ появленія въ разныхъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ

между 1900 и 1913 г.г. Напр., первый очеркъ относится къ 1902 г., второй—къ 1912, третій—къ 1900, четвертый—къ 1907, пятый—къ 1910 и т. д. Читая одну за другою главы-очерки книги, невольно чувствуешь, что весь трудъ написанъ не по опредѣленному плану, положенному заранѣе въ его основу, а скорѣе представляетъ собою расположенный въ нѣкоторомъ логическомъ порядкѣ сборникъ статей, написанныхъ въ разное время, каждая самостоятельно, отнюдь не для того, чтобы сдѣлаться впоследствии отдѣльною главою въ нѣкоторомъ цѣломъ съ заранѣе опредѣленнымъ для нея мѣстомъ въ этомъ цѣломъ. Когда художникъ задумываетъ большую картину, онъ, конечно, работаетъ предварительно надъ цѣлымъ рядомъ этюдовъ, но вся ихъ совокупность никоимъ еще образомъ не составляетъ задуманной композиціи; вся работа должна быть продолжена вновь, и многое въ этюдахъ должно быть передѣлано, а иные изъ нихъ и совсѣмъ неиспользованы. Авторъ, какъ самъ на это указываетъ, капитально перерабатывалъ свои статьи, сдѣлавшіяся главами книги, очень рѣдко (см. главнымъ образомъ главу X) и далъ въ ней мѣсто кое-чему такому, что по своему содержанію болѣе публицистическому, чѣмъ научному, внутренне и не можетъ быть спаяно со всѣмъ остальнымъ (см. главу XIII, являющуюся перепечаткою изъ извѣстнаго сборника «Вѣхи»).

Пишущій эти строки, уже ранѣе бывший знакомымъ съ содержаніемъ нѣкоторыхъ главъ книги, прочелъ ее, если не «въ одинъ присѣсть» и не «единымъ духомъ» (въ книгѣ около 700 стр.), то въ очень короткій срокъ, позволившій ему по свѣжей памяти о прочитанномъ отчетливѣе судить о трудѣ, какъ о цѣломъ, и объ отношеніи къ нему отдѣльныхъ его частей. Какъ ни перерабатывалъ авторъ труда, нѣкоторыя изъ этихъ частей, слѣды ихъ былой самостоятельности, какъ статей, написанныхъ въ разное время, но разнымъ случаямъ и т. п., не сгладились, и для читателя общаго впечатлѣнія цѣльности и законченности отъ книги не получилось, несмотря на то, что міросозерцаніе автора является въ ней, дѣйствительно, цѣльнымъ и законченнымъ. Я думаю, что трудъ Б. А. Кистяковского много выигралъ бы не только съ одной внѣшней стороны, если бы былъ, какъ говорятъ нѣмцы, aus einem Gusz.

Въ предисловіи Б. А. Кистяковскій самъ намъ сообщаетъ, что «первый замыселъ книги былъ продиктованъ методологическими соображеніями», но что, по мѣрѣ того, какъ его работа шла дальше, «первоначальный планъ» все больше измѣнялся въ сторону обсуждения предмета по существу. Другими словами авторъ хотѣлъ сначала написать изслѣдованіе о методахъ изуче-

нія общества, государства, права, но постепенно включилъ въ него цѣлый рядъ разсужденій о государствѣ и въ особенности о правѣ по существу, о томъ, что оба представляютъ собою въ дѣйствительности, а не о томъ, что съ ними должна дѣлать наука. Двойственность содержанія книги сказалась и на ея заглавіи—«Соціальныя науки и право»: первая половина относится къ методологическому замыслу, вторая—къ тому расширенію, какое онъ получилъ во время работы надъ книгой. Далѣе, нельзя не обратить вниманія на то, что отдѣльные очерки—главы распределены между четырьмя отдѣлами съ заголовками «Общество» (отъ I до IV), «Право» (отъ V до VIII), «Государство» (отъ IX до XII) и «Культура» (отъ XIII до XVI), но подъ первымъ заголовкомъ говорится не объ обществѣ, а только объ обществовѣдѣніи (соціологіи), подъ вторымъ—преимущественно о самомъ правѣ и лишь частично о правовѣдѣніи (гл. VIII: «Методологическая природа науки о правѣ»), подъ третьимъ—лишь о самомъ государствѣ и его отношеніи къ праву, четвертый же отдѣлъ, почему-то названный «Культура», имѣетъ очень сборный характеръ, причемъ кое-гдѣ авторъ возвращается къ темамъ другихъ отдѣловъ: такъ глава XV посвящена вопросу, о задачахъ правовѣдѣнія (изъ второго отдѣла), а XVI является дополненіемъ къ тому, что говорится въ третьемъ очеркѣ перваго отдѣла (категоріи необходимаго и должнаго въ изученіи социальныхъ явленій). Въ общемъ и получается то, что въ первомъ отдѣлѣ говорится только объ изученіи общества, а не о самомъ обществѣ, въ третьемъ о государствѣ и ничего объ его изученіи, тогда какъ второй отдѣлъ посвященъ и самому праву и его научному изученію. Правильнѣе было бы первый отдѣлъ обозначить, какъ «Задачи и методы научнаго изученія общества», второй—«Право и правовѣдѣніе», третій—«Существо государства», а въ общемъ заглавіи отмѣтить, что въ книгѣ трактуется не только право, но и государство. По числу страницъ отдѣлъ о послѣднемъ занимаетъ даже больше мѣста, чѣмъ отдѣлъ о первомъ.

Отдѣлъ книги о социальныхъ наукахъ, о правѣ и о государствѣ далеко не представляютъ собою чего-либо исчерпывающаго затронутые вопросы. Это—также одинъ изъ выводовъ изъ анализа ихъ содержанія. Б. А. Кистяковскій, впрочемъ, и не задавался цѣлью дать нѣчто систематическое: «моя задача, говоритъ онъ самъ въ предисловіи,—не построить систему, а подготовить и разработать пути и средства, помогающіе добывать и созидать научное знаніе. Я, прибавляетъ онъ, не стремлюсь углублять и осмысливать познанное, а ищу новаго научнаго знанія. Я хочу только изслѣдовать и познавать». Его, повидимому, интересовали лишь

нѣкоторыя проблемы въ областяхъ соціологіи, юриспруденціи и государствѣдѣнія, и каждую изъ нихъ онъ разрѣшалъ самостоятельно, оставляя другія въ сторонѣ, но въ связи со своими общими философскими, гносеологическими, методологическими, этическими и т. д. воззрѣніями. Внѣшняя диспаратность книги отнюдь не является выраженіемъ того, что наблюдается въ міросозерцаніи ся автора. Оно, наоборотъ, отличается цѣльностью и стройностью и въ общемъ пріемлемостью съ научной точки зрѣнія. Б. А. Кистяковскій—убѣжденный кантіанецъ, который былъ однимъ изъ первыхъ писателей, начавшихъ примѣнять гносеологическіе принципы критической философіи къ методологіи общественныхъ наукъ, что было сдѣлано имъ въ трудѣ, вышедшемъ въ 1899 г. по нѣмецки («Gesellschaft und Einzelwesen»). Въ качествѣ послѣдователя Канта онъ въ изученіи общественныхъ явленій не ограничивается категоріей одного необходимаго, но и привлекаетъ къ дѣлу и категорію должнаго и въ этомъ смыслѣ является не только реалистомъ, но и идеалистомъ. Однако, идеализмъ его не имѣетъ ни метафизическаго, ни тѣмъ болѣе мистическаго характера, и потому его самого можно назвать позитивистомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. Если болѣе ограниченный позитивизмъ не идетъ далѣе категорій необходимости, причинности, закономерности и тѣмъ самымъ характеризуется строжайшимъ объективизмомъ, то внесеніе Б. А. Кистяковскимъ въ изученіе общественныхъ явленій идей должнаго, справедливаго и т. п. роднитъ его съ тою «русскою соціологическою школою», которая у насъ около пятидесяти лѣтъ тому назадъ подняла знамя соціологическаго субъективизма, но къ которой почтенный авторъ отнесся, на мой взглядъ, недостаточно справедливо и во всякомъ случаѣ односторонне. Общество, право, государство не только даны намъ въ дѣйствительности, какъ сущее, но и мыслятся нами, какъ должное: это—одинъ изъ тезисовъ русской субъективной школы соціологіи, съ литературой которой у автора нѣтъ, повидимому, достаточнаго знакомства. Для сужденія о ней ему слѣдовало бы обратиться къ работамъ не Н. К. Михайловскаго, а И. Л. Лаврова, который гораздо больше занимался философіей вообще и въ частности вопросами гносеологіи, логики, методологіи и этики. Отъ позитивистовъ-объективистовъ, понимавшихъ историческій процессъ, исключительно какъ механическую или органическую эволюцію,—точка зрѣнія, на которую въ девяностыхъ годахъ стали и русскіе экономическіе матеріалисты,—Б. А. Кистяковскій отличается и тѣмъ, что признаетъ творческую роль личности въ процессѣ созиданія жизни общества, и это также приближаетъ его взгляды къ тѣмъ, которые

характеризуют русскую социологическую школу. Размѣры рецензій не позволяютъ мнѣ обосновать здѣсь оба мои утвержденія о близости «идеализма» автора къ «субъективизму» старыхъ русскихъ социологовъ и о совпаденіи ихъ взглядовъ на «роль личности въ исторіи», равно какъ показать, гдѣ начинаются разногласія между ними, и въ чемъ справедлива, а въ чемъ и несправедлива критика Б. А. Кистяковского, но это—тема, во всякомъ случаѣ заслуживающая вниманія, и мнѣ хотѣлось бы вернуться къ ней въ другой разъ.

Далеко не исчерпывая всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ области социологій, юриспруденціи и государствовѣдѣнія, рѣшая инныя изъ этихъ проблемъ мимоходомъ и попутно, авторъ тѣмъ не менѣе ставитъ специально его интересующія задачи широко. Въ своемъ трудѣ онъ критикуетъ взгляды очень многихъ современныхъ мыслителей и ученыхъ, вездѣ стараясь, однако, вылущить то, что для него оправдывается его собственными принципами и, сообразуясь съ чужими взглядами, строить свое знаніе не на эклектическомъ примиреніи диспартійнаго, а на синтезѣ того, что въ каждомъ взглядѣ является обязательно пріемлемымъ съ точки зрѣнія логики и фактовъ. Весьма часто люди думаютъ, что правда, а въ наукѣ истина *или* на той, *или* на другой сторонѣ, упуская изъ виду, что доля вѣрнаго бываетъ *и* на одной, *и* на другой сторонѣ. По отношенію къ методологій это бываетъ тогда, когда не хотятъ понять многогранности дѣйствительности и того, что для подхода къ каждой ея «грани» необходимъ особый путь. Широта общаго взгляда Б. А. Кистяковского проявляется и въ признаніи имъ методологическаго многообразія: «методъ долженъ быть плюралистиченъ», говоритъ онъ, и особенно нужно, прибавляетъ онъ, имѣть это въ виду при желаніи «понимать социальную жизнь съ ея непримиримыми противорѣчіями и безконечнымъ разнообразіемъ», при необходимости «обнять въ научномъ знаніи, съ одной стороны, стихійность социальной жизни, съ другой, участіе въ ней человѣка съ его сознаніемъ и творчествомъ». Въ частности, авторъ особенно развилъ эту идею въ примѣненіи къ изученію права, которое законно можетъ совершаться и съ разныхъ точекъ зрѣнія и потому разными методами.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ методологій социальныхъ наукъ является въ настоящее время вопросъ объ образованіи въ нихъ научныхъ понятій. Къ сожалѣнію, Б. А. Кистяковский не отводитъ этой проблемѣ самостоятельнаго мѣста въ своей книгѣ, что было бы гораздо важнѣе и полезнѣе, чѣмъ отводить особую главу (II) «категоріи возможности», съ которой будто бы вся «русская социологическая школа» готова была рѣшать чуть

не всѣ социальнo-этическія проблемы. Вопросъ объ образованіи научныхъ понятій въ обществознаніи разсматривается не въ специально посвященномъ ему очеркѣ, а попутно, въ связи съ другими вопросами, а между тѣмъ автору можно было бы для полноты и большей ясности своей собственной методологіи остановиться на понятіяхъ индивидуальнаго и общаго у Риккертa, на различеніи ідіографической и номотетической точекъ зрѣнія у Виндельбанда и т. п. Это, впрочемъ, есть не что иное, какъ одно изъ проявленій того отсутствія стремленія къ систематичности, которое вообще обнаруживается у автора: на одномъ онъ останавливается подробно, другое затрагиваетъ мимоходомъ, третье не достаиваетъ своимъ вниманіемъ. Къ числу вопросовъ послѣдней категоріи относятся контроверзы, вызываемыя понятіями необходимости и случайности, законосообразности и свободы воли и т. п., между прочимъ, играющими иногда особую роль и въ правовѣдѣніи.

Излагать взгляды почтеннаго автора «Соціальныхъ наукъ и права» я задачею себѣ отнюдь не ставлю. Содержаніе труда Б. А. Кистяковского слишкомъ богато, чтобы передать даже наиболѣе въ немъ существенное было возможно въ краткой замѣткѣ. Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ книгѣ есть мысли, заслуживающія вниманія не съ одной научной и философской, но и съ общественной стороны. Такова мысль о самостоятельномъ значеніи права, о возможности его въ общественной жизни, о необходимости развитія правосознанія въ обществѣ, особенно у насъ, гдѣ подъ вліяніемъ своихъ историческихъ причинъ и правосознаніе было очень слабо, и слабость его недостаточно понималась и выставлялась на видъ, а въ иныхъ случаяхъ даже принималась за одно изъ нашихъ національныхъ преимуществъ (у славянофиловъ). Особый интересъ въ переживаемое нами время имѣетъ разсмотрѣніе Б. А. Кистяковскимъ вопросовъ о «правахъ чело-вѣка и гражданина» и о значеніи правового государства для социализма.

«Когда, говоритъ авторъ по послѣднему пункту,—когда правовое государство называютъ буржуазнымъ, то этимъ наименованіемъ опредѣляютъ не самое государство, а то социальное и экономическое строеніе, которое составляетъ основаніе современнаго правового государства. Напротивъ, терминъ *правовое* государство служить для опредѣленія юридическаго характера самого государства даннаго типа» (стр. 571). Это различіе Б. А. Кистяковский считаетъ чрезвычайно важнымъ. «Когда, прибавляетъ онъ, говорятъ о социалистическомъ государствѣ, то думаютъ прежде всего объ извѣстномъ социальномъ и экономическомъ строѣ.

а не о какой-то особенной правовой организаціи». Юридическая природа социалистическаго государства остается до сихъ поръ мало изслѣдованною, ибо творцы социалистическихъ ученій и системъ были или философами, или историками, или экономистами, и между видными создателями социализма не было ни одного юриста. Попытку Антона Менгера, писавшаго о социалистическомъ государствѣ, нашъ авторъ считаетъ неудачной, ибо, будучи цивилистомъ, «отнесся довольно пренебрежительно къ нѣкоторымъ важнымъ государственно-правовымъ учрежденіямъ и совсѣмъ не вникъ въ своеобразіе публично-правовыхъ отношеній, устанавливающихся между государствомъ и личностью» (стр. 572). Самъ Б. А. Кистяковский доказываетъ, что въ представленіи о социалистическомъ государствѣ нельзя найти «ни одного правового принципа, который можно было бы признать новымъ и еще неизвѣстнымъ правовому государству» (стр. 573). Другими словами, по его мнѣнію, социалистическое государство «можетъ только болѣе послѣдовательно примѣнить и осуществить правовые принципы, выдвинутые правовымъ государствомъ» (стр. 574). и то, какъ послѣднее устраняетъ анархію изъ правовой и государственной жизни, можетъ служить прообразомъ устраненія анархіи изъ хозяйственной жизни социально-справедливымъ государствомъ. Страницы, посвященныя Б. А. Кистяковскимъ этому вопросу, прочтутся съ интересомъ и тѣми, кому совсѣмъ не интересны вопросы методологій социальныхъ наукъ.

Н. Карѣевъ.

Проф. Р. Винперъ. Исторія Греціи въ классическую эпоху. IX—IV вв. до Р. Хр. Москва. 1916. Ц. 3 р. (575 стр.).

Проф. Р. Ю. Винперъ переработалъ свои яркія «Лекціи по исторіи Греціи» въ капитальную «Исторію Греціи въ классическую эпоху». Небольшая, сжато написанная, но искрившаяся оригинальностью оцѣнокъ и построеній книжка въ 223 страницы выросла въ солидный томъ почти въ 600 страницъ. Въ Лекціяхъ изложеніе доводилось до печальнаго конца Пелопоннесской войны; въ Исторіи оно продвинуто до паденія самостоятельности Аѣинъ въ 322 г. Но важно, что теперь и исходъ великой Греческой войны, т.-е. капитуляція Аѣинъ въ 404 году—падаетъ уже на 404-ю страницу, т.-е. прежнее изложеніе курса выросло почти вдвое; важно потому, что центральной, опредѣляющей частью книги по-прежнему осталась исторія Аѣинъ, развитія въ нихъ демократіи, превращенія ихъ въ имперію и распада послѣдней въ Пелопоннесскую войну. Добавленные обзоры раздробленія Греціи въ IV в. и объединенія Сициліи, послѣднихъ

объединительныхъ попытокъ (второй аѳинскій союзъ, онванскій подъемъ) и упадка политическаго интереса въ Греціи (выступленія Платона и Исократы), наконецъ, гибели республиканской Греціи подъ натискомъ вздымающейся Македоніи касаются событій и явленій, не возбуждающихъ такихъ расходящихся оцѣнокъ и толкованій, такихъ крупныхъ сомнѣній и контраверсѣ. какъ предшествующая исторія Греціи, въ частности раннихъ Аѳинъ. Здѣсь все дѣло въ силѣ и яркости изображенія. Поскольку же проф. Р. Ю. Випперъ является большимъ мастеромъ изобразительности: красочныхъ картинъ, изящныхъ характеристикъ, тонко намѣченныхъ разрѣзовъ, то, конечно, онъ съ полнымъ успѣхомъ вышелъ изъ разрѣшенія этой части своей задачи. Почему авторъ не захватилъ въ свое изложеніе и македонско-эллинскаго періода, отказываясь отъ изображенія Греціи среди другихъ странъ и культуръ? Думается, вполне пріемлемы тѣ основанія, которыя онъ самъ приводитъ: эллинизмъ—это уже не Греція городовъ-государствъ, а самостоятельный и весьма значительный историческій моментъ, требующій для поучительнаго и исчерпывающаго изображенія такого же новаго тома, если не больше. По тѣмъ же соображеніямъ авторъ оставилъ внѣ разсмотрѣнія и всю Крито-Микенскую древность,—что нельзя не признать вполне правильнымъ. Помимо того, что въ изложеніи этого отдѣла, строящагося на данныхъ археологическихъ открытій и раскопокъ, къ тому же далеко не дошедшихъ до убѣдительныхъ результатовъ, неизбежно пришлось бы принимать тонъ иной, чѣмъ въ изложеніи прочихъ отдѣловъ, что, конечно, нарушило бы цѣльность работы, надо указать еще, что археологическія сопоставленія, блужданія по ихъ лабиринту, попытки разгадать сфинксы и грифы, гипотезы о восточныхъ вліяніяхъ, о носителяхъ старо-эгейской культуры, о волнахъ арійскаго заселенія Средиземноморья и т. д.—все это опять-таки завело бы историка Греціи слишкомъ далеко, если бы онъ не пожелалъ ограничиться бѣглымъ, догматичнымъ очеркомъ этой сферы неубывающихъ сомнѣній, недорѣшенныхъ проблемъ и недоразгаданныхъ загадокъ.

Такимъ образомъ главный интересъ сосредоточивается въ кругъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи авторъ подвергъ переработкѣ ту исторію Греціи въ классическую эпоху, которая была содержаніемъ и его прежнихъ Лекцій. Хорошо извѣстныхъ и получившихъ уже давно заслуженную оцѣнку. Тамъ цѣлью было поставлено—«намѣтить главные вопросы въ изученіи соціальнаго и политическаго развитія греческихъ общинъ и указать важнѣйшія мѣста въ источникахъ...» Здѣсь «въ отличіе отъ первой книги, характеристики учрежде-

ній, політичнихъ идей и общественныхъ настроеній на всемъ протяженіи отъ Гомера до гибели независимой Греціи дополнены изображеніемъ главнѣйшихъ фактовъ внѣшней исторіи». Въ зависимости отъ такого измѣненія темы, въ значительной мѣрѣ перевернулся и основной интересъ изложенія, и самый тонъ его. Соціально-экономическая исторія, бывшая главнымъ содержаніемъ лекцій-разрѣзовъ, растворилась теперь въ болѣе всестороннемъ процессуальномъ изображеніи исторіи греческаго міра, гдѣ на видный планъ выдвинулись моменты политическаго устройства и международныхъ отношеній, полнѣе и отчетливѣе представленны въ источникахъ. Виднѣе вышла наряду съ преобладающими Аѳинами—Спарта, ранѣе мелькомъ появлявшаяся только наканунѣ Пелопоннесской войны, замѣтны силуэты и нѣкоторыхъ другихъ городовъ-государствъ (напр. Дельфъ, беотійскихъ общинъ; Коринѳа и др.) Обстоятельнѣе начертана персидская имперія съ ея грандіознымъ размахомъ, поучительнымъ для пониманія такого существеннаго момента греческой исторіи, какъ столкновение начала V вѣка. Самая грекоперсидская война, съ ея подготовкой, ходомъ и окончаніемъ, рассказана подробно и интересно, на основаніи самостоятельнаго и тонкаго пересмотра данныхъ источниковъ, главнымъ образомъ, красочнаго и трудноуловимаго Геродота. Но особенно измѣнилось теперь изложеніе исторіи роковой переломной эпохи—великой междоусобной войны (Пелопоннесской), истощившей и надломившей весь греческій міръ и культуру. Эта «Міровая» по тому времени война невольно загорається для насъ новымъ интересомъ въ наши страшные дни, особливо же въ по-своему продуманномъ и изящномъ изображеніи такого крупнаго мастера «выявленія» деталей, незамѣченныхъ раньше характеристикъ, какъ Р. Ю. Випперъ, такого тонкаго и глубокаго знатока излюбленной имъ Исторіи Фукидида, котораго онъ оцѣниваетъ, какъ одного изъ крупнѣйшихъ геніевъ историческаго мастерства. Въ новой книгѣ—это безусловно лучшія ея главы (VII и VIII), въ то же время являясь и лучшимъ во всей исторической литературѣ изображеніемъ даннаго момента—и не только въ сферѣ чисто батальныхъ сюжетовъ, но и въ картинахъ внутренней, соціально-культурной жизни Аѳинъ послѣдней четверти V вѣка (реакціонная оппозиція въ Аѳинахъ, софистическое просвѣщеніе, сократизмъ, клубы, антидемократическое движеніе).

Своеобразна, но имѣетъ солидныя основанія—отмѣна въ новой «Исторіи Греціи»—такихъ привычныхъ рубрикъ, какъ Пятидесятилѣтіе, которое никакъ, на самомъ дѣлѣ, не выдѣляется въ «эпоху», а особенно, знаменитый «вѣкъ Перикла», поскольку

«Аѳины 460 г. и 440 г. очень разнятся и по количеству своихъ силъ и по настроенію гражданъ—и дѣятельность Перикла нельзя разсматривать какъ одну цѣльную по тенденціямъ и средствамъ систему». Отказъ отъ старой рубрикаціи знаменуетъ отказъ и отъ ветхо-классическихъ представленій и поворотъ къ свѣжему, здоровому реализму, которымъ и проникнута вся работа проф. Виппера. Приходится слышать, что проф. Випперъ склоненъ къ модернизму, къ модернизациі—и это ставится ему въ минусъ. Мнѣ кажется, что сближенія и аналогіи древности и современности могли казаться еретическими только до тѣхъ поръ, пока царило гегельянство и всемірно-историческая точка зрѣнія, пока господствовала вѣра въ полную изоляцію античнаго міра. Въ наши дни пора уже признать, что подобные приемы исторической характеристики, благодаря которымъ кристаллизировавшіеся классическіе образы оживаютъ, облекаются въ плоть и кровь, становятся ближе и понятнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поучительнѣе, не только приемлемы, но и необходимы. Точно также—и самая рѣчь о древнихъ грекахъ до тѣхъ поръ могла чуждаться современныхъ словъ и выраженій, пока на «эллиновъ» смотрѣли какъ на аристократовъ человѣческой породы, жившихъ въ царствѣ гармоніи и только грезившихъ о подвигахъ и безсмертіи. Тогда, дѣйствительно, необходимъ былъ и особый языкъ для разсказа о томъ, какъ эти герои—шествовали, витѣйствовали, вкушали, испускали духъ и т. д. Теперь пора уже отбросить эту ходульность и жеманство. Приходится слышать и еще одинъ упрекъ проф. Р. Ю. Випперу—въ излишне скептическомъ отношеніи къ исторической традиціи, въ гиперкритицизмѣ. (См., напр., Бузескуль Введение въ Ист. Греціи, 2 изд., стр. 543). Этотъ упрекъ приходится однако сразу же сжать и ослабить: рѣчь можетъ идти только объ отношеніи къ отграниченной полосѣ ранней Аѳинской исторіи (до конца VI вѣка) и при этомъ въ той традиціи, которую мы застаемъ выраженной главнымъ образомъ въ историческомъ трудѣ Аристотеля. Послѣдній, будучи найденъ въ 1891 г., на первое время, казалось, «раскрылъ всю аѳинскую старину какъ при свѣтѣ солнца». Но послѣдующее вдумчивое и кропотливое изслѣдованіе этой Аѳинской Политіи все болѣе безповоротно приводило къ убѣдительной необходимости не только снять съ Аристотеля ореолъ непогрѣшимости, но и отказаться рѣшительно отъ принятія его показаній, лишенныхъ не только фактической основы, но и историческаго чутія. Такой приговоръ надъ историкомъ Аристотелемъ теперь уже не смѣлый парадоксъ, а солидно установленный научный выводъ, который не первымъ бросаетъ сплеча проф. Р. Випперъ, а лишь только

аргументируетъ его новымъ тонкимъ и увлекательнымъ анализомъ. Впрочемъ, слѣдуетъ указать, что даже и въ соотвѣтствующей главѣ новой «Исторіи Греціи» этотъ критико-анализирующий моментъ умѣренъ и успокоенъ по сравненію съ Лекціями, какъ введеніемъ въ изложеніе традиціоннаго матеріала, такъ и расширеніемъ изобразительныхъ частей. Взгляды и оцѣнки остались тѣ же, убѣждающе-осторожныя, но они не оставляютъ по себѣ такой пустыни, которая пугала прежде стародумовъ. Изъ цѣнныхъ новостей въ Исторіи Греціи не могу не указать еще на поразительную по значительности соображеній — III главу о началѣ городской жизни и въ ней обращаю особое вниманіе на остроумно-проникновенное построеніе «тираніи» и связанное съ этой городской монархіей составленіе городскихъ судебныхъ, какъ реакціи противъ военно-феодальнаго права. Много еще можно было бы говорить о новомъ трудѣ Р. Ю. Виппера. Но вѣдь всѣ и не специалисты читаютъ эту замѣчательную книгу, которая, какъ и всѣ сочиненія того же автора, будитъ мысль, перестанавливаетъ взгляды, расширяетъ и углубляетъ точки зрѣнія, наконецъ, доставляетъ великое удовольствіе и какъ истинно-художественное произведеніе.

К. Успенскій.

И. С. Тургеневъ. Попъ. Поэма. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Л. Бродскаго. Издалъ Л. Э. Бухгеймъ. М., 1917. Стр. XVI+21. Ц. 50 к.

По установившейся литературной традиціи, авторомъ поэмы «Попъ» считался И. С. Тургеневъ. Поэма распространялась въ рукописномъ и гектографированномъ видѣ. Въ 1884 году нѣсколько первыхъ строфъ ея было напечатано съ именемъ Тургенева въ сборникѣ «XXV лѣтъ»; въ 1887 г. поэма была цѣликомъ напечатана Элпидинымъ въ Женевѣ. Въ послѣднее время два изслѣдователя—гг. Гутьяръ и Гершензонъ—отвергли старую традицію и приписали авторство «Попа» извѣстному М. Н. Лонгинову, бывшему весьма падкимъ до порнографіи. Однако, версія объ авторствѣ Лонгинова не выдерживаетъ критики: вполне справедливо Н. Л. Бродскій указываетъ, что версія эта основана просто на недостаточно внимательномъ чтеніи одного письма Тургенева къ Полонскому. Въ предисловіи г. Бродскаго съ исчерпывающей убѣдительностью доказано, что авторомъ поэмы «Попъ», нынѣ впервые увидѣвшей свѣтъ въ Россіи, является И. С. Тургеневъ. Въ пользу авторства Тургенева говорятъ и нѣкоторые соображенія біографическаго свойства, и произведенный авторомъ предисловія стилистическій анализъ поэмы: сопоставляя «Попа»

съ другими поэмами и рассказами Тургенева, г. Бродскій находитъ много совпаденій въ поэтическихъ приемахъ. Совершенно непрекаемо дѣло рѣшается указаніемъ на рукопись «Попа», хранящуюся въ Государственной Публичной Библіотекѣ. Автографъ поэмъ, по которому и печатается текстъ въ настоящемъ изданіи, представляетъ, по словамъ г. Бродскаго, черновую рукопись Тургенева, испещренную многочисленными вариантами и поправками. Примѣчанія Тургенева въ строфѣ 15-ой опредѣленно указываютъ на то, кто является авторомъ поэмы:

Мою поповну звали Сашей.
 Прошу внимательныхъ друзей
 Ея не смѣшивать съ Парашей,
 Погибшей дочерью моей.

Нѣтъ сомнѣнія: передъ нами шалость пера молодого Тургенева (автографъ носитъ помѣту: 16 іюня 1844). Сюжетомъ «поэмы» служить рассказъ о любовномъ приключеніи героя въ семьѣ священника. Эскурсъ Тургенева въ сторону скабрёзнаго творчества объясняется вкусами эпохи, когда подобныя вещи нравились. Не говоря уже о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, и люди 40-хъ годовъ въ молодости находили забавными стихотворныя произведенія въ вольномъ эротическомъ тонѣ: здѣсь можно вспомнить и Лонгинова (автора какой-то скабрёзной поэмы о попѣ), и Некрасова. Собственно говоря, настоящимъ любителямъ «клубнички» поэма Тургенева даетъ очень мало поживы. Неприличіе ея, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ авторъ употребляетъ выраженія, которыя при любыхъ цензурныхъ условіяхъ должны быть замѣнены точками. Смакованія пикантныхъ подробностей въ «Попѣ» нѣтъ, и лицамъ, знакомымъ съ той «сексуальной» литературой, которая грязной волной прокатилась послѣ 1905 года, юношеская поэма Тургенева покажется весьма прѣсной и скромной. Въ критической литературѣ послѣднихъ лѣтъ было выражено парадоксальное до дикости мнѣніе, что Тургеневъ, не имѣя мужества говорить о женщинахъ такъ, какъ ему хотѣлось, выдумывалъ женщинъ и облекалъ ихъ мнимой значительностью; если же бы онъ далъ волю своимъ естественнымъ тяготѣніямъ, то ему нужно было бы «прямо выступить русскимъ Боккачіо». Полная несурзность этого утвержденія г. Айхенвальда лишній разъ доказывается поэмой Тургенева: взявши боккачіевскую тему, Тургеневъ совершенно не проявилъ ни пафоса здоровой чувственности ни гурманской утонченности любителя,—вся «вольность» его поэмы носитъ почти исключительно словесный характеръ. Въ томъ и

состоитъ интересъ поэмы «Попъ», что въ ней изъ-подъ внѣшней оболочки напускного цинизма явственно проглядываютъ естественныя черты тургеневской души, застѣнчивой и нѣжной. Біографы Тургенева знаютъ, что въ молодости душевная жизнь писателя осложнялась такими временными, въ значительной степени напускными свойствами, какъ стремленіе къ оригинальничанью, наклонность къ фразѣ и позѣ, кокетничанье разочарованностью и цинизмомъ и т. п. Выраженіе такихъ настроеній Тургенева можно видѣть и въ его рукописной поэмѣ. Мы находимъ тутъ насмѣшки надъ «святой, возвышенной любовью», свойственной лишь ребяческому возрасту, ухарскій, показной цинизмъ въ отношеніи къ женщинамъ. И однако,—несмотря на весь легкомысленно-циническій тонъ, въ которомъ поэтъ старается вести свой рассказъ, въ поэмѣ намѣчается столь излюбленный Тургеневымъ психологическій моментъ: изображеніе перваго расцвѣта любви въ юной и довѣрчивой дѣвичьей душѣ. Послѣ сцены, когда герой поэмы быстро достигъ своей нехитрой побѣды, слѣдуютъ такіа строки, явно не гармонирующія съ бравировующимъ тономъ скабрезнаго рассказа:

Бѣдняжка то вздыхала такъ уныло...
То страстно прижималася ко мнѣ,
То тихо плакала. Въ ней сердце ныло —
Я плакалъ самъ—и въ грустной тишинѣ,
Склоняясь надъ обманутымъ ребенкомъ,
Я прикасался къ трепетнымъ ручонкамъ.

Какъ сказывается въ этихъ строкахъ подлинный душевный обликъ Тургенева! Вопреки искусственно натянутой на себя развязной внѣшности грубаго матерьялиста въ любви, въ трогательномъ эпитетѣ «обманутый ребенокъ» чувствуется чисто тургеневское тонкое и любовное вниманіе къ интимнымъ переживаніямъ женской души.

Изслѣдователямъ творчества Тургенева его поэма въ легкомъ жанрѣ, несомнѣнно, даетъ немало любопытнаго матеріала. Для широкой же публики поэма «Попъ» особеннаго интереса не представляетъ.

М. Клевенскій.

УКАЗАТЕЛЬ

„Голоса Минувшаго“

за 1916 годъ.

(Составленъ В. Е. Сыроѣковскимъ.)

Въ указателѣ за 1916 г. такъ же, какъ это было принято раньше, полностью перечислены лица, упоминаемыя въ отдѣлахъ: русская исторія и исторія русской литературы. Изъ отдѣловъ же всеобщей исторіи и исторіи литературы взяты только тѣ имена, которыя встрѣчаются по связи съ исторіей Россіи или которымъ посвящены въ журналѣ особыя статьи.

Въ видахъ сокращенія указателя подъ именемъ автора рецензій дается лишь перечень прорецензировавшихся имъ книгъ, полное же названіе книги дается подъ именемъ автора самой книги.

Въ 10 книжкѣ журпала—двойная нумерація. Страницы, отмѣченныя въ книгѣ римскими цифрами, въ указателѣ обозначены цифрами арабскими, заключенными въ скобки.

Ред.

А.

Абаза, контр.-адм. X. 170. Абаза, Н. С., нач. Гл. упр. по дѣл. печ. II. 153. Абаринова, А. И., арт. XI. 43—45. Абрамова, М. М., антр. XI. XI. 54. Авалиани, С. И. Его некрол. В. И. Семевского. X. Авдѣевъ, М. В., пис. X. 98. Аверкиевъ, Д. В., пис. II. 79. 80. IV. 217. 218. Аврелий, М. Рец. С. Радцига его кн. «Наединѣ съ собой». Размышлен. V—VI. Агафоновъ, Н. Я., лит. (прав. канц. пом. уч. окр.). XII. 232. Аграмовъ, М. В., режис. XI. 43. Адарюковъ, В. Я. Его рец. кн. <i>Обольянинова</i>. II. Адеркасъ, псковск. губ. I. 37, 38, 54. гр-я Адлербергъ, А. V—VI. 345, 347, 352, 361, 368. гр. Адлербергъ, А. В., мнн. двора. I. 229. V—VI. 365—368. XI. 208. Адлербергъ, Г. Ф. V—VI. 343, 344.	гр. Адлербергъ, Н. В., г.-губ. Финл. V—VI. 342—371. VII—VIII. 294, 302. X. 162. Айвазовскій, Н. К., худ. I. 185—187. IV. 223. VII—VIII. 415. X. 71. XII. 132—135. Акимовъ, М. Г., предс. Гос. Сов. V—VI. 207. Акиннина, П. Н., помѣщ. V—VI. 7, 8, 18, 19. Акиннины (И. И., Н. И., Р. Я.), помѣщ. V—VI. 7, 8. Аксаковъ, А. Н., спирит. X. 63, 64. Аксаковъ, Г. С., губ. XII. 228—230. Аксаковъ, И. С. II. 201—214. III. 236—241. IV. 46, 67. V—VI. 311, 399. X. (43), 120. XI. 129, 205. XII. 175. Аксаковъ, К. С. Рец. Н. Ликсанова его Сочин., т. I. IV. О немъ: II. 205. X. 131. 132. Аксаковъ, С. Т. X. 132. XII. 228. Александра Павловна, в. кн. IV. 158. 160—164, 166—168, 170. V—VI. 158. Александра Федоровна, пмп. (жена Ник. I). III. 8. XI. 88—90. Александровскій, арт. XI. 32. Александръ I. I. 191. III. 31, 32, 34, 35.

- IV. 163, 167, 169—171. V—VI. 12, 154, 160, 271, 286—288, 290, 296, 298, 300. VII—VIII. 332, 333, 336, 349. X. 24, 25, 80, 134. XI. 212—217, 219, 220. XII. 49, 50.
- Александръ II. I. 151, 229. II. 255, 256. III. 9, 11. V—VI. 258, 272, 392—397. VII—VIII. 299, 300—302. IX. 24, 30, 33, 161. XI. 71, 80, 81, 207. XII. 128, 207
- Александръ III. III. 243. IV. 235. V—VI. 89, 100—102, 259, 365, 366. VII—VIII. 297, 298, 305, 306, 325, 326. IX. 139, 149, 157, 159, 161, 162, 166, 167. XI. 83, 84.
- Алексій, арх. тульск. IV. 215, 216.
- Алексѣевъ. Н. А., чл. Гос. Сов. VII—VIII. 340.
- Алексѣй Александр., в. кн. IX. 30. XI. 94.
- Алексѣй Михайловичъ. VII—VIII. 355, 356.
- Аленниковъ, IX. 129.
- Алмазовъ, Б. А., пис. X. 116.
- Алмазъ Ивановъ, думп. дьяк. VII—VIII. 361, 362, 364, 367, 369, 378, 388, 391, 393, 394.
- Алопеусъ, посл. въ Берл. III. 34, 35.
- Алтаевы. IV. 6, 7, 11—14, 22, 23, 25, 26, 29—32, 35.
- Альбертини, Н. В., публиц. IV. 53, 57.
- Альгесты, секр. Пл. Зубова. XII. 53.
- Альфопскій, А. А., проф. VII—VIII. 155.
- бар. Альфтанъ, губ. Гельсин. V—VI. 364. VII—VIII. 293, 295, 296. IX. 162, 168.
- Алябьевъ, пед. XII. 157, 159.
- Ам. I. Его ст. «Патріарх. министръ». VII—VIII.
- бар. Аминовъ, Г. X. 158.
- Англинъ, пол. аг. I. 248.
- Андреева, Е. VII—VIII. 310—312, 317, 318.
- Андреевскій, П. Е., рект. Пет. ун. X. (27, 29).
- Андреевскій, П. А., ред. «Зари». XII. 228.
- Андреевъ, скульп. XI. 194.
- Андріевичъ, ист. Сиб. X. (101).
- Андріанова, арт. X. 127.
- Андріашевъ, А. О., дир. гимн. IV. 140—143, 146—149.
- Апжу, Ф. А., морск. оф. VII—VIII. 240, 244.
- Апичковъ, XII. 234.
- Анке, чл. правл. унив. VII—VIII. 155.
- Анкердовичъ, пол. аг. V—VI. 96, 97.
- Анна Федоровна, в. кн. IX. 171.
- Аппенковъ, М. Н., фл.-ад. I. 140.
- Аппенковъ, П. В., пис. I. 26. IV. 136. V—VI. 30, 31. IX. 173, 177. X. 104, 105.
- Аппенскій, Н. Ф., пис. X. (44).
- Аптель, сен. фин. V—VI. 360, 361.
- Аптонелли, П. Д., пол. аг. по дѣлу Петраш. IV. 183, 192. XI. 9. XII. 105, 110.
- Антоній, арх. Финл. VII—VIII. 318.
- Антоновичъ, полков. III. 123.
- Антоновичъ, А. Я., ред. Кіевск. ед. V—VI. 385.
- Антоновичъ, М. А., пис. II. 13, 15, 17. 21, 23, 24, 31, 33, 34. IV. 53. X. 108. XI. 120, 131.
- Анучинъ, Д. Н. Рец. А. И. Колмогорова его кн. «А. ф.-Гумбольдтъ, какъ путеш. и геогр.». V—VI.
- Анучинъ, Е. Н., упр. каз. пал. XII. 229.
- Апухтина, Н. Д., жена дек. М. А. Фонвиз. X. 134.
- Апухтинъ, А. Л., пон. Варш. уч. окр. IV. 172, 173.
- гр. Аракчеевъ, А. А. V—VI. 12, 13. 17, 18. VII—VIII. 339. 340. X. 32. XI. 71. XII. 50.
- Араповъ, П. У., об.-пол. IX. 25.
- Арди, арт. XI. 40, 48, 49.
- Аренбергъ, Я. Его ст. «Изъ новѣйш. истор. Финляндіи». V—VI. VII—VIII. IX. X. О немъ: V—VI. 340—342.
- Арпстовъ, И. П., (дѣло Петраш.). XII. 113.
- Аркасъ, лейт. XI. 98.
- Армфельдтъ, ст.-секр. Финл. IX. 161.
- Арондаръ, агроп. X. 46—49.
- Аронсонъ, скульп. XI. 194.
- Арсеньевъ, дир. морск. корп. VII—VIII. 229.
- Арсеньевъ, К. К. Его некр. В. И. Семескаго. X. Рец. М. Гернета его кн. «За четверть вѣка». I. О немъ: IV. 68, 71.
- Артемовскій, арт. II. 190.
- Архангельская, А. Г., докт. XI. 91.
- Архангельскій, А. Его зам.: «Н. П. Николаевъ и Фр. Сентъ-Фуа». III.
- Архаровъ, Н. П., полиц. X. 33, 34, 36. XII. 58.
- Арцимовичъ, В. А., гос. дѣят. I. 141, 147, 153, 154, 156, 157. X. (64).
- Аскепазы, Ш., проф. Его ст.: «Имп. Елиз. Алекс. и кн. Ад. Чарторыйскій». XI.
- Аспелингъ, И. Р., археол. VII—VIII. 290.
- Асташевъ, кап.-лейт. XI. 64.
- Астыревъ, Н. М., пис. X. (107).
- Асѣвъ, чин. полиц. III. 169, 175.
- Афанасьевъ, Г. Е., проф. III. 290, 291. VII—VIII. 280.
- Афанасьевъ-Чужбинскій, А. С., пис. IV. 69.
- Ахалинъ, арт. XI. 30.
- Ахшарумовъ, Д. Д., петраш. II. 44, 53, 57, 61. III. 48—68. IV. 174—176, 180—184, 188—191. XI. 7.
- Ахшарумовъ, Д. И. III. 48.
- Ахшарумовъ, Н. Д. II. 61. III. 48. IV. 175, 180, 182.
- Ашанина, М. Н., см. Оловянникова.
- Ашанина, Н. Н., народ. IX. 107.
- Ашевскій, С. Рец. В. Фишера его кн. «Русск. писатели и война». VII—VIII.
- Ашенбреннеръ, М. Ю., народов. Его «Памяти усопш. друга бывш. Шлиссельб. узник.». X.
- Ашитковъ, С. И. X. (56). XII. 234, 235.
- Ашукинъ, Н. Его «Письмо въ ред.». X.

Б.

- Б., прист. V—VI. 197—201.
 Баженовъ, прок. окруж. с. IV. 74, 75.
 Баженовъ, ред. Киевск. сл. V—VI. 385.
 Базилевскій, А. А., чл. Свящ. друж. I. 231.
 Базилевскій, П. А., моск. предв. двор.
 Его «Письмо въ редакц.». IV. *О немъ*:
 II. 322.
 Базуновъ, И. Л., кингопрод. IX. 173, 181,
 182, 188.
 Байковъ, М. Л. XII. 98, 102.
 Байковъ, дѣло Петраш. XII. 99.
 Бакунина, Е. Ея ст.: «Эпизодъ изъ жизни
 Л. Н. Толстого». XI.
 Бакунинъ, А-дръ А. XI. 201—203.
 Бакунинъ, А-фій А., земск. дѣят. I. 217, 218.
 Бакунинъ, М. А. III. 232. IV. 198, 200,
 201, 203. V—VI. 316. X. 104. XII. 112.
 Бакъ, чл. Свящ. друж. IV. 97.
 Балаевъ, П. XII. 234.
 Балашовъ, А. Д., мин. пол. VII—VIII.
 333, 340.
 Балкъ, адм. XI. 91.
 Балугьянскій, М. А., проф. VII—VIII.
 334, 335.
 Баранниковъ, народов. IX. 111—113.
 Барановичъ, А. М. Изъ его «Записокъ».
 V—VI.
 Барановскій, дѣло Петраш. II. 54.
 Барановъ, И., авт. опис. Моск. 1792 г.
 XI. 208.
 Барановъ, Н. М., град. Петерб. I. 225, 241.
 II. 143. V—VI. 96.
 Барантъ, фран. пос. XI. 213, 215.
 Барвинскій, В., проф. Его некрол. В. П.
 Семерскаго. X.
 Бардовскій, адв. IX. 103.
 кн. Барклай-де-Толл, М. Б., полков. V—VI.
 290. VII—VIII. 340.
 Барковъ, И. С., поэт. IV. 131.
 Барсковъ, Я. Л., ист. Рец. *Г. Вернабскаго*
 его кн.: «Перепис. московск. масоновъ
 XVIII в.». II.
 Барташевичъ, П. П., капит. VII—VIII. 219.
 Барыковъ, О. Л., чин. мин. вн. д., XI.
 207, 208.
 кн. Барятинскій, П. П., камерг. XII. 68, 69.
 кн. Барятинскій, О. С., об.-гофмарш.
 VII—VIII. 346. X. 31.
 Бать, пол. ссыл. III. 82.
 Бауеръ, шт.-оф. VII—VIII. 348.
 Бауеръ, В. В., проф. X. (22).
 Баумгартенъ, А. П., кievск. в.-губ. V—VI.
 384.
 Бахъ, А. Н., пол. дѣят. III. 82.
 Башпаловъ, М. С., худ., VII—VIII. 171.
 Бегровъ, А. К., худ., VII—VIII. 415.
 гр. Безбородко, А. А., гос. дѣят. IV. 163,
 165. V—VI. 157, 159, 166, 167. X. 34,
 73—76. XII. 55—57.
 Безобразовъ, А. М., ст.-секр. I. 233,
 235—243, 246—249. II. 137, 140, 141,
 144—158, 160—163. III. 155, 156, 159—
 168, 170, 173—175. IV. 96, 97, 102—106,
 109, 111, 112. V—VI. 87, 93, 97, 102,
 X. 170.
 Бейлисъ, IX. 20.
 Бекетова, жена А. Н. Б-а. IV. 53.
 Бекетовъ, IX. 172.
 Бекетовъ, А. Н., ботан. II. 55. IV. 53.
 Бекетовъ, В. Н., ценз. X. 101, 103.
 Бекетовъ, П. П., акад. II. 55.
 Беклемишевъ, А. П., петраш. II. 60.
 Бельгардтъ, нач. Калининск. воен. отд. I. 141.
 Бенардаки. VII—VIII. 221.
 Бендасюкъ, укр. дѣят. VII—VIII. 206.
 Бенедиктовъ, В. Г. IV. 66.
 Бенкендорфъ, XII. 48, 67.
 Бенкендорфъ, А. Х., шефъ жанд. I. 55—59,
 II. 43. X. 120.
 Бенуа, семья. XII. 122, 123.
 Бенуа, Ал. Н., худ. XII. 123.
 Бенуа, Альб. П., худ. XII. 123.
 Берви, В. В. Его «Воспомин.» I. II. V—VI.
О немъ: V—VI. 401, 402. IX. 92.
 Берви, Е. П. I. 202—205, 207.
 Бергъ, Н. В., поэт. III. 153.
 гр. Бергъ, О. О., гос. дѣят. I. 140, 144,
 148—151, 153, 155, 157, 159, 160. III. 122,
 132, 136. 150—152, 154. V—VI. 353.
 Бердоносъ, М. В. Его рец. кн. *К. А.*
Кузнецова. XI.
 Бережковъ, М. Н., ист. X. (49).
 Березкинъ, Н. И., дом. уч. IV. 206, 207.
 Беренсъ, кап. XI. 79.
 Берлиппъ, П. А. Его рец. кн. *С. Ф. Либро-*
вича. XI.
 Бертенсонъ, С. Л. Рец. *В. Филиппова* его
 кн. «Дѣдъ русск. сцены. О жизни и дѣя-
телях. П. П. Сосницкаго». IX.
 Бестужевъ-Рюминъ, комис. въ Пол. I. 143,
 III. 121.
 Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., проф. II. 207,
 210. VII—VIII. 138. X. (20—25, 29—32,
 34, 43).
 Бибииковъ, А. А., сен. V—VI. 292.
 Биринъ, Н. С., пач. жанд. упр. V—VI. 91.
 Биронъ, I. Э. VII—VIII. 349.
 Бирюковъ, П. П., толст. XI. 166.
 кн. Бисмаркъ, О. III. 12—14. V—VI. 86, 88.
 Bithell, I. Рец. *М. Веселовской* его кн.
 «Contemporary Belgian Literature». V—VI.
 Блаватская. IX. 152.
 Благосвѣтловъ, Г. Е., лит. VII—VIII.
 130—132, 136, 137. XI. 147.
 Бландовъ, В. И., дѣят. по сыров. X. 55.
 Блиновъ, свящ. XII. 231.
 Блохипъ, А., сект. II. 317, 318.
 гр. Блудова, А. В. X. 114.
 гр. Блудовъ, Д. Н., гос. дѣят. XI. 208.
 Бляймъ, укр. общ. дѣят. VII—VIII. 198.
 Боборыкинъ, П. Д. IV. 237, 238. VII—VIII.
 128, 404.
 Бобриковъ, Н. П., ген.-губ. Филл. I. 234,
 238. II. 158. IV. 235. V—VI. 342, 343,
 353, 354, 370. VII—VIII. 296, 310. IX.
 163. X. 155, 157, 160, 172.
 гр. Бобринскій, А-дръ. VII—VIII. 315

- гр. Бобринскій, А. Г. VII—VIII. 346. X. 26.
 гр. Бобринскій, А. П., мин. пут. сообщ. IV. 105.
 Бобровскій, помѣщ. III. 141, 142.
 Бобровъ, Е. П., арт. II. 179.
 Бобровъ, С. Рец. *В. Фишера* его «Запис. стихотворца». XII.
 Бобылевъ, физ. IV. 79, 81, 88.
 Богатовъ, худ. VII—VIII. 183.
 Богданова, М. А., общ. дѣят. IV. 53.
 Богдановичъ, Ю. М. (Кобозевъ), народов. III. 171. V—VI. 92. IX. 93, 109, 112.
 Боголюбовъ (Емельяновъ), А. А., народов. II. 108. V—VI. 95.
 Боголюбовъ, худ. VII—VIII. 415.
 Боголѣповъ, П. П., мин. нар. просв. VII—VIII. 275, 276.
 бар. Боде, М. М. X. 64.
 бар. Боде, М. А. X. 58, 59.
 Бодиско, IX. 188. X. 94.
 Бодиско, Л. XII. 234.
 Бокова, М. А. (Сѣчепова). II. 227, 229, 232. III. 213—218, 221, 226—228. IV. 78, 81, 82.
 Боковъ, П. И., докт. III. 214, 215, 218, 220, 221, 226, 229. IV. 86.
 Бокъ, В. Г., кам.-юнк. III. 174.
 Большаковъ, арт. XI. 43.
 Бончъ-Бруевичъ, В. Его ст. «Новое о сектѣ иеговистовъ». XI.
 Бордуковъ, Ф. Н., помѣщ. IV. 215.
 Борениусъ, Г., предс. гофгерих. X. 172—175.
 Борениусъ, К., конс. VII—VIII. 308, 310.
 Борениусъ, Р. VII—VIII. 290.
 Борисовскій. VII—VIII. 175.
 Боровниковскій, В. Л., худ. VII—VIII. 174.
 Бороздинъ, К. А., пол. аг. I. 248. III. 157, 163, 164, 171—173. IV. 109, 110.
 Боткинъ, В. П. III. 233, 236. IV. 139, 178, 186. V—VI. 26, 31, 32, 34—36, 38, 42, 43, 51, 52. IX. 171—191. X. 81—97.
 Боткинъ, Д. П. VII—VIII. 175. XII. 120, 121, 128.
 Боткинъ, С. П. IX. 178.
 Брандтъ, Н. П. III. 220, 221. IV. 87, 92.
 гр. Браницкая, А. В., кам.-фрейл. IV. 169. VII—VIII. 349, 353.
 гр. Браницкій, К., корон. гетм. IV. 170.
 Брауншвейгъ, чл. Учр. ком. Цар. Польск. I. 147, 153, 155, 162.
 Брашманъ, проф. III. 239.
 Бредихинъ, Г. О., капитал. IV. 153, 154.
 Бровцынъ, адмир. XI. 91.
 Бровцынъ, А., помѣщ. V—VI. 8, 9.
 Бровцыны. V—VI. 9, 10.
 Брозинъ, П. И., фл.-адъют. I. 191.
 Брокъ, Н. П., ген.-м. V—VI. 94, 101.
 Брокъ, П. Ф., мин. фин. XI. 207.
 Броунъ, уч. Лип. II. 43.
 Брунцъ, Ф. А., худ. VII—VIII. 174, 182.
 бар. Брунцовъ, Ф. И., дипл. III. 14.
 бар. Брувъ, Т., ст.-секр. Финл. VII—VIII. 297, 302, 303, 306, 320. IX. 153, 169.
 Бруфельтъ, П. А., дпр. тюр. VII—VIII. 322, 324—326, 328.
 Брызгаловъ, худ. VII—VIII. 175.
 Брюллова, А. А. IV. 60.
 Брюлловъ, К. П., худ. IV. 60, 224. VII—VIII. 174, 177, 182.
 Брюлова, Ю. III. 226, 229, 230. IV. 89, 92.
 гр. Брюсъ. VII—VIII. 351.
 Бубновъ, арт. XI. 109.
 Будбергъ, дипл. III. 10, 24.
 бар. Будбергъ, А. Я., мин. ин. д. IV. 161.
 Бузескулъ, В. П. Его ст. «Нѣмец. истор. Эд. Мейеръ объ Англіи и нынѣш. войнѣ». IX. Его рец. кн. *М. Вурдта*. IV.
 Булаховъ, арт. XII. 102.
 Булгаковъ, А. Я., сен. I. 36.
 Булгаковъ, Д. А., предв. двор. XII. 138, 139.
 Булгаринъ, О. В. V—VI. 31. X. 127—129. XI. 26.
 Бунге, Н. Х., мин. фин. V—VI. 5, 274.
 Бурбье, арт. XI. 102.
 Бурдинъ, О. А., арт. XI. 39, 115. XII. 101, 102.
 Буренинъ, пед.-матем. IV. 233.
 Бурмейстеръ, ген.-лейт. XI. 72, 73.
 Бурцевъ, В. Л. Его некр. В. И. Семевского. X. *О немъ*: X. (27).
 Буташевичъ-Петрашевская, О. В. (Попова). II. 53.
 Буташевичъ-Петрашевскій, М. В. II. 41, 44, 52—54, 57, 60. III. 50, 53, 56, 68. IV. 175, 180—184, 188, 191, 192. XI. 5—7, 9—11, 13, 15, 16, 18, 19, 25. XII. 105, 110, 111.
 Бутковъ, В. П., гос. секр. V—VI. 392—394. XI. 208.
 Бутлеръ, дѣят. женск. движ. II. 223, 224.
 Бутовскій, Д. П., ценз. V—VI. 386.
 Бухъ, народов. IX. 113.
 Буцевичъ, А. В., народов. XII. 37.
 Бущковский, ген.-м. III. 125—127, 129.
 Быковский, В., общ. дѣят. IV. 62.
 гр. Бѣлевскій. IX. 30.
 Бѣлинскій, В. Г. II. 9. III. 63. IV. 127—131, 134, 138, 178, 186, 187. V—VI. 27, 28, 41, 42, 44—46, 50, 51, 84. VII—VIII. 143, 144, 149, 151. IX. 191. X. 85, 89—92, 98, 130. XI. 146. XII. 178.
 Бѣлоголовый, Н. А. III. 214.
 Бѣлозерская, IV. 67, 71.
 кн. Бѣлозерскій, А. М., сен., пис. V—VI. 174.
 Бѣлоконская, В. Н., жена И. П. Б-аго. III. 85, 86, 95. VII—VIII. 104.
 Бѣлокопскій, П. П. Его «Отрывки изъ воспомин.». III. VII—VIII.
 Бѣлошковъ, В. З. Рец. *П. Власова* его кн. 1) «Ин. Никод. Стародубск.» 2) «Я. С. Бѣляевъ». VII—VIII.
 Бѣломорцевъ, А. Его некр. В. И. Семевского. X.
 Бѣлоцерковский, Г. М. Рец. *В. Сыроватковского* его кн. «Тула и тульск. у. въ XVI и XVII в.». XI.

Голосъ Минувшаго.

В.

- В., мир. суд. V—VI. 216—222.
 Вагинъ, В. Н., сб. общ. дѣят. X. (105).
 Вайнштейнъ, XII. 234.
 Валленъ, Гельсинг. губ. V—VI. 349.
 Валькъ, С. Н. Его рец. кн. А. А. Корнилова. IV.
 гр. Валуевъ, П. А., гос. дѣят. I. 151. II. 141. III. 150, 234, 236. X. (64). XI. 118, 121—126, 128, 129. XII. 140, 178.
 ф.-Валь, жптом. губ. III. 84, 85.
 Вальгрень, В., скульп. VII—VIII. 307—310. IX. 159.
 Вальцъ, проф. III. 292.
 Ванповскій, П. С., гос. дѣят. IV. 109. VII—VIII. 274, 290, 299, 303, 307.
 Варламовъ, К. А., арт. XI. 39, 48, 56, 60, 61.
 Варшъ, М., дѣло Петраш. XII. 113.
 Василенко, Н. П. Его некр. В. И. Семейскаго. X. Его рец. кн. К. В. Харламовича. IV. Рец. М. Грушевскаго его кн. «Очерк. по ист. Мал. Руси и Украйны». III.
 Васильева, Н. С., арт. XI. 44.
 Васильевъ, А., проф. Его ст. «Прогресс. подходы. налогъ 1812 г. и паден. Сперанск.» VII—VIII.
 Васильевъ, Е. В., сен. V—VI. 213, 214.
 Васильчиковъ, студ. (дѣло Петраш.) XII. 99.
 Васильчиковъ, А. С. VII—VIII. 347.
 Васнецовъ, В. М., худ. VII—VIII. 182.
 Васютинскій, А. М. Его зам. «Дантопъ и процес. короля». XII.
 Ватковскій, оф. IX. 23.
 Ватсонъ, Э. К., пис. IX. 222.
 Ващенко, петраш. II. 45, 60, 61. IV. 174, 180—182, 191, 192.
 Ващенко-Захарченко, М. М., ред. Кіевл. V—VI. 381, 385.
 Введенскій, А. И., проф. IX. 47.
 Введенскій, И. И., переводч. I. 6, 7, 9, 10, 26.
 Вейдемейеръ, гос. дѣят. VII—VIII. 340.
 Вейкортъ, докт. VII—VIII. 351.
 Вейнбергъ, П. И., пис. XI. 44, 146.
 Вейнбергъ, Я. И. IX. 247.
 Велижнинскій, Г. Ю. XII. 234.
 Величковскій, инст. Ярослав. гимн. IV. 121.
 бар. Велію, И. О., дир. деп. пол. V—VI. 91.
 Вельтищевъ, служ. моск. губ. IX. 34, 35.
 Венгеровъ, С. А. Рец. А. І. Калишевскаго его кн. «Источн. слов. русск. писател.» III. О немъ: IX. 47.
 Венигъ, К. Б., худ. VII—VIII. 174.
 Вешюковъ, М. И. Его ст. «Въ Польшѣ 1863—67 г.г.». I. III.
 ф.-Вердеръ, герм. воен. атт. VII—VIII. 299, 300.
 Веревкинъ, помѣщ. XII. 204.
 Вересаевъ, В. В. Рец. Т. Левицкой его перев. Архилоха и Сафо. II.
 Веретенниковъ, В. В. Рец. Ю. В. Готье его кн. «Оч. истор. ген.-прокурат. въ Россіи до екатери. времѣнъ.» V—VI.
 Верещагинъ, В. А. Рец. М. Грушевскаго его кн. «Стар. Львовъ». IX.
 Верещагинъ, В. В., худ. VII—VIII. 174. 178—180. XII. 126—128.
 Верещагинъ, Н. В. VII—VIII. 177. X. 54, 55.
 Верешинскій, укр. общ. дѣят. VII—VIII. 192.
 Вериго, Л. А., проф. III. 293.
 Вернадскій, Г. В. Его рец. кн. Я. Л. Барскова. II.
 Вернопъ Лн. Рец. В. Фриче его кн. «Италія. Театръ и музыка». IV.
 Веселого, О. О., препод. корп. VII—VIII. 231.
 Веселитскій-Божидаровичъ, Г. С., ред. Вол. Сл. II. 157.
 Веселовская, М. В. Ея рец. кн. Bithel'я. V—VI.
 Веселовскій, А-дръ Н. Его ст. «Впечатеніе Монти, абб., гражд. и кавал.». XII. О немъ: VII—VIII. 409. X. (23).
 Веселовскій, А-ѣй Н. Его «Изъ ранн. воспомин.» X. О немъ: X. (19, 21—24).
 Викъ, ратм. VII—VIII. 310.
 Виллари П. Рец. К. Н. Успенскаго его кн. «Плнк. Макиавелли и его время, т. I». III.
 Виллвальде, худ. VII—VIII. 174.
 Вильбергъ, курс. IX. 99, 100.
 Вильгельмъ I. III. 12.
 Вильдъ, гуверн. X. 46.
 Випоградскій, ссыльн. III. 83.
 кн. Виртембергскій, А. V—VI. 286, 290—298.
 Витвортъ, англ. пос. X. 36.
 кн. Витгенштейнъ, нач. воен. отд. I. 140. III. 128.
 гр. Витте, С. Ю. V—VI. 399. VII—VIII. 279. IX. 152. X. 182.
 Витязевъ, П., пис. IV. 193.
 Віардо, арт. V—VI. 25, 27.
 Владиміръ Александр., в. кн. (въ текстѣ N.) III. 170. V—VI. 86, 90, 91, 96. 98, 101. VII—VIII. 290, 316.
 Владиславлевъ, М. И., проф. V—VI. 275.
 Владыкинъ, драмат. X. 115.
 Власовъ, П. И. Его рец. кн. Бѣломикова. VII—VIII.
 Вовчокъ, М. см. Маркевичъ.
 Водовозова, Е. Н. Ея восп. «Къ свѣту». IV. V—VI. VII—VIII.
 Водовозовъ, В. В. Его рец. кн. 1) «Россія, Царьгр. и проливы. Матер. и извлеч.» IV. 2) «Къ 10-лѣтію Государств. Думы». VII—VIII. О немъ: XII. 234.
 Водовозовъ, В. И. IV. 23, 24, 29, 35—37, 42, 70. V—VI. 106—111, 114, 117, 118, 123, 126, 132, 134—136. VII—VIII. 53—58, 65, 68, 69, 71, 75, 76, 78, 88—90. IX. 47, 49, 50. X. (40—45).
 Воеводскій, Е. Ф., проф. X. (47).
 Воейкова, А. А. (Протасова). I. 48.
 Военскій, К. А., ист. XI. 117, 127, 134, 135.

- Вознесенский, П. XII. 234.
 Войваральский, П. И., парод. IX. 111.
 Войтковский, проф. X. (47).
 Войцехъ, костр. губ. V—VI. 395, 396.
 Волковъ, полк. II. 315—318.
 Волковъ, чин. ос. поруч. X. 112, 113.
 Волковъ, худ. VII—VIII. 183.
 кн. Волконский, пос. въ Турц. XII. 53.
 кн. Волконский, В. Б., столы. VII—VIII. 363, 392.
 кн. Волконский, Д. М. V—VI. 286—290.
 кн. Волконский, П. М., мин. дв. V—VI. 290. XI. 89.
 кн. Волконский, С. Г., дек. III. 237.
 кн. Волконский, Ф. Ф. VII—VIII. 367.
 Волховский, пол. дѣят., эмигр. III. 98, 99.
 Вольфъ, М., кнгоизд. XI. 242—244.
 Вонлярлярский В. М. X. 170.
 Воробьевъ, пол. аг. II. 145, 147, 148, 156, 158. III. 156, 158, 172. IV. 98, 105. V—VI. 92, 93, 95, 102.
 Воронинъ, ст. (дѣло Петраш.). XII. 99, 113.
 Вороновичъ, В., пол. аг. I. 248. II. 143. III. 174.
 Вороповъ, служ. М. Н. Пр. IV. 52, 55.
 Воронцова, Е. Р. VII—VIII. 344. XII. 45.
 гр. Воронцовъ, М. С., фельдм. I. 36—38.
 гр. Воронцовъ-Дашковъ, И. И., гос. дѣят. I. 227, 237, 238. II. 137, 142, 322. III. 156. V—VI. 86, 102, 103, 366. IX. 139—146.
 Worringer, W. Рец. И. *Стенанова* его кн. «*Formprobleme der Gotik*». V—VI.
 Воршевъ, П. И., чепз. V—VI. 387, 388.
 Востоковъ, арт. XI. 30.
 Востровъ, приказ. (дѣло Петраш.) XI. 25, 27. XII. 117.
 Вредетъ, Э. Р., проф. X. (44).
 Всеволожский, тавр. губ. XII. 129, 130.
 Всеволожский, И. А., дир. теат. VII—VIII. 274. XI. 47, 53, 54.
 В-ский, докт., аг. пол. III. 173.
 Вульфъ, А. Н. I. 41—43, 48.
 Вульфъ, Г. В., проф. IV. 239—241.
 Вундтъ, М. Рец. В. *Бузескул* его кн. «Греческ. мировоззрѣн.» IV.
 Вуоренхеймо, фин. сен. X. 163.
 Выдринъ, Р. Его рец. кн. *Рубакина*. V—VI.
 Вырубовъ, Г. Н. II. 223, 224. IX. 135.
 Высоцкий, Н. Г. Рец. Д. Г. *Коновалова* его кн. «Перв. скопчес. процессы». II.
 Вышнеградский, П. А., нед. II. 220.
 гр. Вѣлепольскій, Сиг. XI. 214.
 герц. Вюртембергскій. X. 24.
 кн. Вяземская, жена П. А. Вяз-аго. I. 36.
 кн. Вяземскій, П. А., поэт. I. 35, 44, 49, 54, 56.
 кн. Вяземскій, Л. Д., гос. дѣят. II. 322.
 Вязмитиновъ, С. К. VII—VIII. 340.
 Вязовскій, арт. XI. 43.
- Г.**
- Гаазъ, О. П., докт. XI. 176, 177, 180.
 кн. Гагарина, Е. А. IX. 31, 32.
 Гагаринъ, обв. Карак. IV. 62.
 кн. Гагаринъ, П. П., гос. дѣят. XI. 208.
 Гагемейстеръ, ком. Ленч. у. I. 138, 139, 141.
 Гаевскій, В. П., пис. IV. 71.
 Гайдебурова, Е. К. IV. 15, 21.
 Гайдебуровъ, П. А., пис. V—VI. 374, 375. XII. 161.
 Галкинъ-Враскій, нач. тюр. упр. VII—VIII. 323—325.
 Гальперинъ-Камянский, Н. Д., переводч. XI. 160, 161.
 Гамалѣя, пед., мат. VII—VIII. 225.
 Гарковенко, М. Ф., инсп. корп. VII—VIII. 218, 224, 228—230, 239.
 Гаронескуль, уч. гимн. IV. 143.
 Гартманъ, Л. Н., пародов. I. 231. II. 142. IX. 109.
 Гатцукъ, изд. XI. 200.
 Ге, Н. Н., худ. VII—VIII. 404, 411. IX. 47. XI. 192, 194.
 Ге, Н. Н., сынъ худ. XI. 172.
 Гебгардтъ, И. К. IV. 45, 46, 57, 58, 63. VII—VIII. 112.
 Геденовъ, А. М., дир. теат. X. 112, 117, 118. XI. 114.
 Геденовъ, сынъ А. М. Г-ва. X. 112.
 гр-я Гейденъ. VII—VIII. 295, 296, 299, 326, 327.
 гр. Гейденъ, О. Л., ген-губ. Финл. I. 234. IV. 235. V—VI. 342. VII—VIII. 289—292, 294—302, 305—307, 310—312, 315—322, 324, 326—330. IX. 159, 160, 162. X. 158, 164.
 Гейпсъ, А. К., ген.-м. I. 226.
 Гейсмаръ, морск. оф. XI. 97.
 Гелисъ, М., шлицсельб. XII. 39, 40.
 Гельфманъ, Г., парод. IX. 107, 108.
 Георгиевскій, А. И., пед., клас. VII—VIII. 277, 278. X. (32).
 Георгій Александров., в. кн. VII—VIII. 299, 302. IX. 162.
 Герардъ, фин. г.-губ. X. 182.
 Гербель, Н. В., поэтъ. VII—VIII. 138, 139.
 Герке, Д. XII. 234.
 Германовичъ, эмигр. II. 153.
 Герпетъ, М. Н. Его рец. кн. *К. К. Арсеньева*. I.
 Герценштейнъ, М. Я. III. 293.
 Герценъ, А. И. II. 51, 84. III. 232, 233, 235, 238, 239. IV. 114, 131, 187, 196. V—VI. 84, 396. IX. 133, 174. X. 106, 108. XI. 24, 146. XII. 103, 111, 112, 178.
 Гершензонъ, М. О. Рец. М. *Клевенского* его кн. «Русск. проилен, т. III». IV.
 Гессе, Н. П., кievск. губ. V—VI. 377.
 Гешовъ, И. Е. Рец. В. *Пичеты* его кн. «Балканск. союзъ. Воспом. и докум.» III.
 Гивартовскій, проф. VII—VIII. 163.
 Гизетти, А. Его рец. кн. «Вопросы теоріи и психолог. творчества, т. VI». XII.
 Гильденштубе, ген. IX. 24.
 Гильфердингъ, А. О., слав. II. 201—214. III. 236, 237, 240, 241.
 Гильяровъ-Платоновъ, Н. П., проф. V—VI. 399. XI. 205.

- Гинковский, эмигр. II. 154—157.
бар. Гинцбургъ, Г. О. III. 243.
Гинцбургъ, И., скульп. Его ст. «Художники въ гостяхъ у Л. Н. Толстого». XI.
Гирсъ, Д. К., пис. II. 39.
Гирсъ, Н. Г., мин. ин. д. VII—VIII. 306.
Гладстонъ. IV. 195.
Глазепанъ, дир. морск. корп. VII—VIII. 229.
Глинка, В. М., губ. V—VI. 198.
Глинка, О. Н., пис. II. 41. IV. 47.
Глинская, С. П., арт. XI. 54.
Глинскій, укр. общ. дѣят. VII—VIII. 212.
Глинскій, ред. Ист. Вѣстн. V—VI. 401.
Глѣбова, М. М., арт. XI. 54.
гр. Гобино. V—VI. 341, 342.
Говорухинъ, О., пол. дѣят. XII. 234.
Гоголь, Н. В., XI. 114.
Голенищевъ-Кутузовъ, И. Л., адм. X. 76.
кн. Голицынъ, помѣщ. X. 60.
кн. Голицынъ, А. Н., гос. дѣят. II. 52, 60.
III. 67. IV. 180. VII—VIII. 340. XII. 113.
кн. Голицынъ, Г. X. 38.
кн. Голицынъ, Г. С., нам. Кавк. IX. 139.
кн. Голицыны. IV. 208, 209.
Головацкій, В. VII—VIII. 216.
Головацкій, И. VII—VIII. 211, 213.
Головацкій, Я., укр. пол. дѣят. VII—VIII. 192, 194, 197, 207—211, 216.
Головинъ, А. В., гос. дѣят. XI. 81.
Голохвастовы. I. 174, 177, 178. IV. 205, 206. X. 66.
Голубевъ, суд. дѣят. V—VI. 227.
гр. Голуховскій, пол. дѣят. Авст. VII—VIII. 190, 215.
Гольгардтъ, чин. I. 225, 226.
Гольдбергъ, препод. корп. XI. 25.
Гольденбергъ, Г., народов. IX. 110.
Гольдсмитъ, П., лит. IX. 129.
Гольштейнъ, V—VI. 310.
Гольмдорфъ, М. Г. II. 254.
Гольтгойеръ, М. Ф., сен. IV. 72.
Гольцевъ, В. А., пис. VII—VIII. 399—413. X. (19, 32).
Гомичковъ, укр. общ. дѣят. VII—VIII. 204, 205.
Гонецкій, Н. С. V—VI. 101.
Гончарова, Н. Н. I. 59.
Гончарова, П. IX. 122.
Гончаровъ, чн. въ Пол. III. 133, 134.
Гончаровъ, И. А., пис. IV. 66, 132, 133. X. 99. XI. 117, 118, 122, 123, 125—156. XII. 140—180.
Гончаровъ, Д. IX. 122.
Горбачевскій, И. И. дек. X. 210.
Горбуновъ, дѣят. по сельск. хоз. X. 46.
Горбуновъ-Посадовъ, И. И. XI. 166.
Гордлевскій, В. Его рец. кн. 1) «Царьградъ», 2) «Царьгр. и его окрестн.» II.
Горевъ, арт. X. 121, 122.
Горня, дир. теат. IV. 66.
Городисскій, А. З., пр. пов. XII. 234.
кн. Горчаковъ, А. М. I. 154.
Горькій, М. 1) Его некрол. В. И. Семеновскаго. X. 2) Рец. М. Невѣдомскаго его кн. «Дѣтство». III.
Горяновъ, С. М., ист. XI. 217, 218.
Готовцевъ, Я. XII. 234.
Готье, Ю. В. 1) Рец. В. И. Семевскаго его кн. «Оч. истор. землевладѣн. въ Росс.» I. Его рец. 1) кн. *Забѣлина*. III. 2) кн. *Веретенникова*. V—VI.
Гохтъ, Г. К. II. 137, 138.
Граве. XII. 234.
Градовскій, Г. К. Рец. В. Розенберга кн. «Литерат. сборн., посвящен. памяти Г. К. Градовскаго». X. О немъ: II. 96—101.
Грановская, Е. Б. IX. 178—180. X. 86.
Грановскій, Т. И. IV. 130. V—VI. 35. IX. 174, 177, 179, 180. XI. 146.
Граціанскій, смотр. уч. XII. 104.
Грачевскій, М. Ф., народов. IX. 113. XII. 30—43.
Гребенка, Е. П., пис. XII. 99.
Греве, перевод. VII—VIII. 400.
Гревсъ, студ. (дѣло Петраш.) XII. 99.
Гревсъ, И. М., проф. XII. 234.
Грейгъ, С. А., мор. XI. 81.
Грессеръ, П. А., петерб. градон. V—VI. 100, 103.
Грибовскій, А. М., ст.-секр. XII. 53, 54.
Григоровичъ, В. И., проф. Рец. Е. Щепкина его «Собран. сочинен.» XI. О немъ: III. 290.
Григоровичъ, Д. В. IV. 139. V—VI. 32, 40, 46, 49, 51, 53. VII—VIII. 412. IX. 181. X. 91, 92, 95, 97, 99. XI. 51—53. XII. 213.
Григорьевъ I, арт. II. 179, 186, 191, XI. 100, 111, 115.
Григорьевъ, Ап. 1) Рец. И. Розанова его «Стихотвор.» V—VI. 2) Рец. Менделѣева его «Собр. сочинен.» XII. О немъ: V—VI. 35. X. 92—94, 112, 113, 115, 121. XI. 103.
Григорьевъ, Н. П., петраш. II. 54. XI. 5.
Григорьевъ, П. А., проф. IV. 217.
бар. Гриппенбергъ, С. VII—VIII. 311.
Громека, С. С., сѣдл. губ. I. 142. III. 145. VII—VIII. 201.
Громовъ, куп. XI. 107.
Гропиусъ, Г., декор. V—VI. 355—357.
Гротъ, самар. губ. XII. 228.
Гротъ, Н. Я., проф. XII. 198.
Гротъ, Я. К., ак. XII. 98, 100.
Груберъ, В. Л., проф. II. 216. III. 215, 221, 227. IV. 81.
Грушевскій, М. Его рец. 1) кн. *Василетто* III, 2) кн. И. Б. Розенфельда VII—VIII, 3) кн. «Галиц. въ ея старин.», *Верещинскаго*, *Трубникова*. IX.
Губеръ, Р., инж. VII—VIII. 319.
Губскій, Н. П. Его ст. «Штраусъ и Ренауъ въ 1870—71 г.» II.
Гудзий, Н. Его рец. кн. *Зайдмана*. V—VI.
Гумбольдтъ, А. III. 36.
Гурьевъ, Одесс. град. I. 37.
гр. Гурьевъ, Д. А., мин. фля. III. 33, 34. VII—VIII. 335, 340.

Гусева, арт. XI. 31, 33.
 Гусевъ, Н. Н., секр. Л. Н. Толст. XI. 188.
 Густавъ, кор. Шведск. IV. 158—168.
 V—VI. 158.
 Гучковъ, А. И. V—VI. 400.
 Гумалевиць, укр. общ. дѣят. VII—VIII.
 211, 213.
 Гюсъ, арт. XII. 56.

Д.

Давыдовъ, В. П. 167—170.
 Давыдовъ, В. Н., арт. IX. 47. XI. 31—33.
 Давыдовъ, И. И., проф. I. 32.
 Давыдовъ, Л. В., дир. морск. корп. VII—VIII. 229.
 Давыдовъ, Н. В., суд. дѣят. Его ст. 1) «Изъ помѣщ. жизни прошл. столѣт.» II. 2) «Изъ воспомин. о В. С. Соловьевѣ». XII.
 Давыдовы, помѣщ. II. 167—200.
 Далматовъ, В. П., арт. XI. 51, 52.
 Далматовъ, Н. Д. V—VI. 334.
 Данилевская, мать. Г. П. Д-аго. XII. 108.
 Данилевскій, Г. П., пис. XI. 5, 14—16, 18, 20. XII. 97—109, 117.
 Данилевскій, Н. Я. II. 53. VII—VIII. 408.
 Даниловичъ, ген. VII—VIII. 290.
 Даниловичъ, ссмы. пол. III. 84.
 Даниловъ, авт. брош. о Каракоз. XII. 140—145.
 Даниловъ, Ф. И., помѣщ. X. 49.
 Дарскій, Д. С. Реп. 1) *И. Розанова* его кн. «Чудесн. вымыслы. О космич. сознап. въ лир. Тютчева». II. 2) *В. Фишера* его кн. «Маленьк. трагед. Пушкина». V—VI. 3) *В. Фишера* его кн. «Радость земли. Исслѣд. лир. Фета». XI.
 Д-въ, Н. И., докт. XI. 167, 169.
 Дебагорій-Мокріевичъ, В. К., народов. V—VI. 333.
 Дебу, И. М., петраш. II. 44, 45, 52—54, 56—61. III. 48, 50, 53, 55, 56, 66, 68. IV. 174—176, 180—182, 184, 187, 188, 191. XI. 12. XII. 102.
 Дебу, К. М., петраш. II. 44, 45, 53, 56, 57, 60, 61. III. 68. IV. 174—176, 181—184, 188, 192.
 Дебу, от. петраш. II. 56.
 Дегай, правов. (дѣло Петраш.) XII. 99.
 Дезенъ, правов. (дѣло Петраш.) XII. 99.
 Дейчъ, Л. Г., пол. дѣят. IX. 99.
 Деливронъ, К. Ф., лейт. VII—VIII. 218, 219.
 Дельвицъ, А. А. I. 41, 45.
 Деляновъ, И. Д., мин. нар. просв. IV. 52. VII—VIII. 265—288. X. (29, 38, 51).
 Деметцъ, проф. III. 293.
 Демертъ, Н. А. V—VI. 275.
 Демядова, А. А. IV. 206.
 кн. Демиловъ-Салъ-Донато, П. П. I. 232. 233, 235, 236, 240—244, 249, 250. II. 135—138, 140—145, 147—152, 159, 162. III. 155—157, 159. IV. 106. V—VI. 89, 95—97.

ф.-Денъ, В. К., сеп. VII—VIII. 296, 297, 301, 302, 308, 318. IX. 147—170.
 ф.-Денъ, А. IX. 148; А. IX. 151; I. IX. 150.
 Дерманъ, А. Его рец. кн. 1) «Дневн. Л. Н. Толстого». IX. 2) «Письма А. П. Чехова». IX.
 Десятовъ, худ. VII—VIII. 173.
 Дибичъ, И. И., фельдм. XII. 105.
 Дидрихсъ, чин. X. 155, 156, 180.
 Дисконейъ (Дзичканецъ), А. I., полков. II. 141.
 ф.-Дитмаръ, археол. I. 190, 191.
 Дяттинъ, И. И., проф. X. (11).
 Дмитріевъ, И. И., гос. дѣят. VII—VIII. 340.
 Дмитріевъ, О. М., проф. III. 238, 239. X. (30).
 Дмитріевъ-Мамоновъ, А. М. VII—VIII. 342, 343, 352.
 Добролюбовъ, Н. А. IV. 118, 119, 128, 129. V—VI. 52. IX. 91. X. 98—108.
 Доводчиковъ, К. А., поэт. XII. 220—223.
 Догадкинъ, К. К., докт. XII. 230.
 кн. Долгорукій, Г. IV. 160.
 кн. Долгоруковъ, Вл. А., моск. губ. IV. 223. V—VI. 100. IX. 21—28, 31, 33, 35—39. X. 58.
 кн. Долгоруковъ, Вас. А., шефъ жанд. V—VI. 393, 394. XI. 208.
 кн. Долгоруковъ, Пав. Д. IV. 238.
 кп. Долгоруковъ, Петръ Д. III. 85.
 Домбровский, арт. II. 179.
 Донауровъ, М. И., адъют. Пав. I. XII. 70.
 кп. Дондуковъ-Корсаковъ, кievск. г.-губ. III. 163.
 Доробецъ, пр.-доц. VII—VIII. 275, 276.
 Дорогобужинъ, В. Н. IV. 52, 56.
 Достоевскій, О. М. II. 53, 74—81, 220. III. 240, 242. IV. 137. V—VI. 402. IX. 92. XII. 109.
 Драгомановъ, М. П. I. 225. II. 142, 157. IV. 112. V—VI. 140, 143, 305, 333. VII—VIII. 204. X. (22).
 Драгомировъ, М. И. III. 291. V—VI. 377—383.
 Драницынъ, пол. чин. II. 158, 161. III. 158, 162, 164, 165, 167—169, 172, 173. 175. IV. 95, 105.
 Дрентельнъ, А. Р., кievск. ген.-губ. III. 163. V—VI. 89.
 Дружининъ, А. В. IV. 130, 136, 139. V—VI. 32, 34, 40, 42—46, 49, 50, 53. IX. 173, 190. X. 81—84, 87, 91—94, 97. XII. 212.
 Дружининъ, С. XII. 234.
 Дубельтъ, Л. В. X. 112, 120. XI. 13, 14. XII. 103, 113.
 Дубновъ, С. М. Его сообщ. «Запис. объ антieur. безпорядк. 1881 г.» III.
 Дубровскій, Н. А., пед. IV. 241.
 Дудышкинъ, изд. II. 26.
 Дурново, Н. А., помѣщ. XII. 219.
 Дурново, Н. Н. V—VI. 376.
 Дурново, П. П. III. 169, 170, 172, 174. *IV. 97. IX. 31, 32.
 Дуровъ, С. Ф., петраш. XII. 112, 223.

- Духовичъ, укр. общ. дѣят. VII—VIII. 203, 210, 211.
 Духонинъ, ком. Выб. VII—VIII. 290—294, 308—310. IX. 159.
 Дьяковъ, Д. А. X. 66.
 Дьяченко, В. А., драмат. XII. 216.
 Дѣдицкій, укр. общ. дѣят. VII—VIII. 206, 209, 211—213, 216.
 Дюбюкъ, К. Его зам. «Наказъ ред.-славяноф.» XI.
 Дюмушель, пед. IV. 222.

Е.

- Евгеньевъ, В. Его ст. 1) «Некрасовъ и Елисей въ дѣлѣ возсоздан. Отечеств. Записк.» II. 2) «Некрасовъ и люди 40-хъ гг.» IV. V—VI. IX. 3) «Н. А. Гончаровъ, какъ чл. Сов. по дѣл. печати» XI. XII. 4) Некрол. В. И. Семеваго. X.
 Енгельсъ, М. Е., режис. XI. 60.
 Евдокимовъ, В. Я. IV. 72, 73.
 Евреинова, А. М. II. 227, 228, 230, 232, 233, 237—240. III. 215, 216, 219—223, 227, 231. IV. 72, 73, 78—82, 86, 87, 89, 91—93.
 Евреинъ, ком. Петерб. IV. 73.
 Европеусъ, А. И. II. 44, 61. III. 68. IV. 175, 176, 180—182, 184, 191. IV. 55.
 Европеусъ, П. И. III. 68. IV. 175, 182. XII. 101, 102.
 Егоровъ, А. Е., худ. VII—VIII. 415.
 Егоровъ, А. Н., ценз. V—VI. 388.
 Егоровъ, Н. М. IV. 110. V—VI. 87.
 Екатерина II. IV. 157—171. V—VI. 157—178, 180. VII—VIII. 341—354. X. 23—30, 40, 44. XII. 45, 46, 48—55, 57—61, 63—69, 79, 80, 83, 95.
 Екатерина Павловна, в. кн. XI. 217.
 Елена Павловна, в. кн. IX. 178.
 Елизавета Алексѣевна, имп. I. 197—201. IV. 169, 170. XI. 211—220. XII. 83.
 Елизавета Петровна. XII. 46.
 Елизавета Федоровна, в. кн. VII—VIII. 299, 306.
 Елисеева, Е. П. II. 6, 18, 23, 34, 35, 37, 38.
 Елисеевъ, Г. З. II. 5, 12—14, 17, 18, 21, 23, 24, 31—40. IV. 53. V—VI. 130, 131, 303—305, 310, 329, 332. IX. 121. X. 108.
 Елпидифоръ, арх. V—VI. 62.
 Епанчинъ, А. П., дир. морс. корп. VII—VIII. 229, 236.
 Епанчинъ, Н. П., морс. оф. VII—VIII. 244. XI. 73—75.
 Ермолова, М. Г., общ. дѣят. IV. 53, 55.
 Ермолова, М. Н., арт. IX. 26. XI. 32, 44, 51.
 Ермоловъ, помѣщ. IV. 62.
 Ермоловъ, А. П., ген. VII—VIII. 341, 352.
 Ерошенко, добр. V—VI. 310.
 Ершова, Е. Ея «Письмо въ ред.» II.
 Ершовъ, В. И., предв. двор. II. 321. IV. 271.
 Есаковъ (дѣло Петрап.) IV. 182, 191.
 Ефремовъ, С. А. Его ст. 1) «Противъ теченія». V—VI. 2) «Въ полосу апат. и застою». VII—VIII.
 Ешевскій, С. В., проф. III. 238.

Ж.

- Жадовская, Ю. В. XI. 16.
 Жбанковъ, Д. Н., докт. II. 249.
 Ждановъ, И. П., земс. дѣят. XII. 230.
 Желябовъ, А. И. V—VI. 92, 333, 334. IX. 113.
 Жемчужниковъ, А. А., изд. «Слова». XII. 229.
 Жемчужниковъ, А. М., поэт. II. 39. VII—VIII. 409.
 Жерве, П. К., сен. V—VI. 98, 99.
 Жеребцовъ, камерг. V—VI. 300.
 Живоглядовъ, киев. полиц. V—VI. 37, 384.
 Живокшиш, В. И., арт. II. 178, 186, 187.
 Жипаръ, эмигр. X. 73—77, 79.
 Житецкій, П. И., литер. V—VI. 383.
 Жихаревъ, С. П. IX. 173. X. 97, 122.
 Жоховъ, А. О., пис. IV. 70. IX. 122.
 Жуковская, А. В. IX. 30.
 Жуковская-Цѣнна, Е. И. IV. 53—57, 59, 61.
 Жуковский, В. А. I. 38—41, 43—45, 47, 49, 50, 53.
 Жуковский, С. М., гос. дѣят. XI. 208.
 Жуковский, Ю. Г., пис. II. 13, 15—18, 23, 24, 26, 31, 32, 34, 37, 38.
 Жуковъ, пол. дѣят. IV. 47.

З.

- Заболоцкій, дѣят. по крест. реф. I. 155, 157.
 Забѣлинъ, Н. Е. Рец. Ю. В. Готье его кн. «Домашн. бытъ русск. царей, ч. II». III. О немъ: IX. 182, 185—187, 189. X. (49).
 Завадовскій, П. В., гос. дѣят. V—VI. 166. VII—VIII. 350.
 Загаринъ, нач. в.-сиб. трак. III. 82.
 Загоскинъ, М. В., сиб. общ. дѣят. X. (105, 110).
 Загоскинъ, М. Н., пис. XI. 112.
 Загуляевъ. IV. 73—76.
 Зайдеманъ, М. Рец. Гудзия его кн. «О. М. Достоевскій въ зап. литерат.» V—VI.
 Зайцева, общ. дѣят. IV. 55, 59.
 Зайцевъ. IV. 56, 59.
 Зайцевъ, В. А., эмигр. V—VI. 274.
 Зайцевъ, П. И. 1) Его некрол. В. И. Семеваго. X. 2) Его рец. кн. «Сербск. эпосъ». X.
 Зайцевскій, П. Г. VII—VIII. 101. IX. 111. X. (105).
 гр. Захревскій, А. А. I. 178, 179. IV. 114, 205, 224. V—VI. 353, 392—395. IX. 25. X. 112. XII. 118.
 Замысловскій, Е. Е., проф. X. (12, 22—24)
 Замыцкій, адм. XI. 91.
 Заркевичъ, докт. Шласс. XII. 41.
 Зарѣцкій, худ. VII—VIII. 183.

- Заряно, С. К., худ. IV. 224. VII—VIII. 171, 177.
 Засуличъ, В. П. II. 108. V—VI. 251—253. IX. 98, 99.
 Засядко, полков. V—VI. 155, 156.
 Захаровъ, О. И. I. 26.
 Звѣревъ, Д. XII. 234.
 Зедергольмъ, студ. X. 117, 118.
 Зеленой, А. П., пом. инсп. морск. корп. VII—VIII. 230, 231.
 Зеленой, С. П., преп. корп. VII—VIII. 231.
 Зеленый, одес. гор. гол. V—VI. 386.
 Зеленый, А. А., мин. гос. им. XI. 74—76.
 Зилловъ, П. П., проф. X. 62.
 Зиминъ, инж. VII—VIII. 180.
 Златопольскій, С., народов. IX. 113.
 Зоричъ, С. Г. VII—VIII. 350. X. 73, 77.
 Зотовъ, лак. Пав. I. VII—VIII. 352.
 Зотовъ, В. Р., лит. XI. 15, 16, 25.
 Зубовъ, арт. XI. 39.
 Зубовъ, Валер. VII—VIII. 353. XII. 54, 65.
 Зубовъ, П. А. IV. 164—167. V—VI. 157, 159, 166, 167. VII—VIII. 327, 343—345, 350, 352—354. X. 26, 27, 34, 73, 77, 79. XII. 51—55, 58, 61.
 Зубрицкій, Д., укр. общ. дѣят. VII—VIII. 198, 199, 203, 204, 214.
 Зуммеръ, В. С. Рец. *Новицкаго* его кн. «Система библейск. композиц. А. А. Иванова». III.
 Зыковъ, арх. IX. 34, 35.
 Зѣлинскій, О. Рец. *Радцига* его перев. «Софокла, ч. II». XII.
- И.**
- Иваненко, комис. въ Пол. III. 144, 145.
 Иванова, С. А., народ. IX. 98, 113.
 Ивановскій, А. А., чин. I. 57, 58.
 Ивановъ, нечаев. X. 184.
 Ивановъ, драмат. XII. 161, 164.
 Ивановъ, кап. XI. 89, 90.
 Ивановъ, А. А., худ. VII—VIII. 174, 182.
 Ивановъ, В. Г. Его: «Памяти усопш. друга бывш. шлиссельб. узник.» X.
 Ивановъ, С. А. Его: «Памяти усопш. друга бывш. шлиссельб. узник.» X.
 Ивановъ-Разумникъ, Р. В. Рец. *В. Фишера* его «Сочинен., т. V». IV.
 Иванчинъ-Писаревъ, А. И. IX. 93, 94. XII. 99.
 Иванъ (VI) Антоновичъ. X. 23, 29, 30. XII. 42.
 Игнатовъ, И. Н. Его ст. «Театръ и зрители». X. XI. XII.
 гр. Игнатьевъ, А. П., кievск. г.-губ. V—VI. 213, 214, 377—380, 383.
 гр. Игнатьевъ, Н. П., гос. дѣят. I. 241. II. 142, 152. III. 156, 173, 244. IV. 112. V—VI. 94, 267, 268.
 Игумнова, худ. XI. 193.
 Идельсонъ, эмигр. IV. 204.
 Издебскій, С. Р., пед. XII. 230.
 Иконниковъ, В. С. Рец. *Ржиги* его кн. «Максимъ Грекъ и его время». II.
- Иловайскій, Д. И., проф. X. (49).
 Ильинскій, Н., сослуж. Радичъ. XII. 74, 75.
 Ильинъ, Н. С., сект. XI. 221—228.
 Имшенецкій, М. XII. 234.
 Иннокентій, экз. Груз. IX. 142.
 Иновинъ, А. Его некрол. В. И. Семенова. X.
 Иноземцевъ, докт. IX. 190.
 Иречекъ, VII—VIII. 215.
 Ирѣ-Коскиненъ (Форсманъ Г.). VII—VIII. 296, 302, 319, 329, 330. IX. 161.
 Исаевъ, Г. П., народов. IX. 113.
 Истришъ, В. И., ак. X. (59).
 Ишимова, А. I., инс. XII. 99, 100.
 Ишутинъ, Н. А., пол. дѣят. IV. 62, 63. X. 65.
- І.**
- Іоанникій, арх. Варш. III. 146, 147.
 Іогансонъ, I., еп. X. 162, 163.
 Іорданскій, Н. М. Его ст. «Секретн. циркуляры». V—VI.
- К.**
- К., кам.-юнк. V—VI. 209—213.
 К., мир. суд. V—VI. 223—227.
 Кавелинъ, К. Д., проф. II. 99. III. 291. IV. 134. IX. 50. X. (95), 107.
 Казанова, скульп. V—VI. 173.
 Казанскій, поруч. III. 155, 157, 159, 161. 167. IV. 96, 98.
 Казецкій, лит. V—VI. 399.
 Казинъ, дир. морск. корп. VII—VIII. 229.
 Казначеевъ, А. И., сен. I. 42, 186. IV. 223—225.
 Кайгородовъ, губ. X. 179.
 Кайдановъ, дѣло Петраш. XII. 113.
 Калпловскій, Б. Ф., проф. I. 202.
 Калшескій, А. I. Его рец. кн. *С. Венгерова*. III.
 Каллистратовъ, А. П., чин. уч. окр. IV. 152—154.
 гр. Каменскій, М. О., ген. XII. 61, 63, бар. Кампентаузенъ, Б. VII—VIII. 340.
 гр. Капкринъ, Е. Ф., мин. фин. III. 28, 36, 41, 42.
 Капшинъ, дѣло Петраш. IV. 175, 182.
 Капустинъ, М. Н., проф. III. 233. X. 187.
 Капустяевскій, М. А. IV. 274.
 Каракозовъ, Д. В. IV. 62, 63. V—VI. 103. X. 65.
 Карамзинъ, А. Н. IV. 206.
 Карамзинъ, Н. М. I. 44. VII—VIII. 334, 336.
 Каратыгина, А. М., арт. XI. 102, 103.
 Каратыгинъ, П. А., арт. II. 190. X. 109, 119, 122, 130. XI. 108, 109.
 Карашайскій, предв. двор. XII. 138.
 Карешинъ, В. Рец. *П. Когина* его кн. «Ж. Сандъ, ея жизнь и произведен.» т. 2. VII—VIII.
 Кармина, арт. XI. 40.
 Карповичъ, Е. П., лит. II. 12.
 Карибевъ, Е. В., чл. Гос. Сов. VII—VIII. 340.
 Карибевъ, ст.-секр. XI. 207.

- Карповъ, Е. Его ст. «М. Г. Савина». XI.
 Карѣвъ, Н. И. Его ст. 1) «Польск. медаль въ память Алутина». IV. 2) «Одна черта научн. дѣятельн. В. И. Семевского». X. 3) Некрол. В. И. Семевского. X. Его рец. кн. *Г. Шоста*. IX. *О немъ*: X. (53).
 Касаткинъ, Н. А., худ. VII—VIII. 183.
 Кассо, Л. А. III. 291.
 Кастень-де-Понтъ, полк. VII—VIII. 306.
 Кастрень, Ц. X. 161.
 Катеневъ, В., пис. XI. 5, 6, 12, 14—20, 23—27. XII. 97, 99—104, 106, 107, 113, 117, 118.
 Катковъ, М. И. I. 196, 211. II. 96, 216. III. 233, 234, 237, 238, 240, 241. IV. 46. V—VI. 35, 274, 399. VII—VIII. 120, 277, 282, 403, 405, 411. IX. 9, 174, 177, 179, 181, 182, 186, 188. X. (23, 33). XI. 206. XII. 118, 146.
 Кауфманъ, г.-губ. Вилен. XI. 135.
 Кауфманъ, А. А., проф. Его 1) рец. кн. *Янишяго*. V—VI. 2) некрол. В. И. Семевского. X. *О немъ*: X. (108).
 Кауфманъ, А. Е., проф. Его ст. «Еще объ унivers.-юбилярѣ». III.
 Кауфманъ, Г. XII. 234.
 Каханскій, оф. X. 182.
 Качаловъ, в.-адм. VII—VIII. 220, 227.
 Качаловъ, Н. А. Его «Записки». V—VI. VII—VIII. XI.
 Качаловъ, А. Р., лейт. V—VI. 6, 11, 13, 17, 18—20, 22. VII—VIII. 224.
 Качаловы: П.:—V—VI. 6, 14, 15, 17, 19, 20. VII—VIII. 219, 244. XI. 63. Н. И.: V—VI. 6, 12, 13. Н. А.: VII—VIII. 220—223. Р. А.: VII—VIII. 221. Р. Я.: V—VI. 10, 11, 18.
 Качіони, С. А. Его ст. «Силуэты прошлаго». V—VI.
 Кашеварова, общ. дѣят. II. 222.
 Кашипъ, пол. дѣят. V—VI. 89.
 Кашкинъ, Н. Д., муз. крѣт. IX. 250.
 Кашкинъ, Н. С., петраш. II. 41—44, 61. III. 48, 68. IV. 174—183, 191, 192.
 Кашкинъ, С. Н. II. 41—43.
 Квятковскій, А. А., пол. дѣят. IX. 98, 107, 110, 113.
 Кельсіевъ, В. И. VII—VIII. 200.
 Керженцевъ, В. Его ст. «Парнеллъ и его время». VII—VIII. IX.
 Кернъ, А. П. I. 50.
 Кеслеръ, проф. IV. 64.
 Кетчеръ, Н. X. V—VI. 26, 31, 38. IX. 182, 185—189, 191.
 Кизеветтеръ, А. А. 1) Его рец. кн. *Плеханова*. I. 2) Его некрол. В. И. Семевского. X. Рец. *Н. Ойрсова* его кн. «Гильд. московск. купеч.» II. Рец. *С. Мельгунова* его кн. «Историч. очерки». V—VI.
 Кипренскій, О. А., худ. VII—VIII. 174.
 Кирилловъ, Г. Р., нач. ссыс. отдѣл. V—VI. 92, 93, 102, 103.
 Кирпичниковъ, А. И., проф. III. 292. X. (11).
 Кирѣвскій, И. В. IX. 93.
 Кирѣвъ, ген. V—VI. 310.
 Киселевскій, П. П., арт. XI. 54.
 Киселень, арт. XI. 43.
 Киселень, А. А., худ. VII—VIII. 183. XII. 125, 126.
 Киселевъ, А. П., худ. VII—VIII. 175.
 Кистяковский, В. XII. 234.
 Кичеевъ, студ. VII—VIII. 164, 165.
 Клевенскій, М. М. Его рец. 1) кн. *М. Гершензона*. IV. 2) кн. *Н. А. Котляревскаго*. XI.
 гр. Клейнмихель. V—VI. 98.
 Клейнмихель, ген. XI. 78.
 Клемницъ, Д. А. X. (107, 110, 111).
 Клецовъ, Н. Его сообщ. «Матер. для истор. русск. журналист.» VII—VIII.
 Климовъ, Самарск. губ. XII. 228, 230.
 Климовъ, И., пол. аг. I. 248, 249. IV. 111, 112.
 Клупинъ, П. Н., сен. V—VI. 89.
 Клѣточниковъ, Н. В., уч. ссыльн. V—VI. 92, 93, 103. IX. 97, 110.
 Ключевскій, В. О. X. (23, 24, 40, 41, 83).
 Клячко, эмигр. XI. 242.
 Князевъ, кап.-лейт. XI. 76.
 Кобозевъ, см. Богдановичъ.
 Кобылинъ, полк. II. 144. V—VI. 95.
 Кобылинъ, заш. Карак. IV. 63.
 Ковалевская, С. В. Ея «Письма». II. III. IV. *О ней*: II. 215, 218, 222—226. IV. 73.
 Ковалевская, М. П. III. 81.
 Ковалевскій, Н. В., уч. ссыльн. III. 81.
 Ковалевскій, А. О. II. 229, 232. III. 222, 225, 226.
 Ковалевскій, В. О. II. 226—237, 239. III. 214—217, 219—222, 225, 228—231. IV. 78—82, 85, 86, 91, 92.
 Ковалевскій, Е. П. II. 203.
 Ковалевскій, М. М. III. 291. VII—VIII. 280. X. (19—21, 23, 33, 51).
 Ковалевскій, П. М. V—VI. 37. X. 101.
 Ковальскій, укр. VII—VIII. 212.
 Коганъ, П. С. Его рец. кн. *Каренина*. VII—VIII. Рец. *В. Фишера* его кн. «Прологъ. Мысли о литерат. и жизни». III.
 Кожевниковъ, А. Я., проф. VII—VIII. 275.
 Кожуховъ, студ., дѣло Петраш. XII. 99.
 Козловская, Ф. Ф., арт. XI. 32—34.
 Козловскій, Л. С. Его ст. «В. И. Семевскій и истор. Польшн». X.
 Козловъ, А. А., ген.-м. I. 225, 239, 241. II. 143, 144, 151, 156, 161, 162. III. 156, 165. IV. 110. V—VI. 100, 103.
 Козловъ, П. А., перевод. VII—VIII. 404.
 Козодавлевъ, О. И., гос. дѣят. VII—VIII. 335, 340.
 Козыревъ, М. А. XI. 171.
 Коковцевъ, В. Н., гос. дѣят. VII—VIII. 323, 324.
 Кокоревъ, В. А., ком. совѣтн. VII—VIII. 174. XI. 124.
 Кокошкинъ, комис. въ Пол. I. 143, 153.

- Колбасниъ, Е. А., пис. IV. 133. V—VI. 30, 32, 36, 51. X. 93.
 Колзаковъ, морск. оф. XI. 97.
 Колюмогоровъ, А. И. Его ред. кн. *Анучина*. V—VI.
 Колодкевичъ, Н. Н., народов. IX. 113.
 Колосовъ, Е. Его ст. «Лавровъ и Михайловскій о балканск. событ.» V—VI.
 Колотовъ, земск. дѣят. XII. 226, 231.
 Колошинъ, П., дѣло Петраш. II. 42.
 Колпиковъ, И. П., помѣщ. V—VI. 390. 391.
 Колубовскій, Я., фил. XII. 234.
 Колюшкинъ, О. А., чин. градонач. III. 157. IV. 70.
 Колышко, ст., повст. VII—VIII. 166, 167.
 Кольцовъ, А. В. XII. 158, 159.
 Колюпановъ, И. А., лит. XI. 153.
 Коляри, В. Его ст. «Вильг. Оберданъ». I.
 Комаровъ, В. В., публик. V—VI. 398.
 Кондаковъ, Н. П., проф. X. (47, 49).
 Кондыревъ, драмат. XII. 216.
 Кони, О. А. IV. 126.
 Коноваловъ, Д. Его ред. кн. *Высочаго*. II.
 Копради, Е. И., пис. II. 221. IV. 64—66, 92. IX. 124.
 Константинъ Николаевичъ, в. кл. I. 151, 155. III. 126. VII—VIII. 233, 235. XI. 80, 81, 83, 84, 87—91, 94, 95, 208. XII. 135.
 Константинъ Павловичъ, в. кл. I. 56, 183—185. III. 18, 35. IV. 161—163, 170, 171. V—VI. 174. XI. 216. XII. 50—53, 105, 106.
 Копитаръ, слав. VII—VIII. 201.
 Коптевъ, И. В., худ. X. 59.
 Коптевъ, от. худ. X. 60.
 Корабчевскій, Д. А., публик. V—VI. 276.
 Коралько, ст., пол. аг. III. 174.
 Корвинъ-Крюковская, А. В. II. 220, 225—240. III. 213—231. IV. 77—92.
 Корвинъ-Крюковский, П. В. III. 215, 221.
 Корвинъ-Крюковский, В. В. II. 218. III. 216.
 Корвинъ-Крюковский, О. В. III. 218.
 Кордтъ, В. Его предисл. къ «Описан. посольства Ольделанда». VII—VIII.
 Корейша, И. Я., юрод. I. 178—180.
 Корженевскій, драмат. XII. 165.
 Корниль. Ред. В. *Потемкина* его кн. «Пророки». IV.
 Корниловы, сест. IX. 99.
 Корниловъ, А. А. Его «Страниц. воспомин.» X. Ред. Н. Пиксанова его кн. «Семейство Бакунныхъ». III. Ред. С. Валка его кн. «Русск. помѣщ. въ Польшѣ со врем. раздѣловъ до нач. XX в.» IV.
 Коровины, бр., худ. VII—VIII. 183.
 Коровицкій, свящ., ред. газ. «Воляны». III. 86.
 Королевъ, дяр. Петр. Ак. X. 185.
 Короленко, В. Г. IX. 5—20.
 Корольковъ, М. Я. Его ст. «Шпіонъ Робесп. въ Черноморск. флотъ». X.
 Коростовецъ, кап. VII—VIII. 218, 219.
 Коростовцевъ, И. Я., адм. XII. 98.
 Корсаковъ, кап. V—VI. 86—88.
 Корсаковъ, ген. XII. 92.
 гр. Корфъ, М. А., гос. дѣят. IV. 48.
 Корфъ, С. А., проф. Его ред. кн. *П. Пирожского*. XII.
 Коршъ, В. О., пис. IX. 120, 122. 176. 180, 181.
 Коршъ, Е. О. X. 93.
 Коршъ, Ф. А., антрепр. XI. 43.
 Коршъ, О. Е., ак. I. 26.
 Косицкая, актр. X. 117.
 Косоротовъ, проф. V. 180.
 Костанда, А., ген. I. 157. III. 128, 129.
 Костомарова, А. Л. II. 257, 258. XI. 198. 200.
 Костомаровъ, П. И. II. 40, 257—259. X. (32). XI. 198—201.
 Косцюшко, Т. X. 27, 28, 40. XII. 45. 63.
 Котляревскій, А. А., ак. I. 11.
 Котляревскій, Н. А. Ред. М. *Клевенского* его кн. «Накан. освобожд.» (1855—61 г.г.) XI.
 Кохъ, пач. охр. V—VI. 91.
 Кохъ, архит. I. 186.
 Коцебу, А., драмат. IV. 157.
 кн-я Кочубей. X. 49.
 кн. Кочубей, В. П. VII—VIII. 332, 340.
 Кочубинскій, А. А., проф. X. (47—49).
 Комелева, О. О. II. 205.
 Комелевъ, А. И., публи., общ. дѣят. I. 147, 149, 153, 157, 160, 161.
 Комлаковъ, докт. II. 257.
 Кояловичъ, В., пис. II. 213.
 Краббе, Н. К. адм. VII—VIII. 232, 236. XI. 81, 83, 91, 94.
 Кравченко, арт. II. 186.
 Кравчинскій, С. М. V—VI. 92, 330, 335.
 Краевскій, А. А., пис. I. 7, 16, 26. II. 5, 13—15, 21—23, 25—30, 36, 39, 204. IV. 71. V—VI. 51. VII—VIII. 404. IX. 171, 176, 179. XI. 14, 15, 126, 133.
 Крамской, И. Н., худ. VII—VIII. 174. 175. XI. 191, 192, 195.
 Краснокутскій, пач. воен. отд. III. 128.
 Красноперовъ, И. М. X. (22).
 Красовская, Е. Ф., арт. XI. 55.
 Красовскій, драмат. XI. 110.
 Красовскій, уч. сем. V—VI. 61, 62, 73, 80—82, 84. VII—VIII. 144—146, 148. 151, 152, 157, 158.
 Красовъ, В. П., поэт. II. 43.
 Крестовскій, В. (псевд.) II. 40.
 Кривенко, С. Н., пис. II. 32, 33. IX. 96.
 Кривошея, А. К., мян. пут. сообщ. IV. 51—53, 55, 56.
 кн. Кропоткинъ, Д. Н., харьк. губ. IX. 97.
 кн. Кропоткинъ, П. А. Его «Поправка» къ дпев. Смѣльск. IV. О немъ: I. 231. 249. II. 149. V—VI. 101.
 Кротковы. I. 173, 174. IV. 205, 213.
 Крузе, лит. XI. 153.
 Крузенштеръ, П. Ф., дяр. корп. VII—VIII. 218, 220, 225, 227, 229, 232. 239. 243. 245. 246.

- гр. Крунфельдъ, нач. по дѣл. печ. X. 159, 160.
 Крыловъ, Н. И., проф. X. 60, 61.
 кн. Кудашевъ, А. И. IX. 23.
 Кудяновъ, студ. IV. 47.
 Кудрина, Н. Н., арт. XI. 31—33, 35.
 Кудрявцевъ, А. Н., прот., проф. X. (48—50).
 Кудрявцевъ, П. Н., проф. IX. 174, 190.
 Кузнецовъ, И. В., преп. корп. VII—VIII. 226.
 Кузнецовъ, К. Л. Ред. *М. Бердосова* его кн. «Английск. палата обшинъ при Тюдорахъ и Стюартахъ». XI.
 Кузьминъ, лейт. XI. 64.
 Кузьминъ, дѣло Петраш. XII. 113.
 Кукольникъ, Н. В. XI. 99—101. 115. XII. 99.
 Кулаевскій, М. В., докт. XII. 230.
 Кулаковскій, Н. А., проф. III. 241.
 Кулеша, А. О., докт. XII. 230.
 Кулшъ, П. А., укр. пис. I. 162. 163. II. 211. VII—VIII. 210.
 кн. Курзинъ, А. Б., ген-прок. VII—VIII. 332, 335. X. 34. XII. 68, 67, 69, 70.
 Курочкинъ, В. С. II. 33. IV. 45. 63. XII. 171, 173—175.
 Курочкинъ, Н. С. IV. 71. V—VI. 130.
 Кускова, Е. Д. Ея ст. «С. В. Коваленская и ея время». II.
 гр. Кутаисовъ, Н. П. X. 44.
 Кутузовъ, А., кл. хоз. Кѣточн. V—VI. 92, 93.
 кн. Кутузовъ, И. М. V—VI. 287—290.
 гр. Кушелевъ-Безбородко. II. 44.
 Кушнаревъ, И. Н., изд. VII—VIII. 409.
 К-ъ, дир. глмн. IV. 142, 143.
- Л.**
- Л., ст. прист. V—VI. 200, 201, 203, 204.
 Лаврецкій, Н. А., проф. XI. 198.
 Лаврова, А. X. IV. 57.
 Лавровъ, В. М. VII—VIII. 400—403, 408, 411.
 Лавровъ, Н. Л. Его «Письма». VII—VIII. IX. *О немъ*: II. 40, 84, 142. IV. 45, 46, 48, 50—57, 59—63, 66, 69, 193—204, 274. V—VI. 301, 313—317, 319—326, 329—331, 334, 335, 338. IX. 92.
 Лагаръ, Ф. IV. 157. V—VI. 271. X. 24. XII. 49, 50.
 Лагерборгъ, Р., пис. финл. V—VI. 363.
 Лагорио, Л., худ. IV. 223.
 Ладина, арт. II. 179.
 Ладжешская. X. 93.
 Лазарева (Деяпова). VII—VIII. 266.
 Лажечниковъ, П. И. XII. 106.
 Лакіеръ, А. Б., пис.-стат. II. 208.
 Ламанскій, В. И., слав. I. 26. X. (30, 43).
 Ламанскій, П. И. II. 62.
 Ламбро-Качіони, шпратъ. V—VI. 157.
 Ламъ, abb., эмгр. X. 33, 34.
 Ламкертъ, О. К., ценз. V—VI. 388.
 Лампи, худ. V—VI. 163.
 гр. Ламсдорфъ, VII—VIII. 306.
 Ланге, Н. Н., проф. III. 293.
 Лангъ, I. Н., проф. VII—VIII. 320.
 Лансере, Е. А., скульп. XII. 122, 123.
 Ланской, А. Д. V—VI. 180. VII—VIII. 341, 342, 349, 351, 352.
 Ланской, С. С. V—VI. 395. XI. 208.
 гр. Ланцкоронскій, К. XI. 215.
 Латышевъ, сл. дворц. стр. комис. XI. 78.
 Лебедева, Т. И., народов. IX. 113.
 Лебедень, А. П., пол. чин. V—VI. 100.
 Лебедевъ, А. С., проф. X. (11).
 Лебедевъ, К. В., худ. VII—VIII. 183. 184. X. 59.
 Лебедевъ, М. Н. VII—VIII. 72, 74—78, 87, 88.
 Ле-Бренъ, худ. V—VI. 164.
 Левашовъ, проф. III. 292.
 Левашовъ, А. И., полк. I. 226, 227, 230. II. 151. IV. 100, 101. V—VI. 94.
 гр. Левашовъ, Н. В., гос. дѣят. I. 215.
 Левгренъ, Э. Л., худ. V—VI. 356.
 Левештейтъ. VII—VIII. 174.
 Леви. Ред. *С. Савликова* его кн. «Греческ. скульпт.» V—VI.
 Левинъ, И. О. Его ст. «Націон. борьба въ Бельгій до войны». III.
 Левинъ, Э. Б. III. 243.
 Левиталь, И. И., худ. VII—VIII. 183. XII. 126.
 Левинская, Т. Ея ред. пер. *Вересаева*. II.
 Леманъ, антрепр. XII. 128.
 Лемке, М. К., пис. X. (110).
 Лентовская, А. В., арт. XI. 45.
 Лентовскій, М. В., режис. XI. 45.
 Ленскій, Д. Т., арт. X. 130. 131.
 Леонидовъ, арт. X. 131.
 Леонтьевъ, Б. Н. IX. 198.
 Леонтьевъ, К. Н., публ. VII—VIII. 277.
 Леонтьевъ, П. М., проф. XII. 118.
 Лермонтова, О. В. IV. 93.
 Лермонтова, Ю. В. IV. 93.
 Лермонтовъ, М. Ю. IV. 131.
 Лерхе, чин. V—VI. 355, 356.
 Лесевичъ, В. В., пис. III. 83. IV. 71, 200. VII—VIII. 123, 128, 131. IX. 47, 118, 119, 121. XI. 149.
 Лесевичъ, Л. П. III. 83.
 Лестадиусъ, Л. Л., паст. V—VI. 341.
 Лешковъ, В. Н., проф. III. 238. VII—VIII. 283.
 Либровичъ, С. Ф. 1) Ред. *К. Сивкова* его кн. «Истор. книги въ Россіи», ч. II. IX. 2) Ред. *П. Берлина* его кн. «На книжн. пошту». XI.
 кн-я Ливень, Д. X. VII—VIII. 315.
 гр-я Ливень, Ш. К. IV. 160. XI. 213, 214.
 Ливотова, IV. 45, 57, 58.
 Лизогубъ, Д. А., вародов. IX. 102.
 Линдшеръ, оф. XII. 47.
 Линдфорсъ, Я., ген.м. VII—VIII. 298.
 Линниченко, И. А., проф. Его ст. «Дѣя. воспомин.» X. *О немъ*: III. 290—294. X. (19, 25).

- Линтваревъ, П. XII. 234.
 кн. де-Линъ. VII—VIII. 348.
 Липранди, И. П., ген.-м. II. 44. 54. XI. 9.
 XII. 110. 113.
 Литвиновичъ, мѣтр. VII—VIII. 215.
 Литке, восп. в. кн. К. Н. XI. 83. 90.
 гр. Лютта, Ю. П., гос. дѣят. VII—VIII. 340.
 Лихарева. X. 38.
 Лихачева, порев. XII. 148—150. 152. 153.
 155.
 Лишинъ, ген.-м. V—VI. 94.
 Лобачевскій, Н. Н., проф. V. VI. 275.
 Лобовъ, IV. 194.
 кн-я Ловичъ. XII. 106.
 Лозинскій, укр. VII—VIII. 212.
 Лопатинъ, Г. А. Его ст. 1) «Къ разсказу
 о П. Л. Лавровѣ». IV. 2) Памяти усопш.
 друга бывш. шлссельб. узникъ. X.
О немъ: V—VI. 335.
 Лопатинъ, Л. М., проф. XII. 198. 200.
 Лопухина, А. П. XII. 45.
 кн. Лопухинъ, П. В., гос. дѣят. VII—VIII.
 340.
 кн. Лопухинъ-Демидовъ, Н. П. II. 158. 161.
 кн. Лорисъ-Мелниковъ, М. Т. I. 229. III. 164.
 V—VI. 89, 91, 103, 257, 258. IX. 101, 139.
 XII. 232.
 Лотоцкій, А. Его рец. кн. «Новгородск.
 старина». XII.
 Лугвенева, Н. П., кап. V—VI. 22, 23.
 Лукасинскій, В., пол. дѣят. X. (96).
 Лукашевичъ, Л. Д. Его «Памяти усопш.
 друга бывш. шлссельб. узникъ». X. *О немъ*:
 XII. 234.
 Лукьяновъ, студ. VII—VIII. 163.
 Луудстремъ, Г., нач. телегр. бюро. X. 167,
 168.
 Лури, книгопрод. IV. 182.
 Лутковский, Г. В., сен. I. 226.
 Лыкошинъ, А. С. Его рец. кн. «Письма
 и бумаги Суворова, т. I». V—VI.
 кн. Львовскій, полк. X. 158.
 Львовъ, драмат. XII. 208—210.
 кн. Львовъ, ценз. IX. 189.
 Львовъ, Н. Н., общ. дѣят. X. (65).
 кн. Львовы. (А. Е.; В. Е.; Г. Е.). X. 65.
 Лѣсковъ, Н. С. Его «Письма». VII—VIII.
О немъ: VII—VIII. 268.
 Лѣсковскій, мор. VII—VIII. 245.
 Любавинъ, дѣло Нечаева. IV. 200.
 Любавскій, М. К., проф. X. (41).
 Любатовичъ, О. С., народов. IX. 113.
 Любимовъ, Н. А., проф. X. (33).
 Любонниковъ, А. С., перев. V—VI. 372.
 кн. Любомирская, Е. XI. 219.
 Люгебиль, С. А., пед. IV. 38, 40, 41.
 Люгебиль, проф. IV. 38—40.
 Ляцкий, Е. А. Его ст. «Н. Г. Чернышев-
 скій и его диссертат. объ искусствѣ». I.
- Мазурины. VII—VIII. 175.
 Майковъ, А. Н. V—VI. 29, 372. X. 209.
 210. XI. 100.
 Майскій, В. Его ст. «Англія и Германія». I.
 Макаровъ, гос. дѣят. VII—VIII. 340.
 Маковская, Ю. П. VII—VIII. 415.
 Маковский, Е. И. VII—VIII. 177.
 Маковский, В. Е., худ. VII—VIII. 174.
 175, 177.
 Маковский, К. Е., худ. VII—VIII. 174.
 175, 177, 414, 415.
 Максимовичъ, М. А. IV. 141. 142. VII—VIII.
 198, 199.
 Максимовичъ, К. К., пак. атам. V—VI.
 390, 391.
 Максимовъ, А. Е., арт. II. 191. X. 180.
 XI, 114, 115.
 Максимовъ, С. В., этногр. V—VI. 129.
 VII—VIII. 139.
 Максъ, Г., худ. XII. 127. 128.
 Малевичъ, Л. П., дом. уч. III. 221.
 Малецкій, Э. XII. 234.
 Малининъ, пед., матем. IV. 223.
 Малица, В., пол. дѣят. V—VI. 333, 334.
 Малиповскій, Л., проф. Его некрол. В. П.
 Семейскаго. X.
 Мальшинскій, А. П., ред. Вол. Сл. II. 157.
 IV. 112.
 Мамышевъ, В. С., адв. XII. 229.
 Манасенинъ, Н. А., мпд. юст. V—VI. 207.
 Маницкий, адм. V—VI. 12.
 Мансуровъ, самар. губ. XII. 228.
 Манухинъ, Н. И., куп. IX. 247.
 Мардарьевъ, Н. Его ст. «Нѣчто изъ прошл.»
 V—VI.
 Марія Александровна, н. кн. IX. 33.
 Марія Николаевна, в. кн. XII. 207.
 Марія Павловна, в. кн. (въ текстѣ Н. Н.
 и Н.) II. 163. V—VI. 86, 88, 90.
 Марія Федоровна, имп. (жена Пав. I).
 IV. 168. X. 25. XII. 45—48, 67.
 Марія Федоровна, имп. (жена Ал. III).
 VII—VIII. 299—302, 325, 326, 330. IX.
 158, 161, 162, 167. XII. 122.
 Маркевичъ, А. И., проф. III. 290, 292.
 VII—VIII. 279, 280. X. (49, 50).
 Маркевичъ, М. А. (Марко Вовчокъ). II.
 39. VII—VIII. 125, 126, 411. IX. 119.
 Марковичъ Светозаръ. V—VI. 322, 323.
 Марксъ, К. IV. 195, 198, 200.
 Маркусъ, чин. въ Цар. Пол. I. 162.
 Мартыновскій, народов. IX. 112.
 Мартыновъ, ком. Зѣмг. дв. XI. 77.
 Мартыновъ, чл. гл. упр. по дѣл. печ. XI.
 131, 132.
 Мартыновъ, А. М., арт. XI. 113—115.
 Маслово, В. П. Рец. В. И. Неймана его
 кн. «Начальн. періодъ байрониз. въ
 Россіи.» III.
 Массонъ. Его «Мемуары о Россіи.» IV.
 V—VI. VII—VIII. X. XII. *О немъ*: IV.
 157, 158.
 Матвѣевъ, худ. VII—VIII. 183.
 Матвѣевъ, П. А., чл. суда. XII. 229.

М.

- Магницкій, М. А. VII—VIII. 337.
 Мазурия, А. А., куп. дѣло Петраш. XI.
 25. XII. 117.

- Матэ, грав. XI 193.
 Мацкевичъ, Д. И., лит., ценз. II. 220.
 Медвѣдевъ, П. М., антрепр. XI. 31 34.
 36, 54, 55, 60.
 Медвѣдскій, крит. V—VI. 398.
 Межевичъ, ред. Пол. Вѣд. XI. 15, 16.
 XII. 100.
 Мезенцевъ, Н. В., шефъ жанд. V—VI. 92,
 253, 254. IX. 90, 97.
 Мей, Л. А., поэт. I. 26.
 бар. Мейендорфъ, П. К., пос. въ Бер. III.
 9, 10, 17, 18, 20—24, 26, 27, 39, 41, 42, 46.
 Мейеръ, Ф. Х., садов. I. 166, 172. IV.
 207—211. X. 49.
 Мекеллинъ, Л., сеп. фплл. IV. 235—238.
 VII—VIII. 293, 321, 322, 330. X. 182.
 Мекелпъ, О. VII—VIII. 322, 326.
 Мелентьева, В. К., жена кам.-лак. V—VI.
 96, 97.
 Мелентьевъ, кам.-лак. V—VI. 96.
 Мелишино, ген. IV. 163. X. 29, 32.
 бар. Меллеръ-Закомельскій, псп. артил.
 V—VI. 289.
 Мельгуновъ, С. П. Его ст. 1) «Ф. Ф. Эрис-
 манъ о Россіи». II. 2) «Изъ обществ.
 настроен. въ 1863 г.» III. 3) «Русскіе
 подъ Данцигомъ». V—VI. 4) «Незави-
 сим. русск. писателъ». V—VI. 5) «Исто-
 рикъ-гражданинъ». X. 6) «Письмо въ редакц.»
 X. Его рец. 1) кн. *Кизеветтера*. V—VI.
 2) кн. *Пылина*. X. 3) «Историч. извѣстій».
 XI.
 Мельниковъ, М. М., народов. II. 146.
 Мендельсонъ, Н. М. Его рец. Собран.
 сочинен. *Ал. Григорьева*. XII.
 кн. Меньшиковъ, А. С., адм. VII—VIII.
 245. XI. 64, 65.
 Меньшиковъ, А. И., проф. III. 120. VII.
 VIII. 163.
 Меньшиковъ, М. О., публ. X. (13).
 Меньшиковъ, П. Н., драмат. XI. 112.
 Мерлинь, кам.-юнк. X. 65.
 Мессарьянцъ, З. М., чпн. ценз. IX. 28, 29.
 Мечникова, О. Н. III. 293.
 Мечниковъ, И. И. III. 218, 221, 222, 226,
 228, 291—293. IV. 79, 89, 92. X. (56).
 кн. Мещерскій, В. П., публик. X. (53, 56).
 XI. 123.
 Миклашевскій, М., проф. XII. 234.
 Миллеръ, ген.-м. V—VI. 287—291, 293.
 Миллеръ, В. Ф. Рец. *Б. Соколова* его
 кн. «Историч. пѣсни русск. нар. XVI—
 XVII вв.» XII.
 Миллеръ, Н. И., явсп. лиц. II. 43.
 Миллеръ, О. Ф., проф. V—VI. 311. X.
 (23, 32). XI. 152.
 Миллеръ, Ф. И., ак. V—VI. 174.
 Милорадовичъ, худ. VII—VIII. 183.
 Милославскій, арт. XI. 30.
 Милославскій, И. Д., бояр. VII—VIII.
 363, 376, 379, 380, 388.
 Милуковъ, П. Н. Его некрол. В. И. Се-
 мевского. X. *О немъ*: X. (13, 41), 161.
 XII. 234.
 Милютинъ, дочь Д. Н. М-а. III. 221. IV. 64.
 Милютинъ, В., проф. IV. 131. V—VI. 34.
 IX. 177, 178.
 Милютинъ, Д. А., гос. дѣят. I. 151, 157.
 III. 150, 234. IX. 139. X. (63).
 Милютинъ, П. А., гос. дѣят. I. 140, 141.
 145—162, 196. III. 122, 128—133, 136.
 143, 145, 150—152.
 Минаевъ, Д. Д., поэтъ. II. 254. IX. 9. XII.
 232.
 Мипаковъ, Е. И., пародов. XII. 42.
 Мияквичъ, А. Ф., ген. III. 154. IV. 108.
 Минцловъ, С. Р. Его ст. «Стар. шести-
 десятъ» IX.
 Мишъ, Д. Е., перев. IX. 186. X. 85.
 Митурчъ, гардем. VII—VIII. 243.
 Михайловскій, М. XII. 234.
 Михайловскій, Н. К. II. 5, 13, 24, 33, 38.
 III. 83. IV. 114. V—VI. 301—313, 315—
 321, 323—334, 337—401. IX. 95, 96.
 X. (39, 48, 49).
 Михайловъ, А. поэтъ. X. 209, 210.
 Михайловъ, А. Д., народов. IX. 98, 101,
 105—107, 110, 113.
 Михайловъ, М. И., поэтъ, IV. 45, 46.
 61, 63. X. (104).
 Михайль Павловичъ, в. кн. XI. 74—76.
 Мяхазиль, М. IV. 49, 50.
 Мичуринъ-Самойловъ, арт. XI. 54.
 Мияковский, В. Его рец. 1) кн. *В. П. Се-
 менникова*. III. 2) Кн. «Бесѣды Собрн.
 Общ. истор. литерат. въ Москвѣ», I.
 IV. 3) Кн. *В. П. Семенникова*. XI.
 Младовскій, Н. Г., чпн. I. 238.
 Млотковская, арт. I. 179.
 Могильницкій, А., укр. общ. дѣят. VII—
 VIII. 212.
 Модестовъ, В. И., проф. III. 291, 292.
 Модзалевскій, Б. Л., пис. X. (44).
 Моль, перев. Толст. XI. 172.
 Моейеръ, хир. I. 42, 47, 48, 50.
 Мокрицкій, худ. IV. 224. VII—VIII. 171, 172.
 Моллеръ, фл.-ад. XI. 64, 65.
 Моллеръ, Ф. А., худ. VII—VIII. 174.
 Молостова, Е. В. Рец. *Бончъ-Бруевича* ея
 кн. «Иеговисты. Жизнь и сочин. кап.
 И. С. Ильина». XI.
 Молотовъ, пол. чпн. I. 240. II. 156, 157.
 III. 155, 157, 158, 160—163, 166, 168,
 169, 174. IV. 103. V—VI. 93, 95.
 Молчановскій, А. Н., прав. канц. кievск.
 г.-губ. V—VI. 380, 381.
 Момбелли, Н. А., петраш. II. 53, 57, 60.
 гр. Монтагю, О., эмигр. X. 72—60.
 Моравовъ, А. В., худ. XI. 193.
 Мордвинова, З. А. XII. 228, 229.
 Мордвиновъ, чпн. XII. 228.
 Мордвиновъ, дипл. X. 79.
 гр. Мордвиновъ, Н. С., гос. дѣят. VII—
 VIII. 335, 338, 340.
 Мордовцевъ, Д. Л., пис. II. 258. V—VI.
 303. XI. 152.
 гр. Морковъ, А. И., гос. дѣят. IV. 164—167.
 V—VI. 166. X. 34. XII. 55—57.

- Морозовъ, Б. И., бояр. VII—VIII. 363.
 Морозовъ, Н. А., пол. дѣят. Его «Памяти
 усопш. друг. бывш. шлисесльб. узникъ»
 X. *О немъ*: I. 228, 250. IX. 94—96, 98, 113.
 Мосоловъ, П. С., худ. VII—VIII. 185, 186.
 IX. 23. XII. 121.
 Мофеть, морск. оф. XI. 90.
 Мочаловъ, П. С., арт. X. 109, 122, 130.
 XI. 7.
 Мровинскій, ген.-м. III. 164.
 Мунстерельмъ, Я., худ. V—VI. 351,
 352, 357.
 Муравьевъ, губ. V—VI. 62. VII—VIII.
 157, 158.
 Муравьевъ, М. Н., гос. дѣят. I. 151. III.
 239. IV. 63. V—VI. 253, 254, VII—VIII.
 167. IX. 137. X. (95, 96). XI. 208.
 Муравьевъ, Н. Н., от. М. Н. М-а. IV. 209.
 Муравьевъ-Апостолъ, М. И., дек. X. 133.
 Муравьевъ-Апостолъ, С., дек. III. 56.
 Муромцевъ, С. А. III. 291. VII—VIII. 280.
 X. (19, 31—34, 51).
 гр. Мусинъ-Пушкинъ, А. А., поп. Кіевск.
 уч. окр. V—VI. 334.
 гр. Мусинъ-Пушкинъ, М. Н., поп. Петр.
 уч. окр. I. 7, 26, 29, 31. II. 45. XI. 13.
 кн. Мышецкій, Д. Е., стольн. VII—VIII.
 356, 390.
 Мышкинъ, И. Н., народов. XII. 34, 42.
 Мѣшковъ, худ. XI. 193.
 Мюльгаузенъ, проф. IX. 250.
 Мякотинъ, В. А. Его ст. 1) «О В. И. Семенов-
 скомъ». X. 2) «Рѣчь у могилы В. И. Се-
 мевского». X.
 Мясниковъ, В. А. V—VI. 254.
 Мясоедовъ, Г. Г., худ. VII—VIII. 175.
 Мэкензи Уоллесъ. I. 196.
- Н.**
- Н-а, М. Д. VII—VIII. 99—101.
 Набоковъ, комм. Петропав. крѣп. XII. 108.
 Набоковъ, Д. Н., мни. юст. V—VI. 102.
 Нагорный, родств. Толст. X. 68.
 Надсонъ, С. Я., поэтъ. XI. 204, 205.
 Назаровъ, чин. I. 236, 238, 240. II. 140,
 141, 154. III. 174.
 Назимовъ, В. И., гос. дѣят. V—VI. 397.
 IX. 181. X. 132.
 Наполеонъ I. VII—VIII. 334, 335.
 Нароповичъ. IV. 71.
 Нарышкина, М. А. I. 191.
 Нарышкина, Н. (гр. Ростопчина). I. 186.
 Нарышкинъ, А. Л., канц. XI. 219.
 Нарышкинъ, Л. А., об.-штабн. V—VI.
 158. VII—VIII. 353.
 Нарышкинъ, М., полк. II. 42.
 Насокинъ, ред. V—VI. 362.
 Насръ-Эдинъ. IX. 28—30.
 Нассау, пос. VII—VIII. 353.
 Нассау-Зигенъ, адм. X. 76, 79.
 Науменко, В. Его ст. «Кіевск. сатира 50 л.
 тому наз.» IV.
 Наумовичъ, укр. общ. дѣят. VII—VIII.
 204.
 Наумовъ, пол. аг. II. 54. XI. 9—14, 16—20.
 23—26. XII. 102, 104, 106, 111. 113.
 Нащокинъ, В. VII—VIII. 395.
 Невревъ, Н. В., худ. VII—VIII. 175.
 XII. 121.
 Невѣдомскій, М. Его рец. кн. *Горькаго*. III.
 Негрескуль, М. О. IV. 67—71.
 Негрескуль, М. П. IV. 63, 71, 196, 202.
 VII—VIII. 120, 122, 123.
 Нейдгардтъ, Д. Б., одес. град. V—VI. 389.
 Нейманъ, Б. В. Его рец. кн. *В. И. Маслова*.
 III.
 Неклюдовъ, Н., суд. IV. 71, 72.
 Некрасовъ, Н. С., проф. X. (47).
 Некрасовъ, Н. А. I. 8, 209. II. 5—40. IV.
 113, 119—131, 133—139. V—VI. 24—40.
 46—53, 327. IX. 171—191. X. (81),
 81—101, 105—107. XI. 124, 131, 132, 203.
 Некрасовы: А. А. IV. 121; А. IV. 121, 124;
 К. А. IV. 123—125.
 Нелединскій, Ю. А., поэтъ. XII. 69.
 Нелдова, Е. Н., кам.-фр. XII. 45, 66.
 Немзеръ, М., подп. XII. 234.
 Немоловскій, шлис. XII. 39, 40.
 Неплюевъ, И. Н., чл. Гос. Сов. VII—VIII.
 340.
 Нессельроде. XI. 107.
 гр. Нессельроде, К. В., мин. ин. д. I. 35,
 38, 54. III. 9, 10, 11, 16—25, 33, 39,
 41—47. V—VI. 271.
 Нестеровъ, студ. IV. 222.
 Нестеровъ, худ. VII—VIII. 182.
 Нефъ, Т. А., худ. VII—VIII. 174.
 Нечаевъ, С. Г. IV. 200.
 Никитенко, А. В., проф. I. 17, 18, 20—25,
 27—32. III. 233, 238, 240. IV. 50. X.
 127—129. XI. 14, 15, 101, 102, 113, 119,
 121—126, 136, 141. XII. 99, 203, 207.
 Никитинъ, И. С. XII. 159, 160.
 Николадзе, П. Я., лит. III. 157.
 Николаевъ, И. Н., дѣло Петраш. IV. 176,
 182.
 бар. Николай, А. Л., през. Ам. Н. XII. 69.
 Николай I. I. 55, 178, 186, 191. II. 42,
 43, 255, 256. III. 6—8, 13, 15—30, 37—41,
 44—46. V—VI. 253, 271. VII—VIII.
 172, 200, 219, 227, 243. IX. 246. X. 129.
 XI. 26, 27, 65, 69, 76—81, 85, 90, 216.
 XII. 105, 109, 111, 112, 117, 118.
 Николай II. VII—VIII. 299. IX. 162,
 168, 169.
 Николай Михайловичъ, в. кн. XI. 211.
 Николай Николаевичъ, в. кн. IV. 73, 109.
 Николевъ, Н. П., драмат. III. 294.
 Никольскій, В. Н., проф. III. 238.
 Никольскій, Д., лит. IX. 91.
 Никулина, Н. А., арт. XI. 32.
 Николина-Косицкая, арт. X. 118, 131.
 Нильскій, А. А., арт. XI. 39, 40.
 Нильсонъ, арт. IX. 26.
 Новиковъ, И., арт. XI. 54.
 Новицкій, А. Его ст. 1) «Изъ жизни Н. И.
 Костомарова». II. 2) «40 лѣтъ» П. И.
 Костомарова и Л. Н. Толстой. XI. Его

рец. 1) кн. *Зулмеи*. III. 2) кн. «Елагинъ дворець». V—VI.
 Новицкій, В. Д., нач. кievск. жанд. упр. III. 87—89. V—VI. 377, 383, 384.
 Новицкій, К. Д., драмат. XII. 216, 217.
 Новомбергскій, Н. Рец. *В. Сыротъчковаго* его кн. «Вымучен. кабалы московск. Руси XVII столѣт.» V—VI.
 Новорусскій, М. В. Его «Памяти усопш. друга бывш. шлссельб. узник.» X.
 Новосильцевъ, Н. П., гос. дѣят. II. 43. III. 31.
 Новоскольцевъ, А. Н., худ. VII—VIII. 183.
 Норденстамъ, И. М. V—VI. 358, 359, 368.
 Норденшельдъ, А. Д. V—VI. 357, 358.
 Норовъ, А. С., гос. дѣят. I. 31—33.

О.

Оберъ, скульп. XII. 123.
 Обнинскій, В. П., общ. дѣят. V—VI. 138—152.
 Ободовская IX. 99.
 кн. Оболенскіе. II. 167—200.
 кн. Оболенскій, А. Д. XII. 196.
 кн. Оболенскій, гофмарш. VII—VIII. 297. 304.
 кн. Оболенскій, (морск. мин-ство). XI. 81.
 кн. Оболенскій, Д. Д., толстов. XI. 172.
 кн. Оболенскій, А. П., поп. Моск. ун. II. 164, 169.
 кн. Оболенскій, Е. П., дек. II. 41, 42.
 кн. Оболенскій, И. М., г-губ. Финл. V—VI. 342. X. 155, 156, 158—176, 178—183.
 Обольяниновъ, П. Рец. *В. Адарюкова* его кн. «Катал. русск. иллюстр. изданій 1725—1860 г.» II.
 Обуховъ, Б. П., сен. XII. 229.
 Огарева, М. Л. IV. 138. IX. 133. 174.
 Огаревъ, Н. П. IV. 131. IX. 174.
 Огаревъ, чл. комис. по Каракоз. дѣлу. II. 35. 36.
 Оглоблина, А. О. дѣло Петраш. XI. 13. XII. 112, 113.
 Огурцовъ, лак. Л. Н. Толст. X. 69—71.
 Одицовъ, мичм. XI. 73, 74.
 кн. Одоевскій, В. О., пис. X. 114, 119.
 Окушевъ, Н. Л. Рец. *П. Шаскольскаго* его кн. «Хр. св. Софін въ Константинополѣ». XII.
 Оленина, М. С., общ. дѣят. IV. 58.
 Оливъ, семья. I. 183, 184.
 Оливъ, В. В. IX. 23. X. 60.
 Оливъ, К. В. XII. 122.
 Оливъ, рестор. IX. 33, 34.
 Оловянникова, М. Н., народов. IX. 107, 109, 110, 112—114.
 Оловянниковы. IX. 111.
 Олсуфьевъ, З. Д., сен. V—VI. 154.
 Ольделандъ, Г., датск. пос. VII—VIII. 355—358.
 пр. Ольденбургскій. VII—VIII. 322—326.
 пр. Ольденбургскій, П. Г. XI. 9.
 Ону, проф. XII. 234.

Опочининъ, Е. Его ст. «Рыдающ. души». XII.
 Орбисскій, Р. Р., проф. III. 291.
 Ординъ-Напокинъ, А. Л. VII—VIII. 395.
 Орловъ, XII. 35.
 Орловъ, А. Г. VII—VIII. 346. X. 31.
 Орловъ, Г. Г. VII—VIII. 342, 345—347. 349. X. 26. XII. 51.
 гр. Орловъ, А. О., шефъ жанд. III. 8, 10. V—VI. 253. XI. 9, 23, 26, 207, 208. XII. 105, 108, 109.
 Орловъ, М. О., дек. X. 134.
 Орловъ, П. Н., худ. XI. 194.
 Орловы, бр. (А. Г. и Г. Г.) V—VI. 165. 166, 180, 253. VII—VIII. 353, 354.
 Осинова, П. А. I. 39—41, 45, 46.
 Осиновъ, Е. А., докт. II. 245, 246, 249, 250.
 Османъ-Бей. XII. 137.
 Остепъ-Сакелъ, I. 153.
 гр. Остерманъ, И. А., в.-канцл. IV. 163. X. 79. XII. 55.
 Островскій, А. Н. V—VI. 46. X. 110—112. 114—116, 118—122. XI. 110, 112. XII. 207.
 Остроганъ, аукцион. XI. 24.
 Острогорскій, В. П., пис. IX. 47.
 Оттъ, О. Ф., дѣло Петраш. II. 43, 61. IV. 174, 175, 181—183.
 Охотникова, Н. В. I. 172. 173.
 Охотниковъ, А. Я. I. 182, 197—201. XI. 217, 220.
 О—ъ, Н. С., помѣщ. XII. 220, 222.

П.

Павель I. IV. 157, 168—170. V—VI. 10. 157, 159—162, 165, 180. VII—VIII. 327. 344—346, 348, 351, 353, 354. X. 23—44. XII. 44—55, 57—61, 65—73.
 Павель Александровичъ, в. кн. VII—VIII. 328.
 Павликовъ, Ф. Ф., изд. XII. 231.
 Павлова, К., пис. Рец. *И. Н. Розанова* ея «Сочинен.» VII—VIII. О ней: VII—VIII. 158.
 Павловскій, А. Д. XII. 234.
 Павловъ, И. Н., уч. гимн. IV. 222.
 Павловъ, Н. Ф. пис. VII—VIII. 158—160.
 Павловъ, Н., крит. XII. 206, 207.
 Павлюкъ, Ф., укр. пис. III. 81.
 Пако, лект. фр. яз. VII—VIII. 155.
 Палаузоу, ценз. XII. 216.
 Палацкій, Ф., слав. III. 153.
 гр. Паленъ, К. И., гос. дѣят. IV. 72, 75, 76.
 Пальмерстонъ, Г. III. 16, 17.
 Пальмъ, А. И., петраш. XII. 223.
 Панасва-Головачева, А. Я. IV. 134. X. 100.
 Панаевъ, И. И. I. 26. IV. 132, 133, 136. V—VI. 30, 32, 38, 46, 51. IX. 173, 177. X. 97, 104, 107.
 гр. Панинъ, В. Н., гос. дѣят. XI. 208.
 Панинъ, Н. Н. V—VI. 165, 167. VII—VIII. 347.
 Панкратовъ, В. С. Его «Памяти усопш. друга бывш. шлссельб. узник.» X.

- Панютинъ, чпн. IX. 102.
 Панютинъ, чл. Св. друж. II. 142.
 Пархоменко, худ. XI. 193.
 Пасіусъ, муз. фип. V—VI. 348.
 Паскевичъ, И. Ф., фельдм. III. 7. 8. 41, 44. V—VI. 271.
 Пассекъ, П. Б., сен. VII—VIII. 346. X. 31, 75.
 Пастернакъ, Я. О., худ. XI. 193.
 Патти, А., арт. IX. 26.
 Паулуччи, ген.-губ. I. 37, 38, 42, 43, 64.
 Пахомовъ, пол. тпн. I. 240. II. 156, 157. III. 158, 159, 162, 164, 165, 167—169. 172. 174. IV. 103. V—VI. 92, 93.
 Пацевичъ, XII. 234.
 Пейкеръ, дѣят. по крест. дѣл. I. 140.
 Пекарскій, П. П., ак. I. 11, 26.
 Пенскій, дѣлю Петраш. IV. 175, 182.
 Перевлѣтскій, уч. XII. 99.
 Перемыслинъ, жанд. полк. IV. 74, 75.
 Переселенковъ, С. А., пед. XII. 234.
 Перетцъ, банк. V—VI. 8.
 Перетятковичъ, Г. И., проф. X. (47, 49—51).
 Перова, Е. Е. IX. 38.
 Перовская, С. Л. II. 82, 83, 86, 90. IX. 99—102, 113.
 гр. Перовскій, Л. А., гос. дѣят. VII—VIII. 221. IX. 100. XII. 103.
 Перовъ, В. Г., худ. VII—VIII. 171, 174, 175, 181, 182. IX. 35—39.
 Перрекъ, пол. аг. II. 144.
 Перфильевъ, В. С., моск. губ. IX. 31.
 Перцевъ, В. Н. Его рец. 1) кн. *Руффины*. I. 2) кн. *Старосельской*. V—VI.
 Песоцкій, изд. «Литер. Газ.» XI. 15.
 Пестель, П. И. XII. 112.
 Пестровъ, худ. VII—VIII. 183.
 Петерсонъ, чпн. III. 121.
 Петяпа, арт. XI. 39.
 Петрашевскій, см. Бутаевичъ-Петрашевскій.
 Петровъ, ген. XII. 43.
 Петровъ-Ропетъ, худ. VII—VIII. 314.
 Петрункевичъ, И. И. X. 161.
 Петрушевичъ, укр. дѣят. VII—VIII. 193, 196—198, 201, 204, 206.
 Петрушевскій, О. О., проф. III. 229. IV. 81.
 Петръ I. X. 37. XII. 66.
 Петръ III. V—VI. 10. VII—VIII. 344, 346. X. 23, 28—31. XII. 44—46.
 Пешуровъ, предв. двор. I. 38.
 Пиксановъ, Н. Его ст. «Заслуги В. И. Семеновскаго въ изучен. русск. литерат.» X. Его рец. 1) кн. *Корнилова*. IV. 2) «Сочин. К. С. Аксакова, т. I». IV. 3) кн. «Архивъ с. Карабихи». V—VI.
 Пипкфнелли, И. Ф. IV. 53.
 Пироговъ, В. И., проф. X. (47).
 Пироговъ, Н. И. III. 163. IV. 142. IX. 178.
 Писарева, I. 195.
 Писаревъ, И. В. I. 26.
 Писаревъ, Д. И. II. 13, 15, 31, 40, 217, 219, 220. IV. 215. XI. 112, 127, 137, 139—141, 150, 151.
 Писаревъ, М. И., арт. VII. VIII. 412. XI. 31—33, 43—45. 54. XII. 228.
 Писарены: И. И. I. 193, 195; В. И. IV. 215; Е. И. IV. 215.
 Писемскій, А. О. IV. 133. V—VI. 30, 35. VII—VIII. 411. IX. 175, 179. X. 81, 88. 89, 120. XI. 100, 112, 113. XII. 216, 217.
 Пятиримъ, митр. IX. 142.
 Пяхно, Д. И., ред. Кіевл. V—VI. 385.
 Пячета, В. И. Его рец. 1) кн. *Гешова*. III. 2) кн. «Materialy do Sprawy polskiej». IV. 3) кн. *А. Л. Погодина*. X.
 Плевэ, В. К. I. 241. IV. 235. V—VI. 391.
 Плетневъ, П. А. I. 26, 28, 29, 41, 45. 48. 49. III. 50. XII. 98, 100, 108, 207.
 Плехановъ, Г. В. Рец. *А. Кизеветтера* его кн. «Истор. русск. обществ. мысли.» I. *О немъ*: IX. 101.
 Плещеевъ, А. Н., поэты. II. 52. IV. 67. XI. 44. XII. 113.
 Плещеевъ, XII. 69.
 Побѣдоносцевъ, К. П. II. 142. IV. 219, 235. V—VI. 368. VII—VIII. 274, 281, 295, 311—318, 329, 401. IX. 46, 139.
 Погодинъ, А. Л. Рец. *П. Рязинина* его кн. «Истор. польск. нар. въ XIX в.» V—VI. 2) Рец. *В. Пичеты* его кн. «Кратк. очеркы истор. славянъ». X.
 Погодинъ, М. П. III. 237, 241. VII—VIII. 199, 201, 203, 283. IX. 174. X. 112, 114, 115.
 Погоженъ, докт. X. (41).
 Поговинъ, арт. XI. 31, 35.
 Погоосскій, драмат. XII. 167.
 Подолнскій, эмгр. IV. 204.
 Подраменцовъ (Стремляновъ), Г. Н., арт. XI. 37.
 Познеръ, С. Его некрол. В. И. Семеновскаго. X.
 Покровскій, М. Н. Его ст. «Изъ истор. русско-германск. отношен.» III.
 Покровскій, М. П. II. 77, 78.
 Покровскій, П. Рец. *С. А. Корфа* его кн. «Бентамъ и его время.» XII.
 Покровскій, Ф. И. Его предисл. къ днви. Смѣльскаго «Священ. дружина.» I.
 Покрошинскій, комм. Шлиссельб. XII. 40.
 Полеводинъ, пол. чпн. II. 161. III. 155, 158, 162, 165, 168, 169, 174. IV. 103. V—VI. 93, 95.
 Полевой, Н. А. X. 130. XI. 107.
 Полевой, П. Н. VII—VIII. 138, 139.
 Полежаевъ, А. И. IV. 131.
 Полетика, М. П., пис. IX. 9.
 Полпвановъ, народов. XII. 37.
 Полозовъ, IX. 123.
 Половскій, Я. П. II. 12, 74, 75. IV. 48, 63. V—VI. 372—375. VII—VIII. 401.
 Полтавцевъ, арт. X. 129, 130. XI. 104.
 Полторацкій, ген. V—VI. 155, 156.
 Полторацкій, И. Н., общ. дѣят. V—VI. 147.
 Полѣновъ, В. Д., худ. VII—VIII. 174, 415.
 Поляковъ, изд. I. 211, 212.
 Полянскій, пол. аг. V—VI. 93.

- Полянский, Н. Его рец. сб. «Щитъ.» I. Пономаревъ, лят. XII. 232.
 Понятовскій, Ст. VII—VIII. 342, 344, 345. XII. 48, 60.
 Попельницкій, А. З. Его ст. 1) «Рѣчь Ал. II, сказан. 30 м. 1856 г. московск. предвод. дворянъ.» V—VI. 2) «Моя страпич. о В. И. Семеvскомъ.» X. 3) «Ө. Л. Барыковъ о членахъ Гл. комит. по крест. дѣлу.» XI. 4) Къ 50-лѣт. Импер. Русск. Ист. Общесъ.» XI. 5) Вновь открыт. запис. А. Н. Радищевъ о законодательствѣ XII.
 Поповъ, адм. XI. 84.
 Поповъ, уч. семин. V—VI. 57, 58.
 Поповъ, тавр. предв. двор. XII. 129.
 Поповъ, А. XII. 234.
 Поповъ, Е. Е. I. 26.
 Поповъ, И. В., земс. дѣят. II. 246.
 Поповъ, Н. И. Его ст. «В. И. Семеvскій и Сибирь». X. О немъ: X. (27).
 Поповъ, М. Р., пол. дѣят. IX. 101.
 Поповъ, Н. А., проф. X (24, 25, 41). XI. 205.
 Порошинъ, В. С., проф. II. 45—53. XII. 92.
 Португаловъ, В. О., докт. XII. 227, 229—232.
 Посниковъ, А. С., проф. III. 291. X. 184—187.
 Поссе, В., пис. XII. 234.
 Посыеть, К. Н., адм. VII—VIII. 243, 245. XI. 92—95, 97, 214.
 Посыеть, Р. Н. XI. 95.
 Потанина, IV. 65.
 Потанина, А. В. X. (107).
 Потанинъ, Г. Н. X. (100, 106, 107, 110).
 Потапенко, И. Н. VII—VIII. 405, 407.
 Потаповъ, А. Л., шефъ жанд. V—VI. 253.
 Потемкинъ, В. П. Его рец. кн. *Корнилая*. IV.
 Потемкинъ, Г. А. V—VI. 165—167, 177. VII—VIII. 343, 345—364. X. 24. XII. 51, 52, 54, 57, 59, 60, 63.
 гр. Потоцкая (Бранцкая). XI. 215.
 гр. Потоцкій, Ад. XI. 215.
 Потоцкій, И. X. 27.
 Потѣхинъ, А. А., драмат. XI. 42, 43, 45—47, 49, 53, 54. XII. 212—216.
 Похитоновъ, худ. XI. 193.
 Пребстингъ. IV. 57.
 Преображенскій, землев. IX. 101.
 Преображенскій, В. П., филос. XII. 198.
 Прибылева (Корба), А. П. Ея «Воспомин. о Народн. Волѣ». IX. О ней: XII. 37.
 Прибылева, Е. IX. 90, 93.
 Приселковъ, М. Его пекрол. «В. И. Семеvскаго». X.
 Прокопе, В., пом. ст. секр. Финл. VII—VIII. 318.
 Пронинъ, куп. XI. 24.
 гр. Протасова. IV. 192.
 Протасова, А. С., кам.-фрейл. VII—VIII. 343, 346, 353.
 Протопоповъ, М. А., лят. VII—VIII. 410, 411. IX. 97.
 Профрансовъ, Н. Его ст. «Изъ истор. германск. націонализъ.» X.
 Прянишниковъ, И. М., худ. VII—VIII. 171, 181.
 Пуаре, арт. XI. 54.
 Пукаловъ, В. П. XII. 128, 129.
 Пукревъ, В. В., худ. XII. 126.
 Путилинъ, И. Д., нач. сыск. пол. I. 226, 236, 238, 242. II. 149. III. 175. IV. 106. V—VI. 90, 99.
 Путята, оф. II. 143.
 Путятинъ, Е. Ф., контръ-адм. XI. 92—98.
 Пушкина, Н. О. I. 44, 46, 47.
 Пушкинъ, А. С. I. 35—60. IV. 131. V—VI. 28. IX. 6.
 Пушкинъ, Л. С. I. 40—44, 48, 49.
 Пушкинъ, С. Л. I. 38, 39.
 Пущинъ, И. И. II. 42. X. 133, 135.
 Пыляевъ, М. И., ист. X. 65, 66.
 Пыпинъ, А. Н., ак. Рец. 1) *В. Семеvскаго* его кн. «Русск. масонство». X. 2) *С. Мельгунова* его кн. «Религіозн. движен. при Ал. I». X. О немъ: I. 25, 26, 28, 30, 32, 34. II. 17, 26, 31. III. 291. IV. 133, 138. VII—VIII. 204, 206. IX. 50. X. 100.
 Пятницкій, К., изд. XII. 234.

Р.

- Радищевъ, А. Н. Его «Запис. о законодательствѣ» XII. О немъ: XII. 74—76.
 Радищевъ, П. А. XII. 74.
 Радкевичъ, Н. Г., пед. IV. 143, 151.
 Радцигъ, С. Его рец. 1) перев. *М. Аврелия*. V—VI. 2) пер. *Ө. Зѣлинскимъ* Софокла, т. 2. XII.
 Раевскій, М. Ф., свящ. II. 205, 206. VII—VIII. 201.
 Раевъ, А. Ө. I. 26.
 Разинъ, дѣят. крест. реф. I. 142.
 гр. Разумовскій, А. К. VII—VIII. 340. X. 73, 76, 79.
 Раковский, гал. общ. дѣят. VII—VIII. 204, 211.
 Рамазановъ, Н. А., скульн. VII—VIII. 171, 173.
 Рамазанъ, А., пис. V—VI. 347.
 бар. Рамзай, Г. VII—VIII. 299, 300, 303, 306, 307.
 Рапопортъ, С. И. Его ст. «Г. К. Градовскій, какъ корресп. англ. печатн». III.
 Раппъ, фр. ген. V—VI. 286, 293—299.
 Ратьковъ, адъют. X. 31.
 Рахманиновъ, дѣло Петраш. IV. 175, 182.
 Рахмановъ, моск. дворян. I. 174.
 Рачковъ, худ. VII—VIII. 175. XII. 121.
 Рашель, арт. XI. 102—104.
 Ребиндери. IX. 178.
 Редигеръ, проф. IX. 162.
 Редкинъ, П. Г., проф. VII—VIII. 282. XI. 6.
 Рейнгартъ, Н. В., адм. XII. 229.
 Рейнштейнъ, пол. аг. IX. 97.
 гр. Рейтеръ, М. X., гос. дѣят. XI. 81.
 Рейтлингеръ. XII. 234.
 Ремезовъ, М. Н., пис. VII—VIII. 403.

- Ремизовъ, арт. XI. 48.
Ренвалль, X. X. 161.
кн. Репнинъ, Н. В., фельдм. V—VI. 167.
VII—VIII. 348, 349. X. 41. XI. 213,
216, 217. XII. 59—62.
кн. Репнинъ, Н. В., киевс. предв. двор.
V—VI. 384.
Решко, М., пол. дѣят. IX. 92, 96.
Ржига, В. Его рец. кн. *Иконникова*. II.
де-Рибасъ, О. М., адм. V—VI. 157. VII—
VIII. 346. X. 77.
Ригеръ. III. 153.
Рикордъ, П. И., адм. XI. 76.
Римскій-Корсаковъ, В. А., дир. морс.
корп. VII—VIII. 229, 232, 233, 235, 236.
Римскій-Корсаковъ, И. Н., ген.-ад. VII—
VIII. 342, 351.
Римскій-Корсаковъ, Н. П., дир. морс.
корп. VII—VIII. 229.
Риттеръ, Б. X., инсп. окр. в.-мед. упр.
V—VI. 96.
ф.-Рихтеръ, нач. ком. по пр. прош.
VII—VIII. 304.
Рихтеръ, П. А., дир. деп. удѣл. XII. 229.
Риццопп, А. А., худ. VII—VIII. 174.
Робертъ, еп. X. 153, 159.
Роде, А., секр. датс. пос. Его «Описан-
втор. посольс. въ Россію датск. посла
Г. Ольделанда 1657». VII—VIII. *О немъ*:
VII—VIII. 337, 338.
Роджерсонъ, л.-мед. VII—VIII. 343.
Родиславскій, В. И., драмат. XII. 217.
Рождественскій, адм. X. 169.
Роже, эмigr. XII. 54, 55.
Розановъ, В. В., пис. V—VI. 393.
Розановъ, И. Н. Его рец. 1) кн. *Дарскаго* II.
2) Стихотвор. *Ан. Григорьевя*. V—VI.
3) Собр. сочин. *К. Павловой*. VII—VIII.
Розенбахъ, Н. О., геп. I. 233—237.
Розенбергъ, В. Его ст. «Путь писат. Коро-
ленко». IX. Его рец. кн. «Публици-
граждан. Литерат. сборн., посвящ. па-
мяти Г. К. Градовскаго». X.
Розенгеймъ. IV. 46.
Розенфельдъ, И. Б. Рец. *М. Грушевскаго*
его кн. «Присоед. Малорос. къ Россіи».
VII—VIII.
бар. Розень. VII—VIII. 221, 222.
Рокасовскій, г.-губ. Финл. VII—VIII. 296.
Рокотовъ, И. М., кол. сов. I. 38.
Романовская, арт. XI. 43.
Романовъ, М. Р., студ. XII. 120, 121.
кн. Ромодановскій, Ю. И., бояр. VII—VIII.
374, 377, 382, 383, 388, 392, 394, 396.
Росикова, пол. дѣят. IX. 103.
Россійскій, Д. Его «Неиздан. варіантъ
стихотв. С. Я. Надсона». XI.
Ростиславскій, драмат. XII. 216.
Ростовская, изд. «Сем. веч.» XII. 156.
гр. Ростовцева, В. Н. IV. 52—59.
Ростовцевъ, XI. 203.
Ростовцевъ, Я. И. IV. 55. XI. 20, 208.
гр. Ростопчина, Е. П. IV. 206. X. 114. XI.
26, 112.
Ростопчинъ, О. В. V—VI. 154. XII. 63, 69.
Роховъ, прус. посл. въ Пет. III. 20, 46.
Рошетъ. V—VI. 99.
Рошинъ-Илсаровъ, Н. П., арт. XI. 54.
Рубакинъ, Н. А. Рец. *Р. Выдрина* его кн.
«Среди книгъ, т. 3». V—VI.
Рубини, арт. II. 190.
Рубинштейнъ, А. Г. IX. 246—249.
Рубинштейнъ, Н. Г. IX. 246—251.
Рубинштейнъ: А. Р. IX. 246; Г. Р. IX. 246,
247, 251; К. X. IX. 247—249, 251; Л. Г.
IX. 247; С. Г. IX. 246, 250; Я. Г. IX.
247—249.
Рудевичъ, Н. XII. 234.
гр. Румянцевъ, Н. П., канцл. VII—VIII.
340.
Румянцевъ, П. А., фельдм. V—VI. 167.
180. XII. 59.
Румянцевъ, С. П. XII. 59.
Рунебергъ, Р., инж. VII—VIII. 310.
Руницъ, чин. II. 145, 147, 148, 156. III. 158.
Русановъ, Н. С. Его: 1) Некрол. В. И. Се-
мевскаго. X. 2) Рѣчь у могилы В. И.
Семевскаго. X. *О немъ*: IV. 196.
Руффилп, Ф. Рец. *В. Перцева* его кн.
«Религіозн. свобода». I.
Рыбаковъ, Н. X., арт. XI. 109.
Рыбалкинъ, М., проф. XII. 234.
Рыбчинская, арт. XI. 43.
Рылѣвъ, А. М., ком. имп. гл. кв. I. 229.
Рысаковъ, Н. И., пародов. V—VI. 91.
Рѣдкинъ, см. Редкинъ.
Рѣпппъ, И. Е. Его ст. «О К. Е. Макош-
скомъ». VII—VIII. *О немъ*: VII—VIII.
174, 175. XI. 192—194, 198.
Рябшинъ, И. Его рец. 1) кн. *Смординова*.
III. 2) кн. *А. Погодина*. V—VI.
Рябушкинъ, худ. VII—VIII. 183.

С.

- Саариненъ, Э., арх. X. 166.
Сабатье-де-Кастръ, аб. X. 73—77, 79.
Саблинъ, Н. А., народов. I. 227, 250. IX.
107—109.
Саблуковъ, Н. А. VII—VIII. 340.
Савина, М. Г., арт. XI. 29, 31, 32, 34—42,
47, 49—61.
Савинкова, С. А. Ея: 1) Некрол. В. И. Се-
мевскаго. X. 2) Рѣчь у мог. В. И. Семев-
скаго. X.
Савинъ, арт. XI. 31.
Савицкій, К. А., худ. VII—VIII. 415.
Садовская, А. Н. (псевдон.) IV. 5—15,
19—38, 41, 43. V—VI. 106—111, 113,
115—118, 125—129, 131, 134, 137. VII—
VIII. 47—79, 84—91.
Садовская, О. О., арт. XI. 32.
Садовскій, М. П., арт. XI. 32.
Садовскій, П. М., арт. X. 114, 118. XI.
103, 115.
Сажинъ, М. П. (Россъ), пол. дѣят. IV.
193—203.
Сазоновъ, Н. Ф., арт. XI. 39, 40, 46—60,
53, 54. 56—58, 60, 61.

- Сакулинъ, П. Н., проф. III. 294.
 гр. Салиасъ (Е. Туръ). IX. 114, 174.
 гр. Салиасъ, пис. V—VI. 372.
 Салтыковъ, М. Е. II. 5, 13—15. 21—24. 31, 39. IV. 187. V—VI. 263, 267, 327. VII—VIII. 404. IX. 46. XII. 175.
 гр. Салтыковъ, И. П., фельдм. XII. 61, 63.
 гр. Салтыковъ, Н. И., фельдм. IV. 157. V—VI. 159, 167. VII—VIII. 340, 343. X. 34. XII. 52, 54, 55.
 Салтыковъ, П. VII—VIII. 353.
 Салтыковъ, С. В. VII—VIII. 344. X. 23. XII. 51.
 Самаринъ, П. О. I. 143, 153.
 Самаринъ, Ю. О. I. 161, 196. III. 233. 240. IX. 93.
 Самойлова, арт. I. 191.
 Самойловъ, арт. XI. 103, 115.
 гр. Самойловъ, А. Н., ген.-прок. IV. 163. V—VI. 158. X. 34, 75. XII. 57.
 Санковская, арт. X. 127. XI. 7.
 Санковский, пол. дѣят. II. 146.
 кн. Салъга, Ад. XI. 215.
 Саркизова, А. Н. XII. 133, 134.
 Сартъ, муз. V—VI. 174.
 Сатинъ, Н. М., поэт-перев. IV. 134.
 Саватиковъ, С. Г. Его ст. 1) «Учитель молодежи». X. 2) Рѣчь у могилы В. И. Семенова. X. 3) «Увольнен. В. И. Семенова и петербургск. студенчество». XII. Его ред. 1) кн. «Судебн. реформа». I. 2) кн. *Леси*. V—VI.
 Саватковский, ценз. XII. 175.
 Савилусъ. V—VI. 343, 344.
 Савиуновъ, П. Н., дек. X. 133.
 Саводиный, арт. XI. 48.
 Саводиный (Казіенко), журн. VII—VIII. 401.
 Святотолкъ-Мирская, М. Д. (ф.-Денъ). IX. 148, 152, 153.
 Святотолкъ-Мирскій, Д. Н., харьск. губ. III. 163. IX. 152.
 Святославскій, худ. VII—VIII. 183. XII. 216.
 Сегоръ, пос. VII—VIII. 353.
 Седерхольмъ, К., ген. VII—VIII. 290, 293, 321.
 Селифонтовъ, Н. Н., гос. дѣят. V—VI. 99.
 Семевская, Е. Н. Ея «Письмо въ ред.» X. О ней: X. (15, 64, 91).
 Семевскій, В. И. Его ст. 1) Круг. Кашкина. II. III. IV. 2) Стар. шестидесятн. IX. 3) Петрашевцы. IX. XII. 4) Его предисл. къ «Запискѣ декабр. 1823 г.» X. Его ред. 1) кн. *Ю. Готье*. I. 2) Отч. нмп. Публ. Библ. за 1908, 1909, 1910 г.г. V—VI. 3) кн. *Пытина*. X. О немъ: II. 29. III. 291. IX. 47. X (5—154). XII. 231—235.
 Семевскій, М. И. X. (50, 60).
 Семеновъ, В. П. 1) Ред. *В. Мязковскаго* его кн. «Матер. для истор. русск. литерат. и для слов. писател. эпохи Ек. II». III. 2) Ред. *В. Мязковскаго* его кн. «Когда Радищевъ задумалъ путешеств.» XI.
 Семенова, арт. II. 190.
 Семеновъ, А. В., гв. оф. II. 42.
 Семеновъ, С. М., дек. II. 41.
 Семеновъ, пед. V—VI. 129.
 Семенюта, П. П., ссмыл. III. 83.
 Сергіевскій, прот., проф. III. 239.
 Сергѣевичъ, В. И., проф. X. (27).
 Серно-Соловьевичъ, Н. С. IV. 45, 46.
 Сибиряковъ, И. М. X. (70, 84, 102, 104, 110, 111).
 Сивковъ, К. В. Его ст. 1) Русск. солд. во Франц. въ 1813—14 г.г. V—VI. 2) Некрол. В. И. Семенова. X. 3) Москва въ 1792 г. XI. Его ред. 1) Русск. биограф. словар. III. 2) кн. *С. Либровича*. XI. 3) кн. «Истор. Москов. Купеческ. Общес. т. IV. в. I. XI.
 Сидоровъ, VII—VIII. 131.
 Симановскій, П. Г., дьяк. VII—VIII. 363. 392.
 Симоновъ, И. Г., докт. IX. 245.
 Синельниковъ, Н. Н., арт. XI. 54.
 Сипягинъ, Д. С. V—VI. 386.
 Скабичевскій, А. М. II. 40. IX. 47. X. (39).
 Скадовскій, худ. VII—VIII. 183.
 Скалонъ, Варш. г.-губ. IV. 240.
 Скалонъ, В. Ю. IV. 237.
 Скворцовъ, IV. 67.
 Скобелевъ, М. Д., ген. IV. 109.
 Скотти, М., худ. VII—VIII. 172.
 Скрыдловъ, адм. V—VI. 390, 391.
 Скугстеръ, Выборг. бургом. VII—VIII. 304.
 Слезкинъ, пач. жанд. IX. 26.
 Словацкій, Ю. Его «Серебр. сонъ Саломеи». I. II. III.
 Словцовъ, П. А., ист. Сиб. X. (100—102).
 Слоновъ, И. А. Ред. *Б. Сыроватковскаго* его кн. «Изъ жизни торгов. Москвы». V—VI.
 Слѣпцовъ, В. А. XII. 213.
 Смагинъ, ген. VII—VIII. 293.
 Смирнова, А. О. (Россетъ). I. 58, 60.
 Смирнова, С. И., пис. XI. 47.
 Смирновъ, эмигр. IV. 201, 203.
 Смирновъ, худ. VII—VIII. 183.
 Смородиновъ, В. Г. Ред. *И. Рябинина* его кн. «Годы службы моей въ варшавск. уч. округъ и эпиз. учебн. быта». III.
 Смѣльскій, В. Н. Его зап. «Священн. дружина». I. II. III. IV. V—VI. О немъ: I. 222—225. IV. 111, 112.
 Смѣльскій, С. Е., полк. I. 231, 232, 236. V—VI. 94, 97, 101.
 Снельмапъ, I. В., гос. дѣят. V—VI. 348. 360, 361, 364, 370.
 Снѣсаревъ, журн. V—VI. 400.
 Собещанская, балер. IX. 27.
 Соболевскій, С. А. I. 55, 56.
 Соковенко, укр. пис. II. 211—214.
 Соковинъ, адмир. XII. 135.
 Соколовъ, арт. II. 186.
 Соколовъ, драмат. XI. 134.
 Соколовъ, ценз. V—VI. 398.

- Соколовъ, см. Шлисс. тюр. XII. 38—41. 43.
 Соколовъ, Б. М. Его ст. «Изъ крестьянс. мемуаровъ». V—VI. Его рец. 1) кн. «Опытъ діалектолог. карты русск. яз. въ Евр. съ прилож. оч. русск. діалектолог.» V—VI. 2) кн. В. О. Миллера. XII.
 Соколовъ, И. И., худ. XII. 99.
 Соколовъ, Н. В., эмигр. II. 142. V—VI. 274.
 Сокульскій, укр. дѣят. VII. VIII. 211.
 Солдатенковъ, К. Т. VII—VIII. 174, 175. IX. 172, 182—191. X. 95. XII. 120.
 Солениковъ, IX. 189, 190.
 гр-я Соллогубъ, Н. М. X. 64.
 гр. Соллогубъ, В. А. пис. XII. 175. 205, 206, 210, 211.
 гр. Соллогубъ, VII—VIII. 323.
 гр. Соллогубъ, О. Л., худ. X. 64, 65. XII. 193—197.
 Соловцовъ, Н. Н., режис. XI. 54.
 Соловьевъ, свящ. VII—VIII. 311.
 Соловьевъ, А. К., народов. IX. 93, 98.
 Соловьевъ, Вл. С. VII—VIII. 408. IX. 6. X. 64. XII. 192—202.
 Соловьевъ, Вс. С. XII. 192.
 Соловьевъ, С. В., проф. VII—VIII. 357, 358.
 Соловьевъ, С. М. III. 238, 239. X. (41). XII. 192.
 Соловьевъ, Я. А., дѣят. крест. реф. I. 147, 152, 153, 155, 158—160, 162. III. 134—136, 138, 139, 141, 150—152, 154.
 Солодовникова, общ. дѣят. IV. 66, 71.
 Солопкинъ, арт. XI. 43.
 Сольскій, гор. гол. кievс. V—VI. 384.
 Сорокинъ, Е. С., худ. VII—VIII. 173, 181, 182.
 Сорокинъ, П. С., худ. VII—VIII. 173.
 Софіано, лейт. VII—VIII. 220.
 Спасовичъ, В. Д. IX. 50, 122.
 Спачинетъ, дѣло Петраш. XII. 112.
 Сперанскій, М. М. VII—VIII. 332, 333. 335—339.
 Спиро, П. А., проф. III. 293.
 Спѣшневъ, Н. А., петраш. II. 41, 51, 60, 61. III. 68. IV. 174—176, 181, 182, 191. XII. 115.
 Срезаневскій, И. И. I. 6, 10—13. XII. 99.
 гр. Стадницкій, помѣщ. III. 141, 142.
 Станевичъ, XII. 229.
 Станкевичъ, Н. В. IX. 180.
 Станюковичъ, К. М. V—VI. 275.
 Старосельская, О. Рец. В. Перцева ея кн. «Кондорсе, какъ социол.» V—VI.
 Стасова, Н. В. II. 221. IV. 50, 52, 55—61, 64—67, 71, 73. IX. 119, 121.
 Стасовъ, В. В. IX. 121. XI. 172.
 Стасюлевичъ, М. М. III. 291. VII—VIII. 408. IX. 50. X (21). XI. 151, 152.
 Стедингъ, шведс. посл. IV. 160, 161, 166. VII—VIII. 353.
 Стенбергъ, Э. О., поэтъ. V—VI. 365.
 Стеніусъ, Б., бургом. VII—VIII. 310, 318.
 Степанова, арт. II. 190.
 Степанова, П. Ея нисѣмо въ ред. IV. Ея перев. мемуар. Массона. IV. V—VI. VII—VIII. X. XII.
 Степановъ, землев. IV. 47.
 Степановъ, Н. Его рец. кн. W. Worringer'a. V—VI.
 Стессель, А. ген. X. 168, 169.
 Стефановичъ, Я. В., народов. IX. 99.
 Стовассеръ, скульп. VII—VIII. 172.
 Столыпинъ, ген. XI. 135.
 Столыпинъ, П. А., гос. дѣят. IV. 236.
 Сторожевъ, В. Н. Его ст. «Бр. Рубинштейны». IX. Его рец. кн. П. Шереметева. XII.
 Стороженко, Н. И. X. (19, 20, 22, 25—29. 31—34, 38, 41, 51, 52).
 Стороженко, О. П. X. (41, 52).
 Стояновъ, А. И., проф. X. (20).
 Страждень, Н. В. IV. 62.
 Страннолюбскій, А. Н., пед. II. 234. III. 218, 219, 221, 224—227. IV. 78, 81, 89.
 Страховъ, Н. Н., филос. III. 240, 242.
 Страшкевичъ, докт. IV. 143.
 Стрекаловъ, С. О., ст.-секр. IV. 169.
 Стрештова, П. А., арт. XI. 31—34, 36.
 Стригалева, двор. V—VI. 395, 396.
 Строкінгъ, И. П., комис. въ Пол. I. 143.
 Струве, Б. В. X. (20).
 Струве, П. Б. VII—VIII. 197.
 Струговщиковъ, А. Н., поэтъ. I. 26. IV. 68—71.
 Струговщиковъ, М. А. IV. 70, 71.
 Стрѣльская, арт. XI. 61.
 Стрѣльцовъ, чин. IX. 25, 26.
 Стюардтъ, III. 155, 159.
 бар. Стюартъ, Д. О., дир. Гос. арх. I. 226.
 Суворина, изд. XII. 149, 153, 155.
 Суворинъ, А. С. V—VI. 313, 327, 328. 400, 401. VII—VIII. 404, 412. IX. 8, 9.
 Суворинъ, М. V—VI. 400, 401.
 Суворова, дочь А. В. С.-а. XII. 65.
 Суворовъ, А. В., фельдм. V—VI. 10, 167. 379. X. 40. XI. 84. XII. 61—65.
 кн. Суворовъ, А. А. I. 150, 202. III. 150. V—VI. 10. XII. 65, 104.
 Судейкинъ, Г. П. II. 156, 160. III. 155. V—VI. 100, 101. XII. 37.
 Судовщиковъ, Е. пед. IV. 142, 155.
 кн. Сумбатовъ, А. И., арт. XI. 51.
 Суратовъ, чин. мир. съѣз. II. 91.
 Суриковъ, В. И., худ. X. (105).
 Сулова, Н. П., докт. II. 222, 230. III. 213. 220, 227. IX. 129, 133.
 Сухановъ, Н. XII. 234.
 Сухомлиновъ, М. И., ак. I. 28, 30, 31.
 Сухотина, см. Толстая.
 Сухотинъ, С. М. III. 240.
 Сушковъ, П. В., пис. XI. 106.
 Сыревичъ, повст. III. 123.
 Сыромятниковъ, Б. Н. Его некрол. В. И. Семевского. X.
 Сыроѣчковскій, Б. Е. Его зам. «По пов. отдѣл. изд. запис. декабр. И. И. Горбачевского. X. Его рец. кн. Слюнова. V—VI. Сыроѣчковскій, В. Е. Его рец. 1) «Историч.

- Обозрѣн., т. XX». II. 2) кн. *Нюмбергскаго*. V—VI. 3) кн. *Бьлоцерковского*. XI. Его зам. «Изъ текущ. работъ учен. архивн. комисс.» III.
- Сычуговъ, С. И. Его «Нѣчто въ родѣ автобіогр.» I. II. III. V—VI. VII—VIII. *О немъ*: I. 109, 110.
- Сѣмашъ, С., укр. дѣят. VII—VIII. 193.
- Сѣраковский, С. I. 27, 28. X. (32).
- Сѣменовъ, Н. М. II. 216, 229, 231, 232. III. 214—216, 218, 219, 221, 222, 225—230, 291, 293. IV. 78, 81, 89, 91.
- Т.**
- Таганцевъ, Н. С. X. (32), 161.
- Таировъ, докт. I. 108.
- Таннингенъ, П., лит. VII—VIII. 307, 308.
- Ташѣевъ, А. С., гос. дѣят. VII—VIII. 223.
- Тарасовъ, Е. Его ст. «Мое знакомс. съ В. И. Семеновымъ». X.
- Тарасевичъ, П. З. I. 26.
- Тауентцинъ, прус. пос. въ Пет. X. 36.
- Тарновская, М. А. XII. 139.
- Тарновскій, В. М. XII. 139.
- Татариповъ, куп. VII—VIII. 221, 222.
- Татариповъ, гос. коптр. XII. 228.
- Татищевъ, С. С., бюрокр. I. 226, 231.
- Тверской, арх. XI. 23, 24, 27.
- Тенгмаркъ, арт. V—VI. 353.
- Теодоровичъ, дир. уч. III. 141.
- Терловскій, Ф. А. X. (20).
- Терпигоревъ, С. II. VII—VIII. 401.
- Теренинскій, И. Г., родств. Черныш. I. 5, 6, 9, 17, 26.
- Терскій, ген.-рекетм. X. 34.
- Тиблель, книгопр. II. 16, 21.
- Тиманъ. XII. 62.
- Тимашевъ, А. Е., гос. дѣят. XI. 134.
- Тимирязевъ, ад.-финл. губ. VII—VIII. 319.
- Тимирязевъ, В. А., пис. V—VI. 398.
- Тимирязевъ, К. А. II. 252.
- Тимковский, дѣло Петраш. XII. 113.
- Тихмеевъ. I. 153, 154, 162. III. 138.
- Тихомировъ, Л. А. IX. 95, 105—107, 113.
- Тихонравовъ, Н. С., проф. X. (23).
- Тищенко, О. Ф. Его ст. «Л. Н. Толстой. Воспом. и характеристик.» XI.
- Тюндеръ, К. Его ст. 1) «Нѣск. чертъ изъ жизни Л. Мекелляна». IV. 2) «Шексп.-актеръ и Шексп.-поэтъ.» V—VI.
- Ткачева, сес. П. Н. Т-а. IV. 71. IX. 122.
- Ткачевъ, П. II. I. 242. II. 227. IV. 201. V—VI. 274. IX. 122. XI. 143.
- Того, адм. V—VI. 390.
- Токаревъ, П. 41.
- Толочановъ. I. 153.
- гр. Толстая, С. А. VII—VIII. 404. X. 67. XI. 158, 159, 161, 163, 164, 168, 169, 174, 191, 195.
- гр. Толстая, М. Л. VII—VIII. 404. XI. 163, 182, 186.
- гр. Толстая, Т. Л. XI. 163, 164, 173, 182, 188, 193, 195.
- гр. Толстая, А. Л. XI. 163.
- гр. Толстая, А. А. XI. 161.
- Толстая, Н. А. X. 59.
- Толстовъ, студ. II. 53, 54. XI. 5—20, 24, 25, 27, 28. XII. 106, 110—113, 117.
- гр. Толстой, Л. Н. II. 89. V—VI. 33, 36, 38, 40, 46, 49—51, 53, 263, 264. VII—VIII. 404, 406. IX. 6, 175, 176, 177, 182, 189, 192—199. X. 66—71, 93, 97. XI. 157—203. XII. 198.
- гр. Толстой, Л. Л. XI. 161.
- гр. Толстой, А. К. II. 12. X. 63.
- гр. Толстой, Д. А. II. 96, 97, 141, 221. IV. 104, 107. V—VI. 34, 95, 101, 102, 258, 259, 271—274, 276, 278. VII—VIII. 268, 277, 281, 315. X. (20, 32, 53). XI. 81, 242, 243. XII. 40, 41.
- гр. Толстой, Н. А. X. 59.
- Толстой, Н., чин. м. вн. д. XI. 15.
- гр. Толстой, О. II. VII—VIII. 172.
- гр. Толстой, Я. Н. II. 41.
- Толченовъ, арт. II. 179. XI. 30.
- гр. Толь, К. О., гос. дѣят. III. 28.
- Толь, Ф. Г., петраш. XI. 25.
- Томара, Л. П., кievс. губ. V—VI. 377, 384.
- Топчбашевъ, общ. дѣят. V—VI. 146.
- гр. Тормасовъ, А. П., ген. VII—VIII. 340.
- Торъ-Лапте, датс. копс. V—VI. 368.
- гр. Тотлебенъ, Э. М. IX. 102.
- Травинъ, кад. VII—VIII. 221.
- Трандафиловъ, Д. Н., чл. суд. пал. V—VI. 207.
- Трапъ, финл. сен. V—VI. 349.
- Трачевскій, А. С., проф. X. (46—50).
- Тренинъ, П. М. XII. 231.
- Треповъ, Ф. Ф. I. 137, 138, 141, 149, 222, 228, 240, 252. II. 108, 142, 143. IV. 69—71, 75, 76, 104. V—VI. 88, 89, 93, 95, 96, 98—100, 252, 254, 258, 383.
- Трескиль, кап. VII—VIII. 242.
- Третьяковъ, П. М. VII—VIII. 174, 175, 178. XI. 191. XII. 120, 126, 127.
- Третьяковъ, С. М. VII—VIII. 175.
- Тригопи, М. Н. Его «Памяти усопш. друга бывш. шлессельб. узникъ.» X. *О немъ*: V—VI. 90, 92.
- Тройницкій, А. Г., стат. XI. 126.
- Тропининъ, В. А., худ. VII—VIII. 177.
- Трошянский, Д. П., гос. дѣят. VII—VIII. 332.
- кн. Трубецкая, П. В. XII. 201.
- кн. Трубецкой, дѣло Петраш. IV. 182.
- кн. Трубецкой, А. Н. VII—VIII. 387.
- кн. Трубецкой, П. Н., скульп. XI. 194.
- кн. Трубецкой, С. Н. XII. 192, 194, 196, 197—202.
- Трубинова, М. В. II. 221—225. IV. 50, 52, 55—58, 61, 64—67, 71. IX. 119.
- Трубиновъ. I. 162. III. 138.
- Трубиновъ, А. Рец. М. Грушевскаго его кн. «Прогулка по Львову». IX.
- Трутовскій, К. А., худ. VII—VIII. 171, 175, 180, 181. XII. 124.
- Туганъ-Барановскій, М. И., проф. XII. 234.
- Тудеръ, К. фин. сен. VII—VIII. 293—295, 297, 299, 300, 302, 309, 329, 330. IX. 160.

- Тукмачевъ, В. Н., тайн. сов. II. 135, 146.
 кн. Тумаповъ, Г. Его ст. «Изъ запис. гр.
 И. И. Воронцова-Дашкова». IX.
 Турбинъ. XII. 161.
 Турбинъ, в. д. фин. г.-губ. X. 155.
 Тургеневъ, И. С. II. 74, 76, 77, 216. IV. 112,
 114, 115, 119, 131—133, 135, 136, 138,
 139. V—VI. 24—53. VII—VIII. 411, 415.
 IX. 120, 135, 173, 175, 179—181, 188—190.
 X. 81—83, 86, 87, 90, 92—94, 97—101,
 103—106, 120. XI. 41, 113. XII. 213.
 Тургеневъ, Н. И. X. (59, 65).
 Турскій, Н. К., проф. X. 54.
 Турчаниновъ, г.-м. V—VI. 296.
 Тучковъ, А. II. 42.
 Тюринъ, адм. XI. 91.
 Тюринъ, А. О. I. 26.
 Тютчевъ, О. И. V—VI. 129. XI. 123.
- У.**
- гр. Уваровъ, С. С., гос. дѣят. XI. 13, 14.
 Ульяновъ, А. XII. 234.
 бар. Унгернъ-Штернбергъ, К. К. X. 29, 30.
 Унковскій, А. М. II. 17, 43.
 Унковскій, А. П. V—VI. 12.
 Унтербергеръ, докт. IV. 102.
 Усовъ, проф. X. (31).
 Усовъ, С. М., проф. XII. 99.
 Успенскій, Г. И. II. 39. V—VI. 310, 320,
 321, 329, 336—339. IX. 92, 96, 97. XI. 131.
 Успенскій, К. Н. Его рец. 1) Сборн. стат.
 въ честь В. П. Бузескула. II. 2) кн.
Виллари. III. 3) кн. *Фридендера*. V—VI.
 Успенскій, Н. В., пис. XII. 213.
 Успенскій, О. И., проф. X. (47).
 Устиповичъ, укр. общ. дѣят. VII—VIII.
 212.
 Устряловъ, Н. Г. I. 18, 31, 32. III. 50.
 Устряловъ, О. Н., сынъ Н. Г. У-а. I. 32.
 Утина. VII—VIII. 111, 112.
 Утинъ, Б. И., проф. IX. 50. XI. 5, 6, 13,
 24. XII. 110—114, 117.
 Утинъ, Е. И., пр. пов. IX. 122, 123.
 Утинъ, Н. И. IV. 200. XI. 119.
 Ушакова, С., общ. дѣят. IV. 93.
 Ушаковъ, А. Н. XII. 234.
 Ушницкій, К. Д. IV. 8, 14, 15, 18—21.
 V—VI. 119, 120, 125—128, 130—137.
 VII—VIII. 53—58. X. (44).
- Ф.**
- Фабриціусъ, Л. VII—VIII. 308.
 Фазиль-Бей. XII. 137.
 Фалькманъ-Северинъ, Г., худ. V—VI. 357.
 Фаресовъ, лит. VII—VIII. 407.
 Федянь, В. С. Рец. *В. Фишера* его кн.
 «А. А. Фетъ. Матер. къ характер.» XI.
 Федоровъ, драмат. XI. 139.
 Федоровъ, И. Ф., ценз. V—VI. 388.
 Федоровъ, А. В., полк. I. 228, 230.
 Федоровъ, М. И., ген. I. 227—230, 232,
 233, 240. II. 141, 142, 144, 148—151,
 153—158, 160, 161. III. 162, 165, 167,
 170, 175. IV. 97, 98, 100. V—VI. 93, 94,
 103.
 Федоровъ-Юрковскій, Ф. А. XI. 44 45.
 51—53.
 Фейгинъ, ком. сов. XII. 110.
 гр. Ферзенъ, И. Е., фельдм. XII. 63.
 Фетъ, А. А. см. Шеншинъ.
 Фигнеръ, В. Н. Ея: «Памяти усопш. другъ
 бывш. шлессельб. узник.» X. Ея ст.
 «М. О. Грачевскій». XII. О ней: IX.
 93, 101, 103—105, 113.
 Филаретъ, митр. I. 258.
 Филиберъ, Н. А., сельск. хоз. X. 55.
 Филиберы. I. 191, 192.
 Филиппеусъ, К. Ф., чив. III отд. V—VI. 96.
 Филиповъ, В. Его рец. кн. *С. Бертенсона*.
 IX.
 Филипповъ, П. Н., дѣло Петраш. XI. 5.
 XII. 112.
 Филипповъ, Т. И., гос. дѣят. VII—VIII.
 401. X. 118, 120.
 Филоновъ, полтавс. чин. IX. 19.
 Философова, А. П. II. 216, 221. IV. 50.
 52, 53, 55, 56, 61, 62, 65.
 Фирсовъ, земс. дѣят. I. 196.
 Фишеръ, В. Его пер. *Словацкаго* «Серебр.
 сонъ Саломеи». I. II. III. Его зам.
 «Къ замѣткѣ пр. Г. В. Вульфа «Послѣдн.
 мѣсяцы въ Варшавс. универс.» IV. Его
 рец. 1) кн. *Когана*. III, 2) кн. *Иванова-*
Разумника. IV. 3) кн. *Д. Дарскаго*. V—VI.
 4) кн. *Ашевскаго*. VII—VIII. 5) кн.
Д. Дарскаго. XI. 6) кн. *В. С. Федина*. XI.
 7) кн. *Боброва*. XII.
 Фіалковскій, пол. дѣят. II. 158, 161.
 Флеммингъ. IV. 166.
 Флери, пед. XI. 25.
 ф.-д.-Флнтъ, физ. III. 229.
 Флоровскій, А. В. Его ст. «Научн. труды
 В. И. Семевского». X. Его рец. кн.
Фирсова. IX.
 Фонвизинъ, А. И. II. 52. XI. 12.
 Фонвизинъ, И. А. XI. 12.
 Фонвизинъ, М. А., дек. X. 134, 135. XI. 12.
 ф.-Форселлесъ, Э. VII—VIII. 321.
 Форсманъ. V—VI. 364.
 Фоссатъ, К. Рец. *П. Шаскольскаго* его кн.
 «Хр. св. Софін въ Царьгр.» XII.
 Фофановъ, К. М., посты. VII—VIII. 403.
 Франкъ, Г., пол. аг. II. 153, 160. III. 166.
 Франкъ, М. С. XII. 234.
 Фрасеръ, Г., полк. X. 160.
 Фрейганъ, ценз. II. 26.
 Френкель, А., пмс. X. 165.
 Фридлендеръ, Л. Рец. *К. Успенскаго* его
 кн. «Картин. възъ бытов. ист. Рима».
 V—VI.
 Фридманъ, Я. Л., фни. XII. 234.
 Фридрихъ-Вильгельмъ III. III. 34.
 Фридрихъ-Вильгельмъ IV. III. 6, 7, 11—13.
 21, 42, 47.
 Фриче, В. Его ст. «Изъ истор. вѣм.-польск.
 отношен.» II. Его рец. кн. *Вернона Ли*.
 IV.
 Фроленко, М. О. Его ст. «А. С. Поспикова
 и Петровс. акад.» X. Его: «Памяти усопш.

друга бывш. шпессельб. узник.» Х.
О немъ: V—VI. 330, 332, 335. IX. 113.
XII. 37.
Фуксъ, Х. 185—187.
Фуксъ, В. Я., ценз. XI. 119, 125.
Фуксъ, Э. Я., сен. I. 228, 233, 250.
Фурсовъ, В. В., чян. I. 228, 230, 231, 238.

X.

Ханыковъ, IX. 120, 135.
Ханыковъ, А. В., петраш. II. 44, 52—56,
60, 61. III. 56. IV. 175, 181, 184—188,
191, 192. XI. 7—12, 20, 25.
Хардинъ, А. Н., земс. дѣят. XII. 229, 230.
Харламовъ, худ. VII—VIII. 415.
Харламовичъ, К. В. Рец. *Н. Василенко*
его кн. «Малорос. вліян. на великорусск.
церковн. жизнь», т. I. IV.
Херасковъ, И. М. Его ст. 1) Фр.-прусс.
война и масонство. VII—VIII. 2) Изъ
ипостр. журнал. IX. 3) Дантонъ и процес.
короля. XII.
кн. Хилковъ, Д. А., толст. IX. 198.
Хлюдовъ, фабр. X. 57.
Хлѣбникова, арт. XI. 40.
к.-д.-Ховель, адъют. X. 159.
Ховрины, знак. Турген. IX. 188.
Хомпскій, С. О., губ. IV. 194.
Хомяковъ, А. С. II. 205. IV. 114. V—VI.
36, 38. IX. 93. X. 114.
Хотьковъ, Н. В., уч. рис. IV. 223, 225.
VII—VIII. 182, 183.
Храповицкій, А. В., сен. IV. 189. VII—VIII.
352.
Христофоровъ, А. Х., общ. дѣят. XII. 232.
Хрушовъ, А. П., нач. воен. отд. I. 141.
III. 124, 125, 127, 128, 136.
Хугбергъ, С. В. VII—VIII. 289.
Худяковъ, И. А., дѣло Карак. IV. 63.

Ц.

Цѣтковъ, В. Н., чян. III. отд. I. 246.
II. 145—148, 150, 152—154, 156—158.
III. 156, 158, 162, 163, 168—170, 172—174.
IV. 95, 98, 101, 102. V—VI. 90, 92—94,
102.
Ц-ва, В. П. VII—VIII. 101.
Ц-вы. VII—VIII. 101.
кн. Цертелевъ, А. А. X. 61, 62.
кн. Цертелевъ, Д. А. X. 61, 63, 64.
Цилліакусъ, фин. сен. VII—VIII. 290,
292, 293, 305.
Цитовичъ, проф. X. (45).
Цюнь, оф. X. 182.
Цѣпковский, проф. III. 293.
Цявловскій, М. А. Его ст. I. Его сообщ. 1)
Тоска по чужб. у. Пушкина. 2) «Петерб.-
Москва-провинц.» VII—VIII.

Ч.

Чаадаевъ, П. Я. I. 35, 41. IV. 114.
Чайковский, Н. В. IX. 99, 100.

Чаплицкая, А. П. IV. 194, 198.
Чарскій, арт. XI. 54.
кн. Чарторыйская, И. XI. 216, 217.
кн. Чарторыйскій, Ад. XI. 211—221.
кн. Чарторыйскій, К. XI. 215.
Чевкипъ, К. В., гос. дѣят. XI. 208.
Ченцовъ, шт.-ад. I. 237, 238.
Чепурновъ, V—VI. 355.
Чоревинъ, П. А., ген.-м. I. 226. II. 146—148,
150, 151. IV. 102. V—VI. 101, 103. VII—
VIII. 298, 299, 304.
Черкасовъ, худ. XII. 121.
кн. Черкасскій, дѣло Петраш. IV. 182.
кн. Черкасскій, дѣят. крест. реф. I. 141,
144, 147, 152—160, 162, 196. III. 127,
132, 134, 136, 145, 147, 150, 151. V—VI.
337.
Черкесовъ, япр. суд. IV. 71—73.
Черносвитовъ, петраш. XII. 113.
Чернышевская, Е. Е. I. 7.
Чернышевская, О. С. I. 5—7, 10—12,
15—17, 26.
Чернышевскій, Г. И. I. 7—10, 12, 15, 16,
18, 21, 25, 29, 30, 33.
Чернышовскій, Н. Г. I. 5—34, 209, 210,
216. II. 56. III. 232. IV. 47, 49, 50, 118,
119, 128, 187, 194. V—VI. 30, 34, 40—42,
44—46, 49—53, 129, 323. IX. 91, 122,
181, X. (9, 32, 104), 85, 91—94, 97—100,
102, 104—108. XI. 175.
гр. Чернышовъ, З. Г. VII—VIII. 341, 342.
Чернявская, Г. Ф., пол. дѣят. IX. 102.
Черняевъ, В. В., дѣят. по сельск. хоз.
X. 45.
Черняевъ, М. Г., ген. V—VI. 310, 328.
Чертковъ, В. Г. IX. 198. XI. 163—167,
183, 187, 188, 191.
Чертковъ, М. И., кievс. г.-губ. III. 163.
Чеховъ, А. П. Рец. *А. Дермана* его «Пи-
семъ», т. 6». IX.
Чивилевъ, дир. Двор. инст. XII. 99.
Чижовъ, О. В. II. 205.
Читау I, арт. X. 118. XI. 39, 40, 61.
Чичаговъ, В. Я., адм. VII—VIII. 340.
Чичеринъ, ген. VII—VIII. 351.
Чичеринъ, Б. Н. IX. 181.
Чубаровъ, пол. дѣят. IX. 102.
Чубинскій, М. П. Его ред. кн. «Украинск.
вопросъ». I.
Чудениусъ, А. VII—VIII. 327.
Чупровъ, А. И. IX. 6. X. (24, 31, 37, 41).
Чуфаровскій, Н. А., чян. въ Пол. III. 124,
135.

Ш.

Шапошниковъ, В., пол. аг. II. 54. XI. 9,
10, 16, 17, 27. XII. 113.
Шапошниковъ, П. Г., таб. торг. (дѣло
Петраш.) II. 54. XI. 5, 6, 17—27. XII.
102, 113, 117, 118.
Шараповъ, С. О., пис. V—VI. 398, 399, 401.
Шаскольскій, П. Его рец. 1) кн. *Н. Д. Оку-
нева*. XII. 2) *К. Фоссати*. XII.
Шатиловъ, Н. Его ст. 1) «Изъ недавн.
прошлаго». I. IV. VII—VIII. IX. X. XII.

- 2) «М. Н. Катков». (Одинъ изъ памфлет. 70-хъ г.г.). XI.
- Шатиловы, I. 182, 183; I. Н.—I. 165, 166. IV. 212, X. 51, 52, 53, 54, 56; И. В.—I. 173, 174. IV. 209, 215, 216, 224. X. 46.
- Шауманъ, X. 155.
- кн. Шаховской, А. А., драмат. XI. 112.
- кн. Шаховской, Ю. И., столбн. VII—VIII. 365, 366.
- Шашкевичъ, М., укр. общ. дѣят. VII—VIII. 192, 198, 207, 212.
- Шашковъ, С. С., сиб. общ. дѣят. V—VI. 275.
- Шварцъ, В. Г., худ. VII—VIII. 186.
- Шведовъ, фля. III. 221, 226.
- Шебалинъ, М. О. Его: «Памяти усони. друга бывш. шлессельб. узникъ» X.
- Шевыревъ, П. XII. 234.
- Шелгунова, Л. П. IV. 63.
- Шелгуновъ, Н. В. I. 26—29. II. 32, 40, 217. III. 83. IV. 45. V—VI. 331. VII—VIII. 128, 130, 131. IX. 121. XI. 138, 140, 141, 145, 146.
- Шемякинъ, В. И., зав. ц.-прлх. школ. IV. 219—221.
- Шеншина, Е. С. II. 205.
- Шеншинъ, ад. Закревс. IV. 206.
- Шеншинъ (Фетъ), А. А. III. 233. IV. 133, 136, 139. V—VI. 28—37. XI. 191.
- Шереметевъ, III. 172.
- г-р. Шереметевъ, П. Рец. В. И. *Стороженко* его кн. «Вяземы». XII.
- Шереметевы, студ. (дѣло Петраш.) XII. 99.
- Шереметьевскій, В. П., нед. II. 193.
- Шестаковъ, И. А., адм. IV. 52, 53.
- Шерешевскій, XII. 234.
- Шердль, проф. III. 293.
- Шестремъ, Ф. А. V—VI. 354. VII—VIII. 311, 314.
- Шеховичъ, С., укр. яз. VII—VIII. 209, 211, 214.
- Шимановскій, Ю., уч. гимн. V—VI. 58. VII—VIII. 140, 150—153.
- Шипулинскій, докт. V—VI. 34.
- кн. Ширинскій-Шихматовъ, А. П., пон. кievс. уч. окр. IV. 142, 143, 152.
- Шихмановъ, адм. XI. 91.
- Шишкянъ, И. И., худ. VII—VIII. 174, 175.
- Шишкянъ, А. А. I. 26.
- Шкарянъ, арт. XI. 61.
- Шлезинъ, В., ротм. V—VI. 350, 351, 356, 357.
- Шмагинъ, гор. стар. IX. 249.
- Шмеллингъ, уч. XI. 25.
- Шмидтъ, Н. К., сен. I. 232, 234—237, 239, 243—245, 249. II. 137, 141—144, 147, 153, 158, 162, 163. III. 156, 165—167, 173. IV. 97, 99, 100, 105, 106, 108, 109. V—VI. 87—93, 99—101, 103.
- Шмидтъ, III. 221, 228, 229.
- Шпетъ, Г. Рец. Н. *Картева* его кн. «Истор., какъ проблем. логики». IX.
- Шрейдеръ, Г. Его ст. 1) «Къ Балканск. вопросу». II. 2) «Папа, Бисмаркъ и Вильгельмъ». IV. 3) «Изъ истор. фр.-итал. отнош.» V—VI. 4) «Англ., Франц. и Италія». X.
- Штакельбергъ, пос. въ Вѣнѣ. XI. 219.
- гр. Штакельбергъ, О., динш. IV. 158. V—VI. 174.
- Штакешнейдеръ, Е. А., Ея ст. 1) «Изъ воспомин. о О. М. Достоевскомъ». II. 2) «Изъ дневникъ». IV. О ней: II. 221. III. 234, 235, 239, 240. VII—VIII. 107—142. XI. 114—138.
- гр. Штейнгель, г.-губ. Фля. VII—VIII. 295.
- бар. Штейнгель, В. И., дек. V—VI. 286. 287, 291, 292, 294, 296, 299.
- Штеркъ-фонъ-Гвяздовскій, I. С., ком. бѣ. Пол. V—VI. 88.
- Шторхъ, Г., ак. V—VI. 178.
- Штрайхъ, С. Я., пис. X. (20, 22, 27).
- Штюрмеръ, ген.-м. XI. 154, 155.
- Шубертъ, А. И., проф. XI. 36, 114.
- Шубинскій, С. Н., ред. Ист. Вѣст. VII—VIII. 406, 407.
- гр. Шувалова, Е. П., ст.-дам. IV. 169.
- Шуваловъ, I. 151, 159. III. 150.
- гр. Шуваловъ, фл.-ад. V—VI. 98.
- гр. Шуваловъ, Петръ А., ген.-ад. XII. 68, 69.
- гр. Шуваловъ, Петръ А., шефъ жанд. II. 83, 85—88, 91, 142, 143. IV. 72, 75.
- гр. Шуваловъ, Пав. А., ген.-ад. V—VI. 93.
- гр. Шуваловъ, Пав. П. I. 225. II. 141—144, 148—151, 153—161, 163. III. 158, 161, 165—167, 170—173, 176. IV. 96, 97, 99, 105. V—VI. 86, 88—91, 94, 97, 103.
- гр. Шуваловъ, П. П., одес. град. V—VI. 386—389.
- Шульгинъ, В. Я., ред. Киев. IV. 141.
- Шульманъ, Н. Г., ген. II. 137. IV. 98.
- Шультегъ, Г. VII—VIII. 296.
- Шульцъ, А. О., упр. III отд. I. 228, 233, 239, 250.
- Шумахеръ, моск. гор. голова. IX. 31.
- Шумигорскій, Е. С., ист. V—VI. 401. 402.
- Шумскій, С. В., арт. XI. 103, 115.

Щ.

- Щановъ, А. П. V—VI. 275. X. (80, 81, 100, 105, 106, 110).
- Щегловитовъ, И. Г., гос. дѣят. V—VI. 186.
- Щегловъ, ист. X. (101, 102).
- Щеголевъ, П. Е. Его некрол. В. И. Семеновскаго. X.
- Щекинъ, И. А., моск. гор. гол. IX. 249.
- Щепкинъ, Е. Его рец. кн. В. И. *Григоревича*. XI.
- Щепкинъ, М. П., проф. II. 193.
- Щепкинъ, М. С. арт. II. 178, 179, 186, 187. IX. 176.
- Щербакъ, куп. VII—VIII. 222, 223.
- кн. Щербатова. VII—VIII. 352.
- кн. Щербатовъ, А. П. I. 224. II. 142, 153, 156, 158—161. III. 156, 159, 165—175. IV. 95, 102, 105, 109. V—VI. 87, 89, 90, 92—102.

Щербачевы: Е. Н., А. И., М. Н., С. Н.,
Ю. Н. X. 60, 62.
Щербина, Н. Ф. IV. 67. V—VI. 30.
Щербининъ, ценз. XI. 118, 125. XII. 141,
145.
Щиглевъ, В. Р., поэтъ. IX. 40—53.

Э.

Эггеръ, ген. въ Пол. III. 123, 128.
Эльслеръ, Ф., арт. XI. 104.
Энгельгардтъ, агроп. II. 96, 100.
Энгельгардтъ, А. Н. IV. 51, 52, 54. VII—
VIII. 129, 138.
Энгельгардтъ, С. В., пис. IX. 173, 178.
Энгель, Ю. Д. IX. 246, 250.
Эпштейнъ, фокус. IX. 26.
Эрисманъ, Ф. Ф., проф. II. 241—253. IX.
133.
и. Эристовъ, ад. губ. Долгор. IX. 23.
Эрнрутъ, К., мип., ст.-секр. Филл. VII—
VIII. 312, 315, 317, 324.
Эрнъ, Р. И., бургом. Выб. V—VI. 344,
345, 349, 358, 360. VII—VIII. 301.
гр. Эстергази, эмигр. X. 79.
ф. Эттеръ, ст. сов. VII—VIII. 312, 315—317.
Эфронъ. V—VI. 398—400.

Ю.

Юдинъ, П. И. Зам. Е. М. Еришовой о его
сообщ. «Изъ воспоминап.» II. О немъ:
IV. 271.
Южаковъ, С. Н. III. 83. X. (39).
Юзефовичъ, Б. М. V—VI. 377, 384—386.
Юмъ, медиумъ. X. 63.
Юнгъ, Е. О., родств. Л. Н. Толст. IV. 51.
XI. 198, 200.
Юнгъ, Н. К., чип. V—VI. 100.
Юргевичъ, проф. X. (47).
Юрковский, пол. дѣят. IX. 103, 104.
Юрловъ, мичм. V—VI. 12.
Юрьевичъ, С. А., геп.-ад. I. 33.
кн. Юрьевская. V—VI. 365, 368. IX. 30.
XII. 128.
Юрьевъ. кад. VII—VIII. 221.

Я.

Яблочкинъ, режисс. XI. 109.
Ядринцева, А. О. X. (106, 107).
Ядринцева-Злобина, Л. Н. X. (107).
Ядринцевъ, Н. М., сиб. общ. дѣят. X.
(100, 105—109, 112).
Языковъ, Н. М., поэтъ. IV. 132. IX. 177.
Якимова, А. В., народов. V—VI. 92.
IX. 113.
Якобсонъ. XII. 234.
Яковлевъ, дѣло Петрап. IV. 182.
Яковлевъ, худ. VII—VIII. 183.
Якушкинъ, В. Е. X. (41).
Якушкинъ, Е. Е. X. 133.
Якушкинъ, Е. И., дек. X. 133.
Якушкинъ, П. Н. VII—VIII. 144, 145.
XII. 228.
Янжулъ, Е. Н. X. (41).
Янжулъ, И. И., проф. X. (41).
Яницкій, Я. Рец. А. Кауфмана его кн.
«Эконом. кризисъ въ Новгород. области
XVI в.» V—VI.
Яковскій, Е. О., адмип. I. 143, 225.
Яповскій, докт. II. 53.
Яновъ, А. С., худ. VII—VIII. 183. XI. 55,
60.
Ярошенко, Н. А., худ. VII—VIII. 175—
XI. 193.
Ярошенко, С. П., проф. III. 291, 293.
Ястржембскій, И., петрап. XI. 5.

Ө.

Өедоровъ, Б. Д. Его рец. кн. 1) Полож.
19 ф. 1861 г. о крест., вышедш. изъ
крѣпост. зависим. XI. 2) Полож. о
Губерн. и Уѣздн. земск. учрежд. 1 янв.
1864 г. XI.
Өедоръ Кузьминъ. I. 181.
Өедотова, Г. Н., арт. IX. 26.
Өедотовъ, худ. VII—VIII. 174.
Өеохтистовъ, Е. М., нач. Гл. Упр. по дѣл.
печ. VII—VIII. 401, 402.
Өирсовъ, Н. Его ст. «В. И. Семейскій-
историкъ русск. крестьянства». X. Его
реп. 1) кн. Кизеветтера. II. 2) кн. А. В.
Флоровскаго. IX.
Өомина, лейт. XI. 64.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1918 г.

на большую ежедневную демократическую и социалистическую газету

„ВЛАСТЬ НАРОДА“

2-ой годъ
изданія

Издание т-ва „Кооперативное Издательство“ въ Москвѣ.

ЗАДАЧИ ГАЗЕТЫ:

„Власть Народа“ служить дѣлу объединенія всѣхъ живыхъ силъ страны въ ихъ стремленіи укрѣпить республиканскій строй въ Россіи.

„Власть Народа“ ведетъ неустанную борьбу противъ всякихъ сознательныхъ или безсознательныхъ попытокъ уничтожить завоеванія февральской революціи.

„Власть Народа“ отстаиваетъ нераздѣльность Россіи и объединеніе ея народовъ и областей на основахъ федеративной республики.

„Власть Народа“, не являясь партійнымъ органомъ, стремится къ объединенію стоящихъ на государственной точкѣ зрѣнія теченій русскаго социализма.

„Власть Народа“ уделяетъ особое вниманіе вопросамъ коопераціи и народнаго хозяйства.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ГАЗЕТЫ:

Отдѣлъ общественно-политическій: Н. В. Валентиновъ, В. В. Водовозовъ, Б. Н. Вороновъ, В. Гриневичъ, Е. Д. Кускова, Л. С. Козловскій, К. Н. Малянтовичъ, П. Н. Малянтовичъ, Н. К. Муравьевъ, А. М. Никитинъ, А. Б. Петрищевъ, Г. В. Плехановъ, А. Н. Потресовъ, А. Ю. Рапопортъ, А. Ф. Саликовскій, Г. Б. Сандомирскій, Е. Смирновъ (Э. Л. Гуревичъ), А. А. Тарасевичъ, А. М. Фингендлеръ, В. Левицкій (В. О. Цедербаумъ) и др.

Экономическій отдѣлъ: В. И. Анисимовъ, Л. Б. Кафенгаузъ, Б. Н. Коварскій, П. И. Макаровъ, П. И. Масловъ, К. А. Мацневичъ, А. Н. Мининъ, Н. П. Огановскій, С. Н. Прокоповичъ, Л. М. Пумпянскій, А. А. Рыбниковъ, А. В. Чаяновъ и др.

Рабочій вопросъ и кооперація: Л. М. Армандъ, А. М. Беркенигеймъ, В. Н. Зельгеймъ, А. Е. Кульжнй, Н. Н. Куренныхъ, Е. О. Ленская, А. В. Меркуловъ, А. С. Орловъ, Вл. Н. Ткалевскій, В. В. Хизяяковъ, Н. В. Чайковскій и др.

Фельетонъ и замѣтки: И. А. Бунинъ, В. В. Вересаевъ, А. Г. Горифельдъ, В. В. Каррикъ, П. С. Коганъ, В. П. Кранихфельдъ, В. Л. Львовъ-Рогачевскій, В. Я. Муриновъ, Н. Никандровъ, М. А. Осоргинъ, А. Б. Петрищевъ, Б. Ропшинъ (Б. В. Савиновъ), Андрей Соболевъ, Я. А. Тугѣндхольдъ, Е. И. Чириковъ, Н. С. Шмелевъ и др.

ПОДПИСКА, въ виду измѣненія расходовъ на бумагу, печать и проч. принимается только на первое полугодіе 1918 г.

По Москвѣ съ доставкой на домъ подписка не принимается совсѣмъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой (для иногороднихъ); на 6 мѣс.—30 руб., на 3 мѣс.—16 руб., на 1 мѣс.—6 руб.

Льготная подписка: кооперативамъ, социалистическимъ организаціямъ, профессиональнымъ союзамъ, рабочимъ клубамъ, народнымъ домамъ, народнымъ библіотекамъ и народнымъ учителямъ и учащимся при непосредственномъ обращеніи въ Главную контору—на 6 мѣс. 28 руб., на 3 мѣс. 15 руб. на 1 мѣс. 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) въ Главной конторѣ — Москва Б. Дмитровка 26, 2) въ Московскомъ Народномъ Банкѣ—Мясницкая, 15.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 г.
НА ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“
(6-й годъ изданія).

Для печатанія въ 1918 году редакціей приобрѣтены новыя значительныя матеріалы и воспоминанія по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, по исторіи русскаго быта и царскаго режима.

При журналѣ въ 1918 г. будутъ издаваться историко-литературныя альманахи; подписчики журнала получаютъ право приобрѣтать ихъ по значительно удешевленной цѣнѣ. О содержаніи и цѣнѣ альманаховъ будетъ объявлено въ январской книгѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на годъ 40 руб., на $\frac{1}{2}$ года 22 р.,
на 4 мѣсяца 15 руб.

Послѣ 15 января 1918 г. цѣна на журналъ будетъ повышена въ зависимости отъ роста цѣнъ на производство. Для годовыхъ подписчиковъ, подписавшихся до 15 января 1918 года, цѣна останется безъ перемѣны.

— — — — — Перемѣна адреса 60 коп. — — — — —

Въ виду отказа газетной экспедиціи почтамта доставлять періодическія изданія по городу Москвѣ, журналъ высылается городскимъ подписчикамъ простой бандеролью; принимая же во вниманіе, что при такомъ способѣ пересылки часто теряются книги, Контора журнала предлагаетъ городскимъ подписчикамъ получать №№-ра журнала въ конторѣ; желающіе же получить журналъ ЗАКАЗНОЙ бандеролью, должны доплатить къ подписной платѣ 3 руб. въ годъ.

Городскіе подписчики при подпискѣ благоволятъ указывать, какимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ они будутъ получать журналъ. Подписчикамъ, не давшимъ отвѣта на поставленный вопросъ, журналъ будетъ высылаться простой бандеролью, и Контора въ этомъ случаѣ не отвѣчаетъ за пропажу номеровъ журнала.

Продолжается подписка на 1917 г. (безъ № 1 и 2) по цѣнѣ 25 р., за второе полугодіе (съ № 7) — 15 руб

Подписка принимается:

въ Москвѣ, въ Конторѣ журнала: Воеводвиненка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9. Въ отдѣленіи Конторы; Петроградъ, Гончарная, 24. Книгоиздательство «ЗАДРУГА».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 4 до 6 час.

Отд. редакціи въ Петроградѣ: В. О., 8 линія, д. 59, кв. 12. Пріемъ ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Цѣна 6 руб.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛГУНОВЪ.**

Тип. Т-ва Рабушиныхъ. Москва.